

Айрис Мёрдок

Iris Murdoch

Замок на песке
Колокол

Замок на песке. Колокол

Айрис Мердок

Аннотация
Айрис Мёрдок. Замок на песке. Колокол
Замок на песке
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

Глава 20
Колокол
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24

Глава 25
Глава 26

Аннотация

«Замок на песке» (1957)

Жизнь Уильяма Мора, школьного учителя истории в маленьком сонном городке, мало чем отличается от жизни его соседей: стабильная работа, семья, двое детей. Но все меняется, когда в город приезжает яркая и остроумная художница Рейн Картер… Любовь к молодой женщине рушит привычный уклад жизни Уильяма как песочный замок. Но что, по сути, страшнее – оставить семью или не попытаться изменить жизнь, в которой нет места любви и чувству?

«Колокол» (1958)

Старинная легенда гласит: колокол женского монастыря Имбер упал с колокольни, когда молодая монахиня нарушила обет, тайно встретившись с возлюбленным. Прошли века, а колокола в аббатстве по-прежнему нет… Как нет и покоя мятущимся душам обитателей общины, расположенной неподалеку в имении Имбер-Корт. Общины, основанной на религиозных принципах и объединившей людей, желающих жить простой и праведной

жизнью.

А когда в Имбер-Корт появляются двое новых постояльцев – энергичная и непосредственная Дора Гринфилд и наивный восемнадцатилетний юноша Тоби, – отношения между всеми героями начинают завязываться в тесный клубок, распутать который будет очень непросто…

Айрис Мёрдок
Замок на песке. Колокол

© Iris Murdoch, 1957, 1958
© Перевод. О. Редина, 2023
© Перевод. И. Трудолюбова, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Замок на песке

Глава 1

— Пятьсот гиней! — воскликнула жена Мора. — С ума сойти!

— Рыночная цена, — пробормотал Мор.

— Что ты там бормочешь? Выплюнь эту дурацкую сигарету, а то ничего не разобрать.

— Я говорю, это рыночная цена, — повторил Мор уже без сигареты.

— Бладуард написал бы задаром.

— Бладуард сумасшедший. По его мнению, писание портретов — порочное занятие.

— А я считаю, что правление вашей школы — собрание сумасшедших. У вас, должно быть, денег куры не клюют! Сначала это прожекторы для освещения, а теперь новая напасть. Освещать школу прожекторами! Словно за день эта школа не успевает намозолить глаза!

— Подождем Фелисити или без нее позавтракаем? — спросил Мор.

— Нет, ждать не будем. Она всегда приезжает домой такая хмурая, ей будет явно не до еды.

Фелисити, дочь Мора и Нэн, вот-вот должна была вернуться из пансиона, так как занятия отменили из-за эпидемии кори.

Они сидели за столом друг против друга. Крошечная столовая. Массивная полированная мебель. Створки окон распахнуты во всю ширь, а за ними жаркий, томительный полдень. И небольшой палисадник. А дальше дорога, по обочинам стоят аккуратные домики, глядясь окнами друг в дружку, как в зеркало. Городок застроен сплошь новыми домами, вполне в современном духе и весьма солидными. Над крытыми красной черепицей крышами, над поникшей листвой деревьев возвышается в сонном мареве середины лета неоготическая башня школы Сен-Бридж, где учителем и куратором служит Мор. Сейчас время ланча.

— Пить хочешь? — спросила Нэн. И налила себе из большого сине-белого кувшина.

Мор передвинулся вместе со стулом, чтобы выбрать что повкуснее из ряда наполненных компотом бутылок, стоящих на буфетной доске. Только и радости от этой столовой, что до всего можно дотянуться рукой.

— А Дональд придет вечером повидать Фелисити? — спросила Нэн.

Дональд, сын Нэн и Мора, учился в шестом, выпускном, классе Сен-Бридж.

— У него дежурство в младших классах, — ска-

зал Мор.

— Скажите пожалуйста, дежурство в младших классах! — передразнила Нэн. — Ты бы мог избавить его от дежурства в младших классах! Вы трусы оба, каких свет не видывал. Не дай бог нарушить правила! Можно подумать, ты дал клятву верности Сен-Бридж!

— Дон сам против привилегий, — коротко бросил Мор. В сущности, с этого пункта и начался сегодняшний спор. Без особого энтузиазма Мор нарезал мясо. — Поскорее бы Фелисити приехала.

— Нет, я все-таки поговорю хорошенько с Доном, — сказала Нэн.

— Только не пили его насчет экскурсии.

Дон мечтал на каникулы поехать в горы. Родители были против.

— Что значит — «не пили»! — возмутилась Нэн. — Мы же родители, мы за детей отвечаем.

— Пусть сначала сдаст экзамены, потом поговорим. Зачем ему лишние волнения. — Дональду вскоре предстоял вступительный экзамен по химии в Кембридже.

— Пустим все на самотек, а потом нас поставят перед фактом, — возразила Нэн. — Мне Дон сказал, что от этих альпинистских планов они

отказались. А вот миссис Пруэтт вчера сообщила, что вопрос все еще обсуждается. У вас там детишки, кажется, взяли за правило лгать родителям, вопреки всем разговорам о правдивости.

Хотя Мор нынче полностью отошел от религии, все же воспитан он был как методист. Поэтому глубоко верил, что безупречная честность — основа и условие существования всех прочих ценностей. Тем горше было обнаружить, что его собственные дети, так скажем, достаточно равнодушно воспринимают этот постулат. Он отодвинул тарелку.

— Не будешь есть? — деловито спросила Нэн. — Ну так я доем, согласен? — Потянувшись острозубой вилкой через стол, она забрала мясо с тарелки Мора.

— Слишком жарко, не хочется есть, — сказал Мор. Он посмотрел в окно. Башня школы нелепо торчала в дрожащем от зноя мареве. С проходящей неподалеку магистрали доносился приглушенный, не прекращающийся ни ночью ни днем гул автомобилей. Городок располагался на полпути между Лондоном и побережьем. Среди полуденной жары этот гул напоминал жужжание насекомых в зарослях. Летом время тянется, тянется, тянется бесконечно.

— Помнишь, как Лиффи, бедная, не любила жару? — произнес Мор.

Лиффи, их собаку, золотистого ретривера, два года назад на шоссе сбила насмерть машина. Пес связывал Мора и Нэн, это была связь, которую не смогли создать даже их дети. И Мор интуитивно нашел средство — чтобы задобрить Нэн, он вспоминал Лиффи.

Лицо Нэн в самом деле тут же смягчилось.

— Бедняжка, — вздохнула она. — Любила носиться по лужайке за собственной тенью. Просто до изнеможения.

— Любопытно, сколько еще продлится эта жарища, — проговорил Мор.

— В других странах наслаждаются летним теплом. А у нас только и разговоров что о жаре, — вздохнула Нэн. — Невыносимо.

Нэн доедала завтрак, Мор молчал. Семейная идиллия навевала на него дрему. Потянувшись, он зевнул и принялся разглядывать пятно на скатерти.

— Сегодня вечером мы обедаем у Демойта, ты не забыла? — напомнил он жене.

Демойт, бывший директор Сен-Бридж, ныне вышедший в отставку, по-прежнему жил в собственном обширном доме поблизости от школы.

И по заведенному обычаю приглашал супругов Мор к себе отобедать. Для написания его портрета и была выделена сумма в пятьсот гиней, столь возмутившая Нэн.

— Вот наказание, я и забыла, — расстроилась Нэн. — Но там же скука смертная. Позвоню и скажу, что заболела.

— Неужели? Тебе же нравится туда ходить.

— Ах, оставь. А кто еще будет? — Нэн сторонилась шумных сборищ. А Мор, наоборот, любил.

— Будет художница, портретистка. Кажется, вчера приехала.

— А, я читала о ней в нашей газетке. У нее еще имя такое, потешное. Похоже на дождик…

— Рейн Картер.

— Рейн Картер! — воскликнула Нэн. — Бог мой! Дочь Сидни Картера. Он-то уж точно хороший художник. По крайней мере, знаменитый. Если уж так захотелось ухнуть кучу денег, пригласили бы его.

— Он умер. В начале года. Но, по общему мнению, дочь тоже справится.

— Еще бы, за такие деньги. Придется одеться соответственно. Она-то наверняка явится разряженная. Француженки — они такие. Вот не было заботы! Кстати, где же она остановилась?

В «Голове сарацина»?

— Нет. У Демойта. Прежде чем начать писать, она хочет изучить характер, познакомиться с его окружением. Она подходит к портретистике фундаментально.

— Демойт, этот старый осел, наверняка будет в восторге. Но каково выражение! «Фундаментальная портретистика»! Сногсшибательно!

Ехидство Нэн больно задевало Мора, даже когда она насмехалась над другими. Когда-то Мору казалось, что злословие — это всего лишь ее способ самозащиты. Но время шло, и ему все труднее было верить, что Нэн так уж ранима. И все же он держался за созданный когда-то образ беззащитной Нэн, уже исключительно ради собственного спокойствия.

— Ты ведь с ней не знакома, зачем же сразу ехидничать?

— Это что, вопрос? Прикажешь подумать над ответом?

Они взглянули друг на друга. И Мор отвел глаза. Жена сильнее его. Мора глубоко ранило это открытие. И как ни уговаривал он себя, что сила-то ее идет от упрямства и от бессмысленного жестокосердия, чувство стеснения и обиды не проходило. Он видел ее насквозь, и прошло уже

то время, когда удавалось укрываться от этого знания во влюбленности или, на худой конец, в равнодушии. Он порабощен. Он под пятой. Его непрестанно оскорбляют. Ранние годы их брака прошли в общем-то безоблачно. В те времена у супругов был один предмет разговоров — они сами. Этот источник не мог не иссякнуть, а новый им отыскать не удалось… и пришел день, когда Мор понял — та, с которой он до конца дней своих связан, вовсе не считает себя связанной. Право изменяться, возможность отдаляться от него, становиться независимой — эти права она сохранила за собой. В тот день Мор поспешил обновить в памяти свои брачные обеты.

— Извини. — Мор поставил себе за правило: виноват ты или нет, извиниться надо в любом случае. Нэн всегда была готова рассердиться, и надолго. Он первым шел на мировую. Ее упорство было бесконечно. — На самом деле, как говорит Эверард, она чрезвычайно скромная, застенчивая девушка. Рядом с отцом вела совершенно монашеский образ жизни.

Преподобный Джайлз Эверард был новым директором Сен-Бридж и носил прозвище Эви-реви.

— Совершенно монашеский! — насмешливо

воскликнула Нэн. — Во Франции? Это Эвви-реви так думает. Он ведь как завидит кого-нибудь противоположного пола, сразу опускает очи долу, словно барышня. А с другой стороны, даже хорошо, что эта девица будет на обеде. По крайней мере, избавимся от Хандфорт, хотя ты от нее без ума! — Мисс Хандфорт, домоправительницу Демойта, Нэн числила среди своих заклятых врагов.

— Совсем я не без ума от нее, но она такая энергичная, а Демойту рядом с ней хорошо.

— Никакая она не энергичная, — возразила Нэн, — просто голос громкий и болтовню не прекращает ни на минуту, даже когда прислуживает за столом. Меня прямо в дрожь бросает. Кто вообще против условностей, тому незачем держать слуг. Вот мороженое. Хочешь? Нет?

— Она поддерживает в Демойте бодрость духа. По его мнению, когда вокруг шум и гам, перестаешь углубляться в собственные горести.

— Несносный старикан. Глупости все это, — отрезала Нэн. Мор симпатизировал Демойту.

— Поскорее бы Фелисити приехала, — произнес он.

— Не тверди все время одно и то же. Можно у тебя взять ложечку для мороженого? Я свою в

подливке испачкала.

— Мне пора в школу. — Мор взглянул на часы.

— Ты поел, но это не означает, что завтрак закончен. Еще не пятнадцать минут третьего, колокол не зазвонил. И нам надо поговорить с Фелисити о ее будущем, ты не забыл?

— А надо ли? — спросил Мор. Эта реплика была своего рода провокацией, от которой он не мог удержаться и на которую Нэн всегда ловилась. Часть повторяющейся схемы. Его грешок.

— Что значит «надо ли»? — Нэн умела спросить так, что ответ извергался из Мора сам собой.

— «Надо ли» значит, что я не знаю, *что* по этому поводу думать. — Он ощутил внутри холодок, обычно предшествующий раздражению.

— Не беда, я знаю. Наши финансы и ее способности порядком ограничивают выбор, тебе не кажется? — Она посмотрела на Мора в упор. И снова не избежать ответной фразы.

— Давай подождем немного. Фелисити и сама еще не разобралась в своих намерениях. — Мор знал — Нэн может часами продолжать в таком же духе и при этом оставаться совершенно спокойной. Никакие доводы его не спасут. Рассердиться — вот его единственная, по-настоящему действенная защита.

— У тебя привычка считать, что люди не знают чего хотят, если они не хотят того, чего хочешь ты, — заметила Нэн. — Ты смешон, Билл. Фелисити, конечно же, мечтает бросить школу. И если в следующем году она все же поступит на эти курсы машинисток, то уже сейчас нам надо подумать о средствах.

— Я не желаю, чтобы Фелисити стала машинисткой.

— Но почему? Если повезет, она может сделать приличную карьеру. Стать секретаршей у какого-нибудь состоятельного мужчины.

— Я не хочу, чтобы она стала секретаршей у состоятельного мужчины. Я хочу, чтобы она сама стала состоятельной женщиной и чтобы у нее самой был секретарь.

— Ты витаешь в облаках, Билл. Дети у нас совсем не вундеркинды, а ты их убеждаешь в обратном и уже тем самым делаешь несчастными. Втянул Дона в историю со сдачей экзаменов, ну так успокойся на этом. И если бы ты наш брак воспринимал более ответственно, то старался бы быть реалистом. Почувствуй же хоть немного ответственности за детей. Я знаю, насчет себя ты строишь разные несбыточные планы. Но хотя бы ради детей сними розовые очки.

Мору стало не по себе. Выражение «наш брак» всегда резало его слух. Потому что всплывало всегда в связи с каким-нибудь неприятным замыслом, в правильности которого Нэн тут же начинала его убеждать. Он сделал над собой усилие:

— Может, ты и права. И все же я думаю, мы должны подождать.

— Я, несомненно, права.

Последняя реплика эхом отозвалась в голове Мора. Он все время боялся, что в пику безапелляционности Нэн и сам станет излишне категоричным. И он попробовал заговорить о другом:

— Ты сделала перестановку в комнате Фелисити. Но понравится ли ей?

Нэн любила переставлять мебель. Ее стараниями все в доме постоянно двигалось, смещалось, ничья собственность не уважалась, ничьи взгляды, ничьи привычки не учитывались: таким образом удовлетворялось, или так Мору казалось, желание Нэн ощутить себя полновластной хозяйкой в доме. За долгие годы он привык к этой нескончаемой кутерьме, но пренебрежение желаниями детей его обижало.

О *другом* Нэн не пожелала говорить.

— До чего же ты простодушен. По-твоему,

все реакционеры считают женщин тупыми, а прогрессисты, наоборот, умными! На такой сентиментальный феминизм у меня нет времени. А вот ваш обожаемый Эверард ему очень привержен. Я тебе не рассказывала, он уговаривает меня произнести речь на этом глупом обеде.

В честь вручения школе портрета Демойта должен был состояться торжественный обед, дату еще не определили.

— Да, он мне говорил. Надеюсь, ты согласишься. У тебя наверняка хорошо получится.

— Нет, не хочу. Ну зачем и мне, и тебе строить из себя дурачков? Я и Эвви сказала. Ох и глуп же он. Мужчины его поколения буквально напичканы возвышенными идеями насчет эмансипации женщин. Но если он представляет себе свободное общество в виде женщины, произносящей речь на торжественном обеде, то пусть поищет кого-нибудь другого. Он попросил меня «обдумать». Но я лишь рассмеялась. Да он просто смешон.

— Но ты должна попытаться. Вот ты жалуешься на замкнутость нашей жизни, но при этом не пытаешься ничего изменить, внести в нее что-нибудь новое, другое.

— Если ты думаешь, что из-за дурачеств на каких-то там глупых обедах моя жизнь станет,

как ты прелестно выразился, менее замкнутой, то могу тебя поздравить — попал пальцем в небо.

Над деревьями поплыл колокольный звон. Пятнадцать минут третьего. Начало первого послеполуденного урока.

— Мне не нравится, что ты забросила немецкий. Давно уже ничего не учишь, разве не так?

Когда-то Мор тешил себя надеждой, что в силах расширить ее кругозор. В сообразительности Нэн он никогда не сомневался. И все надеялся отыскать в ней какой-нибудь талант. Дом был завален кучей книг, намекающих на области, которыми он пытался заинтересовать жену: французские грамматики, грамматики немецкие, книги по истории, биографии, альбомы репродукций, была даже гитара, на которой Нэн какое-то время бренчала, но так и не научилась играть. Нэн любила сокрушаться по поводу собственной бесталанности и в то же время совершенно не пыталась взяться за дело серьезно, это огорчало Мора. Она намеренно выбрала именно его в посредники между собой и миром и потом на него за это же сердилась. Знакомых у нее было мало, и из занятий только домашняя работа.

— Не зли меня. У тебя нет урока в два пятнадцать?

— У меня «окно», но надо пойти проверить тетради. Вот, кажется, и Фелисити?

— Это молочник. Кофе выпьешь?

— Возможно.

— Если не особо хочешь, не наливай, кофе стоит дорого. На самом деле, тебе ведь все равно, учу я немецкий или нет. Бредни, которыми тебя потчует Тим Берк, вот что тебе интересно. По-твоему, именно я, такая ограниченная, мешаю тебе сделаться в конце концов премьер-министром!

Тим Берк был ювелиром, старинным другом семьи. Попутно занимал кресло председателя местного отделения лейбористской партии и уговаривал Мора стать их депутатом в парламенте. Тут открывались любопытные перспективы. Мора глубоко занимала эта идея.

— Я еще всерьез не задумывался, но вижу, что ты *уже* напугана. — Он и не предполагал, что несогласие жены с его планами может так обижать его. Но во всем этом еще предстояло разобраться.

— Напугана! Ну и словечко ты нашел! Да я просто трезво смотрю на вещи. Я не хочу, чтобы над нами потешались. Милый мой, я все понимаю, это очень заманчиво, Лондон и все такое, а на деле все обернется вот чем — крохотное жалованье,

гигантские расходы и никаких гарантий. Чтобы быть членом парламента, надо иметь постоянный источник доходов. Ты же хочешь объять необъятное. Отправить Фелисити в дорогую школу — твоя придумка. Послать Дона в Кембридж — тоже захотел ты.

— Он будет получать вспомоществование от здешней администрации, — пробормотал Мор. В настоящую минуту он не хотел вступать в спор. Предпочитал поберечь энергию.

— Ты не хуже меня знаешь, — продолжила Нэн, — что вспомоществование от администрации — это капля в море. Он мог бы поработать у Тима. Мог бы попутешествовать, посмотреть мир. А в Кембридже он одному лишь научится — подражать богатеньким приятелям.

— Его заберут в армию.

Убедив Дональда готовиться к поступлению в университет, Мор одержал победу, что случалось нечасто в его жизни. И вот с тех самых пор и расплачивался за эту победу.

— Беда в том, Билл, что, несмотря на все свои громогласные лейбористские декларации, в душе ты просто сноб. Ты мечтаешь, чтобы твои дети стали «леди и джентльменами». Но, не говоря уже о деньгах, ты, увы, просто не из того теста,

из которого получаются общественные деятели. Пиши свой школьный учебник, так будет лучше.

— Я уже объяснял — это не учебник. — Мор писал книгу о природе возникновения политических идей. Писал уже несколько лет, работа продвигалась медленно. Но ведь у него так мало свободного времени.

— Ну, не сердись. Зачем сердиться. Что не учебник, это жаль, конечно. На учебниках можно неплохо заработать. А если мы срочно не достанем откуда-нибудь денег, то придется поумерить аппетиты. О каникулах на континенте останется только мечтать. Даже наш скромный отдых в Дорсете по сути своей будет испорчен, особенно если мы с Фелисити уедем прежде, чем закончится учебный год.

— Нэн, бога ради, перестань! Хватит о деньгах! — Мор встал. Ему уже давно пора быть в школе.

— Когда ты вот так со мной разговариваешь, Билл, я перестаю понимать, зачем мы вообще продолжаем жить вместе. Я думаю, может, нам развестись? — Нэн время от времени повторяла эту фразу, всегда спокойным, бесстрастным тоном, избранным ею для споров с мужем. Это тоже была часть ритуала. Настал черед реплики Мора.

— Не говори чепухи, Нэн. Прости, что своими словами тебя огорчил.

Сцена изменилась моментально. Нэн встала, и они вместе начали убирать со стола.

Из прихожей донесся какой-то звук.

— Фелисити! — воскликнул Мор и быстрым шагом прошел мимо жены.

Фелисити закрыла за собой дверь и поставила чемоданчик на пол. Родители смотрели на нее, остановившись в дверях столовой.

— Здравствуй, детка, — сказала Нэн.

— Привет, — ответила Фелисити.

Ей было четырнадцать лет. Тоненькая, стройная, для своего возраста довольно рослая, с очень светлой кожей, к лету имевшей обыкновение покрываться щедрой россыпью золотистых веснушек, с чуть выпуклыми глазами, которым было присуще вопросительно-изумленное выражение. Глаза у нее были материнские, синие, но при этом к синеве примешивался еще какой-то неуловимый затуманивающий синеву оттенок. У Нэн были темно-русые, от природы волнистые волосы. У Фелисити — такого же цвета, но светлее и невьющиеся, собранные сейчас в конский хвост, торчащий из-под школьной шапочки. От отца она ничего не унаследовала. Дон, вот кто

получил и темные, жесткие, курчавые волосы Мора, и его костистое лицо с чертами неправильными до некрасивости.

Фелисити сдернула шапочку и метнула ее в направлении столика. Шапочка упала на пол. Нэн подошла, подняла шапочку и поцеловала дочку в лоб.

— Как занятия, детка, все благополучно?

— Ничего, нормально.

— Привет, старушенция, — улыбнулся Мор, похлопав дочь по плечу.

— Привет, папа. А Дон здесь?

— Нет, доченька, но завтра придет наверняка, — ответила Нэн. — Ты проголодалась? Я приготовлю завтрак.

— Я не голодная, — ответила Фелисити, берясь за ручку чемодана. — Ничего, папа, не волнуйся, я отнесу сама.

— Что ты собираешься делать вечером? — спросила Нэн.

— Я же только что приехала. Еще не знаю.

Она начала подниматься по лестнице. Родители молча смотрели ей вслед. Через минуту наверху громко хлопнули дверью.

Глава 2

Был светлый, тихий вечер. Затворив двери шестого класса, Мор широким шагом прошел по коридору. За дверью тут же загалдели. Он только что провел урок истории на классическом отделении. Дональд тоже учился в шестом, но на естественно-научном отделении, и вот уже два года как выбыл из числа учеников Мора, к величайшему облегчению последнего. Мор преподавал в Сен-Бридж историю, а если требовалось, то и латынь. Он любил свою профессию и знал, что обладает педагогическим талантом. В школе его уважали. А с уходом Демойта стали уважать еще больше. И сознание этого в какой-то степени вознаграждало его за все неудачи в других «департаментах» жизни.

Выйдя из застекленных дверей главного корпуса и окунувшись в теплый солнечный свет, он почувствовал себя вполне довольным, частью оттого, что урок прошел хорошо, частью от предвкушения приятного вечера. В обычные дни между окончанием занятий и ужином повисала томительная пауза, которую приходилось чем-то заполнять — чтением, проверкой тетрадок,

бестолковыми разговорами с Нэн. Обычно это было самое бесполезное время дня. Но сегодняшний вечер сулил живую, захватывающую беседу с Демойтом в его восхитительном доме. Если потороплюсь, думал Мор, то успею, прежде чем явится Нэн, выпить с Демойтом пару бокалов хереса. Нэн взяла за правило приходить позже, что неизменно сердило Ханди. Несомненно, будут вино и закуска. Нэн вообще-то не употребляла алкоголя, да и Мор позволял себе выпить лишь изредка, отчасти из-за того, что был воспитан в традициях трезвости, отчасти из соображений экономии, но с Демойтом или с Тимом иногда выпивал, хотя при этом почему-то всегда испытывал чувство вины.

Демойт жил в трех милях от школы, в роскошном георгианском доме, именуемом «Брейлингское Подворье».

Этот дом он приобрел во времена своего директорства и его же намеревался отписать школе в своем завещании. Он наполнил дом сокровищами, среди которых выделялись старинные восточные ковры — предмет особой гордости Демойта. Он даже написал монографию на тему восточного ковроткачества, небольшую, но очень толковую. Демойт был истинным ученым. И Мор,

которого природа наделила талантом учителя, но никак не ученого, без всякой зависти, искренне восхищался его недюжинным умом. А в сильный, независимый характер и великолепное чувство юмора был, можно сказать, влюблен; к тому же и Демойт чрезвычайно благоволил к Мору. Мор частенько задумывался, что окажись Демойт в стане противника, это было бы очень и очень хлопотно. Долгое пребывание Демойта на посту директора знаменовалось постоянными стычками с учительским коллективом. И о времени его директорства до сих пор упоминали не иначе как об эпохе «террора». Чувство, что ты надежно укрепился на своем месте, было в те времена для учителей Сен-Бридж роскошью, которой Демойт ничтоже сумняшеся их лишил. Как только в работе того или иного преподавателя случались погрешности, Демойт тут же начинал хлопотать о его увольнении. А уж если Демойт брался за осуществление чего-либо, то быстро добивался своей цели.

С Демойтом было трудно ужиться, но и с должности снять не так-то просто. Когда пришел возраст выхода на пенсию, он убедил правление продлить срок его директорства еще на пять лет. Но и это время истекло, а он все продолжал

возглавлять школу и ушел только в результате сильнейшего нажима, после того как школьный инспектор обратился в арбитраж. Лет десять назад Мор стал доверенным лицом Демойта, его правой рукой, посредником между директором и учительским коллективом и сначала неофициальным, а после уже и общепризнанным заместителем Демойта. Исполняя свои обязанности, Мор понимал, что наслаждается близостью к абсолютной власти, не испытывая при этом никаких угрызений совести за последствия. Он смягчал бремя тирании, будучи в то же время ее орудием и нередко вкушая сладость ее плодов.

Демойт хотел, чтобы Мор стал директором после его ухода. Но поскольку Сен-Бридж принадлежал англиканской церкви, то и кандидат на место главы школы должен был, так требовало правление, хотя бы номинально быть англиканцем. Этому пункту Мор не соответствовал, и буря, разыгравшаяся ради того, чтобы в школьном уставе изменили параграф о вероисповедании, окончилась ничем. Наверняка вначале Демойт строго придерживался буквы устава относительно веры, но ко времени прихода Мора ортодоксальность директора успела поизноситься, превратившись в вежливый, но непоколебимый

консерватизм. В годы правления Демойта Закон Божий, в сущности, не преподавался, если не считать избитых сведений и пения древних и новых псалмов. И мальчики знакомились с религией во многом так же, как с вопросами пола, собирая нескромные сведения из каких попало книжек. О чем заботился Демойт, так это о профессионализме в работе. Его подчиненные обязаны были *взращивать* молодую поросль, а за неумение взращивать их ждало увольнение. И с каждым годом жертв на школьном судне, именуемом Сен-Бридж, становилось все больше, процесс выбраковки шел постоянно. Что касается морали и тому подобных высоких материй, Демойт считал, что если школяр успевает в латыни, то уж точно не станет негодяем.

Совсем иные взгляды исповедовал преемник Демойта, преподобный Джайлз Эверард, к которому Демойт относился с нескрываемым презрением и всегда, упоминая о нем, прибавлял «бедняга Эвви». Воспитание характера — вот что было ближе всего сердцу Эверарда, а успехи в латинской прозе и поэзии он считал как раз задачей второстепенной. Первым делом новый руководитель изменил учебный план, потому что именно в этом документе ярче всего отражалось

увлечение Демойта «звездными» учениками. А появлением нового плана как бы провозглашался *новый* Сен-Бридж, обещающий сосредоточить свои усилия не на пестовании вундеркиндов, а на воспитании *всех* учащихся в духе высокой нравственности, в том числе посредственных и даже откровенно тупых. Демойт с гневом и неприязнью следил за этими нововведениями.

Нэн всегда прохладно относилась к Демойту. Может, потому, что Демойт прохладно относился к ней; впрочем, как догадывался Мор, в любом случае эти двое не смогли бы стать друзьями. Нэн не терпела эксцентричности, которую раз и навсегда обозвала кривлянием. Наверное, она и мысли не допускает, размышлял Мор, что есть люди, полностью от нее отличающиеся. Помимо всего прочего, Нэн настороженно относилась к одиноким особам обоего пола, видя в их неустроенности нечто нездоровое и угрожающее. И с особым подозрением она относилась к Демойту, за долгие годы одиночества ставшему, так сказать, холостяком в квадрате. Демойт был страстным спорщиком и в редких случаях жертвовал остроумием в пользу такта. С одной стороны, по своим привычкам он был как бы консерватором, но, с другой стороны, гражданские

институты громил на чем свет стоит. И в том числе, разумеется, институт брака. В священном домашнем уединении Нэн частенько позволяла себе выражение «наш брак», но касаться этой области отношений в компании посторонних, в общих чертах или в деталях, считала недопустимым. А где начиналась область обитания «посторонних»? Да тут же, за порогом ее дома. Демойту такая щепетильность была чужда. И он то и дело приводил Нэн в смятение своими колкими замечаниями на тему семейной жизни. «Семейная пара — это опаснейший механизм»! — говаривал он, поднимая палец и наблюдая за выражением лица Нэн. «Брак есть выражение эгоизма, благоустроенного, да еще и санкционируемого обществом. Семейному человеку ох как трудно войти в Царствие Небесное!» А однажды после какой-то его особенно острой реплики, когда Мор вступился за Нэн, Демойт, можно сказать, выгнал обоих из дома, да еще и прокричал вслед: «Вы можете мириться друг с другом, но я с вами мириться не обязан!»

После этого Мору лишь с величайшим трудом удавалось убедить Нэн ходить вместе с ним на обеды к Демойту. Но в глубине души он понимал — если бросить уговоры и начать ходить одному,

враждебность Нэн к Демойту удвоится. И она сделает все, чтобы положить конец этой дружбе. Поэтому они ходили в гости вдвоем, но на обратном пути Нэн всякий раз давала волю своей язвительности. Вяло соглашаясь с жениными комментариями, Мор оправдывал свое мелкое предательство тем, что таким образом предотвращает более чувствительную для его самолюбия капитуляцию. Нэн соглашалась терпеть Демойта, но при условии, что Мор присоединится к ее неприязненному мнению. И чтобы умиротворить жену, Мор присоединялся, при этом не переставая мысленно бичевать себя за малодушие.

Мор прошел по асфальтированной площадке, по привычке стараясь не смотреть на окна классных комнат, за которыми все еще шли уроки. С некоторым разочарованием он вспомнил, что сегодня Демойт будет не один. Мор иногда заезжал на Подворье поздно вечером, уже после ужина. Но почему-то особенно драгоценны были для него короткие встречи перед обедом, когда, вырвавшись из тусклых школьных стен, он от души наслаждался отдыхом в необыкновенной гостиной Демойта. Мор радовался, когда к Демойту приходили гости, и вместе с тем ему нравилось встречаться со стариком наедине. И

если он успевал приехать к шести, то обычно так и получалось. Но сегодня вечером эта художница, мисс Картер, наверняка будет там. По отношению к этой молодой особе Мор испытывал какое-то смутное любопытство.

Несколько месяцев тому назад умер ее отец и газеты запестрели некрологами и хвалебными отзывами о его картинах, а в этих заметках часто упоминалась и дочь. Кажется, она слыла талантливой. Эверард поделился впечатлением о ней, но ему, как выразилась Нэн, в том, что касается женского пола, доверять, в общем-то, было нельзя. Мысли о девушке улетучились как облачко, и Мор вновь задумался о Демойте.

Демойт и Тим Берк всегда были противниками в области политических взглядов. Но несмотря на это, Демойт поддерживал, к удивлению Мора, планы Тима — выдвинуть его, Мора, кандидатом от лейбористов. «Вреда от вас не будет, — говорил он Мору, — потому как, что бы вы там, в Вестминстере, ни делали, страной все равно управлять не вам, зато себе пользу принесете, вырветесь из этой проклятой рутины. Быть на побегушках у Эвви — жалкая роль, а больше вас здесь ничего не ждет. Мне думать больно об этом. Это так несправедливо». В последнем пункте Мор

целиком соглашался с Демойтом. Но ему не хотелось, чтобы нынешним вечером, в присутствии Нэн, Демойт заговорил об этих планах, и поэтому надо успеть его предупредить. Ведь если Демойт голосует за, то Нэн тут же, по привычке, голосует против.

Гараж, где стояли учительские велосипеды, представлял собой ветхое деревянное строение, оплетенное вьюнком, скрытое в густых зарослях, именуемых «учительским» садиком. И существовал параграф в «Правилах поведения школьника», запрещающий ученикам приближаться к этому участку. От гаража вела усыпанная гравием и поросшая сорняками тропинка. По ней можно было проехать к площадке, на которой стоял новенький «остин» Эверарда и громадный дряхлый «моррис» Пруэтта. Мор отыскал свой велосипед, проехал по чуть бугристой дорожке между деревьями; затем, одолев площадку, подъехал к воротам, за которыми в нескольких шагах чернела гладкая лента асфальтового шоссе. Автомобили мчались в обоих направлениях, и Мору пришлось ждать. Наконец он перебрался на другую сторону и поехал по склону вверх, к железнодорожному мосту. Подъем был довольно крутой. Как обычно, он дал себе приказ — одолеть

подъем единым махом, не сходя с велосипеда. И, как обычно, пришлось сделать передышку. Наконец он добрался до вершины и начал спускаться.

И вот вдалеке между деревьями замелькало Подворье. Отсюда, с этого места дороги, казалось, что дом стоит в полнейшем уединении. Городок на мгновение скрылся за мостом, а возвышающийся по другую сторону полей, возле проходящей параллельно дороги, торговый центр еще не успел показаться. Величественно-меланхолический дом Демойта вырисовывался как на картине. Точно таким же был этот дом в те времена, когда в экипажах, через грозящие нападением разбойников вересковые пустоши, сюда наезжали из Лондона гости, привозя провинциалам известия о последнем театральном триумфе Гаррика и новейшие остроты Доктора.

Еще раз переждав на обочине, Мор переехал на другую сторону и свернул на ведущую к дому, окаймленную старыми вязами аллею. Трухлявые вязы давно уже были угрозой для проходящих и проезжающих под ними, но Демойт отказывался их выкорчевывать. «Пусть Эвви корчует после моей смерти, — отвечал он. — Я завещаю ему это удовольствие. У него в жизни так мало радостей».

Длинный фасад дома, выстроенного из розоватого кирпича, украшали четыре эркера. Гости, идущие по аллее, могли видеть широкий, снабженный каменным фронтоном подъезд. Но чтобы оказаться возле дверей, предстояло еще объехать обширный квадратный газон. Проделав это, Мор оставил велосипед у стены бывшего каретного сарая и направился к дверям. Почувствовав, что за ним наблюдают, он поднял голову и в окне над парадным входом увидел мисс Хандфорт. Приветливо помахал ей. Мор был из числа любимцев Ханди.

Мисс Хандфорт встретила его в вестибюле, спустившись по витой лестнице с топотом, от которого затрясся дом. Это была крепкая, властная женщина средних лет, с лицом льва и поступью носорога. В свое время она преподавала в начальных классах.

— Привет, — произнес Мор. — Как дела, Ханди? Как его светлость?

— Еще более ленив и несносен, чем обычно, — зычным голосом доложила мисс Хандфорт. — Вы, как всегда, пришли слишком рано, но ничего страшного. — Ханди никогда не называла людей по именам. Во время разговора она то и дело покашливала. — Подхватила какую-то ужасную

простуду, хотя, как это меня угораздило в такую погоду, ума не приложу. Может, это сенная лихорадка, но сено ведь уже убрали, впрочем, кто его знает. Если хотите умыться, идите, не стесняйтесь, дорога вам известна. Сегодня лучше воспользоваться туалетной комнатой на первом этаже, если вам угодно. Его величество сейчас наряжается, а юная особа — в гостиной, если хотите знать. Ну как хотите, ступайте к старикану, если вам так угодно. А мне надо на кухню, обед на плите.

После чего, кашляя и чихая, мисс Хандфорт скрылась за обитой зеленым сукном кухонной дверью. А Мор проделал описанный ею путь к умывальнику и попытался отмыть руки. От износившейся резины велосипедного руля ладони сделались черными. Мылу грязь уступать не хотела, зато охотно перешла на полотенце. Тон, каким мисс Хандфорт упомянула о госте, недвусмысленно намекал, что домоправительница относится к постоялице не очень дружественно. Поэтому и Мор, махнув рукой на приличия, пошел наверх и постучал в дверь гардеробной. Изнутри донеслось какое-то ворчание.

— Можно войти, сэр?

— Нет, — раздался голос. — Уходите. Вы дья-

вольски рано притащились. Три минуты назад я еще спал. И вот теперь надо что-то решать относительно брюк. Не являться же перед вами в кальсонах. Там внизу, в гостиной, очаровательная леди.

Мор медленно побрел вниз. По дороге зачем-то поправил галстук. Остановившись у двери гостиной, он посмотрел вдаль, туда, где комнаты, идущие одна за другой, сходились в перспективе на дверях кухни, в которых стояла Ханди и, по всей видимости, прислушивалась. Мор пожал плечами. Этот жест мог означать что угодно. В ответ Ханди тоже пожала плечами и звучно втянула носом воздух. Что она хотела этим сказать, Мор не понял. Он вошел в гостиную и тихо притворил дверь.

В комнате, наполненной желтоватым вечерним светом, три высоких окна были широко распахнуты. Гостиная находилась в торцевой части дома. Окна ее выходили на лужайку, отгороженную сложенной из крупных камней стеной от ведущей к парадным дверям дорожки. В глубине лужайки темнела густая тисовая изгородь, украшенная каменной аркой с железной калиткой, ведущей на следующую лужайку, которую из окон гостиной нельзя было разглядеть.

Эту лужайку со всех сторон окаймлял широкий цветочный бордюр. С нее ступеньки вели к расположенной на возвышении третьей лужайке. По обеим сторонам ступенек росли подстриженные кусты остролиста. А по верху обсаженного вьющимися растениями склона шла изгородь из самшита, как бы подчеркивающая разницу уровней. На этой третьей лужайке цвели розы, а за ними начиналась шелковичная аллея. Еще дальше стеной стояли высокие деревья, в просветы которых зимами гляделись красные крыши домов. Но летом ничего нельзя было разглядеть, разве что в одном месте, где зеленую стену разрезал указующий перст башни Сен-Бридж.

Гостиная была пуста. Мор почувствовал себя спокойнее. Он вновь поправил галстук и осторожно опустился в кресло. Эта комната ему нравилась. В его собственном доме, несмотря на пылкое старание Нэн подобрать всю обстановку по цвету и стилю, ощущения гармонии не возникало. Предметы оставались замкнутыми в себе, их форма и цвет никак не проявлялись. А здесь, в этой переполненной небрежно расставленными вещами комнате, все объединялось в вихре красного и золотого, и каждая вещь, отдавая дань целому, еще ярче проявляла свою индивидуаль-

ность. На полу лежал драгоценный ферганский ковер, наполовину скрытый под слоем плотно уложенных поверху маленьких ковриков, не менее прекрасных. Мебель стояла без всякого склада и лада, обеспечивая лишь одно — обилие ровных поверхностей, на которых теснились чашки, кубки, вазы, шкатулки вперемешку с фигурками из слоновой кости, нефрита, черного и желтого янтаря и агата. Вышитые подушечки громоздились на стульях и креслах в таком количестве, что толком и присесть было негде. Стены были оклеены бело-золотыми обоями, но являлись взгляду лишь фрагментами меж развешенных под различными углами, переливающихся, подобно шерсти сказочных животных, ковров. Мор прикрыл глаза. Формы предметов расплылись. Но теперь цвета с большей силой проникали в него. Он почти заснул.

И вдруг очнулся, словно от неожиданного толчка. В глубине комнаты на столике стояла на коленях *женщина.* Он не заметил ее раньше, не только потому, что цвет одежды сливался с фоном, но и потому, что не ожидал увидеть кого-то здесь, в этой точке пространства. Она стояла спиной к нему, поглощенная, по всей видимости, изучением висящего на стене ковра.

— Простите! — вскочил Мор. — Я вас не заметил!

Она резко обернулась, столик накренился и едва не опрокинулся вместе с ней, но она успела спрыгнуть, хотя и очень неловко. Мор устремился вперед, чтобы поддержать ее, но она уже вскочила на ноги.

— Вы меня испугали. Я не слышала, как вы вошли.

Они смотрели друг на друга. Мор увидел, что она очень маленькая, совсем юная, у нее короткие, по-мальчишески подстриженные черные волосы и очень румяные щеки, что на ней черная хлопчатобумажная блузка и цветастая красная юбка, что на шее бусы из больших красных шариков. И в тот же миг он будто увидел себя ее глазами: господин средних лет, с унылым лицом, уже начинающий седеть.

— Меня зовут Рейн Картер, — представилась девушка.

— А меня — Уильям Мор. Извините, что напугал вас.

— Не беспокойтесь. Я просто слишком увлеклась изучением ковра.

В ее интонациях промелькнула забавная важность.

— Это одно из сокровищ мистера Демойта, — пояснил Мор. — Кажется, ширазский.

Какая же она маленькая, подумал он, совсем ребенок. Может, Эвви и в самом деле прав. Глаза темно-карие, живые. Нос несколько широковатый, вздернутый. Довольно приятное лицо.

— Вы не ошиблись, ширазский, — отозвалась мисс Картер. — Как непостижимо сочетаются краски на ковре, вы обратили внимание? Каждая частичка переливается присущим только ей оттенком, а потом они сливаются в единый для всей поверхности цвет, точнее, в единый розоватый отблеск. — Она говорила наставительно и так важно, словно читала лекцию, и Мору это показалось и трогательным, и вместе с тем чуточку смешным. Интересно, она и в самом деле талантливый художник? Он протянул руку к ковру и осторожно притронулся к гладкой поверхности.

Мор хотел что-то ответить, но тут вошел Демойт. Мор оглядел его с некоторым удивлением. В это время дня старик обычно появлялся в старой, усыпанной табаком рыжей вельветовой куртке и в несколько помятом галстуке-бабочке. Но сейчас он предстал в сером элегантном костюме, который надевал, насколько Мор знал, лишь по праздникам, и в строгом галстуке. Да еще в чи-

стой сорочке. Наклонив голову, он не вошел, а как бы неожиданно вонзился в пространство комнаты. Годы ссутулили его спину, но он по-прежнему был высок ростом, и голова его была почти до смешного велика для ветшающего тела. И нос с возрастом тоже укрупнился. На испещренном морщинами сухом старческом лице ярко голубели глаза. Редкие седые пряди плотно прилегали к черепу, обнаруживая его шишковатость.

— Что я вижу! — возопил Демойт. — Вы не предложили мисс Картер вина? Деревенщина вы, Мор! Простите нам, мисс Картер, нашу неотесанность, уж такая у нас здесь жизнь. Я налью вам хересу. — И тут же взялся за бутылку.

— Спасибо, но я не осуждаю мистера Мора. Он лишь минуту назад разглядел меня. А вначале принял за орнамент на ковре. — С Демойтом девушка говорила чуть поживее, чем с Мором. И Мор это отметил. Хотя в ее английской речи не чувствовался акцент, все же закрадывалась мысль, что это не ее родной язык. Мору припомнилось, что мать у нее француженка.

— И неудивительно, дорогая, — ответствовал Демойт, — ведь вы и в самом деле прекрасны, как цветок, как птица, как антилопа. — С этими словами старик изысканным жестом вручил

девушке бокал.

И тут в дверях появилась мисс Хандфорт.

— Обед готов, — провозгласила она, — чего не скажешь о вас.

— Ступай, Ханди, — буркнул старик, — еще не время. Похоже, всем хочется как можно быстрее отправить этот вечер в прошлое. А между тем прекрасная половина мистера Мора все еще не явилась.

— Ну хорошо, так что же делать с обедом? Пусть кипит дальше до полного уничтожения или выключить и подать уже холодным? Мне все равно, хоть так, хоть этак, но вы мне дайте указание.

Раздался стук в дверь, и в холл вошла Нэн. Мор увидел ее голову, неожиданно возникшую поверх плеча мисс Хандфорт.

— Нэн! — воскликнул он так, будто хотел оградить ее от враждебности этого дома. Он поспешил в холл и помог ей снять пальто, чего ни Демойт, ни мисс Хандфорт никогда не делали. Потом, взяв за руку, привел в гостиную. Нэн постаралась, как она сама любила выражаться, ради общества: на ней было элегантное черное платье, а на шее жемчужное ожерелье, купленное Мором по сниженной цене у Тима Берка в честь какой-то годовщины свадьбы. Ее волнистые, безупречно

уложенные волосы обрамляли белый овал лица, гладкого, напудренного ровным слоем, от чего еще заметнее стал крупный рот и глаза, наблюдательные, все оценивающие, не собирающиеся сдавать свои позиции. Высокая, привлекательная женщина, хорошо одетая, уверенная в себе. Такой она предстала перед собравшимися. Мор глядел на нее с одобрением. В любом конфликте с внешним миром Нэн, несомненно, надежный союзник.

— Нэн, разреши представить тебе мисс Картер, — вместо молчащего Демойта произнес Мор. — Мисс Картер, позвольте представить вам мою жену.

Женщины с улыбкой поприветствовали друг друга. И Нэн, как всегда, отказалась от бокала хереса, который Демойт, как всегда, предложил ей.

— Итак, как я уже сказала, угощение готово, — по-прежнему стоя в дверях, повторила мисс Хандфорт. — Если дамы хотят привести себя в порядок, дорогу они знают. Мне же пора нести суп.

— Да будет тебе, Ханди, — отмахнулся Демойт. — Дай нам допить и не дергай дам.

Нэн и мисс Картер все же воспользовались предложением и удалились, а мисс Хандфорт промаршировала на кухню. Мор посмотрел на Де-

мойта. Демойт, в свою очередь, смотрел на Мора, поблескивая глазами и морща нос. Судя по этим признакам, старика явно что-то рассмешило. Просто его рот, как всегда, с некоторым опозданием подхватывал возникшую в глазах усмешку.

— Что за фантастический наряд, сэр? — удивился Мор, указывая на костюм.

— Тише! — заговорщицки произнес старик. — Да будет вам известно, я отдан на растерзание этой девчонке. Вы просто не представляете, что я пережил за последние сутки! Она требует, чтобы я показывал ей фотографии родителей, свои детские фотографии, студенческие фотографии. Ей необходимо знать, что я пишу. Не постеснялась спросить, веду ли я дневник. Такое впечатление, будто в доме поселился психоаналитик. Это не девица, а прямо какой-то паровой молот! А глядя на нее, не скажешь, правда? Ну так вот, я ей не дамся. Я ее направлю по ложному следу. Этот наряд — часть моего замысла. Тшш, возвращаются! — И все направились в столовую.

Вот уже и десерт подали. Нэн сосредоточенно разрезала грушу, а мисс Картер изящно отщипывала маленькие виноградинки от кисти. Мор наслаждался портвейном. Демойт сидел во главе стола, Мор — напротив, а между ними, по обеим

сторонам стола, сидели дамы. Предсказание Нэн сбылось — в тот вечер мисс Хандфорт отодвинули на обочину. При этом она все же возвышалась над столом, словно башня, часто наклонялась, делала какое-то замечание, время от времени чихала и дышала гостям в затылок.

— Я попросил старину Бладуарда почтить своим визитом наше общество, — произнес Демойт, — но он нашел отговорку, скорее всего фальшивую. Мисс Картер, вы еще не знакомы с Бладуардом?

Бладуард преподавал в Сен-Бридж изобразительное искусство и слыл чудаком.

— Очень хочу с ним познакомиться. Я видела кое-какие его работы. Талантливые.

— Неужели? — удивился Мор. — А мне казалось, он ни одной картины не написал.

— Ну почему же. Я видела три прекрасно выполненных пейзажа. Но, насколько мне известно, у него есть теория, как бы запрещающая ему заниматься живописью?

— О, теорий у него множество, — вступил в разговор Демойт. — Они ему и нужны-то, чтобы оправдать собственный творческий крах. Так мне кажется. Но, вообще, человек он неплохой. В нем есть основа. А вот бедняга Эвви вскоре наводнит

школу своими благочестивыми фантомами. И вам тоже пора становиться на путь благочестия, не то, не ровен час, обвинят в отступничестве, — заметил старик Мору.

Испугавшись, что Демойт сейчас затронет опасную тему «пути благочестия», Мор поспешно сказал: «В четверг я завтракаю у Эверарда. Надеюсь, мисс Картер, вы тоже? Думаю, и Бладуард будет приглашен». Он выпалил эту фразу и тут же пожалел, потому что вспомнил, что Эверард неизменно допускает грубую бестактность — его, Мора, приглашает, но забывает пригласить Нэн. Сегодня в полдень Эверард уже пригласил его, и он, не подумав, согласился. Нэн со стуком положила нож и отпила воды.

— У Эвви вам вина не подадут, — заметил Демойт. — Так что заправляйтесь сейчас. Мисс Картер, вам налить? А вам, миссис Мор? Поглядите, мисс Картер пьет беспрерывно как рыбка и все же трезвее нас всех.

Мор тоже это заметил.

Оставив шутку без внимания, девушка произнесла серьезным тоном:

— Я всего лишь раз видела мистера Эверарда. И с радостью с ним встречусь вновь.

— Вот оно как! — воскликнул Демойт. — И как

вы себе представляете нашего горемычного Эвви, ну-ка, расскажите! А мы послушаем! — И старик подмигнул Мору.

Мисс Картер помолчала. Изучающе глянула на Демойта.

— У него хорошее открытое лицо, — решительным тоном заявила она. — Он явно человек добродетельный. А это достоинство, причем редко встречающееся.

Старик как бы опешил на минуту. Мор насмешливо посмотрел на него.

— Маленькая пуританка! — вскричал Демойт. — Этак вы всех нас подвергнете суровому суду! Давайте-ка я подолью вам вина.

— Нет, мистер Демойт, благодарю. Конечно, человек открывается не сразу, и я говорю лишь о первом впечатлении. А вы как думаете, миссис Мор?

Мор затаил дыхание. Какой дерзкий вопрос. Только бы Нэн не ляпнула чего-нибудь обидного.

— Если честно, — сказала Нэн, — я считаю, что мистер Эверард глуп. А глупость, да еще если эта глупость лица руководящего, способна затмить все прочие, быть может, и неплохие, качества.

— На сей раз я полностью согласен с миссис Мор, — заявил Демойт. — А теперь, дорогие дру-

зья, время пить кофе.

Кофе был сервирован в библиотеке. Мору нравилась эта комната. Библиотека располагалась над гостиной, и из окон ее открывался все тот же вид, но эта комната была больше. Тут было три окна, соответствующих трем окнам гостиной, и еще одно большое окно в эркере, выходящее на дорогу. Прямо под ним, этажом ниже, находилась отделенная от гостиной маленькая комнатка, которую мисс Хандфорт, в силу своей извечной насмешливости, прозвала «мой будуар». Эркером была украшена и столовая, а еще один находился этажом выше, в спальне Демойта. Рядом с библиотекой располагалась спальня для гостей, из одного окна которой была видна лужайка, а из другого вечерами можно было различить красноватое свечение огней находящегося в двадцати милях отсюда Лондона.

Демойт хранил книги в шкафах за стеклянными дверцами, и поэтому комната была наполнена отблесками. Демойт относился к племени библиофилов. Мора, который к этому племени не относился, довольно долго не допускали к библиотеке. Мор, читая, любил перегибать книгу, имел привычку замусоливать и сгибать страницы, писать на полях заметки и подчеркивать

строчки. Ему нравилось, чтобы книжка находилась в пределах досягаемости — на столе, на полу, на худой конец, на открытой полке. Это своеобразное панибратство помогало ему чувствовать, что содержание книги уже почти усвоено. Но книги Демойта были существами иной породы. Ему нравилось смотреть на них, таких элегантных, стройных и незапятнанных, одетых в дорогие переплеты, украшенных золотым обрезом, словно созданных для того, чтобы их осторожно брали в руки, и восхищенно вздыхали, и помнили, что книга — это не только собрание мыслей, но и драгоценность.

Гости расселись вокруг большой лампы. Мор бродил по комнате. Он чувствовал внутри какую-то легкость, освобожденность, может, счастье? Он выглядывал из окон. Шум никогда не смолкал вокруг Подворья — по трассе день и ночь мчались автомобили. Чуть поодаль, по железнодорожному мосту, проносились поезда, оглашая воздух пронзительными печальными гудками. Свет автомобильных фар то и дело выхватывал из темноты листву деревьев. Мор отошел от окна. Его взгляду предстала кучка людей в свете лампы. И он, только что глядевший в ночь, почувствовал, как они далеки от него и что он почему-то выше

их. Мисс Картер сидела, подвернув под себя ноги, раскинув широкую юбку кругом, и свет лампы зажигал на шелке то красные, то желтые блики. Она похожа, подумалось Мору, на маленькую яркую птичку. Смущенный собственными мыслями, Мор отвернулся к книжному шкафу.

— Руки прочь от книг! — завопил Демойт. — Идите-ка лучше пейте ваш кофе, не то Ханди унесет чашки. У нее на эту церемонию отпущено семь минут, вы же знаете.

И тут же мисс Хандфорт вступила в комнату. На ней был довольно неопрятный передник — значит, она как раз мыла посуду.

— Забрать сейчас или прикажете вернуться чуть погодя? — спросила Ханди и чихнула.

Пока она задвигала занавески, Нэн демонстративно глядела в сторону. Мор допил кофе, поднос унесли.

Мор видел, что Нэн сидит как на иголках. По всему видно, изобретает благовидный предлог для прощания. Ему казалось, он даже слышит, как подходящие фразы складываются в голове жены.

— Наверное, нам уже пора домой, — действительно тут же произнесла Нэн. И поглядела на Мора.

— Да, пожалуй, — кивнул Мор. Ему не хотелось

уходить.

Однако Нэн уже поднялась на ноги. Демойт не стал ее отговаривать. Вежливо и чинно гости и хозяин проследовали к дверям.

— Я заранее попросил Ханди срезать для вас несколько роз, — сказал Демойт, — но боюсь, она забыла. Ханди! — Старик перегнулся через перила. — Розы для миссис Мор!

Мор растрогался. Он понял, что эти розы на самом деле подарок *ему*, потому что именно он несколькими днями раньше восхищался красотой здешнего розария.

Ханди вышла из кухни, громко хлопнув дверью.

— Сегодня я не спускалась в сад, — известила она.

— Ну так *сейчас* спустись, — сварливо приказал Демойт. Вечер утомил его.

— Вам хорошо известно, что в темноте я плохо вижу, — парировала Хандфорт, не сомневаясь, что Демойт не будет настаивать. — К тому же выпала роса.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — тут же вмешалась Нэн. — Розы, несомненно, прекрасны, но раз уж так получилось, не стоит беспокоиться. — Мор знал, что Нэн не большая любительница роз.

Мусор и беспорядок от этих цветов — так она считала. Но в то же время почему бы и не намекнуть, что Ханди пренебрегает своими обязанностями.

— Давайте я принесу! — вдруг вмешалась мисс Картер. — Я прекрасно вижу в темноте. И знаю, где растут розы. Срежу несколько для миссис Мор! — И она побежала вниз по лестнице.

— Чудная мысль! Молодчина! — заулыбался Демойт. — Ханди, достань-ка из буфета, что в холле, большие ножницы и передай барышне. Мор, вы пойдете с ней, а то, не дай бог, заблудится. Тем временем я буду развлекать вашу благоверную. Но возвращайтесь побыстрее.

Захватив ножницы, мисс Картер выбежала из парадных дверей. Мор вышел за ней и прикрыл двери. Вокруг благоухала ночь, прохладная, бархатно-черная. Но Мор в темноте нашел путь к деревянной калитке в стене, ведущей на первую лужайку. Он ступил на безмолвную росистую траву. Вдали гудело шоссе, то и дело мелькали огни автомобилей, а здесь было темно и тихо. Поморгав, он различил впереди маленькую тень, спешащую через лужайку.

— Мисс Картер! — вполголоса позвал Мор. — Подождите, я иду! — После ярких огней дома этот сад, заросший невидимыми сейчас деревьями и

кустами, росистый, звездный, казался чем-то фантастическим. Мору даже стало как-то не по себе.

Заслышав его голос, девушка остановилась. Там, в доме, посреди толчеи и тесноты вещей, она казалась крохотной, а сейчас, в пустоте, будто выросла. Мор уловил в темноте блеск ее глаз.

— По этой дорожке, — прошептала она. И Мор вслепую побрел за ней.

— Вы и в самом деле видите в темноте, — сказал он, — а я вот не умею.

Они нырнули под арку в тисовой изгороди и прошли на вторую лужайку.

Они шли по траве. Мор с удивлением заметил, что идет затаив дыхание. Мисс Картер ступала мягко, беззвучно. Мор пробовал подражать ей, но у него не получалось, он слышал, как шуршит под его ногами влажная, низко срезанная трава. Пронзительный пьянящий запах земли и аромат затаившихся в темноте цветов окружал их плотной стеной, поглощая звуки внешнего мира. Едва различая, что там у него под ногами, Мор послушно следовал за темным силуэтом девушки, словно зачарованный.

Они приблизились к лестничке, ведущей на третью лужайку. Мисс Картер легко, как птичка, взлетела по ступенькам и остановилась, ожидая

Мора; ее рука белела на фоне черной стены остролиста. Мор с трудом нащупал первую ступеньку, споткнулся и едва не упал.

— Идите сюда, — тихонько позвал сверху голос. Наверняка тоже подчиняясь окружавшему их волшебству, она говорила еле слышно. Потом спустилась по ступенькам. И он догадался, что она протягивает ему руку. Мор подал свою, и она повела его наверх. Держала его руку крепко, по-мужски. Они прошли между кустами остролиста и лишь тогда разняли руки. Мор чувствовал себя потрясенным, будто в глубине души что-то переместилось и забрезжил какой-то свет. И еще какое-то удивление. Показалась луна, и на мгновение стало видно, как движутся по небу облака.

Цветник, состоящий из одних роз, окружал их со всех сторон, уходя вдаль, к тому месту, где двумя рядами шелковичных деревьев заканчивалось поместье Демойта. Мор впервые видел эти деревья ночью. И аллея показалась ему совсем не такой, как при дневном свете, гораздо более широкой и длинной. И почудилось ему, что в конце этой аллеи возвышается чей-то дом, то ли еще один дом Демойта, а может, его двойник, где все происходит по-другому.

— *Quelle merveilleg!* [1] — шепотом выдохнула мисс Картер. Она сделала несколько стремительных шагов и остановилась, запрокинув голову к лунному небу. Потом побежала по аллее и обвила руками стоящее рядом дерево. Ветви над ней зашумели, как речной поток.

Мор кашлянул. Его слегка смутил этот порыв.

— Знаете, нам нельзя задерживаться, — сказал он.

— Да, да, — отозвалась девушка, отходя от дерева, — я сейчас наберу цветов, это быстро. — И она засновала между клумбами, склоняясь над полураскрытыми бутонами. Защелкали ножницы, и дивные розы на длинных стеблях упали на траву. Белые розы лунный свет выбелил до голубизны, а темно-красные стали черными, как кровь. Мор хотел помочь, но поскольку у него не было ножниц, то он лишь исколол ладони и помял цветок.

— Давайте я, — подоспела девушка и срезала поникший стебель. — Ну вот, наверное, хватит.

Мору захотелось вернуться как можно быстрее. Нэн и Демойт наверняка нетерпеливо поджидают их в холле. К тому же надо кое-что обдумать. Глаза уже попривыкли к темноте, и он заторо-

---

[1] Примечания: 1
Какое чудо! *(фр.)*

пился вниз по ступенькам, потом, громко топая, прошел лужайку, добрался до тисовой изгороди. Здесь он задержался и, придержав железную калитку, пропустил мисс Картер вперед. Калитка со стуком захлопнулась, и их ослепили освещенные окна дома, возле которых Ханди продолжала ежевечерний ритуал задергивания штор. Они прошли через деревянную калитку и минуту спустя уже растерянно моргали в ярком свете холла. Мисс Картер прижимала к груди охапку роз.

— Вас не было целую вечность, — усмехнулась Нэн. — Должно быть, заблудились?

— Нет, — ответил Мор, — просто в темноте идти трудновато.

— Вот розы. — Мисс Картер пыталась вытащить вонзившиеся в ткань блузки колючки. — Надо бы какую-нибудь бумагу, чтобы завернуть.

— «Ивнинг ньюс» сгодится, — взяв со стола газету, буркнул Демойт. — Я так и не прочитал, но черт с ним, день все равно кончился.

Нэн расстелила листы на столе, а мисс Картер, уложив на них розы, расправила лепестки и листья.

— Чудесные! — заметила Нэн. — Дорогая, вы несомненно заслужили одну из них. — Она выбрала розу густо-красного цвета и изящным

жестом протянула ее девушке. Та взяла цветок и попробовала приколоть к блузке, но у нее не получилось, и она просто сжала стебель в руке.

— А теперь забирайте свои цветы и ступайте, — сказал старик, зевая и всем своим видом показывая, что ему пора отдыхать. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, спасибо за приятный вечер, — раскланялся Мор. — Спокойной ночи, мисс Картер.

— Спокойной ночи, — подхватила Нэн. — Благодарю за цветы.

— Спокойной ночи, — сказала мисс Картер.

Нэн и Мор вышли на воздух. Из парадной двери еще мгновение лился яркий свет, Демойт и мисс Картер помахали им на прощание. Потом дверь закрылась, стало темно. У Демойта не были приняты долгие провожания гостей. Нэн подождала, пока в темноте Мор отыщет свой велосипед. И они пошли по дороге. Мор вел велосипед, Нэн держала его за руку.

— Слава богу, отбыли повинность! — говорила она. — Скучища какая, правда?

— Да.

— Как тебе понравилась мисс Картер?

— Не очень, — пробормотал Мор. — Рядом с ней

как-то не по себе. Слишком серьезная.

— Важничает, а на самом деле просто клоунесса. Такая же, как Демойт. Наедине они наверняка прекрасно ладят.

— Может, и так, — чуть удивившись ее предположению, ответил Мор.

— Вы столько времени пропадали в саду, — вновь заговорила Нэн. — Что случилось?

— Ничего, ровным счетом ничего.

В молчании пройдя под вязами, они вышли на шоссе. Мор вспомнил странное чувство потрясения, пережитое им на ступенях лестницы. Что же это было, он так и не смог себе объяснить.

Глава 3

— Ригден, — вызвал Мор.

Наступила угрожающая тишина. Мор вел урок латыни в пятом классе. Это бремя иногда возлагали на него, когда болел куратор пятиклассников, мистер Бейсфорд. Это было на следующий день после вечера у Демойта. Был жаркий полдень, то время сразу после ланча, которое Мор мучительно не любил. Муха жужжала на оконном стекле. Двадцать мальчиков сидели, раскрыв перед собой элегии Проперция. Ригдена явно застали врасплох.

— Ну, Ригден, — устало произнес Мор, — смелее. Переведи первое слово.

– *Ты*, — промямлил Ригден. Странноватый мальчик с очень мелкой головенкой. Боготворящий Мора, но неспособный завоевать ответную симпатию. И это стало трагедией его школьной жизни. Он озабоченно склонился над страницей.

— Правильно. Теперь второе слово.

Из соседнего класса слышался веселый смех. Там Пруэтт вел урок математики. К несчастью, он совершенно не умел поддерживать дисциплину. Мор понимал, что умение держать аудиторию

дается от природы, и в то же время не мог не порицать Пруэтта. Самому Мору стоило лишь взглянуть на ребят, и тут же воцарялась тишина.

– *Только,* — произнес Ригден.

— Так. Ну, продолжай.

Ригден уперся взглядом в страницу:

– *Пока позволено.*

– *Lucet,* неуч, а не *Licet.* Кард.

Джимми Кард был одним из врагов Мора. И в то же время закадычным другом его сына Дональда. Мору с ним всегда было тяжело.

— *Пока светит свет,* — прочел Кард. Слова он выговаривал небрежно, едва шевеля губами, словно делал одолжение.

— Верно. Ригден, продолжай.

Ригден, по всей видимости, потихоньку впадал в панику. Он кусал губы, напряженно вглядываясь в строчки.

— Побыстрее. Мы не можем тратить весь урок на этот отрывок. — Где-то в отдалении монотонно гудело шоссе. Мор вздохнул. В начале урока в его памяти смутно мелькнуло, а теперь прорезалось напоминание о том, что в четверть четвертого у него встреча с художницей. Предстояло показать мисс Картер школу. Этим утром в ящичке для корреспонденции Мор нашел записку от Эверар-

да с просьбой показать гостье школу и принял эту просьбу как нечто вполне заурядное. Хотя нет, по какой-то ему самому непонятной причине он испытывал окрашенное легким недовольством разочарование оттого, что вторая встреча с мисс Картер произойдет не на завтраке у Эверарда, как было условлено, а в совершенно неожиданном месте.

– *Жизнь не заслуживает плодов,* — произнес Ригден так, будто ему стало все равно, что там будет и как.

— Нет. Ты подготовился к уроку?

— Да, сэр, — ответил Ригден, не поднимая глаз, таким тоном, будто и его незаслуженно подозревают.

— Что ж, тогда тебе придется остаться после уроков, проверим твои знания. Урок заканчивается. Кто-нибудь может перевести? Кард, ты как, осилишь эти шесть строк?

Кард не торопясь просматривал текст. Опытный учитель, Мор терпеливо ждал. Кард был способным учеником, а Мор ценил способных людей. В тишине, установившейся в классе, Мор еще раз пробежал глазами элегию. Он выбрал ее утром как материал для перевода. Возможно, текст трудноват. Возможно, не совсем удачно

выбран. Взгляд скользил по строчкам.

Tu modo, dum lucet, fructum ne desere vitae.

Omnia si dederis oscula, pauca dabis.

Ac veluti folia arentes liquere corollas,

Quae passim calathis strata natare vides,

Sic nobis, qui nunc magnum speramus amantes

Forsitian includet crastina fata dies [2].

Кард кашлянул.

— Слушаем тебя. — Мор глянул на часы. Урок вот-вот должен был закончиться, и легкое беспокойство охватило его.

— Пока светит свет, — высоким напряженным голосом и вместе с тем не торопясь начал Кард, — не отказывайся от радостей жизни. Если ты отдашь даже все свои поцелуи, то и тогда отдашь слишком мало. И как листья опадают с

---

[2] Примечания: 2

Что же! Покуда жива, наслаждайся жизнью беспечно:
Все поцелуи отдав, все же ты мало отдашь!
Знай, как эти листки, что слетели с венков помертвевших
И, одиноко кружась, плавают в чаше вина,
Так вот и мы: хоть сейчас любовь так много сулит нам,
Может быть, завтрашний день будет последним для нас (*лат.*).
Проперций. Элегии. Пер. Л. Остроумова.

увядшего венка и, кружась, плавают в чаше, так и мы, столь сильно верящие в любовь, завтра станем, быть может, добычей рока.

— Верно, — кивнул Мор, — верно. Отлично, Кард. Спасибо. Урок окончен, все свободны. Ригдена попрошу остаться.

Тут же поднялся галдеж, захлопали переплеты книг и крышки парт, все заспешили к дверям. Кард вышел первым. Мистер Пруэтт, очевидно, тоже отпустил свой класс на волю. И, судя по топоту, два потока соединились в коридоре. Быстренько вразумив Ригдена, Мор вышел в душный коридор, мимоходом разогнал расшалившихся сорванцов и через секунду уже стоял на крыльце, оглядываясь по сторонам.

То здание, из которого он только что вышел, официально именовалось довольно неуклюже — «главная школа». Основные строения Сен-Бридж, а они были разной высоты, группировались вокруг обширной асфальтированной площадки, называемой «игровым полем», хотя как раз играть здесь строго-настрого запрещалось. Комплекс состоял из четырех краснокирпичных блоков. Той самой *главной школы* — в ней находился актовый зал и аудитории старших классов, именно это здание венчала неоготическая башня.

Библиотеки, где помимо книг еще были дополнительные классные комнаты. Сама библиотека располагалась справа от главной школы, под прямым углом к ней. Напротив библиотеки — *общежитие,* где проживали те ученики, чье обучение шло за счет стипендий. А напротив главного здания возвышалась *«наука и спорт»,* то есть корпус, включавший в себя спортивный зал, ряд лабораторных комнат, административные помещения, а также квартиры учителей, живущих при школе. Обширные угодья Сен-Бридж располагались на склоне холма, отчего возникали печально известные трудности со спортивными площадками, устроенными позади *главной школы* и сбегавшими вниз, к первым домам городка, к сплетению проселочных дорог, среди которых стоял и дом Мора. Пройдя по тропинке через учительский садик, а затем по усыпанной гравием площадке, можно было через главные ворота выйти к шоссе. На пологом склоне позади библиотеки рос настоящий лес — березы, дубы, понизу густо заросшие папоротником и подлеском. И всю эту чащобу прорезали извилистые тропинки, еле заметные, усыпанные прелой листвой, — словом, подлинное раздолье для учеников младших классов. На опушке леса, доступная обозрению из

окон библиотеки, виднелась школьная церковь, построенная относительно недавно — приземистое продолговатое здание из светлого кирпича, которое по незнанию можно было принять и за бойлерную. Дальше, за церковью, прячась среди деревьев, располагались три общежития для учеников разных классов, не попадающих под категорию стипендиатов. Тут они жили, столовались, причем у каждого из старшеклассников была своя отдельная комната. Одно общежитие курировал Мор, второе — Пруэтт, а третье находилось под началом Бейсфорда, потому и имело вид весьма плачевный. Общежития назывались именами кураторов, между которыми шло постоянное соперничество, вдобавок еще и подогреваемое учительским коллективом. За лесом, на той стороне, невдалеке от которой проходила оживленная магистраль, находился павильон, включающий корты для сквоша и плавательный бассейн. Напротив павильона, едва ли не впритык к частным домам, располагались помещения для занятий музыкой и изостудия. У самого подножия холма зеленела неухоженная лужайка. Здесь явно пытались развести цветник, но потом идею забросили. А по другую сторону лужайки стоял белый дом в викторианском стиле, офици-

ально принадлежавший мистеру Эверарду. И тут территория школы заканчивалась.

В записке говорилось, что мисс Картер будет ждать его на игровом поле. Мор огляделся по сторонам, но никого не увидел. Жаркое солнце косыми лучами соединяло библиотеку со зданием «науки и спорта», усеивая золотистыми отблесками похоронно-черную поверхность асфальта. Воздух слегка дрожал над раскаленным полем. Кого Мор заметил, так это своего сына Дональда, стоящего в дальнем конце площадки, возле библиотеки. А к нему по горячему, как сковорода, асфальту бежал, попутно проделывая немыслимые пируэты и подскоки, Джимми Кард. И поэтому не просто подбежал, а со всего маху стукнулся об него, будто посланный чьей-то мощной рукой мяч. Обхватив друг друга за плечи, мальчишки завертелись волчком. Какое-то время без особой радости Мор наблюдал за происходящим. Потом и сам пошел к библиотеке. По пути он озирался, ища мисс Картер, и в то же время краем глаза следил за все еще буйствующими мальчишками. Мор подошел к дверям библиотеки. Только тогда Дональд и Кард заметили его и отступили друг от друга. И через секунду, снова вприпрыжку, вращая, словно обезумевшая

мельница, растопыренными пятернями, Кард промчался в сторону общежития, сделал в дверях заключительный выкрутас и тут же исчез. Кард был стипендиатом. Дональд остался в одиночестве возле библиотечного здания. И явно был растерян. Ему наверняка тоже хотелось улизнуть, но теперь, на глазах у отца, он не мог так поступить. Но при этом Дональд вовсе не торопился навстречу родителю. Он стоял, сжимая в руке книжку, и застывшим взглядом следил — войдет ли отец в библиотеку или направится к нему.

Мор тоже раздумывал, как поступить. Такие вот случайные встречи во время занятий смущали обоих, поэтому Мор избегал их, насколько было возможно. Но сейчас сделать вид, что не заметил Дональда, он не мог. Это может ранить мальчика. И он пошел к сыну. Замерев на месте, Дональд ждал.

— Здравствуй, Дон. Как дела?

Дональд взглянул на него и тут же отвернулся. Он был достаточно высок и, когда отец приблизился почти вплотную, мог смотреть ему прямо в глаза. Копия отца — такие же, как у Мора, черные жесткие волосы, такой же крючковатый нос и такая же манера, улыбаясь, чуть кривить рот. Но глаза у него были темнее, смотрели более

пристально. Карие глаза Мора отливали серым оттенком, а у Дональда темная глубина глаз, наоборот, еще больше затемнялась какой-то неотвязной думой. Темные точечки на подбородке предвещали в будущем черную густую бородку. Но лицо пока хранило детскую округлость. И рот у него был еще по-детски пухлый, неоформившийся.

Медленно взрослеет Дональд, с какой-то грустью думал Мор, слишком медленно. Это странное отсутствие зрелости огорчало Мора. Сам-то он помнил себя в этом возрасте, помнил, с какой жадностью поглощал все книги подряд в ненасытной жажде знания. А у Дональда, кажется, вообще нет никаких интеллектуальных запросов. Химию если и учит, то как-то вяло, урывками, ровно настолько, чтобы избежать родительских упреков, одним словом — лентяй, это совершенно ясно. Массу времени тратит на болтовню с Кардом и с другими мальчишками, слоняется по окрестностям то с компанией, то в одиночку, что больше всего озадачивало Мора. Может подолгу что-то высматривать из школьного окна. Или уходит вниз, на опушку леса, и, обхватив руками колени, сидит там, погруженный в мечтания. Такой образ жизни был абсолютно непонятен

Мору. Но он не решался бранить сына и даже не спрашивал, почему тот так странно себя ведет. Если мальчика видели с книжкой, то это были либо «Трое в лодке, не считая собаки», которую он перечитывал вновь и вновь, заливаясь всякий раз неудержимым смехом, либо различные книжицы по альпинизму, тщательно скрываемые от матери. Во время каникул он превращался в неутомимого и неразборчивого посетителя кинотеатра. Глядя на сына, пытаясь поймать его уклончивый взгляд, Мор испытывал чувство глубокой печали от того, что не умеет выразить свою любовь к сыну, и еще от мысли, что мальчик, вполне возможно, и не догадывается об этой любви.

— Нормально, — пожал плечами Дональд. — Я иду на спортивную площадку. — Дональд был фанатом крикета.

— Ты в команде общежития? — поинтересовался Мор. Дональд относился к подопечным Пруэтта.

— Да, сэр. С прошлого года.

Мальчик стоял сейчас вполоборота, явно не зная, уходить ему или еще подождать.

А Мору не хотелось его отпускать, хотелось подольше задержать, дождаться какой-нибудь

по-настоящему искренней фразы. Хотелось, чтобы Дональд взглянул ему прямо в глаза. И до боли резануло слух обращение «сэр».

— Кард хорошо перевел на уроке латыни. — Мор сказал это специально, чтобы похвалить приятеля сына.

— А, понятно.

Мор спросил себя, перескажет ли Дональд Карду эти слова и как тот воспримет похвалу. Как же мало он о них знает. Дональд сунул книгу под мышку. А если спросить, что за книжка? По опыту Мор знал, что сыну не нравятся такие вопросы. Но любопытство пересилило.

— Что читаешь, Дон?

Мальчик молча протянул ему книжку. «Пятьсот лучших шуток и загадок» значилось на обложке.

Не найдя что сказать, Мор вернул книжку.

И тут поодаль, за спиной у Дональда, появилась маленькая фигурка. Это была мисс Картер. Мор тут же с неодобрением отметил, что на ней брюки. Дональд обернулся, увидел ее и, пробормотав что-то вроде приветствия, побежал к крикетному полю.

— Извините за опоздание. Надеюсь, я не помешала разговору? Это ваш ученик?

— Мой сын.

Мисс Картер удивленно взглянула на Мора.

— Я и не предполагала, что у вас может быть такой взрослый сын, — чуть шутливо ответила она.

— Как видите, может, — неуклюже пожал Мор плечами. Как вызывающе она выглядит в этих брюках, раздраженно думал он. Плотно облегающие, сужающиеся книзу черные брючки, ярко-синяя блузка, синие же парусиновые туфли и никаких украшений. У нее неплохая фигурка, подумал Мор, и в то же время она сейчас похожа на девочку-школьницу, переодевшуюся в костюм парижского уличного мальчишки.

— Когда есть вот такой взрослый сын, это прекрасно.

— Неплохо, хотя случаются и грозы. Идемте? — И они направились к дверям библиотеки.

— Чувствую, вас раздражает мой сегодняшний наряд. И наверняка я зря надела брюки. Но обычно я так одеваюсь для работы, и мне не пришло в голову, что такая одежда в школе неуместна. В следующий раз оденусь иначе.

Мор рассмеялся. Его недовольства как не бывало. Они вошли в читальный зал, прошли в тишине между столами, за которыми склонялись над книгами ученики старших классов, и Мор

поймал себя на мысли — помнит ли мисс Картер, как вчера в темноте взяла его за руку? Наверняка позабыла. Этот вопрос облачком проплыл в сознании Мора и так же тихо растаял. Когда они выходили из библиотеки, он уже об этом не думал.

Пройдя по асфальту игрового поля, они приблизились к *главной* школе. Теперь покажу ей актовый зал, решил Мор. Зал встретил их гулкой пустотой. Окна были распахнуты, за ними открывался вид на поросший соснами склон, и можно было разглядеть вдали спортивные площадки. Летняя меланхолия здесь чувствовалась особенно сильно. Высоко, у самых стропил, порхали бабочки. Закрывающие сцену бархатные занавески колыхались от легких дуновений ветерка. Звонкое эхо их шагов отражалось от стен.

— Это наш зал, — каким-то бесцветным голосом проговорил Мор. Ему стало скучно. Он знал здесь все назубок.

— Расскажите о Демойте, — вдруг попросила мисс Картер.

— Что же вы хотите узнать? — Мор понял, что в душе ждал этого вопроса.

— Все. Расскажите все, что знаете. Как понимаете, создание портрета — это не просто: сел и

фиксируй, что видишь. Для портретиста личное отношение к тому, с кого пишешь портрет, чрезвычайно важно. Когда мы лучше узнаем кого-то, этот человек в наших глазах меняется. Ну, есть, разумеется, задачи рангом пониже, их тоже надо решать. Костюм, поза, настроение, фон, окружающие детали. Надо все это обдумать заранее, потому что есть связь между изобразительными приемами и техникой. В спешке ничего хорошего не получается.

Мор про себя улыбнулся горячности ее слов, произнесенных чуть самоуверенным, наставительным тоном. Они шли к «науке и спорту». «Любопытно, — думал Мор, — это ее собственные убеждения или она повторяет отца?» Отчасти чтобы проверить, он спросил:

— А зачем вам столько знать о Демойте? А вдруг чье-то мнение о нем окажется ложным? А что, если тот самый первый взгляд, когда знания ваши ограничивались лишь зрительным восприятием, самые правдивые? И я лишь собью вас своими рассказами с толка.

— Я профессиональный портретист, — строго нахмурилась мисс Картер, — и меня пригласили написать *вашего* мистера Демойта, а не *моего.*

Мор даже присвистнул про себя. Теперь понят-

но, что Демойт подразумевал, когда говорил, что в своем профессионализме она похожа на тяжелый паровой молот. Они зашли в спортивный зал. Там было полно учеников младших классов. Кто-то лез по канату, кто-то крутился на перекладине, там прыгали через коня, тут подскакивали и носились друг за дружкой, что вполне естественно для маленьких мальчиков. Хензман, учитель физкультуры, с улыбкой помахал Мору. Мор симпатизировал ему. Учитель физкультуры был из тех, кто доброжелательно относился к Дональду.

Мисс Картер какое-то время наблюдала за этой веселой возней. Потом, когда они покинули спортивный зал, вернулась к прерванному разговору:

— Конечно, вам мои слова могли показаться претенциозной бессмыслицей, *чепуховиной*, как выразился бы мистер Демойт. Вот видите, я его изучила немножко, даже знаю его излюбленное словцо. Нет, это не бессмыслица и не чепуховина. Я просто хочу написать такой портрет, чтобы все уловили внутреннее сходство. В каждом человеке заключена его собственная истина, но чтобы эту истину понять, *нужно* время. Мне кажется, вы знаете истинного мистера Демойта, а мне еще только предстоит его отыскать.

Пройдя по игровой площадке, они вошли в общежитие. Мор вдруг почувствовал какой-то новый интерес и симпатию к мисс Картер. Его заинтересовало, где она получила образование? Наверняка в каком-нибудь французском лицее. Он хотел было спросить, но понял, что сейчас не время.

— Постараюсь вам помочь, — улыбнулся он. — Здесь у нас спальня для школьников, получающих стипендию. — Он отворил двери, за которыми обнаружились два длинных ряда железных кроватей, прикрытых синими покрывалами. Возле каждой — белая тумбочка, на крышку которой пансионеру разрешалось ставить не более трех предметов. Кровати разделялись белыми занавесками, в дневное время раздвинутыми.

Это помещение, кажется, заинтересовало мисс Картер больше, чем гимнастический и актовый залы.

— Похоже на Голландию, — проговорила она. — Но почему? Много белизны и света… Ваш сын здесь ночует?

Вопрос озадачил Мора.

— Мой сын не стипендиат. К тому же только ученики младших классов спят в общей спальне.

У старших — отдельные комнаты.

— В общих спальнях есть что-то щемящее, — произнесла мисс Картер. — Мне приходилось испытывать такое же чувство при виде кладбищенских надгробий.

Они пошли вниз по лестнице.

— Мне показалось, что мистер Демойт намеренно обманывает меня относительно некоторых вещей. Например, одежда. Я уверена, что до моего приезда он одевался совсем иначе. Не только запах нафталина выдает, но и то, как все эти одежки на нем сидят.

Мор рассмеялся. Он не чувствовал себя обязанным хранить нелепый секрет Демойта.

— Вы угадали. Демойт очень редко надевает костюм. Днем он обычно ходит в вельветовых брюках и спортивной куртке, а вечером переодевается в черные брюки и домашнюю куртку. Ну, к этому, разумеется, еще галстук-бабочка.

— Я так и думала, что должен быть галстук-бабочка, потому что он постоянно делает такой характерный жест, словно что-то поправляет на шее. Но к чему весь этот спектакль?

— Не хочет, чтобы юная девица его разгадала, — ответил Мор, искоса глянув на нее.

— Но я его разгадаю, — улыбнулась мисс Кар-

тер. — Разгадаю!

«Нет, это не голос отца, — подумал Мор. — Это она сама». Они пошли вниз по травянистому склону, отделяющему библиотеку от начала лесных зарослей.

— Хотите посмотреть часовню?

— Нет, благодарю, — решительно отказалась мисс Картер. — Я для этого неподходяще одета. Не хочу оскорбить чьи-то чувства. А скажите-ка, мистер Демойт и в самом деле издал когда-то томик своих стихотворений под названием «Увядшие цветы»?

Мор расхохотался:

— Ничего подобного! А он уверяет, что это *его* стихи?

— Да. Я попросила показать все его опубликованные работы. И он извлек эту книжку. Да еще сказал, что вот-вот выйдет несколько новых сборников.

— Он еще и не такое способен выдумать. Я даже сожалею, что испортил его шутку. «Увядшие цветы» — это давние поэтические опыты мистера Эверарда.

На этот раз расхохоталась мисс Картер.

— Догадываюсь, мистер Демойт развлекается. В таком случае я буду полагаться на вас. Могли бы

вы показать мне его книги? Вы, надеюсь, не подведете? — Она произнесла это с такой холодной решимостью, что Мор вполне мог обидеться.

— Согласен! — радостно согласился Мор. Он не обиделся. — Я покажу вам все, что он написал. Не так уж много. Монография о восточных коврах, несколько статей о книжных раритетах, сборник речей, произнесенных на торжественных собраниях в школе. Это все очень давно публиковалось. Но Демойт страшно рассердится, если узнает, что я дал вам его книги.

— Я сохраню это в тайне.

На минуту на душе у Мора стало тревожно, ему показалось, будто он предает старика, но в то же время ему хотелось сделать одолжение мисс Картер, просьбы которой, как ему казалось, были вполне обоснованны.

— Что бы еще вы хотели увидеть? Может быть, изостудию? Там устроили выставку по случаю вручения наград. Думаю, работы еще не убрали.

— О да, с удовольствием. Я очень люблю творчество детишек.

«Странно, что она называет школьников детишками», — подумал Мор. И тут же понял, что видит в мисс Картер существо, куда более юное, чем его собственные ученики. Теперь их окружи-

ла прохлада леса. Они шли по лесной тропинке, усеянной солнечными бликами. Листва шуршала под ногами, и похрустывали сухие ветки.

— А мистера Бладуарда мы там встретим?

— Вы не хотите? В такой солнечный день мы его вряд ли застанем. Наверняка он повел учеников на этюды.

— Я с ним еще не встречалась, и мне как-то беспокойно.

— Он совершенно безобидный тип, наш Бладуард, разве что немного странный. Он в некотором роде первохристианин. Это влияет и на его воззрения в области портретной живописи. По его теории, надо либо возвращаться к византийскому стилю, либо вообще отменить портретистику.

Вот уже и изостудия показалась, длинное, не блещущее изяществом строение, бывшее некогда амбаром. Мелькали среди деревьев сборные металлические домики. Там размещались музыкальные классы, и оттуда доносились, растворяясь в летнем воздухе, звуки пианино и духовых инструментов. Мисс Картер вдруг остановилась. Видно было, что она смущена.

— Что с вами? — удивился Мор. — Не бойтесь. Я отсюда вижу, что в студии никого нет.

По траве, по жухлой листве они спустились

к мощенному булыжниками двору и, пройдя по нему, подошли к дверям изостудии. Мор вошел первым. Запах краски ударил ему в ноздри, цельный, мастеровой дух искусства, сменивший легкомысленную мелодию, рожденную дуновениями ветерка и шуршанием листвы, сопровождавших их на лесных тропинках. В студии и в самом деле не было ни души.

— Путь свободен, заходите! — крикнул он мисс Картер, которая все еще стояла снаружи и, казалось, в любую секунду готова была упорхнуть. И вошла она тоже очень настороженно.

И тут же ее вниманием завладели живописные работы, приколотые к высоким, расставленным вдоль стен мольбертам. Она увлеклась рассматриванием картин. Сквозь высокие окна солнечный свет лился в комнату щедрым потоком, придавая ей сходство с некоей церковью, оформленной в современном духе. Впервые за весь этот длинный день Мор почувствовал себя свободным, в такой степени свободным, что позволил себе понаблюдать за спутницей. Он уселся на табурет и стал смотреть, как она переходит от одной детской работы к другой. Да и сама она сейчас стала похожа на девочку с детского рисунка, доверчивую и простодушную. Черные волосы па-

дали ей на лоб. Он видел юношескую округлость ее сосредоточенного лица и вдруг подумал: «Как редко я теперь смотрю на женщин».

— Как необыкновенно дети умеют видеть! — взволнованно произнесла мисс Картер. — Взгляните на эту сценку… сколько чувств! Взрослый художник не смог бы это вытянуть. Получилось бы просто слащаво.

Мор взглянул на картинку. Девушка заходит в вагон поезда, а юноша снизу протягивает ей розы, и в глазах его и в позе чувствуется отчаяние. Мор еще не успел ничего сказать, а мисс Картер уже стояла перед другой картинкой, и вновь послышался восхищенный возглас. В конце ряда мольбертов лежала стопка белой бумаги и стояла баночка с краской. Осмотрев последнюю картинку, мисс Картер вдруг схватила кисточку, макнула в краску и одним махом нарисовала круг на белом листе. Да так стремительно, что Мор невольно рассмеялся.

— Знаете этот анекдот о Джотто? — спросила она. — Какие-то знатные господа пришли к нему заказать картину и потребовали доказательство его мастерства. Тогда он взял кисточку и нарисовал круг, безупречный. И получил заказ. Этот рассказ в детстве очень впечатлил меня. И с тех

пор я тоже рисую круг, словно залог успеха.

— А это трудно?

— Попробуйте. — И мисс Картер протянула Мору измазанную краской кисточку.

Мор повертел в руке непривычный предмет и вывел овал, очень неуклюже.

— Увы! — со смехом воскликнул он. — Какой-то *овалокруг* получился. А теперь нам пора идти.

Он обещал доставить мисс Картер на Подворье к вечернему чаю и вдруг встревожился, как бы не опоздать.

— Но я не хочу уходить, — заупрямилась мисс Картер. — Запах красок действует на меня магически. — И она отправилась бродить среди табуретов и мольбертов, вдыхая воздух и разводя руками. — А это куда ведет? — спросила она, указывая на деревянную лестницу под самым потолком студии, заканчивавшуюся дверцей.

— Да будет вам известно, что здесь прежде был амбар, — пояснил Мор. — Лесенка вела к сеновалу. Там прекрасное освещение. Передняя часть помещения отдана под гончарную мастерскую, а в дальней — жилище мистера Бладуарда, если это можно так назвать.

— Значит, он живет наверху?

— Да.

— Я хочу посмотреть!

Мор не успел опомниться, как она уже взбежала по лесенке и толкнула дверь.

— Минуточку! — крикнул Мор и поспешил за ней. Но, подняв голову, увидел лишь подошвы синих туфель, исчезающих за дверью. Когда он вошел, мисс Картер уже прохаживалась между гончарными кругами, которыми была уставлена комната. Мору припомнилась сцена в розарии. Тревожно ухнуло сердце.

— Мне кажется, нам лучше уйти. Бладуард вот-вот вернется.

— А где его комната? Вон там? Я хочу посмотреть. — Она побежала в дальний конец помещения и отворила дверь. Мор пошел за ней.

Просторная комната с покатым потолком, очень светлая, служила Бладуарду одновременно и спальней, и гостиной. Кухня и ванная находились внизу, в пристройке, и туда надо было спускаться по шаткой лесенке. Мор прежде был здесь лишь один раз и теперь застыл в изумлении. Это была начисто лишенная украшений, бесцветная комната. Пол выскоблен, стены побелены. Никаких картин, вообще никаких красочных пятен. Мебель из светлого дерева, даже постель покрыта белым покрывалом.

Мисс Картер обвела взглядом комнату.

— Никаких красок, — пробормотала она. — Любопытно.

— Ну вот, посмотрели, а теперь идемте, — жалобно попросил Мор.

— Надо проверить кровать. Интересно, насколько она жесткая. — И резво пробежав по комнате, она улеглась на постель, вытянув обтянутые черными брючками ноги и подперев ладонью щеку. На фоне этой белизны она казалась Мору чумазым мальчиком-трубочистом, пытливо разглядывающим его.

Мор был рассержен и изумлен. Но в то же время старался не показать виду, как будто перед ним был ребенок, который чем больше на него обращают внимания, тем сильнее шалит. Насколько она искренна в своей шалости, он еще не разобрался. Он вернулся к входной двери, отворил ее и хотел было спуститься, и тут холодок пробежал у него по спине — глянув вниз на хорошо освещенный квадрат студии, он заметил, что дверь с улицы начинает отворяться. Укороченная ракурсом, возникла на пороге фигура Бладуарда. По обыкновению понуро свесив голову, он вошел в помещение и начал бродить по нему, по всей видимости что-то разыскивая. Он был весь погру-

жен в поиски, к тому же длинные волосы падали ему на глаза и, как шоры, закрывали обзор, поэтому открытую верхнюю дверь вряд ли заметил. Хождение внизу длилось и длилось. Мор наблюдал за ним, испытывая легкое чувство вины. Так иногда бывает, когда следишь за кем-нибудь сверху. Он мог бы окликнуть Бладуарда, и в какой-то момент это прозвучало бы вполне естественно. Но надо было придумать, что сказать, и к тому же там, в комнате, мисс Картер все еще лежит на постели. В общем, пока Мор взвешивал все за и против, Бладуард вышел из студии. Он прислушался — шаги удалялись в сторону леса.

— Что случилось? — раздался голос мисс Картер. Все это время она лежала на постели, наблюдая в полуоткрытую дверь спальни за маячившим вдали Мором.

Он вернулся и приблизился к ней.

— Бладуард! — сдержанно произнес он. — Но теперь он ушел.

Мисс Картер спрыгнула с постели и торопливо, явно желая загладить вину, начала поправлять покрывало.

— Боже мой! Он нас не заметил? И как меня угораздило!

Заверив, что ничего страшного не случилось,

Мор осторожно повел ее вниз. Но в душе корил себя за то, что не окликнул Бладуарда, и злился на девушку за ее неуместное озорство. Вот, кажется, еще один секрет, маленький, глупый секрет, возник между ними. А Мор порицал секреты.

Глава 4

Нэн не умела подбирать ни пальто, ни шляпки. В вечернем платье ей еще удавалось выглядеть эффектно. Но в пальто и шляпке ну никак.

Мор видел, как, сидя в заднем ряду, она смотрит с чуть надменной усмешкой поверх голов собравшихся. На ней фетровая шляпка, бог знает, где она ее раскопала, и, несмотря на теплынь, пальто с меховым воротником.

Мор вел занятие на ВОК (Вечерние образовательные курсы). Лекция близилась к концу. Мор часто спрашивал себя — почему Нэн всегда приходит на эти лекции, зачем ей это надо? С Тимом Берком, неизменно председательствующим на лекциях, она не очень дружит, и его, Мора, диалог с аудиторией ее тоже вряд ли интересует. Во всяком случае, о том, что он здесь рассказывает, она потом никогда не вспоминает. А если и задает вопросы, то всегда какие-то неглубокие, а подчас и неумные. Вероятней всего, приезжает просто покрасоваться. Лучше бы оставалась дома.

Дональд тоже был здесь. Но сидел не с матерью, а в первом ряду с краю, прислонившись к стене, закинув ногу на ногу. У него было особое разре-

шение из Сен-Бридж на посещение этих лекций. Марсингтон находился в трех остановках от их городка, тоже в пределах лондонской зоны. Так что после лекции мальчик успевал на пригородном поезде еще задолго до полуночи добраться до общежития. Что заставляет Дональда приходить на лекции? Вот это уж для Мора не было загадкой. Ради Тима Берка, с которого весь вечер не сводит глаз. Мор сомневался, слышит ли мальчик вообще, о чем здесь говорят.

Мор отвечал на вопрос:

— Свободу, если быть точным в определениях, нельзя назвать добродетелью. Свобода — это скорее дар или своего рода благодать. Хотя, безусловно, способность или, наоборот, неспособность достичь ее есть доказательство тех или иных нравственных качеств.

Тот, кто задал этот вопрос, — средних лет преуспевающий владелец овощной лавки и одновременно один из активистов местного отделения лейбористской партии — тяжело оперся на стоящий впереди стул. Отчего сидящий там нервно отклонился вперед.

— Свобода, несомненно, является главной добродетелью, а если это не так, то чем наше время отличается от Средневековья? — возразил зелен-

щик и впился в лектора глазами, напряженно ожидая ответа.

А Мор тем временем думал: «Ведь на самом деле этот человек не слышит меня, не хочет слышать. Он убежден в своей правоте и не собирается менять свое мнение. И мои слова скользят мимо, не задевая его».

И снова пришло то самое, окрашенное печалью, чувство вины. Он испытывал его всякий раз, когда ловил себя на том, что, забывая о необходимости взаимопонимания с учениками, просто *изображает* учителя. Скольких учителей он знал, а среди них и пользующихся репутацией одаренных, которым так нравилось разыгрывать спектакли, подчас блестящие, перед теми, кого следовало в первую очередь *просвещать*, и в итоге обе стороны оказывались в дураках. А ведь учитель, настоящий, об одном лишь должен заботиться — о понимании. И для достижения его обязан жертвовать всем остальным. Мор всегда расстраивался, когда ловил себя на желании блеснуть, произвести впечатление. А пример брать было с кого. Ведь во взрослой аудитории непременно отыщутся слушатели, тоже являющиеся не за тем, чтобы научиться чему-либо, а исключительно — чтобы поразить всех своей

оригинальной точкой зрения. И вот, махнув рукой на освещение вопроса, лектор уступает соблазну устроить эффектный спектакль. «А можно ли вообще кого-либо по-настоящему просветить *здесь!*» — с неожиданно нахлынувшим отчаянием спросил себя Мор. И тут же, без всякой связи с происходящим, вспомнил заманчивое предложение Тима Берка и почему-то вдруг устыдился своих нынешних усилий.

— Извините, мистер Стейвли. Я недостаточно полно ответил на ваш вопрос. Разрешите сделать еще одну попытку. Вы утверждаете, что свобода есть добродетель, но я не тороплюсь согласиться с вашим мнением. Позвольте объяснить почему. Начнем с того, что, как я уже ранее заметил, понятие «свобода» нуждается в определении. Если под свободой понимать отсутствие внешних препятствий, тогда человека, обладающего такой свободой, можно назвать счастливым, но можно ли назвать его добродетельным? С другой стороны, если понимать свободу как самодисциплину, как власть над эгоистическими желаниями, тогда свободного человека можно назвать одновременно и добродетельным. И не будем забывать, что наиболее утонченные концепции свободы способны в то же время играть

на руку опаснейшим тенденциям в политике. Такого рода теории могут использоваться для оправдания тирании отдельных личностей, возомнивших себя просвещенными. Но вы, мистер Стейвли, подразумевали, я не сомневаюсь, именно ту свободу, которую проповедовали великие либеральные демократы прошлого столетия, то есть политическую свободу, отсутствие тирании. Она есть условие добродетели, и стремление к этому — есть добродетель. Но свобода сама по себе не добродетель. Назвать простое отсутствие ограничений, простую расправу над схемами и насмешку над условностями добродетелью — это обыкновеннейший романтизм.

— И чем же плох романтизм? — не собирался сдаваться Стейвли. — Кстати, давайте определимся с понятием «романтизм», раз вы так любите определения.

— А любовь, не есть ли именно она главная добродетель? — спросила, повернувшись к Стейвли, одна из слушательниц. — Или вы, мистер Стейвли, полагаете, что Новый Завет уже устарел?

«Опять ничего не получилось», — подумал Мор. Он чувствовал себя как наездник, надеявшийся, что со второго раза лошадь возьмет препятствие, но она вновь остановилась перед барьером. Он

очень устал, и слова давались ему с трудом. И все же он не собирался сдаваться.

— Ну хорошо, оставим романтизм и начнем рассуждать последовательно. Для начала рассмотрим…

— Увы, пришло время закрывать нашу плодотворную дискуссию, — вмешался Тим Берк.

«А, черт! — мысленно выругался Мор. — Закрывает лекцию раньше времени, чтобы поговорить со мной». Мор сел. Последнее слово, он чувствовал, осталось не за ним. Покачивая головой, Стейвли говорил что-то вполголоса своему соседу.

Тим Берк встал и подался всем корпусом вперед — поза, свойственная закаленным, профессиональным ораторам. Но Мор ведь знал, насколько Тим робеет перед аудиторией.

— Друзья мои, — произнес Тим, — мне жаль прерывать ваш интереснейший ученый спор, но время, как говорится, поджимает. И мистер Мор, я уверен, не обидится, если я сейчас предложу всем вам переместиться на краткий миг в ресторанчик, здесь, по соседству, где мудрыми словами нашего лектора можно будет насладиться вместе с пинтой горького пива. Можно ли заканчивать лекцию раньше времени? Этот вопрос в свое вре-

мя мы обсудили с руководством марсингтонского отделения ВОК и получили, что случается крайне редко, полное одобрение.

— И таким образом, — раскачиваясь на каблуках, продолжал Тим, — отметим завершение еще одного цикла полезнейших лекций, читаемых мистером Мором. Лекций, из которых, я могу смело сказать, мы все без исключения почерпнули много полезного. И содержание которых, я уверен, даст нам пищу для размышлений в период каникул, после чего, осенью, мы снова здесь соберемся. И дерзну предположить, что к тому времени мистер Мор согласится, мы все на это надеемся, занять другой, более высокий пост, на который, по мнению марсингтонцев, имеет полное право. Но на эту деликатную тему я не скажу больше ни слова. А теперь, друзья, поблагодарим мистера Мора, как это принято.

Раздались громкие рукоплескания, они длились долго, сопровождаемые возгласами благодарности. «Вот черт», — подумал Мор. Он видел, как Нэн неспешно похлопывает в ладоши, опустив глаза. Мор не одобрял пристрастия Тима к риторике, это во-первых, и претензии Тима на роль знатока политической жизни, это во-вторых. Занимаясь с Тимом делами ВОК, он

неожиданно для себя разглядел, до чего Берк нескладен, малообразован, внутренне скован. И желание произвести впечатление на публику наверняка обратная сторона его комплексов. Мор относился к Тиму с теплотой, кое-чем в нем восхищался и потому болезненно воспринимал эти превращения Тима в «трибуна». Он предпочитал видеть его беззаботно сидящим за столиком в кафе или в деловой атмосфере на заседании какой-нибудь комиссии, а лучше всего — за легкой беседой в узорчатом полумраке ювелирного магазинчика. Но грустный парадокс их взаимоотношений заключался именно в том, что Тим постоянно стремился впечатлять Мора своими скудными познаниями. Обучать его было трудновато, одергивать — немыслимо. Но такого бестактного выступления, как в нынешний вечер, Мор не ожидал. И именно сейчас, когда Нэн так настороженно присматривается к нему, вдруг такое заявить! Теперь она решит, что они за ее спиной сплели сети заговора.

Слушатели начали подниматься со своих мест. Мор тоже встал и потянулся. Раздражение улеглось, осталась одна усталость. Надеясь избежать внеурочного разговора с мистером Стейвли, он подвинулся ближе к Тиму, под его защиту. Тим

собирал раскиданные по столу бумаги. Похоже, он считал, что в обязанности председателя входит и это — во время лекции устраивать на столе беспорядок. Тим был старым знакомым семьи Моров. Мор и Тим, оба члены лейбористской партии, познакомились в ходе партийных дел. Мор преподавал тогда в школе на южной окраине Лондона, и они с Нэн взяли холостяка Тима, так сказать, под свое крыло. Сейчас они виделись с ним куда реже, чем в былые годы, тем не менее Мор продолжал числить Берка среди своих лучших друзей. Он был немного старше Мора. Худощавый, бледный, с оспинами на лице и тонкими белесыми волосами, то ли желтоватыми, то ли сероватыми, когда как; кисти рук у него были крупные, белые. Внешность самая заурядная, и если в ней что и запоминалось, так это глаза, в синеве которых неожиданно просвечивали и другие цвета; и еще оставалась в памяти его речь. Тим Берк еще в детстве покинул Ирландию, но его национальность можно было без труда угадать, вопреки тому, что долгие годы жизни в Лондоне и пристрастие к кинематографу добавили выговор кокни к его ирландскому акценту и засорили американизмами свойственную дублинцам цветистую образность его речи. Он был искусным

ювелиром и, если бы захотел, мог стать богачом.

— Спокойно, капитан, мы выручим вас, пусть это будет стоить нам жизни! — проговорил Тим, бдительно следя за Стейвли, который стоял в одиночестве, погруженный в глубокую задумчивость.

Лекция состоялась, как и всегда, в абсолютно безликом здании Пэриш Холл, где сейчас горели все имеющиеся в наличии электрические лампочки. На улице еще не успело стемнеть. И сквозь густую синеву вечера большая часть слушателей потянулась в сторону ресторанчика, именуемого «Пес и Утка». Но некоторые остались. И теперь, стоя среди массивных парт и металлических стульев, переговаривались и одновременно с беспокойством поглядывали на лектора — наверняка готовили свои вопросы и мысленно прикидывали, умно ли это прозвучит. Нэн натягивала перчатки подчеркнуто медленно, с надменным видом, как бы намекая, что ко всему окружающему она никакого отношения не имеет. Мор знал эту ее манеру. В первое время Мору казалось, что Нэн подружилась с кем-то из слушателей курсов и именно поэтому приезжает вслед за ним на лекции. Но он ошибся, ни с кем Нэн не подружилась, никто ее не заинтересовал.

Когда Мор упоминал того или иного слушателя лекции, Нэн отвечала, что не помнит такого, а может, просто умело изображала забывчивость. Она вела себя как знатная дама в окружении презренной черни.

Нэн медленно прошла по комнате. Дональд, тот уже давно в волнении стоял поблизости от стола, с которого Тим собирал бумаги. В такие минуты возникало впечатление, что Дональд привязан к Тиму, что их тела соединены невидимыми нитями. Проходя между ними, Мор содрогнулся. Сын совсем рядом, но нет сомнений, что сейчас для него существует только Тим. Он с жадностью ловит его жесты, к его голосу прислушивается. Дон боготворит его друга. Уверенность в этом давала Мору еще один повод к раздражению. Что за бессмыслица, спрашивал он себя. Невероятная бессмыслица!

Уже вошло в обычай, что после лекций Тим приглашает Моров к себе в магазинчик. И там они отдыхают, пока не наступит время спешить на пригородный поезд. Как-то раз Тим намекнул, что Мору иногда можно и пропустить эти послелекционные словесные поединки в «Псе и Утке», и Мор с ним согласился. Сейчас Тим, зорким взглядом окинув окружающих, оценил

обстановку. Стейвли после приступа задумчивости понемногу оживал. Выражение решимости вновь загоралось на его лице.

— Отступаем! — скомандовал Тим.

Через кухню, потом по какому-то коридору он вывел их на улицу. Марсингтон — старинный городок, с прекрасной широкой главной улицей, окаймленной сложенными из булыжника, поросшими травой бордюрами. Окрестные поля давным-давно застроены домиками под красными крышами, и мимо них, через равные промежутки времени, проходят по путям зеленые составы, отвозя марсингтонцев и их ближайших соседей в Лондон за хлебом насущным и привозя обратно. Теперь по главной улице проходила одна из важнейших ведущих к столице автомобильных дорог. И самыми заметными были соперничающие одна с другой автостоянки с бензозаправками, чьи горящие ярким светом вывески освещали древние булыжники мостовой и заманивали проезжающих. Поток машин нескончаем. Но сейчас, в теплых летних сумерках, все вокруг обретало какой-то отстраненно благостный и мирный вид, а длинные просторные фасады гостиниц и жилых домов казались уютными и гостеприимными.

Магазин Тима Берка находился среди прочих старых магазинов, выложенных понизу темными камнями и окрашенных в белый цвет сверху. Черная вывеска над дверью гласила: «Т. Берк, ювелир и золотых дел мастер». Тим рылся в карманах в поисках ключа. Мор прислонился к стене. Ему было радостно оттого, что удалось сбежать, но к радости примешивалось беспокойство — Нэн рядом и, возможно, уже начинает сердиться. Он искоса глянул на нее. Стоит, выпрямившись, поджав губы. Плохой знак. Ключ наконец отыскался; гости вошли в магазин и подождали, пока где-то там, в глубине, Тим включит свет.

Мору нравилось здесь, особенно вечерами, при затворенных плотно ставнях, когда темнота нарушалась лишь тусклым светом лампы. И поэтому казалось, что ты очутился то ли в пещере, то ли в лаборатории алхимика. В нескольких шагах от дверей комнату перегораживали два высоких застекленных прилавка. И если эта, передняя часть магазина содержалась в относительном порядке, то по ту сторону начинался и чем дальше вглубь, тем больше нарастал хаос. Вдоль трех стен, от пола до потолка, громоздились полки, уставленные чем попало и как попало. А подступы к ним преграждали стоящие вплотную друг к другу

деревянные лари. Между ларями на оставшихся клочках пространства теснились маленькие столики, некоторые со стеклянными крышками. Часть драгоценных ювелирных изделий была выставлена в витрине магазина, часть хранилась в сейфах в задней комнате, остальные же лежали под стеклом на прилавке в продуманном беспорядке. Тим, когда хотел, прекрасно демонстрировал свой товар. Он любил камни, собирал и выставлял их, руководствуясь собственной системой ценностей, не всегда совпадающей с рыночной ценой. Мор отметил, что сегодня один из прилавков отдан коллекции опалов. Ожерельям из опалов, серьгам с опалами, брошам; опалам черным, опалам переливчато-многоцветным, опалам бесцветным, сверкающим, словно капельки замерзшей воды. Второй прилавок был заполнен жемчугом, сверху лежал настоящий жемчуг, под ним — жемчуг культивированный, а рядом красовались вещицы из золота — печатки, кольца, часы. За годы дружбы с Тимом Мор выучил кое-что о камнях. Это получилось помимо его воли, потому что, по причинам ему самому неясным, он поначалу с некоторым неодобрением относился к профессии друга.

В порядке содержались только действительно

дорогие изделия. Дальше, на задворках, хранилась дешевая бижутерия, и она-то лежала как попало. На застекленных приземистых столиках, скрученные в виде многоцветных канатов, кудрявились бусы. И не всякий клиент набирался храбрости, указав пальцем на эти радужные лианы, потребовать: «Покажите мне вот *эти* бусы». Тут же, рядом, громоздились клипсы, серьги, причем часто оказывалось, что вторая клипса или серьга безвозвратно потеряна; а еще броши, браслеты, аграфы и целый винегрет прочих мелких украшений. К дешевым изделиям Тим относился без всякого трепета. Они не выставлялись, они просто валялись. И между столиками позволено было бродить тем из покупателей, которые упрямо стремились отыскать какую-то определенную вещь. И очень часто им приходилось обшаривать магазин вдоль и поперек в поисках второй сережки или второй половинки какой-нибудь пряжки. На задворках хранились и другие предметы, более или менее дорогие: табакерки, вышивки, старинные монеты, кубки, веера, пресс-папье, кинжалы с эфесами из серебра; Тим часто говаривал: «Не могу понять, как эти *диковины* сюда попали, потому что, клянусь, сам я их не покупал».

Тим принес стулья и, рассадив гостей в передней части магазина между прилавками, исчез в глубине, чтобы принести печенье и молоко для Нэн и Дональда и виски для себя и Мора. В задней части магазина находилась мастерская, кухня и дворик, где росло лишь одно растение — платановое дерево. На втором этаже — спальня, небольшие оконца которой выходили на улицу. Мор вытянул ноги. Как и всегда, легкое волнение охватило его, лишь только он представил, что находится сейчас в пространстве, для других посетителей недоступном. В этом был привкус избранности и вместе с тем что-то волшебное. Он чувствовал, что жена и сын тоже взволнованы. Дон и Нэн становились в магазине Тима непоседливыми и беспокойными. Немного обождав, они вставали и начинали бродить по магазинчику, отодвигая крышки, трогая предметы. Видя их в таком настроении, Мор неизменно начинал беспокоиться. Ему казалось, что его близкие уходят за кем-то в неведомую даль. А Тим, наоборот, был счастлив, что они так интересуются, и всячески их поощрял.

Тим вернулся с большим подносом и поставил его на прилавок. В молоко, предназначенное для Нэн, он добавил немного *овалтина,* пододвинул

печенье.

— А может, сегодня разрешим мальчику виски? — как всегда, спросил Тим.

— Рановато, я думаю. А ты что скажешь, Дон? — как всегда, ответил Мор.

— Не хочу, — недовольным голосом буркнул Дональд. И Тим подал ему молоко.

Мор сидел, задумчиво играя стаканчиком, отчего содержимое чуть покачивалось на свету. Нэн и Дональд вскоре отправятся на поезд, а он останется, вернется полуночным. Потому что ему необходимо поговорить с Тимом наедине. Придется ждать, пока они уйдут.

Нэн встала и с кружкой молока в руке отправилась в глубь магазина и там начала бродить, поднимая то одну вещицу, то другую. Мор наблюдал за ней с беспокойством, Тим — с затаенным радостным любопытством. Единственная зажженная в углу лампа бросала свет на изъеденные древоточцем дубовые полки. И лицо Нэн то выныривало из мрака, то вновь погружалось во тьму. Тим сидел, повернув голову к Мору, и золотая полоска очерчивала его профиль. Дональд тоже повернулся к свету, лицо его стало задумчиво-тревожным. Потом он встал, пошел туда, где прохаживалась Нэн, и путешественни-

ков теперь стало двое. Поблескивала стоящая на подносе бутылка виски, и то вспыхивали, то гасли стаканчики в руках у мужчин, а где-то в глубине магазина луч лампы падал на поверхность драгоценных камней, и они рассыпались световыми брызгами.

Нэн отодвинула одну из витрин и набрала полную пригоршню ожерелий. Она выглядела необыкновенно веселой и оживленной. Дональд забрел в самую дальнюю часть магазина и теперь, встав на стул, рассматривал, что стоит на полках. Мору хотелось их позвать. Он взглянул на часы. Нет, еще не время.

А Дональд отыскал на полке что-то интересное. Соскочил на пол и с находкой в руке смущенно направился к Тиму. Это была маленькая шкатулочка из слоновой кости.

— А вы, оказывается, еще не продали эту шкатулку, — произнес Дональд.

«Поглядите на него! — мысленно вскричал Мор. — Будто не знает, как Тим относится к таким фразам! А если знает, то почему бы ни попридержать язык».

— Как, это старье все еще здесь? — притворно удивился Тим. — Бери ее себе, мой мальчик, я в ней не нуждаюсь. Ни о какой плате и речи быть

не может, это грошовая безделушка, и у меня таких кучи. Будь добр, избавь меня от нее.

— Зачем тебе эта шкатулка? Что ты с ней будешь делать? — вмешался Мор и тут же пожалел, что не сдержался. Нэн мгновенно повернулась в их сторону. Дон на глазах стал пунцовым.

— Красивая коробочка, — проговорил он. — Буду хранить в ней разные вещи. — Это прозвучало совсем по-детски.

Мор еще раз укорил себя за несдержанность. Дональд вдруг показался ему таким беззащитным. Маленького ребенка можно взять на руки, прижать к себе и хоть так утешить. Со взрослыми труднее: слово сказано, назад не возьмешь, и ранит обоих.

Наверное, желая сгладить впечатление, Тим встал, взял связку ключей и, подойдя к прилавку, начал открывать ящики. Тим любил демонстрировать свои богатства. Карманы его рабочей куртки обычно топорщились от маленьких безделушек — колец, зажигалок, часов и тому подобных вещиц, которые он неожиданно вынимал и вручал собеседнику. Мор часто наблюдал в пабе, как он это делает. Вот и сейчас он разыскивал, что бы такое показать, и при этом непрерывно комментировал:

— Полюбуйтесь-ка на эти жемчужины, какой великолепный розовый блеск, они из залива, из Персидского залива… и обратите внимание, как отличаются от культивированных, пусть те тоже хороши, но уж о долговечности и говорить не стоит… а вот, глядите, какой цвет, пара сапфиров, синих, как васильки, если желаете зеленого, то вот вам прекрасный изумруд, как говорится, ласкает взгляд и слепит глаза змеи, собирающейся вас ужалить. На Изумрудном острове змеи не водятся, это подлинный эдемский сад, но только без змей… а теперь взгляните на это, как вам эти камешки, нравятся? — Тим поднял бриллиантовое ожерелье и осторожно покачал им в воздухе, заставляя камешки вспыхивать. — Полюбуйтесь, как сияют! — продолжал он. — Требуется дамская шейка. Давайте-ка, примерим на вашу жену.

Мору такие представления не нравились. Тим часто их устраивал, и Нэн не возражала. И сейчас она послушно приблизилась и сняла пальто. Под ним оказалось летнее платье с круглым вырезом. Тим надел ей на шею ожерелье и отступил, любуясь. Украшение действительно впечатляло. «Но все равно, — подумал Мор, — совершенно неуместно». Нэн поспешила к зеркалу, висящему на стене за прилавком.

— Бриллианты безжалостны, — изрек Тим, — и высвечивают все слабости их владелицы, если той есть что скрывать. Но вам нечего бояться. Королева может носить их без опаски, а вы и есть королева. — Подойдя к Нэн, он из-за ее плеча поглядел в зеркало. Он часто одарял Нэн подобными изысканными комплиментами, и все же Мор подозревал, что его не столько волнует женщина, сколько все те же украшения.

— Изумительные! — вздохнула Нэн. Она сняла ожерелье и сжала его в ладони. Мор чувствовал, что она начинает волноваться, как и прежде при посещении обиталища Тима. Здесь в ней пробуждалась та живость, которую он, Мор, кажется, бессилен был в ней пробудить. Намотав ожерелье вокруг запястья на манер браслета, она по-девчоночьи запрыгала по комнате, на ходу успевая схватить какую-нибудь безделушку, примерить серьги и подбежать к зеркалу полюбоваться ими, и обмахнуться веером, и распутать связку бус. Дональд под шумок вновь вернулся к своим раскопкам. А Тим извлекал из своих сокровищниц то кольцо, то брошь и показывал Нэн. Искорки света вспыхивали в драгоценных камнях и гасли, подобно тому, как загораются и вновь потухают звезды на облачном ночном небосклоне.

— Им пора уходить, — известил Мор.

— Еще рано, — возразил Тим.

— Если не хотите потом бежать бегом, — не вняв Тиму, продолжил Мор, — отправляйтесь сейчас. А я останусь, у меня деловой разговор с Тимом. — Его обижало, что Нэн так развеселилась, и тяготило чувство вины перед Доном, которую он не знал, как загладить.

— В самом деле, ни к чему тебе нас провожать, — возразила Нэн. — Если что, Дон меня защитит. Тим, напомните Биллу, когда надо уходить, а то он сам опоздает на поезд. — И плавно покачиваясь, она вышла из дверей. Дональд со шкатулкой в руке последовал за ней. Когда сын проходил мимо, Мор тронул его за плечо, но мальчик даже не взглянул на него. Дверь закрылась.

— Выпьем еще чего-нибудь? — спросил Тим.

Мор протянул стакан. Бриллиантовое ожерелье, которое примеряла Нэн, осталось лежать на одном из столиков. Мор взял его и положил под стекло.

— Ты очень небрежно обращаешься со всеми этими ценностями, — заметил Мор. — Вот ожерелье, сколько оно стоит?

— А бог его знает, — беззаботно отмахнулся Тим. — В этой области цены очень капризные.

Ну, может быть, гиней пятьсот.

И Мор тут же вспомнил о мисс Картер. Впервые за весь вечер. С необычайной яркостью перед ним вновь предстала вчерашняя сцена в спальне Бладуарда. Волнение охватило его. Не рассказать ли Тиму? Нет, не надо. Вспомнилось еще одно — завтра на ланче у Эверарда будут мисс Картер и Бладуард. Интересно, как все пройдет? Несомненно, не без казусов. Чувство мрачной безысходности, весь вечер не отпускавшее Мора, кажется, рассеялось. Сознание цели, направления, интерес к будущему — все это вновь вернулось к нему.

Он только собрался перейти к делу, как Тим вдруг сказал:

— Я хочу кое-что подарить твоей жене. Не бойся, не бриллианты! Как ты смотришь на эти серьги? Ей они нравятся, я заметил. Она их примеряла и в прошлый раз, и сейчас. Ей идут. Почему бы не подарить? Это не очень дорогая вещица, которую вряд ли удастся сбыть. Сейчас я упакую.

Серьги были из синего лазурита, и Мору они показались вовсе не такими уж дешевыми. Тим уже приготовил тонкую шелковистую бумагу и маленькую коробочку, но Мор остановил его:

— Ты слишком щедр. Не надо.

— Это не тебе, а твоей жене.

— И все равно не надо. К тому же Дональд уже взял у тебя ту вещицу. В другой раз, Тим. А теперь поговорим о деле.

— Ладно, — неохотно откладывая серьги, вздохнул Тим. — Ну так да или нет?

Мор выпрямился на стуле. Перед ним поставили вопрос, резко и прямо. И он вдруг осознал, что вот уже который месяц изображает из себя барышню-недотрогу, которая уже все в уме решила, но не уступает просто из-за того, что хочет, чтобы ее подольше уговаривали. Так вот, хватит кривляться. Теперь ему все ясно. От такой ясности на душе стало как-то радостно. Он сказал:

— Ответ, разумеется, «да». Хотя есть ряд трудностей.

— Что я слышу, ты согласен? — не сдержавшись, крикнул Тим. — Я уж думал, будешь и дальше ломаться, а ты взял и согласился.

— Ты что, разочарован? — с еле заметной улыбкой спросил Мор.

— Я? Разочарован? — возмутился Тим. — Да я тебя сейчас просто расцелую! Вот, на, пей виски! Да я бы жемчужину в нем растворил, если бы мог!

— Потише, потише, — успокоил его Мор. — Я хочу выполнить задуманное. Не сомневаюсь, что

у меня хватит сил это выполнить. И все же в моем возрасте бросить службу ради парламентской деятельности… тут поневоле задумаешься. Я пройду, это уже наверняка?

— Можешь не сомневаться, парнишка. Святой Франциск угодил в рай не так быстро, как ты угодишь в Вестминстер.

— Но тут возникнет еще масса вопросов, связанных с финансами. Сейчас не стану в них углубляться. И со школой надо будет улаживать. Ну, это я как-нибудь решу. А вот с женой как быть, тут дело посерьезней. Тебе ведь известно, что Нэн против этой затеи, она и слышать о ней не хочет.

Тим мгновенно помрачнел.

— Я догадывался, что она против. Но, может, со временем передумает?

— Хотелось бы верить. А вдруг нет? Без трудностей не обойдется. Кстати, что же ты сегодня вечером не сдержался, олух, ляпнул при ней? Больше всего Нэн сердится тогда, когда узнает, что я строю планы, не посоветовавшись с ней. Я надеялся, ты сможешь на нее повлиять, а теперь она будет думать, что мы за ее спиной сговорились. А если ты поговоришь с ней с глазу на глаз? Может, что-нибудь и получится?

— Вряд ли, — опустив глаза, ответил Тим. — Тут тебе самому придется постараться. Ты же, насколько я понял, не сомневаешься, что она согласится. Я рад, что ты в конце концов решился. И если ты и в самом деле будешь тверд, то все получится. А мы тебя поддержим, чем можем. Главное, *ты* держись.

— Я обещаю, — сказал Мор. Рядом с Тимом он чувствовал себя храбрецом. — Но пока никому ни слова об этом. Предстоит обсудить с Эверардом мою отставку. И уговорить Нэн. Потом я дам тебе знать, и уж тогда ты сможешь известить партию и прессу.

— Замечательно! — подняв стакан, блестя глазами, провозгласил Тим. — Так когда же мы встретимся?

— Когда? Дай подумать. О, на соревнованиях… ты ведь приедешь? На этот раз мои будут играть против ребятишек Пруэтта. — Когда-то Дональд пригласил Тима на традиционные школьные соревнования, и с тех пор тот не пропустил ни одной летней финальной игры команд Сен-Бридж. — Тогда, надеюсь, мы все и проясним и решим, что дальше делать. Но до тех пор ни слова!

— Пора на поезд, — спохватился Тим. — Я тебя

провожу.

— А знаешь, я, наверное, возьму эти серьги. Только за деньги.

— И слышать о деньгах не хочу! Возьми, сделай одолжение. Сейчас упакую хорошенечко, красиво. Ну, Мор, доставь мне эту радость.

Мор со смехом замахал руками, но в конце концов сунул коробочку в карман. И они вместе вышли из магазина.

Глава 5

На следующее утро Мор проснулся с мыслью: «До чего мне легко!» Словно добрый ангел пролетел над ним ночью. Удивляясь этому новому ощущению, он не спешил вставать и вдруг понял, в чем дело — он наконец *решился.* И это главное. По сравнению с этим осуществить задуманное будет, наверное, гораздо легче. Что действительно нужно, то обязательно сбывается. Мысленно просматривая предыдущий вечер, пытаясь извлечь то главное, что вчера произошло, Мор предположил — а может быть, Тим каким-то образом сумел передать ему уверенность, совершенно для него несвойственную, в собственной правоте? Вот любопытный повод для размышлений. Потом его мысли переключились на мисс Картер. Сегодня на ланче он ее увидит; и тут же пришла мысль, а не она ли, мисс Картер, так повлияла на него, что в нем вдруг всколыхнулись силы, возродилась вера в свои возможности? Некоторое время он размышлял над этой загадкой. Эксцентричные индивиды, наконец сделал он вывод, полезны людям, руководствующимся в жизни сводом условностей; полезны хотя бы тем, что откры-

вают этим последним некие новые горизонты окружающего мира, из которых и рождается чувство свободы. В конце концов, поучительней и не придумаешь, чем посмотреть на все как бы глазами другого человека.

Утро пролетело быстро. И незадолго до часа дня Мор сел на велосипед и поехал к Эверарду. В корзинку он положил пакетик с полным собранием сочинений Демойта, которое намеревался передать мисс Картер. Особая, исключительно для учительских велосипедов, дорожка вела лесистым неухоженным склоном к запущенному директорскому саду. Лавируя между деревьями и чуть подскакивая на небольших неровностях, Мор ощущал глубочайшее довольство собой, да и вообще всем миром. Было жарко, как и в предыдущие дни, но сегодня с юга, со стороны моря, повеял ветерок, принося прохладу.

Благосклонные мысли об Эверарде копошились в его голове. Вспомнилось ему попутно и замечание мисс Картер, что Эверард — человек простодушный. Верно. Коварства в Эвви нет. В определенном смысле он и в самом деле такой. Преследующий только благие цели, неэгоистичный; как будто и не знает, что можно добиваться чего-то для себя лично. Его жизнь выстроена, по

всей видимости, таким образом, что в ней нет даже закуточка, где можно было бы копить что-то для себя. Бытие большинства людей обязательно предусматривает какую-нибудь кладовочку, этакое укромное местечко, куда складываются лакомства про запас, так сказать, на черный день. У Эвви такой кладовочки нет. Он живет открыто, нетщеславный, нечестолюбивый, даже не ведающий этих пороков в себе и поэтому отказывающийся видеть их в окружающих. Если люди на него и обижаются, то причиной тому нерешительность Эвви, его явная бестолковость, но никак не непреклонность, потому что, прожив на свете достаточно долго, он до сих пор не развил в себе ничего похожего на непреклонность.

Несомненно, человек с таким характером не может завоевать авторитет в глазах подчиненных. И все же Мор чувствовал, и даже сильнее, чем прежде, что в Эверарде есть что-то покоряющее. Эверард добр, бескорыстен, так почему же, спрашивал себя Мор, я испытываю глубокую симпатию не к нему, а к Демойту, лукавому, ершистому, прямой противоположности Эверарда? «Возможно, — думал Мор, — я и сам не такой уж паинька?» Вот вам еще одна загадка. Вокруг одни загадки. Ну что ж, это может быть даже

приятно. И пока он съезжал по склону, осознание присутствия некоей тайны перешло в уже без всяких сомнений приятное предвкушение новой встречи с мисс Картер.

К дому Эверарда вела покрытая гравием дорожка. По гравию было трудно ехать, поэтому Мор слез и повел велосипед к белеющему невдалеке особняку. Площадку перед домом украшал ряд бетонных ваз, в которых произрастала герань. Подъезжающие к дому автомобилисты всегда вынуждены были изыскивать способ, как бы так поаккуратней между этими вазами проехать. Мор еще издали заметил, что у дверей стоит чей-то автомобиль. Подойдя поближе, он увидел, что это длинный темно-зеленый «райли». С неожиданно нахлынувшим чувством восхищения Мор оглядел машину. Сам он о машине не мог и мечтать. Прислонив велосипед к боковой стене дома, он вошел в холл. Повесил плащ на крючок и поднялся по лестнице в большую комнату, служившую одновременно и гостиной, и столовой.

Там уже находились мисс Картер и Бладуард. На минуту он огорчился, потому что мечтал оказаться первым гостем и встречать остальных. Мисс Картер стояла, прислонившись к каминной полке, Бладуард смотрел в окно. Оба молчали.

Всем было известно, что Эверард не умеет развлекать гостей.

Тут и сам хозяин дома вышел навстречу Мору.

— Билл, я так рад, что вы пришли. Теперь можно приступить к завтраку. Вот мисс Картер, наверняка вы уже знакомы, и мистер Бладуард здесь. Плащ вы оставили внизу? Отлично, отлично.

У Эверарда было пухлое, румяное лицо. Такие, как он, обычно из мальчишества сразу переходят в средний возраст, как бы минуя промежуточную фазу. На нем был неизменный твидовый костюм и столь же неизменный и излюбленный высокий жесткий воротничок. Глаза большие, с неизменным выражением доброжелательности. Волосы светло-каштановые, не поддающиеся расческе. Когда-то он наверняка был славным мальчиком и до сих пор остался славным человеком, обезоруживающим своей добротой даже тех, кто относился к нему предвзято.

— Приветствую вас, сэр. Извините, я немного опоздал, — произнес Мор. Одно время Эверард убеждал Мора называть его по имени, но у того не получилось.

Мор бросил торопливый взгляд на мисс Картер, и она кивнула ему. Сегодня на ней было узкое синее шелковое платье, в котором она выгля-

дела элегантней и женственней, чем прежде. Бросалось в глаза, что она чем-то глубоко обеспокоена. Ясно чем, догадался Мор, присутствием Бладуарда. Мор ощутил болезненный укол и с удивлением понял, что это, возможно, обыкновеннейшая ревность. Оказывается, он ждал, что она уделит его появлению куда больше внимания. Ему вновь припомнилась странная сценка на втором этаже изостудии. Он уперся взглядом в фигуру Бладуарда, все еще стоявшего спиной к собравшимся.

— Ну а теперь прошу к столу! — провозгласил Эвви. У него был сильный, проникновенный голос человека, привыкшего взывать к школьной аудитории, и поэтому в его устах любая фраза звучала как фанфары. Стол был накрыт в противоположном конце комнаты. С тех самых пор, как отсюда выехал Демойт, эта столовая-гостиная стала совсем другой. Раньше, увешанная мохнатыми ковровыми шкурами, она напоминала медвежью берлогу. Но шкуры исчезли, их сменили репродукции французских импрессионистов, и комната сделалась как будто светлее и больше.

— Мистер Бладуард, садитесь здесь, — суетился Эвви. — О, мисс Картер, вы присаживайтесь вот тут, а Билл сядет у буфета. Не поможете ли мне

поставить тарелки, Билл?

Мистер Эверард искренне верил, что можно обходиться без слуг. В школе, дерзнув пойти против мнения родителей, он ввел новые правила: за завтраком ученики сами накрывают столы и сами за собой убирают, сами заправляют постели, сами чистят обувь и дважды в неделю делают влажную уборку. Ну а у себя в доме Эвви тем более мог заводить какие угодно порядки, особенно после того, как отказался пользоваться деньгами на представительские расходы, которые Демойту были назначены как часть директорского жалованья. Если не считать каких-либо особо торжественных случаев, прислуги у Эверарда за столом не было. Вот и сегодня кухарка, сочинив ряд подходящих, как она считала, закусок, удалилась незадолго до прихода гостей, и теперь Эвви предстояло все наилучшим образом расставить. У Мора полегчало на душе, когда он увидел, что сегодня закуски *холодные.* В приемах, устраиваемых Эвви, имелась одна положительная черта — они не тянулись слишком долго; никаких затяжных сидений со стаканчиками хереса, никаких утомительных дегустаций вин и ликеров нет, все проходило очень живо, и это радовало.

Эвви извлекал из буфета тарелки с мясом и са-

латами, а Мор расставлял их на столе и наливал гостям минеральную воду. Мисс Картер держалась как-то скованно. Бладуард с рассеянным видом покачивал головой туда-сюда, туда-сюда, словно ему только что эту голову установили и он проверяет, не отпадет ли она ненароком. Трудно было понять, сколько этому человеку лет. Мор предполагал, что ему лет тридцать. Если бы не некоторые странности, его даже можно было бы назвать красивым. Крупная голова с темными, прямыми, довольно длинными волосами, которые при ходьбе или в разговоре как бы оживали, широкое лицо, мощная шея, большие глаза, светящиеся, как у вышедшего на ночную охоту зверя, крупный нос. Не очень четко очерченный рот, иногда приоткрытый. Ровные белые зубы, которые, впрочем, из-за излишне толстых губ трудно было разглядеть. Улыбался он редко. Руки у него тоже были крупные, и он имел привычку жестикулировать ими. У него был какой-то дефект речи, и он маскировал его при помощи повторения одного и того же слова, что давалось ему с большим напряжением, доходящим до комизма. На лекциях Бладуарда школяров охватывал неудержимый смех, и когда это обнаружилось, то дирекция уменьшила, к огорчению Бладуарда,

число его уроков — теперь он читал свою лекцию по искусству для всей школы и только один раз, в конце летнего семестра.

Стать образцовым директором школы Эвви мешало еще и то, что он не умел обдумывать разом несколько задач. Вот и сейчас он сначала убедился, что никто из гостей не обделен едой и питьем, и только после этого решил начать беседу.

— Мисс Картер, так как же продвигается работа над картиной? Наверняка уже близится к завершению?

— Боже правый, да я еще и не начинала, — удивленно ответила мисс Картер. — Сделала несколько карандашных набросков, но поза, одежда, выражение — все это только предстоит решить. Пока еще здесь для меня полная неясность. — От волнения в ней ярче проступила ее чужеземность.

— А как вы считаете, сэр, — плутовски начал Мор, — каково самое характерное выражение у мистера Демойта? — Ему захотелось, чтобы Эвви хоть раз позлословил.

Эверард задумался и наконец ответил:

— На мой взгляд, это выражение задумчивости, сдобренной неким оттенком коварства.

«Неплохо», — подумал Мор. Метко и беспощад-

но. Его оценка Эвви поднялась на один пункт. Он посмотрел на Бладуарда. Тот продолжал есть с безучастным видом, как посетитель ресторана, случайно оказавшийся за столиком с тремя незнакомцами. Мор завидовал умению Бладуарда пренебрегать условностями. Демойт говорил, что в Бладуарде несомненно есть нечто стоящее внимания, и Мор с этим соглашался. В нем есть какая-то будоражащая подлинность. По сравнению с ним Эвви кажется неубедительной, бледной копией человека. И мисс Картер несомненно живая. «А я какой?» — с неведомым доселе пристрастием спросил себя Мор.

Видно было, как трогательно старается Эверард, чтобы беседа не прерывалась. От этих усилий он наморщил лоб и, озабоченно поглядывая на мисс Картер, спросил:

— Вы ведь долгое время прожили в другой стране. Наверное, вам непривычно в Англии?

— Да, большую часть жизни я провела во Франции. Мое детство прошло на юге Франции.

— О, побережье Средиземного моря! — воскликнул Эвви. — «Великая цель путешествия», как писал доктор Джонсон. Вы счастливица, мисс Картер.

— Не знаю, — поглядев на него, серьезно произ-

несла девушка. — Не сказала бы, что юг Франции так уж хорош для детей. Там жара и сушь. Детство осталось в моей памяти одной нескончаемой томительной засухой.

— Но вы ведь жили у моря, не так ли?

— Верно, но это безрадостное море. Море без приливов и отливов. Помню, в детстве в английских книжках я видела картинки. На них девочки и мальчики лепят из песка замки на берегу… и я тоже пробовала строить. Но на средиземноморских пляжах это не получается. Песок грязный и очень сухой. Волны не омывают его, он не лепится. Когда я пробовала строить, песок просто сыпался у меня между пальцами. Слишком сухой, невозможно было слепить. И даже если поливать его водой, он тут же высыхает.

Эти слова привлекли внимание Бладуарда. Он оставил трапезу и окинул взглядом мисс Картер. Всем показалось, что он сейчас заговорит. Но он снова занялся едой. Мор тоже смотрел на девушку. Ее несомненно что-то смутило, то ли собственная пространная речь, то ли неожиданное внимание Бладуарда. Вслед за ней Мор тоже почувствовал смущение, к которому примешалась досада.

А тем временем Эверард придумал новый во-

прос:

— По всей видимости, вы единственный ребенок в семье?

— К несчастью, да.

— И всегда жили вместе с отцом? Наверняка вокруг вас было шумное общество?

— Напротив, отец вел скорее отшельническую жизнь. Мать умерла, когда я была еще ребенком. Я никогда не покидала отца, вплоть до начала этого года, то есть до его смерти.

Наступило молчание. Ковыряя вилкой остатки еды, Эвви пытался сообразить, какой бы еще задать вопрос. Мор украдкой взглянул на мисс Картер и окаменел. Глаза у девушки были закрыты, и по щекам текли слезы.

У Мора сжалось сердце. «Тупица! — почему-то выругал он себя. — Знал, что у нее умер отец, но ни разу не подумал, что она горюет». Он начал лихорадочно искать какие-то слова.

Бладуард отложил нож и вилку.

— Мисс Картер, — произнес он, — я горячий поклонник… поклонник творчества вашего отца.

Мор тут же почувствовал симпатию к Бладуарду. Мисс Картер поспешно утерла слезы, так что Эвви не успел их заметить.

— Мне очень приятно это слышать. — В голосе

ее и в самом деле зазвучала радость.

— Именно отец учил вас живописи? — продолжал Бладуард.

— Да, и был совершеннейшим деспотом, словно при рождении вложил мне в руку кисть и с тех пор я ее не выпускала. Мне кажется, всю жизнь так и было — я рисую, а отец стоит рядом.

Воспользовавшись тем, что роль собеседника взял на себя другой, Эвви поднялся из-за стола, чтобы переменить блюда. Мор пришел ему на помощь. Следующим номером программы были компот и мороженое. Кстати, уже подтаявшее.

— На самом деле детей не надо учи… учить живописи, — сказал Бладуард. — Они уже знают, как и что изображать. Это единственное умение, которое дается всем людям от природы.

— А что вы скажете о музыке? — спросил Мор. Ему хотелось вмешаться в разговор, но он не успел, девушка уже отвечала на слова Бладуарда.

— Я с вами согласна. В этом смысле отец меня тоже ничему не обучал, пока я не достигла нужного возраста. Но когда начал учить, то подходил к делу со всей строгостью. Одну и ту же работу заставлял, помню, переделывать по многу раз.

— Но позднее они забывают, — изрек Бладуард.

У него была привычка — ведя с кем-либо разговор, отвечать иногда не на вопрос собеседника, а на свой, внутренний, но ответ произносить вслух. Того, кто еще мало был с ним знаком, это могло сбить с толку. — Они теряют… теряют дар изображать примерно в то же самое время, когда теряют целомудрие. И после этого им приходится учиться заново. Что это доказывает? Изобразительное искусство — наиболее глубинная форма восприятия. Мы воплощенные… воплощенные существа, наш способ познания — это чувственный способ, причем зрение доминирует над прочими чувствами. У людей еще не развилась речь, а они уже умели рисовать. — И этим тоже славился Бладуард: среди собравшихся он мог долго сидеть, не проронив ни слова, но уж если начинал говорить, то не иначе как пространнейшими монологами.

Мисс Картер сосредоточенно слушала Бладуарда. Несомненно, он заинтересовал ее. Мор отодвинул блюдечко. Мороженое оказалось совсем безвкусным. Да он и не любил мороженого.

— Если позволите, — сказал Эверард, — я приступлю к приготовлению кофе. На особой машине, которая есть у меня, это получится довольно быстро. Нет, нет, помогать не надо.

Угощайтесь фруктами. Сыр, пирожные, все на столе перед вами. А я потихоньку-помаленьку начну готовить.

Эвви в самом деле недавно приобрел агрегат для варки кофе, но, поскольку не умел рассчитать, сколько сырья туда засыпать, напиток получался таким же удручающе невкусным, как и в доагрегатные времена.

— По вашему мнению, мы сами наделяем мир смыслом при помощи изображения его? — спросила мисс Картер у Бладуарда. — Нет, благодарю вас, — бросила Мору, предложившему ей печенье.

И Мор с унылым видом принялся распечатывать завернутый в серебристую фольгу мягкий треугольничек плавленого сырка.

— Изображение — это двойственное слово, — говорил Бладуард. — Изображение чего… чего-либо — это такая задача, к которой надо приступать с душевным трепетом. Какова первая и основная истина, которую любое воплощенное существо обязано постичь? Я вещь, я материальный объект, пребывающий во времени и пространстве и потому смертный. Какова вторая истина, которую воплощенному надо усвоить? Что, с одной стороны, он связан с Богом, который не есть вещь,

а с другой стороны — с теми вещами, которые его окружают. Так вот, эти другие вещи… — Тут Бладуард поднял вилку, словно подчеркивая особый смысл еще не сказанных слов. — Иные из них просто вещи, а иные есть *боговещи,* как и мы сами есть *богочеловеки.*

Тем временем у Эверарда, кажется, возникли какие-то трудности с машиной. Мор с прискорбием отметил, что в последний момент Эвви все-таки плеснул туда слишком много воды.

— Переходите сюда. Кофе вот-вот будет готов, — объявил Эвви. Бладуард, Мор и мисс Картер поднялись из-за стола.

— В Библии сказано оп… определенно, — продолжал Бладуард, — что творения природы существуют на земле ради пользы человека. Разве не так, мистер Эверард?

От этого неожиданного обращения Эвви вздрогнул.

— Согласен, дорогой Бладуард. Мисс Картер, прошу, присаживайтесь вот здесь. Хотите молока к кофе?

— Да, с удовольствием.

— И та же Библия велит… велит удерживаться от сотворения кумиров.

— А вы не против холодного молока? Увы, хо-

лостяцкая жизнь, за всем не уследишь.

— Ничего, спасибо. Только не очень много.

— Немудрено, что ранняя церковь смотрела двояко на воплощение религиозных сюжетов в картинах и скульптурах. Но благосклонное отношение у отцов церкви все же возобладало. По этой причине очень скоро мы и обнаруживаем, что молитва и поклонение естественно воплощаются в виде изображения, как в знаменитых мозаиках Равенны.

— О да, они изумительны! — воскликнул Эверард. — Вы были в Равенне, мисс Картер?

— Да, мы с отцом часто туда ездили. Я хорошо знаю эти мозаики.

— Ранняя церковь… ранняя церковь, — продолжал Бладуард, принимая чашечку кофе из рук Эверарда, — не делала, кажется, никакого различия между… между изображением творений природы и изображением человеческого лица. Так близок, так еще близок по времени источник света, и это сообщает их восприятию мира то благоговение, которое отражается в тогдашнем способе изображения человеческого лица. Но вот мирской дух Возрождения захватывает художников, и уже появляется исключительный интерес к форме человеческого тела, сопровождаемый

абсолютной утратой той ранней проницательности и того раннего благоговения.

— Как вам нравится кофе, Билл? — поинтересовался Эверард. — Хоть немного лучше, чем раньше?

— Отличный кофе, сэр, — торопливо глотая безвкусную водичку, сказал Мор.

— То есть вы хотите сказать, — обратилась мисс Картер к Бладуарду, — что следует разделять изображение человека и изображение прочих вещей?

— Это разделение для нас вполне естественно. Но дело в том, что не только к человеку, но и к остальному мы должны подходить с чувством поклонения. Мы должны, изображая ту или иную вещь, пытаться показать именно ее суть, а не трактовать лишь в виде символа наших собственных настроений и желаний. Подлинный художник… подлинный художник — это тот, кто настолько тактичен, что, видя перед собой тот или иной объект, просто показывает этот объект. Но это «просто» для живописи и означает самое главное.

— Я полностью с вами согласна!

Издали донесся звук колокола, напоминающий, что уже пятнадцать минут третьего.

— Но когда перед вами оказывается человек, — продолжил Бладуард, — тогда это не просто объект. Перед вами предстает Бог.

— Билл, у вас после обеда есть урок? — спросил у Мора Эверард. — Извините, что не спросил раньше.

— Нет, — ответил Мор, — на сегодня у меня уроков больше нет.

— Вы подразумеваете, что нам не следует изображать людей? — уточнила мисс Картер.

— Каждому надлежит искать свой собственный путь. Если бы было возможно, ах, если бы было возможно рассматривать голову как материальный объект сферической формы! Но кто же велик настолько, чтобы позволить себе такой взгляд!

— Я не понимаю, зачем пытаться рассматривать голову как материальный объект сферической формы, — заметил Мор. — Голова — это голова, и понять человека можно, заглянув ему в глаза. Ради чего художник обязан все это забыть, не понимаю.

— Укажите мне, кто настолько великодушен, чтобы вместить в себя другого человека? — Отвечая Мору, Бладуард говорил с той же интонацией, что и во все время своего монолога. Он отвечал Мору, но взгляд его был устремлен на мисс

Картер. — На материальную вещь мы можем смотреть с почтением, удивляясь возможности ее существования. Но, глядя на человеческое лицо, мы видим не другого человека, а лишь самих себя. А кто мы такие? — Бладуард развел руками, в одной из которых держал чашечку с нетронутым кофе.

— Я согласна со многим из того, что вы сказали, — быстро, как будто испугавшись, что ее перебьют, произнесла мисс Картер. — Наши картины — это оценка самих себя. Я знаю, в какой мере и насколько печально мои картины обнаруживают то, что таится во мне. И все же мне кажется…

— Фактически, — перебил Бладуард, — нам не дано по-настоящему видеть достоинства. Странности и пороки находить куда легче. Но кто в силах преклониться перед лицом другого человека? Истинный мастер портрета должен быть святым, но у святых в этом мире иные задачи. Возможно, иконописцам это было доступно в какой-то мере. Изображения… изображения Господа, как правило, нельзя назвать портретом некой индивидуальности. Изображения Господа, как правило, поражают нас величием замысла, а не каким-то особым выражением лица, не ка-

ким-то оригинальным жестом. Там, где Его облик индивидуализирован, как в караваджевском «Христе в Эммаусе», мы испытываем потрясение. Такое же потрясение мы должны испытывать при созерцании изображения всякого человеческого лица.

Эверард с некоторым беспокойством поглядывал на часы. Он хотел что-то сказать, но мисс Картер опередила его:

— То, что вы сейчас сказали, — это все-таки очень абстрактно, мистер Бладуард. Конечно, можно согласиться с мыслью, что благоговение перед человеческим лицом для художника невозможно… в каком-то возвышенном смысле это чувство действительно недостижимо. И все же взгляните на портреты Рембрандта, Гойи, Тинторетто…

Мисс Картер говорила все звонче. Все большее воодушевление охватывало ее. Бладуард пытался ее прервать. Эверард бормотал что-то невнятное.

— К сожалению, мне пора уходить, — сказал Мор так громко, что перекрыл все голоса. Наступило молчание.

Бладуард поставил чашку на стол и встал.

— Благодарю за приятное *времяпрепровождение,* мистер Эверард, — сказал он. — И с вами,

мисс… мисс Картер, тоже очень приятно было познакомиться. Надеюсь, я не уто… утомил вас.

Мисс Картер поднялась. Она все еще была пунцовой от волнения.

— Сердечно вас благодарю, — проговорила она. — Беседа была очень интересной.

Создавалось впечатление, что у Эвви от усталости подкашиваются ноги. Все спустились в холл. Мор заметил на столике маленький сверток. Книги для мисс Картер. Он схватил сверток и поспешил вручить девушке.

— Книги, — сказал он, — которые я вам обещал.

— О, большое спасибо, — произнесла она, едва взглянув в его сторону. Мор мысленно выругал Бладуарда. Гости и хозяин вышли из дома на усыпанную желтой щебенкой площадку. Нестерпимый послеполуденный зной волнами поднимался от земли.

— О, Билл, извинитесь за меня перед вашей женой, — сказал Эвви. — У меня совершенно вылетело из головы, что следует пригласить и ее. Да я и собирался, но память у меня никудышная, вы же знаете. А сейчас, в конце семестра, вообще в голове кавардак. Но вы ей передайте, что я очень и очень извиняюсь.

— Передам, разумеется, — пообещал Мор, хотя не намеревался даже упоминать Нэн об этих нелепых извинениях. Потому что знал, как она это воспримет.

— И не ленитесь убеждать ее в том, чтобы она прочла эту краткую речь на обеде, — добавил Эверард.

— Постараюсь, — держа ладонь козырьком, пообещал Мор.

— Ну, очень рад был вас видеть, а теперь пора возвращаться к делам. Конец семестра на носу, знаете ли. Всего доброго, мисс Картер; надеюсь, вскоре встретимся опять, большое спасибо за визит. — С этими словами Эверард как-то уж слишком поспешно скрылся в доме и затворил дверь.

Три гостя минуту стояли в нерешительности. «Если Бладуард сейчас снова заговорит, я его огрею по башке», — мысленно пообещал Мор. Похоже, мисс Картер посетила подобная же мысль.

— И мне пора, — вороша носком туфельки кусочки щебенки, произнесла девушка и как-то неуверенно добавила: — Могу кого-нибудь из вас подвезти к школе.

И только сейчас Мор сообразил, что этот великолепный зеленый «райли» принадлежит

именно мисс Картер. Такая миниатюрная женщина — за рулем такого великана! В первую секунду Мора это озадачило, но уже в следующую вызвало настоящий восторг.

— Нет, спасибо, — тут же сказал Бладуард. — У меня тут велосип… велосипед. Ну, всего доброго. — И с этими словами он исчез за углом дома.

Мор остался наедине с мисс Картер. Он не знал, как поступить. И вдруг сильнейшее желание охватило его — обязательно проехаться в этом автомобиле.

— Да, я буду очень благодарен, если подвезете, — ответил он.

Он отворил перед ней дверцу, после чего сел рядом. Пакетик с книгами она положила на заднее сиденье. Надела черные очки, повязала голову пестрой косынкой. Завела мотор. Машина медленно тронулась с места, и тут мимо них промелькнул любопытный персонаж. Бладуард, одной рукой держащийся за руль своего велосипеда, другой рукой придерживающий велосипед Мора. Он проехал быстро, с опущенной головой, затем свернул с дороги на ведущую к школе велосипедную дорожку.

«Каков наглец! — возмутился в душе Мор. — Это же зрелище, предназначенное для нее. Но, может,

она не поймет, в чем тут соль? А вдруг поймет, то есть разгадает его уловку?» И неожиданно его разобрал смех.

— Что случилось? — спросила мисс Картер.

— Занятный юноша этот Бладуард, — со смехом произнес Мор.

Автомобиль набрал скорость.

Глава 6

«Райли» свернул на шоссе.

— Я, может быть, не с таким уж энтузиазмом предложила подвезти, — сказала вдруг мисс Картер. — Но мне не хотелось, чтобы мистер Бладуард согласился. Его общество и без того меня уже слишком утомило.

— Я понимаю, — отозвался Мор. — К его манере не сразу привыкаешь. Но он, конечно же, незаурядная личность.

— Незаурядная, разумеется, но и странноватая тоже. Он не сумасшедший, я уверена, и все же какой-то сдвиг в нем есть. Аргументирует настойчиво; кажется, что связно, логично… а все вместе получается ошибочным, каким-то одним колоссальным искажением.

— Понимаю. — Мор вдруг почему-то подумал о своей жене. — И все же не следует его презирать. Не лучше ли прежде спросить у самих себя, а может, это мы видим мир не совсем правильно?

— Согласна. Ой! — вскрикнула она и резко затормозила. Еще миг, и они промчались бы мимо ворот школы. — Вот и приехали. А давайте поговорим еще. Я совершенно выбита из колеи. Но

вот говорю с вами, и становится легче. Так как, не возражаете?

— Нисколько, — обрадовался Мор. — Я не тороплюсь. Никаких особых дел у меня нет.

— В таком случае, может быть, проедемся еще? Это все моя безалаберность, я знаю, и меня ждет работа, но, в самом деле, надо глотнуть немного воздуха. Да и вам не помешает. И сразу вернемся назад. — Она включила сцепление, и «райли» вновь тронулся с места.

А Мор тут же почувствовал себя виноватым. Уроков у него сейчас и в самом деле не было, но ожидало множество других дел, с которыми надо справиться именно сегодня. И все же это так восхитительно — мчаться в автомобиле; застывший знойный воздух сменяется прохладным ветерком, угрожающая теснота боковых дорог — открытым, зовущим простором магистрального шоссе. Мор увидел, что они пересекают железнодорожный переезд. «Значит, автомобиль поднялся на холм, а я и не заметил», — подумал он. «Это все очень полезно», — сказал он себе. После натянутой атмосферы в столовой Эверарда хорошо совершить такую вот небольшую прогулку.

— Этот человек меня и в самом деле огорчил, —

произнесла мисс Картер очень серьезно. И стало ясно, что ни о ком ином, кроме Бладуарда, она сейчас и думать не может.

— Ах он негодник! — с улыбкой отозвался Мор. — Так вас расстроил!

— Нет, нет, вы же сами сказали, что, возможно, он прав… то есть я не считаю, что он прав, но это все обернулось каким-то неожиданным… осуждением. Я очень серьезно отношусь к своему творчеству. В самом деле, *сейчас* кроме творчества у меня и нет ничего. Я знаю, что у меня неплохо получается. И верю, что достигну большего. Но этот человек принудил меня почувствовать, что, как бы я ни старалась, все равно все *разложится*. Видимо, так оно и есть… распадется, *разложится*, я знаю.

«Такое определение, — подумал Мор, — наверное, мог отыскать только тот, для кого английский не совсем родной язык». Голос ее вновь задрожал от волнения, маленькая ладонь, лежащая на руле, то опускалась, то поднималась. Сама того не замечая, она прибавила скорость. Песчаные обочины, проезжающие автомобили, все это мелькнуло и тут же осталось позади. Миг, и на спидометре уже выскочило «семьдесят». Но она, по всей видимости, и не заметила этого. Мор

вжался в кресло.

— Нельзя ли не так быстро, — попросил он. — Я редко езжу, и с непривычки тяжело. Бладуард говорит, что каждый должен искать свой собственный путь. Вам его суждения кажутся слишком отвлеченными. Ответом ему может стать сама работа. Ваш ответ в ваших картинах. Когда не отвлекают теории, когда ты наедине с работой, тогда знаешь, что надо делать. По крайней мере, знаешь, в каком направлении двигаться, чтобы достичь совершенства. — Мор тоже говорил с воодушевлением. Он чувствовал, что здесь есть нечто важное для него как учителя, нечто такое, что необходимо растолковать. А по ходу дела и самому кое в чем разобраться. В общем, ему хотелось продолжить разговор.

Извинившись за рассеянность, мисс Картер уменьшила скорость, и какое-то время они ехали молча. Вот уже и предместья Марсингтона показались. Автомобиль остановился на светофоре.

— А давайте свернем с шоссе, — предложил Мор. Дело в том, что ему очень не хотелось проезжать мимо магазинчика Тима Берка.

И через минуту или две они уже ехали по проселочной дороге. Гул шоссе постепенно затихал. Ветки деревьев смыкались над их головами. Мисс

Картер сбавила скорость.

— Вот как легко мы убежали. Удивительно, — сказала она. — Есть ли здесь поблизости река? Так жарко… хочется побыть у воды. Хорошо бы к морю, но оно, наверное, далеко отсюда?

— Далековато, — ответил Мор, озадаченный ее неведением. — Местность вокруг по большей части засушливая, но ради вас я согласен поискать какую-нибудь речушку. Да, милях в пяти отсюда, кажется, есть речка. В общем, вы ведите машину, а я буду высматривать.

— Скажите честно, я не отвлекла вас от дел? Если нужно, я тут же поверну. А может, нужно куда-нибудь подъехать, забрать что-нибудь? Кажется, у вас нет машины?

— Нет. И вы действительно оказали бы мне услугу, если бы подбросили в одно место, это здесь недалеко. Мне кое с кем надо встретиться, и раз уж мы здесь, я не прочь воспользоваться этим. Не придется потом ехать на пригородном поезде. Но сначала отыщем речку. Это не займет много времени. — Марсингтон в двух шагах отсюда, подумал Мор, так почему бы все-таки не навестить Тима. Вчера вечером от волнения много чего было упущено. Надо обсудить как следует финансовую сторону дела, лишь после этого име-

ет смысл заводить разговор с Нэн и Эвви. Именно финансовая сторона вызывает у Нэн больше всего возражений. И чтобы ответить на все ее вопросы, надо хорошо подготовиться. Поэтому еще один разговор с Тимом будет весьма кстати.

— Что ж, поехали, — сказала мисс Картер.

Дорога была пустынна, и девушка вновь прибавила скорость. О недавней просьбе Мора ехать не слишком быстро она наверняка позабыла. Все еще думает о нравоучениях Бладуарда, почему-то решил Мор. Искоса поглядывая на нее, он заметил, что глаза ее, скрытые за темными стеклами очков, удивленно расширены. Одной маленькой ладошкой она слегка придерживала руль, вторая лежала на краю окна. Они промчались мимо сосновой рощи; запах песка и соснового леса ворвался в машину. Это и в самом деле была безводная страна.

И тут Мору припомнилось, что он, кажется, пообещал Нэн вернуться к чаю.

— Вы не против остановиться у какой-нибудь телефонной будки? Я должен позвонить жене и сообщить, когда вернусь.

— Пожалуйста, — легко согласилась мисс Картер. Телефонная будка не замедлила появиться, и машина остановилась.

Мор зашел и принялся рыться в карманах в поисках монеток. После гудения мотора неожиданно наступившая тишина особенно поразила его. Сейчас, через минуту или две, из этой тишины раздастся голос Нэн. Настороженный голос, у нее всегда такой, когда она снимает трубку.

— Алло.

— Алло, Нэн. Это Билл. Наверное, не получится вернуться к чаю. У меня тут еще работа, а потом надо будет еще встретиться с Тимом по поводу партийных дел.

— Ну хорошо. Так когда же тебя ждать?

— Думаю, к шести. Может, и раньше. Пока.

Он положил трубку. Странный холодок мгновенно пробежал по его телу. Зачем он это сделал? Зачем солгал Нэн? Почему не признался, что мисс Картер предложила подвезти его на своей машине? Да как быстро родилась эта ложь, мгновенно, на одном дыхании. Почему? Может, потому, что он смутно предчувствовал, что если Нэн узнает, то начнет язвить и ворчать, что он так неразумно тратит время? И все же достаточный ли это повод для лжи? Господи, как все глупо. Ведь все равно кто-нибудь наверняка заметил их. Но не в этом дело. В любом случае нельзя было лгать. Он в задумчивости вышел из будки.

— Что случилось? — тут же спросила мисс Картер. — У вас такой растерянный вид. Вы не заболели?

— Нет. Просто я с трудом переношу жару. Вот сейчас поедем, и станет получше.

Девушка озадаченно глянула на него, и они поехали дальше.

Вот и еще одна ложь, понял Мор, и вдруг сказал:

— Извините, это неправда. Сам не знаю почему, но я не сказал жене, что еду с вами в машине… очень глупо с моей стороны.

Мисс Картер повернула к нему голову. Глаза ее по-прежнему прятались за темными стеклами. «Теперь она будет меня презирать, — подумал Мор. — Презирать за то, что солгал, и за то, что в этом признался».

— Что ж, расскажете, когда вернетесь. Она на вас не очень рассердится, ведь так? Виновница ведь я.

Мору тут же стало легко, и он почувствовал горячую симпатию к мисс Картер. Ему удалось избежать неправды, и, главное, без особого ущерба для себя. Ну, посердится Нэн немного, ничего страшного. Он был благодарен мисс Картер за то, что она так просто решила его затруднение, и

радовался, что все же сказал ей правду.

— Вы совершенно правы, — улыбнулся он. — Какой же я болван. Естественно, когда вернусь, все расскажу ей. На меня-то она рассердится, и вполне заслуженно, но на вас — ни в коем случае… Я все сделаю, чтобы она на вас не рассердилась. Мне так неприятно.

Они переговаривались, а машина мчалась вперед.

— Куда теперь? — спросила девушка.

— Проедемся еще немного, — с некоторым сомнением в голосе произнес Мор. — Как бы не пропустить поворот. Сейчас, сейчас увидим. — Теперь он чувствовал себя в обществе этой девушки гораздо свободней, словно его признание и ее утешающие слова разрушили существовавшую между ними преграду. В какой-то миг он едва ли не поблагодарил себя за собственную глупость.

Мисс Картер снова уменьшила скорость, и Мор начал приглядываться к окрестностям. К тому времени их уже окружало волнистое хвойное море Суррея, плещущееся между расходящимися веером главными лондонскими шоссе. Именно здесь спасающийся от городского шума записной лондонец чаще всего и произносит, хотя и с некоторым сомнением: «Ну вот, наконец-то мы

в настоящей сельской местности».

«Наверное, мы проехали поворот, — размышлял Мор, — но это не страшно — если и дальше будем ехать все в том же направлении, то рано или поздно отыщем путь к реке. Мисс Картер хочет увидеть реку, и ее нельзя, после всех этих недоразумений, подвести. Я не имею права ее разочаровывать», — решил Мор. Тем временем становилось все жарче, все явственней ощущался сгустившийся древесный дух, идущий от стоящих стеной сосен и елей. Автомобиль ехал и ехал.

То, что совершенно неожиданно возникло впереди на дороге, они оба, не сговариваясь, поприветствовали дружным возгласом. Резко затормозив, мисс Картер очень медленно подвела машину к этому месту. «Странно, — сказала она, — сначала я подумала, что это мираж». Дорогу перерезал *широкий ручей.* «Райли» остановился в нескольких футах от него. Неторопливая, сверкающая под солнцем лента стелилась перед ними. Слышалось тихое журчание. Некоторое время они сидели, словно зачарованные этим звуком. Потом мисс Картер провела автомобиль еще чуть-чуть вперед, пока передние колеса не погрузились в воду. И тогда она ликующе посмотрела на Мора.

Ему передалось ее воодушевление. И он стал всматриваться, пытаясь разобраться, откуда течет ручей и куда. Выбиваясь из зеленой чащи, ручей на другой стороне дороги исчезал под бетонной плитой, засыпанной сверху землей и заросшей травой, и, выливаясь, пропадал среди деревьев. По ту сторону ручья, неподалеку, Мор разглядел поворот налево.

— Едемте туда, — указал вперед Мор. — Думаю, река именно там.

— А вы не опоздаете? — с некоторым беспокойством спросила мисс Картер. — Не хочу вас подводить. Из-за меня у вас и без того уже неприятности.

— Пустяки! Вы ни в чем не виноваты. У меня есть время. Хотите туда поехать? Полюбуемся, и сразу назад.

— О, с радостью! — воскликнула мисс Картер. Подняв брызги, автомобиль плавно заскользил по ручью, проехал еще какое-то расстояние и сделал поворот. И снова они оказались под кровлей деревьев, в рассеянном зеленоватом свете. Мисс Картер сняла очки.

Ярдов через сто неширокая дорога, по которой они до сих пор ехали, сворачивала вправо, несомненно, прочь от того места, где должна бы быть

река. Сквозь чащу деревьев ничего нельзя было рассмотреть. Но когда машина остановилась и мотор затих, стало слышно отдаленное бормотание. Река! Но прямо перед носом автомобиля сейчас возвышались белые ворота, а за ними начиналась тихая зеленая тропа, уходящая влево, в заросли папоротника и куманики, а затем под своды дубов, берез и сосен. Тропинка манила к себе. Они переглянулись.

— А давайте пройдемся пешком, — предложил Мор. — Река наверняка в двух шагах отсюда.

— Ну зачем же. Можем и проехать. — С этими словами она вышла из машины и начала отворять ворота. Через несколько минут «райли» уже ехал по тропе.

— Вести автомобиль по такой тропинке, — еле слышно произнесла мисс Картер, — все равно что плыть по улице в лодке. Как в сказке.

Мор не спешил отвечать. И в самом деле, как в сказке. Звук мотора превратился в еле слышное жужжание, а над всем сейчас властвовал величавый гул полуденного летнего леса, в котором очарованно тонут все остальные звуки. Оказавшись по ту сторону белых ворот, они как будто вошли в другой мир. Пьянящий лесной дух окутывал их, и Мор невольно оглядывался по

сторонам, будто ожидая чудес. На самой дорожке, скорее всего предназначенной для верховой езды, трава была тщательно подстрижена, в то время как густо растущие по обочинам папоротники и полевые цветы так и лезли под колеса. То здесь, то там в глубину леса уходили усыпанные пожухлой листвой, наполненные коричневым сумраком аллеи. Река все не появлялась. Мисс Картер неожиданно остановила автомобиль.

— Хотите повести? — прежним негромким голосом спросила она.

Мор не сразу нашел, что ответить. В последний раз он вел машину лет пятнадцать назад, а своей собственной у него никогда не было.

— Я давно не сидел за рулем, — сказал он хрипло, — и позабыл, как это делается. К тому же у меня нет прав.

— Какая разница, никто не увидит, мы ведь не на шоссе. Так как, хотите попробовать?

— Не дай бог, еще разобью вашу чудесную машину, — замялся Мор. Но ему так хотелось, ему безумно хотелось повести «райли». И прежде чем он отыскал новые возражения, мисс Картер быстро вышла из машины, а он передвинулся на место водителя. В ней прямо бурлило какое-то ликование, она с восхищением наблюдала, как

Мор изучает приборную доску. Он понял, что и в самом деле все позабыл.

— Как запустить двигатель? — спросил он.

— Вот тут зажигание, оно включается, вот стартер, вот ручка коробки передач. Помните, как ею управлять? Тут сцепление, ножной тормоз, акселератор. Ручной тормоз перед вами. — Она бросала на него ликующие взгляды, как маленький мальчик, понимающий, что сейчас папаша натворит дел.

Мор чувствовал себя громоздким и неуклюжим. Он потрогал рукоятку переключения скоростей. Он вспоминал. Он завел мотор. Осторожно перевел рукоятку на первую скорость. Освободил сцепление. «Райли» рывком двинулся вперед. Он тут же нажал ногой на тормоз, и мотор затих. Мисс Картер зашлась от смеха. Подтянув ноги на сиденье, она обернула юбку вокруг лодыжек.

— Черт! — в сердцах выругался Мор. Он сделал еще одну попытку, и на этот раз ему повезло. «Райли» медленно покатил по тропе, и Мор даже сумел сделать поворот. Ветви деревьев застучали по крыше. В молчании они ехали сквозь густые заросли. Мисс Картер уже без смеха смотрела вперед. Слушая тихое урчание мощной машины и понимая, что она полностью в его власти, Мор

чувствовал себя триумфатором. Его переполняла глубокая, всеохватная радость. Напряжения как не бывало. Он держал в руках руль, перед ним расступались деревья, под колеса машины стелилась густая зеленая ковровая дорожка. И тут Мор увидел человека. Тот лежал на усыпанном листьями травяном пятачке почти у самой тропы; деревья здесь отступили, оставив свободное пространство. Полянку окаймляли цветы и густые заросли куманики, но в самой глубине этой живой изгороди чернел треугольный проход, уводящий в темноту леса. Человек лежал на боку на сухой траве и, кажется, играл сам с собой в какие-то ярко разрисованные карты. Большую часть из них он держал в руке, примерно с полдюжины лежали на траве. Это был широкоплечий коренастый мужчина, одетый в линялые синие джинсы и синюю рубашку. Одежда его чем-то напоминала униформу, но какую-то непонятную. Возле него под кустом примостились котомка и сверток, может быть, с инструментами. Лицо его было наполовину затенено, глаза опущены, но особый красновато-кирпичный цвет кожи и спутанные черные волосы подсказывали, что он, возможно, цыган.

Мор невольно остановил машину. Сейчас они

находились в каких-то пяти футах от незнакомца. Прошла минута. Не поднимая глаз, мужчина продолжал рассматривать лежащие пред ним карты. Мор почувствовал, что мисс Картер прикоснулась к его руке. Он вновь включил мотор, и они поехали. И цыган вскоре пропал из виду.

Мор обернулся к спутнице и обнаружил, что та, побледнев, прижимает ладонь к губам.

— Не бойтесь, — попросил он.

— Я действительно испугалась, сама не знаю почему.

Автомобиль, тихо покачиваясь, ехал по тропе. А тропа все не кончалась. Мор и сам, непонятно почему, почувствовал тревогу.

— Наверное, это какой-то наемный рубщик леса из здешнего лесничества. Они живут в лесу: в хижинах, в палатках.

— Мне показалось, он чем-то похож на цыгана. А цыгане никогда ни на кого не работают. Может, надо было дать ему денег? Как вы думаете?

Мор снова бросил взгляд на нее. И снова почувствовал тревогу.

— Цыгане очень самолюбивы, — с невольной почтительностью признал Мор.

— А вы обратили внимание на карты? Я таких никогда не видела.

В этот миг тропа сделала еще один поворот, и они увидели реку. Стелясь вдоль берега, тропа расширялась, превращаясь в широкую поляну; между берегами, поросшими тростником, кипреем, мятликом, блестело под солнцем зеркало реки. То там, то сям виднелись поздние, еще неувядшие незабудки. Пахло водорослями.

Мор остановил машину, они вышли. Подошли к берегу и остановились в молчании. Все вокруг настолько напоминало сад, что Мор невольно оглянулся, ожидая увидеть невдалеке жилище хозяина. Но ничего не увидел, кроме окаймленной пышной зеленью реки. Он посмотрел на девушку. Она стояла на берегу, среди листвы и цветов, и лицо ее выражало какой-то невероятный восторг. Словно слепая, она протянула руки к веткам, сорвала листочек, положила его в рот и прожевала, задумчиво глядя на воду.

Мор резко отвернулся и пошел вдоль берега. Вот она, настоящая естественная жизнь, где для каждого времени года существуют свои тончайшие признаки. Терновник уступает место боярышнику, тот в свой час отходит, давая место бузине. Как редко доводится бывать в таких местах! Отведя рукой ветви, он обнаружил, что река разлилась здесь в виде широкой тенистой заводи.

Берег отлого спускался к воде. У самого края дно было усыпано галькой, но дальше ничего уже не видно, значит, там очень глубоко. Вода у берегов словно заштрихована белыми линиями. Белые лебединые перья невесомо плывут по глади. Мор оглянулся, чтобы окликнуть свою спутницу, но она уже стояла у него за спиной.

— О! — воскликнула мисс Картер. — Я хочу искупаться! Вы не против? Я так хочу! Так хочу!

Растерянный и даже чуточку испуганный, Мор понял, что у него просят разрешения, но не знал, что сказать.

— Мне *надо* искупаться, ну, пожалуйста, — вновь повторила мисс Картер. И Мор увидел шальные огоньки в ее глазах. И вспомнил вдруг цветочный сад и комнату Бладуарда.

— Конечно, купайтесь, если хотите, — ответил он наконец. — Будем надеяться, что никто посторонний сюда не пожалует. Я отойду подальше и покараулю.

— Это глухое место, никто сюда не придет. Я разденусь тут, в зарослях, это не займет много времени. Но мне просто необходимо поплавать.

Мор вышел из сумрачных зарослей и пошел, волоча ноги, по заросшему травой берегу. Ему стало как-то не по себе. Солнце припекало. Капли

пота, словно слезы, непрерывно стекали по его лицу. Река и в самом деле так и звала окунуться. Мор отыскал местечко на берегу среди высокой травы и сел, глядя на воду, которая струилась тремя-четырьмя футами ниже. Росший на противоположном берегу утесник дурманил сильным кокосовым ароматом. Крупная стрекоза на миг повисла в воздухе и тут же исчезла. Птичьего пения не было слышно. Жара утомила и птиц.

Мор сидел спиной к тому месту, где за невысокими деревцами скрывалась заводь. Через несколько минут до его ушей донесся энергичный всплеск и восторженный возглас.

— Чудесно! — прокричала мисс Картер. — Вода такая теплая. И совершенно чистая! Вы не знаете, водяной кресс здесь растет?

— Смотрите не запутайтесь в водорослях, — предупредил Мор.

Всплески стали громче.

Мору становилось все тревожней. «И зачем я только ввязался в эту глупую историю», — думал он. Потом вспомнил о Нэн и понял, что неприятностей не избежать, напрасно надеется. Да и с какой стати он решил, что все обойдется? Ведь у него в жизни раньше ничего подобного не случалось. Действительно, Мор старался не лгать жене,

ну мог еще сказаться больным, будучи здоровым, и наоборот. Но сегодня вечером предстоит сознаться в том, чего еще никогда не случалось в его жизни. И он не мог даже предположить, как Нэн это воспримет. Ну, ничего ужасного, безусловно, не произойдет. Скажет правду, после чего им обоим останется одно — как-то ее принять. Но он даже приблизительно не представлял, как все это произойдет, и поэтому почувствовал глухую тоску.

Сказать ли Нэн о том, что мисс Картер купалась в речке? Может быть, надо было вообще запретить ей это делать. Но это было бы как-то жестоко. Придется рассказать все. Если уж он решился искать спасения в правде, а это и в самом деле единственное его спасение, то лучше выложить все начистоту. Несомненно, на обратном пути он заглянет к Тиму, и таким образом хоть какую-то часть истории можно будет изложить свободно. А может, и это тоже ложь? Может, визит к Тиму он изобрел лишь для того, чтобы подольше пробыть в обществе мисс Картер? Он не мог с уверенностью сказать, что это не так. Наверное, потом, после того как сегодняшний вечер останется позади, лучше не встречаться с мисс Картер без особой необходимости. Хотя что здесь такого

особенного. Какая глупая ложь. Из-за этого простое и обыденное действие превращается в нечто двусмысленное. Мор глядел прямо перед собой. Водяная крыса медленно проплыла к противоположному берегу и исчезла в зарослях. Но Мор ничего не видел. Темная завеса повисла между ним и теплым пространством клонящегося к вечеру дня. Он посмотрел на часы.

Пятнадцать минут шестого. Мор вздрогнул. Как быстро пролетело время! Надо возвращаться, и немедленно. Он повернулся к зарослям и увидел брошенное на куст синее шелковое платье и на зеленой траве крохотные ярко-желтые сандалии. Он поспешно отвернулся.

— Мисс Картер! — позвал он. — Пора возвращаться. Я разверну машину.

— А вы справитесь с управлением? — совсем близко от него раздался звонкий, свежий голосок.

— Справлюсь. — С угрюмым видом Мор забрался в машину и завел мотор. Впутаться в такую историю! Какой же он глупец! Но сегодня вечером все вновь станет простым и понятным. Нэн, конечно же, обидится, даже рассердится, но иного выхода из этой нелепицы у него нет. Сознание, что каждой минутой пребывания здесь он обма-

нывает жену, мучило его нестерпимо.

Включив реверс, Мор развернулся и немного проехал вдоль берега. Получилось даже лихо. Затем нажал на тормоз и перевел рычаг на первую скорость. Осторожно спустил сцепление. Машина не двигалась. Он легонько нажал на газ, но все оставалось по-прежнему. Машина стояла на месте. Мор сосредоточился. Проверил ручной тормоз, проделал все положенные манипуляции, сильнее нажал на газ. Машина не трогалась с места. Теперь он расслышал не предвещающий ничего хорошего жужжащий звук — одно из задних колес делало холостые обороты, приминая траву.

Мисс Картер неспешно шла к нему по лужайке. На лицо ее вернулось привычное, чуть чопорное выражение, с которым спорило отнюдь не чопорное, а сейчас и вовсе плотно облепившее тело, шелковое платье. Она шла босиком, туфли и чулки несла в руке.

— Что случилось? — чуть встревоженно спросила она.

— Застряли, — выйдя из машины, пояснил Мор.

— А может, вы случайно включили ручной тормоз?

— Нет. — Мор обошел вокруг машины. Оказалось, она замерла в опасной близости от края обрыва, запутавшись задними колесами в густой траве. Берег здесь круто обрывался вниз, но растительность мешала рассмотреть это. Под покровом зелени почва была влажная и топкая. Зайдя по грудь в высокую траву, он обнаружил, что правое колесо почти висит над пропастью среди клонящихся к воде зеленых кущей, а левое застряло в болотистой ямке. От переднего колеса до обрыва был один фут, может быть, два.

— Ну как там? — спросила мисс Картер. Она шла за ним, как и прежде босая, и, наклонившись, он увидел ее маленькие белые ступни в траве рядом со своими тяжелыми ботинками.

— Осторожно, тут крапива, — буркнул Мор. — Ладно, думаю, я все понял. Одно колесо подошло слишком близко к краю обрыва, но если второе не пробуксует, то выедем наверняка. Оно застряло в какой-то канавке. В крайнем случае подстелем под него травы и ветвей, и все будет в порядке. Я заведу мотор, а вы проследите за задними колесами.

— Нет, я заведу, — возразила мисс Картер. — Меня машина послушается. Она села и запустила двигатель. Но ничего не изменилось. Мотор

взревел, и только. Мор увидел, как задние колеса проворачиваются, одно — среди травы у самого обрыва, другое — в грязной колее. Мисс Картер выключила мотор и вышла из машины.

— Охапка травы и хвороста, вот что нам надо, — сказал Мор. И, отойдя к опушке леса, начал срывать высокие стебли травы и папоротник. Мисс Картер ушла чуть дальше, в лес, и там занялась сбором ветвей. Когда она вернулась, Мор заметил, что ноги у нее исцарапаны до крови. Они вместе присели у колеса. От мисс Картер пахло речной водой. Когда она наклонилась вперед, капля, упавшая с мокрых прядей волос, потекла вниз, к груди. Она помогла Мору затолкать листву по бокам колеса. Затем Мор руками выгреб грязь из канавки под шиной и задвинул туда связку прутьев и папоротника.

— Ну вот, — сказал Мор. — Теперь попробуем отъехать. Вы поведете или я?

— Я. А вы проследите.

Мор присел на корточки возле левого колеса, а мисс Картер вновь запустила мотор. Напрягшись, Мор наблюдал, как колесо начинает вращаться. Все шло как надо. Поверхность шины надежно соприкасалась с сухой подстилкой. Мор уже собрался крикнуть, что все в порядке, как машину

вдруг тряхнуло, и она опять остановилась. Мор с удивлением увидел — колесо приподнялось над землей и крутится в воздухе. Он поспешно встал на ноги.

— Что опять случилось? — огорченно спросила девушка из машины. Корпус автомобиля начал клониться к реке.

Мор поспешно зашел с другой стороны и обнаружил, что от берега отвалился еще один ком земли и правое колесо зависло в воздухе.

— Выходите, — приказал Мор.

— Нет, еще раз попробую завестись.

— Выходите немедленно.

Она вышла и, увидев положение задних колес, тихонько охнула.

— Я ужасно сожалею, — сказал Мор. — Это все из-за меня. Но в сторону сожаления. Надо что-то делать.

— Допустим, подложим что-нибудь под левое колесо, потом вы сильно толкнете сзади, тогда, может быть, выберемся.

— Сомневаюсь. Сначала надо как-то поднять мост. Корпус и без того уже достаточно накренился.

— А если поднять домкратом, выровнять в горизонтальном положении, а потом медленно

опустить?

— Домкратом не получится — не на чем его установить, почва слишком рыхлая. Да и вообще, если мы ее и опустим, она снова накренится.

Мисс Картер хотя и была огорчена, но вовсе не растеряна. Она напряженно размышляла. И прежде чем Мор опомнился, нырнула под автомобиль.

— Что вы делаете? — крикнул он. — Смотрите, как наклонилась!

Но девушка уже вылезла из-под машины. Колени и подол ее платья были все в грязи.

— Хотела проверить, что с мостом, — отбросив чулки и туфли в траву, пояснила она. — Оказывается, там под ним камень. Давайте подложим что-нибудь объемистое под левое колесо, потом освободим мост от камня. И тогда машина вновь станет на три колеса.

— Бесполезно. Тут нужен трактор.

— Сначала испытаем этот способ, — решительно заявила она и тут же побежала в заросли. Чувствуя, что потихоньку начинает ненавидеть эту машину, Мор пошел за ней. Девушка вскоре отыскала плоский, поросший мохом камень, и они потащили его к берегу. Камень был очень тяжелым. Мор снял плащ и подвернул рукава.

Начали засовывать камень под колесо. Покрытый грязью камень так и норовил выскользнуть из рук.

— Работа для сумасшедших, — откачнувшись на пятках, пробормотал Мор. Мисс Картер раскраснелась от напряжения. И без того румяные щеки ее, теперь ставшие и вовсе пунцовыми, были покрыты потеками грязи. Платье задралось. Одним коленом она упиралась в землю. Это было, честно говоря, забавное зрелище.

— Надо проследить, чтобы камень не оказался снаружи. Если машина встанет на него, то уже не соскользнет с обрыва.

Мор лишь вздохнул. Никуда не денешься. Надо довести дело до конца.

— Теперь подумаем, — сказал он, — как извлечь другой камень из-под моста, да так, чтобы авто на нас не обрушилось.

— Воспользуемся рукояткой стартера, — сказала мисс Картер. В ней просто бурлила жажда деятельности. Она открыла багажник и достала оттуда рукоятку.

— Дайте мне, — велел Мор. — И отойдите в сторону. Когда машина встанет на три колеса, я попытаюсь ее вывести.

Мор на секунду нырнул в «райли» — поставил

машину на ручной тормоз и включил первую скорость. Потом вернулся к багажнику и лег у самых колес. Он увидел и тот камень, который они притащили из лесу, и другой, поближе к берегу, заклинивший задний мост. Он протянул руку, вооруженную рукояткой, и начал подкапывать у основания этот второй камень. Мисс Картер присела поблизости, но ее почти скрывала высокая трава.

Работа шла на удивление легко. «Может, и в самом деле, — думал Мор, — этот сумасшедший план удастся осуществить». Камень, кажется, уступил его усилиям и начал наклоняться. Еще немного… мост освободится, и машина опять встанет на три колеса. Мор копнул еще раз и резко отпрянул.

Зловеще прошуршав шинами, «райли» сделал безумный крен к реке. Машина вздыбилась над Мором, как вставший на задние лапы медведь. Он кубарем скатился в траву, ударившись со всего маха о колени мисс Картер. Потом они, шатаясь, встали на ноги.

— Вас не задело? — с тревогой спросила она.

Мор не ответил. Они приблизились к берегу. Еще один большущий кусок склона обвалился, и машина зависла теперь уже двумя колесами,

передним и задним. Комья земли падали вниз, замутняя воду; течение равнодушно подхватывало и уносило вдаль длинные стебли камыша, пучки травы, сломанные стебельки цветов.

— М-да, — произнес Мор, — теперь, я так думаю, пора идти за трактором.

— Поздно, — ровным голосом произнесла девушка. Мор посмотрел и понял, что действительно уже поздно. — Падает в реку, — прошептала она. Они наблюдали, как медленно, очень медленно автомобиль клонится к воде. Комья земли с хлопаньем ударялись о воду и тонули в ней. Взяв девушку за руку, Мор отвел ее в сторону. Возникла напряженная пауза, и в тишине стали еще слышнее равномерный шум воды и жужжание ос на лугу. Автомобиль некоторое время балансировал на врезавшихся глубоко в почву колесах, потом вновь начал медленно наклоняться. Колеса все выше и выше поднимались над землей, и наконец корпус повис вертикально над водой. Потом, скрежеща и приминая землю, машина перевернулась и крышей вниз обрушилась в реку.

И снова стало очень тихо. В наступившей тишине явственнее слышались шорохи леса и трав и журчание воды, но как-то иначе, чем прежде. Потому что поток теперь устремился сквозь от-

крытые окошки машины. Речка была не очень глубокой, вода доставала лишь до окошек. Стебли колыхались под теплым ветерком, и стрекозы, словно вертолетики, зависали среди яркой зелени.

Ничего не изменилось вокруг, только чернел слой обвалившегося берега да «райли» лежал внизу в реке в лучах вечернего солнца, словно громадный черный, перевернувшийся вверх лапами жук.

— О боже, — вздохнула девушка.

Мор не знал, что сказать. Он видел, что она вот-вот заплачет.

— Бедный мой «райли», — проговорила она и разрыдалась.

Растерявшись на минуту, Мор протянул руки и крепко обнял ее.

Опомнившись, девушка поспешно высвободилась из его объятий. Мор протянул ей платок.

— Послушайте, — сказал он, — нам теперь одно осталось — пойти и отыскать гараж с командой ремонтников, пусть они разбираются. В общем-то, машина не пострадала… просто надо ее вытащить. Нужен кран, и все будет в порядке. Я останусь и прослежу, а вы езжайте домой на автобусе. Во всем виноват я один — и, разумеется,

оплачу все расходы. А вы отправляйтесь домой и отдыхайте. Я провожу вас до шоссе.

— Ох, не говорите глупостей, — устало отмахнулась мисс Картер, — я не оставлю машину. Вы идите за ремонтниками, а я здесь побуду.

— Мне не хочется оставлять вас одну в лесу, — возразил Мор. Он вспомнил о цыгане.

— Сделайте одолжение, идите. Я останусь здесь.

Мор понял, что ее не переубедишь. И еще ему стало ясно, что она и в самом деле хочет, чтобы он ушел. Повернувшись, он пошел по тропинке и, проходя мимо полянки, где раньше лежал цыган, обнаружил, что там его уже нет. Он вышел из ворот и вскоре остановил машину, которая и привезла его к ближайшему гаражу. И не более чем через полчаса небольшой, груженный краном грузовичок, приминая папоротник и ломая ветви, вновь подвез его к берегу реки.

Мисс Картер стояла по колено в воде около машины. Заметив подъезжающий грузовик, она выбралась на берег и решительно обратилась к Мору.

— Я вас прошу, уезжайте домой, — сказала она. — Вы здесь ни при чем. Я сама уговорила вас поехать. Пожалуйста, езжайте домой. Ваша

жена наверняка места себе не находит от беспокойства.

— Нет, я должен остаться и проследить, чтобы все было в порядке.

— Пожалуйста, пожалуйста, уходите, — держа его за руку, твердила девушка, — пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

И Мор в конце концов сдался. Ремонтники, посовещавшись, объявили, что без труда извлекут «райли», но мисс Картер, по всей видимости, не терпелось, чтобы он ушел. Поэтому, постояв еще немного, Мор отправился в обратный путь. Когда в его поле зрения показался пересекающий дорогу ручей, Мор увидел, что у воды кто-то стоит. Это был тот самый человек с полянки, сейчас он стоял в воде прямо в ботинках, и струи воды омывали низ его штанов. Он не оглянулся, а зашел поглубже. Мор минуту понаблюдал за ним, потом развернулся и пошел в обратную сторону. И вскоре остановил попутную машину, на которой доехал до шоссе. Там он сел в автобус.

Приближаясь по оживленной дороге к своему городку, Мор чувствовал себя так, будто возвращался из сказочного путешествия. Всего несколько часов назад он встал из-за обеденного стола в доме Эвви. Что же это был за мир,

в который он попал потом? «Какой бы она ни была, — подумал Мор, — та страна, по которой я совершил путешествие, ясно, что больше мне там побывать не придется». От этой мысли ему стало очень грустно, и вместе с тем мысль эта была утешительной. Он взглянул на часы. Начало девятого. И в самом деле, Нэн, наверное, места себе не находит. Надо было ей позвонить. Но в той странной атмосфере мысль о звонке ни разу не посетила его. За окошком автобуса показались знакомые улочки. Он вышел из автобуса и быстрым шагом пошел мимо тесно прижавшихся друг к другу домов к своему собственному.

Дойдя до угла, он вдруг остановился. Знакомая фигура выступила из тени деревьев и быстро направилась к нему. Это был Тим Берк.

Тим подошел к Мору, взял его за руку и повел в ту сторону, откуда тот пришел.

— Тим! Что случилось? Мне сейчас не до разговоров. Мне надо домой. Я попал в очень неприятную ситуацию.

— Еще бы! — сказал Тим. Схватив руку Мора, он настойчиво вел его по дороге. — Я ждал тебя здесь. И сомневался, этой ли дорогой ты пойдешь. Я не хотел, чтобы Нэн меня увидела. — Они свернули на другую дорогу.

— Что случилось, Тим? — освободив руку, спросил Мор. Они остановились под каким-то деревом.

— Нэн мне звонила, — сообщил Тим.

«Ну конечно, — подумал Мор, — как же это я не догадался, что Нэн обязательно позвонит Тиму и спросит, где это я запропал».

— И что же она ответила, когда узнала, что я к тебе не заезжал?

— Она не узнала.

— Как?

— Я сказал, что ты просидел у меня большую часть дня, потом отправился хлопотать о помещениях для комитета, и, скорее всего, это продлится до самого вечера.

— Тим, ради бога, зачем ты все это нагородил! — схватившись за голову, простонал Мор.

Тим взял его за лацкан плаща.

— Я видел тебя в машине с девушкой, на светофоре, около Марсингтона.

Мор прислонился к дереву. Это было платановое дерево с чешуйчатой пегой корой. Мор отломил кусочек.

— Мне кажется, твое ирландское воображение сыграло с тобой шутку. В машине была мисс Картер, та, что пишет портрет Демойта. И

я действительно заехал бы к тебе, но с машиной случилась авария.

Тим ничего не ответил. «Я и сейчас лгу», — подумал Мор. О боже!

— Тим, извини, ты поступил как настоящий друг. Сегодняшняя неразбериха… в ней я один виноват.

— Ты не сердишься на меня? Я не мог сказать, что тебя не было. Я хотел как лучше. И вот придумал. — Тим все еще держал его за отворот плаща.

— Успокойся, Тим. В сущности, ты поступил очень разумно. Я один виноват. И больше это не повторится. Поэтому сделаем так, будто ничего и не было. Я ужасно виноват, что втянул тебя. В общем, благодарю, ты все правильно сделал.

Он тронул Тима за плечо. Тот отпустил его плащ.

Они поглядели друг на друга. Во взгляде Тима сквозили любопытство, неуверенность и сочувствие. А во взгляде Мора — боль и раскаяние. Они пошли назад по дороге.

Когда завернули за угол, Тим спросил:

— Ты уже говорил с ней?

— Еще нет. Вскоре поговорю.

Они минуту постояли.

— Ты не сердишься? — произнес Тим. — Я хотел как лучше.

— Ну как я могу сердиться. Мне у тебя надо прощения попросить. Ты правильно поступил. И больше не будем к этому возвращаться. Спокойной ночи, Тим.

Мор повернулся и медленно побрел домой.

Глава 7

На земле вечереет, и свет находит последнее пристанище в небесах. Высокие окна гостиной распахнуты. Арабески птичьего пения, нарушаемого обычно человеческими голосами, сейчас вольно наполняют комнату. В догорающих отблесках дня Рейн Картер работает над картиной…

Это было на следующий день после крушения «райли». Бригада ремонтников довольно быстро вытянула автомобиль и отвезла в гараж. В аварии пострадал мотор, вдобавок туда затекла вода, несколько примялась крыша, но, кроме этого, никаких серьезных поломок не обнаружилось. В гараже пообещали, что через какое-то время машина станет как новенькая.

Но сейчас Рейн не думала о машине. Не думала она и об Уильяме Море, хотя накануне вечером, прежде чем заснуть, мысли ее были заняты именно им. Работа над картиной полностью захватила ее. Этим утром Рейн кое-что важное решила относительно портрета, наметила, как надо действовать, и, не откладывая в долгий ящик, начала осуществлять намеченное. На полу в гостиной

расстелили простыню, на которую поставили мольберт, кухонный столик и стул. На столике лежали кисти и краски, большой холст был натянут на подрамник. Напротив, возле окна, на фоне одного из своих ковров, сидел Демойт. За окном виднелся краешек сада, несколько деревьев, а вдали над деревьями маячила башня школы. Перед Демойтом стоял стол с разложенными на нем книгами и бумагами. По требованию художницы Демойт просидел тут довольно долго и сейчас был уже несколько утомлен. Тем более что большую часть времени Рейн не писала, а расхаживая туда и сюда, то разглядывала портретируемого, то обращалась с просьбой чуть изменить позу, то уходила, принося различные предметы и раскладывая их на столе.

На Демойте был его любимый потертый вельветовый пиджак и галстук-бабочка. Эта своеобразная капитуляция произошла вчера утром. После завтрака Рейн вдруг заявила: «Не сочтите меня капризницей, мистер Демойт, но — вот костюм, в котором я хочу вас изобразить». И выложила перед ним на стул этот самый наряд. Демойт промолчал, но тут же направился к мисс Хандфорт, чтобы объявить ей, как он относится к такого рода предательству. Ханди ответила так: «И ду-

раку понятно, что я ничего не знала, а если бы и знала, то не выболтала бы, и вы это прекрасно понимаете, этой чернавке». Демойт еще немного покипел, потом мысленно пообещал сделать нагоняй Мору, когда тот в очередной раз явится. После чего все же переоделся в предложенный наряд, в коем тут же почувствовал себя куда лучше и свободней, чем в прежнем.

Неспешно рассматривая сидящий перед ней объект, Рейн слышала голос отца: «Не забывай, что портрет должен иметь глубину, массу, и плюс к этому — декоративные достоинства. Не позволяй себе увлекаться головой или пространством настолько, чтобы забыть, что холст, помимо всего прочего, это еще и плоская поверхность, ограниченная рамой. Твоя задача состоит еще и в том, чтобы покрыть эту поверхность неким узором». Что не давалось Рейн, так это видение этого самого узора. И лишь совсем недавно ей открылось, каким именно он должен быть; а с этим пришло понимание, как надо писать лицо Демойта. Лицо у него болезненно желтоватого цвета и все изрезано морщинами, будто сморщившееся яблоко. Резче всего эти морщины выступают у рта, которому на портрете, скорее всего, будет придано до некоторой степени саркастически-

насмешливое выражение, столь характерное для старика. То же самое выражение отзовется более приглушенно в грозно сходящихся у переносицы кустистых бровях, проявится в очертании глаз и в глубоких морщинках, веером расходящихся от уголков. Сыграет свою роль и изборожденный множеством тонких морщин лоб. В этом месте дух иронии должен как бы смениться примирением, а веселость — печалью.

Как часть фона Рейн решила выбрать ковер, узор которого повторит уже найденную тему. В узорчатой поверхности должен содержаться скрытый намек на характер портретируемого, так страстно стремившегося задекорировать все окружающее его пространство. И она выбрала превосходный ширазский ковер, интенсивно золотистый фон которого еще выгодней подчеркнет оттенок, найденный ею для стариковского лица, а паутина морщин еще раз откликнется в переплетении вытканных на ковре цветов. Этот ковер, тот самый, возле которого Мор впервые увидел ее, она уговорила Демойта временно повесить возле окна, а на его место поместить какой-нибудь другой. Старик хоть и помрачнел, но просьбу исполнил.

Рейн сознавала все подводные камни своего

плана. То, что глубина и пространство могут оказаться жертвами внешней декоративности, ее, конечно же, беспокоило, но далеко не в первую очередь. На такой риск ей и раньше случалось идти. И она уже по опыту знала, как надо действовать: сначала уделить внимание декоративности, после чего забыть о ней и заняться глубиной — и непременно все сложится. А вот найденный декоративный мотив в сочетании с предполагаемым цветовым решением мог оказаться слишком мягким, что грозило ослабить композицию в целом. И чтобы этого не произошло, надо будет уделить особое внимание лепке головы, это самая трудная задача, и кряжистой мощной шее. Предметы на столе и руки тоже должны сыграть свою роль, особенно руки. Относительно этой детали Рейн еще не решила. Трактовка пейзажа за окном готовила свои сюрпризы. Деревья можно бы изобразить несколько стилизованно, но вряд ли это верный путь. Нет, пожалуй, тут нужна иная манера, более аскетичная. От чего она не могла отказаться, так это от желания поместить башню Сен-Бридж, величавую, устремленную в небеса, в верхнем левом углу картины. Само небо должно быть бледным, контрастирующим с ярким светом комнаты и таким образом урав-

новешивающим все цветовое решение картины, Демойт должен смотреть несколько в сторону, прочь от окна, не прямо в глаза зрителю.

— Пора, мадемуазель, заканчивать, — буркнул Демойт. — При таком свете нельзя писать. — И в который раз нетерпеливо заерзал на стуле. Сидеть ему расхотелось еще тогда, когда он узнал, что сейчас пишут-то вовсе не его, а какой-то там уголок ковра. И он давно ушел бы, но Рейн остановила его замечанием, что «все цвета влияют друг на друга, поэтому и ковер без вашей фигуры станет совсем другим».

— Я знаю, что нельзя, — рассеянно ответила девушка. На ней были черные брючки и просторный красный халат с подвернутыми рукавами. — Света маловато, вы правы. Если бы меня сейчас увидел мой отец, он бы рассердился. Но мне обязательно надо закончить вот этот маленький кусочек.

Она тщательно выписывала каждый завиток на поверхности ковра в правом углу картины. Остальное на холсте было едва намечено мелкими тонкими штришками. Рейн, как и ее отец, не была сторонницей подмалевка. Она привыкла писать сразу красочными мазками, и то, что получалось, могло показаться окончательным

вариантом, но почти всегда на этот первый слой через какое-то время наносился новый. Рейн следовала манере Сидни Картера и в том, что сначала писала фон, а уж потом главные предметы; они как будто вырастали из фона и начинали, если это было необходимо по замыслу, властвовать над ним. И еще она всегда помнила другой совет отца: «Попробуй тщательнейшим образом выписать какой-нибудь совсем крохотный фрагментик картины — и многое узнаешь о своем будущем полотне. Выполни эту работу и отложи, чтобы подумать». И Рейн надеялась, что на следующий день сумеет на основе маленького, но вполне завершенного фрагмента ковра продвинуться дальше.

Она отложила кисти. В комнате и в самом деле стало слишком темно.

— Пожалуйста, посидите еще минуточку, — видя, что Демойт готовится встать, попросила Рейн. — Еще немножко, прошу вас.

Он сел.

Рейн подошла к нему и начала рассматривать руки, задумчиво склонившись над столом. Руки. От них многое зависит. На картине они должны стать еще одним выражением силы. Но как же их изобразить?

— Что делать с вашими руками, прямо не знаю, — вздохнула Рейн, потянулась через стол, взяла Демойта за руку и положила ее на какую-то книгу. Нет, не звучит.

— А вот я знаю, что делать с вашими, — отозвался Демойт. Взял ладонь девушки в свою и поднес к губам.

Рейн чуть заметно улыбнулась. Она глядела на Демойта, но уже не изучающим взглядом. В комнате теперь стало совершенно темно, хотя в саду еще теплился свет.

— Из-за меня вы провели утомительный день? — спросила она, не пытаясь высвободить ладонь. Демойт держал ее в своей, тихо поглаживая и то и дело поднося к губам.

— Из-за вас я просидел в одной позе долгие часы, а при ревматизме это настоящая мука, вот и все. Дайте-ка я взгляну, что вы там понаписали за сегодняшний день. — И он тяжело протопал к мольберту. Рейн пошла за ним и села на стул перед холстом. Она чувствовала себя усталой.

— Добрый боженька! — вскричал Демойт. — Дитя мое, и это все, что вы изобразили за последние два часа? Какой-то жалкий пятачок ковра! Ну и славно, — значит, вы пробудете с нами долгие годы. А может, вы, как Пенелопа, будете трудиться

вечно? Ну что ж, я буду только рад. И подозреваю, что есть еще один-два человека, которые тоже будут рады. — Демойт склонился над стулом, на котором сидела Рейн, и коснулся ее волос. Тяжелой ладонью обнял затылок. Медленно опустил руку на ее шею.

— Картину я закончу, — произнесла Рейн, — и уеду. Но мне будет жаль. — Она говорила очень серьезно.

— Да, — сказал Демойт. Он взял другой стул и сел рядом с ней, касаясь коленями ее коленей. — Закончите и уедете, и я вас никогда больше не увижу. — Он говорил об этом как о чем-то обыденном, давным-давно решенном. Она внимательно смотрела на него. — Когда вы уедете, здесь останется мой портрет, а мне хотелось бы, чтобы остался ваш.

— Любой портрет — это и портрет художника, — ответила Рейн. — Создавая ваше изображение, я отражаю в нем себя.

— Спиритические бредни! Я хочу видеть вас во плоти, а не призраком.

— Художники воплощают себя в тех, кто им позирует, и зачастую почти в буквальном смысле. Берн-Джоунз изображал людей такими же худыми и мрачными, каким был он сам. Ромни

всегда воспроизводил свой собственный нос. Ван Дейк — свои собственные руки. — В полумраке она протянула руку и, проведя пальцами по ворсистой ткани его пиджака, взяла Демойта за запястье.

— Ваш отец, да, он научил вас многому, — сказал Демойт, — но вы сами совсем иная и должны жить по-своему. Простите мне, старику, скучные речи. Вы не можете не понимать, как мне хочется сейчас обнять вас, и знаете, что я этого не сделаю. Рейн, Рейн. Расскажите-ка лучше, как по-вашему, зачем художнику нужно, чтобы модель походила на него? Вы хотите, чтобы я стал похож на вас? Что за причуда?

— Не знаю, наверняка есть какие-то пределы для нашего видения себя во внешнем мире. Свое собственное лицо мы изнутри ощущаем как трехмерную маску. И когда изображаем другого человека, на помощь зовем опыт осознания нашего собственного лица.

— Значит, наши лица не более чем маски? — Демойт коснулся лица девушки и осторожно провел пальцем по ее носу.

Мисс Хандфорт шумно вторглась в комнату и включила свет. Рейн не сдвинулась с места, зато Демойт отшатнулся, да так неуклюже, что ножки

стула со скрежетом проехались по полу.

— Господи, вы все еще сидите здесь, в такой темноте! — воскликнула мисс Хандфорт. — А там мистер Мор пришел только что. Я посоветовала ему идти наверх, в библиотеку, думала, вы там. — Мисс Хандфорт протопала к окну и начала энергично задергивать шторы. Сад уже успел потемнеть.

— Мне не нравится, Ханди, что ты этаким стенобитным орудием вламываешься в комнату, — заметил Демойт. — Оставь шторы и поди скажи Мору, чтобы шел сюда.

— Пусть все остается здесь или убрать? — спросила Ханди, указывая на простыню, на холст и на прочие атрибуты.

— Пусть еще останется, если можно, — попросила Рейн.

— Это что же получается, вы собираетесь завладеть и моей гостиной? — пророкотал Демойт. — Дом и без того уже весь пропах красками. Иди, Ханди, ступай и доставь того господина из библиотеки.

Подходя предыдущим вечером к двери своего дома, Мор все еще сомневался — рассказывать жене или нет всю историю целиком? Вмешательство Тима усложнило задачу. «Теперь, если

я расскажу откровенно, — размышлял Мор, — то брошу тень не только на себя, но и на него». Но не столько это останавливало Мора, сколько чувство, что все эти рассказы, и его, и Тима, делают историю куда более двусмысленной, чем она есть на самом деле. «Я видел тебя в автомобиле с девушкой». Тим произнес эту фразу так, что Мор вдруг увидел происходящее со стороны; и понял, что внешне это совсем иначе выглядело, а ведь ему самому все казалось обыкновеннейшей, заурядней шей поездкой на автомобиле. Значит, размышлял Мор, если я сейчас изложу Нэн чистейшую правду, то это все равно ни к чему путному не приведет. Как ни старайся, у Нэн все равно останется подозрение, что от нее что-то утаили. А так вроде ничего и не случилось. Да ведь и в самом деле ничего не случилось, а вскоре и вовсе забудется. «Если не считать нескольких неизбежных официальных встреч, я с этой девушкой больше не увижусь». «И не будем больше к этому возвращаться» — вспомнились слова, сказанные Тиму, и, как он сейчас понимал, очень правильно сказанные. Тим не имеет привычки осуждать. А вот если рассказать Нэн, то она никогда не успокоится и его принудит вечно сожалеть и каяться.

В общем, войдя в дом, он все еще не решил ни за, ни против. Нэн встретила его внизу, у дверей.

— Ну вот ты и дома, а я волновалась. Ужин в духовке. Я испекла кекс, он там, на буфете, — возьмешь, если захочешь. Фелисити поужинала и ушла в кино, а мне надо посетить миссис Пруэтт. Ты, разумеется, представляешь, как это весело. Завтра вечером собрание на женских курсах, и Пруэттиха хочет знать мое мнение насчет того, что *развивает* женщину, кроме кино и танцев. Я тут же по телефону ответила ей, что кроме танцев и кино иных способов не вижу, но она хочет, чтобы я пришла. Надеюсь, не задержусь надолго, но ты ведь знаешь, как эта дама въедлива. — Через минуту Нэн уже закрыла за собой дверь.

Мор сел ужинать. И тут же понял, что размышления не прошли даром: он наконец решил. Так вот, если он собирался рассказать все как было, то нужно было не зевать, пока она не ушла. Но этот момент прошел. Нэн «съела» полуправду. И разумней будет ее не разочаровывать. Если бы она спросила, он бы не стал скрывать. А так — пусть все остается как есть. Мор отрезал кусочек кекса и вдруг понял, что надо еще кое-что сделать. Нужно предупредить Рейн, что он передумал рассказывать жене. Надо сообщить, и

не откладывая, иначе может выйти недоразумение. Над кексом Мор задумался об этом новом обстоятельстве. И тут подоспел очередной вопрос — расскажет ли она *Демойту* об этой загородной прогулке? От этой мысли Мор вновь не на шутку встревожился. «Обязательно встречусь с ней завтра, — решил он, — и выясню, сказала или нет, и если да, то надо будет как-то так сделать, чтобы дальше не пошло». Демойт, безусловно, тоже не болтун, но именно в эти обстоятельства посвящать его почему-то не хочется. Ведь старик славится язвительностью, а этот случай раззадорит его еще больше. Ну а что, если мисс Картер не скажет? Может так случиться? У нее такой независимый характер, и наверняка она умеет хранить секреты. А это вопрос в некотором смысле деликатный, поэтому, скорее всего, она ничего не скажет Демойту. И все же надо бы как-то выяснить. Но как? Ведь для этого понадобится обстоятельный разговор, а завтра целый день уроки, да и вечером тоже не получится, потому что вокруг мисс Картер, несомненно, будут посторонние — Демойт, например, и ну, в общем, какие-то другие люди. А если позвонить по телефону? Нет, не годится. Без Ханди не обойдешься, а уж она не промолчит. Подумав, Мор решил,

что… напишет письмо. Потом лично отнесет его на Подворье. Встретится, если получится, с мисс Картер наедине, а если не получится, то найдет способ незаметно письмо передать.

Продумывание этих планов поглотило Мора с головой. И как только вопрос уладится, он, разумеется, будет всячески избегать встреч с юной леди. А если и встретится, то только после написания картины, на торжественном обеде. Какая тягостная, однако, выходит история. И все же предстоящее сочинение письма показалось ему занятием довольно приятным. Он отправился наверх, к себе в спальню, служившую ему одновременно и кабинетом, вытащил листки бумаги и принялся набрасывать черновик. Оказалось, это не так-то легко. Нужно же еще решить, как начать и чем закончить письмо, что именно написать и как поточнее выразить свою мысль. Сначала возник вот такой вариант:

«Дорогая мисс Картер!

Когда я вчера вечером вернулся домой, оказалось, что приятель, которого я собирался посетить, уже изложил жене ложную версию истории. Поэтому я тоже решил умолчать. Надеюсь, Вы поймете…

и простите за то, что я втянул Вас в этот обман.

Надеюсь, с автомобилем все хорошо? Мне неудобно, что я Вас бросил на берегу. По-прежнему настаиваю на оплате ремонта.

Искренне Ваш, Уильям Мор»

Мор пробежал глазами по строчкам, зачеркнул «мне неудобно, что…», а потом и вовсе разорвал листок и вновь глубоко задумался. «Если я и в самом деле соберусь платить за ремонт, — думал он, — то снова придется встретиться». А что, если попросить ее прислать счет? Но понравится ли ей это? Такой девушке, как она, наверняка — нет. Ну а если самому выслать ей определенную сумму? Нет, опять трудности, опять хлопоты. Послать слишком мало — нехорошо, некрасиво, а послать достаточную сумму, то есть много… это заранее расстраивало Мора, который если и не был впрямую скуп, то уж бережлив несомненно. И в конце концов он решил вопрос «оплаты счетов» в письме вообще не затрагивать, а положиться на случай. Если до отъезда мисс Картер им еще раз доведется встретиться, то этот вопрос они обсудят с глазу на глаз. И тогда он составил вто-

рой вариант.

«Дорогая мисс Картер!

Сообщаю Вам, что в конце концов я решил по причинам, которые не буду здесь излагать, оставить свою жену в неведении. Спешу Вас об этом уведомить, чтобы и Вы действовали соответственно. Смиренно прошу прощения за то, что вверг Вас во все эти неприятности. Надеюсь, что “райли” переживет эти испытания и вскоре вновь будет мчаться по дорогам. Искренне сожалею, что не сумел тогда Вам по-настоящему помочь.

Искренне Ваш, Уильям Мор

P. S. Не рассказали ли Вы мистеру Демойту о наших приключениях? Если рассказали, то, надеюсь, сделали со всей возможной деликатностью? И, пожалуйста, сожгите это письмо».

Тима упоминать незачем, решил Мор, а краткость и уклончивость во всем, кроме главных пунктов, — это именно то, что нужно. Какое-то время он изучал письмо № 2, но в конце концов уничтожил и его. «Сожгите письмо» — ну зачем об этом просить? От этого только еще сильнее

запахнет сговором и двусмысленностью. Она достаточно умна и поймет, что *такое* письмо где попало бросать нельзя. И Мор приступил к третьей попытке. На этот раз он решил быть кратким и деловитым, отчего, как ему казалось, письмо получится более искренним и серьезным. Он написал так:

> «Мне очень жаль, но я решил в конце концов о поездке жене не говорить. Поэтому и Вас прошу хранить молчание. От всей души прошу извинить за причиненные неприятности. Корю себя за то, что бросил Вас одну… Надеюсь, с автомобилем все в порядке.
>
> *У.М.»*

Мор перечел письмо. Этот вариант ему понравился, и он вложил листок в конверт. Упоминание о Демойте в последнем варианте отсутствовало, потому что… на месте по поведению девушки и Демойта как-то да выяснится, знает старик или нет. Если он застанет мисс Картер наедине, то сможет спросить у нее; а если Демойт окажется рядом и начнет отпускать разные шутливые намеки, то из этого станет ясно, что его уже посвятили. Хуже, если на Подворье соберется

какая-нибудь компания. Взглянув на часы, Мор понял, что, оказывается, просидел над письмом целых два часа. Фелисити давно пришла и закрылась в своей комнате. Нэн еще не вернулась. Мор тщательно заклеил конверт и сжег черновик со своими мысленными потугами. Его не оставляло чувство, будто он удачно завершил отложенный на вечер объемистый кусок работы. Он лег в постель и уснул сном праведника.

На следующее утро он понял, что все выглядит куда мрачнее, чем казалось вечером. Стыдно признаться, но он, оказывается, не только обманул Нэн, но и дальше вполне обдуманно собирается обманывать. И еще исключительно по его вине потерпел аварию чрезвычайно дорогой автомобиль… а ведь вчера обрушившийся в воду «райли» сопрягался в его воображении, глупо конечно, всего лишь с неким увлекательным приключением. Придется оплачивать ремонт — эта мысль отрезвила его совершенно. Ну а в остальном, несмотря на все опасения, он решил вести себя как наметил. Возможно, существовал и какой-то иной способ, но хлопот столько, что обдумать все равно не удастся. И чем дольше тянулся день, тем чаще, в перерывах между уроками, он вспоминал, что вечером придется идти

на Подворье, где не избежать встречи с мисс Картер, как это ни прискорбно.

Поужинав в половине восьмого, Мор выпроводил Нэн на заседание женского комитета, после чего, примерно в четверть девятого, и сам вышел из дома. Он сказал Нэн, хотя она не особенно интересовалась, что вечером собирается навестить Демойта. Так он делал довольно часто, в те часы, когда Нэн удалялась по своим делам. Он обычно добирался до Подворья на велосипеде, но на этот раз ему захотелось прогуляться пешком. Был ясный, теплый вечер. «Теплынь наверняка еще продержится, — думал он, — и, может быть, даже в день школьных соревнований будет хорошая погода». Он шел, погруженный в приятную задумчивость. Все тревоги куда-то улетучились. Он наслаждался окружающим покоем с простодушной радостью, которую уже давным-давно не испытывал, и размышлял о том, что жизнь проходит в ненужной суете, а счастливых мгновений так мало. Пройдя немного вдоль шоссе, он свернул на тропинку и пошел напрямик через поле. Вот уже показалась невысокая каменная стена и шелковичные деревья, и в эту минуту волнение и тревога в нем одержали победу над безмятежностью. Тайно передавать письмо Мору

предстояло в первый и, он горячо надеялся, в последний раз.

Не позвонив, он вошел в дом и был встречен Ханди, которая тут же сообщила ему: «Его светлость в библиотеке». Мор поднялся туда, но в библиотеке никого не оказалось. Книги и меланхоличный полумрак, вот и все, что он там нашел. Тишина комнаты тут же окутала Мора, и, уже наполовину поборов волнение, он присел у одного из столиков. Тут Ханди вернулась и, сунув голову в дверь, сообщила: «Простите, он в гостиной с мисс… как бишь ее?»

Мор спустился и постучал в дверь гостиной. Внутри горело множество ламп и шторы были задернуты. Демойт стоял, опершись о каминную полку, а мисс Картер сидела на стуле перед мольбертом. Мор с радостным удивлением уставился на мольберт. Потому что это было первое вещественное подтверждение того, что мисс Картер и в самом деле художница.

— Добрый вечер, — сказал Мор, — добрый вечер. Вижу, работа уже кипит.

— Кипит! — фыркнул Демойт. — Тут изображают один из моих ковров, а я весь день сижу в виде довеска. Взгляните на этот шедевр!

Мор подошел к холсту. Мисс Картер поднялась

и отступила. На холсте и в самом деле ничего не было, кроме маленького, тщательно выписанного квадратика в углу.

Остальное было только намечено еле заметными линиями. Мору это показалось странным. Но мисс Картер наверняка знает, что делает.

— Неплохо, неплохо, — пробормотал он.

— Он просто не знает, что сказать, — со смехом бросил Демойт. — Но не огорчайтесь, мадемуазель, еще немного, и мы все будем у ваших ног.

Мору не понравился этот тон. Неужто Демойт хочет выставить его невеждой?

— Мисс Картер знает, что я абсолютно верю в ее талант, — произнес Мор и тут же понял, как глупо это прозвучало. Он попытался загладить неловкость тем, что послал девушке взгляд одновременно и сокрушенный, и дружественный. В ответ она улыбнулась с такой теплотой, что Мор совершенно успокоился.

— Грубая лесть. Вы же ничего не смыслите ни в таланте мисс Картер, ни в чьем-либо другом. Этот человек не может отличить Рембрандта от Рубенса. Он живет в бесцветном мире.

«Зло и, в сущности, несправедливо, — подумал Мор. — Надо как-то скрасить эти слова».

— Я говорил о вере. Блажен, кто, не видя, ве-

рует. Я верю в мисс Картер. — Только прежняя ободряющая улыбка девушки как-то сгладила неуклюжесть этого комплимента.

— А стало быть, мы уже говорим не о таланте мисс Картер, а о ней самой. Глупый разговор, и стал еще глупее. Не желаете закусить?

— Нет, сэр, я поужинал дома.

— Тогда предлагаю выпить бренди. Наша мастерица наверняка устала. Пишет, или делает вид, что пишет, уже не меньше шести часов.

— Я действительно устала, — отозвалась мисс Картер. — Мистер Демойт не верит, но я за сегодня выполнила большой кусок работы.

Мор удивился ее словам. Ему почему-то казалось, что после вчерашних волнений она пролежит весь день чуть ли не в беспамятстве. И он посмотрел на нее с восхищением, надеясь, что она верно поймет его взгляд. На ней сегодня были брюки, а халат она вскоре после прихода Мора сняла, и под ним обнаружилась белая хлопчатобумажная блуза. Короткие черные волосы и темный румянец щек делали ее похожей на Пьеро. Мору вдруг показалось, что в ней есть что-то от гротескной меланхолии этого персонажа.

Мор и мисс Картер уселись в кресла около камина. Демойт взялся что-то искать в буфете.

— Где, черт возьми, стаканы для бренди? — ворчал он. — Наверное, Ханди утащила в кухню, чтобы пить из них лимонад. Надо пойти и забрать. Ну, вы тут пока не скучайте. — Старик вышел из гостиной, оставив дверь открытой.

Мор понял — именно сейчас надо передать письмо. От волнения он стал красным как рак. Мисс Картер поглядела на него с некоторым удивлением. Мор полез в карман, порылся там несколько секунд. Потом выхватил конверт, поднялся и поспешно положил конверт девушке на колени. Но конверт упал на пол, и она наклонилась за ним с изумленным видом. И в этот миг Мор поднял глаза и увидел, что в дверях стоит Демойт и наблюдает за сценкой. Мисс Картер сидела спиной к дверям и потому ничего не видела. Она быстро сунула конверт в сумочку и вновь взглянула на Мора. Демойт выждал секунду, после чего вошел, звонко бряцая стаканами.

— В столовой оказались, на столе, — деловито пояснил он. — Должно быть, Ханди несла назад, да не донесла. Теперь пойду поищу бренди. — И он вновь вышел из комнаты, со стуком затворив за собой дверь.

Мора до боли огорчило, что Демойт заметил передачу письма. «Просто какой-то заговор против

меня», — думал Мор. Все складывается именно так, что любой пустяк разрастается до непомерных размеров. Теперь не только Тим, но и Демойт будет думать, что есть какая-то интрига, а на самом деле ничего ведь нет. Раз и навсегда покончить с этим недоразумением, вот чего он хотел, но из-за Демойта все вдруг, наоборот, наполнилось каким-то совершенно ненужным значением. Он поглядел на девушку едва ли не рассерженно.

— С машиной все в порядке, — негромко сказала она.

— Очень рад это слышать, и простите мне мою вчерашнюю бестолковость. Вы не рассказали Демойту?

— Нет. Может, и глупо, но мне почему-то не захотелось. Сказала, что машина в ремонте, и только.

— Удачное совпадение. — Мор тоже говорил тихо. — Я не сказал жене. В письме объяснение.

— Значит, мы оба будем хранить этот секрет?

Мор невольно кивнул.

— Я настаиваю на оплате ремонта. Вы должны будете поставить меня в известность…

— Ну что вы! Страховая компания заплатит, на то она и существует!

В эту минуту Демойт с топотом ворвался в го-

стиную и объявил: «А бренди все-таки здесь!»

И Мору стало обидно от мысли, что вот он остался наедине с мисс Картер, может быть, в последний раз и потратил время на какую-то прозаическую чушь. Он взял стаканчик бренди.

А мисс Картер была, по всей видимости, в прекрасном настроении.

— Хотите, — предложила она Мору, — я нарисую, как вы сидите и пьете коньяк?

Мор смутился и покраснел, на этот раз от удовольствия.

— Я согласен. А как мне сесть?

— Как сидите, так и оставайтесь. Именно так, как мне надо.

Она достала блокнот и карандаш и, то и дело отпивая из стаканчика, принялась рисовать.

Мор сидел совершенно неподвижно, чувствуя на себе два взгляда — дружелюбно-внимательный мисс Картер и таящий издевку, насмешливый Демойта. Ему казалось, будто одну его щеку овевает свежий весенний ветерок, а другую сечет холодный осенний дождь.

Наверное, Демойт решил не принимать никакого участия в разговоре. Он просто сидел, как никому и ничем не обязанный посторонний зритель, и поглядывал то на Мора, то на мисс Картер.

Хочет заставить нас говорить, догадался Мор, а сам будет исподтишка наблюдать, старый лис.

— Как зовут вашего сына? — спросила девушка.

— Дональд.

— Жаль, что тогда, при встрече, я с ним так и не познакомилась, — продолжила мисс Картер, глядя то на Мора, то на бумагу. — У вас еще есть дети?

— Дочка. Ей скоро четырнадцать. Ее звать Фелисити.

«Как-то странно, — подумал вдруг Мор, — говорить с ней о детях. Ведь она сама всего лет на восемь старше Дональда».

— А чем Дональд собирается заняться?

— У него через несколько недель вступительный экзамен по химии. Полагаю, будет химиком или кем-то в этой области. — Мору хотелось еще что-нибудь сказать о Дональде.

— А дочка? У нее какие мечты?

— Не знаю. Думаю, проучится еще один-два семестра в школе, а в следующем году пойдет на курсы секретарш. Она не очень-то одаренная.

И тут Демойт не сдержался:

— Ну что за чушь вы несете, Мор! Неужели вы допустите, чтобы Фелисити бросила школу?

Наверняка способности у нее есть, просто надо дать им развиться. Год или два в шестом классе — и перед вами явится совсем другой человек! Ей обязательно надо поступить в университет. Пусть не в Оксфорд, не в Кембридж, но ведь и в Лондоне есть где продолжить образование. Ради всего святого, *позвольте* девочке сделать выбор! Или вы предпочитаете видеть ее в роли глупой секретарши, зачитывающейся модными журнальчиками?

Гнев и обида вскипели в душе Мора. Он повернулся к Демойту, но, заметив, что девушка предупреждающе подняла карандаш, поспешно сел как прежде. В сущности, он был того же мнения, что и Демойт. Но есть еще Нэн и есть материальная сторона, с которой надо считаться. И вообще, ничего еще не решено. А ответил он сейчас так лишь потому, что надо было как-то ответить… и еще потому, что захотелось вдруг все окрасить в мрачные цвета и как можно больше сгустить краски.

— Мне кажется, вы преувеличиваете пользу образования. По вашему мнению, если в школе или в колледже человеку не начинят мозги разной ерундой, то потом жизнь его тут же сломит.

— Вы, милейший, сами эту нелепицу выдумали

и мне приписали. — Демойт явно был задет. — Разные есть люди. Например, жизнь не сломит мисс Картер, какое бы образование она ни получила. А таким, как вы и ваша дочь, действительно прежде надо много чего вложить в голову.

Это было произнесено таким свирепым тоном, что Мор просто онемел. И мисс Картер перестала водить карандашом по бумаге.

А Демойт, видимо, тут же укорил себя за несдержанность, потому что сказал:

— Простите за вспыльчивость, не сдержался.

— Пустяки, сэр.

Наступило молчание.

— И я у вас обоих прошу прощения, но думаю, мне пора прилечь, — спустя минуту сказала мисс Картер. — Я страшно устала, глаза слипаются.

Демойт, явно огорченный, тут же высказал предположение, что мисс Картер уходит потому, что не хочет более общаться с таким грубияном. Но девушка ответила очень спокойно, что уходит лишь потому, что хочет спать. А Мору было невероятно жалко, что она сейчас уйдет так рано. Наверняка такой встречи у них больше не будет. Он допил остаток бренди.

— Разрешите хоть поглядеть на рисунок, — попросил он.

Мисс Картер глянула на листок и захлопнула блокнот. Как-то странно посмотрела на Мора и сказала: «Нет, не надо. Не удался. Ерунду не хочу показывать». Мор стоял у камина, в то время как девушка остановилась у двери. Она о чем-то говорила с Демойтом, проводившим ее *до двери,* потом произнесла отрывисто «доброй ночи» и ушла.

Шаркая подошвами, Демойт подошел к камину. Увидав, что Мор допил содержимое стакана, налил ему еще. Потом они сели. «Нет, это именно из-за твоей грубости она так быстро ушла», — хмуро глядя на старика, думал Мор, в то время как Демойт так же мрачно глядел на него. Так, в обоюдном хмуром молчании, они провели какое-то время.

— Вы ведь не торопитесь? — наконец спросил Демойт.

Мор понимал — несмотря на все претензии, старику очень не хочется, чтобы он прямо сейчас встал и ушел.

— Нет. У Нэн сегодня заседание женского комитета, так что я не тороплюсь. — Стаканчики вновь наполнились бренди. Мор ждал, что старик вот-вот упомянет о письме. Наверняка он сохранил этот момент в памяти. «Когда же он

вспомнит о письме?» — думал Мор. Ведь наверняка все помнит.

— Она такая маленькая, — задумчиво произнес Демойт. — На кого, как вы думаете, она похожа? На маленького мальчика, бесспорно, ну на кого же еще, с этими ее крохотными ручками, огромными глазами и любовью к ярким нарядам? А может быть, на клоуна или на цирковую собачку… да, да, именно на цирковую собачку; знаете, в такой хорошенькой клетчатой курточке и с бантиком на хвостике… ей так хочется понравиться, поэтому все выходит немного ненатурально, но она старается и смотрит этими своими глазками…

Как неуважительно, подумал Мор и сказал:

— Мне кажется, она очень серьезно относится к своей профессии.

— А вы недотепа и олух.

— За что же вы меня так? — сдержанно спросил Мор.

— Я видел, как вы передали письмо, — усмехнулся Демойт. — Ничего не стану спрашивать. Просто мне интересно, способны ли вы увидеть ее по-настоящему.

Их глаза встретились. «А старик чуточку ревнует, — мысленно отметил Мор. — Любопытно, что

сказала бы мисс Картер, если бы узнала, в чьем сердце пробудила чувства. Ну-ка я его сейчас разочарую».

— Письмо совершенно деловое, — сказал он. Демойт окинул его скептическим взглядом.

— Ну что ж, тем хуже для вас, мой мальчик… Поговорим о чем-нибудь другом… Например, о Фелисити. Вы упомянули о курсах секретарш, но, надеюсь, это несерьезно?

— Кто знает, ведь не так-то легко понять, что серьезно, а что нет. Поступление в университет… что ж, можно было бы рискнуть. У нее могут вдруг проявиться способности… почему бы и нет… ну а если не проявятся? К тому же вопрос денег. На обучение Дональда, даже если ему предоставят финансовую поддержку, все равно уйдет масса средств. Если еще и Фелисити… я просто не представляю.

— Вы по-прежнему собираетесь стать членом парламента?

— Сначала кандидатом. А окажусь ли в парламенте, зависит от избирателей.

— Уютное местечко. Значит, вы наконец решились. И Нэн тоже сменила гнев на милость?

— Я с ней еще не говорил. — Мор произнес это бесцветным голосом, глядя вниз и машинально

раскачивая стаканчиком.

— Беру назад все, что только что сказал. Я это сказал просто так, чтобы вас уколоть, вы ведь понимаете, и еще потому, что мне на минуту… а, пустяки все это. Я страшно рад, что вы наконец решились. А грустно мне потому, что я знаю — когда вы станете значительной фигурой, мы уже не сможем называться друзьями.

Мору показалось, что старик шутит, настолько это прозвучало нелепо.

— Я никогда не стану значительной фигурой, так что не беспокойтесь, — как можно серьезней ответил Мор.

— Я несказанно рад за вас. Конечно, уезжайте подальше из этой дыры, от этого елейного Эвви, от угрюмого Пруэтта, от безумного Бладуарда, туда, в Лондон. Там вы сможете встречаться с интереснейшими людьми. И с женщинами. А здесь нам всем остается лишь одно занятие — коротать время до собственных похорон.

Нэн называет Демойта сумасшедшим. Мор и сам подозревал об этих настроениях старика, о тоске, наверняка охватывающей Демойта, когда он остается один.

— Вы заблуждаетесь. Я нисколько не презираю наш городок. Это будет всего лишь смена места

службы. Кстати, будьте любезны, не говорите никому, пока не станет официально известно.

— С жалованьем члена парламента вы и обучение Фелисити в университете сможете оплачивать, — упорно держась за свое прежнее настроение, проговорил старик.

— В университет я ее вряд ли пошлю. Слишком рискованно. Живя здесь и преподавая в школе, я, по крайней мере, знаю, сколько и куда надо тратить денег. А *там*, где возникнут разные непредвиденные расходы, мне долго придется становиться на ноги. Да и Нэн ни за что не согласится. Относительно должности в парламенте разговор предстоит не очень легкий, а уж о таком рискованном предприятии, как обучение Фелисити, она наверняка и слушать не захочет. Либо должность, либо университет, я должен выбирать.

Мор высказал эту мысль и тут же понял, что готовится в определенном смысле пожертвовать будущим Фелисити ради своей собственной карьеры. Перспектива малоприятная.

— Нэн, Нэн, Нэн! — закричал Демойт. — Я устал от этого имени! Да кто она такая, что по всякому пустяковому поводу вы идете к ней на поклон?

— Она моя жена.

— Нет, вы просто мямля! Большего мямли, чем вы, я не встречал! Это же позор! Из-за своей трусости вы и Фелисити не позволите испытать судьбу. Наверняка я слишком резок, а в вас гордость бунтует, но все же послушайте и не отвергайте. Будущее вашей дочери — вот что главное! Так вот, начальную плату за обучение Фелисити я сам внесу. Все равно она будет получать субсидию от местной администрации, так что я не особо разорюсь. У меня в банке отложена определенная сумма. Здесь, в этом захолустье, деньги тратить не на что, путешествий я не люблю, а жить мне осталось, как вы понимаете, не сто лет. Итак, не отнекивайтесь и в позу оскорбленного самолюбия не становитесь. Я хочу, чтобы девочка получила образование, и на этом закроем вопрос. Мне будет стыдно, если она останется за бортом. Простите старику его каприз.

Мор сидел неподвижно, чуть наклонившись, по-прежнему глядя в стакан. Он чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, и боялся взглянуть на Демойта.

— Вы так добры — наконец сказал он, — я очень тронут, но я не могу просто так взять и согласиться. Надеюсь, вы понимаете, на то есть веские основания, хотя, конечно, ваше предложение

очень заманчиво. Но все же надо обдумать, и я не хочу сказать, что вот так, с ходу, его отвергаю. Но надо подумать. Если поднатужиться, то я и сам мог бы оплачивать, а если честно, то я сомневаюсь, что Нэн согласится, чтобы вы платили.

— Да полноте вам! Просто не говорите ей, мальчишка. Обманите. Скажите, что это премия от Эвви, что нашли деньги на улице или выиграли на бегах! Что-нибудь придумайте, изобретите. А я устал слушать все эти глупости.

— Я подумаю, — сказал Мор. Демойт подлил ему бренди, и они заговорили о чем-то другом.

Прошло еще около часа. Почувствовав наконец, что выпито достаточно, Мор решил отправляться домой. Демойт сообщил, что идет спать, и Мор, проводив его до дверей спальни, спустился вниз, надел плащ, вышел за порог и тут же замер — таким дивным светом и благоуханием встретила его ночь. Луна всходила; огромный шар пока еще маячил за деревьями, и мириады звезд сверкали на небе, и чем ближе к Млечному Пути, тем их становилось больше. Одна из тех редких в Англии ночей, когда звезды и в самом деле освещают землю. Вокруг Мора словно был включен свет. И хотя царило безветрие, заросли тихо перешептывались. Мор поднял голову и

увидел — окно в комнате Демойта освещено. Оно над парадной дверью по левую руку. По правую — одно из окон библиотеки, под которым располагается «будуар» мисс Хандфорт. Мор прошел к каменной ограде, отворил калитку и ступил на лужайку, ту самую, что видна из окон гостиной. По мере того как он шел, луна поднималась все выше, и его собственная тень скользила перед ним. Мору доставляло наслаждение неслышно ступать по влажной траве, и он даже приостановился, чтобы продлить это чувство, и различил собственные следы, отчетливо видные при свете луны. Ему было удивительно легко, будто он сам стал бесплотным. Где-то вдали приглушенно гудело шоссе. Но здесь тишина наполняла воздух, будто некий особенный аромат. Дойдя до середины лужайки, он оглянулся на дом. К библиотеке примыкает комната в два окна, одно из которых выходит на зады дома, а второе — на лужайку. Это комната для гостей. И хотя шторы были задернуты, он догадался, что в комнате горит свет. Там мисс Картер. И, наверное, она еще не спит. Значит, все это было выдумкой, насчет усталости. Должно быть, ей просто наскучило общество Демойта. «А может, твое?» — с горечью спросил себя Мор. И вдруг какое-то болезненное

томление охватило его.

Через секунду он понял, что ему мучительно хочется увидеть мисс Картер, увидеть тут же, не откладывая, прямо сейчас. Мор стоял совершенно неподвижно и вместе с тем задыхался. «Ты пьян», — сказал он себе. Такого чувства он раньше никогда не испытывал. До слез, до отчаяния ему хотелось видеть ее. «Должно быть, я болен, — думал Мор. — Что же делать? Все произошло так неожиданно. Что же делать? Вернусь в дом. Это нетрудно, ведь парадная дверь наверняка еще открыта. Поднимусь по лестнице, пройду по коридору и постучу в дверь ее комнаты». От одной мысли, что это возможно и что ничто ему не помешает, если только он сам не передумает, Мор пошатнулся и едва не упал на землю. Осознание, что сейчас все в его власти, на миг стало острым до боли.

Очнувшись, он чуть повернулся и тут лишь заметил, что в сумраке деревьев кто-то стоит. Мор замер от страха и растерянности. Отступил на несколько шагов. А призрак вышел из-под дерева и, неслышно ступая по траве, начал приближаться к нему. Это мисс Картер! Он хотел заговорить, но не смог. Потом разобрал, что призрак слишком рослый. Это была Ханди.

— О, так это вы, мистер Мор! — От басовитого голоса мисс Хандфорт лунная ночь тут же рассыпалась грудой осколков. — А я-то думаю, кто тут стоит так тихо.

Мор повернулся и молча пошел к выходу из сада. Ему очень не хотелось, чтобы мисс Картер узнала, что он стоял на лужайке и наблюдал за ее окном. Никаких головокружительных чувств он больше не испытывал. Теперь ему хотелось одного — уйти и не слышать, как рокочет позади голос мисс Хандфорт.

А она шла следом и говорила без остановки:

— Задергиваю шторы и вдруг вижу, кто-то по саду идет, дай, думаю, схожу проверю, непорядок, кто-то ночью на лужайке. Ну вот, вышла, а это вы.

— Очень храбрый поступок с вашей стороны, Ханди, — сквозь зубы процедил Мор. Теперь он шел по каменистой дорожке, но Ханди не отставала. Он успел заметить, что в спальне Демойта уже темно.

— Тут и в самом деле глаз да глаз нужен, — бубнила мисс Хандфорт. — В окрестностях шатаются разные странные личности. Говорят, недавно бродяга какой-то появился вроде цыгана. Может, высматривает, кого бы ограбить.

— Не сомневаюсь, что вы надежно запираете двери, — отозвался Мор. Они дошли до конца дороги. Значит, сейчас выйдут за пределы поместья.

— В *наш* дом ему не забраться! — заявила мисс Хандфорт. — Спокойной ночи, мистер Мор.

— Спокойной ночи, Ханди, — ответил Мор. Ему было ужасно не по себе. Он решил пойти по шоссе.

Глава 8

— Как ты к людям относишься, так и они к тебе, — обращаясь к Фелисити, сказала Нэн.

— Они меня поймут, — мрачно ответила Фелисити и ушла к себе в комнату.

«Она права, — слушая снизу этот обмен репликами, думал Мор, — все мы только на это и надеемся». Он глянул на часы. В два пятнадцать урок. Значит, пора уходить. На его «до свидания» никто не ответил, и он вышел из дома, звучно хлопнув за собой дверью.

Нэн отправилась следом за Фелисити.

— Хорошенько все осмотри, и наверняка отыщется, — сказала она. — Она далеко уползти не могла. Если здесь не найдешь, то снова посмотри в моей комнате. Еще, чего доброго, залезет ко мне в тапок или в постель.

— Ну нет нигде, — страдальческим голосом произнесла Фелисити, — может, в какую-нибудь дырку забралась, под пол, или вообще умерла!

— И как тебя угораздило эту гадость в дом притащить!

— И вовсе не гадость, а даже красивая — длинная, гладкая, и рожки такие классные. Я ее всего

лишь на секунду оставила. Она свернулась в клубок и начала как-то так шевелиться странно, спрятав рожки. Я и подумала, может, ей жарко — хотела принести немного воды, вернулась, а она исчезла.

— Будем надеяться, что выползла через окно.

— Вряд ли. Наверняка где-то в доме. Но я ее никогда не найду. — Фелисити шмыгнула носом.

— Ты здесь снова все переставила, — с укором заметила Нэн.

— Мне так больше нравится. — И Фелисити с плачем упала на кровать.

— Не огорчайся, детка, нет никакой причины. Ну-ка, успокойся и лучше подумай, что бы такого полезного сделать. Ну, вот хотя бы собери свои летние платья, и я постираю. И поскорее, а то тебе не в чем будет ехать в Дорсет. — С этими словами Нэн вышла из комнаты.

Фелисити еще немного поплакала, потом вытерла слезы и опять начала искать улитку. Но вредное создание как в воду кануло. Представив, как трагически могла сложиться судьба улитки, Фелисити обронила еще несколько слезинок. «Я во всем виновата, — думала она. — Ведь улитке было так хорошо в саду, среди травы и листьев… но кто-то поднял ее и унес в дом, прочь из родного

мира. Больше никогда так не поступлю», — поклялась себе Фелисити.

Она зашла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Обнаружила, что глаза покраснели. Вымыла лицо холодной водой. И решила пойти в школу, повидаться с Доном. То есть сделать то, что школьные власти сурово делать запрещали. Если ее застанут в комнате брата, то в первую очередь на него, на Дональда, обрушится страшная кара… и родители постоянно твердят, что посторонним на территорию Сен-Бридж входить нельзя без официального разрешения. Прекрасно зная, что такое «хорошо» и что такое «плохо», Фелисити в то же время не питала никакого особого трепета перед старшими, и ее сознание энергично творило в полном отрыве от окружающего ее взрослого мира, полного запретов и проповедей, большей частью совершенно, как она считала, бессмысленных. Вот и сейчас она не совершит никакого преступления, если пойдет в Сен-Бридж и увидится с братом. Загвоздка лишь в том, чтобы это прошло безнаказанно. Она переоделась, причесалась, в общем, тщательнейшим образом привела себя в порядок. После чего сошла вниз и уже собралась выйти.

— Милая, ты куда-то уходишь? — спросила Нэн

из кухни.

— В библиотеку, — тут же придумала Фелисити и, выскочив из дверей, поспешила к шоссе.

На бегу она тихо свистнула, и Лиффи появилась и вприпрыжку побежала рядом, все время поглядывая на нее и улыбаясь своей собачьей улыбкой. Лиффи теперь никогда не входила в дом и вообще держалась подальше от человеческого жилья. С тех пор как ее материальное тело исчезло, она стала даже как-то крупнее, у нее теперь были черные уши и черный хвост, намекающие на ее инфернальное происхождение. Ангуса еще нет, но раз Лиффи вернулась, то вскоре в том или ином облике обязательно появится и он.

Фелисити прошла мимо главных ворот Сен-Бридж и пошла обочиной вдоль холма. Узкая полоска жухлой травы отделяла тротуар от проезжей части. По шоссе непрерывно проезжали автомобили, в гору и вниз, со стороны Лондона к побережью и от побережья в сторону Лондона. В гору поднимались с тяжким бычьим ревом, зато вниз летели как птицы, с ветерком, от которого то и дело взвивался подол девчоночьего платья. На самой макушке холма школу огораживала высокая стена, из-за которой выглядывал верхний этаж корпуса «науки и спорта». Ниже по склону

тянулся высокий прочный деревянный забор, над которым виднелась красная черепичная крыша одного из общежитий, пруэттовского, где жил Дональд. Ниже колыхались верхушки деревьев, а еще ниже зеленела стеклянная крыша павильона для сквоша и слышался веселый визг и плеск воды в бассейне. Тут школьный забор и лента шоссе начинали потихоньку расходиться в разные стороны, а травяной бордюр становился все шире и шире. Отсюда можно было увидеть белеющий под холмом, крытый шифером дом Эверарда.

С важным видом, словно и нет ей никакого дела до школы, Фелисити продолжала свой путь. И тут Лиффи, забавы ради просквозив через нескольких пробегавших мимо собачек, подбежала к изгороди и в мгновение ока исчезла. Фелисити остановилась, огляделась по сторонам и пошла вдоль изгороди, которая чем дальше, тем больше отклонялась от шоссе. И дошла до того места, где эта изгородь под прямым углом примыкала к изгороди какого-то частного дома. И здесь существовал промежуток, заросший кустарником. Такой узкий, что через него протиснуться мог лишь очень изящный человек. Тело Фелисити, вполне материальное, было тем не менее очень

изящным, и поэтому через минуту-другую она уже стояла на коленях среди зарослей этого частного сада.

Здесь она уже могла действовать смело. Забор школы был сделан из досок, каждая около двух футов шириной. Во время каких-то прошлых летних каникул они с Дональдом потрудились и вытащили гвозди, после чего снова вернули их на место, но, конечно, только для видимости. Вот и сейчас, убедившись, что поблизости никого нет, Фелисити подергала доску и через образовавшуюся щель проскользнула на территорию школы. После чего предусмотрительно вернула доску на место.

Ее окружила непроходимая зеленая глушь, какие-то кучи травы, какие-то кострища, а дальше виднелись деревья, росшие на задах директорского дома. Она пошла направо, и вскоре ей предстояло уткнуться прямо в павильон для сквоша. Но если не выходить из зарослей, которые здесь, поблизости от дома Эверарда, были особенно густыми, можно пройти незамеченной, тем более что это была довольно малолюдная часть территории. Лиффи, притаившись на время в какой-то ямке, заколдовала себя и теперь бесшумно скользила впереди. «Может, я снова встречу Ан-

гуса?» — думала Фелисити. Здесь, в окрестностях школы, она встретилась с ним лишь раз, когда вот так же, без разрешения, пробралась сюда, а он в облике древесного духа молча проводил ее взглядом. Это было так неприятно. Уж лучше пусть явится в виде какого-нибудь каменщика или водителя полицейской машины. Как всегда в такие минуты, Лиффи куда-то исчезла. Пригибаясь, Фелисити пробиралась сквозь заросли. Впереди среди деревьев мелькнуло освещенное солнцем пространство спортивных площадок. Фелисити решила добраться до общежития, а уж тогда рискнуть выйти на открытое место.

Неожиданно впереди, совсем близко от нее, что-то зашуршало, среди листвы мелькнула чья-то белая рубаха. Фелисити припала к земле, полежала минуту, потом, пригнувшись, снова начала пробираться. Лиффи вновь появилась и побежала впереди, шевеля своими черными ушами и с помощью волшебства делая все движения Фелисити бесшумными. И очень вовремя она подоспела, потому что вокруг было столько колючих кустов, а под ногами столько сухих, звучно похрустывающих веток. Но Фелисити запомнила белый проблеск среди зелени. Интересно, кто же это был? Среди кустов неожиданно образовалось

открытое пространство. И сквозь него, как сквозь небольшую подзорную трубу, она увидела сидящего на траве человека. Кажется, он был один. Тетрадь с белыми страницами лежала рядом с ним. Наверное, раньше он рисовал. Но сейчас отложил блокнот и сидел, обхватив руками колени. Фелисити наблюдала за ним долго, минут пять, а он все сидел неподвижно. Какой-то странный человек, с длинными волосами. Фелисити показалось, что раньше его где-то видела. И тут она вспомнила — это же учитель рисования. Несомненно, его можно было принять за воплощение Ангуса, вот только Ангус никогда не появляется в облике тех, кого она уже знает.

Эта странная неподвижность в конце концов встревожила ее. Припомнились истории о йогах и колдунах. Пятясь, она на корточках выбралась из кустов, потом встала в полный рост и, махнув рукой на все предосторожности, побежала через лес. От страха ей теперь хотелось только одного — оказаться в комнате Дональда, и как можно быстрее. Как только она приблизилась к общежитию, Лиффи скрылась среди деревьев. Фелисити выскочила из кустов и через маленькую зеленую боковую дверцу влетела в дом. На миг остановилась и прислушалась. Кажется, никто

не преследует. Там, где она оказалась, когда-то была раздевалка, но теперь здесь хранили только чемоданы и снаряжение для крикета. Отдаленный смех и звуки ударов эхом разносились по дому. Здесь закрепился стойкий запах дерева, влажного бетона, застарелого пота, брезента. Фелисити в темноте прошла вперед и по короткой лесенке поднялась туда, где тоже было темно. Голоса зазвучали вдруг совсем близко, и тогда она сорвалась с места, промчалась по коридору и пулей влетела в комнату Дональда.

Дональд, вытянувшись во весь рост, лежал на столе. Окно было раскрыто, и одна обутая в белую туфлю Дональдова нога болталась где-то снаружи. Второй он рассеянно елозил по краю стола. Под головой у него лежала стопка книг и крикетный щиток. Дональд был не один. Под столом валялся Джимми Кард — голова на полу, ноги задраны вверх на поручень кресла. Одну руку он положил под голову, другой держал Дональда за лодыжку. Только стукнула дверь, они тут же вскочили. Но, обнаружив, что это всего лишь Фелисити, вернулись на прежние места.

Фелисити огорчилась, что в комнате оказался еще кто-то. Этот Джимми Кард ей никогда особо не нравился, а когда подружился с Дональдом, то

вообще стал ее врагом.

— Фела, — тут же сказал Дональд, — я тебе сто раз говорил и повторю опять, чтобы ты сюда не приходила.

— Но меня никто не заметил. Я же не глупая и знаю, как пройти. Видела вашего учителя рисования, сидит, как факир, в каком-то трансе.

— Бладуард злой колдун. На кого он посмотрит, тому не жить, — сказал Джимми. — Однажды в церкви он долго смотрел на здешнего кота. Тот на окне сидел. Так кот через какое-то время скончался в страшных муках.

— Но он меня не заметил, — ответила Фелисити, — это я на него смотрела.

И она прошлась по комнате, стараясь понять, что тут изменилось. Комната была небольшая, оклеенная цветастыми обоями, когда-то яркими, но сейчас уже вылинявшими до цвета спитого чая. Маленькая каминная полка была темно-коричневого цвета, и таким же коричневым был стенной шкаф, в который на день убирали постель. На несколько покосившейся, прикрытой ситцевой занавесочкой книжной полке стояли учебники по химии, детективы, несколько брошюрок по альпинизму и, разумеется, «Трое в лодке, не считая собаки». Стол, стул и потертый

коврик завершали обстановку. По стенам, приколотые кнопками, висели картинки и фотографии. Дело в том, что один из бывших жильцов этой комнаты незадолго до выпуска украсил стены рисуночками, выполненными в наивно-непристойной манере. И с тех пор, исключительно ради сохранения этих шедевров для потомства, каждому новому жильцу вменялось в обязанность развешивать свои собственные картинки именно поверх тех изображений и следить, чтобы висели нерушимо.

Фелисити рассматривала галерею Дональда. Что скрывается за карточками и открытками, в это ее не посвятили. Она не заглядывала в комнату Дональда с самого прошлого семестра и поэтому сейчас смотрела с интересом. Снимок львицы с львятами. Цветное фото — Тенсинг на вершине Эвереста. Оправленная в рамочку маленькая репродукция «Заклинателя змей» Анри Руссо — подарок родителей. Цветная реклама из «Нью-Йоркер» каких-то сказочно красивых автомобилей. Фото второго состава сен-бриджевских игроков в крикет. Раньше его здесь не было. Дональд совсем недавно вошел в число одиннадцати. На каминной полке — фотография родителей под треснувшим стеклом. Рядом с ней

— *чудный* перочинный ножик с несколькими лезвиями и прилично надкушенный жареный пирожок.

— Можно я доем? — попросила Фелисити. Разрешение было получено. Да, в общем-то, в комнате мало что нового. — А больше у тебя ничего нет перекусить? Я по пути проголодалась ужасно.

Дональд неторопливо спустился со стола и принялся открывать какую-то коробку. Джимми Кард встал, потянулся, вспрыгнул на стол, присел на корточки и, то поднимаясь на пятках, то опускаясь, начал выстукивать по деревянной поверхности в ритме какого-то новомодного танца. Фелисити поморщилась от этого грохота.

— У нас сейчас маловато денег, — сказал Дональд. — Вот, хочешь кекс?

— Это древнебританский кекс, — заметил Кард. — Такими питались солдаты в армии Боадицеи.

Фелисити осторожно попробовала. «Пожалуй, и в самом деле из музея», — подумала она. И все же доела.

— Как там родители? — спросил Дональд.

— Мамочка хлопочет, готовится к поездке, — ответила Фелисити с полным ртом. — С папой я не часто вижусь. — Завидев на книжной полке

еще гору любопытных вещей, Фелисити начала в ней рыться. — А это что? — У нее в руках оказалась какая-то длинная серебряная штуковина.

— Сверхзвуковой свисток, — объяснил Дональд.

— Сверхзвуковой? А для чего?

— Чтобы подзывать собак. Звук такой высокий, что собаки слышат, а люди нет.

— Какая ерунда. Собаку можно подозвать и просто словами. Ну, разве что какую-нибудь сверхзвуковую собаку, как например… — Тут она замолчала, потому что существование нездешней Лиффи было ее и Дональда тайной. Она сунула в рот свисток и что есть мочи дунула. Раздался тонкий пронзительный свист.

— О, так это обычный, звуковой, — разочарованно протянула Фелисити.

— А ты посильнее дунь, — посоветовал Джимми, — и звук исчезнет.

Фелисити дунула сильнее, звук стал еще выше и замер.

— Сверхзвук заставляет людей беспокоиться, — сказал Джимми. — Кругом тихо, но они слышат что-то, и им становится дурно. Именно с помощью таких свистков парни на нюрнбергских партейтагах оболванивали других парней.

— А что такое нюрнбергские партейтаги?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ответил Кард. — У тебя старший братец есть, вот пусть он тебе и рассказывает.

Покраснев, Фелисити спросила у Дональда:

— Можно мне взять? Тебе ведь не жалко, а?

— Дарю, Фела, — важно ответил Дональд, — и когда Эвви начнет читать проповедь, приди, стань около церкви и дунь в этот свисток.

— Ты уже видела ту очаровательную девицу, что поселилась у нашего Демойта? — поинтересовался Кард.

— Нет. А кто она?

— Ее зовут Дождинка. Пишет портрет Мойтика. Ова-Рева хотел, чтобы она поселилась в его доме, но Мойт оказался проворней.

— Ее и в самом деле так зовут? — удивилась Фелисити.

— Нет, ее зовут Рейн, — ответил Дональд.

— Твой папа водил ее по школе, я видел, — сказал Джимми. — И, по-моему, делал это не без удовольствия. Интересно, Мойт уже подобрал ключик к ее сердцу?

— По-моему, очень хорошее имя, — произнесла Фелисити. Слова Карда были ей очень неприятны. Взгляд ее блуждал по комнате. Ей хотелось

поговорить о чем-нибудь другом.

Тут она заметила что-то торчащее из-под кучи курток и свитеров и с восторженным визгом устремилась туда. И вытащила… объемистый моток нейлоновой веревки.

У нее закружилась голова, будто ее мгновенно перенесли на крутизну. Так же как и Нэн, мысль об альпинистском восхождении ее ужасала.

— Дон, ты же говорил, с этим покончено, ты же *обещал!* — Она присела и ухватилась за моток, будто собиралась его унести.

— Хватит, Фела. Не надо меня упрекать. Свои обещания ты тоже не выполняешь. Да и вообще, брось эту глупую веревку.

— Ты готовишься куда-то взбираться? Куда?

— На школьную башню, — вмешался Кард. Фелисити окаменела. В комнате на миг стало тихо.

— Не болтай, Джимми, не будь дураком, — сказал Дональд, — а теперь ступай, ради бога, то есть ты, Джимми, а не Фелисити. Мне надо поговорить с сестрой, раз уж она пришла.

— Ага, ладно, — ответит Кард. — Ага знает, когда Ага не угоден. Встретимся, как обычно, в обычном месте. — Пружинисто, как маленькая пантера, он подошел к двери и вышел, ногой закрыв за собой.

Фелисити подошла к брату и ухватила его за манжету куртки. Дональд как раз оделся для крикета.

— Дон, он ведь пошутил, ну, про башню?

— Конечно пошутил, — пряча глаза, ответил Дональд. На школьную башню действительно взбирались. Но этот случай в истории школы был отмечен лишь раз. И проделал это человек, в настоящее время занимавший пост заместителя министра в министерстве городского и сельского планирования. В ознаменование своего подвига он тогда нацепил на шпиль известный предмет из фарфора, который белел там несколько недель, пока учитель физкультуры не догадался сбить его из ружья.

— Если что, я расскажу родителям.

— Не расскажешь, — с уверенностью ответил Дональд. Он знал, что Фелисити не скажет. — Держи язык за зубами. Проболтаешься, и нас с Кардом выгонят из школы. Ты же не хочешь стать причиной гибели моей карьеры, я надеюсь? — В Сен-Бридж существовало железное правило, согласно которому любого дерзнувшего взобраться на школьное строение тут же исключали. Это правило появилось после того, как вслед за первым еще один-два верхолаза-любите-

ля попытались покорить вершину. Но сделать это было не так-то легко, потому что на некотором расстоянии от основания торчал внушительный выступ и он-то и был главным препятст-вием.

— Ты же убьешься, — со страхом проговорила Фелисити. — Пожалуйста, Дон, не делай этого. Хочешь, я подарю тебе мой фотоаппарат, новый, взамен?

Освободив наконец свой рукав, он не больно, хотя и энергично, загнул сестре руку за спину.

— Не суетись, сестренка. Чего я не люблю, так это когда женщины поднимают панику. Мы никуда не полезем, прежде чем не убедимся, что все совершенно безопасно. А может, и вообще не полезем.

— Больно, Дон. Что там за рисунки? — И, высвободив руку, она вытащила из-под стопки книг несколько листков бумаги. Это были наброски башни, сделанные с разных сторон.

— Видишь, какие мы старательные. Если одолеем *это,* — он указал на выступ, — остальное будет детской забавой. У нас есть гениальный план. Но не исключено, что мы и от него откажемся. Время покажет. Кард хотел тебя подразнить, поэтому и рассказал.

— Дон, ну пожалуйста! Проси что хочешь,

я сделаю. Только откажись. Что хочешь проси. — Между братом и сестрой давно уже было заведено: если ты хочешь, чтобы я отказался от своего плана, выполни то, о чем я тебя попрошу. И вот впервые за долгое время возник повод вспомнить об этой игре.

— Ну хорошо, — сказал Дон с улыбкой, вновь укладываясь на столе. — Сейчас подумаю. Как насчет Игры в Могущество? — Игру в Могущество изобрела Фелисити, и довольно давно. Это было своего рода доморощенное колдовство. Намечалось, кто будет заколдован, потом у жертвы похищали какую-нибудь вещицу: носки, галстук, носовой платок, чулки — ну, в общем, то, что обычно используют в разных обрядах и церемониях. Но, как доказала практика, интерес заключался не столько в магии, сколько в этих самых тайных набегах. Во время которых захватывались трофеи, среди которых можно отметить кальсоны мистера Пруэтта, подтяжки мистера Хензмана и красивенькую коробку из-под печенья из дома мистера Эверарда. Но заметим, что ни один из этих трофеев затем в магических ритуалах не использовался.

— Согласна! — выпалила Фелисити. Вся красная от напряжения, она готова была лететь со

всех ног. — Назови кого хочешь.

— Ну, я не знаю, — беззаботно помахивая ногой в воздухе, протянул Дональд, — допустим… прямо не знаю… предположим… что, если… как ее… мисс Картер.

— Идет! Значит, я побежала. Где она живет? У Демойта? — И она кинулась к двери.

— Сестренка! — Дональд подпрыгнул, как механический чертик в коробочке. — Стой! Я пошутил. Мы же эту игру давно вычеркнули и перечеркнули.

— Я не перечеркнула! — едва не плача, проговорила Фелисити. — Лиффи ждет во дворе. И по пути я, кажется, видела Ангуса, — с неким вызовом добавила она. Ангус был незаменимым союзником в «могущественных» набегах. А Лиффи, новую, бесплотную, Фелисити берегла как собственную спрятанную драгоценность.

— Брось эти глупости и, ради бога, *не реви.* И без того столько шуму наделала, что сейчас все сбегутся.

— Значит, договорились, я делаю набег, — сказала Фелисити, утирая слезы. — Раз ты согласился, то уже нельзя брать назад слово. И если я выполню, что обещала, ты не полезешь на башню.

— Да не кричи же так. Если Пруэтт узнает, нам

не поздоровится. Сейчас я тебя провожу. Иди за мной, и тихо.

Дональд осторожно приоткрыл дверь, высунул голову и проверил, нет ли кого в коридоре. Издали долетали обрывки смеха, звуки джазовой музыки и глухой стук — это где-то мячом ударяли о крикетные воротца. Дональд выждал минуту. Потом, крепко взяв Фелисити за локоть, вытащил ее из комнаты, одним прыжком заставил одолеть лесенку. И через секунду они уже выбежали со стороны черного хода. Здесь он отпустил ее и побежал в чащу, делая стремительные зигзаги между деревьями. Быстроногая Фелисити едва поспевала за ним. Через минуту-другую они уже стояли перед стеной. С другой стороны доносился гул машин. Дональд быстро пошел вдоль стены, ища определенное место. Именно там, на расстоянии примерно восемнадцати дюймов, с верха стены осколки битого стекла были вынуты.

— Становись ко мне на плечи, — присев на корточки, велел он сестре.

Это был испытанный способ. Фелисити встала к нему на плечи, и он медленно начал выпрямляться. Наконец она смогла, ухватившись за стену, начать перелезать на ту сторону. Дональд помогал, подпирая снизу ладонями ее подошвы.

Она посидела на стене, после чего перебросила ноги на ту сторону, собираясь спрыгнуть. Но напоследок посмотрела вниз на Дональда.

— Дон, — сказала она. — Я обещание выполню. Прямо сейчас. И ты помни свое обещание.

— Я ничего не обещал. Ну, прыгай, а то заметят.

— А я выполню! — упрямо повторила Фелисити.

— А я тебе запрещаю. И отказываться не собираюсь, так и знай. Прыгай, я сказал.

— Я пойду. А если ты меня обманешь, я больше никогда не буду с тобой говорить и мы станем врагами навеки. — Теперь предстояло спрыгнуть со стены. А до земли было неблизко. Фелисити закрыла глаза… и в следующий миг уже катилась по траве. — Пока, Дональд! — крикнула она.

— Погоди, — раздался из-за стены голос Дональда. Потом его голова показалась над стеной. Он подтянулся, стал на корточки на стене и спрыгнул, не очень ловко, но тут же поднялся и как ни в чем не бывало пошел вверх по тропинке. Фелисити, стараясь не отставать, пошла рядом.

— Значит, так, — сурово произнес Дональд, — ты сейчас пойдешь домой. Я тебя провожу, и больше об этой глупой затее ни слова.

— Ну, проводи. Но я там сидеть все равно не буду. И как только уйдешь, я тут же уйду. Погляди на Лиффи. Она такая большая, черная, машет хвостом. Видишь, какой хвост? Сверхзвуковой свисток пригодится, чтобы ее подзывать.

— Слушай, если ты пойдешь совершать этот глупый поступок, я вынужден буду пойти с тобой. И если нас поймают, все будут думать, что это я устроил. — Они прошли мимо ворот школы и свернули на тенистую аллею, ведущую к их дому.

— Даже если нас Демойт поймает, то Эвви не донесет. Он ведь не дружит с Эвви.

— Донести, может, и не донесет, но здорово рассердится.

— Я его не боюсь. А ты не иди — если боишься, тебе не обязательно идти.

— Вот вернемся, Фела, ты у меня получишь. Значит, так, если кто-нибудь нас увидит, мы с тобой встретились случайно несколько минут назад.

Они прошли по дорожке между какими-то гаражами и вышли к полям, отделяющим поселок от Брейлинского Подворья. Плоское, открытое пространство наполнялось еле слышным потрескиванием, словно поджаривалось на горячем солнце. Сено скосили какое-то время назад, и

травинки торчали острые, короткие и очень сухие. От непрерывной жары земля на тропинке превратилась в пыль. Они шли молча, Фелисити первая, Дональд за ней, и наконец вдали среди деревьев показались розоватые стены дома и отблески солнца замерцали в окнах. Они на миг остановились. И тут Фелисити увидела Ангуса.

На этот раз в облике цыгана, он сидел поблизости от тропинки, на краю пересохшего болотца. Одну ногу окунув в высокие заросли, когда-то росшие на дне болотца, другую поставив на короткую прибрежную траву. Поза, полная достоинства, голова откинута назад, красновато-коричневая шея, рубаха на груди распахнута. И смотрел прямо на Фелисити непроницаемо-высокомерным взглядом. Страшноватый какой-то. Конечно же, это Ангус, потому что никто другой не мог бы появиться так неожиданно. Да, это Ангус. Вид у него явно недобрый. Но ведь божественные существа при своем появлении всегда вызывают дрожь, даже если являются с миром. Неподвижность сделала его почти невидимым. Дональд прошел, не заметив, и Фелисити решила не сообщать о его присутствии. Взяв брата за руку, она потащила его быстрее, пока цыган не скрылся за высокой травой.

Фелисити стало вдруг очень тревожно. Наверное, лучше вернуться. Дернув за куртку, которую Дональд нес, перебросив через руку, она сказала:

— Дон, не надо лезть на башню. Это плохо кончится, я чувствую. Пожалуйста, пообещай, что не полезешь, и вернемся домой.

Дональд слегка прижал пальцем ее веснушчатый нос.

— Нет, подружка, — сказал он, — назад мы не пойдем. А я, может, и не полезу. Это же Кард задумал.

И неторопливо, словно просто вышли на прогулку, они продолжили свой путь к дому. Через минуту тропинка привела их к невысокой, местами выкрошившейся стене, огораживающей дальние пределы директорского сада. Был тихий послеполуденный час. Брат и сестра, знавшие привычки демойтовского дома, не сомневались, что Демойт и мисс Хандфорт сейчас отдыхают у себя в спальнях, задернув шторы. Значит, проникнуть в дом будет совсем нетрудно. Оставалось, правда, одно сомнение — мисс Картер; где она и что делает?

Пока Дональд через стену осматривал сад, Фелисити глядела по сторонам. Появление Ангуса продолжало ее беспокоить. У стены росло множе-

ство цветов, и даже солидный слой коричневой пыли не в силах был скрыть свежесть их лепестков. Тут росла пижма, дикая горчица, лихнис. Растения пустошей. Фелисити с нежностью разглядывала их. Потом начала собирать букет.

— Эй, не время сейчас для цветов! — остановил ее Дональд. — Перелезем через стену вот здесь. Потом проберемся вдоль тисовой изгороди, она нас прикроет, а к дому перебежим там, где из окон нас нельзя увидеть. Затем сделаем круг и подойдем к парадной двери. Если заперта, попробуем через кухню. Если увидят, скажем, что ищем папу — мол, подумали, что он здесь. Проникнем в дом, послушаем, нет ли какого шума, и наверх, и да сопутствует нам удача. Думаю, Картер живет вон в той комнате, угловой. Все ясно? Вперед.

Судя по всему, Дональда тоже охватил азарт. Пройдя вдоль стены, он перелез в том месте, где густо росли кусты сирени. Сжимая в руке букет цветов, Фелисити перебралась следом. Эта стена по сравнению со школьной была парой пустяков. Держась в тени живой изгороди, они прошли под аркой, и теперь их без труда можно было увидеть из всех окон. Дональд мгновенно пересек открытое пространство и прижался к стене дома. Фелисити сделала то же самое. Еще секунда, и они

встали перед парадной дверью. Она оказалась незапертой. И они вошли в дом.

Внутри было тихо. До того тихо, что казалось, будто их бурное дыхание могут расслышать на самой верхней площадке. Они постояли немного, чтобы отдышаться. Обменялись красноречивыми взглядами, и Фелисити крепко взяла брата за руку. Бесшумными шагами пересекли холл и начали подниматься по лестнице. Дом спал, сморенный жарой. Все окна были распахнуты, и горячий пыльный воздух беспрепятственно проникал сюда из сада. Лучи солнца освещали ступеньки, по которым брат и сестра сейчас поднимались на цыпочках. Скрипучие ступеньки на этот раз промолчали. А выше, на площадке, им под ноги лег толстый балуджистанский ковер. Неслышно пройдя по нему, они остановились перед дверью комнаты для гостей. Изнутри не доносилось ни звука.

Дверная ручка была сделана из желтого прозрачного стекла. Крепко взявшись за нее, Дональд начал поворачивать. Дверь отворилась достаточно для того, чтобы, не входя, заглянуть внутрь, и тоже совершенно бесшумно. Может быть, тут вообще никого нет и сам дом онемел навсегда? Обождав немного, Дональд осторожно вошел в

комнату. Со вздохом облегчения Фелисити последовала за ним. Комната оказалась пустой.

Как только дверь за ними затворилась, дикий восторг охватил их, и они молча заплясали по комнате, размахивая руками. Фелисити вытащила из кармана свисток. И уже собралась дунуть, чтобы прозвучал мощный сверхзвуковой беззвучный свист, но Дональд остановил ее.

— Но он же беззвучный, значит, если я сви… — шепотом начала объяснять Фелисити. Это страшно рассмешило обоих, и, корчась от немого хохота, они повалились на постель. — Но ты же сказа… — снова шепотом начала Фелисити. И зря, потому что хохот уже просто душил их.

Наконец Дональд встал, поднял Фелисити и привел кровать в порядок.

— А теперь быстро, — тихо сказал он, — выбери какую-нибудь вещь, и идем. Ну, что возьмем?

— Чулки, — решительно произнесла Фелисити. Заподозрив, что Дональд предпочтет что-нибудь иное, она вдруг прониклась женской солидарностью к мисс Картер — женщину имеет право грабить только женщина. Они засновали по комнате, на ходу открывая дверцы и ящики.

— Вот они, — сообщила Фелисити и, вытащив из ящика пару нейлоновых чулок, помахала ими

перед Дональдом, затем засунула в карман. Настало время уходить. Фелисити еще раз оглядела комнату. Забрала со стула свой букетик. Стоящий у окна стол был покрыт бумагами. Фелисити подошла к столу и начала перебирать листки.

— Пошли! — прошипел Дональд.

— О, письмо от папы. Любопытно, что он пишет.

— Оставь. Идем.

— Ничего страшного, это же папино. — Она извлекла из конверта листок и прочла. Постояла немного. Вернула листок в конверт и отошла от стола.

— О чем там? — спросил Дональд.

— Так, пустяки. Идем быстрее. — И она потащила его к двери.

Дональд внимательно глянул ей в лицо. Потом вернулся к столу, отыскал письмо и прочел.

— Ну, пошли же, идем, идем. — Фелисити открыла дверь и вышла на площадку. Дональд пошел за ней. И они молча начали спускаться. Но на полпути Фелисити вдруг остановилась. Дональд, идущий следом, остановился тоже. В дверях гостиной стояла мисс Хандфорт. И смотрела на них.

— Вот так новости! — произнесла она, и голос

ее гулким эхом прокатился по дому. Детей Мора мисс Хандфорт недолюбливала. — Вот как нынче принято наносить визиты!

От гула ее голоса Подворье вздрогнуло и, пробудившись, настороженно замерло. Дональд и Фелисити так и приросли к ступенькам.

— Вы что же, язык проглотили? Что вам понадобилось там, наверху, отвечайте!

В этот миг отворилась дверь, и мисс Картер вошла в холл. Все трое дружно к ней повернулись. Она была в открытом белом платье, и в тот миг, когда вошла, солнце блеснуло у нее за спиной. Ослепленная светом, она прикрыла глаза рукой. Непонятное собрание на лестнице ее, наверное, удивило, и она вопросительно взглянула на мисс Хандфорт.

— Дети мистера Мора, — скептически-неодобрительно пробасила мисс Хандфорт.

Рейн перевела взгляд на юную пару. Брат и сестра стояли словно на полотне Гейнсборо — Фелисити картинно положив руку на перила, Дональд мрачно возвышаясь за ней.

— Рада наконец вас увидеть, — произнесла Рейн. — Дональд… мы с вами встретились однажды, мельком. А вот вас вижу впервые… Фелисити. Ну, как вы поживаете?

Дональд смотрел на нее без улыбки. Фелисити, спустившись на несколько ступенек, улыбнулась Рейн.

— Мы принесли вам цветы, — сказала она. — Обыкновенные, полевые, но надеемся, вам понравятся. — И она протянула букет.

Рейн с восторженным возгласом приняла его и прижала к лицу. Фелисити была чуть выше мисс Картер, и та смотрела на нее снизу вверх.

— Прекрасные. Я так люблю английские полевые цветы. Лучше ничего и представить не в силах. Как мило с вашей стороны. Прелестные цветы. — Она еще плотнее прижала букетик к щеке.

Дональд спустился со ступенек и встал рядом с сестрой. Взял ее за руку.

— Вы ведь не торопитесь? — спросила Рейн. — Останьтесь, немного побеседуем. Мисс Хандфорт, не могли бы вы… принести чаю? Ведь все равно сейчас время чаепития, я не ошиблась, ведь так? Если нет, то я не хочу вас отягощать. Или молока и пирожных, если есть?

Мисс Хандфорт молчала.

— Увы, нам пора уходить, — сказала Фелисити. — Очень жаль. Нас ждут дома, мы и так задержались. Просто заглянули, чтобы принести

вам букет.

— Очень мило. Вы доставили мне настоящую радость. От души благодарю. Надеюсь, вскоре снова встретимся.

— И я надеюсь, — сказала Фелисити. — До свидания. До свидания, мисс Хандфорт. — И оба юных создания мигом исчезли за дверью.

Они поспешно вышли за ворота демойтовского сада. Узкая тропинка вела вдаль, к полям. Фелисити не шла, а бежала. Дональд торопился следом. Только когда дом остался далеко позади, Фелисити свернула с тропинки, перебежала поле и села в тени каких-то кустов. Дональд сел рядом. Какое-то время они молчали.

— Дон, ты не полезешь туда, обещай, — наконец заговорила Фелисити.

— Это вряд ли имеет значение… теперь, — чуть подумав, ответил Дональд.

Они сидели, уставившись в траву.

— Кровавые слезы, — произнесла Фелисити. Это был древний ритуал.

Не говоря ни слова, Дональд вытащил из кармана перочинный ножик и протянул сестре. И она осторожно сделала два крохотных надреза у себя под глазами. Дети Мора были одарены способностью силой воли вызывать слезы. Через

мгновение кровь и слезы, смешиваясь, потекли по их щекам.

Глава 9

Сегодня Нэн наконец уезжает. Мор ждал этого дня с нетерпением. В последнее время в их маленьком домике не затихал тарарам — непрерывно стирали, утюжили, вытряхивали, чистили, собирали и вновь разбирали чемоданы. Везде валялись карты, и разговоры шли только о поездах, о том, какие места заказать, не испортится ли погода… в общем, от всего этого Мор до того устал, что старался под любым благовидным предлогом подольше задержаться в школе. Учебный год заканчивался, и это означало, что хотя уроков и поуменьшилось, зато общих организационных забот поприбавилось. На плечи Мора ложился труд составления отчетов для родителей, а также предстояло решить ряд вопросов относительно штатного расписания на будущий год. Потому что Эвви с этим явно не мог справиться. А собственный дом стал Мору неприятен. Этот дом всегда казался ему слишком маленьким, и поэтому лучше всего там жилось летом, когда окна весь день распахнуты и кажется, что и внутри прибавляется пространства. И в то же время именно летом, перед каникулами, Нэн все переворачивала вверх

дном, и Фелисити ходила зареванная и злая. Сердце Мора сжималось всякий раз, когда вечером, переступая порог, он входил в коридорчик, и без того тесный, а теперь еще и заставленный множеством чемоданов, спортивным снаряжением и прочим скарбом. И в такие минуты в него закрадывалась мысль — а не переселиться ли на время к Демойту? О Подворье и его обитателях он думал постоянно. Но уйти туда не решился. Какое-то тягучее беспокойство постоянно мучило его. Меньше чем через три недели у Дональда вступительный экзамен, и об этом тоже надо помнить. Дважды за последнее время он пытался поговорить с сыном, выяснить, как у него дела, но Дональд отвечал неохотно. И Мору оставалось лишь огорчаться и недоумевать.

Вчера Мор наконец решился серьезно обсудить с Нэн вопрос о кандидатстве… то есть немного не так — он решил *объявит*ь Нэн о своем намерении стать кандидатом. Но, увы, стоило ему только приступить к осуществлению замысла, и все пошло кувырком. Нэн тут же дала понять, что ничего обсуждать не намерена. Она применила свой самый жестокий прием. Вот как это выглядело: как только Мор начал со всей серьезностью излагать свои планы, намерения, надежды, не

забывая подчеркивать, какой выгодой это может обернуться для всех них, она уселась на диван, подвернула под себя ногу и в упор вызывающе-насмешливо посмотрела на него. В такие минуты Мор ощущал в ней присутствие какой-то сокрушительной силы и содрогался от этого до глубины души. Она будто восходила куда-то вверх, в недосягаемость, где ее ничто не могло пронять. А он со своими жалкими вопросами и возражениями оставался где-то там, далеко внизу. И это все происходило совсем не от того, что она не понимала его доводов. Просто в ее присутствии, в поле, создаваемом ее личностью, эти доводы переставали существовать. Мор еще раз убедился, что его жена — это поистине крепость, способная выдержать любую осаду. Никакие доказательства на нее не действовали, раз выбрав, она упорно шла вперед со спокойной и даже радостной уверенностью в том, что достигнет своей цели. На протяжении разговора она ни на минуту не теряла присутствия духа, подсмеивалась над Мором, высокомерно вышучивала его и довела до того, что он в бессильном гневе окончательно сник. Но уходя из комнаты, все же выкрикнул: «Нравится тебе или нет, а я поступлю по-своему!»

Выкрикнул он это просто в сердцах. И все же на следующее утро вдруг подумал, что, наверное, и в самом деле поступит по-своему. Глубокие раны, которые Нэн наносила его самолюбию, болели непрестанно. Задыхаясь от гнева, он вспоминал, сколько раз она его унижала. Пора бы ей понять, что покушение на достоинство другого человека — это преступление, взывающее к немедленному воздаянию. Как только встречусь с Тимом, скажу, что начинаю кампанию, решил Мор. А после того как это станет достоянием общественности, Нэн не решится возражать, для этого она слишком уважает условности, к тому же самолюбие не позволит. Волей-неволей придется делать вид, что все в порядке. Он сознавал, что некрасиво этому радоваться, и все же не мог победить язвительную радость, воображая, как раскипятится Нэн, когда узнает, что он все же поступил как хотел. Потому что, возможно, больше всего Мора раздражала в жене именно эта спокойная уверенность в собственной правоте, в собственном мнении, с которым ему остается лишь безропотно соглашаться.

Но все эти мысли он схоронил с ловкостью, обретенной за годы семейной жизни, глубоко в себе, и по его бодрому виду никто бы не догадался,

что он о чем-то таком задумывается. Нэн тоже как будто начисто забыла вчерашнюю ссору, все сегодняшние ее разговоры касались исключительно радостей предстоящего отдыха. В 10.30 прибудут на вокзал Ватерлоо, потом позавтракают, после чего скорым дневным поездом отправятся в Дорсет. Уже заказали такси, которое отвезет их на станцию к лондонскому поезду. Такси — это, конечно, очень дорого, но багаж настолько объемист, что иначе не получится. Такси вот-вот должно было подъехать, а Фелисити еще не собралась. Все утро куксилась, была не в настроении, несмотря на обещание, что в Лондоне ланч состоится в ее любимом *Роял Фестивал Холл.*

Нэн и Мор вышли в палисадник. Чемоданы были вынесены и стояли перед дверью. Мор глядел на чахлые цветочки, георгины и астры, росшие по обеим сторонам бетонной дорожки.

— Посмотри, любимое место Лиффи совсем заросло в этом году, — сказал он. — Она любила лежать вон там, среди цветов, помнишь?

— О, вспомнила одну забавную вещь. Встретила на улице эту художницу, мисс Картер, и она сказала, что дети принесли ей цветы.

— Что ты говоришь!

— Что слышишь. Явились в дом Демойта, вру-

чили букет и тут же ушли!

— Странно. Хотя, впрочем, почему бы и нет… И Фелисити тебе не рассказала?

— Разумеется нет. Она такая скрытная, ты же знаешь. Очень милый жест, и мисс Картер, насколько я успела понять, очень растрогана… но ты не хуже меня знаешь наших очаровательных отпрысков. Неужели они просто так зашли, чтобы подарить цветочки? Нет, за этим прячется какой-то подвох.

Мор склонен был согласиться с Нэн, и вообще это происшествие его очень расстроило. Он не понимал, что бы это могло значить; он робел перед собственными детьми, особенно когда они начинали преподносить сюрпризы.

— Не о чем беспокоиться, Нэн, — все же сказал он. — Просто им захотелось сделать кому-то приятное. Наверняка это Фелисити предложила.

— Ты наивен. Почти так же, как мисс Картер, и это кое о чем говорит.

Упоминание о мисс Картер взволновало Мора. За последние три дня ему два раза случилось видеть художницу: один раз она шла вдали по полю, а второй раз — по улице городка в сторону торгового центра. И, не перемолвившись с ней ни словом, он при этом дважды испытал непонятное

глубокое волнение.

Подъехало такси. Мор поднял чемоданы. Фелисити вышла во двор и, не сказав ни слова, села в автомобиль. Мор и Нэн погрузили багаж и в молчании поехали на станцию. Там Мор заплатил водителю и перенес чемоданы на платформу. Стали ждать поезда.

С безоблачного голубого неба солнце светило на маленькую станцию с двумя платформами. Каждая была снабжена своей особой островерхой крышей, похожей на те, какими обычно украшают перроны в игрушечных железных дорогах. Слева и справа от полотна железной дороги зеленели сосны, между которыми виднелись красные крыши высоких викторианских домов. Целая толпа пассажиров ждала прихода поезда на Лондон, и среди них многие знали Мора в лицо. В таких местах он обычно чувствовал себя ужасно. А оставалось ждать еще целых пять минут.

И вдруг на Мора будто свежим ветерком повеяло — Нэн уезжает. *Нэн уезжает.* Она уезжает. А на следующий год в это время, даст бог, все будет по-другому. К тому идет, что все будет по-другому. Он поднял голову. Как хорошо, что решение наконец-то принято. Будущее зовет и много чего обещает. И тут же он почувствовал громадней-

шую нежность к Нэн. Обернулся и взглянул на нее. Она глядела на часы, постукивая носком туфельки по платформе. «Сейчас появится!» — с улыбкой сообщила она. Чувствовалось, что она волнуется. Фелисити стояла чуть в стороне, глядя на дощатый забор станции, за которым возвышались сосны.

— Нэн, ты ничего не забыла? — спросил Мор. — У тебя есть что почитать в дороге?

— Есть. Вот сегодняшняя утренняя газета и журнал.

— Давай-ка я еще чего-нибудь куплю… какую-нибудь книжечку, ну и, может быть, плитку шоколада? — И с этими словами он побежал к киоску, где продавали вперемешку газеты и кондитерские изделия. Купил какой-то тоненький пингвиновский сборничек поэзии, коробку молочного шоколада и два банана. Вернулся и рассовал жене по карманам.

— Билл, дорогой, как мило! — воскликнула Нэн, доставая подарки из карманов и пряча их в чемоданчик.

Опрятный зеленый состав показался из-за поворота. Пассажиры пошли вдоль вагонов. Мор отыскал два угловых места и разместил багаж. Для прощания времени почти не осталось. На

таких маленьких станциях поезда останавливаются лишь на минуту. Мор успел поцеловать жену и дочь… и вот уже поезд на всех парах уносился вдаль. Мор взмахнул рукой, успел заметить, как Нэн, выглянув, замахала в ответ, — и состав скрылся за поворотом в зеленой гуще деревьев.

Мор задумчиво спустился с платформы. Отдал свой платформенный билет. На освещенной солнцем пыльной станционной площади сейчас, после того как состав скрылся вдали, стало совсем тихо. Мор остановился, захваченный каким-то неясным чувством радости, и в тишине утра послышалось ему обещание чего-то очень, очень хорошего. Он ждал. И вдруг из самых глубин его существа с сокрушающей силой возникло понимание. «Я влюблен в мисс Картер». Мысль эта обрела форму столь неожиданно, что он, упершись взглядом в пыльную землю, едва устоял на ногах. «Со мной что-то случилось. Я влюблен. Нет, не просто влюблен, а люблю отчаянно, страстно». И вместе с пониманием этого на него нахлынуло невыразимое чувство блаженства. Он стоял, как и прежде, не отрывая глаз от земли, но теперь ощущал себя так, будто оказался в центре вселенной, начинающей медленно вращаться вокруг него.

Дыша полной грудью, слегка покачиваясь на

каблуках, он улыбался сухой земле. «Должно быть, я сумасшедший», — с улыбкой говорил он себе. Слова возникли и улетели, как листья в огонь. Медленным шагом прошел он по площади к калитке. Калитка была деревянная. Он с нежностью провел рукой по доскам. Сухое шершавое дерево, теплое, прекрасное. Отломил щепочку. Все с той же улыбкой. «Ну что с меня взять, я ведь сумасшедший», — дрожала в нем прежняя мысль. И тут же явилась следующая: «Я должен ее увидеть. Как только ее увижу, сразу пойму, как поступить дальше. Я пойму, когда ее увижу. Ее увижу».

Стремительно выйдя за калитку, он быстро пошел, едва ли не бегом побежал, по дороге, ведущей к школе. До нее было неблизко. Солнце горячило лоб, в душном воздухе трудно было дышать. Задыхаясь, он бежал. Туда, где в гараже посреди «учительского» садика ждал его велосипед. В легких не хватало воздуха, руки и ноги болели от напряжения, но желание видеть мисс Картер теперь стало настолько сильным, что заглушало любую физическую боль. Вот и здания школы показались. Но от волнения он уже не мог бежать, а просто пошел медленным шагом. Если бы кто-то сейчас шел с ним рядом, то слышал бы,

как тяжело он дышит, видел бы, как искажено его лицо. Собрав последние силы, он подбежал к гаражу.

Взяв машину за руль, как дикого зверя за рога, он вытащил ее на свет божий. Оказалось, что колесо спустилось. Он бросил велосипед на землю и с громким проклятием пнул колесо. Придется поехать на чужом. И тут вспомнил, что в 11.15 у него в шестом классе урок истории. Но теперь его ничто не могло остановить. И хотя он уже не задыхался, но боль не отпускала, боль, от которой он готов был кричать, — жажда видеть ее. Оседлав схваченный наугад велосипед, он кое-как проехал по дорожке, потом к воротам, потом через шоссе и вверх, к железнодорожному переезду.

Склон шел вверх немилосердно круто, и как он ни жал на педали, ехал все тише и тише и наконец совсем завяз. Пришлось слезть и вручную вести велосипед. Добравшись до верха, он поехал вниз, и когда на миг в отдалении перед ним мелькнуло Брейлинское Подворье, он беззвучно прошептал: «Рейн». Изо всех сил крутя педали, он на сумасшедшей скорости летел вниз… Кинув велосипед у стены, вбежал в дом. Внутри было тихо и прохладно. Он пробежал через холл и

отворил дверь гостиной.

Мольберт стоял на прежнем месте. Демойт, освещенный солнцем, сидел спиной к двери недалеко от окна. Мисс Картер в комнате не было.

— Приветствую вас, сэр, — держась за дверь, произнес Мор, — а где мисс Картер?

— Несмотря на то что я уж привык, — не оборачиваясь, заговорил Демойт, — что во мне видят лишь некий старый, бесполезный обломок допотопного антиквариата, тем не менее…

— Простите, сэр, — входя в комнату, сказал Мор, — не гневайтесь. Но мне настоятельно необходимо повидать мисс Картер. Возможно, вы знаете, где ее найти?

— Вас не затруднит подойти сюда, разумеется, если вы не очень спешите, чтобы я, по крайней мере, мог видеть, с кем разговариваю.

Мор подошел и встал перед стариком, а тот окинул его суровым взглядом, очевидно приготовившись к очередному вопросу.

— Извините, — сказал Мор. — Так где же она?

— Если бы вы пожаловали в любой другой час, в любое другое время дня, то нашли бы юную леди здесь, в этой комнате, за работой. Она трудится как пчелка, если вспомним пословицу. Но в этот час дня она, как вам ни огорчительно будет

сие услышать, совершает утренний моцион, то есть ходит на прогулку. — Демойт говорил очень медленно, словно для того, чтобы помучить неожиданного визитера.

Краем глаза косясь на холст, Мор отметил, что за последнее время с ним произошли немалые перемены, но рассматривать как следует не решался. Стараясь говорить спокойно, он задал очередной вопрос:

— А не довелось ли вам знать, сэр, куда именно она отправилась, то есть имею ли я возможность ее встретить?

— Этого знать мне, как вы выразились, *не довелось*. Но меня вот что интересует, обратили ли вы внимание на свой воротничок? Он у вас расстегнулся и висит сзади на шее в совершенно невозможной манере. Мне эти пристегивающиеся воротнички никогда не нравились. Именно по этой детали и можно угадать провинциального учителя. И лицо у вас чем-то измазано, то ли машинным маслом, то ли смолой. Рекомендую, прежде чем продолжите поиск, привести себя в порядок.

Схватившись за воротничок, Мор заправил его под плащ и кое-как вытер ладонью лицо.

— Благодарю вас, — сказал он. — Пожалуй, я

пойду.

Когда он был уже около дверей, Демойт отозвался вновь:

— Она пошла по тропинке через поле. Может, и найдете.

Поблагодарив еще раз, Мор поспешно вышел, сел на велосипед, выехал за калитку и тут же свернул на неширокую тропинку. Колеса то ныряли в ямки, то подскакивали на пучках травы; он ехал под жарким солнцем, прикрывая глаза ладонью. Впереди никого не было, и уже показались первые дома городка. Он проехал по одной дороге, свернул и проехал по другой. Напрасно. Надо возвращаться домой. Умыть лицо холодной водой и подумать, что делать дальше. Но вместо этого он проехал мимо своего дома и порулил вверх по дороге по направлению к воротам школы. Не исключено, что мисс Картер именно там, зашла по какому-нибудь делу к Эвви.

У ворот, прислонившись к одной из колонн, стоял долговязый, одетый в белый костюм учитель физкультуры Хензман.

— Держится хорошая погода, — заметил он. — Может, и на день соревнований повезет в кои-то веки.

— Вполне возможно, — согласился Мор. Он слез

с велосипеда и в нерешительности остановился возле ворот.

— Ваш сынишка ничего, старается. Он еще покажет «класс» в крикете. В команде Пруэтта только на него и надеются. — По мнению Хензмана, в классе Пруэтта крикету уделяли непростительно мало внимания.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Мор. — А вы, случайно, не видели, мисс Картер здесь не проходила?

— Проходила. Минут двадцать назад она была здесь, на площадке. А потом пошла с Бладуардом вниз по склону.

— Спасибо, — произнес Мор и поспешно проехал через ворота. При имени Бладуарда его пронял легкий холодок. Оставив велосипед на углу главного здания школы, именно там, где такого рода транспорт строго-настрого запрещалось оставлять, он пошел через площадку, свернул за библиотеку и по тропинке направился вниз. Эта тропинка успела порядком зарасти. И ему то и дело приходилось перепрыгивать через сухие ветки и через какие-то низкорослые кустики. Двое мальчиков поднимались ему навстречу. Отступив, они с удивлением поглядели ему вслед. Где же Бладуард и мисс Картер? Он остановился и

прислушался. Но, кроме ласкового нестихающего перешептывания листвы, ничего не было слышно. Он свернул с тропы и пошел напрямик через заросли, цепляясь ногами за папоротники.

И неожиданно вышел на полянку, где перед ним предстала картина, наполнившая его одновременно и горечью, и радостью. Там была мисс Картер. Но совсем иная. Сейчас она была пленницей. В длинном, текучем, изумрудном шелке, обернутом вокруг тела, оставлявшем обнаженным только одно плечо, она сидела посреди поляны на невысокой стремянке, а вокруг на траве, держа в руках доски и карандаши, сидели двенадцать мальчиков. Они рисовали ее. В глубине сцены, прислонившись к дереву, стоял распорядитель спектакля, Бладуард, и зорким оком наблюдал за учениками. Он еще не заметил Мора, но тот успел заметить, как пристально смотрит Бладуард на мисс Картер. На нем была рубашка с короткими рукавами, руки он держал в карманах. Пряди темных волос падали ему на щеки. Он сейчас показался Мору похожим на Момуса, похожим на Люцифера.

Неожиданное появление Мора вызвало мгновенный отклик. Отделившись от дерева, Бладуард вытащил руки из карманов и выпрямился. Но

тут же удивленное выражение сменилось улыбкой. Глаза его и губы сузились, превратившись в насмешливые щелочки. Ученики все разом повернулись и вопросительно уставились на неожиданного пришельца. Мор определил, что это несколько учеников пятого класса. Машинально потрогал воротничок, все ли в порядке. Воротничок оказался на положенном месте. Рейн сделала легкое движение рукой, тем самым сообщив, что заметила его. Она позировала как-то по-детски, то есть очень серьезно, боясь шевельнуться. Бладуард все еще улыбался напряженной, застывшей улыбкой. И Мора вдруг охватила уверенность, что учитель рисования прочел его мысли. Он подошел к нему, в то же время знаками приказывая мальчикам продолжать работу. «Я искал вас, чтобы поговорить об отчетах», — произнес Мор первую пришедшую на ум фразу, в то же время уповая, что она не совсем нелепо прозвучала в этих обстоятельствах. Бладуард продолжал с улыбкой смотреть на Мора. «Хватит тебе улыбаться», — со злостью подумал Мор. И пошел вдоль круга детей, глядя на рисунки. Мальчики, на минуту отвлекшись, успели вернуться к работе. Он всем существом чувствовал присутствие мисс Картер, но взглянуть на нее не

решался. Делая вид, что поглощен рассматриванием рисунков, он в то же время ни на минуту не забывал, что незадолго до двенадцати прозвонит колокол, и она будет свободна.

Одни ученики работали акварельными красками, другие — чернилами или гуашью, третьи рисовали карандашом. Мор остановился за спиной у Ригдена. По всем предметам он был среди отстающих, а вот рисовал талантливо. Пером и коричневой гуашью очень умело сделал набросок, особенно выразительной получилась голова и ниспадающая живописными складками драпировка. Ригден оглянулся и посмотрел на Мора. Казалось, он не верил в собственный успех. Мор улыбнулся одобрительно. Эта улыбка наверняка превратит Ригдена в героя дня. Мор прошел дальше, украдкой поглядывая на часы.

Джимми Кард сидел в непринужденной позе, прислонившись спиной к дереву, одну ногу вытянув, другую подвернув под себя. Подойдя поближе, Мор расслышал, что мальчик тихонечко насвистывает какую-то музыкальную фразу, повторяя ее вновь и вновь. Мор взглянул на его рисунок. М-да, из этого юноши художник вряд ли получится. Он видел модель в профиль и запечатлевал ее с помощью карандаша. Но у

него выходила какая-то приземистая фигурка, в драпировке, безобразно обтягивающей тело, с непомерно большим бюстом. В тот момент, когда Мор глядел на рисунок, Кард поднял голову и глянул ему в глаза, и Мор, вопреки себе, ответил на его взгляд. Но тут же отвернулся. Он не любил Карда. И радовался, что тот собирается поступать в Оксфорд, а не в Кембридж. Слава богу, подальше от Дональда. В эту минуту прозвучал колокол.

На полянке все пришло в движение. Мальчики складывали карандаши и краски и один за другим поднимались с травы. На своем пьедестале Рейн, получившая свободу, подбирала складки драпировки. Украдкой глянув на нее, Мор посмотрел на Бладуарда и нашел, что Бладуард смотрит на него. Только бы у него сейчас не было «окна», мысленно взмолился Мор. Бладуард перестал улыбаться. Он тихо покачивал головой, такая у него была привычка. Мальчики уходили, мелькая среди деревьев, по направлению к изостудии, где им надлежало оставить рисовальные принадлежности и отправляться на следующий урок. Мор, Бладуард и Рейн теперь остались одни на поляне.

Рейн по-прежнему сидела на стремянке и не спешила сходить вниз. Возможно, там, наверху,

она чувствовала себя более значительной.

— Мистер Бладуард взял меня в плен, — со смехом обратилась она к Мору. — И полюбуйтесь, что он отыскал среди своего реквизита, какое чудо! — Она говорила это и в то же время снимала с себя зеленую шелковую ткань. Под ней оказалось цветастое платье с открытыми плечами. — И в самом деле, мистер Бладуард, я, пожалуй, куплю у вас эту ткань и отдам своей портнихе. — По-прежнему стоя на верхней ступеньке, она свернула шелк и передала Бладуарду. Теперь стали видны ее обнаженные ноги с очень гладкой кожей. Мор и Бладуард как по команде отвели глаза и посмотрели ей в лицо. И она посмотрела на них со своего возвышения — слегка надменно, слегка самодовольно, как маленькая девочка Викторианской эпохи.

Бладуард несколько угрюмо взял у нее из рук ткань. Он бросил взгляд на Мора, будто хотел что-то сделать или спросить, но не решался. А Мор всем своим видом старался показать, что никуда не уйдет и, если потребуется, простоит здесь весь день.

— Да, — пробормотал Бладуард, — да, почему бы и нет, почему бы и нет. — Но по его тону было ясно, что это вовсе не ответ на шутливое предло-

жение Рейн. — Ну вот, — продолжил он, — увы, мне пора уходить. Ма… мальчики ждут в студии. Вы оказали нам такую честь, честь, мисс Картер, тем, что любезно согласились… — Тут голос его сорвался. Создавалось впечатление, что сегодня ему особенно нелегко даются фразы. Он открыл рот, снова закрыл и, отвернувшись, ушел с поляны. Еще какое-то время слышалось, как он отдаляется, хрустя сухими ветками. Мор и Рейн остались одни.

Она хотела было спуститься с лесенки, но передумала и снова села на ступеньку. Хотя она и улыбалась, но, кажется, была и немного смущена.

— Я не отказываюсь позировать, если попросят… — произнесла она, потирая лодыжку. — Надо же, ногу отсидела!

Мор приблизился к ней. Он тяжело дышал. Он боялся взглянуть на нее. Он произнес: *«Рейн».*

Рейн сразу догадалась, случилось что-то, и в тот же миг поняла, что именно случилось. Все еще держась рукой за лодыжку, она замерла. Постепенно пришла в себя и наконец произнесла очень тихо, почти неслышно: «Мор», и снова повторила — «Мор».

В тот же миг они взглянули друг на друга. Она

стояла на лесенке, поэтому лицо ее было сейчас вровень с лицом Мора. Он подался вперед и бережно обнял ее за плечи. Притянул к себе и нежно и в то же время властно поцеловал в губы. Ошеломленный прикосновением к ее телу, опустил голову ей на плечо, потом, испугавшись, что может оцарапать ей кожу своим подбородком, склонил голову ей на грудь. Он вдыхал свежий запах ее платья, чувствовал тепло ее груди, слышал, как учащенно бьется ее сердце. Его собственное сердце трепетало, будто собиралось выскочить из груди. Но все это произошло в одно мгновение. И вот уже, осторожно отстранив его, Рейн начала сходить по ступенькам. И наконец встала перед ним, совсем маленькая, глядя на него снизу вверх.

— Нет, Мор, дорогой, — тихим воркующим голоском произнесла она. — Нет, нет, пожалуйста, Мор, нет, нет… Вам не трудно будет отнести стремянку к студии? — продолжила она. — Оставите ее там во дворе. — Она подняла с травы свой жакетик, надела его.

Пока она говорила, Мор стоял, опустив руки, глядя на нее страстным, обжигающим взглядом. Он по-прежнему слышал биение ее сердца.

Она помедлила, опустила глаза, невольно при-

жимая ладонь к груди. «Простите», — произнесла она, повернулась, побежала и скрылась в чаще деревьев.

Мор не пошел следом. Он стоял, положив руку на перекладину лесенки. И тут ноги у него подкосились, и он сел на землю.

Глава 10

В день соревнования погода, как и ожидали, не подвела. Жара стояла такая же, как и весь прежний месяц. Солнце с безоблачного неба опаляло крикетное поле, выгоревшее до бледно-коричневого цвета. Ведь усердно поливали лишь прямоугольник в центре, благодаря чему он и остался изумрудно-зеленым. Мор стоял возле павильона, за двумя рядами деревянных стульев. Он опрометчиво надел рубашку с длинными рукавами и теперь страдал от жары. Хотелось уйти куда-нибудь, где попрохладней, хорошо бы побольше тени. Хотелось лечь и уснуть. Но куда уж там, надо быть здесь, на людях, прохаживаться, общаться, словно все в полном порядке.

Нельзя сказать, что Мор всегда равнодушно относился к соревнованиям. Необъяснимое волнение обычно рождалось одновременно с этим событием и захватывало всех, в том числе и учителей. Но в этом году Мора действительно поразило какое-то огорчительное бесчувствие. Он с трудом заставлял себя следить за игрой. Его отделение сейчас принимало мяч. Все утро и потом некоторое время после полудня они играли

на подаче и довели общий счет до 100:68. Теперь подавали подопечные Пруэтта. И одним из двух отбивающих, как раз сейчас находящимся на площадке, был Дональд Мор. Играл он исключительно хорошо, энергично, в своей неповторимой манере. И два недавно отбитых им мяча вызвали бурю рукоплесканий. Он сделал двадцать три пробежки и чувствовал себя на поле как в своей родной стихии. Общий счет пруэттовских игроков составил пятьдесят два к одному.

Джимми Кард только что встал на подаче. Накануне соревнований Карда неожиданно прикрепили к отделению Мора. В школе существовало правило, по которому, с какой-то неведомой целью, ученика могли от одного куратора вдруг взять и перевести под опеку другого. Хотя это означало лишь то, что этот ученик во время соревнований должен был играть в команде куратора, к которому его приписали, и ходить в поход с его отделением. Кард играл, будто хвастая перед зрителями своим умением — длинными пробежками, множеством разных приемчиков и выкрутасов. Мячик от его биты летел по полю со скоростью шаровой молнии, правда, не всегда по прямой. Мор наблюдал, как он подает Дональду. Потом отвернулся. Растроганный зрелищем иг-

рающего сына, в этот момент он был всей душой с ним.

Мор начал медленно прохаживаться за рядами. Тоска донимала его. Он смотрел то вдаль, через поля, туда, где краснели крыши городка, то оборачивался в сторону леса. Как там темно и прохладно. Взять, что ли, и уйти незаметно? Нет, нельзя. Раздались аплодисменты; и, обернувшись, он увидел, как Дональд передает мяч в сторону защитника для новой серии бросков. Успехи Дональда явно нравились болельщикам. Вон он стоит посреди зеленого прямоугольника, о чем-то советуясь с товарищем по команде. Кард подошел, сказал что-то, и все рассмеялись. «Любопытно, — подумал Мор, — за кого я сейчас по-настоящему болею — за свое отделение или за своего сына?»

Соревнование отделений — финал игр «на выбывание» — длилось, как правило, два дня, и первый день считался самым торжественным; именно по случаю этого первого дня директор устраивал ужин для учительского состава — мероприятие, «в эпоху консульства» Эвви достигшее беспрецедентной степени унылости. Бейсфорд, известный своей склонностью к горячительным напиткам, пытался убедить Эвви, что можно

бы организовать все как-то повеселее, но напрасно. Бейсфорда в этот раз не было, а Мор, его замещавший, убеждать и не собирался. Родителям и прочим визитерам в день соревнований вход на территорию школы был запрещен, хотя некоторые иногда все же просачивались. Эти соревнования считались сугубо внутришкольным праздником, и два ряда стульев занимали целиком учителя, члены их семей, ну и какое-то количество друзей учителей. Школьники расселись вдоль опушки леса, частью на солнце, частью в тени, а некоторые разместились у павильона, недалеко от того места, где на поле стоял подающий. На всех мальчиках были особые сенбриджевские кепочки с мягкими козырьками, которые ученики охотно носили в летнюю жару. Мор на глаз оценил, что явились в основном все. У леса болельщики сидели особенно густо. Время от времени оттуда, из-под деревьев, долетала приглушенная невнятица голосов или одиночный мальчишеский выкрик, но в основном все следили за игрой в напряженном молчании.

Эверард сидел в первом ряду, перебрасываясь репликами с Хензманом, который в дни соревнований становился персоной номер один. Пруэтт, до сих пор находившийся в павильоне, как раз

показался на пороге. Тим Берк тоже сидел в первом ряду. Загоревший, выглядевший здоровее, чем когда-либо, он был, по всей видимости, в отличном расположении духа и разговаривал о чем-то с одним из учеников шестого класса. Тим умел находить общий язык с подростками. Мор раздумывал — подойти ли к Тиму или все же скрыться в лесу, но не сделал ни того ни другого. Среди болельщиков не было ни одной женщины. Нэн, которая в качестве жены преподавателя непременно бы явилась, уехала, а миссис Пруэтт как раз накануне получила солнечный удар и с головной болью лежала дома. Мор еще раз со вздохом огляделся по сторонам… Скорее бы окончился этот день.

Уже пять дней прошло, как уехала Нэн, пять дней с той невообразимой сцены в лесу. С тех пор Мор ни разу не встретил Рейн, да и не пытался с ней встретиться. И она, вероятно, тоже не стремилась повидаться с ним. За все эти дни он даже мельком не видел ее. В тот вечер Мор уснул в блаженном, изумительно радостном состоянии, такой радости он еще никогда в *жизни* не испытывал. Зато наутро проснулся в полном душевном разладе. Вчерашнюю выходку он теперь готов был объяснить и неожиданным чувством

освобождения, связанным с отъездом Нэн, и желанием отомстить ей же за ее поведение, и переутомлением, и, наконец, этой нескончаемой жарой. Но какой бы ни была причина, одно несомненно — такое больше не повторится. Едва не объяснился в любви! Да как же можно было позволить себе подобное легкомыслие?

Особенно изумляло его то, насколько размягчающей, обессиливающей оказалась сама лишь мысль о влюбленности. Неужели одна маленькая фраза «я влюблен» способна столько натворить? Ведь и доказывать не надо, что все эти увлечения хороши для двадцатилетних юнцов, а в его жизни ничего подобного быть не может. К обязанностям, налагаемым браком, Мор относился очень серьезно. По крайней мере, считал, что очень серьезно. Более глубоко задуматься над такими вопросами жизнь его до сих пор не призывала. Во всем, что касалось жены и детей, он всегда был предельно добросовестным и ответственным. И ничего такого прежде не случалось, что заставило бы его усомниться в правильности собственного образа жизни. Просто не было в его буднях, таких прочных, таких устойчивых, места для подобных страстей и драм. Безумную страсть он мог представить себе разве что во сне. И вот

этот сон сбылся.

Мор проснулся в тревоге. Его не отпускала мысль, что своим поступком он, возможно, озадачил Рейн, поверг в недоумение, растревожил и, может быть, даже испугал. Он не представлял, что она думает на самом деле, что чувствует, но, скорее всего, она ничего к нему не питает, кроме некоего дружеского расположения. Если это так, то и его порыв, и последующее отступление наверняка постарается вычеркнуть из памяти. В худшем случае почувствуется некая неловкость при неизбежных встречах в обществе, но это можно пережить, а потом она уедет навсегда. И все же Мору было очень досадно, что из-за него она пережила неприятные минуты. Потом, еще раз мысленно представив их последний тет-а-тет, он пришел к заключению, что наверняка сейчас она о нем думает очень плохо. И появилось искушение написать ей еще одно письмо. Но он устоял. Ранний опыт его все же чему-то научил. Написать еще одно письмо означает продолжить историю, под которой самое время подвести черту. Молчать, стушеваться, надеясь, что она все поймет правильно, — вот лучший выход.

Этим утром ему не давала покоя еще одна мысль — что будет, если она придет на матч.

Эвви, несомненно, ее пригласил. Но до сих пор ее не было видно, и уже слишком поздно, так что, может быть, и не придет. Внимание его вновь обратилось к игровому полю. Дональд передал мяч полевому игроку по правую сторону от себя, сделал пробежку и почти свалил воротца. Школа облегченно вздохнула. Это был последний мяч перед заменой, и Дональд вновь должен был играть на подаче. Напряжение стало нестерпимым. Но, слава богу, приближалось время перерыва.

И тут некая фигура выступила из сумрака деревьев. Это был Бладуард. Все знали, что по таким поводам, как нынешний, он считает своим долгом совершать над своей внешностью определенного рода усилия. На этот раз его желание соответствовать моменту ярче всего сказалось в появлении белых шерстяных брюк и пиджака. Именно эти ухищрения и напомнили Мору, что Бладуард как-никак выпускник Итона. Проходя мимо, Бладуард кивнул, как показалось Мору, довольно прохладно, после чего занял место во втором ряду. Непонятно почему, но неприветливость Бладуарда задела Мора. Не особо вдумываясь, он тем не менее ценил хорошее мнение художника о себе. Мрачное чувство вины закралось в него, перейдя в горькое осознание

собственной отверженности. Как будто весь мир ополчился против него.

И тут невдалеке от павильона мелькнуло что-то сияюще-белоснежное. И зарябило на границе Морова поля зрения в тот миг, когда он медленно поворачивался в противоположную сторону. Он замер и обернулся. Это Рейн шла к импровизированным трибунам по открытому травяному пространству. На ней было светло-голубое платье с широкой юбкой, над головой она держала отороченный рюшами белый зонтик и, как будто чем-то смущенная, нервно вертела его в руке, и от этого тени все время скользили по ее лицу. Глядя, как она приближается, Мор чувствовал себя так, будто сквозь него проезжает какой-то громадный автомобиль, оставляя за собой черную дыру, за края которой он в отчаянии цепляется.

Среди публики появление девушки произвело фурор. Эверарда похлопали по плечу, и он обернулся. Сидящие на почетных местах начали вставать и отодвигаться в разные стороны. Шестиклассники подхватили стулья и побежали ставить их на самые выгодные для зрителя места. Эвви засуетился, пытаясь как-то отступить, но ряд был слишком тесен. Он зацепился за ножку стула, потерял равновесие и, если бы не поддерж-

ка Хензмана, наверняка бы упал. И толпы юных болельщиков смотрели уже вовсе не на игровое поле. Они смотрели на Рейн, идущую сейчас вдоль первого ряда. Эвви прижался к стулу, чтобы она могла пройти и занять место рядом с ним. На поле, даже на поле, некоторые игроки поворачивались к трибунам и, прикрывая глаза от солнца, наблюдали за происходящим. «Замена!» — очнувшись, крикнул судья. Игроки начали меняться местами. Дональд, украдкой сделавший еще одну пробежку, находился на стороне подачи. Мяч полетел к Карду.

Перейдя поле, Кард прошел мимо Дональда. «Куколка твоего папочки!» — бросил он и побежал дальше, пританцовывая и насвистывая: «Девчонка на все пять, но любит погулять», попутно подкидывая мячик.

Дональд покраснел как рак. Глянул в сторону павильона, отвернулся и, крепче сжав биту, наклонил голову, как бы говоря — игра еще не окончена, нельзя распускаться.

Кард сделал свою излюбленную длинную пробежку и грациозно метнул мячик. Тот пулей вылетел из его руки. Дональд попытался задержать, но напрасно; повернулся и увидел, что средняя спица ворот лежит на земле. Болельщики

захлопали в ладоши. Дональд еще раз повернулся и быстро пошел к павильону. На Карда он даже не взглянул.

Мор понял, что сын огорчен. И это тоже, пусть иначе, чем все остальное, мучительной болью отозвалось в нем. Рейн села рядом с Эвви, и прочие зрители тоже заняли свои места. Дональда проводили аплодисментами. Ведь его стараниями счет стал 30:1. Второй отбивающий вышел на поле. «Вот сейчас самое время уйти», — подумал Мор. Но тут какой-то преподаватель младших классов подошел к нему и начал о чем-то спрашивать. Мор отвечал механически.

Еще два раза игроки поменялись местами, и наконец настал перерыв на чай. Но Мор почему-то не мог заставить себя уйти и по-прежнему стоял на свободном пространстве между рядами стульев и лесом. К нему подошел Тим, и вместе они направились к большой палатке, воздвигнутой в дальнем конце игрового поля.

— Дон отлично играет, — заметил Тим.

— Да, неплохо, — вяло согласился Мор.

Они вошли в палатку. Внутри было душно и одуряюще пахло нагретой травой и брезентом, отчего Мору тут же вспомнилась длинная вереница вот таких же, канувших в прошлое летних чет-

вертей. Гурьба мальчишек уже воевала за чашки с чаем. Для учителей был устроен отдельный буфет, и Тим с Мором оказались там первыми посетителями. Мор передал Берку чашку и сэндвич с огурцом. Он сделал над собой усилие, чтобы не оглянуться.

Тим что-то говорил. Они стояли в углу палатки.

— У нас не было времени переговорить.

Мор почувствовал, что, неведомо почему, сердце у него ушло в пятки.

— Мор, ты обещал сегодня дать окончательный ответ. Ну, так каково же твое решение? Время не ждет, пора действовать. Ты обсудил с женой?

Мор покачал головой. В последние дни он вообще об этом не думал. Но сейчас понял, что не сможет, во всяком случае, прямо сейчас наверняка не сможет дать окончательный ответ.

— Дай мне немного времени, Тим. Нэн все еще против. Я ее уговорю, но надо постепенно.

«Я, кажется, готов отказаться от задуманного, — мрачно подумал он. — А ведь еще совсем недавно казалось, что все решено бесповоротно. И вот снова откладываю». Но, несомненно, это лишь на время. Ответ будет, но только не сейчас. Дело в том, что он совершенно перестал сердиться на

Нэн. Теперь им скорее владело чувство вины, перед которым отступало то удовольствие, тот интерес, с которым в иных обстоятельствах он мог бы прочесть эти два письма, присланные Нэн после приезда в Дорсет. Нет, это неподходящий момент для наказания Нэн. Еще неизвестно, кто из них двоих провинился сильнее. Он подождет и постарается без спешки объяснить ей свою точку зрения. И если он и в самом деле твердо решил, она не сможет не согласиться с ним. А пока он чувствовал себя расстроенным и встревоженным недавними событиями. В такое время, когда завершается учебный год, *два* кризиса ему не по силам. Борьба с Нэн, когда до нее дойдет, а особенно если эта борьба будет спровоцирована натиском с его стороны, наверняка окажется жестокой и кровавой. Нет, сражения на два фронта ему не одолеть. Ну, разумеется, этот второй «фронт» можно счесть и закрытым, но надо быть реалистом и понимать, что должно пройти время, пока он сможет рассуждать беспристрастно. Сейчас борьба с Нэн ему просто не по силам.

Мальчишек в палатке становилось все больше.

— Извини, но я тебя сейчас поколочу, — сказал Тим, глядя в глаза Мору так внимательно, словно собирался вытащить соринку. — Целый год по-

тратил, обхаживая тебя, уговаривая согласиться на то, на что ты, если бы мыслил здраво, пошел бы без всяких уговоров. И что же? Ты все еще трусишь.

— Я не трушу, — раздраженно возразил Мор. — Я все решил бесповоротно. Но нужно время, чтобы Нэн привыкла к этой мысли. Дай мне еще три недели. И, ради бога, Тим, не надо крайностей. Мне в самом деле нелегко. — Он со стуком поставил чашку и блюдце.

— Ладно, не кипятись! — попросил Тим.

Дональд пробирался к ним сквозь толпу. «Не будь здесь Тима, — подумал Мор, — он, конечно, постарался бы меня не заметить». Мальчик сдержанно поздоровался и принял поздравления за отличные подачи. Он нагнулся, напрасно пробуя стряхнуть приставшие к белым фланелевым брюкам травинки. Мор отметил, что лицо сына стало более мужественным и взрослым. Но с Дональдом так всегда — когда у него что-нибудь получается, он взрослеет прямо на глазах. Ему бы побольше уверенности, и все было бы хорошо.

— Что я тебе сейчас покажу, угадай? — разулыбался Тим. — Что у меня в карманах, ну-ка посмотрим. — С давних пор, еще когда Дон и Фелисити были совсем маленькими детьми, Тим

завел обычай произносить при встрече эти слова и сейчас повторил их тем же тоном и с тем же жестом. Он порылся в кармане пиджака. Обычно Тим щеголял в вельветовой куртке, но сегодня, ради праздника, надел строгий серый костюм, в который наряжался лишь в случае нечастых визитов в церковь. То, что Тим вытащил из кармана, оказалось золотой зажигалкой, сделанной в виде охотника, подстерегающего добычу, по бокам украшенной затейливым цветочным узором. Тим щелкнул — вспыхнул огонек. Мор тут же извлек сигареты, для Тима и для себя. Над Дональдом тяготело обещание — не курить до двадцати одного года.

Тим протянул зажигалку Дональду, чтобы тот полюбовался. Мальчик взял ее с восхищением. Вещица была массивная, золото казалось теплым и, непонятно почему, мягким. Работа была мастерская.

— Откуда она у тебя? — спросил Мор.

— Сам сделал.

Мор всегда поражался многочисленности талантов Тима.

— Тебе нравится? — обратился Тим к Дональду, еще раз щелкнувшему зажигалкой.

— Да!

— Тогда бери. Это награда за отличную игру.

Зажав в руке зажигалку, Дональд вопросительно посмотрел на отца.

— Тим, что за глупости? Это очень ценная вещь, золотая. И такое дарить мальчишке!

— Но объясни, почему я не должен дарить.

— Он потеряет, и тем дело кончится, к тому же это поощрит его начать курить.

— Полнейшая чушь. Зажигалка может понадобиться и для того, чтобы поджечь кучу хвороста во время похода и чтобы ночью рассмотреть указатель на дороге. Бери, мальчик.

Но Дональд по-прежнему смотрел на отца.

— А… — Мор намеревался сказать «хорошо, согласен», но вместо этого получилось «А, черт с ним». Он махнул рукой, и Дональд, восприняв этот жест как разрешение удалиться, тут же скрылся в толпе.

— И тебе не стыдно… — начал Тим.

А Мор вдруг осознал, что Рейн стоит в нескольких шагах от него. Она наверняка видела сцену с Дональдом. Эвви тоже оказался рядом и, очевидно, ждал возможности вступить в разговор.

— Я только хотел сказать, — не замедлил он, — что мы как раз сейчас собираемся в машине мисс Картер поехать к Демойту, взглянуть на портрет.

Мы долго не задержимся… вернемся, когда игра начнется или чуть погодя. Не хотите ли поехать с нами?

Мор подумал и кивнул: «Благодарю, мы с радостью поедем».

И они вслед за Эвви вышли из палатки. Эвви шел впереди вместе с Рейн. Пруэтт держался рядом. Бладуард, он тоже был здесь, следовал на два шага позади. Мор и Тим замыкали шествие. Мор пытался вспомнить, в каком месте на опушке леса бросил свой пиджак. Но все равно сейчас нет времени искать. Он подвернул измятые рукава рубашки. Они подошли к тому месту, где недалеко от въезда в учительский садик стоял «райли». Сердце гулко заколотилось в груди у Мора, когда он увидел автомобиль. Машина выглядела как новенькая, даже лучше, чем до ремонта. Вопрос оплаты счетов напомнил о себе болезненным уколом.

— Очень жаль, но мне пора, — сказал Тим Берк. — Уже поздно, а я и не заметил. Нет, не надо подвозить, у меня мотоцикл.

— Кстати, мистер Берк, вы знакомы с мисс Картер? — спросил Эвви.

— Приятно познакомиться, — расшаркался Тим и, махнув на прощание рукой, удалился. Осталь-

ные замерли вокруг машины в неуклюжих, выжидательных позах. Еще несколько минут ушло на церемонные пропускания вперед и наконец расселись по местам — Рейн и Эвви впереди, Мор, Пруэтт и Бладуард сзади. Мор все еще не верил, что снова сидит в *ее* машине. Ему не давала покоя глупая фантазия — что это в некотором роде похищение. А через несколько минут он уже винил себя за то, что согласился поехать. Рейн наверняка этого не хотела. Но ведь не могла же она просто подойти и сказать: «Останьтесь, я не хочу, чтобы вы ехали». Та *горечь*, которая не отпускала его весь день, вернулась с удвоенной силой. Автомобиль взбирался по холму. И в тот момент, когда оказался наверху, Тим проехал мимо на своем мотоцикле, помахал рукой и умчался в направлении Марсингтона. Вскоре «райли» въехал на аллею Подворья, и через минуту пассажиры уже выбирались из машины перед парадным входом. Хотелось бы знать, кто придумал поехать сюда, мысленно спросил Мор. Несомненно, сам Демойт и придумал. Ведь ни у Рейн, ни у Эвви не хватило бы дерзости свалиться к нему как снег на голову такой оравой. Гости вошли в дом.

Демойт стоял в дверях гостиной, а за его спиной виднелся уставленный чашками стол и мисс

Хандфорт, держащая чайник за ручку с такой решимостью, будто это была граната. Эвви быстренько натягивал на лицо то самое младенчески невинное, жизнерадостно-миролюбивое выражение, какое всегда избирал, когда встречался с Демойтом. А вот Демойт, напротив, смотрел все более саркастически, все более мрачно, все более колко, как всегда, когда видел Эвви, и этот взгляд неизменно приводил Эвви в дрожь, и он становился еще больше похожим на младенца. Поначалу все столпились у дверей, потом гости один за другим вошли в гостиную. Все это время Мор боялся смотреть на Рейн. И сейчас сделал вид, что увлеченно беседует с Ханди.

Картина находилась в дальнем углу комнаты. Мольберт был повернут в сторону зрителей. Все прошли вперед, только Рейн и Демойт остались рядом с мисс Хандфорт.

Мор только взглянул на картину, и все прочие мысли тут же вылетели у него из головы. С самого начала он очень мало думал о картине, а в последние дни и вовсе забыл о ней, хотя смутно сознавал, что работа идет. И теперь присутствие портрета стало для него потрясением, почти физическим. Шедевр ли это, Мор не знал, но картина показалась ему очень впечатляющей. Это,

несомненно, была сильная работа. Мор пристально рассматривал ее. Создавалось впечатление, что полотно уже завершено. Спешно пододвинув стул, он сел возле картины.

Рейн изобразила Демойта сидящим у окна на фоне одного из его ковров. За окном виднелся краешек сада и башня школы, чуть более высокая, чем в реальности. На столе перед ним лежали какие-то бумаги, прижатые пресс-папье, и книга, которую старик держал характерным жестом, уловленным зорким глазом художницы. Демойт имел привычку во время чтения прикасаться пальцами к страницам так, будто именно через пальцы к нему переходило содержание книги. Вторая рука, сжатая в кулак, лежала на столе, и над ней возвышался поручень кресла. Взгляд его был устремлен вперед, в пространство комнаты. Это была поза человека, который лишь на минуту оторвался от чтения, чтобы углубиться в собственные мысли, навеянные книгой. На чрезвычайно ярком и нарядном фоне голова Демойта выделялась необычайно сильно. Лицо было спокойно; в изогнутой линии губ чувствовалась скорее легкая задумчивость, нежели сарказм, безусловно, более свойственный Демойту. «Должно быть, таким он становится, когда никого рядом

нет, — думал Мор. — Если бы не портрет, я бы никогда этого не узнал». Черты лица были прорисованы детально — бесчисленные морщины, выцветшие стариковские слезящиеся глаза, волоски в ушах и ноздрях. Мор понял, что он впервые по-настоящему видит Демойта, и с этой мыслью неожиданно явилось сострадание. Это и в самом деле было лицо очень старого человека. Вопреки сочному цвету ковра в целом колорит картины был неярок. Небо бледное ровной меланхолической бледностью, деревья собраны в темную и чуть тревожную массу.

Мор очнулся. Он вспомнил, что не один в комнате. Вокруг все молчали, тоже потрясенные картиной. Пруэтт произнес какие-то слова. Но Мор не расслышал. Он встал. Рейн — выдающаяся художница. Мор был поражен. Не то чтобы он не верил в ее дарование, нет, он просто не задумывался об этом. И вот теперь, позволяя этому открытию раскачиваться в сознании с постоянством возвращающегося маятника, вновь и вновь, он ощутил в сердце до боли глубокую страсть и сожаление.

— Мисс Картер, — заговорил Эвви, — я ждал многого, но результат превзошел все мои ожидания. Благодарю вас.

— Замечательная картина, — подхватил Мор, будто откуда-то издалека слыша свой голос.

— Она уже закончена? — поинтересовался Эвви.

— Разумеется нет! — подойдя к картине, ответила она. — Тут столько всего надо еще сделать. — Она протянула руку и нарушила линию фона, проведя длинный мазок на золотисто-коричневом ковре.

Присутствующие вздрогнули. У Мора отлегло от сердца. Еще нет, значит, еще нет.

Демойт выступил вперед. Он сказал:

— Я начинаю чувствовать себя тенью этого творения. При всем при том у меня еще сохранилась способность наблюдать, и поэтому замечу, что высказали свое впечатление все присутствующие, кроме одного, чье мнение наверняка особенно интересует мисс Картер. — Он посмотрел на Бладуарда.

И вслед за ним остальные тоже посмотрели на Бладуарда. Мор взглянул на Рейн. Она явно волновалась. «Странно, — подумал Мор, — неужели мнение Бладуарда для нее столь важно?»

Бладуард не торопился. Он пристально изучал картину. Несколько раз он как бы уже решался заговорить и наконец решился:

— Мисс Картер, это интересная работа, можно сказать, талантливая работа… — Тут он замолчал, но, несомненно, предчувствовалось продолжение. — Но… — И снова молчание, будто подготавливающее слушателей к чему-то важному. — Ваша картина *слишком* красива.

— Вы хотите сказать, что на самом деле я — безобразное старое чудовище… и именно так меня следовало изобразить? — вмешался Демойт. — Может, вы и правы.

Бладуард принадлежал к числу тех немногих, кто умел не слышать Демойта. Он продолжил:

— Это вопрос голов… головы, мисс Картер. Вы решили изобразить ее как одну из ряда деталей, выписанных действительно умело, не отрицаю. Иначе говоря, зрителю предстоит любоваться именно этим совершенным рядом деталей. Единственным результатом избранного вами пути стало то, что хотя ваш портретируемый и выглядит старым, но не выглядит смертным. В картинах, наделенных могуществом, свойственным шедеврам, именно голова есть то, что нас впечатляет. Голова должна читаться как совокуп… совокупность объемов. Умение уловить характер — это, несомненно, очень хорошо. Но пока это всего лишь *живопись*, мисс Картер.

Наступило молчание.

— Вы абсолютно правы, — растерянно заикивала Рейн. — Да, да, да, вы правы… Боже мой, не годится, никуда не годится. — Она махнула рукой и отвернулась.

Все, кроме Демойта и Бладуарда, казались смущенными. Бладуард, высказав свое мнение, вернулся к изучению картины.

— Наверняка мистер Бладуард не хотел сказать… — начал Эвви.

— Если вы не хотите явиться к окончанию матча, пора выпить чаю и отправляться, — глянув на часы, произнес Демойт.

Пруэтт и Эвви взяли чашки из рук мисс Хандфорт. Мор отказался от чая. Рейн стояла у стола, держа в руках чашку и мрачно глядя в сторону картины. Мор подошел к ней.

— Может, Бладуард и прав, не знаю, — сказал он, — но это, несомненно, хорошая работа… и если есть слабые места, то вы можете их доработать.

Он наклонился к ней, почувствовав свежесть ее платья, и ему вспомнилось, как пахла ткань, когда он обнял ее. Он презирал свою неуклюжесть. Эта рубашка с длинными рукавами. Подмышки пропотели, и подбородок в щетине. Он отстранился, понимая, что эта близость может быть ей

неприятна.

— Голову надо будет писать снова, — вздохнула она. Поставила чашку на стол и повернулась к Мору. Он осознал, что она снова рядом, и от этого блаженное чувство легкости охватило его. Он прошептал:

— Какое счастье, что машина опять на ходу. — Находящиеся в комнате не могли расслышать его слов.

Рейн прикоснулась к чашке. Вероятно, она хотела что-то сказать, но передумала.

— Через минуту мне надо уходить, — заторопился Мор, — и, пользуясь этой возможностью, я хочу сказать, мне очень жаль…

— А не хотите вечером поужинать со мной и мистером Демойтом в «Голове сарацина»? — прервала его Рейн.

Мор был удивлен и тронут. Более чудесного предложения он и представить не мог. Но тут же вспомнил, что обязан отужинать в доме Эвви.

— С радостью, но… мне надо быть у Эверарда.

Ему стало ужасно досадно. Может быть, это последняя возможность увидеться с нею… Он взглянул ей в лицо и поразился страстному, едва ли не безумному выражению ее глаз. Он отвернулся. А что, если он ошибся, не разглядел ее

чувств? Он схватился за край стола. Он расслышал, как Эвви говорит:

— Ну, нам пора, как не жаль…

Мор произнес скороговоркой:

— Почему бы вам не заглянуть ко мне вечером на обратном пути с ужина? Предположим, около девяти или чуть позже. — И он назвал адрес.

Глядя куда-то в сторону, Рейн кивнула.

— Да, — выдохнула она.

Эвви прошел мимо, говоря какие-то слова. Гости гуськом вышли за ним. И Рейн повезла их назад, к школе. Она оставила их на площадке и уехала, развернув машину так стремительно, что шины заскрежетали по гравию. Эвви и Пруэтт направились к крикетному полю. На территории школы было пусто и тихо. Полый звенящий звук ударов по мячу слышался издалека. Там вновь началась игра. Бладуард пробормотал что-то и пошел в сторону изостудии.

Мор остался в одиночестве. Солнце садилось. Птицы прохаживались вдоль обочины, отбрасывая на траву длинные тени. Мор долго смотрел на них. И понял, что совершил ошибку.

Глава 11

Было пятнадцать минут десятого. Идя от Эвви, Мор завернул в магазинчик и купил бутылку белого вина и бутылку бренди. Он тщательно прибрал в гостиной, поставил бутылки и бокалы на поднос. Прибавил к ним еще тарелочку с печеньем. И устроившись возле окна, выходящего на дорогу, стал ждать. Еще в обед небо начало хмуриться и к вечеру целиком затянулось плотными черными тучами. Раскаленный воздух дрожал. Вот-вот должна была грянуть гроза. А пока ее предвестники, зной и тягостное безмолвие, будто навсегда завладели миром. Свет померк, и непривычно ранняя тьма угрожающе расползалась вокруг. «Как перед концом света», — сказала проходившая по дороге женщина. И ее голос эхом отразился в плотном, сгустившемся воздухе.

А Мор сидел у окна и не мог побороть дрожь. Он не решался включить свет. Он не чувствовал никакой радости, никакого воодушевления от того, что совершил. Да он и не знал в точности, что именно он совершил. Он раскаивался, что произнес те слова. И ничего не было бы, если бы не *то* выражение ее лица. Впрочем, неясно даже,

что же означало это выражение. Зато, несомненно, он сделал еще один шаг по дороге, ведущей в тупик. Теперь им обоим еще труднее будет рассеять ту двусмысленность, которая уже начала формироваться между ними. Действительно ли что-то возникло? А может, лишь показалось? Лучше поверить, что лишь показалось. И в какие-то моменты ему удавалось верить.

Сначала он успокаивал себя мыслью, что, может, она еще и не придет. Она, должно быть, поняла, что те слова он произнес сгоряча и теперь сожалеет о них, а значит, надо сделать вид, что ничего и не было сказано. В конце концов, он ведь молчал пять дней, и она наверняка это учла. Он до боли отчетливо увидел себя со стороны — мужчина средних лет, обманывающий свою жену, неловкий, жалкий, нелепый. Ну, конечно же, она не придет. Время шло, и, не ожидая радости от ее прихода, он в то же время страшно боялся, что она не придет. И раз сто успел взглянуть на часы. Было уже двадцать минут десятого. За окном почти совсем стемнело.

И вдруг послышались шаги. Кто-то прошел по дорожке. Она! Подошла к крыльцу, а он и не заметил. Сквозь темное окно он напряженно следил за ней. Она поднялась на ступеньку. Порылась

в кармане плаща. Вытащила конверт, опустила в щель почтового ящика, повернулась и быстро пошла прочь.

Не медля ни секунды, он выбежал из комнаты, распахнул входную дверь и в три прыжка пересек дорожку. Увидел маленькую фигурку впереди на дороге. Поспешил следом. Боль в душе мгновенно переплавилась в яростный восторг. Он настиг ее, когда она уже готова была исчезнуть за поворотом дороги, и схватил за руку. Будто вора. Молча потащил назад к дому. Она не сопротивлялась. Они пробежали по дороге. Он крепко держал ее за руку. Накрапывал дождь. Они влетели в дом, словно пара птиц. Он затворил дверь.

В темноте коридора он повернулся к ней. Оба едва дышали.

— Рейн, — выдохнул он. — Рейн. — Ему нравилось произносить ее имя. Он поднял с пола письмо. — Тут написано, что вы не придете?

— Да. — Она прислонилась к стене.

— Но почему? — спросил едва слышно. Тревога вдруг отпустила его. — Снимите плащ.

Она сняла плащ и повесила на крючок. Она по-прежнему стояла у стены. Он приблизился и подхватил ее на руки. Она была совсем легонькая. Он понес ее в гостиную, затворил дверь ногой и

осторожно положил на диван. Потом задернул занавески и зажег одну из ламп.

— Можно прочесть письмо? — спросил он.

— Да. — Она не глядела на него.

Мор открыл конверт и прочел:

«Простите. Мне не надо было приглашать вас на обед и отвечать положительно на ваше предложение. Больше ничего не надо говорить. Сожалею о своем легкомыслии».

Он сунул письмо в конверт. Задумчиво вытащил из кармана сигареты, предложил одну ей, другую взял себе. Неизвестно почему, но сейчас он чувствовал себя удивительно свободно. Да, кашу он заварил ужаснейшую. Да, ошибся и потянул за собой другого человека. Да, предстоит искать выход. Но сейчас, в эту минуту, вокруг возник оазис покоя. Он догнал ее, привел назад, она лежит перед ним, не торопится уходить, да он и не отпустил бы ее. Глубоко внутри он ощутил такую же радость, какую испытал в тот первый день, когда погладил живое теплое дерево станционной калитки. Он любил ее.

Он повернулся и взглянул на Рейн. Она глядела на него. Он знал, что сейчас на его лице отражается торжество. И не хотел прятать от нее это торжество. Она покачала головой:

— Мор, это ошибка.

— Ты *хотела* прийти?

— Конечно, я хотела прийти. Очень, очень хотела прийти. Но не надо было приходить. Если бы я не хотела, если бы я раньше поняла, чем все обернется, я бы не рискнула принести письмо… я бы попросту не пришла. Но меня мучила мысль, что ты ждешь и ждешь.

— Так ты хотела прийти! — Он не мог в это поверить. — Белого или лучше бренди, что будешь пить? — В эту минуту ему хотелось только одного — чуть-чуть беспечности.

— Бренди. — Она села и рукой нервно взъерошила свои черные волосы. Дождь теперь лил вовсю. Капли все громче, все тревожней стучали по крыше. Блеснула молния, и следом оглушительно прогремел гром. Они не пошевельнулись, лишь глядели друг на друга.

— Я, пожалуй, тоже выпью бренди, — сказал Мор. — Это все как-то так неожиданно. — В комнате становилось все холоднее. Дождь барабанил все громче. Мор включил электрокамин.

Подошел к дивану и встал на колени.

— Милая, дорогая. — Он смотрел на нее так изумленно, словно не верил, что это действительно она. — До сих пор не могу поверить, что тебе

захотелось прийти. Удивительно. *Ты* захотела видеть *меня.* — Он коснулся ее волос.

Рейн забрала бокал из его руки и поставила на пол. Обняла за шею и начала притягивать к себе, пока его голова не легла к ней на грудь. Она прижимала его, гладила по волосам. Мор лежал неподвижно. Глубокий покой и радость были с ним. Он мог бы сейчас умереть. Долгое время они лежали так. То и дело прокатывался гром, дождь не ослабевал.

Наконец Мор поднял голову и начал целовать ее. Она возвращала ему поцелуи с той же страстью, обвивая его шею, притягивая его голову к себе. Насытившись поцелуями, они легли рядом, лицом друг к другу.

— Когда ты это почувствовал? — спросила Рейн. Мор задумался.

— Мне кажется, с самого начала, как только ты взяла меня за руку, там, на ступеньках сада. Помнишь? В тот первый вечер, когда мы встретились. Меня невероятно тронуло, что ты взяла меня за руку. Но я не осознавал своего чувства вплоть до того дня, когда отыскал тебя в лесу. О, Рейн. Как же я тебя искал в тот день!

Она погладила его лицо, в ее глазах сияла нежность.

— В тот день случилось чудо. Ты пришел и освободил меня от заклятья.

— А когда ты впервые… — он не мог найти слова, — …обратила на меня внимание?

— Мор, дорогой — засмеялась Рейн. — Наверное, это произошло, когда я рисовала тебя в доме Демойта, вот тогда, наверное, мне пришло в голову, что, возможно, я… влюбилась в тебя.

Потрясенный этими словами, Мор неотрывно глядел на нее.

— Непостижимо!

— Вот почему я тогда так рано ушла спать. — Рейн снова рассмеялась, но в ее глубоком счастливом смехе слышался отзвук слез. — И вот почему я не показала тебе набросок. Подумала, ты лишь взглянешь и тут же догадаешься, что я влюбилась.

— Подаришь мне этот рисунок?

— Мне хочется его сохранить для себя, но я тебе покажу.

— Рейн, это такая мука была, эти последние несколько дней. Мне до смерти хотелось тебя видеть.

«И только потому не умер, что все же надеялся увидеть», — мысленно досказал он.

— Я знаю… я тоже… думала только о тебе.

Понимала, что не должна идти на стадион. И сдерживала себя все утро и весь день. Но потом не выдержала. Я не могла не пойти.

«Это судьба, — думал Мор, — это какая-то высшая воля. Мы оба сопротивлялись, но оказались побеждены. — И тут же возразил самому себе: — Нет, это наша воля. И сознание этого должно придавать нам бодрость и силы». И он торжествующе обнял ее.

— Мор, — прошептала она ему на ухо. — Мор, мы не должны этого делать, мы ведем себя как сумасшедшие.

Мор слушал, и ее слова проникали в его мозг, становясь его собственными мыслями. Это были болезненные мысли. Он продолжал прижимать ее к себе. Такую боль невозможно вынести. А если нельзя вынести, значит, надо искать способ избавиться от этой боли.

— У нас нет будущего, — прошептала Рейн.

Он почувствовал ее слезы на своих щеках. «Она храбрая девочка, — подумал он. — Сказала это так легко. Но для меня время еще не пришло». Он держал ее в объятиях и в то же время напряженно думал.

— Мор, пожалуйста, не молчи.

— Дорогая моя, — сказал он и снова присел на

корточки. Недопитый бокал бренди стоял рядом. Он отпил немного. Рейн тоже чуть отхлебнула. «Мы плывем вместе, как рыбы, — подумал он. — Нас окружает мир, где одиночество неизбежно. Но, по крайней мере, сейчас мы вместе». Бренди придало ему храбрости. Невозможно, немыслимо отпустить ее. Но что же делать?

— Я не знаю, что делать, но мне хочется и дальше видеть тебя. — Произнеся это вслух, он как будто сбросил с себя часть тяжелой поклажи.

Рейн молчала.

— Я знаю, — наконец произнесла она, — мне надо сказать «нет», но я не могу. Если тебе хочется видеть меня, значит, так тому и быть. Но мы сумасшедшие.

Он почувствовал себя совершенно свободным.

— Неужели ты действительно полюбила меня? — сказал он. — Постарайся понять, что ты на самом деле чувствуешь. Давай не будем спешить и хотя бы это выясним до конца.

Сказанное ему понравилось. По крайней мере, хоть какой-то намек на твердую почву. Ведь пока еще все так неясно. Вполне возможно, чувства Рейн к нему не так уж и глубоки, и если это так, значит, и нет никаких трудностей, по крайней мере, тех трудностей, которые могли бы возник-

нуть. Надо подождать, и тогда станет ясно, каковы их подлинные чувства… а пока встречаться как ни в чем не бывало и терпеливо ждать.

— Не обманывай себя, — попросила Рейн. — Если мы сейчас не понимаем своих чувств, то вряд ли когда-нибудь их поймем. Если вообще есть то, что называют влюбленностью, значит, мы влюблены друг в друга.

«Господи, какая искренность!» — подумал Мор. Но он не хотел идти вслед за ней туда, откуда не будет выхода. И тут же нашел ответ.

— Ну хорошо, назовем это любовью… хотя как ты можешь меня любить? Это для меня загадка. Но я против скоропалительных решений, ведь мы же не расстаемся прямо сейчас. Нам надо подождать. Сейчас я слишком волнуюсь, чтобы принимать какое-то решение… кроме того, что мы уже приняли.

Рейн покоилась в его объятиях. Она допила бренди.

— Мор, — ее голос чуть задрожал, — о каком *решении* ты говоришь? Ты женат. Ты не собираешься бросать жену… и этим все сказано. Видеться мы будем, но в конце концов мне придется уехать. — Она спрятала лицо у него на груди.

Мор задумчиво покачивал ее в своих объятиях.

Оставить Нэн? Но так ли уж это невероятно? Предположение было таким ошеломляющим и явилось так неожиданно, что у него перехватило дыхание. Нет, лучше об этом не думать. По крайней мере, не сейчас. Нужно время, а пока… держать Рейн в объятиях, убеждать, что ему можно верить, что надо запастись терпением.

— Знаешь, давай не будем больше мучить друг друга. — Его тон успокоил ее. Некоторое время они провели в молчании.

— Ты любила кого-нибудь прежде? — Он лежал рядом с ней, и она положила голову ему на плечо.

— Да. А тебя это обижает? Я полюбила, когда мне было девятнадцать, в Париже, он был художник. — Она вздохнула.

Мор ощутил острый укол ревности. В девятнадцать лет!

— Он был французом? И что же произошло дальше?

— Да, французом. Ничего не произошло. Он не понравился моему отцу. Мы расстались. Он женился. — Она снова вздохнула, очень глубоко.

Он страстно прижал ее к себе. Он хотел ее.

— Кажется, ты вслед за мистером Эверардом думаешь, что мне страшно *весело* жилось во

Франции… но это не так. На самом деле мы жили на юге очень скромно и редко выезжали в Париж или Лондон. Отец ревниво относился к моему окружению.

Мор пытался представить эту жизнь. Удалось с трудом.

— Ты расскажешь мне подробней о себе… со временем. — Это была утешительная фраза.

Мор глянул на часы. Оказывается, уже половина двенадцатого. Теперь, зная, что обязательно вновь увидит ее, он уже не тревожился, что она сейчас уйдет. Сердце ему подсказывало, что после всего здесь сказанного между ними возникла прочная связь… и ему не хотелось встревожить Демойта, а так и случится, если она вернется слишком поздно. Он сказал:

— Ты должна идти домой, детка.

Рейн поднялась, на лице ее читалось смущение.

— Глупо, но я сказала Демойту, что еду в Лондон и вернусь только утром. Я сказала это, чтобы уйти, иначе пришлось бы просидеть с ним весь вечер. И я действительно собиралась, бросив письмо, сесть в машину и уехать в Лондон. Машина стоит возле школы. Что же мне теперь делать?

— Можно вернуться к Демойту и сказать, что

передумала. Но это будет как-то странно выглядеть. Он догадается.

— Мне очень не хочется обижать его.

Они избегали смотреть друг другу в глаза. Дождь барабанил в стены со всех сторон.

— Впрочем, почему бы тебе не остаться здесь. В такой ливень глупо куда-то выходить. Переночуешь в комнате Фелисити. Я сейчас пойду и сменю белье.

Он уже собрался идти, но она остановила его.

— Мор, ты предлагаешь мне остаться и не сомневаешься, что…

Мор опять опустился перед ней на корточки.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Запомни хорошенько, я тебя люблю. — И он поцеловал ее.

Поднимаясь по лестнице, Мор думал: «Это невероятно, это прекрасно, она все же осталась в моем доме». Он начал стелить постель. Ему хотелось петь.

Рейн поднялась следом.

— Ложусь спать, ужасно устала.

Мор тоже чувствовал себя невероятно утомленным и не сомневался, что этой ночью бессонница ему не грозит. Он присел на краешек постели и привлек ее к себе на колени. Она обняла его за шею.

— Мор, еще одно… А вдруг твоя жена вернется ночью?

— Ну что ты, дорогая. Она же в Дорсете. И в любом случае ночью она не вернется. Я знаю, что она в Дорсете.

— И все же мне страшно. Если она вдруг вернется, я умру.

— Не вернется… а если и так, то ты не умрешь. Слушай, что я сделаю. Все двери внизу у нас с засовами. И я запру их, в том числе и дверь из коридора на улицу, значит, никто не сумеет открыть, даже ключом. Если жена вдруг вернется, раздастся звонок, и пока я буду открывать, ты уйдешь через заднюю дверь. Но это все просто фантазии. Никто не приедет.

Он ушел из спальни. Спустился и запер двери. Когда вновь оказался возле ее комнаты, свет уже был выключен. Он тихо пожелал ей спокойной ночи, услышал столь же тихий ответ и ушел к себе. Дождь не прекращался. Погромыхивал гром. Вскоре он заснул.

* * *

Мор проснулся от пронзительного, настойчивого звука. Вскочил и увидел, что уже утро. Холодный белесый свет заливал комнату. Дождь

все еще шел. Он мгновенно вспомнил о прошлой ночи. Рейн у него в доме!

И снова этот звук. Мор похолодел. Это был дверной звонок. Длинный, упорный, потом молчание. Кто мог звонить в этот час? Он стоял в пижаме, боясь сделать шаг. Звонок прозвенел опять и опять, две коротких настойчивых трели. Это Нэн, понял он, никто другой так звонить не может, как будто имеет право войти. Страх и ужас наполнили его. В бледном свете он заметался по комнате, надел халат и тапочки. Опять звонок. Мор вышел на площадку.

И в этот момент отворилась дверь спальни, и вышла Рейн. Она была одета. Должно быть, расслышала звонок раньше, чем он. Она держала в руках чулки, как тогда, около реки. На ее лице он прочел свой собственный ужас. Звонок не смолкал. Соседи в окрестных домах наверняка уже проснулись и прислушиваются. В бледном молчании утра этот трезвон казался просто душераздирающим.

Мор взял Рейн за руку. Они оба не осмеливались произнести ни звука. Он повел ее вниз. Она дрожала и шла с трудом. Мор тоже дрожал от макушки до пяток. А звон продолжался. И затих, только когда они достигли конца лестницы. Они

остановились в нескольких шагах от двери. Мор затаил дыхание. Их шаги наверняка расслышали снаружи. Хотя дождь все еще барабанил и, может быть, стук капель заглушил шаги.

Он провел Рейн через кухню и снял засов с двери. Руки у него так тряслись, что он едва справился. И тут снова зазвонили. Мор отворил кухонную дверь и указал на калитку в изгороди, за которой пролегала дорога. На секунду обнял ее и пошел к входной двери.

Сердце у него колотилось. Кто знает, что за демон ярости и подозрения встанет сейчас перед ним. Он предчувствовал, что Нэн набросится на него, как только он откроет дверь. Он начал медленно отодвигать засов. Дверь открылась.

Мор замер от изумления. На ступеньке спиной к двери стоял какой-то мужчина. Он повернулся и взглянул на Мора с таким же удивлением. Так они и стояли, глядя друг на друга. Мор узнал этого человека. Похожий на цыгана незнакомец из леса, игравший в карты сам с собой. И тут Мор понял, что произошло. Цыган искал, где бы укрыться от дождя, забежал сюда, под навес, и, сам того не ведая, давил спиной на звонок.

С неистовым чувством облегчения Мор прижал руки к лицу. И тут же в нем поднялся гнев

на цыгана за то, что тот заставил его пережить такой страх.

— Из-за вас проснется весь городок, — прошипел он. — Вы жмете на звонок. Вы не слышите? — Голос его звучал странно после наполненного ужасным предчувствием молчания.

Цыган ничего не сказал. Он не сводил глаз с Мора. Потом не торопясь зашагал по дорожке. Струи дождя безжалостно поливали его черноволосую голову.

Мор затворил дверь. Побежал в кухню. Рейн, наверное, уже далеко ушла. Он выбежал из кухни и почти столкнулся с ней. Она ждала у двери. Он потащил ее назад в дом и сжал в безумных объятиях.

— Мор, Мор, что случилось? — На ее лице все еще отражался испуг, намокшие волосы облепили лицо.

— Это нелепость, нелепость. Мы зря испугались. Это цыган. Тот, что был в лесу. Он спрятался под козырьком и нажал спиной на звонок. — И, прижимая ее к себе, он рассмеялся беспомощно, отчаянно и горько.

— Я так перепугалась!

— И я тоже! — Он все еще смеялся, почти истерически, держа ее в объятиях.

— Мор, ты дал ему денег?

— Нет. Разумеется нет. Я так на него разозлился.

Рейн освободилась из его рук.

— Пожалуйста, пожалуйста, дай ему денег. Если бы мы тогда дали ему денег, он сейчас не пришел бы. — В ее глазах застыл настоящий ужас.

Мор почувствовал, как холодок пробежал у него по спине.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас за ним побежал? Он, наверное, еще не ушел далеко.

— Ступай, пожалуйста. Я знаю, что это глупо, но ступай.

Мор пошел в коридор, набросил плащ поверх пижамы, обулся. Набрал монеток и вышел из дома.

Утро встретило его зябким тревожным молчанием. Дождь монотонно лил с белесого неба. Было около шести утра. Выйдя на дорогу, он посмотрел вдаль, потом обернулся. Цыгана нигде не было видно. Он прошел немного и повернул на дорогу, ведущую к полям. Намокшие туфли звучно шлепали по лужам. И тут впереди, шагах в тридцати, он разглядел цыгана. Мор догнал его и тронул за плечо. Цыган обернулся.

— Извините, — произнес Мор. Неожиданная ро-

бость охватила его. — Надеюсь, вы не откажетесь взять это. Прошу прощения за то, что обошелся с вами так невежливо. — И он протянул монеты.

Мужчина смотрел на него. На нем было поношенное, доходящее до щиколоток пальто с поднятым воротником. В форме облепленной мокрыми волосами головы угадывалось что-то восточное. Лицо его было непроницаемо. Ни удивления, ни тревоги. Он смотрел на Мора так, как смотрят на какую-то вдруг возникшую незначительную помеху. И Мор догадался, что перед ним, возможно, глухой. Этим объясняется и его странный взгляд, и то, почему он не слышал звонка. Не обратив внимания на протянутую руку, цыган повернулся и тем же ровным шагом продолжил свой путь к полям. Отяжелевшие от влаги полы макинтоша хлопали его по ногам.

Мор смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду. Потом медленно побрел назад. Он был до глубины души потрясен — и кошмаром звонка, который все еще не умолкал в его ушах, и немотой цыгана. Он тут же решил, что лучше не признаваться в подобных чувствах. Он шел назад сквозь холодный дождь и неподвижность. С каждой минутой света прибавлялось, но оттенок его оставался все таким же мертвенным. Дождь

все лил и лил. Но он слышал только свои шаги. Спящие дома окружали его. Он прошел через палисадник и, войдя в дом, обнаружил Рейн в коридоре.

— Ты дал ему денег? — в тревоге спросила она.

— Дал.

— Что он сказал?

— Пробормотал что-то вроде «спасибо» и ушел.

Рейн вздохнула, и он снова обнял ее.

Он увел ее в гостиную, задернул занавески и налил бренди.

— Детка, ты провела ужасный час. Мне так больно. Я виноват. Выпей.

Рейн села на софу, держа стакан, а Мор опустился на пол и положил голову ей на колени. И так они сидели долгое время.

Именно эту картину и застала Нэн, когда двадцать минут спустя вошла в гостиную. Она прошла через входную дверь, которую Мор забыл закрыть. Стук дождя помешал влюбленным расслышать шаги. Они увидели ее, только когда она появилась в дверях.

Мор первым осознал, что случилось. Он осторожно отстранился от Рейн и встал. Он уже собрался сказать что-то, но Нэн повернулась и, пробежав по коридору, выскочила на улицу.

Мор хотел тут же бежать за ней, но Рейн произнесла: «Погоди». Она тоже встала. Теперь, когда и в самом деле случилось нечто серьезное, она вдруг стала спокойной. Вот только рука ее, лежащая на его локте, едва заметно дрожала.

— Я должен пойти, — сказал Мор. — Ты подожди здесь. Не уходи. Подожди. — Он старался говорить спокойно.

Второй раз за это утро ему пришлось выбежать на улицу. Он осмотрелся по сторонам. Нэн как в воду канула. То и дело озираясь, он побежал к шоссе. Густая завеса дождя мешала смотреть. Он подбежал к шоссе. Мимо проезжали автомобили, и какой-то велосипедист поднимался вверх по холму. Мор оглядывался беспрерывно. Нэн исчезла. Он еще долго бегал по окрестным проселочным дорогам, высматривая ее. Но так и не нашел. Она как будто растворилась в дождливой утренней мгле.

Глава 12

Первое потрясение Нэн испытала, когда услышала, о чем говорят Фелисити с Дональдом. В доме, который Мор ежегодно снимал для своей семьи, поблизости от Суонэйджа, было два телефонных аппарата — один в гостиной, второй в большой спальне. Раздался междугородный звонок. Нэн не успела подойти к телефону, и Фелисити, решив, наверное, что мать еще не вернулась из магазина, сняла трубку и без утайки поговорила с братом. Нэн не считала, что у детей должны быть секреты от родителей. Поэтому подняла трубку параллельного аппарата, находившегося в спальне, и услышала, к своему удивлению, много интересного.

Из их разговора она поняла далеко не все, и вместе с тем вполне достаточно для подозрения, что за этим кроется еще много чего. Нэн какое-то время просидела в спальне, не зная, что подумать. Сначала ее охватило громаднейшее удивление. Потом гнев. И он смешался с неким даже удовольствием — от появившейся возможности через какое-то время смело уличить мужа в чем-то явно неблаговидном. Дело в том, что по-

сле той ссоры накануне отъезда Нэн испытывала легкие угрызения совести. Хотя вовсе не потому, что так холодно отнеслась к планам мужа; в этом вопросе она считала себя совершенно правой — планы эти непродуманные и неуместные. И все же подозрение, что она перестаралась в своих насмешках, не давало ей покоя. Но услышанного хватило, чтобы ее чувство вины значительно ослабело. Одновременно эти сведения, пусть еще не совсем ясные, можно было считать оружием, приобретенным как раз вовремя. Другой вопрос, выпадет ли случай им воспользоваться? Скорее всего, нет — потому что очень скоро Билл перестанет с ней спорить и согласится, что все его «лейбористские» прожекты ни к чему. Ведь всю жизнь так, сначала не уступает, кипятится, а потом сдается. И все же очень хорошо, что неожиданно появился такой вот запасной аргумент, хотя, безусловно, и малоприятный.

Однако вскоре именно неприятная сторона вышла на первый план. Нэн не находила себе места. Она глубоко верила и в порядочность своего мужа, и в его здравый смысл и именно поэтому в первую минуту восприняла случившееся всего лишь как мимолетный промах с его стороны, который даст ей такое же мимолетное преиму-

щество. Но ее мысли упорно возвращались к мисс Картер. Все больше думая о ней, она все больше убеждалась, какое это хитрое и коварное существо. И какая там наивность! Нет, в каком-то смысле она и в самом деле наивна. Такого разряда девицы способны «наивно» вынашивать самые мерзкие планы, обманывая даже самих себя, живя в атмосфере, настолько пропитанной ложью, что в ней невозможно отличить черное от белого. Неужели Билл влюбился в нее? А что, такие кошечки наверняка могут растрогать сильный пол, пробуждают желание успокаивать и утешать, свойственное всем мужчинам, особенно среднего возраста.

Никогда прежде Нэн о таких вещах не задумывалась. Ни разу в жизни она не усомнилась в полнейшей верности мужа. Да и теперь гнала от себя сомнения. Наверняка дети либо что-то преувеличили, либо недопоняли. Ну, допустим, на минуту потерял голову, но сейчас уже, несомненно, все прошло, растаяло без следа. Наверняка все это пустяк, не более.

А что, если не пустяк? Нэн не находила себе места. Что же делать? Она подумала, не написать ли письмо мисс Картер, и даже начала мысленно составлять это письмо, но бросила, поразившись

собственной несдержанности. Нет, глупо. Никаких улик у нее нет, а мало ли на что такого сорта девица способна, наглости хватит возбудить и судебный процесс. Нэн имела весьма смутные представления о диффамации и устной клевете, а при мысли о фиксации чего-либо на бумаге ее вообще охватывала дрожь. И она предпочитала уговаривать себя, что это наверняка недоразумение и на самом деле ничего нет.

Она бродила по дому и кое-как пережила день. Ей как-то удавалось прятать от Фелисити свои терзания, но к шести часам вечера смятение достигло такой степени остроты, что она решила — надо ехать домой, поговорить с Биллом и выяснить все раз и навсегда. И только после этого отдых вновь станет отдыхом. Она удивилась собственной горячности. Может, все-таки обождать до утра? Попробовала читать книжку. Не получилось. И тогда, объяснив Фелисити, что ей надо съездить в Лондон проведать каких-то знакомых, собрала вещи и поспешила на ночной поезд.

То, что она увидела, потрясло ее. Она оказалась дома в такой ранний час вовсе не потому, что хотела застать мужа на месте преступления, а просто из-за собственного нетерпения и из-за расписания поездов. Нэн и подумать не могла, что

Билл способен привести в дом девушку. Как же она ошибалась! Дело, несомненно, зашло слишком далеко. Она повернулась и убежала, отчасти из-за потрясения, отчасти от необходимости все обдумать перед решающим разговором с мужем.

Спешно уходя под дождем и слыша его шаги за своей спиной в хмурой неподвижности раннего утра, она свернула в боковую улочку и спряталась за гаражами. Там она простояла какое-то время, пока шаги его не стихли. Она прислонилась к изгороди, сжимая в руках сумочку, ногами увязая в мокрой траве. С беспокойством поглядывала на окна дома, рядом с которым оказалась. Занавески задернуты. В окрестных домах люди еще спят. Шарфик на голове промок, и капли начали скатываться за воротник.

И тут, впервые после того, как ей стало понятно, что случилось, она почувствовала себя бесконечно несчастной. Недоумение, гнев, дурные предчувствия, все эти переживания, вплоть до того странного возбуждения, какое, наверное, испытывает охотник, подкарауливающий добычу, она считала вполне допустимыми. Но стать несчастной — такого с ней еще не случалось. Никогда в жизни она не позволяла Биллу доводить себя до точки, после которой насту-

пает подлинное несчастье. Не было и не могло быть никакого повода для подобного чувства. В ее жизни, в жизни благополучной замужней женщины, такого рода переживания — просто *истерика.* А она всегда была противницей истерик. Но сейчас она чувствовала настоящую горечь… и причиной был ее муж. Муж заинтересовался другой женщиной — осознание этого постепенно проникало не только в ее мозг, но и в ее душу. И сейчас, прислонясь спиной к изгороди, промокшая под холодными струями дождя, она все яснее понимала, что оказалась неожиданно вовлечена в какой-то невообразимый кошмар. Ведь она только что убежала из своего собственного дома. Она зажала рот рукой. Слезы потекли по щекам, смешиваясь с дождем. Горе и ужас сотрясали ее.

Потом она пошла по дороге. Мимо домов, за пределы городка, к торговому центру. Магазины еще не открылись, но день вступал в свои права. Уже появились прохожие, спешащие на службу. Дождь затихал. Зайдя в общественный туалет, она привела себя в порядок. Потом вышла и села на автобус, едущий в Марсингтон. Ей хотелось увидеть Тима Берка.

У нее с Тимом были странные отношения. Она знала его более десяти лет, с тех пор как муж,

преподававший тогда в средней школе на юге Лондона, познакомился с этим человеком в ходе каких-то дел, связанных с лейбористской партией. Тим ей всегда нравился. С ее точки зрения, в характере его присутствовала какая-то причудливая утонченность и элегантность, и она помнила, что в те нечастые вечера, когда они приходили с мужем в магазинчик Тима, муж по сравнению с Тимом всегда казался ей мрачным, скучным и неуклюжим. Но она не придавала особого значения этим мыслям, пока в какой-то момент не поняла, что Тим относится к ней с особым вниманием.

Тим всегда вел себя с ней со слегка старомодной галантностью, которую Нэн объясняла его ирландским происхождением и над которой они с Биллом часто смеялись, но вместе с тем эта галантность ей очень льстила. Ее муж не умел быть галантным. И постепенно она начала подозревать, со смесью боли и радости, что Тим Берк, может быть, немножко влюблен в нее. Она не делилась с Биллом своими догадками, не делала никаких усилий, чтобы почаще встречаться с Тимом, но и не избегала его, а попросту внимательно за ним наблюдала. Однажды в девять часов вечера она оказалась с ним наедине в ма-

газине. Билл вышел на улицу позвонить, потому что тогда у Тима еще не было в магазине телефона. Тим принялся надевать ей на шею ожерелье, так он часто делал, когда они приходили в гости. Застегивая замочек на шее, он поневоле обнимал ее. Замок застегнулся. Но он не разжал рук. И вдруг поцеловал ее в губы.

Нэн была потрясена и обескуражена. Она оттолкнула его. Билл пришел через минуту, и поэтому они не успели ничего сказать друг другу. И позже ни один из них к этому случаю не возвращался. В течение некоторого времени Нэн избегала Тима, и если виделась, то лишь в обществе Билла. Нэн казалось — всем своим поведением Тим дает ей понять, что очень сожалеет о том, что случилось, при этом оставаясь все таким же галантным и предупредительным. Но Билл ничего не заметил, и Нэн ничего не рассказала ему. Это было четыре года назад. Со временем неловкость ушла, и Нэн вспоминала этот случай уже не с болью, а с какой-то печальной теплотой. И ей хотелось верить, что Тим тоже вспоминает. Она тешила себя надеждой, что вспоминает. Это все было так мимолетно. Но воспоминание об этом придавало особый оттенок тем случаям, когда, всегда в обществе мужа, Нэн позволяла

себе видеться с ирландцем.

В автобусе, повернувшись заплаканным лицом к окну, она ни разу не спросила себя, уместно ли являться к Тиму в таком настроении. Она попала в *чрезвычайные обстоятельства.* Ей необходима помощь. Она не знает, как быть. Исповедаться кому-нибудь из знакомых дам, например миссис Пруэтт? Ну, эта мысль просто нелепа. Тим, вот кто ей сейчас нужен! Уткнувшись в окно, она плакала, ей было больно. Но чем дальше, тем яснее она различала в своей боли обыкновеннейшее чувство ревности. Она тяжело дышала и довольно громко всхлипывала, прикрывая лицо платочком.

Она вышла из автобуса и поспешила по улице к магазину. И тут же увидела Тима. Хотя еще не было девяти, он открывал ставни. Нэн подбежала к нему, тронула за плечо и сразу вошла в магазин. Тим заспешил за ней. Он успел заметить, какое у нее несчастное лицо. Он запер дверь. Внутри было темно, половину ставень еще предстояло открыть.

— Что случилось? — спросил он.

— Извините, Тим, что врываюсь таким образом. Случилось нечто ужасное. — Она все еще прижимала платочек ко рту.

— С Мором что-то? Или с мальчиком?

— Я застала Билла с этой девушкой, мисс Картер. Вернулась, а они обнимаются, в моем доме, в шесть часов утра! — И она расплакалась в голос.

— О господи! — Он провел ее через магазин в мастерскую. Дождь перестал лить, и солнце осветило крохотный, окруженный белыми стенами дворик, в котором росло невысокое платановое деревцо. Нэн вышла туда. Это было уединенное место. Сюда не мог заглянуть посторонний. Она взялась рукой за тонкий ствол дерева.

— Позвольте ваше пальто, оно совсем промокло.

Нэн отдала ему пальто и взяла полотенце, чтобы осушить волосы. Она села на маленькую скамеечку возле дерева, опершись спиной о стену. Скамеечка была мокрая, но она не обратила внимания. Мир превратился в груду бессмысленных обломков. Телесные страдания и маленькие обломки ее мира кружились вокруг, то затемняясь, то проясняясь. Она с удивительной отчетливостью видела листья платана, еще в каплях дождя. Протянула руку и сорвала один. О существовании Тима она забыла, пока он не пришел и не сел рядом.

— Когда это произошло?

— Что? А, сегодня утром, около шести. — И опять увидела Билла на полу рядом с девушкой, его голова у нее на коленях. Она вновь заплакала и сорвала еще один лист.

— Мы вот что сделаем… выпьем виски, это вас взбодрит. — Он ушел и принес два бокала. Нэн машинально взяла один и отхлебнула золотистый напиток. Закашлялась, но потом почувствовала внутри тепло и приток сил. Ей стало чуточку легче.

Тим допил свой бокал одним глотком. И снова сел рядом. Кто-то стучал в дверь магазина. Он не обратил внимания. Сквозь завесу своего горя Нэн начала различать, что он в растерянности. Не знает, как ему быть. Нэн всегда сердилась, когда видела, что другие не знают, как себя вести. Она всегда знала и все решала сама. Но сейчас ей хотелось, чтобы решал кто-то другой.

— Вы не знали, что происходит? — спросила Нэн, утерев слезы. Это движение ее взбодрило. — Неужели вам не случалось видеть их вместе?

— Увы, не случалось. Но вы знаете, там, скорее всего, и нет ничего серьезного. Вскоре все выяснится. Не сердитесь уж слишком на Мора.

— При чем здесь «не сердитесь»! — взорвалась Нэн. Сердиться на Мора или не сердиться — не об

этом сейчас надо говорить. Тут совсем другое.

— И как же вы поступили?

— Выбежала из дома и приехала сюда. — Она допила виски, и Тим налил еще. Она вновь потянулась к дереву.

— Мой вам совет, возвращайтесь домой. Мор, несомненно, ждет вас и страдает.

«Вернуться, да», — подумала Нэн. Настоящая боль не в том состояла, что мир превратился в груду осколков. В этом как раз было освобождение от боли. Настоящая боль в том, что мир остался таким же, как и прежде, цельным, незамысловатым, и как же тяжко в жить этом прежнем мире.

— Не сердитесь на Мора. Ему будет нелегко. И вы *сильнее* его в любом случае. Да, вы сильнее, и сами это знаете.

Она знала. Ей предстоит справиться с этой ситуацией, как раньше справлялась со многими другими, руководя Биллом, сглаживая последствия его неуклюжести, ведя его вперед. Она должна справиться и с этим. Мысль была нерадостная, но в чем-то утешительная.

— Я выйду, отыщу такси. А вы отдохните и не думайте, что вам сказать. Пусть *он* ищет слова.

Он хочет, чтобы я ушла, поняла Нэн, хочет от меня отделаться, убрать эту скандальную исто-

рию из своего дома. Она не чувствовала никакой враждебности к Тиму. В ярком свете дня она видела его лицо очень близко, бледное, болезненное, искаженное беспокойством и растерянностью.

Она потянулась и взяла его за руку. Они сидели какое-то время рядом, неуклюже-чинно, словно позируя для старомодной фотографии. Поставив бокал, Нэн другой рукой сорвала еще несколько листьев. Солнце начинало пригревать. Это была странная пауза.

Потом подняла глаза и взглянула на Тима. Он пристально смотрел на нее. Она не отвела глаз.

— Идемте в дом, — вдруг сказал он и потянул ее за руку. — Идемте, посидите в кресле.

Нэн встала. Двор медленно поплыл перед глазами. Должно быть, виски ударило в голову. Она снова села. И снова нахлынуло ощущение ужаса. Все, что было во дворе, предстало перед ней с пугающей четкостью. Она сделала усилие и снова встала. Двор выглядел очень странно — наполнился каким-то блеском и расширился. Она поняла, что оборвала почти все листья с платана. Дерево, некрасиво оголенное этой преждевременной осенью, отбрасывало тень на бугристую, курящуюся под солнцем стену. Необычный свет падал откуда-то сверху. Нэн подняла голову и

увидела прямо над своей головой, на фоне оловянного неба, радугу. Она поежилась и прошла через дверь, которую Тим отворил перед ней.

В маленькой мастерской было совсем темно. Тим обычно работал здесь при свете неоновой лампы. Нэн споткнулась о грубую ножку рабочей скамейки. Глубокое кресло стояло в дальнем темном углу, громоздкая ветхая махина, низвергнутая из маленькой верхней гостиной какое-то время назад.

Тим повел ее в угол. Заговорив о чем-то, Нэн повернулась к нему. Секундой позднее, частью от толчка Тима, частью от своей собственной неустойчивости, она упала на пружинное сиденье. Она лежала распластанная, неожиданно ставшая беспомощной, ноги вытянуты, высокие каблуки торчат в стороны. Через маленькое окошечко увидела клочок серого неба и обломок радуги. Тим склонился над ней, опершись руками на подлокотники. Он придвигался все ближе, заслоняя окно. Потом, упершись коленом, навалился на нее, обнимая обеими руками, и, наконец, его тяжелое тело заставило ее утонуть в глубинах кресла.

Нэн лежала безвольно. Одна рука у него на спине, другая на рукаве, не вцепившись, а, ско-

рее, отдыхая, как пара уставших птиц. Плечом он надавливал ей на подбородок, и голова ее погружалась в пропахшую пылью обивку. Несколько минут она лежала неподвижно, уставясь над его плечом в полузакрытую дверь, за которой темнело помещение магазина. Потом сделала легкое движение, стараясь освободить подбородок. Она начинала осознавать, что ей нравится ощущать на себе тяжесть его тела, и не просто нравится. И все же, обманывая себя, она попыталась освободиться.

Почувствовав ее движение, Тим приподнялся и начал легонько отодвигать ее, чтобы лечь рядом. Минуту они возились — Нэн, убирая руки и неуклюже отодвигаясь в сторону, при этом ее каблуки царапали по полу, а Тим, устраиваясь рядом с ней и при этом не выпуская ее из объятий. Потом они вновь замерли, глядя друг на друга. Нэн слышала, как бьется ее сердце. Она чувствовала легкую панику и какое-то неудобство, глядя на бледное лицо Тима, его влажные раскрытые губы так близко от себя. Потом она обняла его руками за шею и притянула к себе, отчасти ради того, чтобы не видеть эту муку, застывшую в его глазах.

— Нэн, я люблю вас, и вы это знаете, правда? Мне хочется что-нибудь сделать для вас, что-ни-

будь хорошее.

— Да, — ответила Нэн. Она знала, что испытываемое ею странное спокойствие долго не продлится.

— Я так мечтал поговорить с вами, рассказать о многом, — прошептал он ей в самое ухо.

— О чем же? — спросила она, чутко улавливая голоса проходящих по улице людей.

— О всяких глупых вещах. Об Ирландии, о детстве, о чем только вам и могу рассказать.

«Он собирается рассказывать мне о своем детстве», — думала Нэн. И тут же увидела себя со стороны — утро, она лежит в кресле и слушает воспоминания Тима. «Наверное, я пьяна», — подумала она. Она сделала еще одну попытку встать.

На этот раз, взявшись за спинку кресла, Тим начал сползать, пока не встал перед ней на колени, а она подтянулась и села. Тонкое облачко пыли окружило их запахом прошлого.

Увидев его лицо, она вновь почувствовала отчаяние. То, что они сейчас пережили, на самом деле всего лишь бессмысленная пауза. Еще минута, и им обоим станет неловко.

— Вызовите мне такси.

Тим встал и прошел в магазин, затворив за собой дверь. Она слышала, как он вышел на ули-

цу. Она начала искать свою сумочку. Оглядела себя в зеркальце. В тусклом свете увидела свою растрепанную голову и снова тихо заплакала. Но к тому времени, когда Тим вернулся, она уже успела причесаться и слегка припудрить нос.

Они встретились в дверях магазина. Он обнял ее за талию.

— Боже мой, — сказал Тим, и голос его сорвался.

— Такси приедет?

— Через полминуты.

Нэн глянула ему в лицо. Теперь он больше не пугал ее. Наоборот, ей вдруг отчаянно захотелось остаться у Тима и говорить с ним, говорить обо всем, об Ирландии, о его прошлой жизни, ей неведомой, о его надеждах и страхах и о том, когда же он влюбился в нее. Вот он стоит перед ней, бледный, растерянный, сильный, своими большими ладонями обнимая ее тело. Близкий, таинственный, непохожий на нее, наполненный до краев своей собственной историей.

Раздался громкий стук в дверь.

— Такси, — сказал Тим.

Они посмотрели друг на друга.

— Отошлем его назад? — спросил он.

Нэн молчала. Ей хотелось, очень хотелось

узнать его, этого человека, стоящего сейчас перед ней. Как же случилось, что она так мало знает о нем! В сокровенности и неповторимости его прошлого, во всех тех причинах, которые привели его путями, о которых он никогда не рассказывал, к настоящему моменту, для нее хранилось обещание утешения и долгой, долгой радости открытия.

— Если бы вы могли прийти ко мне… быть со мной…

Нэн отвернулась от него. Холодная, беспощадная реальность ее ситуации, невыносимая нелепость ее нынешнего положения вернулась к ней. Она покачала головой.

Заметила стоящий на буфете стакан виски, взяла и допила единым глотком. В дверь снова постучали.

— Откройте, — приказала Нэн.

Тим повозился с задвижкой, и бледный свет утра широкой полосой лег на пол магазина, простершись до того места, где стояла Нэн. Таксист ждал на дороге.

Нэн прошла вперед.

— Не забывайте обо мне, — попросил Тим, когда она проходила мимо.

— Да, — кивнула Нэн.

— Не забывайте, — повторил он, выйдя следом за ней и остановившись в дверях.

Нэн села в такси. Через минуту оно уже уносило ее прочь. И горечь вновь наполнила ее. По пути она все думала, каким же будет этот предстоящий разговор с Биллом. В ее прежней семейной жизни не случалось ничего хотя бы отдаленно похожего на сегодняшнее событие. В той прежней, мирной, жизни она всегда знала, как и о чем они с Биллом будут говорить. О чем бы они ни говорили, это все равно уже проговаривалось прежде настолько часто, что реплики можно было произносить и мысленно. Для каждого типа семейного спора существовало свое давно проложенное русло и свои вопросы, да и ответы каждый знал назубок. Это одна из особенностей семейной жизни, делающая ее такой убаюкивающей. Но отныне все слова придется искать заново. Из еще неведомых слов должен будет возникнуть еще неведомый мир. Нэн не знала, что она скажет… но, вопреки мнению Тима, это она будет говорить, а не Билл. Возможно, он скажет, что виноват? Что люди обычно говорят в таких случаях?

Нэн вышла из такси. Тим заранее оплатил проезд. Таксист помог ей выйти. И посмотрел таким странным взглядом. «А, наверное, от меня

сильно пахнет виски», — догадалась она. Подумав об этом, она покачнулась, и висящий перед ее глазами дорожный указатель накренился под неожиданным углом. Она почувствовала легкое головокружение, никак не связанное с ее настроением. Такси уехало, и она принялась рыться в сумочке, ища ключ. И никак не могла найти. Наверное, остался утром в дверях. Она посмотрела на дверь. Ключа не было. Она стояла в растерянности.

Ей очень не хотелось, чтобы Билл узнал, что она пила виски. Значит, надо будет держать его на расстоянии. Она решила не звонить, а обойти дом и проникнуть с тыла, через гостиную, дверь которой обычно оставляли незапертой. После чего, держа дверь нараспашку, поговорить с Биллом. Мысли двигались медленно. Там Билл. Он один. Она победит его. Это касается только их двоих.

Держась за стену, Нэн пошла вокруг дома. Она чувствовала смертельную усталость. Но когда подошла к двери гостиной, оказалось, что дверь заперта изнутри, очевидно на засов. Вот так неожиданность. Она подергала ручку, но напрасно. И тогда решила влезть через окошко, расположенное рядом с дверью и доходящее почти до самой земли. Рама, кажется, была не

защелкнута. После дождя почва стала рыхлой, и туфли тонули в грязи. Она нажала на раму, приподняла и забросила одну ногу внутрь.

— Нэн, что ты делаешь? — раздался за ее спиной голос Билла. Он только что вошел в садик через боковую калитку. Нэн краем глаза заметила его.

Промолчав, она упорно старалась перелезть через окно. У нее получилось лишь наполовину, то есть одну ногу она перекинула внутрь, а вторая оставалась снаружи. Комки земли падали с подошвы на диванные подушки. Вторая туфля осталась лежать снаружи, утонув в размякшей земле.

— Нэн! — вновь голос Билла. Он направился к ней.

— Отойди! — закричала Нэн. Она яростно толкала раму. Билл все же подошел к ней. Взялся одной рукой за плечо, другой нажал снизу и таким образом протолкнул ее внутрь. Она упала на диван. С всепоглощающим, изо всех сил сдерживаемым желанием лежать и плакать от глупости всего происходящего.

Она села. Билл все еще стоял у окна, заглядывая внутрь. Он держал в руке ее туфлю и пытался сбить с нее землю.

— Билл, — сказала Нэн громко и отчетливо, —

сколько это длится?

— Подожди минутку, я сейчас приду.

Как только он отошел, Нэн вскочила с дивана и широко распахнула двери. Потом пододвинула софу поближе к дверям и вновь легла, подоткнув под голову подушку. Отыскала плед и укрыла ноги. Перед ней, по ту сторону двери, расстилался палисадник, весь в каплях воды, сияющих под все более сильными лучами солнца; и растения под этими лучами постепенно выпрямлялись, с еле слышным шепотом и вздохами. Свежий ветерок проникал в комнату, развеивая, как Нэн надеялась, запах виски. Билл появился на пороге с другой стороны.

— Сядь, Билл, — велела Нэн, указывая на стул, стоящий возле двери.

Билл не послушался. Он продолжал стоять у стены. Он был сейчас вылитый Дональд.

— Позволь мне объяснить, что произошло. Мисс Картер пришлось остаться здесь на ночь из-за грозы. А еще потому, что сообщила Демойту, что уезжает и не захотела беспокоить. В этом доме она впервые. До этого я видел ее наедине только дважды… ну, может, трижды, если считать тот вечер у Демойта. И у меня с ней нет никаких отношений. — Он с отвращением говорил все это. Он

стоял, переминаясь с ноги на ногу, глядя в пол.

Нэн поверила ему.

— Хорошо, Билл, — сказала она. — Ты, очевидно, что называется, дамский угодник. А я и не знала. Ну ладно, вся эта сентиментальная чушь меня не интересует. Может, тебе и не терпится рассказать, но поищи кого-нибудь другого для своих сердечных тайн.

В этот момент Нэн поняла, что ее одолевает икота. Единственный способ справиться с ней — задерживать дыхание. Она глубоко втянула воздух.

Билл ждал дальнейших слов, но она продолжала молчать, и он сказал через минуту или две:

— Я не хочу, чтобы ты считала меня пошляком.

Нэн по-прежнему сдерживала дыхание. Прождав еще минуту, он продолжил:

— Я даю себе отчет, что повел…

Нэн снова втянула воздух. И решив, что икота побеждена, прервала его:

— Слушай, Билл, я не собираюсь устраивать сцену. Я верю тому, что ты сказал. Я верила тебе всю жизнь, и сейчас, не сомневаюсь, ты не хочешь, чтобы на нас стали указывать пальцем.

— Ты не совсем понимаешь… — Он прислонил-

ся к стене, хмуро уставился в какую-то точку на ковре, как будто пытался расшифровать смысл узора. И при этом слегка ударял по стене каблуком туфли.

— Перестань. Обои запачкаешь. Почему же, я понимаю. Ты придумал себе сентиментальные чувства к этой девушке. Прекрасно. И в этом нет ничего непоправимого. Но как бы там ни было, сейчас ты должен остановиться. Твой собственный здравый смысл должен подсказать тебе, что делать и как поступать. — Нэн с удивлением обнаружила, что слова, ею сейчас произносимые, не так уж новы. Схема всегдашних разговоров с мужем не исчезла. Оказывается, и с этой ситуацией можно справиться так же легко, как она справлялась со всеми прошлыми. С чувством облегчения ощущала свое превосходство над ним. Неуправляемый кошмар завершился.

— Я не могу остановиться, — глухо ответил Билл, по-прежнему глядя на ковер.

— Ах, оставь. Ты заварил эту кашу, тебе и расхлебывать. Подумай, Билл! Очнись и посмотри на мир вокруг. Ну допустим, я тебе безразлична, ну допустим, тебе все равно, что эта девица едва старше Фелисити, но хоть немного подумай о своей репутации, ты ведь учитель. Подумай об

этой своей драгоценной партии. Твое увлечение вскоре пройдет. Но ты сам себе причинишь массу хлопот.

— Я люблю эту девушку, Нэн. — Он взглянул на нее, но не выдержал и опустил глаза.

— Если бы ты только знал, как ты смешон сейчас! Да взгляни на себя. Поди посмотри на себя в зеркало. Неужели ты всерьез считаешь, что у тебя может быть роман с этим смазливым, взбалмошным мотыльком, с этой легкомысленной француженкой, годящейся тебе в дочери? Не строй из себя глупца, и так уже вполне достаточно. Если эта взбалмошная девочка привязалась к тебе на минуту, то, может, просто из-за того, что у нее умер отец.

— Я об этом думал.

— Я рада, что ты думал. — Она громко икнула, но сделала вид, что это кашель. — Теперь подумай еще раз, откажись от встреч с этой девушкой… и больше не будем возвращаться к этому разговору. Скандала я не хочу, ты прекрасно понимаешь.

— Я не могу отказаться от встреч с ней. — Он по-прежнему прислонялся к стене с усталым видом.

— Да прекрати эти бредни! Ты прекрасно понимаешь, что выбора у тебя нет.

— Нэн… как ты узнала?

— Дети говорили по телефону, а я подслушала.

— Узнали детишки, пронюхали… о господи!

— Не надо так говорить. Уж они-то ни в чем не виноваты, ведь так? И они никому не рассказали. Очень надеюсь, слухи еще не поползли. Кто-нибудь еще в курсе твоего маленького увлечения?

— Может, Демойт догадывается. И Тим знает.

— Тим знает? — Она откинулась на подушки. Чувство ужасной усталости охватило ее, и с нею вернулась дурнота. Силы, поддерживавшие ее во все время разговора, вдруг иссякли, и она осталась лежать тяжелая и безвольная. Она поняла, что несчастье рядом. Она не хотела быть несчастной, но несчастье подкарауливало ее. Ей захотелось покончить с этим разговором.

— Уходи, Билл. Ты знаешь, что тебе надо делать, вот иди и делай.

Он нерешительно остановился в дверях.

— Так ты останешься здесь? Может, принести чего-нибудь?

— Нет, иди. Иди в школу и не возвращайся как можно дольше. Я отдохну и уеду в Дорсет.

— В Дорсет? — встревоженно спросил он. — Не лучше ли остаться здесь?

— Следить за твоим поведением? Нет, Билл, я тебе полностью доверяю. Я не хочу испортить

отдых Фелисити… и не хочу, чтобы начали судачить, с чего это она вдруг вернулась. Я уеду, а ты все сам уладишь.

— Но…

— Да иди же! Я устала, устала от тебя. Иди. Я напишу из Дорсета. — И повернувшись спиной, она уткнулась лицом в подушку…

Она слышала, как Билл сделал несколько шагов по комнате, как будто собрался подойти к ней. Потом, очевидно, передумал, повернулся и вышел. Через минуту хлопнула входная дверь. Нэн еще немного полежала, затем поднялась, пошла в кухню, и там ее стошнило.

Глава 13

Было воскресенье. Мор сидел на своем месте в школьной часовне. Все знали, что он не придерживается никакой религии. Тем не менее он считал своим долгом, как школьный наставник, присутствовать на проводимых Эверардом воскресных вечерних службах. Вместе с англиканцами, а их среди питомцев Сен-Бридж было большинство, эту церемонию посещали и остальные ученики, независимо от вероисповедания. Часовня представляла собой обширное продолговатое строение, со стенами линялого кремового цвета, чем-то напоминающее приходскую церковь. Собравшиеся сидели на довольно удобных новеньких деревянных стульях. Алтарем служил большой стол, украшенный цветами. Примерно такой же вполне мог украшать приемную какого-нибудь преуспевающего сельского врача. По обе стороны алтаря уходили вверх узкие неоготические окна, застекленные обычным стеклом, и поэтому видно было, как снаружи, среди веток, с чириканьем порхают птички. Над алтарем висело простое распятие; низкий деревянный заборчик, после службы убираемый одним из

старших учеников, отделял алтарь от нефа. Шаткое сооружение из светлого дуба, к которому вела пара столь же непрочных ступенек, возвышалось сбоку от алтаря, служа Эвви кафедрой, с которой он сейчас читал проповедь.

Часовня была освящена как англиканская. И каждый день, на чем настаивал Эверард и чему неприкрыто противился Пруэтт, в семь вечера в обычные дни и в восемь вечера в воскресенье проходила месса, и отправлял ее либо сам Эвви, либо местный священник, либо его помощник. По воскресеньям большая часть учеников эту церемонию, как правило, посещала, но в будние дни, особенно накануне конфирмации, ревностных христиан оказывалось совсем немного. Мор знал, что иногда и вовсе никто не является, кроме Эвви и Бладуарда. Частенько мысленно он представлял эту унылую церемонию. Его нонконформистское воспитание, с годами нисколько не потускневшее, делало его жестоким противником такого попустительства. К тому же Эвви, предлагающий вкусить кровь и плоть Христову одиноко стоящему Бладуарду, — в этом ему виделось что-то издевательское и, непонятно почему, жутковатое.

Мор расправил ноги. Его не отпускало томи-

тельное беспокойство. Эвви говорил уж очень долго и, кажется, не собирался завершать. Недавно он загорелся идеей прочесть ряд проповедей на тему популярных пословиц. Была прослушана проповедь на основе пословиц: *«Нет худа без добра»*, *«У семи нянек дитя без глазу»*, а проповедь на тему *«Не всего можно добиться силой»*, по слухам, была уже на подходе. Сегодня за основу было взято высказывание *«Бог дарует тем, кто сам умеет взять»*. Эвви начал, как обычно, с небольшой присказки.

— Когда я был ребенком, — сказал он, — то фразу «сам умеет взять» понимал как «Бери что понравится!», то есть я думал, что Господь помогает ворам и вообще людям, которые берут без разрешения что захотят. — И Эвви с увлечением начал растолковывать этот пункт.

Младшие школьники, по крайней мере те из них, кто слушал и понимал, о чем идет речь, захихикали. На лицах старших, наоборот, появилось отстраненно-озабоченное выражение, как всегда, когда Эвви позволял себе шутить в церкви.

Мор перестал слушать. Он думал о Рейн Картер. Прошло уже четыре дня с неожиданного возвращения Нэн. Она, как и обещала, сразу же уехала в Дорсет. И вскоре Мор получил от нее письмо,

в котором повторялось то, что она сказала дома. Письмо было рассудительное, даже участливое. И все же одно к одному, чтобы погасить его влечение к Рейн. Настоящий удар током, оттого что их застали, от которого он толком не оправился. Разве после такой встряски, спрашивал он себя, чувства способны выжить? А теперь еще и эта рассудительность Нэн, по своему обыкновению не скрывающей, что лучше знает, как надо поступить. Но как только почва под его ногами перестала дрожать, он понял, что его чувства к Рейн нисколько не ослабели и он нисколько не раскаивается. И это был не сон. Ощущение красоты, радости и полноты жизни, подаренное ему на тот краткий миг, когда Рейн оказалась рядом, вернулось вновь с прежней силой. Но он по-прежнему боялся, что потрясение, так болезненно отозвавшееся в нем, *ее* чувства могут попросту разрушить.

Со страхом и трепетом он вечером, после отъезда жены, отправился в дом Демойта, отыскал Рейн, и они вышли прогуляться. Поначалу она встревожила его своим спокойствием. Но тут же успокоила, заверив, что и после случившегося ее отношение к нему никак не изменилось… а это ли не лучшее доказательство, хотя она и прежде

едва ли сомневалась, что чувство ее серьезно и неподдельно. И при этом все время повторяла, что впереди их ничего не ждет, будущего у них нет. Вот так, будущего нет.

Они прошли через калитку в тисовой изгороди на лужайку, потом по второй лужайке к ступенькам. Надо искать дорогу, билось в душе Мора. Постараться сделать так, чтобы ее наивность начала прислушиваться к его умудренности. Только так он отвоюет то, что жаждал отвоевать с отчаянием обреченного, — хоть немного времени. И он призвал на выручку все свое красноречие, он убеждал, доказывал, он говорил страстно, даже с какой-то яростью, и в конце концов, к глубочайшей своей радости, добился того, к чему стремился, — она согласилась, что, наверное, не нужно спешить расставаться. Во всяком случае, не сейчас. И когда она шла среди роз к шелковичным деревьям, пронзительное чувство счастья осеняло все вокруг.

Как только стало ясно, что гроза, ими пережитая, все же пронеслась стороной, Мор ощутил, что у него словно выросли крылья. Он с удивлением понял, сколько глубоких и неясных мыслей, оказывается, способен ей поведать — о себе, о своем браке; мыслей, которые в прошлом и сам не все-

гда полностью понимал. Но теперь, рядом с ней, они прояснялись и больше не пугали. Он говорил и говорил, и на сердце у него становилось легко, как никогда прежде. Он старался объяснять ей и себе, как случилось, что в течение стольких лет Нэн уничтожала его, постепенно разрушая мир его личных устремлений. Он объяснял, как и почему произошло то, что он больше не любит свою жену.

Заговорив о своей семейной жизни, Мор вдруг открыл, что в нем живет долго подавляемый гнев — мощный спутник так долго длившегося насилия над собой; гнев, который из-за всегда побеждавшей его робости перед Нэн, он прятал даже от самого себя. Гнев неудержимо разрастался внутри него, потому что память каким-то чудом сохранила все, даже самые мелкие оскорбления и насмешки. Мор призывал этот гнев, приветствовал его рост. И вместе с воспоминаниями о прошлых обидах к нему возвращалась сила. Он чувствовал, что должен довериться этой силе, потому что именно с ней, возможно, и откроется перед ним то самое будущее. Рейн слушала молча, склонив голову, а он все говорил и говорил, пока не высказал ей все — кроме одной вещи. Он ни разу не упомянул о своих политических

амбициях. Демойт, очевидно, не рассказывал ей об этом, и Мор решил, что не нужно усложнять ситуацию еще больше. Политика стояла в стороне от его насущных проблем, еще найдется время связать то и другое. Пусть пройдет время, пусть пройдет, и тогда он попытается объяснить ей и эту сторону своей жизни. А пока у них и без того есть о чем подумать.

Сейчас, в церкви, наблюдая за птицами и слыша отдаленное журчание голоса Эвви, Мор восстанавливал в памяти то, в чем признавался Рейн, и в то же время спрашивал себя — а такая ли уж это безусловная правда? Он сказал, что больше не любит Нэн. В самом деле, он больше ее не любит. Но сказать так означало не сказать ничего. Они прожили вместе двадцать лет. И это совместное существование было реальностью, и эта реальность придавала оттенок легковесности, или ему так сейчас показалось, самому этому вопросу — люблю я ее или не люблю. Ну хорошо, разлюбил, пусть так, но если это угасание любви оборачивается ненавистью, тут уж нельзя не задуматься. Разумеется, и раньше случались времена, когда он почти ненавидел ее. Вспоминая об этом, он будто воочию видел, как она сидит — такая спокойная, такая самоуверенная, холодно

вынося приговор самым дорогим для него замыслам. «Впрочем, мы оба виноваты, — твердил он себе. — Я — неуклюжий глупец, я испортил ей жизнь. Я не мог ее понять… но, по крайней мере, старался. И я никогда не натягивал на себя эту ужасающую маску высокомерия и превосходства. Даже не соглашаясь, я всегда стремился выслушать, всегда был готов идти ей навстречу. И вот зашел так далеко, что делаю именно то, что хочет она». Гнев в нем вспыхнул с такой силой, что он больше не мог спокойно размышлять.

Эвви все еще разглагольствовал. Как всегда во время проповеди, он по-голубиному выпячивал грудь, захватывал в горсть облачение и ритмично раскачивался туда и сюда на каблуках. Его разгоряченное, сияющее задором мальчишеское лицо склонялось к прихожанам. Мор вновь прислушался.

— И таким образом, мы видим, что о Господе надо думать как о некоем отдаленном от нас месте единения; это место, где утихают все конфликты, где все разделенное и, с точки зрения нас, не одаренных всесторонним зрением, противоречивое объединяется и связывается воедино. Для нас как для христиан нет неразрешимых задач. Всегда есть выход, и Любовь знает этот

выход. *Любовь знает!* Есть всегда, если мы постараемся достаточно глубоко вдуматься и если мы готовы пожертвовать своими эгоистическими желаниями. Если мы по-настоящему посвятим свою жизнь Господу и будем непрерывно двигаться к этой отдаленной точке, мы получим возможность видеть ясно ту единственную цель, к которой следует стремиться. И, несмотря на всю наполняющую нас тщету, мы в такие минуты познаем бесценную радость праведного служения, ибо «*не так, как мир дает, Я даю вам*» (От Иоанна 14:27). Часто в жизни нашей обнимает нас тьма, но если есть в нас готовность посредством молитвы и посредством напряжения наших усилий помочь самим себе, тогда благодать Божья не минет нас. Во имя Отца и Сына… и так далее, и тому подобное…

Школа очнулась от дремы и осовело поднялась на ноги, заглушив финальные слова проповеди дробным стуком опускаемых сидений. Белыми крыльями замелькали страницы молитвенников. Орган заиграл вступление к заключительному гимну — *Славит душа моя Господа.* Это песнопение Школа исполняла с особенным рвением. Под мелодию его вступления можно было пораскачиваться и поорать вволю. Мальчики

заметно оживились. Потом грянула песнь. Эвви удалился на свое место с правой стороны, которое обычно занимал после проповеди. Он стал рядом с учителями, которые в церкви рассаживались вдоль стен, слева и справа от учеников. Ученики смотрели на алтарь. На лице Эвви читалось блаженное и удовлетворенное выражение, словно эта ликующая песнь был наградой за мощь его проповеди.

> *Искупленный, воскресший, возрожденный, прощенный, Славу Ему пою. Славьте Его! Славьте Его! Славьте Его! Славьте Его! Пойте хвалу предвечному Царю.*

— выводила Школа самозабвенно. Когда они пели, одни склонившись к странице, другие, кто знал слова наизусть, глядя вперед с чувством радостной свободы, их лица сияли надеждой и воодушевлением. И хотя Мор догадывался, что в большинстве случаев мальчиков вдохновляет как раз окончание Эверардовой проповеди да еще предвкушение веселой суматохи во время раздаваемого после службы чая, он, как обычно, не мог сдержать внутреннего волнения. Именно

в такие моменты Школа *en masse*[3] была такой трогательной и умилительной. «Какой же я болван, — пронеслось у него в голове, — жалкий, никчемный болван».

Голоса восходили вверх двумя потоками. Выше юношеских ломающихся голосов старшеклассников взлетали по-птичьи звонкие голоса младших учеников, в верхних регистрах еще чуть шероховатые, как неотшлифованное серебро. Обычно Мор без труда различал в общем хоре голос сына. У Дональда тоже ломался голос, и из его нынешней хрипловатой резкости в будущем обещал прорезаться приятный баритон. Но сегодня Мор, как ни прислушивался, не мог расслышать голос сына. Возможно, сегодня у того не было настроения во всю силу легких выводить «Славьте Его!». Мор украдкой повернул голову, ища Дональда глазами. И вскоре увидел его в конце одного из рядов, сжимающего в руках молитвенник. Дональд смотрел на него. Их взгляды встретились, и оба тут же отвернулись.

Мор уставился в пол. Он почувствовал себя голым. Ему стало жарко, и он догадался, что покраснел. Пение завершилось. Раздался голос Эвви,

---

[3] Примечания: 3
В целом (*фр.*).

и все с шумом опустились на колени. Мор тоже опустился, лицо его было мрачным, с широко открытыми глазами и остановившимся взглядом. Он видел стоящего на коленях Бладуарда. Глаза у того были сощурены, будто он смотрел на слишком яркий источник света, лицо искривлено, а губы шевелились. Должно быть, он молился. По команде Эвви все вскочили. Мор стоял, ожидая, когда разрешат покинуть церковь, стараясь ни на кого не смотреть, чтобы не встретиться глазами с Эвви, Бладуардом или сыном.

Еще немного, и он увидит Рейн… мысль об этом обласкала его, согрела и успокоила. Перед проповедью он увиделся с ней ненадолго. И предложил встретиться потом, на корте для сквоша. Это было вполне подходящее место для свидания. По воскресеньям корты оказывались как бы вне границ Сен-Бридж… В сущности, благодаря укромности, это место всегда было несколько в стороне от Сен-Бридж, становясь частью школьной территории лишь на время игр. А по воскресеньям все игры и развлечения в школе отменялись, кроме плавания, почему-то не считавшегося развлечением. Корты были плотно окружены деревьями, и к ним вела тропинка, проходящая через учительский садик. Строение, где находились корты,

располагались совсем рядом с незаметной калиточкой в заборе, от которой у Мора был ключ. Мор намеревался, встретив Рейн, уйти с ней через эту калиточку. Он специально выбрал такое место для встречи, чтобы, не сомневаясь, что их никто не увидит, улучить момент и поцеловать ее. Встречи в доме Демойта его теперь смущали, а в свой собственный дом он еще не решался ее пригласить.

Орган заиграл бодрый марш, под который прихожане гуськом потянулись из церкви. Мору хотелось увидеть Дональда, но тот, наверное, уже вышел. А все ли он сказал Рейн? Он же не сказал ей *о детях.* Но что он мог о них сказать? Мор шел к дверям, видя прямо перед собой спину Пруэтта. Музыка резко оборвалась, и он расслышал свои собственные шаркающие шаги по направлению к выходу. Он вышел. Надо подождать, пока дети разойдутся, а потом незаметно отправиться к назначенному месту.

Он сознательно обрисовал Рейн свой брак как совершенную неудачу, как нечто исчерпавшее себя, разрушившееся задолго до ее появления. Его тревожило, ужасно тревожило, вдруг она не так все поймет и решит, что лучше уехать. Он не хотел, чтобы она чувствовала себя виноватой.

Можно ли сказать, что, действуя так, он искажает правду? Нэн привыкла то и дело спрашивать: «Почему мы до сих пор вместе?» И он всегда этот вопрос оставлял без ответа. Потому что не верил, что Нэн всерьез это волнует. Ему было удобно не верить, что всерьез. А теперь, получается, даже выгодно. Так где же правда?

Может, и в самом деле Нэн спрашивала просто так? Но не в этом дело. С точки зрения Нэн, их брак и в самом деле может выглядеть вполне солидным. Почему бы и нет, ведь она… ведь в их жизни она все подстраивала под себя. Но он тоже имеет право решать, что в их браке крепко, а что нет. И это строение развалится… если он решит, что так и нужно. Он прислонился к дереву, машинально ударяя по забору ботинком. Сотни раз он мысленно вызывал картинки прошлого, воспоминания о бесконечных ссорах с женой, из которых он выходил как избитый, а она — свежей и улыбающейся, с насмешливой улыбкой на губах. Но сейчас память отказывалась выполнить свою работу. Мор больше не чувствовал гнева. Вместо этого он вновь четко, как на фотографии, увидел взгляд Дональда, которым тот его встретил в церкви. Он закрыл глаза. «О господи, какую кашу я заварил. Только одно было ясно. Нельзя

отказываться от Рейн. Это словно самому себе отпилить тупым ножом руку до плеча».

Прошло довольно много времени. Мор взглянул на часы. Да он же вот-вот опоздает! Он повернулся и бросился через лес к кортам. Прежняя жара спала, оставив тепло и легкие облачка. Утоптанная дорожка пахла влажным песком и мохом, и маленькие белые облачка, на миг проглядывающие между ветками сосен, медленно плыли по направлению к долине. Мор начал думать, куда бы им пойти этим вечером. Можно поехать куда-нибудь далеко, даже в Лондон, или к побережью, к морю. Постепенно умиротворяющие мысли о Рейн овладевали его сознанием. Она влекла его вперед. Он ускорил шаг.

Тропу, по которой он шел, пересекала другая, протоптанная от общежития Пруэтта. Несколько младших школьников, одетых в резиновые тапочки, шли в сторону бассейна. Увидев Мора, они закричали: «Добрый день, сэр» и отступили, чтобы пропустить его. Мимоходом ответив на приветствие, он оставил тропу и побежал напрямик среди деревьев, пока не разглядел сквозь листву здание кортов. Невзрачное вытянутое строение, с дверями на каждом конце и стеклянной островерхой крышей. Внутри находились

шесть кортов, коридор и узкая галерея для зрителей. Пробежав по траве, Мор стремительно распахнул двери и направился к первому корту.

Там кто-то стоял, но это была не Рейн. Это был Бладуард. Мору потребовалась секунда, чтобы разглядеть его, и еще миг, чтобы понять, что Бладуард оказался здесь не случайно. Они молча смерили друг друга взглядом. Бладуард был одет по-воскресному — в черный костюм и необыкновенно чистую сорочку. Он глядел на Мора исподлобья. Казался немного смущенным. Стараясь отдышаться после быстрой ходьбы, Мор прислонился к грязно-зеленой стене. После того как первое потрясение прошло, он почувствовал легкое удивление. С какой стати Бладуард здесь? Впрочем, в сумасшедшее время все складывается не так, как надо. Безумие затрагивает и детали.

Бладуард наконец заговорил:

— Я отослал ее.

— *Вы отослали ее!* — Мор готов был рассмеяться. — Кто вам дал право? Она не ребенок.

— Вы отлично знаете, что она ребенок.

— Куда она пошла? Я сожалею, что не могу высказать все, что думаю о вашем совершенно идиотском вмешательстве.

— Мне надо вам кое-что сказать.

— У меня нет времени слушать, — ответил Мор. Взгляд его пылал. Бладуард смотрел в пол. Мор сделал нетерпеливое движение. Он был рассержен и огорчен, ему хотелось отыскать Рейн как можно скорее, где бы она ни была, ведь этот сумасшедший Бладуард наверняка расстроил и ее. И в то же время его заинтересовало, что же Бладуард собирается сказать. Все это мешало ему уйти.

— Я хочу поговорить с вами о том, как вы поступаете сейчас… по отношению к жене и мисс Картер.

— Полагаю, вы вмешиваетесь не в свое дело! — выкрикнул Мор. Он весь дрожал. Дерзость Бладуарда не укладывалась ни в какие рамки…

— Я думаю, вы должны обду… обдумать все очень тщательно… — произнес Бладуард, — прежде чем решитесь на дальнейшие шаги. — Теперь, одолев смущение, он в упор смотрел на Мора.

— Сегодня воскресенье, Бладуард, но одной проповеди достаточно. И не говорите о том, чего не знаете.

Над их головами на зеленом стекле мелькали тени прохаживающихся по крыше птиц. Рядом, в бассейне, неожиданно раздался визг и плеск воды. Птицы в испуге улетели.

— Как очевидец, я заявляю, что вы действуете

ошибочно. — Он стоял очень прямо, опустив руки и широко открытыми, даже несколько выпученными глазами смотрел на Мора.

Мор понимал, что уже не сможет уйти. Он глубоко сожалел об этом. Он знал, что ни гневом, ни негодованием Бладуарда не остановить.

— Не вы ли не так давно провозглашали, что люди не должны судить друг друга?

— Иногда мы просто обязаны вынести какое-то суждение… Отказ от осуждения превращается в таком случае из добродетели в боязнь быть осужденным в ответ.

— Ваше вмешательство безумно по своему бесстыдству и лицемерию. Но и во мне сейчас хватает сумасшествия, чтобы позволить вам сказать все что хотите. — Что-то в серьезности манеры Бладуарда совпало с доведенностью до крайности, которую он в себе постоянно чувствовал. И заставило его заговорить на том языке, который предложил Бладуард. Он добавил: — Но позвольте мне сразу заметить, я вполне осознаю, что со всех сторон мое поведение достойно порицания.

Бладуард нисколько не удивился. Он ответил:

— Значит, вы на верном пути, мистер Мор! Суть не в том, чтобы рвать на себе волосы, а в том,

чтобы делать то, что правильно.

— Ну, так вы скажите мне, что правильно, Бладуард… — Он прислонился к стене. Нижняя часть стены была испачкана черными отпечатками ног. В тусклом зеленоватом свете над ним нависло лицо Бладуарда. Крыша потемнела. Должно быть, собирались тучи. Несколько капель звонко упало на стекло. Мор вздрогнул. Со стороны бассейна по-прежнему слышался радостный визг.

— Вы знаете, — сказал Бладуард. — Вы глубоко связаны с вашей женой и детьми, вы глубоко связаны с вашей собственной жизнью. Возможно, эта жизнь… эта жизнь держит вас вопреки вашей воле. Но если вы разорвете эти связи, вы тем самым разрушите какую-то часть мира.

— Возможно, — усмехнулся Мор, — но я смогу выстроить новую часть заново. — То, что он сказал, показалось ему пустым и тривиальным. — И как можете вы, неудачник, оценить значение этих связей, как вы можете оценить, что такое человеческое счастье?

— Счастье? — с непонимающим выражением спросил Бладуард. — При чем здесь счастье? Неужели вы считаете, что вы или кто-то другой имеют хоть какое-то право на счастье? Эта идея — плохой вожатый.

— Она может быть плохим вожатым, но иного у меня нет! — с вызовом ответил Мор.

— Вы ошибаетесь, мистер Мор, — покачал головой Бладуард. Он наклонился к Мору: — Есть такое понятие, как пиетет перед реальностью. Сейчас вы живете во сне, это сон о счастье, сон о свободе. Но в своих снах вы принимаете во внимание только свои собственные чувства. И ваша жена, и мисс Картер, в сущности, вам безразличны.

— Что вы несете, Бладуард, — огрызнулся Мор устало. В скучном бесцветном воздухе кортов для сквоша он вдруг почувствовал себя как в тюремной камере.

— Вы вообразили, что надо приблизиться к краю, чтобы открыть правду о себе. А нашли лишь склонность к разрушению и пустоту. И из этого вы сотворили ценность. Но оглянитесь.

— Знаете, Бладуард, даже если бы я мог отложить в сторону попечение о своем собственном благополучии, лучше я все равно бы не стал.

— Вы говорите неправду… вы и в мыслях не собираетесь откладывать заботу о вашем собственном благополучии. Вы только об этом и думаете. Вы живете в мире придуманных вещей. Но если бы вы по-настоящему озаботились дру-

гими и если бы вы открыли свое сердце всему, что это мертвое сердце может воскресить, то вы бы стали настолько богаче духовно, насколько и представить себе не можете. Ценность духовных даров неизмерима.

Пронзительные вопли донеслись со стороны бассейна. Создавалось впечатление, что открылись врата ада. Мор молчал. Он не знал, что ответить Бладуарду.

— Возможно, я не способен на то, о чем вы говорите. Такой аскетизм мне не по силам. Я уже слишком глубоко втянулся, чтобы даже пробовать. К тому же я, наверное, не мыслю так возвышенно, как вы, обо всех этих «корнях и связях». Единственное, что я могу сказать, — это моя ситуация и моя жизнь, и сам я буду решать, что делать дальше.

— Вы говорите так, будто это какое-то достоинство, — сказал Бладуард, — вы говорите так, будто вы свободный человек, которому стоит только захотеть — и он получит все независимо от условностей. Но подлинная свобода — это абсолютное отсутствие заботы о себе. — Бладуард говорил страстно, он даже перестал запинаться.

Наставительный тон Бладуарда начинал раздражать Мора.

— Я не отрицаю того, что вы сказали… не сомневаюсь, что это мудро, очень мудро. Но то, что вы сказали, никак не связано с моими заботами. А теперь могу ли я попросить об одном одолжении — не беспокоить мисс Картер такого рода беседами.

Стоило произнести ее имя, и настроение изменилось. Бладуард склонил голову и произнес взволнованно:

— А вы осознаете, что причиняете ей вред? Вы унижаете ее тем, что втягиваете в подобную историю. Художник воспроизводит на холсте только свой внутренний мир. Вы мешаете ей стать великим художником.

«Он бредит», — подумал Мор. Тем не менее эти слова глубоко задели его. С какой стати он терпит этого маньяка? Вопли из бассейна достигли высшей точки. Ему пришлось повысить голос, чтобы Бладуард расслышал его:

— Оставьте нас в покое! Вы нам не сторож. И закончим на этом.

Но Бладуард не успокоился:

— Она молода, ее жизнь только начинается, перед ней стоит много задач…

— Да будет вам, Бладуард! Вы все это говорите, потому что ревнуете, потому что сами в нее

влюбились!

Там, в бассейне, вдруг прозвучал свисток. И тут же наступила тишина. Плеск воды тоже смолк. Дождь прекратился, наступило настороженное молчание. Мор теперь горько сожалел о своих словах. Бладуард глядел мимо него, растерянно помаргивая.

И тут Мор расслышал чьи-то голоса, очень близко от себя. Они раздавались из-за стены и до сих пор их заглушали крики пловцов в бассейне. Кто-то разговаривал на соседнем корте. Мор и Бладуард переглянулись. Минуту прислушивались. Потом Мор вышел в коридор и вошел на соседний корт, Бладуард за ним.

Перед ними предстала следующая картина. Привалившись спиной к стене, вытянув одну ногу, а другую согнув в колене, сидел Дональд Мор. Впереди, поддерживаемый ногой Дональда, скрестив ноги, полулежал Джимми Кард.

Оба уставились на вошедших. Потом, словно их дернули за нитки, вскочили и замерли в ожидании.

Мор смотрел на них, и весь его сдерживаемый до сих пор гнев вдруг вырвался наружу. «Вон отсюда!» — проговорил он тихим от ярости голосом. Они с Бладуардом посторонились. Мальчики

молча прошли мимо них.

Издали донесся звон колокола, сзывающий учителей, дежурящих вечером в школе. Мор и Бладуард начали подниматься по тропинке.

Глава 14

Разрезая воду протяжными, неторопливыми движениями рук, Фелисити поплыла назад к берегу. Море было совершенно спокойно. Она плыла брассом, четко, размеренно, стараясь поднимать как можно меньше брызг. Вода с маслянистой мягкостью омывала ей подбородок, а солнце согревало лоб и высушивало капли влаги на щеках. Солнце уже догорало, но еще не утратило своей торжествующей власти над небесами. На берегу не было ни души. Фелисити плавала в скалистом заливе, где во время отлива у основания утеса обнажались нагромождения обточенных волнами камней. Во время прилива вода накрывала их, отрезая путь на сушу. Слева и справа от залива тянулись участки песчаного пляжа, там собирались курортники. Но здесь было безлюдно. Это было очень важно, так как Фелисити собиралась совершить магический обряд.

Еще в раннем детстве Фелисити поняла, что ей на роду написано стать колдуньей. Она обнаружила особый знак на своем теле — очень маленький бугорок пониже соска левой груди, не

похожий на обычную родинку. Еще один сосок. А Фелисити знала, что у колдуний у всех есть такой дополнительный сосок для вскармливания своих родичей. И хотя ее несколько смущала мысль о такой близости с потусторонними силами, она в то же время не без гордости считала, что, несомненно, отмечена особым даром и с нетерпением ждала дальнейших знамений.

Но пока ничего примечательного не происходило. Когда у колдуний наступает пора зрелости, Фелисити не знала. Ах да, время от времени являлся Ангус, но вел себя всегда очень скромно, воплощаясь в облики, не смущающие воображение обыкновенных людей, в окружении которых жила Фелисити. Брат к племени колдунов не принадлежал, ей наконец с грустью пришлось это признать. Долгое время он соглашался, что видит Ангуса, но теперь Фелисити понимала, что он только делает вид. Он вместе с ней участвовал в разных магических ритуалах, но относился к ним с нескрываемой насмешкой. В характере Дональда не было ни терпения, ни дотошности, необходимой для занятий магией. Он вечно забывал какие-нибудь детали, а потом утверждал, что они не так уж важны, или начинал смеяться в самый разгар ритуала. В общем-то, именно

из-за легкомысленного отношения Дональда ни один из этих обрядов никогда не удавалось завершить, а незавершенность в магии равносильна неудаче.

Фелисити, где только могла, добывала книги по магии и тщательно изучала все магические наставления. И, к своему огорчению, убедилась, что почти все магические церемонии связаны с кровопролитием. С одной стороны, ей хотелось выполнить свое колдовское предназначение. Но, с другой стороны, рекомендация, к примеру, держать абсолютно белого петуха между ног и сосать кровь из правой руки не привлекала ее нисколько. В конце концов она решила — раз кровопролитие для нее табу, значит, она имеет право изобретать свои собственные обряды. Она не сомневалась, что это должно понравиться Ангусу, которого, несомненно, глубоко оскорбляет жертвенная кровь, особенно кровь животных. Ведь Ангус очень любит животных. О том, угодны ли Ангусу *человеческие* жертвы, Фелисити предпочитала не задумываться. Она начала сочинять свои собственные ритуалы — и на один из новогодних праздников придумала небольшой перечень обрядов, из которого кое-что пыталась с помощью Дональда осуществить.

Сейчас Фелисити впервые готовилась исполнить один из этих обрядов сама и была полна решимости довести дело до конца. Но сначала нужно дождаться появления Ангуса. Ангус какое-то время не появлялся. А этим утром она наконец его увидела. Он превратился в человека на ходулях, в длинных клетчатых штанах и цилиндре. Она встретила его совершенно случайно, когда шла по полевой дороге. Великан спешил на какой-то праздник, который должен был состояться в соседнем поселке. Он ничего не сказал, лишь вежливо приподнял свой цилиндр. В такую рань вокруг никого не было. Появление этой высоченной фигуры на минуту ошеломило Фелисити. Но потом она догадалась, кто это, и тут же побежала домой готовиться к церемонии.

Это был один из мрачнейших ритуалов и вместе с тем один из самых сложных. Все необходимое уже было собрано и разложено на большом плоском камне, лежащем у кромки воды. Для этого обряда нужно было выбрать место, обязательно рядом с водой, и время, когда солнце и луна находятся в небе одновременно. К счастью, луна взошла рано, и ее появление совпало с отливом. Все это Фелисити восприняла как хороший знак. Было около восьми вечера, и заходящее солнце

светило еще достаточно ярко. Но уже луна, большая, мертвенно-бледная, цветом и видом своим похожая на сыр, всходила над морем. Фелисити вскарабкалась на камень, стараясь не капнуть водой на ритуальные предметы. Хотя плавала она тоже не просто ради развлечения. Это тоже была часть будущего ритуала. Очищение водой — существенная часть обряда, так же как одежда без швов и без рукавов. И тут купальный костюм оказался как раз к месту. Она насухо вытерлась новым полотенцем, которое купила утром.

Обсохнув и согревшись, она начала готовить сцену. Вода с тихим плеском омывала камень. Это был особый, мертвый час отлива. На поверхности камня Фелисити насыпала круг из песка, а внутри круга — треугольник из соли. По сторонам треугольника она положила маленькие букетики мака и собачьего шиповника. На острие треугольника, указывающего на море, поместила электрический фонарик, оплетенный травой зверобоя. Фонарик, повернутый внутрь треугольника, она включит, когда начнется обряд. Возле правого угла треугольника стояла медная чашка с белым вином; перочинный нож, приобретенный, как и полотенце, только сегодня; немного камфорного дерева и алоэ в пакетике; объеми-

стая бутылка с бензином; спичечный коробок, а в нем живой жук; а еще ультразвуковой свисток и колода карт Таро. В центре треугольника стояло нечто вроде треножника, а под ним были рассыпаны веточки лавра вперемешку с древесной стружкой. На треножник она водрузила алюминиевую кастрюлю с молоком и оливковым маслом. Возле левого угла треугольника лежал человечек восьми дюймов высотой, сшитый из украденного у мисс Картер нейлонового чулка и набитый бумагой. Рядом — остро заточенный прутик на случай, если придется поднять человечка — ведь руками во время ритуала к нему прикасаться нельзя. Припасена была также коробка спичек, которую Фелисити спрятала на груди под купальным костюмом.

Теперь все было готово. Фелисити почему-то стало не по себе, даже чуть страшновато. Она огляделась. Никого, пусто. Вокруг лишь камни коричневые, бесформенные. Она взглянула на море. Заходящее солнце отбрасывало последние лучи на воду. Луна поднялась выше, уменьшилась и стала ярче. Из призрачного сумрака выплыло что-то черное и, низко летя над водой, стало медленно приближаться. Это был баклан. Птица подлетела к берегу и уселась на камень

неподалеку. Фелисити включила фонарик. Лучик, пробивающийся сквозь травяную оплетку, обнаружил неровную поверхность камня.

Фелисити открыла церемонию двумя заклинаниями. Первое — обращение к Духу, который должен помочь в осуществлении ритуала. Этот Дух был не Ангус, он был могущественнее Ангуса, дух, которому она не дала имени и к которому лишь в редких случаях решалась обращаться. Призыв был беззвучный. Фелисити написала разные заклинания для такого рода случаев, но они все звучали так глупо, что она решила обойтись без вульгарного посредничества слов. К тому же ей показалось, что лучше не уточнять, чего именно она стремится достичь. В общем и так ясно, а в остальном надо положиться на Духа. Второе заклинание, тоже безмолвное, одно из тех, которыми Фелисити сопровождала все свои магические действия. Суть его заключалась в следующем — что бы ни решил Дух или духи, будущее они открывать не должны. Фелисити испытывала панический страх перед тайной будущего. И боялась, что не сумеет обуздать духов и те выболтают нечто такое, чего и знать не хочется.

Фелисити сделала ножом небольшой надрез

на руке. Нож вообще-то был оставлен на потом, но она чувствовала, под влиянием Ангуса, что надо сделать надрез ножом еще до того, как он будет употреблен для других целей. Она измельчила веточки лавра и поднесла к ним спичку. Вышло не совсем удачно. Деревянная стружка загорелась довольно охотно, а вот веточки просто обугливались на концах, а гореть не хотели. После нескольких попыток они кое-как загорелись, и кастрюля с молоком и маслом потихоньку начала нагреваться. Она бросила в огонь сначала камфару, потом алоэ. Пламя стало желтовато-зеленым, и странный резкий аромат поднялся над треножником. После того как несколько веточек лавра загорелись, Фелисити обождала, пока огонь догорит, и тщательно соскребла немного пепла. Как она считала, это был пепел именно лавра. После чего высыпала пепел в медную чашку с белым вином. Размешала и поднесла к губам. Вкус был довольно противный. Она отпила глоток или два и опустила чашку. По ритуалу надо было сделать два глотка, но она боялась отравиться. Взяла карты Таро.

Это был решающий момент, потому что если вытащить из колоды противоречивые или бессмысленные карты, обряд можно считать

испорченным. Фелисити по опыту знала, что способна истолковать почти любую карту с выгодой для себя. В этом тоже сказывался ее колдовской талант. И все же она с тревогой ожидала, что же скажут ей карты. В дополнение к Таро она создала свой личный толкователь. Различные изображения на картах она связывала с людьми, которых знала; наиболее значительные появлялись обычно в двух мастях. Отец — Король и Король Пик. Мать — Королева и Дама Пик. Дональд — Жонглер и Шут. Она сама — Королева Кубков. Таинственная фигура Священника означала кого-то неизвестного, пока неизвестного, но однажды он появится, чтобы изменить ее жизнь. Изображения Папессы или Верховной Жрицы — это была ее собственная преображенная ипостась, пока еще далекая от нее и скрытая завесой. Мисс Картер для нынешних целей была представлена Лунной картой и Королевой Пентаклей.

Фелисити держала в руке только карты Старших арканов и фигуры четырех мастей. Так было меньше вероятности вытащить нечто бессмысленное. Она вытащила пять карт и положила их на камень лицом вниз. Сделала торжественную паузу. После чего начала переворачивать карты одну за другой. Смотрела, что получается, и не

верила своим глазам. Слева направо карты шли в таком порядке: Королева, Король Пик, Разбитая Башня, Висельник и Луна. Это невероятно легко поддавалось толкованию и очень благоприятствовало обряду. Карта в центре всегда была решающей. Разбитая Башня символизировала магический смысл обряда — отделить отца от мисс Картер. Карта отца и карта мисс Картер лежали по разные стороны Башни. Отец показался в своем материальном облике, как Король Пик, а не в духовном, как Император. Две женщины показались в их духовном, облике. Но мать оказалась рядом с отцом, в то время как мисс Картер была далеко, рядом с Висельником. Фелисити пока еще не могла растолковать Висельника, но в конце концов решила, что он не так уж важен. Предсказание получилось в любом случае очень благоприятным.

Она продолжала. Следующим актом был длинный свист из ультразвукового свистка. Таким образом призывался Дух. Сначала свисток засвистел как обычный, но стоило ей подуть сильнее, и звук стал выше, еще выше и наконец исчез. Она проверила, испугался ли баклан. Но птица все еще была здесь. Тогда она очень осторожно взяла коробочку с жуком. Это был черный жук,

большущий, сильный. Она передвинулась к тому месту, где на вершине треугольника лежал фонарик, теперь свет его, когда солнце зашло, казался более ярким, и поставила коробочку на камень. Потом открыла. Жук начал выползать. Именно жук должен выявить точное место, где обряд достигнет завершения. Будто зная, какая на него возложена миссия, *жук* прополз по камню и остановился в маленькой впадинке, рядом с человечком. И тут же Фелисити сжала руку. Капелька крови показалась из сделанного ею ранее надреза. Она смешала кровь на кончике пальца с молочной смесью и мазнула по камню перед жуком. Поскольку он не проявил никакого интереса к этой жертве, Фелисити очень осторожно ткнула его в мазок и вновь вернула в коробок. После чего на то место, где мазнула кровью с молоком, поставила теплую кастрюлю с молоком и маслом.

Взяв бутылку с бензином, она налила довольно много в кастрюлю. Потом попробовала зажечь содержимое. Но не получалось. Спички с шипением гасли в зеленоватой смеси. Фелисити рассердилась. Получается, в последний момент все будет испорчено. Она зажигала спичку за спичкой. Она чуть не плакала. Что бы ни случилось, она не должна сжигать изображение,

поднеся к нему спичку. Наконец взяла одну из почерневших лавровых веточек и окунула в кастрюлю. Одновременно заостренной веточкой подняла фигурку. Осталась только одна спичка, и ею она подожгла накрошенные лавровые веточки. Веточки мгновенно вспыхнули, и в эту же секунду она протянула руку и ткнула фигурку в огонь. Пламя тут же погасло, но фигурка успела загореться. Фелисити заранее обмакнула человечка в бензин.

Человечек сгорел быстро. Фелисити тщательно собрала мак и шиповник и бросила в море. Начинался прилив. Вода уже хлюпала с трех сторон вокруг камня. Лишь краешек солнца виднелся над горизонтом, окрасив его в пурпурный цвет. Засияла луна. Ночное светило как-то сразу уменьшилось и стало похоже на серебряную пуговицу, пришитую к темно-зеленому бархату неба. Луна освещала Фелисити, а та стояла и зачарованно смотрела, как горит человечек. Со стороны моря повеяло прохладой, подул ветерок, и пламя испуганно заметалось.

Нэн стояла по щиколотки в воде. Отлив обнажил усеянное мелкими камешками дно. Сквозь толщу воды камешки казались разноцветными и красивыми, но сейчас, высыхая, становились

просто серыми. По ним было больно идти, но она шла, и вода тихо плескалась у ее ног. Поблизости от берега воду покрывала чуть заметная рябь, предвещая близость прилива. Перед ней лежало море. Солнце опускалось за горизонт, окрашивая поверхность воды нежным розоватым цветом. Луна, широколицая, бледная, вся словно изрытая оспинами, медленно всходила на небосклон. Сейчас на берегу осталось всего несколько отдыхающих. Нэн высматривала Фелисити, но той нигде не было видно. Дочка, кажется, избегала ее.

После возвращения в Дорсет Нэн захлестнул настоящий водоворот сомнений. Еще никогда в жизни ей не приходилось столько думать и передумывать. Та, прежняя жизнь не требовала, даже исключала душевные метания. Та жизнь укрывала ее надежно, словно кокон, и в этом коконе не было ни малейшей трещины. Конечно, случались и трудности, и минуты сомнений, но таких, как сейчас, она не припоминала. Она никогда не сомневалась в том, как надо поступить, она всегда знала, *что делать*. И когда приходило время убеждать мужа в своей правоте, система аргументации оказывалась привычно знакома, будто все время повторялся один и тот же нескон-

чаемый спор.

И вдруг кокон исчез, и она оказалась одна, посреди вселенской пустоты, где от нее вдруг потребовалось заново создавать форму и направленность своего бытия. Но только в последние два дня Нэн начала по-настоящему сознавать эту перемену. Из Суррея она вернулась в настроении далеко не оптимистическом, но в те дни у нее еще, по крайней мере, были энергия и уверенность в себе. По пути она много думала о Тиме. Ее глубоко задело, что Тиму, оказывается, все известно и он, вполне возможно, был доверенным лицом Мора. Думая об этом, она даже начала испытывать чувство, которое редко себе позволяла. Она *жалела себя.* Впервые за долгие годы, не будучи избалованной дружеским участием, решилась воззвать к чьей-то помощи — а взамен получила предательство. Ей было грустно, потому что она понимала, что вместе с этим разочарованием что-то неуловимое, какой-то едва ощутимый аромат навсегда уйдет из ее жизни. Хотя между ними ничего и не произошло, Тим всегда был для нее источником радости, и вот теперь его не будет. Однако потом она согласилась простить Тима, даже решила больше не называть его предателем. Именно тогда она позволила

себе вспомнить, как они лежали в кресле. Она вспомнила все подробности, все слова, которые сказал тогда Тим. Она долго и сосредоточенно думала об этом. И это было почему-то похоже на воспоминание о далеком прошлом, о чем-то трепетном, печальном, невозвратно ушедшем. Может, пусть лучше Тим играет свою прежнюю роль и все будет как прежде. Все должно остаться как прежде. Мысль, что так должно быть и так будет, ее немного успокаивала.

Потом она подумала о муже. Чувство облегчения, которое она испытала во время разговора с Биллом, когда обнаружила, что ситуация снова ей подвластна, не покидало ее несколько дней. В эти дни, вспоминая минувший разговор, она слышала только свои аргументы, неоспоримые, полные уверенности. Ответы Билла словно канули в воду. Она целиком и полностью верила, что ее увещевания будут приняты. Как именно все произойдет, ее не волновало. Важно одно — вернувшись, она должна увидеть, что он все исполнил… после этого и она исполнит свое обещание — больше к этой истории не возвращаться. Она радовалась, что сумела найти такое цивилизованное решение. По сути, в тот момент Нэн восприняла ситуацию как драму, финал ко-

торой она в силах написать самостоятельно.

Но почти сразу иные и совершенно непонятные чувства стали одолевать ее. Ей никак не удавалось забыть, что она увидела, войдя в гостиную. Постепенно мысль, что Билл в самом деле обнимал и целовал ту девушку, и, разумеется, не один раз, стала для нее очевидной. Вполне возможно, он все еще целует и обнимает ее. Прежде она никогда не испытывала ревности… она знала, что ревность и подобные ей переживания — это невроз, им нельзя поддаваться. Поэтому и сейчас гнала от себя такие чувства. Но они не уходили.

Нэн снились навязчивые сны. И это в ее жизни тоже было впервые. Обычно сны если снились, то забывались бесследно. Теперь образ мужа преследовал ее по ночам. Девушки в этих снах не было. Нэн непрестанно думала о Море. За эти несколько дней она передумала о нем больше, чем в то время, когда только влюбилась в него. Его лицо не давало ей покоя. Она вспоминала дни, когда они еще спали в одной постели; она просыпалась первой и видела усталое небритое лицо спящего рядом мужчины. Она чувствовала, хотя самой себе в этом не хотела признаваться, что желает его.

А на следующий день ее одолел страх. Она без

передышки спрашивала себя — что там сейчас происходит?

И ей все меньше верилось, что наставления ее выполняются. Билл прислал ответ на ее письмо. Но какой-то неопределенный. И ничуть не утешительный. Это было вдвойне тревожно, потому что муж обычно так прямодушен и не любит двусмысленностей. Потом настали дни, когда она просыпалась среди ночи с навязчивой мыслью — что сейчас делает Билл? Она в подробностях представляла картины своей катастрофы. И тут она вспоминала, как же Билл *тогда* отвечал на ее вопросы. И теперь уже собственные вопросы казались ей невнятными и несущественными, в то время как ответы мужа стали вдруг четкими до боли. И тут ей стало совершенно ясно, что она может своего мужа потерять.

В течение всех этих дней она не говорила ни с кем, кроме Фелисити, и только о самых заурядных вещах. Но Фелисити все равно ее избегала, тут же после еды уходя из дома куда-нибудь на побережье или в поселок. Нэн не имела никакого желания откровенничать с дочерью. Но по мере того, как ей становилось все хуже и хуже, она все больше и больше нуждалась в обществе дочери. И сейчас она напрасно искала ее, бродя по берегу.

Пляж мало-помалу пустел. Приближающиеся сумерки и все более ощутимая прохлада заставляли последних пляжников поспешно собирать вещи. Нэн почувствовала, что ноги у нее совсем закоченели. Она вытерла их носовым платком и надела туфли.

Поиски привели ее к мысу, за которым берег становился изрезанным и каменистым. Она знала, что Фелисити любит сидеть на этом уединенном *каменистом пляже.* И она решила обойти мыс, а уж потом возвращаться домой. Ей так не хотелось возвращаться в пустой дом. Она пошла по гальке, постепенно сменявшейся камнями. В туфлях на высоких каблуках трудно было идти. Эти камни пугали Нэн. Круглые, хаотически разбросанные у подножия скалы, а море, когда вода прибывала, каждый раз слегка передвигало их. Ужасные, бессмысленные предметы. И в это время, когда она стояла, балансируя, прежде чем перепрыгнуть с одного камня на другой, до нее донесся тонкий пронзительный свист. Звук становился все выше и выше и наконец умолк. Это не было похоже на птичий крик. Она замерла, потом начала переходить с одного камня на другой. Совсем рядом вдруг промелькнула большая черная тень. Это баклан снялся с места и теперь летел к горизонту,

багровеющему в последних лучах солнца.

Небо в зените стало чернильно-синим. Потом, после того как глаза ее привыкли к сумраку, она разглядела недалеко от себя странное пламя. Кто-то стоял возле этого камня, окруженный прибывающей водой. Это была Фелисити. Нэн окликнула ее и начала осторожно двигаться к дочери. Увидев ее, Фелисити кинулась торопливо собирать предметы, разложенные на камне. Потом начала смахивать все, что лежало на камне в воду. Огонек тоже был сметен и упал, не потухнув, на поверхность воды среди листьев и цветов.

Она подошла и остановилась, настороженно глядя на Фелисити. Вопреки вечернему холоду, на Фелисити был только купальный костюм. Множество каких-то бутылочек, других странных предметов стояло на камне. Это напоминало пикник. Но какой-то странный пикник. Огонь все еще горел на поверхности воды, подступающей уже к самым туфлям Нэн. Но Фелисити не двигалась, застывшим взглядом провожая огонек.

— Дорогая, ты совсем с ума сошла? Ты же подхватишь простуду, стоишь здесь совершенно голая. Солнце зашло, и ветер холодный. Где твоя одежда?

— Здесь, — тусклым голосом произнесла Фе-

лисити. И вытащила одежду из углубления на другой стороне валуна.

— Брось мне сначала вещи, а потом переберешься сама.

Широкий поток воды теперь отделял камень, на котором стояла Фелисити, от суши. На воде еще пыхало пламя.

— Что это такое? Так странно пахнет и не гаснет.

Пламя поднималось над стеклянной водной гладью и отражалось в ней. Солнце уже опустилось за горизонт, и чем темнее становилось, тем гуще становился воздух. Огонь неожиданно исчез, не оставив ничего, кроме маленького почерневшего комочка, плавающего поблизости от камня.

Нэн как зачарованная наклонилась и уже собралась взять его в руки.

— Не трогай! — крикнула Фелисити. — На, лови! — Она завернула одежду в полотенце и швырнула. Изловчившись, Нэн поймала сверток. Потом Фелисити начала лихорадочно складывать в сумку все остальное. И бросила ее через поток. Сумка упала на камни. И тут Фелисити бросилась в воду. Задохнувшись от холода, поплыла туда, где стояла Нэн. И по пути успела ладонью утопить

тот странный и непонятный черный предмет, который все еще плавал на воде…

Нэн держала полотенце наготове. Она начала растирать дочь, крепко, изо всех сил, как в те далекие времена, когда дочь была совсем маленьким ребенком.

— Не надо, больно! — вскрикнула Фелисити. И расплакалась.

— Детка, детка. Ну не плачь. Быстренько одевайся и расскажи, что случилось.

Фелисити тряслась от холода. Надела рубашку, потом взяла платье.

— Я видела бабочку. Она подлетела к морю и погибла. — Надевая платье, она все еще всхлипывала.

— Глупости, детка! Наверное, улетела куда-нибудь. Бабочки могут пролететь много миль, они даже перелетают во Францию. Так что не надо плакать, дорогая.

Фелисити села. Стало совсем темно. Луна ярко светила с чернильного неба, высвечивая слева и справа от них громоздящиеся кучи камней. Фелисити пыталась обсушить ноги. Ступни были холодными, как ледышки.

— Я видела рыбу, — снова заговорила она, — которую поймал какой-то человек. Это была

большая рыба. Она лежала на песке, билась и задыхалась. Я хотела взять ее и бросить назад в море, но испугалась. — Ее голос сорвался, она снова зарыдала.

Нэн наклонилась, держа в ладонях побелевшую дочкину ступню. Она чувствовала, что и сама сейчас расплачется. И ей не удержаться. Она всхлипнула и залилась слезами. Сидя среди камней и все еще держа в ладонях дочкину ступню, она плакала навзрыд. А луна струила яркий свет на них обеих.

Глава 15

В эти дни Мор понял, что такое воспаление мозга. Не осталось ничего, что могло бы успокоить его мысли. Они метались в его голове, как перепуганные птицы. Только рутинные занятия, связанные со школой, еще давали ему если не умиротворение, то хотя бы элементарное оправдание существования. Он чувствовал постоянное внутреннее напряжение, словно его тело в любую секунду готово было разлететься на куски. Стали появляться и другие странные физические симптомы. Он постоянно ощущал стойкий неприятный запах, будто все время нюхал содержимое выгребной ямы; и время от времени ему казалось, что кожа его становится черной от грязи. Поэтому он то и дело посматривал на свои руки, чтобы убедиться, что это не так. Ночные кошмары вторгались в его сон и в явь, и один дурной сон тянул за собой другой, словно, торопясь к его постели, звал своего собрата. Мир вокруг него стал одновременно и безумным, и невыносимым. Даже читая газету, он тут же натыкался на историю какого-нибудь фантастического по своей жестокости преступления. Жить в окружении

этих ужасов было невозможно, но куда от них деться, он не знал.

Он мучился еще и оттого, что понимал, Рейн тоже в смятении. Она бросила работу над картиной, объяснив Эверарду, что портрет завершен. И уже назначили дату этого никчемного торжественного обеда. С ее решением уехать он еще бы смирился, рано или поздно это все равно произошло бы, а вот то, что портрет останется незавершенным, простить себе не мог. Тогда, на корте для сквоша, сказанные Бладуардом слова поневоле запали ему в душу. Рейн ведь намеревалась еще и еще работать над головой. И вот ей стало не до исправлений, потому что он заразил ее своей лихорадкой.

На вокзале Ватерлоо Мор ждал поезда, которым должна была приехать Рейн. По каким-то школьным делам он отправился в Лондон, и они условились встретиться после ланча и провести остаток дня вместе. Мор с величайшим беспокойством замечал, что просто общение не утишало их страданий — возникала потребность в чем-то новом, куда более остром. «Это, — думал он, — и есть проклятие».

До прихода поезда оставалось пятнадцать минут. По громкоговорителю заиграла музыка.

Люди сновали туда-сюда по громадному гулкому пространству между кассами и платформами. Некая музыкальность объединяла эту картину, и в какой-то момент все в целом превратилось в балет, пугающий, зловещий, странный. Актеры скользили по сцене туда и сюда с точностью механических кукол. Мор отвернулся. Он купил газету и поспешно развернул ее. Леденящие душу заголовки тут же бросились ему в глаза.

АВТОМОБИЛЬНАЯ КАТАСТРОФА — ЖЕНИХ ВЫЖИЛ, НЕВЕСТА ПОГИБЛА.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЗАРАЖЕНИЕ ЗЕМНОЙ АТМОСФЕРЫ: УЧЕНЫЕ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ.

Он смял листок и бросил в урну. Сел на скамью и закурил. Хотелось выпить, но в самый разгар дня это показалось неуместным. Он и так в последнее время слишком много пил.

Его мысли вновь потекли проторенным руслом. Не обманул ли он Рейн относительно своей семейной жизни? А любит ли она его? Сколько продлится ее влюбленность? Предположим, он порвет ради нее со своей прежней жизнью, а потом и эта новая жизнь окажется лишь грудой обломков? И правильно ли это — вступать в союз с такой юной девушкой? А что, если он для нее

не более чем некая недолговечная замена умершего отца? А что, если в ее чувствах к нему тоски куда больше, чем страсти? Все это он выпытывал у Рейн подробно и долго, но так ничего и не выяснил. Эти разговоры преследовали его во сне, так что утром он вставал с головной болью и потом весь день едва справлялся со своими делами. Она всеми силами убеждала его в своей любви. Но он чувствовал, что на самом деле она убеждает себя. Временами ее горячность трогала его настолько, что все прочее переставало существовать. Но теперь Мор знал, и это было одновременно и мукой, и утешением, что в этом проклятом состоянии ума ничто не может длиться долго. Уверенность и сомнения сменяли друг друга через равные промежутки времени, и, наверное, именно случайности предстояло решить, на чем же он остановится и как поступит.

По крайней мере, одно еще не свершилось. Они еще не стали любовниками. Рейн этого желала. Но Мор решил еще подождать, пока ситуация прояснится. Время шло, ничего не прояснялось, и он начал подозревать, что именно это откладывание и есть его фатальная ошибка. Но что поделаешь, полученное в детстве и тяготеющее над ним до сих пор пуританское воспитание

мешало уже окончательно, в грубо физическом смысле, изменить жене. Хотя он сознавал, что в сущности уже изменил ей во всех смыслах. Он написал Нэн письмо, но снова не отважился высказать все до конца, потому что испугался — а вдруг она вернется прежде, чем он поймет, как поступить. Он понимал, что уже определенно и непоправимо распрощался с правдой. На той грани, к которой он сейчас подошел, правда не могла стать помощницей в его выборе. И стремление к собственному благополучию тоже. Бладуарду он сказал, что именно это стремление ведет его, но теперь погас и этот маяк. Он больше не взвешивал, с кем ему будет лучше, с Нэн или с Рейн. Все равно счастливым ему уже не быть никогда, да и так ли уж это важно.

Что оставалось реальным до боли, так это его влечение к Рейн, всевозрастающее, как ему казалось, и в то же время еще не способное пересилить сомнения — а в праве ли он втягивать ее в эту сумятицу чувств? И что будет с ним, когда наступит момент сообщить Нэн и детям, что он уходит от них? Если бы любовь к Рейн могла сделать его еще более сумасшедшим, или наоборот, его чувство привязанности к прежней жизни стало бы более сильным — тогда он смог

бы решиться. А сейчас он балансировал посреди всех этих сил и не мог переместиться ни туда, ни сюда. Лишь изредка утешительные, манящие картины рисовались перед ним — вот они уже вместе, все муки остались позади, и уже ничто не помешает их счастью. Если бы он мог удержать эту картину в своем сознании достаточно долго, возможно, это помогло бы ему принять решение. Но *даже* этих видений было недостаточно. Он с болью понимал, что, для того чтобы обрести возлюбленную, ему придется учитывать не только свои добродетели, но и свои дурные качества: несдержанность, неприязнь к Нэн, способность раздражаться на пустом месте. Эта опасная полоса лежит между ним и Рейн. И надо что-то сделать с этим пространством, иначе он никогда не окажется с ней рядом. Вот если пойти вперед, не сводя с нее глаз, тогда, может быть, и удастся дойти.

Мор отбросил сигарету. Сейчас должен появиться поезд. Он подошел поближе к платформе. Желание увидеть ее пересилило все прочие мысли. Он стоял, вглядываясь в даль. Прошло несколько минут. Поезд, несомненно, опаздывает. Мор начал прохаживаться туда-сюда, покусывая ногти. А вдруг что-то случилось, может, авария?

Перед ним на миг отчетливо возникло тело Рейн, лежащей в крови, посреди покореженных обломков. Он снова посмотрел на часы. Ну, когда же! Ну, появляйся же! И поезд наконец появился. Проплыл вдоль платформы и остановился, выплюнув на свежий воздух сотни прибывших. И они все устремились к заграждению. Рейн не приехала. Возможно, заболела. Или передумала. А может, он чем-то невольно обидел ее вчера. А вдруг уехала? Нет, вот она, слава богу, такая крохотная, что он просто не разглядел ее в толпе. Увидела его, помахала рукой. Она уже совсем близко от ограждения. Она здесь.

— Рейн, — выдохнул он. И со всей страстью обнял ее. Его больше не волновало, что кто-то может их увидеть, не волновали сплетни и пересуды.

Рейн со смехом освободилась из его рук. И, поглядывая на него, повела к выходу.

— Ты плакал, — сказала она. — У тебя есть ужасная привычка — плакать беззвучно. Лучше уж навзрыд.

Мор и в самом деле в глубине души заливался слезами.

— Видишь, какой я немощный! Но теперь все в порядке.

Они вышли из здания вокзала и пошли к реке.

— Куда мы идем? — спросил Мор. Рейн, очевидно, знала Лондон куда лучше его.

— Сначала перейдем мост, — объяснила она, — а потом я покажу тебе кое-что. — Она тащила его за руку, как дети тащат взрослых. Они подошли к мосту Ватерлоо.

Широкая изгибающаяся лента Темзы возникла перед ними в обрамлении бледно-золотых куполов и шпилей. Сверху, по неяркому небосводу, плыли пухлые белые облака. День был холодный, собирался дождь. Вода поблескивала, вспениваясь волнами, на которых покачивались стоящие на приколе баржи. Но воздух над неспокойной рекой был абсолютно безмятежен, и знакомые очертания зданий таяли в легкой дымке. Они остановились посмотреть, и Мор ощутил всплеск волнения, которое всегда, еще со времен его провинциального детства, охватывало его при каждой новой встрече с Лондоном, городом прекрасным и коварным, полным ловушек и соблазнов. Холодный ветер дул в их сторону. Они в молчании смотрели на восток.

Рейн вздрогнула:

— Смотри, а в Лондоне уже осень. Я думала, листья начинают опадать в сентябре. Но здесь осыпаются уже в июле. Наверное, я не смогу про-

жить в Англии весь год.

Мор тоже задрожал, но не от ветра. А от вдруг пришедшего осознания, что Рейн *свободна*. И — этого он, как ни старался, не мог забыть — достаточно обеспечена. И поэтому может по собственному вкусу выбирать, провести ли ей зиму в Англии или вернуться к Средиземному морю, а то еще взять и улететь на Майорку или в Маракеш. Ее свобода и привлекала Мора, и одновременно возбуждала какую-то неприязнь.

Рейн прочла его мысли. Но она наверняка не желала, чтобы он это понял. Ей хотелось каким-то образом намекнуть ему, что она не исключает его из своего будущего.

— Подумай, как мы будем когда-нибудь вместе работать, — говорила она, — я над картиной, ты над своей книгой…

Мор рассказал ей о своей недописанной книге. Но пока еще ни словом не обмолвился о своих политических планах. Да и так ли уж необходимо рассказывать, ведь он, скорее всего, оставит все эти хлопоты. Сейчас он не мог заставить себя даже думать о политической карьере. По сравнению с его нынешними заботами все связанное с выборами оказалось таким незначительным.

— Ты никогда не оставишь свою живопись, —

сказал Мор, — а я вот не знаю, как бы себя повел, — он поискал слово, — ...на свободе. — Он на минуту представил себе, что живет в каком-нибудь отеле на Майорке на деньги Рейн. Эта картина показалась ему не столько противной, сколько нелепой. Разумеется, до этого не дойдет. Когда буря уляжется, он откроет свою собственную школу. Они это уже обсуждали. Он попытался сосредоточить мысли на возможном будущем, что давалось ему с некоторым трудом. Зато без труда являлось лицо сына. Он вспомнил, что через десять дней у Дональда экзамен по химии.

Они перешли мост. Начинал накрапывать дождик.

— Берем такси, — объявила Рейн. Сегодня она была такой веселой. Буря сомнений и упреков на мгновение улеглась. Мор понял, в чем так нуждается — в ее уверенности! Тогда и он следом за ней мог бы, наверное, принять решение. Он остановил такси и там, внутри, обняв ее, тут же забыл обо всем на свете.

Рейн велела остановиться на Бонд-стрит. Мор растерянно озирался вокруг. Он настолько был поглощен Рейн, что не обратил внимания, куда они едут. Возле дверей висел плакат:

ОТЕЦ И ДОЧЬ
Выставка работ
СИДНИ и РЕЙН КАРТЕР

Радуясь его удивлению, Рейн повела Мора за собой. Мора охватило волнение. Кроме портрета Демойта, он не видел других картин Рейн, работ ее отца не знал вовсе — ни в оригинале, ни на репродукциях. Поэтому предвкушение открытия смешивалось с тревогой. Его беспокоило, что ведь картины могут ему и не понравиться!

Они поднялись по лестнице.

Появление Рейн вызвало легкое волнение. Она знала и девушку, торгующую каталогами, и двух агентов по продажам, и хозяина галереи, который с кем-то беседовал в центре зала. Несколько посетителей, рассматривавших картины, тоже обернулись. Мор понял, что впервые оказался в мире Рейн. Ему стало неловко. Но Рейн без всякого смущения представила его своим знакомым как коллегу Демойта. Агенты знали о портрете и поинтересовались, как движется работа, пообещав осенью навестить Сен-Бридж, чтобы взглянуть на картину. «Значит, теперь в Сен-Бридж будут ездить знатоки живописи… а меня там уже не будет», — думал Мор. Слово «осень» прозвучало

словно напоминание о времени после его смерти. Так, наверное, приговоренный к казни слушает праздную болтовню своих тюремщиков.

Рейн, по всей видимости, нисколько не торопилась. Она обменивалась последними новостями с агентами и хозяином. Поговорили немного о творчестве ее отца, упомянули и о недавней продаже одной из его картин. Цена потрясла Мора. Он молча стоял в стороне, глядя на Рейн. Она сейчас была целиком в своей стихии и совершенно не походила на всхлипывающую бесприютную девчонку, которую он видел два вечера тому назад, когда они долго обсуждали сложившуюся ситуацию. Ей оказалось по силам перейти из времени *того* в *это.* Он поражался легкости этого перехода. Сегодня на ней было платье, которого он раньше не видел, — облегающее, из светло-серой шерсти, в нем она казалась выше ростом. Он смотрел на ее задорное мальчишеское личико и на безупречно округлую грудь, вырисовывающуюся под тонкой тканью. На ногах у нее были не парусиновые тапочки, которые она обычно носила в Сен-Бридж, а черные туфли на каблуках. Сумочка, цокающие по паркету каблучки. Он желал ее, и желание это стало таким сильным, что ему пришлось отвернуться.

Он столько раз размышлял над своими по отношению к ней желаниями. Завладеть этим миниатюрным экзотическим существом, но не только это. Еще — рядом с ней стать другим, свободным, творчески богатым, обрести радость, любовь. Благодаря ее таинственному влиянию сбросить скучную оболочку повседневной жизни. Он вспомнил слова Бладуарда: «Вы думаете только о своем собственном счастье». Прекрасно, если два человека могут подарить друг другу счастье, новизну чувств, почему бы и нет. «В конце концов, — думал он, — это вполне может стать целью. Только разрешите вначале разобраться, что я приобрету, а что утрачу». Он с облегчением почувствовал, что настроение изменилось. Облако кошмара, висевшее над его головой, пока он ждал на вокзале, рассеялось. *В мире без Искупителя только ясность является ответом на грех.* Он прояснит для себя все, что прячет глубоко, ничего не утаив, и после этого примет решение.

Рейн тем временем попрощалась со знакомыми, и те ушли. Она повернулась к Мору:

— Я думала, ты смотришь картины.

— Жду, когда ты мне их покажешь.

И они пошли по залу. Мор нечасто бывал на выставках, картины буквально потрясли его. Сколь-

ко полотен! Одни — изысканно-декоративные, каким будет, наверное, портрет Демойта, другие в более импрессионистской манере, выполненные множеством мазков. После нескольких промахов Мор оставил попытки угадать, какие полотна принадлежат Рейн, а какие — ее отцу.

— А как эксперты отличают? — спросил он у Рейн.

— Картины отца лучше! — ответила она.

В большинстве своем картины были выполнены в чрезвычайно интенсивных, даже агрессивных тонах, а формы отличались размашистостью, доходящей до гротеска. Все выглядело куда более громоздким и напряженным по цветовой гамме, чем в реальной жизни. По сравнению с этими работами портрет Демойта теперь казался верхом гармонии и сдержанности.

Когда Мор сказал об этом Рейн, она ответила: «Я только сейчас начинаю развивать свой собственный стиль. Мой отец был живописцем настолько сильным, индивидуальностью настолько мощной, что я до сих пор нахожусь под его влиянием. И пройдет еще немало времени, прежде чем я узнаю, на что сама способна».

Мор подумал: «И в своей профессии она верит в будущее». Как бы ему хотелось вот так же ве-

рить.

— А здесь есть портреты твоего отца? — поинтересовался он.

— Несколько. — Она остановилась перед одним. Сначала Мор ничего не разобрал, кроме рельефных выпуклостей и впадин мазков, и лишь потом разглядел изображение человека с тонким лицом, как-то искоса, несколько вопросительно глядящего на зрителя; его аккуратно подстриженные прямые волосы серебрились на висках, большие влажные глаза окружала сетка морщинок, в плотно сжатых губах дрожала ирония.

— Это твоя картина?

— Отца. Он написал этот автопортрет незадолго до смерти. Очень талантливая работа. Посмотри, как энергично написана голова. Эту работу мистер Бладуард не стал бы критиковать.

Мор почувствовал, что не способен выразить свое мнение о картине. Его охватило похожее на сон чувство, что он перенесся в мир, где живет Рейн, словно она заколдовала его, чтобы он смог увидеть ее прошлую жизнь. Но удастся ли увидеть? Они пошли дальше.

Подошли к портрету девочки с длинными черными косами, склонившейся над клавишами

фортепиано. Из разноцветного тумана выступала фигурка, омытая неповторимым, присущим лишь югу светом и воздухом.

— Кто это? — спросил Мор, хотя уже знал ответ.

— Я.

— Это отец писал?

— Нет, я.

— Но ты же тогда была совсем ребенком!

— Не такой маленькой, как на портрете. Мне было девятнадцать. По-моему, это не очень удачный портрет.

Мору он казался чудесным.

— И у тебя тогда были длинные волосы? Когда ты их обрезала?

— После… Парижа. Я там училась.

Они перешли к следующей картине. Отец Рейн стоит в коридоре у двери, прислонившись к косяку. На нем просторный белый костюм, лицо в тени. За его спиной виднеется сияющая гладь моря.

— А это моя работа. Не такая давняя, но совершенно бездарная. Это вид из дверей нашего дома.

— Вашего дома! — удивился Мор. Ну разумеется, Рейн и ее отец жили в каком-то доме, вот только

его воображение еще не удосужилось поработать над деталями, составлявшими ее прошлое.

— Вот снова наш дом. Здесь больше подробностей.

Мор увидел белый фасад, освещенный солнцем, испещренный голубоватыми тенями, розоватыми пятнами облупившейся штукатурки и серыми квадратами то наглухо закрытых, то чуть приподнятых жалюзи. Шероховатый ствол кипариса перерезал одно из окон.

— А где море?

— Тут, — сказала она, указывая куда-то вне пределов картины.

— А твоя комната?

— Здесь ее не видно. На эту сторону выходила комната отца. Но есть картина, где видно мое окно. — И она подвела его к другому полотну. Вечер, боковая стена дома, освещенная вечерним, догорающим светом. Причудливые формы, наполненное пурпурными тенями кипение цветущих кустарников, подступающих прямо к дому.

— Дорожек нет! — поразился Мор.

— Да, мы ходили прямо по траве.

— А вид из окна?

— Вот, — показала она. Полдень. И медленно,

очень медленно сонный, растрескавшийся от сухости ландшафт сливается с горными склонами, засеянными виноградниками, с розовато-лиловой дымкой растений и камней.

— Кто… — начал он.

— Это я, — предупредила она его вопрос. — Остальные принадлежат отцу. Ему очень нравилось изображать наш дом.

— А кому сейчас принадлежит этот дом?

Она удивленно посмотрела на него:

— Мне.

Они переходили от картины к картине. На большинстве полотен было либо изображение дома, либо пейзажи окрестностей, автопортреты или портреты отца и дочери. Было два или три вида Парижа и около пяти портретов других людей. С каким-то изумлением, с чувством, похожим на томительное наслаждение, Мор созерцал этот яркий южный мир, где в полдень солнце рассеивает по морю острые, ослепительные искорки света; и беленые стены домов рассыхаются и умирают от зноя, чтобы вновь ожить в зернистом вечернем воздухе; где из одного окна видно море, а из другого — запыленные цветы и горы. Он глядел и не мог наглядеться, и словно вдыхал обжигающий южный воздух. И вот наконец в

комнате, в гостиной, уже запечатленной на одной из прежних картин, он увидел черноволосую девушку в цветастом летнем платье. Несмотря на полдень, ставни были закрыты. Комнату наполнял очень яркий, чистый, ничем не затененный свет. Девушка отбросила назад короткие волосы и с улыбкой смотрела на зрителя, одна рука лежала на маленьком столике, вторая — подпирала щеку. Своей наивной свежестью картина напоминала дагерротипы Викторианской эпохи. Это была Рейн, которую Мор знал, Рейн сегодняшняя.

— Одна из последних работ отца.

Мор был растроган. Наверняка дочь для него была самой большой драгоценностью. Его захлестнуло чувство симпатии к отцу Рейн, и он впервые поймал себя на мысли, что до этого относился к нему враждебно.

— Кто владелец картины?

— Достопочтенная миссис Лемингтон Стивенс.

Мор нахмурился. Какое право имеет эта достопочтенная миссис Лемингтон Стивенс владеть изображением Рейн?

— Я хочу владеть этой картиной.

— Я напишу для тебя. Я напишу много картин. Твои портреты. Я буду писать твои портреты бесконечно много раз.

Мор представил грядущие годы. Комната, увешанная портретами — его и Рейн. Он сам, читающий вечерами на террасе, работающий в гостиной при лунном свете, идущий по пустоши, продирающийся через пыльные заросли кустов, где нет тропинок. Рейн, потихоньку, незаметно расстающаяся со своим мальчишеским обликом, с бесценной простотой детства, а взамен обретающая спокойную мудрость зрелой женщины; и так картина за картиной, череда полотен, уходящих в непостижимое будущее. Рейн с кистью в руках, глядящая с тысячи полотен туда, где смутно маячил последний предел.

Он ничего не сказал. Рейн смотрела на него. Он встретил ее взгляд без улыбки, готовый к тому, чтобы она немедленно решила его судьбу.

— Здесь есть портреты твоей матери? — наконец спросил он.

— Нет. Отец ее не писал.

Они прошли несколько шагов, и Мор подумал: «Это *неизображенное* лицо так много могло бы мне сказать». Он хотел о чем-то спросить, но Рейн опередила его.

— Вот любопытная вещь, — сказала она, указывая на большое полотно в конце зала. Здесь оба, отец и дочь, были изображены вместе. Отец сидел

за столом, на котором лежало множество книг и бумаг. Слева от него — большое светлое зеркало, в котором отражалась Рейн и картина, над которой она работала, и получалось так, что та же самая картина представала еще один раз, но в гораздо меньшем масштабе. На отце была рубаха с открытым воротом. Коротко подстриженные волосы падали серебристой челкой на лоб, он внимательно смотрел на дочь, а в зеркале было видно, как внимательно она глядит на отца. Лица находились почти рядом, трогательно похожие.

— Чудесно!

— На мой взгляд, не очень удачно. Я хочу повторить ту же композицию с тобой. — Она сказала это самым будничным тоном, не отрывая взгляда от картины.

«Она решилась, — подумал Мор. — Она решилась». Ему захотелось немедленно уйти с выставки. Не сказав друг другу ни слова, они медленно начали спускаться по лестнице. Почувствовав под каблуками толстый ковер, он с болезненностью ощутил свое возвращение назад, в дождливый, холодный, похожий на осень полдень. Здесь все осталось как прежде — бездушное, шумное, безобразное, тесное, без умиротворения, без милосердия. Когда они вышли на улицу, он

украдкой взглянул на Рейн. Нет, она стала какой-то другой; картины представили ее в новом свете. Прошлое, изображенное на них, придало ей новую силу и новое очарование. Все увиденные им ее лики, и лицо девочки с длинными косами, и лицо юной красавицы в цветастом платье, вдруг соединились, делая еще более притягательным облик той, которая сейчас шла рядом с ним. Он вспомнил и о том, насколько она похожа на своего отца, хотя его ироническая замкнутость обернулась в ней чинной учительской важностью, которая в сочетании с ее круглым детским личиком порождала эффект скорее комический. Его переполняли чувства.

Монотонно падали капли дождя. Мор не захватил с собой плащ. У Рейн на руке висел маленький зонтик. Она протянула его, и он раскрыл зонтик над их головами. Рука об руку они вернулись на Бонд-стрит.

— Чай у Фортнум и Мейсон! — объявила Рейн.

Чай у Фортнум и Мейсон! Он не сразу осознал, что неистовое, глубокое волнение, охватившее все его существо, называется радостью. Она решилась. Он тоже. Иначе и быть не могло. «Рейн», — только и сумел прошептать он.

Глаза ее сияли. Она сжала его ладонь.

— Я знаю, — сказала она. Дождь усилился.

— Я скажу тебе кое-что, — произнес Мор так, будто вспомнил что-то важное. — Наверное, я не смогу жить вне Англии, даже временно.

— Дорогой Мор, тогда мы будем жить в Англии! — Она сильнее сжала его руку. Дождь уже лил как из ведра. И они что есть духу побежали по направлению к Фортнум.

Глава 16

Следующим вечером Бладуард собирался прочесть свою знаменитую лекцию, и Рейн должна была прийти, потому что Эверард всячески уговаривал ее, подчеркивая, что на этот раз лекция будет посвящена искусству портрета. Мор обычно на эти лекции не ходил, но если там будет Рейн, значит, будет и он. С тех пор как он принял окончательное решение, мир совершенно изменился. Колоссальная энергия, которую раньше буквально пожирали непрерывные сомнения и разного рода катастрофически мрачные фантазии, теперь перешла в невероятной силы чистейшую радость. Мор теперь чувствовал дружелюбие по отношению ко всем коллегам, включая Бладуарда, и лекцию предвкушал как великое наслаждение. Он сядет поблизости от Рейн, будет смотреть на нее и вспоминать ее портреты, которые в его воображении все еще парили над ее головой, словно ангелы над мадонной.

Днем Мор написал решительное, не оставляющее никаких сомнений письмо Нэн, что заставило его пережить несколько неприятных минут. Но и это трудное предприятие все равно

было окрашено чувством необычной легкости, наступившей после того, как он разгадал, в чем правда и обрел способность высказаться. Потом он набросал черновик письма к Берку, где в нескольких словах сообщал, что отказывается от участия в избирательной кампании. Это, конечно, не доставило ему радости, но он понимал, что выиграл иной, куда более ценный приз, ради которого не жаль кое-чем пожертвовать. На переписывание времени не осталось, поэтому он поспешно бросил листки в ящик стола. Пусть полежат до завтра.

Тема, которой он еще не решался коснуться, — дети. Думая о них, он говорил себе: «Как бы я ни поступил, все равно перемены неизбежны, и, возможно, они будут гораздо менее катастрофическими, чем мне сейчас представляется. В конце концов, дети уже вполне сознательные. Моя связь с ними не прервется». И все же, насколько это было возможно, он отстранялся от размышлений о детях. Решение принято, и нет смысла продолжать все эти терзания, от которых все равно никакой пользы. В коротком письме к Нэн он предложил ничего не обсуждать, пока Дональд не сдаст экзамен. Мелькнула мысль — может, вообще отложить письмо и написать уже

после экзамена, но нетерпение подгоняло его. Действуй, говорил он себе, а то мало ли что может случиться. По отношению к Нэн он уже не испытывал былого гнева, только невнятное чувство неприязни, смешанное с легким сочувствием. Он представлял, как она удивится. Она, наверное, и вообразить не может, что он способен так решительно выступить против ее диктата. Воображая ее удивление, он чувствовал некое удовлетворение, которое сразу же поблекло, превратившись в чувство стыда. И вот сожаление начало завладевать им, и, чтобы не поддаться этому чувству, он перенесся всеми своими мыслями к Рейн.

Лекция должна была состояться после ужина, как обычно, в гимнастическом зале, который было легче затемнить, чем актовый зал. Вообще-то за окнами и так сгущались сумерки, но для демонстрации слайдов требуется дополнительное затемнение. Надеялись, что диапроектор не будет барахлить, как в прошлый раз, и число слайдов, появившихся на экране, так сказать, вверх ногами, сократится до минимума. Лекции Бладуарда неизменно сопровождались какими-то неприятными происшествиями. И случались они именно в тот момент, когда все вокруг готово было заходить ходуном. Самая обычная заминка, которую в

иных обстоятельствах Школа бы просто не заметила, на лекциях Бладуарда вызывала настоящую бурю. Потому что к лекции Бладуарда Школа заранее готовилась как к комическому спектаклю. Атмосфера накалялась. Мор поймал себя на том, что и сам в нетерпении, то есть самым безумным образом ждет каких угодно выходок.

Он встретил Эверарда, проходящего по игровой площадке. У того на лице было тревожное выражение.

— Надеюсь, вы будете там, Билл? — спросил он.

— Несомненно! — ответил Мор. Ему хотелось обнять Эверарда. «Интересно, — подумал он, — а на лице у меня такое же сумасшествие, как и внутри?»

— Я рад, — покачал головой Эверард. — Будем надеяться, что ребятишки не слишком расшалятся.

Тем временем Школа уже заполняла гимнастический зал. Черные шторы опущены, и электрический свет включен. Снаружи теплый вечерний воздух был пропитан запахами недавнего дождя, листвы, земли, цветов. Легкая дымка окутывала школу, смягчая резкий цвет красных кирпичей и *превращая неоготику в готику.* Напротив гим-

настического зала величественно возвышалась башня, вся в кудрявых прядях вечернего тумана, и несколько светящихся окон только сильнее подчеркивали окружающий полумрак. Но лампы за окнами гасли одна за другой. Лекции Бладуарда пропускать было не принято.

Громкий и все усиливающийся шум голосов и хлопанье стульев доносились из зала. Оттуда уже долетали и слегка взвинченные нотки. Потом кто-то захлопал в ладоши и чей-то голос, возможно Хензмана, прокричал:

— Прекратите шум, крыша от вас ходуном ходит! Говорите нормальными голосами, и все будет слышно.

Но секундой позже гам возобновился с удвоенной силой. Мор подумал: «Наверное, следует зайти и помочь Хензману». На том лежала еще обязанность включения диапроектора. Обычно проектор включал Бейсфорд, но в его отсутствие эту задачу выполнял Хензман. Мор подумал, что Хензман делает это не хуже Бейсфорда, а может, даже и лучше, потому что характер у него более спокойный, не такой раздражительный. Мор радовался, что не ему поручено выполнять эту утомительную, а в нынешних обстоятельствах еще и действующую на нервы работу.

Не торопясь отправиться на выручку окруженному бушующей стихией Хензману, он вглядывался в дальний конец игрового поля. Он надеялся увидеть, как появится Рейн, и сесть поблизости от нее, может, даже рядом с ней.

Становилось все темнее. Пробежала еще одна стайка школьников со стульями в руках. Прямо к дверям зала. Трое из них, оказавшись там одновременно, попробовали вместе протиснуться в дверь. Завязалась потасовка, кого-то, кажется, сбили с ног. Мор направился к месту боя. Куча тел и стульев мгновенно рассосалась, и детишки исчезли в дверях, но внутри борьба продолжалась уже в виде сражения за места. Когда Мор повернулся, он увидел Рейн, идущую в сопровождении мистера и миссис Пруэтт. Мору казалось, что в ореоле неземного сияния она летит к нему сквозь сумерки на крыльях неслышного, но мощного ветра. Даже супругов Пруэтт, идущих по бокам Рейн, коснулась часть этой благодати. «Какие же они замечательные, эти Пруэтты!» — подумал Мор. Они улыбались ему. Лицо Рейн оставалось в тени. Но только он шагнул к ней навстречу, из вечернего воздуха вдруг материализовался Эвви. Очевидно, караулил в дверях библиотеки, пережидая бурю перед началом лекции. Теперь

он перехватил Рейн и повел ее к спортивному залу. Мор поплелся следом вместе с Пруэттами.

Войдя, Мор вздрогнул от яркого света и громкого гудения, переходящего в рев, напоминающий шум работающего реактивного двигателя. Он увидел спину Эвви впереди себя, потом его профиль. Эвви явно был потрясен. Младшие школьники в самых первых рядах усаживались по трое на стул — один на спинку, второй на сиденье, третий внизу у ножек. Вдобавок, пока рассаживались, поднимали небольшую драчку, сражаясь, кому где сидеть. За этой мятежной толпой у стен стояли и сидели старшеклассники, тоже не в меру оживленные. Некоторые ряды изгибались во все стороны, и невозможно было понять — ряд это или что-то другое. Стулья шатались, скрипели…

Эвви, кажется, вдвойне скованный присутствием Рейн, молча пробирался среди взбаламученной, кое-как примостившейся на стульях молодежи. Мор шел следом, решительно настроенный сесть рядом с Рейн. Сейчас он чувствовал себя легкомысленным пятиклассником. Одолевая воздвигнутые учениками заграждения, он то и дело громко приказывал: «Поставить стулья на место!» И надеялся, что его распорядительность не оскорбит Эвви. Хотя, в общем-то, ничто

не могло оскорбить Эвви, доброго старого Эвви. Наведением порядка надо было заняться с самого начала. А то вот теперь бои велись уже не за каждый отдельно взятый стул, а между стульями, то есть между троицами, их оккупировавшими. Стараясь по возможности не обращать внимания на безобразия, Мор продвигался вслед за Рейн и директором.

Перед проектором было поставлено несколько стульев, находившихся под охраной Хензмана. Несколько учителей уже устроились в этой зоне относительного покоя. Со вздохом облегчения Эвви провел туда Рейн и сам шлепнулся на соседний стул. Мор сумел устроиться по другую сторону, а Пруэтты поместились рядом с ним. Он оглянулся посмотреть, кто сидит за ним и не видно ли в толпе Дональда, но не заметил сына.

Бладуард уже был здесь. На свои лекции в гимнастический зал он всегда являлся первым. И стоял теперь на открытом пространстве перед младшими школьниками, опираясь на длинную указку, которой пользовался для того, чтобы акцентировать внимание на различных деталях картин, а также стуком об пол извещать, чтобы дали следующий слайд. За его спиной на стене висело широкое белое полотнище. Прислонив-

шись, он глядел на волнующуюся массу, и на лице его было то самое выражение, какое свойственно человеку, повторяющему про себя текст своего выступления, причем повторяющему не без удовольствия. Бладуард никогда не читал по бумажке. Начав развивать избранную тему, он мог уже говорить бесконечно, правда, в несколько сбивчивой манере, при этом не лишенной даже некоторой элегантности. Бладуард был по-своему неплохим лектором и мог бы произвести впечатление на аудиторию любую, кроме аудитории, состоявшей из расшалившихся школьников.

Здешние лекторы привыкли начинать тут же, без предупреждения, как только появлялся директор. Поэтому, увидев Эверарда, Бладуард резко стукнул об пол указкой. Он казался совершенно спокойным и вдруг напомнил Мору странника, опирающегося на свой посох, невозмутимого и исполненного веры. Бладуард прекрасно знал, какая стихия ему противостоит. Он каждый год с нею сталкивался. Когда-то Демойту даже пришлось остановить лекцию из-за того, что школьники устроили тарарам, но и после этого Бладуард не прочь был продолжать, хотя ни одного слова его нельзя было расслышать. Сейчас он стоял, слегка покачивая головой, по мере того как

постепенно стихал шум и наконец превратился в приглушенный шепот. Он заправил пряди длинных темных волос за уши, открыв широкие бледные щеки. Свет погас.

В неожиданно наступившей темноте легкий шумок прокатился по рядам, но тут же стих. Мор отыскал ладонь Рейн и смело взял в свою руку. Он сжал ее страстно. Она ответила пожатием, после чего тихо высвободила ладошку. Мор попытался еще раз. Но ее ладонь, коснувшись его легко, словно птичка крылом, упорхнула на коленку, где и опустилась под защитой второй руки.

Юнцы уже посмеивались в предвкушении спектакля.

— Прошу внимания, — сказал Бладуард. И наконец установилось что-то похожее на тишину.

Включили проектор, отбросивший на полотнище белый квадрат света. В этом свете Мор разглядел профиль Рейн. Она решительно смотрела вперед. Тут он понял — если продолжит смотреть на нее, она не выдержит и тоже рассмеется. И он внутренне сосредоточился, чтобы самому не растерять остатки серьезности.

Бладуард начал лекцию.

— Человеческое лицо, — произнес он, — это самая любопытная в мире поверхность.

Взрыв хохота, тут же стихший, прокатился по рядам, где сидели младшие ученики.

— По мнению матема… математиков, — продолжил Бладуард. Он не без усилия произнес это слово. Сдержанный смешок пробежал по залу.

— Теперь задайте себе… себе вопрос, почему мы всегда интересуемся лицом и почему когда мы встречаемся с нашими друзьями, то смотрим на их лица, а не на колени или локти. Ответ прост. Мысли и чувства выражаются мимикой лица, а не движениями коленей или локтей.

С трудом сдерживаемый смех грянул как взрыв вместе с окончанием фразы. Мор снова повернул голову и увидел, что Рейн прикрывает лицо платком. И голова ее слегка вздрагивает. Потом посмотрел на Эвви, но тот был абсолютно серьезен в этом своем глухом белом воротничке. Мор понял, что не сможет долго сдерживаться, и начал искать собственный платок.

— Теперь зада… зададим себе еще один вопрос. Почему художники так любят изображать лица своих знакомых… знакомых? На это можно ответить так — художники изображают то, что достойно любви в этом мире, а человеческое лицо как раз и достойно любви. — Еще одна веселая рябь явственно пробежала по рядам. Школа сно-

ва сдержала смех, как некто, предвкушающий окончание хотя и длинного, но очень забавного рассказа.

— Но этот ответ едва ли можно назвать исчерпы… исчерпывающим. — Бладуард говорил медленно и важно, как гонец, что принес известие о начале войны или о кончине царственной особы. — Были различные времена в истории, различные причины, почему художники писали людей и почему люди хотели, чтобы их писали художники… художники… художники. — Когда Бладуард повторил слово в третий раз, веселье аудитории выплеснулось через край. Поднялся рев, и в нем потонул стук указки, вызывающий первый слайд. Пауза затянулась. Хензман не расслышал стука, а Бладуард терпеливо ждал, когда же появится изображение. Мор тут же догадался, в чем дело, и, нагнувшись, шепотом попросил Эвви передать это Хензману. Но как раз в эту минуту Эвви отвернулся, призывая к порядку расшумевшуюся компанию учеников. Мор качнулся на своем стуле и невольно щекой коснулся щеки Рейн. Искоса глянув на нее, он заметил, что в глазах ее все еще искрится смех, но, кажется, она уже сумела взять себя в руки и смотрит на него поверх платка, который прижимает к губам.

А пауза тем временем затягивалась.

— Звук пропал, — прокричал сзади чей-то звонкий голос. И Школа, дав себе волю, просто покатилась от хохота. Рейн откинула голову назад, плечи ее тряслись. Мор тоже закатывался беззвучным смехом. Его переполняло сумасшедшее счастье.

— Мистер Хензман, дайте, пожалуйста, слайд, — попросил Бладуард.

Картинка наконец появилась. Это был «Смеющийся кавалер» Франца Хальса. Школа с бульканьем и вздохами затихала.

— Этот господин, конечно, вам всем хорошо известен. И если вы спросите, какова в данном случае связь между портретируемым… портретируемым и художником, то ответ будет — обаяние. Портретируемый хочет, чтобы его видели обаятельным, и художник охотно выполняет его пожелание. — Бладуард вновь постучал указкой.

Внимая Бладуарду, Школа на минуту притихла. Но тут же послышалось какое-то гудение, будто над рядами носился пчелиный рой.

На следующем слайде был изображен фрагмент мозаики из Равенны — голова императора Теодорика.

— А здесь что мы видим? Мы видим не портрет

индивидуальности, написанный индивидуальностью, а абстрактную… абстрактную идею власти и величия, воплощенную в облике человека.

Он постучал указкой по полу. А Школа навострила уши, предвкушая нечто.

— А сейчас этот прославленный портрет… — Грянул хохот. Потому что «прославленный портрет» оказался изображением пищевода лягушки. Бладуард торопливо отступил от экрана, чтобы посмотреть, и едва не сшиб каких-то малышей.

— Кто-то подменил слайд, — шепнул Мор на ухо Рейн. Такое уже случалось. Теперь можно было ожидать чего угодно. Он подвинул стул чуть ближе и заглянул ей в лицо. Она ответила ему улыбкой. Мор вновь повернулся к экрану и прижал свою ногу к ее ноге. Лягушка все еще была на экране.

— Полагаю, тут какая-то ошибка, — слышался голос Бладуарда. Мор чувствовал себя на вершине блаженства.

Хензман перекрыл рукой источник света — лягушка исчезла. Но он замешкался со следующим слайдом. Прошла минута, прежде чем изображение появилось. Это был один из поздних автопортретов Рембрандта.

— Вот еще один портрет… если мы спросим, что связывало натурщика с портретистом, то ответ напрашивается сам собой — правда? — Аудитория молчала. Бладуард сделал паузу и посмотрел на картину. Огромная сократовская голова старого Рембрандта, закутанная в какую-то грязную тряпицу, выступала из света и тьмы. На краю освещенного пространства стоял Бладуард, неотрывно глядя на картину. Он, кажется, на минуту забыл, где находится.

— М-да, — пробормотал Бладуард и, отодвинувшись в тень, цокнул указкой об пол.

А на экране вдруг возникло цветное фото королевы в синем костюме, стоящей на ступеньках Балморала. Хорошо спевшаяся группа из задних рядов тотчас же затянула национальный гимн. Аудитория послушно вскочила со своих мест. И тут же грянул сумасшедший хохот. Несколько человек еще пытались петь, но недолго.

Мор приподнялся на своем стуле и расслышал, как Эверард говорит Хензману:

— Вряд ли сам мистер Бладуард мог придумать…

Хензман, нисколько не растерявшись, быстро изъял неуместную картинку и вставил другую.

— Наверное, мне пора уходить, — шепнула

Рейн. Мор обнаружил, что держит ее за руку. Наклонившись, они прижались плечами друг к другу.

— Я тебя безумно люблю! — под гул голосов сказал Мор.

— Тшш! — шепнула Рейн.

Хензману удалось выдворить королеву. Появился следующий слайд — портрет Винченцо Морозини Тинторетто. Школа со вздохом замолчала.

— Перейдем к этому полотну, тоже находящемуся в Лондоне, — невозмутимо произнес Бладуард.

— Изумительный портрет! — прошептала Рейн. — Жаль, что…

Сзади раздался громкий шепот. Там задвигали стульями. Создалось впечатление, что кто-то один, а может, двое начали пробираться к выходу. Сидящие в первых рядах оглядывались, стараясь понять, что происходит.

— Будьте добры, не шумите, — обернувшись, попросил Эвви.

— …извлечь некую мораль из этих примеров… — тем временем говорил Бладуард.

— Что там за суета? — спросила у Мора миссис Пруэтт. Но Мор не знал. Он повернулся на

своем стуле и коленом прижался к бедру Рейн. Несколько мальчиков стояли, переговариваясь вполголоса. Потом некоторые из них направились к дверям.

— …Будучи, как Шекспир, он определил это, творцами и владельцами наших лиц…

Пруэтт встал и вдоль стены начал пробираться к центру неразберихи.

— Где находится эта картина? — шепотом спросил Мор у Рейн.

— В Национальной галерее, — тоже шепотом ответила Рейн. — Мы туда…

Бладуард стоял в белом квадрате света, протянув вперед указку. Он напоминал алхимика, беседующего с призраком. В задних рядах переговаривались все громче. Большая часть учеников смотрела теперь именно туда, а не на экран. Все взволнованно перешептывались. «Что случилось?» — спросил кто-то в первом ряду.

Пруэтт вернулся и, наклонившись к Эвви, сказал обеспокоенно:

— Наверное, вам надо выйти. Двое мальчиков лезут на башню.

Мор похолодел. Все вокруг мигом куда-то исчезло. Он вскочил, сделал шаг и чуть не столкнулся с Эвви, который в эту минуту тоже поднялся… Он

начал пробираться к ближайшей двери. На задних рядах тоже вскакивали, гурьбой устремляясь к дверям. Началась давка. Голоса звучали все громче и громче. Мор попал в центр водоворота. Прокладывая себе путь, он краем глаза видел происходящее в зале. Бладуард все еще стоит у экрана, подняв указку, а перед ним, в зале, мальчики дерутся, толкаются, взбираются на стулья. А самые младшие в первых рядах еще не поняли, что происходит, и спрашивают, им отвечают громко, взволнованно, и паника все нарастает и нарастает. Эвви тоже попал в водоворот. На секунду его лицо мелькнуло в свете экрана — разинутый рот, испуганный взгляд. Уже после того, как директор пробился к выходу, Мору удалось включить свет.

А потом он выбежал на средину игровой площадки. На дворе уже совсем стемнело. Толпа и без того уже собралась внушительная, но к ней все прибавлялись и прибавлялись школьники, высыпающие из двух дверей гимнастического зала. Мор поднял голову. Но ничего не смог разглядеть, будто завеса опустилась перед его глазами. Он с усилием всматривался. Хотя и без того уже знал, кто те двое на башне.

— Они там, — сказал кто-то рядом. Ригден. Он

показывал вверх. Мор напрягал зрение. Но по-прежнему ничего не видел. Словно ослеп. Ему казалось, что кто-то схватил его за горло и душит. В ночном небе начали постепенно вырисовываться контуры башни.

Громада башни чернела на фоне безлунного неба. Строение состояло из двух ярусов. Нижнего, квадратного, где находилось книгохранилище, стоящее на крыше главной школы, с двумя небольшими оконцами. А из этого нижнего квадратного строения вырастала чрезвычайно высокая башня, пышно украшенная гротескным каменным орнаментом и увенчанная бронзовым шпилем. Квадратную часть отделял довольно заметный, на два-три фута шириной, выступ, нависающий над нижней частью сооружения. Основание башни доходило почти до краев этого выступа, то есть башня снизу была широкой и к верху сужалась, так что в целом имела вид некоего копья.

— Там, на выступе, — выдохнул Ригден, все еще стоящий рядом с ним. И, запрокинув голову, Мор действительно разглядел две фигурки. Одна на самом выступе, другая как раз под ним, прижавшаяся к стене. Оба неподвижные. Сердце Мора сжалось от страха. Теперь он видел яснее.

— Наверное, застряли, — сказал кто-то. Огромная толпа собралась посреди игрового поля: должно быть, вся Школа уже была здесь. Оглянувшись, Мор увидел множество голов, виднеющихся в потоке света, льющегося из распахнутых дверей зала. Все тихо переговаривались, указывая на башню. Теплый вечерний воздух гудел от множества голосов. «Этот гул может испугать *тех»,* — подумал Мор. И он повернулся, полный решимости разогнать зевак. Но это было невозможно. Только начни, и поднимется куда больший шум и суета. Он опять посмотрел на башню. Фигурки по-прежнему не двигались. Скорее всего, не могут переместиться ни вверх, ни вниз.

Пруэтт пробился к нему сквозь толпу. В темноте нельзя было разглядеть его лица. Он сказал Мору:

— Билл, боюсь, там ваш сын и Кард.

— Я знаю. — Мор неотрывно смотрел на башню. *Что можно сделать?* Он понял, что его бьет дрожь. — Пошлите за пожарниками. Нужна какая-нибудь длинная лестница.

Как же он сразу не додумался?

— Эверард уже звонит, — быстро ответил Пруэтт.

— Господи! Они, наверное, от страха боятся двинуться.

Пруэтт положил руку ему на плечо.

— Там, за павильоном, есть лестница…

— Слишком короткая, — ответил Мор.

— Я сбегаю принесу, — предложил Ригден.

— Да, пойди, — кивнул Мор, — но она наверняка слишком короткая.

Несколько мальчиков побежали вместе с Ригденом.

Мор сжал кулаки. Неужели ничего нельзя сделать? Он боялся, что в любой момент Дональда или Карда оставят силы. Ни тот ни другой по-прежнему не двигались. Мучительный страх разрывал его на части.

В толпе раздавались взволнованные возгласы.

— Включите прожектора! — крикнул кто-то сзади.

— Нет! — мгновенно обернувшись, крикнул Мор. — Они испугаются!

Но его не расслышали. Орава мальчишек уже бежала к котельной, где находились рубильники. Миг — и фасад Главной школы вынырнул из тьмы в безжалостном свете прожекторов. Лучи обнажили башню сверху донизу, каждую ее деталь. Толпа охнула, прикрывая глаза. Мор хотел

всмотреться. Но пронзительный свет ослепил его. Он закрыл глаза. Потом открыл и увидел, что Дональд лежит плашмя на узком выступе. Кард застыл тут же, под выступом, прилипнув, словно муха к стенке башни. Одной рукой он держался за выступ, вторая как-то странно распласталась по стене. И тут Мор понял — это он пытается держаться за провод громоотвода, спускающийся с верхушки башни. А ногами опирается на еле заметный декоративный карниз, дюйма два шириной, опоясывающий стену несколькими футами ниже выступа. Еще там болтается веревка, которую им каким-то образом удалось приладить к основанию башни, но Карду до нее не дотянуться.

И даже если, пусть не по веревке, а с помощью того же провода, он все-таки сумел бы подтянуться к выступу, то на площадку ему все равно не забраться, потому что дорогу преграждает Дональд.

Дональд лежал лицом вниз, схватившись поднятой рукой за выступающий завиток каменного орнамента. Второй руки не было видно. Ноги он как-то странно поджал под себя. Видимо, вскарабкавшись, он скорчился в этой неуклюжей позе и теперь боялся двинуться, чтобы не упасть

с площадочки. Рядом с ним белел какой-то предмет, Мор понял, что это ночной горшок. Скорее всего, именно этот предмет озорники собирались повесить на шпиль в ознаменование покорения вершины.

Испуганный вспышкой, Дональд слегка подвинулся и толкнул горшок. Тот несколько мгновений покачался на краю, потом опрокинулся, мелькнул в воздухе и, ударившись об асфальт, разлетелся на куски. Толпа так и охнула. Мор услышал, как несколько младших школьников громко заплакали.

Мор всматривался в башню. Нужно что-то придумать, какой-то план. Что-то случилось с веревкой, это ясно. Возможно, они сначала взобрались на крышу Главной школы, потом по водосточной трубе долезли до того самого карниза под выступом, на который можно было встать. После чего Дональд забрался на выступ и хотел там как-то закрепить веревку, но тут она выпала у него из рук и отлетела слишком далеко.

Может, как-то забросить веревку назад к ним, чтобы они смогли за нее ухватиться? Нет, к несчастью, свисающий конец слишком короткий, фута три, не больше. И даже если веревка надежно закреплена, все равно болтается сейчас на глухой

стороне башни, а там нет окон и добраться до нее нет никакой возможности. Конечно, кто-нибудь мог бы попробовать влезть тем же путем, по водосточной трубе, но потом надо будет поймать веревку и передать. Нет, это слишком рискованно. Те двое упадут раньше, чем получат помощь.

Мор оглянулся и обнаружил рядом Эверарда. Тот тяжело дышал.

— Пожарная команда… — начал Мор.

— Не получилось. Уехали на какой-то пожар на железной дороге. Мы позвонили в Марсингтон, и оттуда приедут, но это еще минут двадцать. — Эвви был весь белый, и его нижняя губа дрожала. Он ухватился за Мора, словно ища поддержки.

Подбежал Ригден.

— Мы принесли лестницу.

Лестницу положили на землю, прямо к ногам Мора. И сразу стало ясно, что она слишком короткая.

— Бесполезно, — сказал Мор. Продержатся ли они еще двадцать минут? Чудо, что до сих пор Кард не упал. Если Кард упадет, Дональд испугается, сделает резкое движение и тоже упадет. Кажется, Кард осторожно передвигается, может быть, старается как-то передвинуть руку, на которую приходилась большая часть веса его тела…

— Полотнище, — произнес Мор. — Что-нибудь растянуть внизу. — Он говорил громко, в бессилии кусая ногти. Он знал, что среди школьного инвентаря такого специального полотнища нет.

— Подушки, одеяла, матрацы! — воскликнул Эвви. Он по-прежнему держался за плечо Мора.

Мор не понял его. Но Ригден сообразил мгновенно.

— В общежитие! — заорал он.

Толпа мальчишек тут же помчалась за ним.

Везде, на всех зданиях, теперь горели прожекторы. Школу буквально захлестнули потоки света. На площадке стало светло как днем. Возле ворот послышалось гудение, это машина «Скорой помощи» въехала на территорию. Толпа расступалась перед ней. Вслед за «Скорой помощью» на школьный двор явилась целая масса народу, местные жители и просто прохожие, привлеченные вдруг вспыхнувшими в темноте огнями. Кто-то уже щелкал фотоаппаратом. Мору хотелось зажмуриться.

Тем временем под башней творилось что-то невообразимое. Ригден и его друзья сбегали в общежитие и теперь несли охапки простыней, одеял, подушек. С криками пробиваясь сквозь толпу, они стелили все это на земле под башней

и убегали за новой порцией. Мор понял замысел Эверарда. И покачал головой. Это не спасет. Какие-то жалкие одеяла. А у Ригдена появлялось все больше и больше помощников. Они мчались в общежитие и тут же выбегали. Их было много, не всем удавалось быстро протиснуться в двери, поэтому некоторые забирались через окна. И к другим зданиям тоже бежали. К актовому залу, в гимнастический зал, и возвращались, неся сдернутые с окон и со сцены занавесы. Гора под башней становилась все выше и выше. Почти не осталось мальчишек, которые бы не бегали туда и сюда, путаясь в одеялах, падая, поднимаясь, подбегая к горе, взбираясь на самую верхушку, оставляя там свою ношу и скатываясь, чтобы умчаться за новой. Бегали молча, тяжело дыша, ясно различимые в ярком свете, и их четко очерченные тени послушно следовали за ними.

Мор неотрывно смотрел на Дональда, будто одним своим взглядом мог предотвратить несчастье. Пожарники, наверное, приедут с минуты на минуту. Только достаточно ли длинные у них лестницы? А если нет? А если… Он так сосредоточился на неподвижной фигурке Дональда, что не сразу расслышал всеобщий вопль ужаса. Мальчики остановились и смотрели теперь на башню.

И он увидел, что Кард покачнулся. Его рука медленно, очень медленно сползала с выступа. И чем больше одна рука теряла опору, тем отчаянней он другой цеплялся за громоотвод. Чтобы ухватиться за провод обеими руками, слабеющую руку надо было по стене подвести к проводу, что он и попытался сделать. Он слегка отклонился и стал медленно поворачиваться, одной рукой ведя по выступу, другой крепче сжимая провод. И ступни его, боком стоящие на карнизе, тоже медленно поворачивались. Тут Мор заметил нечто ужасное — провод начал медленно отделяться от стены. Но не это больше всего ужаснуло Мора. А то, что он понял — громоотвод проходит и поверху, по той крохотной площадочке, на которой сейчас лежит Дональд. И если провод оторвется, то с ним вместе упадет и Дональд. Толпа замерла в ужасе.

Мор даже не успел толком осознать увиденное. Провод с ужасающим треском, еще более оглушительным в наступившей тишине, оторвался от стены, и Кард, кувыркнувшись в воздухе, с пронзительным криком свалился на кучу одеял. Толпа подалась вперед, поднялись вопли, прорезался какой-то странный воющий звук. Толпа сомкнулась над местом, где лежал Кард. Какие-то люди, наверное врачи из приехавшей «Скорой

помощи», пробивались к пострадавшему. Пруэтт и Эверард им в этом помогали.

Но Мор уже не смотрел туда. И большинство мальчиков тоже. Теперь все смотрели на Дональда. Чего Мор опасался, то и случилось. Провод, который снизу изо всех сил потянул к себе Кард, резко передвинулся под ногами у Дональда. Его тело конвульсивно дернулось, и на секунду показалось, что он сейчас упадет. Он съехал к самому краю, но сумел удержаться все за тот же каменный завиток. Но в таком положении нельзя было находиться дольше нескольких минут. Руки слишком сильно напряжены, и он слишком устал и слишком напуган, он не сможет подтянуться и вновь лечь плашмя на выступ.

Мор понял — теперь приезда пожарников ждать бессмысленно. Если можно еще чем-то помочь, то действовать надо сейчас, сию же минуту. Он сумасшедшим взглядом обвел все вокруг. Увидел лестницу, ту, что принесли ребята, по-прежнему лежащую на земле. Лестница. Что с ней можно сделать? И тут пришла спасительная мысль. Почти безнадежно, но больше ничего не остается. Он поискал глазами, кто бы мог ему помочь. Ригден снова оказался рядом. Мор хотел что-то сказать и понял, что не сможет. Словно на

застывшем кадре, он видел лицо Бладуарда, тот замер в нескольких шагах от него, удивленный, с открытым ртом.

— Найди веревку, — обратился Мор к Ригдену, — длинную, чтобы можно было подтянуть эту лестницу к верхнему окну башни.

— Есть такая в верхней классной комнате, — бросил Ригден. — Мы ее спустим с башни, и она точно достанет до лестницы, только лестницу надо приставить к стене вплотную. — Он говорил быстро, но отчетливо.

— Подтянем лестницу к окну книгохранилища, а потом плашмя и попробуем другим концом достать до библиотеки.

Ригден все понял сразу. Между стеной библиотеки и боковой стеной башни был промежуток. Поэтому из верхнего окна башни можно было опустить лестницу, не слишком отвесно вниз, и противоположный конец положить на одно из окон библиотеки. Дональд сейчас завис примерно над башенным окном, и лестница может оказаться почти под ним.

— Пойдем, покажешь мне, где эта веревка, — сказал Мор.

Ригден быстро объяснил двум своим приятелям, что надо делать, и те помчались к Пруэтту.

«Скорая помощь», в которую перенесли Карда, медленно катилась по игровому полю. Младшеклассники начали перетаскивать гору одеял на новое место. Некоторые из товарищей Ригдена побежали к библиотеке, другие взялись за лестницу и принялись устанавливать ее возле стены Главной школы.

Не помня себя Мор взбежал по лестнице. Ригден топал за ним. Они добрались до верхней классной комнаты.

— Вот здесь, — сказал Ригден. Но веревка, аккуратно свернутая на шкафу, была прикреплена гигантской железной скобой к потолку. Мор в отчаянии понял, что оторвать ее невозможно. Понадобилось бы время и время. Хотя можно как-то попробовать сбить скобу.

Ригден поставил стул на одну из парт и оттуда перебрался на шкаф. Несколько мальчиков, прибежавших следом, столпились в дверях.

— Оторвать от потолка не удастся, — сказал Мор.

— И не надо, — отозвался Ригден, — мы ее просто спустим из окна, привяжем лестницу, поднимем и положим.

Мору было не до раздумий. Он поймал брошенный Ригденом моток, отворил окно и выбросил

веревку. Глянув из окна, он увидел далеко внизу ярко освещенную площадку и поднятые вверх лица. Время летело. Каждую секунду он ожидал услышать ужасный крик Дональда, чувствовал, как с каждой минутой там, наверху, слабеет тело его сына. Там, внизу, уже приставили лестницу к стене, и какой-то мальчик, взобравшись на самую верхнюю ступеньку, начал привязывать веревку. И Мор с Ригденом потащили ее вверх.

Через несколько минут Мор уступил свое место у окна одному из мальчиков, а сам выбежал из двери и побежал на самый верх, в книгохранилище. Двое мальчишек побежали следом за ним. И тут новый план возник у него в голове. А что, если поставить лестницу вертикально, то есть прямо к Дональду? Выставив ее из окна и уперев в подоконник одного из нижних окон. Нет, не получится, лестница слишком тяжелая и верхняя ее часть непременно перевесит… Это слишком опасно. И тогда он вернулся к первому плану. Но тот тоже таил в себе множество опасностей. Что же делать, вот бы понять, как лучше!

Мор теперь поднимался по узенькой винтовой железной лесенке в самой башне. Шаги его гулко отдавались в пространстве. «Не успею, упадет», — думал он. Дыхание прерывалось. Перед дверью

книгохранилища находилась железная платформа. Там уже стоял какой-то мальчик и дергал за ручку. Мор тоже начал дергать. И в отчаянии вскрикнул. Дверь была заперта.

— Где ключ? — спросил кто-то внизу. Ригден бежал наверх, расталкивая мальчишек.

— Искать некогда! — крикнул он. — Будем ломать дверь!

Мор отступил в сторону. Словно во сне он увидел на нижней площадке Бладуарда, Хензмана и каких-то других людей. Он отмечал про себя фрагменты железных кованых украшений, выкрашенные зеленой краской стены, оголенность ничем не затененной электролампочки. Ригден и трое других ребят пытались открыть дверь. Но дверь не поддавалась. Тогда они начали отдирать боковые панели. Наконец с пронзительным треском дверь уступила. Ширина проема оказалась достаточной, чтобы Ригден и еще несколько мальчишек смогли протиснуться. Мор с трудом пролез следом.

В маленьком квадратном окошке, освещенная резким светом прожекторов, торчала верхушка лестницы, которую мальчики, оставшиеся внизу, в классной комнате, как раз поднимали наверх. Мор решился выглянуть. Но окно распо-

лагалось слишком высоко. Тогда он подтащил стул и, выставив голову, глянул вниз. Ригден встал на другой стул рядом с ним. Толпа теперь виднелась где-то глубоко внизу, любопытные все еще стояли, задрав головы. И как-то совершенно безучастно он подумал: «Кард вряд ли выживет». Где-то над ним, в воздухе, что-то темнело, вроде бы совсем близко. Он знал, что это ступня его сына. Приказав себе не смотреть, он с помощью Ригдена приготовился втаскивать лестницу в комнату.

Собравшиеся возле окна мальчишки бросились помогать. Лестницу подхватили и потихоньку начали втаскивать через окно, но значительная часть ее по-прежнему раскачивалась снаружи.

Мор обернулся. Комната теперь была заполнена школьниками, пытающимися отодвинуть стоящие в центре металлические стеллажи. Книги падали на пол, на них наступали ногами. Новые и новые школьники просачивались сквозь брешь в двери, кто-то топориком пытался сбить замок.

И тут оказалось, что в маленькой комнатке лестница не поместится, а ее надо втащить почти всю, чтобы затем поднять и поставить на окно библиотеки. «И даже если мы сможем ее

поднять, — думал Мор, — то не выпустим ли из рук, когда выдвинем из окна? И вообще, хватит ли длины?»

Тем временем, перегородив помещение, лестница уткнулась в потолок.

— Давайте плашмя, — попросил Мор.

Лестницу начали укладывать на стопки книг. Но в каком-то месте книги обрушились, и лестница вместе с ними. Длинный конец, торчащий из окна, качнулся вверх и оказался очень высоко, над библиотечной крышей. Мальчики изо всех сил налегли, и лестница закачалась туда-сюда на краю окна. Ее было трудно уравновесить.

— А что, если положить ее на крышу? — предложил Ригден. Мору это уже приходило в голову. Он понимал — как только на этом конце перестанут нажимать, лестница опустится так быстро, что стоящие наготове возле окна библиотеки просто не успеют ее поймать. На крыше ее некому удержать, но иного выхода нет.

— Выдвигайте, только медленно, — распорядился Мор, — а этот конец держите изо всех сил.

Восемь или десять мальчиков старательно держали лестницу, наваливаясь на нее. И чем тяжелее становилась висящая над пропастью часть лестницы, тем стремительнее она опускалась, по-

ка не ударилась со стуком о крышу библиотеки. Мор увидел, что лестница там, на крыше, легла в сточный желоб. Оставалось надеяться, что она не сорвется. Снова поднять ее уже вряд ли удастся.

Мор смотрел вверх. В нескольких футах над своей головой он разглядел ступню Дональда, обутую в белую тренировочную туфлю. Но не точно над лестницей. С помощью Ригдена Мор начал корректировать положение.

Лестница там, на противоположном конце, сдвинулась, но, возможно, водосточный желоб помешает ей соскользнуть. Лестница теперь настолько близко, насколько возможно, от того места, где висел Дональд.

Взявшись рукой за лестницу, Мор высунулся из окна. Ригден держал его за плащ. Он разглядел ноги, свисающие с выступа. Мор представил, как его сын лежит на скользком камне, над пропастью, и от головокружения сам едва не упал. Потом он попытался заговорить. То, что с Дональдом можно было говорить, уже само по себе было фантастично. Мор сомневался, что мальчик может его услышать. Он бросил взгляд вправо. Там проходило шоссе, множество машин, светя фарами, неслись в обоих направлениях. И никакого намека на пожарную машину.

Мор заговорил, и его голос растворился в пустоте.

— Дон, — громко и отчетливо произнес он. — Дон… слушай. Пожарная команда уже едет. У них лестница, но мы не знаем… когда они приедут. Если чувствуешь, что сможешь продержаться, тогда держись. Ну а если нет, тогда слушай. Мы перебросили лестницу прямо под тобой — футов на пять ниже. Если чувствуешь, что не удержишься, тогда разожми руки и прыгай на лестницу, а мы потом подтянем тебя к окну. Если сможешь удержаться, оставайся там, если нет — прыгай на лестницу. Мы ждем здесь.

Но ему никто не ответил. Мор вновь оказался в комнате. Прижавшись к раме, он всматривался в ночь. На черном небе тускло поблескивало несколько звезд. Он начал молиться, вполголоса бормоча слова. И тут какой-то царапающий звук донесся сверху. И сразу же что-то ударилось о лестницу. Лестница закачалась и прогнулась посредине. Но не рухнула. Ригден и другие ребята держали крепко.

Дональд лежал на лестнице, вытянувшись головой к окну. Казалось, он без сознания. Мор снова высунулся из окна. До вытянутой руки Дональда было легко дотянуться.

— Стойте, мы сами, — сказал кто-то сзади и потянул его за плащ. Это был Хензман. Мор отступил, а может, упал назад в комнату. В дверях и дальше, на ступеньках, толпилось много народу. Он увидел, как Бладуард пробежал мимо него к окну. Хензман и Ригден уже были там. Мор видел, что они крепко берут Дональда за руки и подтягивают к окну. Это было трудно, потому что его ноги зацепились за перекладину. Почувствовав, что кто-то схватил его за руку, Дональд задергал ногами, пытаясь их освободить. Мор протянул руки. Там, на крыше, лестница вдруг поехала вниз, к самому краю. И не успели голова и плечи Дональда показаться в окне, как лестница сорвалась и грохнулась в пролет между главной школой и библиотекой. Головой вперед Дональд свалился в комнату.

Мор понял, что сидит на полу, среди разбросанных книг, и головой утыкается в книги. Дональд лежит где-то рядом, дышит, и у него как будто ничего не сломано. Он протянул руку, тронул сына за ногу. Чьи-то лица склонялись над ними. Кто-то предлагал бренди. Мор отпил немного. Он так ослабел, что не мог шевельнуться. Он видел, как Дональду помогают подняться и усаживают у противоположной стены. Глаза у мальчика

широко открыты, и он напряженно вглядывается в окружающих. Потом тоже отпивает немого бренди. Бладуард стоит на коленях и пытается что-то сказать.

Дональд чуть выпрямился. Отпил еще немного. Приложил руку к голове. И попытался встать. Ему что-то говорили, успокаивали, уговаривали не вставать, но он не слушал. Поднялся, минуту постоял, шатаясь, потом молча побрел к двери. Ребята расступились перед ним, то ли с почтением, то ли с испугом. И, грохоча по железным ступенькам, он побежал вниз.

Мор встал. Потер рукой лицо. Он не побежал следом. Мальчишки помчались по лестнице вслед за Дональдом. Через минуту раздался удивленный голос Ригдена, стоявшего у окна на стуле: «Вон он бежит!»

Мор взобрался на другой стул и выглянул из окна. Он снова увидел далеко внизу квадрат игрового поля, а на нем множество людей. Потом разглядел, как кто-то бежит. Это был Дональд. Он выбежал из двери Главной школы и побежал куда-то в сторону шоссе. Толпа смотрела ему вслед. Там не сразу поняли, кто это. А к тому времени Дональд уже был у дороги. И тут все закричали. Но Дональд уже исчез в темноте.

Мор слез со стула. Тихо сполз на пол. Двое склонились над ним. Это были Ригден и Бладуард. Кроме них, в комнатке никого не осталось. Они что-то говорили ему. Мор не мог разобрать. Он прислонился головой к стене и погрузился в какой-то сон, а может, потерял сознание. Откуда-то издалека до него донесся звук колокола — это приехала пожарная машина.

Глава 17

Нэн подхватила Мора под руку, и они начали медленно подниматься по тропинке, ведущей от директорского сада в чащу деревьев. Семестр закончился. Только что у них состоялся разговор с Эверардом. Прошло четыре дня со времени подъема на башню, а о Дональде, пробежавшем через игровое поле и исчезнувшем во тьме, не было ни слуху ни духу. Мальчики, неотступно следовавшие за ним до шоссе, потеряли его из виду среди полей и пустошей, лежащих по другую сторону дороги. Мор выжидал два дня, затем обратился за помощью в полицию, впрочем, без особой надежды на благополучный исход. Разумеется, Нэн и Фелисити вернулись домой сразу же; и теперь одна из них постоянно находилась в доме, чтобы не прозевать телефонного звонка. Но телефон не звонил, и Дональдово отсутствие и всеобщее молчание продолжались.

Джимми Кард чудом избежал смерти. Во многом благодаря придуманной Эверардом горе шерстяных одеял.

Сейчас Кард с переломанными ребрами и ногами, с трещиной в черепе лежал в больнице. Но

состояние его, как сказал врач, уже не внушало тревоги, и можно было говорить о начавшемся выздоровлении. Двое из мальчиков, пытавшихся смягчить его падение, тоже попали в больницу с ушибами.

С большой неохотой Эверард вытащил на свет распоряжение, предписывающее немедленное исключение из школы тех, кто осмелится залезть на башню. Ему было явно неловко перед Мором, и, наверное, он очень хотел, чтобы поняли — не он это распоряжение выдумал, но, увы, вынужден им руководствоваться. Это было серьезно. Но еще серьезней было то, что через два дня у Дональда экзамен по химии. Эверард успокоил Мора — Сен-Бридж не станет возражать против участия Дональда в экзамене и выполнении лабораторных работ, если таковые понадобится сделать. Но Мор понимал теперь, что его сын к экзамену не готов и, возможно, умышленно прячется, ожидая, когда этот день пройдет. Сознавать это было мучительно, и в то же время мысль, что Дональд всего лишь прячется, давала хоть какое-то успокоение.

Ночью после всех тех событий к Мору приехали Рейн и Демойт и предложили переночевать на Подворье. Мор отказался — а вдруг позвонят

или Дональд вернется. Рейн приготовила легкий ужин, но Мор есть был не в состоянии. Дав ему успокоительное и уговорив лечь в постель, Рейн и Демойт уехали. После той ночи он видел Рейн каждый день, но только на Подворье. Он убеждал ее в том, на что сам горячо надеялся — что с Дональдом все хорошо, просто он боится сдавать экзамен. С Нэн о возможных переменах в будущем он еще не говорил. Хотя знал — Рейн очень ждет этого разговора. И чувствовал в себе решимость, которая после случившегося только усилилась. Но пока, посреди всех этих хлопот, он еще не нашел минуту сообщить жене, что им предстоит расстаться.

Мор страшно тревожился за Дональда. Но и за Рейн не меньше; и мог бы в эти тяжелые минуты решительно поговорить с Нэн, но только в том случае, если бы она подтолкнула его к этому разговору. И он понимал, какой именно толчок ему нужен для начала серьезного разговора — какая-то, пусть мимолетная, бестактность с ее стороны. И он тут же произнес бы роковые слова. Но Нэн со времени своего приезда как будто нарочно вела себя чрезвычайно спокойно, рассудительно, мирно, всеми силами создавая атмосферу домашнего

ennui[4], которую Мор когда-то находил такой целительной.

Нэн тоже очень сильно беспокоилась, но вместе с Мором утешалась мыслью, что мальчик наверняка появится, как только пройдет время экзаменов. Относительно этих самых экзаменов — Нэн, очевидно, в душе радовалась, что Дон их не будет сдавать, но зная, что Мору ее радость не понравится, держала свои чувства при себе. Тяжелее всех исчезновение мальчика переживала Фелисити, ей все время виделось самое худшее, и она постоянно ходила заплаканная. Нэн украдкой вымещала на дочери свое раздражение, но и тут старалась не оскорбить чувства мужа, чтобы не спровоцировать бурю, которой он, очевидно, ждал как повода.

— Мне кажется, Эвви сегодня был ужасно милый, — сказала Нэн, по-прежнему не отпуская руку Мора.

Лес был молчалив и пуст. Большинство учеников уехали ранним утром первыми автобусами. Оставшиеся толпились на игровом поле и возле дороги, ожидая следующих автобусов. За ребятами должны были подъехать в одиннадцать и

---

[4] Примечания: 4
Зд.: Уют, забота *(фр.)*.

отвезти на станцию.

— Очень. А он тебе ничего не сказал, до того как я пришел?

Прошлогодняя листва и та, что осыпалась после недавней грозы, устилала тропинки и шуршала под их ногами. Было хмурое ветреное утро.

— Сказал, что обед в честь портрета Демойта состоится. Во вторник.

— Ну конечно, почему бы и нет. Школа не должна погружаться в скорбь. Значит, во вторник. Мы пойдем… или пришлем открытку с извинением? Нас поймут.

Они подошли к тому месту, где деревья расступались, открывая круглую полянку, покрытую мхом и невысокой травой. Мор узнал эту поляну и задохнулся от глухой досады, которую теперь постоянно испытывал в присутствии жены.

— Мне кажется, надо пойти, — тихо сказала Нэн. — Надо вести себя так, будто все в порядке, чтобы не приставали. Я даже согласилась произнести несколько слов, как Эвви мечтал. Ну, не смогла отказаться. Всего несколько слов.

— Ты согласилась? Я очень рад. — Но он не был рад. Все, что касалось Нэн, с некоторых пор его нисколько не радовало. Он чувствовал себя так, будто разговаривает с умершей, не подозре-

вающей, что умерла. От этой мысли ему стало так пронзительно горько, что даже захотелось попросить Нэн как-нибудь утешить его, но он тут же вспомнил, что это невозможно. Нэн никогда не умела утешать его, а сейчас и подавно.

Они прошли мимо общежития Пруэтта. Опустевшего, тихого, с распахнутыми настежь дверями и окнами.

— Фелисити так горюет, надо бы ее как-то развеселить, — сказал Мор. Просто чтобы что-то сказать. Он сейчас произносил какие угодно слова, только бы отвлечься от собственных мыслей.

— Она сильно простужена, еще с моря. Придумала пойти купаться поздно вечером. И никак не поправится.

И вот они вышли на дорожку за библиотекой; отсюда слышались возбужденные голоса, смех, пение, а когда подошли к игровому полю, то увидели около ворот толпу мальчишек. Первый автобус уже подъехал, и пассажиры садились в него. В стороне стояло несколько частных автомобилей с открытыми дверцами, в них укладывали чемоданы, теннисные ракетки, крикетные биты и прочий багаж. Те, за кем еще не приехали, весело прощались с отъезжающими. В этот день принято было забывать все распри и всех, даже са-

мых жалких, самых никчемных одноклассников, щедро одаривать порцией теплых прощальных выкриков, особенно если родители приезжали за своим чадом на стареньком «бентли» или на древнем «роллс-ройсе».

Автобус заполнился и медленно поехал, провожаемый напутственными возгласами и взмахами рук. Мальчишки толпой бежали следом за автобусом к дороге, сначала по асфальту, потом по щебенке и так до самых ворот. Из каждого окна махали на прощание. Автобус исчез в облаке пыли, но еще долго слышались возбужденные возгласы. Тем временем оставшиеся на игровом поле танцевали что-то вроде шотландского народного танца, аккомпанируя себе на воображаемых волынках, а из окон пустых и гулких классов неслись ликующие вопли и, вопреки горячему пожеланию Эверарда, спускались длинные, трепещущие на ветру хвосты туалетной бумаги.

— Обойдем, — предложил Мор. Его коробило это веселье.

— Ну что ты, Билл, — возразила Нэн. Крепко взяв за руку, она повела его к воротам, держась возле стены главного корпуса. Танцоры на миг прекратили свои подскоки, чтобы дать им прой-

ти.

— До свидания, желаем вам хорошо отдохнуть! — раздалось сразу несколько голосов.

— До свидания, до свидания! — присоединились к ним другие.

Мор чувствовал себя посторонним. Какой-то преподаватель. Бледная тень посреди бурлящей от радости толпы.

— До свидания, и вам тоже хорошо отдохнуть, — говорил он.

Они уже подходили к воротам, когда мимо них медленно проехала машина. Окошко опустилось, и оттуда стремительно, будто на пружине, высунулась маленькая головка Ригдена.

— До свидания! — прокричал Ригден. — Удачи… до встречи!

Родители Ригдена, немного знавшие Мора, тоже помахали, но было видно, что они торопятся уехать. Машина выехала на шоссе, влилась в бесконечный поток, стремящийся в сторону Лондона, вдаль, в мир за пределами Сен-Бридж, и помчалась все быстрее и быстрее, по мере того как отец Ригдена нажимал на газ.

Мор и Нэн свернули на дорогу, ведущую к их дому. И через несколько минут оказались возле него. Фелисити встретила их у дверей.

— Узнали что-нибудь? — спросила она. Глаза у девочки были красными от нескончаемых слез.

— Нет, — ответил Мор. — Никто не звонил?

— Нет, — ответила она и опустилась на ступеньку.

— Я сварю кофе, — продолжила Нэн. — Потом займусь глажкой. А что ты собираешься делать, Билл?

Мор собирался на Подворье увидеться с Рейн.

— Съезжу в читальню, а потом… наверное, в школу, там есть кое-какие дела.

— Сегодня тоже дела? — удивилась Нэн, стоя в дверях кухни. — А я-то думала, уже каникулы.

— Я же тебе много раз говорил, для меня каникулы не начинаются с окончанием учебного года. — Он пошел в столовую. Сейчас комната показалась ему совсем маленькой, тесной, заполненной каким-то цветастым хламом. Тоска сдавила сердце.

— Не сиди на сквозняке, — уговаривала Нэн Фелисити. — Иди выпей кофе.

— Не хочу. Мне хочется полежать.

— Ни к чему тебе лежать. Как только ляжешь, снова начнешь плакать. Лучше постирай свою одежду, пока вода не остыла. А когда высохнет, я проглажу.

Но Фелисити молча затопала по ступенькам и закрылась в своей комнате.

Нэн принесла в столовую поднос с кофе и печеньем. Они сидели, глядя в окно. В палисаднике гулял ветер.

— Скоро осень, — сказала Нэн. — Странно, до чего быстро. Как только флоксы облетают, значит, половина лета уже позади. Еще немного, и листья начнут опадать. Помнишь, как Лиффи радовалась этим листьям? Носилась за ними по полянке как сумасшедшая. Ты их сгребал, а она кидалась и разбрасывала, и ты сердился.

— Да. Помню. — Он поспешно допил кофе. — Ну, мне пора. Ко второму завтраку вернусь.

Нэн вышла за ним в коридор.

— Пойду посмотрю, как там Фелисити, — сказала Нэн. — А то она совсем разболелась от этих переживаний.

Мор вышел из дома. Он сел на велосипед, проехал немного в ту сторону, где находилась читальня, но потом резко свернул на другую дорогу, ту, что вела к дому Демойта. Облака проплывали совсем низко над шоссе, стрелой летящим в сторону Лондона. Ветер холодил его лицо и трепал волосы. Свежий ветер, пахнущий травой. Мор запрокинул голову. Он еще жив, он, Мор, и может

делать что пожелает. Еще минута, и он увидит ее, свою любовь, и все плохое, все горести исчезнут. Чудесное преображение уже коснулось его души — чернота уходила, и все становилось на свои места, будто предвещая новую жизнь, наполненную добром и любовью. Когда он достиг ворот Подворья, на душе у него совсем просветлело.

Он прошел прямо в гостиную и увидел там Рейн, сидящую возле Демойта. Они проводили в последние дни много времени вместе. Когда Мор вошел, Рейн быстро подошла и тронула его за рукав.

— Сумасшедший дом, — мрачно наблюдая за ними, сказал Демойт. Он начал складывать книжки, собираясь выйти.

— Не уходите, — попросил Мор.

— Да будет вам. Если понадоблюсь, найдете меня в библиотеке.

Как только дверь закрылась, Мор обнял Рейн. Такое страстное объятие могло изменить все. И отпустил, так как она со смехом начала вырываться.

Она усадила его на стул, сама села на пол возле его ног, что в последнее время вошло у них в привычку.

— Как было этим утром? — спросила Рейн.

Он не знал, что ответить на этот вопрос. В это утро его метания достигли апогея. В это утро он стал лгуном и предателем. Но сейчас это едва помнилось — так, наверное, случается с душами, входящими в рай: когда они туда входят, то очень скоро пелена ужасов чистилища, опутывающая их сознание, истончается, постепенно начинает казаться сном, а потом и вовсе исчезает.

— Неплохо, — сказал Мор. А о том, что от Дональда нет новостей, она и так знала.

— Мор, — спросила она, сжав его колено, — ты еще… не сказал Нэн?

Мор затрепетал перед этим вопросом.

— Еще нет.

— Но скажешь… вскоре? — У нее было такое встревоженно-ласковое выражение на лице, что Мор зажмурил глаза.

— Рейн, я не могу нанести Нэн такой удар. Подождем, пока Дональд вернется. Надо подождать.

— Мор, я *не могу* ждать. Я понимаю, что нехорошо, неправильно быть такой нетерпеливой. Ну что ж, мы и без того сделали уже много неправильного. Но я думаю, что надо сказать Нэн правду, даже если момент не совсем подходящий.

— Почему именно теперь? Или ты боишься,

что я передумаю? — Он взял ее за подбородок и заглянул в глаза. Он раньше никогда ни с кем так не общался — глаза в глаза. Должно быть, только ангелам дано так вольно постигать друг друга.

— Я не этого боюсь. Чего боюсь, не знаю. Я хочу привязать тебя к себе. — Своими маленькими ручками она с силой сжала его за запястья.

Он с глубокой благодарностью принял ее решимость, ее страсть и в ответ притянул ее к себе.

— Все так и будет, моя дорогая. Ни о чем не беспокойся. А теперь вот что скажи. Ты снова работаешь над картиной?

— Нет. Я даже не притрагивалась к ней. В такой неразберихе нельзя писать.

Картина была снята с мольберта и стояла у стены в дальнем углу комнаты. Они оба смотрели в ту сторону. Теперь портрет не казался Мору таким уж совершенным. Ему даже показалось, что теперь он отчасти понял мысль Бладуарда. Колоссальная сила большой властной головы Демойта так и не отразилась на портрете, зато было угадано много других черт, среди них задумчивая погруженность в собственные мысли. Мор редко видел Демойта таким, но теперь готов был согласиться, что это одно из главных его настроений. Демойт на портрете предстал смягченным,

несколько усталым, как будто обессилевшим. Но, несомненно, это был удачный портрет.

— Мне жаль, что я отвлек тебя от работы.

— От работы меня ничто не в силах отвлечь, разве что на минуту.

— Во вторник состоится обед, знаешь?

— Твоя жена придет?

— Какое это имеет значение?

Рейн быстро поднялась на ноги.

— Я не смогу там быть, если она придет. Я не смогу. — В ее голосе дрожали слезы.

— Ну не надо так. Я понимаю, тебе неприятно. Но мы должны через это пройти. Разве то, что с нами сейчас происходит, легче?

— Почему ты не сказал ей сразу!

— Все уладится, Рейн, вот увидишь.

Она вдруг заплакала. Он обнял ее.

— Я не смогу… не смогу пойти на этот обед.

— Ну что за глупости. Ты должна там быть. К тому времени многое может измениться. Возможно, я все расскажу Нэн. А что касается обеда, то если она не узнает самого важного, то ничего плохого тебе не скажет; ну а если узнает, то сама не придет. Поэтому не надо плакать. — Но что-то подсказывало Мору — к следующему вторнику он не решится сказать. Когда-нибудь скажет. Но

не в следующий вторник.

Рейн снова опустилась на пол, продолжая плакать. Мор погладил ее по голове. Бедная девочка. Он любит ее. И вот причинил ей боль. Но вскоре он искупит свою вину, она будет счастлива. Тем временем не ее, а скорее себя самого надо пожалеть. Она в своей жизни все еще успеет поправить. А то, что он уничтожил, не возродится уже никогда. Может, будет новый мир и новая жизнь. Но осколки прежней никогда не склеятся, и теперь он знал, что ему до конца дней своих придется терпеть эту боль. Внутри его счастья засела боль, и не извлечь ее оттуда никогда. Он все еще гладил ее по волосам.

Глава 18

Наступил вторник. День экзамена по химии прошел, но Дональд не появился, и никаких известий, хоть как-то намекающих, где его искать, тоже не было. Мор так и не сказал Нэн, что собирается уйти от нее. Это был день чествования картины. Рейн, конечно, должна была присутствовать; и Нэн тоже не передумала.

Обед решили провести в школе, в учительской столовой, и подготовка вызвала суматоху среди учителей, которым редко доводилось организовывать нечто более торжественное, чем общешкольное чаепитие в День Акта. Столовая для учителей только называлась столовой. Потому что никто из учителей никогда там *не столовался,* там вообще никто не принимал пищу, а использовали помещение для собраний разных школьных групп и комитетов. Превратить это унылое место в декорации для праздничной встречи было не так-то легко. И на это затратили много сил, главным образом Хензман, энтузиазм которого был вдвойне трогателен, потому что сам он на этот обед зван не был. После долгих споров было решено, что такой чести наряду с членами

попечительского совета удостоятся только преподаватели старших классов.

Мор нарядился в вечерний костюм. Именно для этого случая он приобрел белую шелковую рубаху, тонкую и мягкую, потому что мучительно не любил крахмальных сорочек. Наряжаться ему доводилось редко, и он чувствовал себя не в своей тарелке, отчасти из-за волнения по поводу предстоящего, отчасти из-за того, что с того времени, когда последний раз надевал этот костюм, оказывается, довольно заметно поправился. К счастью, старомодный пиджак можно было оставить незастегнутым. И все же он считал, что выглядит неплохо, и в иных обстоятельствах с удовольствием покрасовался бы перед Рейн. Эта мысль показалась ему слишком игривой, и он поспешил вернуться к своим тяготам. Что случилось с сыном? Он все больше и больше убеждался, что Дональд никогда не вернется. Воображение рисовало Дональда то утратившим память, то умирающим голодной смертью, то где-то скитающимся, то трагически погибшим. Но эти страхи неким непостижимым образом облегчали общение с женой, и он все больше убеждался, что Нэн ничего открывать нельзя, пока Дональд не отыщется.

Общество должно было собраться в половине восьмого в гостиной, соседствующей с учительской столовой. Обед предполагали начать в восемь. Мор заказал для Нэн такси, чтобы она не позже половины седьмого смогла заехать за миссис Пруэтт. Демойта должна была привезти в своем автомобиле Рейн. Сам же Мор не собирался тянуть со сборами, он хотел оказаться в школе пораньше, вдруг понадобится его помощь, и надо же убедиться, что столовая готова к приему. Тем не менее на сборы неожиданно ушло гораздо больше времени, чем он предполагал, и было уже около семи, когда он оказался в школе. Через открытую дверь он оглядел убранство столовой и вошел с восхищенным присвистом, к большой радости Хензмана, который только того и жаждал — увидеть, как оценят его старания.

Комната, безусловно, преобразилась. Не было видно ни зеленых кожаных кресел, ни громоздкого шведского бюро, обычно загромождавшего один из углов комнаты, ни массивного буфета с таинственным содержимым, знание о котором было утеряно вместе с ключом несколько лет назад. Вместо этого у стены, украшенной цветами, поставили три изящных старинных столика (Мор припомнил, что видел их у Пруэттов), а сбоку от

камина — элегантный буфетик. Некоторые особо неказистые стулья тоже заменили — некой имитацией «чиппендейловских», тоже пруэттовских, которые неплохо сочетались с прочими стульями Викторианской эпохи. Большой овальный стол, обычно прикрытый зеленой бязевой тряпицей, покрыли серебристой камчатой скатертью, ниспадающей почти до пола, и выставили на нее впечатляющий ряд хрустальных и серебряных приборов, на которых играли отблески свечей, Хензманом сейчас зажигаемых. Каминную полку очистили от непонятных, сделанных в форме луковицы, медных штуковин, вечно там пылящихся, и вместо них поставили цветы — а над полкой, так, чтобы всем было видно, повесили портрет Демойта.

— Замечательно! — восхитился Мор. — Комнату не узнать.

— Ну, слава богу, — разулыбался Хензман. — А то я боялся, что какие-то недоделки еще остались. Как говорит Эвви, не столько вещь ценна, сколько забота о ней. Вот я тут и постарался. Правда, без старой мебели видно, что стены изрядно выцвели, но в полумраке, при свечах, обойдется.

— Сожалею, что вас не будет с нами, — сказал Мор.

— Не беспокойтесь. Тут, этажом ниже, намечается другая вечеринка! Господи, прости меня грешного, у Бейсфорда. Чтобы он да упустил повод выпить! Два сорта вина, вот так-то! Кстати, я вам не рассказывал, чем завершился тот спор о вине? В конце концов Эвви заказал наилучшее испанское, и на этом вопрос закрыли. — А соль была в том, что прежде Эвви горячо отстаивал мнение, будто южноафриканский херес, поданный в графинчиках, никак не оскорбит его гостей, и называл снобами думающих, что не всем годится такая простота.

Мор рассмеялся.

— Ступайте и переоденьтесь, — сказал он. — Уже начало восьмого. — Хензман все еще был в спортивном костюме. Преподавателей младших классов пригласили на краткое распитие шерри перед самым обедом, им нужно было явиться в пиджаке и при галстуке.

— Я не приду, — ответил Хензман. — Желаю вам хорошо отпраздновать вместе с сэром Кем-то-Каким-то-Каким-то, Бартом, в общем, всяческих вам приятностей. А мне пора заняться своим собственным приемом. С гитарой. Пока! Глядите, напейтесь как следует.

Мор остался в одиночестве. Он затушил свечи

и принялся рассматривать портрет, висящий высоко, наверняка Рейн покажется, что слишком высоко, над каминной полкой. Вечер еще не вступил в свои права, и света было достаточно. Учительская столовая находилась в конце коридора, на верхнем этаже здания «науки и спорта», и при ней была кухня, которую с некоторых пор присовокупили к жилищу Бейсфорда. Окончательный вариант портрета выглядел иначе, чем прежний. Бладуард сказал, что тот, кто на нем изображен, не выглядит смертным. В тот момент Мору показалось, что как раз наоборот, это лицо выглядит именно так, словно над ним нависла смерть. Но на его тогдашнее восприятие могли повлиять и обстоятельства, и скорбное осознание того, что этот старый тиран, обладавший властью над сотнями душ, трепетавших перед ним, теперь способен лишь фокусничать и насмехаться над теми, кто ему предан. «А таких, — подумал Мор, — осталось совсем немного. Этот вечер соберет больше врагов Демойта, чем его друзей».

В эту минуту вошел нанятый по случаю приема элегантный дворецкий, выпроводил Мора в соседнюю гостиную и затем вернулся, чтобы завершить начатые Хензманом приготовления. Вслед за Мором в гостиной появился Эвви в сопро-

вождении Пруэтта. Явился еще один дворецкий с большим серебряным подносом, уставленным наполненными бокалами. Мору вдруг стало не по себе. То, чего боялась Рейн, не могло не коснуться и его. Он попытался успокоиться, представляя, как ему будет хорошо после того, как этот вечер останется позади.

— О, дорогой мой, — сказал Эвви, — как я рад, что вы уже здесь. Да, да, я видел столовую. Хензман постарался на славу. Я был бы рад увидеть его во время шерри. Он сказал, что сначала должен встретиться со скаутами, но потом постарается прийти.

— Боюсь, скауты его не отпустят, — пробормотал Мор. Он был слишком встревожен, чтобы порадоваться маленькой шутке Хензмана.

— Как жаль! — расстроился Эвви. — А мне хотелось узнать его мнение о вине. Испанское, да будет вам известно! — продекламировал Эвви, будто жуир в каком-то французском водевиле. — Скаредность есть грех. Кстати, первая моя проповедь в новом учебном году будет именно на эту тему, и я уже готовлюсь. Надеюсь, попечители не обвинят нас в неумеренных тратах.

— Ну что вы, они будут в восторге, — усмехнулся Мор. «Легкомысленный старый сибарит», — до-

бавил он про себя. Демойт в свое время воевал с Правлением, и совершенно справедливо.

— Ведь это в своем роде исключительный повод, — говорил Эвви. — Как вы думаете, не попробовать ли нам хереса, всего глоток, прежде чем появятся гости. Надо признаться, я немного волнуюсь. «Я не привык к публичным выступлениям» сказано будто бы обо мне, хотя проповеди — это несколько иное, и мысль о неизбежности выступления портит удовольствие от предвкушения обеда. Кстати, Билл, я рад, что ваша жена согласилась произнести речь, весьма любезно с ее стороны. По сути, она была моей последней надеждой. Я обращался с просьбой ко многим, прежде чем вспомнил о ней.

Мор про себя отметил этот образец такта.

— Я тоже рад. Это доставит ей удовольствие. — Пустые, ничего не значащие слова. То будущее, в котором Нэн предстоит наслаждаться плодами своего героизма, ему уже не принадлежит.

Открылась дверь, и вошел сэр Леопольд Тенсли-Уильямс, тот самый, которого Хензман так язвительно окрестил «сэр Какой-то», а за ним Бладуард и еще два преподавателя. Эвви, который только что взял с подноса бокал, повернулся с приветственным возгласом — в одной руке у

него покачивался бокал, а второй он помахивал, не зная, то ли пожать руку сэру Леопольду, то ли предложить ему выпить. И тут не кто иной, как дворецкий, одним корректным наклоном головы направил ход событий по надлежащему руслу.

Мор отошел на несколько шагов в обществе Пруэтта, с удовольствием обнаружив у себя в руке бокал. Пруэтта в вечернем костюме тоже было не узнать. Они обменялись какими-то репликами. Он кратко ответил на вопрос о Доне. Гостей становилось все больше. Мор и Пруэтт со стороны наблюдали за происходящим. Обратил на себя внимание вечерний костюм Бладуарда, который сидел идеально, неожиданно превратив его в щеголеватого красавца. Казалось, он только в таких костюмах и ходит, будто какой-нибудь член правления, а не скромный представитель учительской братии. Сейчас он оживленно беседовал с несколькими чиновниками, среди которых у него, кажется, было несколько хороших знакомых.

— Итонцам везде дорога, — заметил Пруэтт. Сам он окончил куда более скромный колледж.

— Вы ошибаетесь, — возразил Мор. — Они просто принимают его за какую-то знаменитость. И, в сущности, они правы.

— Что неприятно, — добавил Пруэтт, — так это видеть, как Эвви унижается перед этими чванливыми господами. Надо бы понимать, что они гораздо ниже его.

Вошла Нэн. При виде жены Мор почувствовал то самое удивление, которое всегда испытывал, когда видел ее в многолюдном праздничном обществе. На ней было сильно декольтированное черное шифоновое платье с очень широкой юбкой и чем-то вроде турнюра сзади. На плечи она накинула легкий желтый газовый шарф, расшитый золотистыми нитями. В ушах у нее сверкали серьги, купленные у Тима Берка, не совсем подходящие к этому платью. Очень открытая красивая грудь была округлой и гладкой, как мрамор. Волосы в стиле начала века обрамляли лицо, обрисовывая хорошую форму головы и подчеркивая изящество шеи. Она беспокойным взглядом обводила комнату. И наконец отыскала мужа.

Тут же следом за ней вошла миссис Пруэтт, рослая крупная дама, широколицая, с большими руками. На ней было кружевное платье кофейного цвета на чехле того же цвета, отороченное поверху каймой. Эта кайма пересекала ее внушительный фасад с запада на восток зубчатой линией, ниже которой вырисовывались контуры

обширного бюста, а над ним возвышалась обнаженная шея, загорелая до темно-красного цвета. Руки без всяких следов загара были несколько полноваты, что еще больше подчеркивалось короткими пышными рукавчиками. Она искала мистера Пруэтта. Увидев, с радостными возгласами поспешила к нему. Пруэтт, судя по всему, тоже обрадовался, увидев супругу. Он начал отпускать комплименты насчет ее внешности. С непонятным чувством досады Мор повернулся к Нэн. Ее как раз представляли сэру Леопольду, и она старалась казаться как можно более скромной и милой. Мор почувствовал себя неуклюжим и абсолютно здесь лишним.

И тут вошли Рейн и Демойт. Приветственный хор голосов встретил их, и они тут же оказались в окружении гостей. Сэр Леопольд, исконный враг Демойта, к ним не присоединился, продолжая беседовать с Нэн и не спуская глаз с того места, где декольте не столько обнаруживало, сколько лишь намекало заманчиво на ложбинку между грудями. Мор чуть отступил, чтобы, находясь вне поля зрения Нэн, наблюдать за новоприбывшими.

Демойт выглядел великолепно. Вечерний костюм сидел на нем как влитой, напоминая

военный мундир, и он встретил своих врагов крахмальной манишкой, твердой как сталь. Он воинственно поглядывал на собравшихся, а на губах его уже дрожало презрение. Рейн рядом с ним казалась совсем крохотной. Она надела длинное белое льняное платье в синих цветочках, оконтуренных черной линией. Две нитки черных бус делали ее шею длиннее, а голову меньше. Волосы у нее были слегка растрепаны. Она походила на юного актера. Мор почувствовал, как сердце сжалось от пронзительной нежности. Он глядел туда, где стояли они, и его любовь обнимала их обоих — старика и девушку.

Один из членов правления заговорил с Рейн, загородив дорогу Эвви, который тоже пытался пробиться к ней. Демойт беседовал с Бладуардом, всячески стараясь намекнуть, что учитель рисования один из немногих людей в этой комнате, с кем можно общаться без неприязни. Сэр Леопольд по-прежнему ворковал с Нэн. Нэн чуть повернулась, чтобы видеть Мора. Мор глядел в пространство. Ему не давало покоя желание отыскать, специально для беседы с сэром Леопольдом, тот особый тон, в котором нескрываемое высокомерие сочеталось бы с безукоризненной вежливостью.

Огласили начало обеда. Эвви, конечно же, не продумал заранее, кому за кем идти. Поэтому возникла хоть и куртуазная, но все же самая неподдельная толкотня в дверях. Дам пропускали вперед. Кроме Рейн, Нэн и миссис Пруэтт приглашена была еще миссис Кингсли, жена одного из членов правления, прибывшая позже всех и оказавшаяся самой пожилой из присутствующих дам. Эвви теперь раскланивался перед Рейн, желая пропустить ее вперед, в то время как Рейн хотела уступить дорогу миссис Кингсли. Сначала все говорили одновременно, потом вдруг замолчали. В итоге сэр Леопольд прошел первым, держа под руки миссис Кингсли и Нэн. Эвви последовал за ними с миссис Пруэтт и Рейн. Затем вошли Демойт и Бладуард, а потом шумной толпой и все остальные.

К счастью, места за столом были строго обозначены, так что замешательство не повторилось. Почетное место находилось в голове стола, напротив картины. Здесь сел Эвви, слева от него Рейн, справа миссис Кингсли. Демойт поместился возле Рейн, а возле Демойта — сэр Леопольд. Нэн выпало сидеть рядом с ним. Прочие члены правления расселись по мере удаления от миссис Кингсли, а миссис Пруэтт села на другом конце

стола, рядом с Бладуардом, с которым, к всеобщему удивлению, у нее оказались отношения самые что ни на есть дружеские. Остальные гости заняли места вдоль той стороны стола, которая была ближе к камину. Мору досталось место напротив сэра Леопольда и обеих женщин — Нэн сидела слева, а Рейн справа. Подали рыбу и к ней белое вино. Мор надеялся, что Хензман уже вкратце сообщил Эвви о количестве и о качестве вина. Ему вдруг ужасно захотелось выпить, и на какое-то мгновение он пожалел, что находится сейчас не в компании Хензмана и его гитары.

Суп и рыба оказались довольно приличными. Мясо было похуже, но этого не заметили ввиду большого количества красного вина. Мор расслышал, как кто-то из Правления поинтересовался названием и годом изготовления вина, и ответ ему понравился. Эвви кто-то предварительно проинструктировал, несомненно Хензман. Мор осушил еще один бокал. Тревога в его душе с каждой минутой становилась все глуше. Обед резво двигался к середине, и женщины пока не обращали внимания друг на дружку. В настоящий момент они не имели возможности даже толком рассмотреть одна другую, зато он видел их ясно и отчетливо. Демойт и сэр Леопольд дела-

ли вид, что не замечают друг друга. Сэр Леопольд беседовал с Нэн, в то время как Демойт беседовал с Рейн, с Эвви да еще через стол с Мором. В паузах между репликами Мор наблюдал за женой и возлюбленной, мысленно перебирал все свои невеселые мысли и нетерпеливо ожидал, когда же закончится этот вечер.

Наконец провозгласили тост за королеву, после чего там и сям за столом вспыхнули огоньки сигар. Теперь на улице совсем стемнело, и свечи давали хоть и достаточный, но неяркий свет, который, как и предсказывал Хензман, успешно скрадывал обшарпанность стен. К счастью, никто не спешил задернуть занавески. Мор с удовольствием отметил, что уже настал черед мадеры с фруктами. Дворецкий не забывал о своих обязанностях, и бокал Мора снова наполнился. Отблески свечей горели на стенках бокалов, играли на серебряных приборах. Сквозь игру отражений он смотрел в сторону Рейн и сумел привлечь ее внимание. Она одарила его мгновенным взглядом, смешливым и любящим, и легонько подмигнула. Мор в ответ поднял бокал, как бы просто так. Она отвернулась. И тут что-то принудило его посмотреть на Нэн. По-прежнему оживленно беседуя с сэром Леопольдом, она пристально следила за

ним. Мору показалось, что она немного пьяна.

Первый из официальных тостов, в честь Демойта, надлежало произнести сэру Леопольду, а Эвви затем должен был выступить с ответным словом. Второй тост, в честь школы, принадлежал Демойту, а ответный — Нэн. Сэр Леопольд поднялся, и установилась тишина, еще более благожелательная оттого, что все уже были слегка пьяны.

Все взгляды сосредоточились на сэре Леопольде. Даже Мор сумел совладать со своим головокружением. Сэру Леопольду предстояла труднейшая задача — произнести тост в честь Демойта, но при этом не сказать о нем ничего приятного. Но сэр Леопольд оказался в определенном смысле гением. Он сумел избежать лестных слов о Демойте при помощи остроумнейшего трюка — вообще о нем не упомянул. Свою речь он составил из экскурса в историю Сен-Бридж, обзора традиций школы, перечисления длинного ряда учителей, здесь преподававших и отдававших все свои силы задаче, которую мистер Эверард так метко определил как «полное развитие всех благих задатков личности», вне зависимости от умственной одаренности. Итак, в речи сэра Леопольда нелюбовь к Демойту одержала победу над презрением к Эвви. Он готов был снизойти

до похвал Эверарду, лишь бы уязвить бывшего главу Школы. Демойт слушал внимательно, и по выражению его губ и глаз было видно, насколько он низкого мнения о выступающем. Сэр Леопольд вновь занял свое место, раздались довольно жидкие аплодисменты. Большой популярностью он не пользовался.

Мор с волнением ждал выступления жены. Он представлял, каково ей сейчас. «Глупец, — говорил он себе, — ты сопереживаешь Нэн, в такую-то минуту?» Но куда было деться от привычки, возникшей после стольких лет совместной жизни, куда было деться… от собственной нелепости. Но он не сомневался, что Нэн справится. Пусть с запинками, пусть волнуясь, но она наверняка произнесет вполне пристойную речь.

Тем временем взял слово Эверард. Опыт слушанья его проповедей не прошел даром — Мор научился полностью отключаться от внешних шумов, в частности от голоса Эвви. И сейчас даже с некоторым усилием прислушался к нему, «…которого мы знаем и любим» — донеслось до него. А Эвви, привыкший ко всем относится благожелательно, конечно же, отметил, какую бестактность сэр Леопольд допустил в отношении Демойта; и сейчас попытался подсластить

пилюлю но, как показалось Мору, в этом отношении перестарался, «...под вдохновенным руководством которого, — говорил Эвви, — Сен-Бридж поднялся из достойной сожаления топи, в которой до того находился и стал, позволим себе это выражение, достойным учебным заведением второго класса».

Здесь Эвви превзошел самого себя, позабыв, что среди присутствующих на обеде членов правления находится и сын директора, который как раз управлял школой до Демойта. Мор глянул туда, где сидел упомянутый господин, и заметил, что у того брови сделались домиком, а затем обернулся, чтобы увидеть, как сам Демойт принял похвалу Эвви. Демойт улыбался. Может быть, из-за того, что рядом с ним сидела Рейн и ей, кажется, тоже было весело. Мор хотя и понимал, что это в большей степени заслуга выпитого вина, но все же даже немного обиделся. Его самого сегодня ничто не могло обрадовать. Вернулась мучительная тревога за Дональда. Где сейчас его сын? Неужели попал в какой-то переплет? Может, сидит сейчас в каком-нибудь грязном кафе, уставясь в нечистую скатерть, а официантка смотрит на него с презрением и насмешкой. Или еще хуже — в публичном доме, делая вид, что на несколько

лет старше, и избегая любопытных взглядов; или бредет в темноте по какой-нибудь захолустной дороге, пробуя остановить попутную машину, чтобы поехать… куда? Он боится возвращаться домой. Боится.

«…и передо мной стояла трудная задача, ибо нелегко быть достойным преемником такой незаурядной личности». Эвви продолжал свою речь. И ей не видно было конца, как и всегда. Сэр Леопольд передал графинчик по кругу, и за дальним концом стола стали шепотом переговариваться. Всяк по своему спасался от скуки: сэр Леопольд — тем, что пил и поглядывал на декольте Нэн; Рейн — тем, что старалась не рассмеяться; Демойт — ироническим презрением; Пруэтт — беседой с соседом; Бладуард — разговором с самим собой.

Эвви продолжал: «И я постоянно учусь быть похожим на него». И тут уж Рейн не выдержала. По выражению лица Демойта стало ясно, что она наступила ему на ногу под столом. Они весело переглянулись. «Сколько же в ней энергии, — подумал Мор, — если она может смеяться в такую минуту». Но секрет этого прост. Молодость.

Голос Эвви теперь становился все звонче и торжественней, как в церкви, когда проповедь приближалась к концу. «…В будущем, когда время

и бренность заберут этот великий оригинал, у нас останется право владеть, на радость ученикам и на зависть наших посетителей, этой картиной, изображением, созданным рукой мастера». Раздались вежливые хлопки. Эвви сел на место, и все взгляды обратились на Демойта.

Демойт встал.

— Леди и джентльмены, — начал он, — для меня этот повод и трогательный, и печальный. Впервые за столько лет моей отставки я вновь в стенах школы, которая долгие годы была моим детищем и моим домом. Нет необходимости говорить, что мой уход со сцены был добровольным, потому что я не желал играть в этих стенах, столь дорогих мне, роль древнего призрака, дни славы которого давно прошли, и теперь он способен лишь слегка пугать обитателей. Это само по себе может стать предметом для печальных размышлений. Но именно благодаря этому призраку в мир явилось нечто новое — произведение искусства, вот эта замечательная картина, которая теперь перед нами.

Демойт посмотрел на картину. И вслед за ним то же сделали и другие, кое-кому для этого пришлось оборачиваться. Всеобщую расслабленность будто рукой сняло.

— Достопочтенный предыдущий оратор, — продолжил Демойт, — упомянул, и он был вправе это делать, вопрос бренности. И действительно, чем можно полнее выразить мысль о бренности жизни, как не посвящением месту, где прошла жизнь, образа самого себя, в дар, так сказать, грядущим поколениям. Это ли не воплощение печальной истины, что бессмертием мы можем наслаждаться только в мыслях окружающих — месте, в котором в течение нашей жизни мы не всегда находим радостный прием и в котором после нашей смерти остаемся беззащитными. Я говорю, разумеется, *sub specie temporis*, с точки зрения вечности.

Сидящие вокруг стола одобрительно заулыбались. Демойт преобразил обстановку. Снисходительное выражение, казалось, прочно утвердившееся в этот вечер на лицах членов правления, поблекло. Они больше не чувствовали себя вельможами, своим присутствием оказавшими честь ораве провинциальных простаков.

— Осознание этого, — продолжал Демойт, — способно принести нам беспокойство и причинить боль. Но мое положение гораздо сложнее, так как я удостоился чести получить собственный портрет, выполненный непревзойденной

кистью мисс Картер, которую мы все с такой радостью и ликованием приветствуем сегодня среди нас. — Последовали аплодисменты. «Самое время», — подумал Мор. Он взглянул на Рейн. Он гордился ею.

— Тут поневоле хочется стушеваться, — продолжал Демойт. — Как хорошо мы знаем эти лица, изображенные на портретах, и в то же время как мало нас волнуют судьбы мужчин и женщин, которых великие живописцы навеки поселили среди нас. Кто такой доктор Перель? Кем был Джакоб Трайп? Кто такие мистер и миссис Арнольфини? В какой-то степени мы можем это узнать, высшим знанием, так как у нас есть возможность увидеть их глазами гения. И в то же время мы не знаем, и не так уж и стремимся узнать, об их дарованиях, надеждах, их страхах, их мыслях о самих себе. Так теперь будет жить и он, этот неведомый учитель, отображенный с помощью таланта мисс Картер. И утешительна мысль, что если в грядущие годы Сен-Бридж и не будет отмечен ничем выдающимся, то, по крайней мере, станет местом, куда будут приезжать те, кто захочет увидеть первую работу будущего выдающегося мастера своей эпохи.

Мор смотрел на Рейн. Она сидела, опустив

голову, машинально постукивая пальцами по бокалу. Слова Демойта явно ее растрогали. Мор отвел взгляд и через некоторое время решился посмотреть на Нэн.

Она смотрела прямо перед собой невидящим взглядом, и ее рука, лежащая на столе, заметно дрожала. В другой руке она сжимала листок бумаги с заготовленным текстом. Лицо и шея у нее покраснели. Губы безмолвно шевелились. «Бедняжка», — подумал Мор. Он пытался поймать ее взгляд. Она повернула голову в его сторону — и он был поражен выражением страха в ее глазах. Он улыбнулся и ободряюще взмахнул рукой. «Сумасшествие, — подумал он, — вокруг одно сумасшествие». Но, слава богу, вечер скоро кончится. После выступления Нэн они все перейдут в гостиную, после чего можно будет незаметно уйти. Еще немного — и все останется позади. Нэн по-прежнему с испугом смотрела на него, и он заметил, что и подбородок у нее подрагивает. Он вынужден был отвернуться. Потому что и сам начинал дрожать. Он надеялся, что она не слишком глубоко сядет в калошу, но ей, конечно, нелегко придется после такого мастера речей, как Демойт.

Тем временем выступление Демойта подходи-

ло к концу. Он говорил о школе. Он даже делал комплименты Эвви. И вот раздался тост: «За Сен-Бридж!» Подняли бокалы. Сэр Леопольд успокаивающе положил свою руку на обнаженную руку Нэн. Нэн поднялась со своего места. Мор отвел глаза и принялся думать о том, как прекрасно будет через несколько минут, когда обед наконец закончится.

— Дамы и господа, — начала Нэн голосом более высоким, чем обычно, заметно дрожащим от волнения. — Не каждому выпадает удача свою первую публичную речь произнести перед столь изысканным обществом, а я такой чести удостоилась. — Собравшиеся наклонились вперед, дружески глядя на нее. — И знаменательно, что особа, которой доверили произнести ответный тост, — это некто со стороны, просто жена учителя, живущая в тени славного учреждения, но никакого участия в его строительстве не принимающая.

Мору стало легче. Нэн, кажется, удалось подхватить общий помпезный тон вечера. Ее голос постепенно набирал силу. Она готовилась высказать подходящие к случаю банальные похвалы в адрес Сен-Бридж. Она, так сказать, полностью вписалась в поворот. Еще несколько фраз, и мож-

но будет спокойно занять свое место. Он смотрел одобрительно, надеясь, что она вот-вот поставит точку. Но она продолжала.

— Сен-Бридж, — продолжала она, всегда славился своими традициями общественного служения. Наша великая демократия не напрасно всегда с надеждой взирала на Сен-Бридж — среди выпускников школы есть общественные деятели всех уровней. — Мор украдкой улыбнулся. Он-то знал, как мало волнует Нэн эта самая стезя служения обществу. Но он был изумлен ее способностью играть роль.

— Я верю, — говорила Нэн, — что вы не сочтете неуместным отступление в более личную область. Сен-Бридж никогда не закрывал свои двери перед миром коммерции и политики. Обогащенные связью со школой, многие, и ученики, и преподаватели, ушли в сферы за пределами классов и библиотеки. И тут, я уверена, вы простите меня, если я скажу о том, что давно знали многие из вас, — о планах моего мужа.

Мор вскочил, пролив остаток вина из бокала. Он в ярости взглянул на жену. Она смотрела в потолок, открыв рот для дальнейших слов. Мор почувствовал страшное сердцебиение. Но он только начинал понимать, что произошло.

— В течение долгих лет самым горячим желанием моего мужа, поддерживаемым мною и нашими детьми, было служение нашей стране в высочайшей роли, которую демократическое общество может предоставить гражданину, — роли члена парламента. После долгого периода терпеливой работы мой муж сумел понять, в чем состоит главная задача его жизни. Марсингтонское отделение лейбористской партии решило выдвинуть его своим кандидатом, а это, да простят меня присутствующие здесь сторонники иных партий, наиболее уважаемая партия.

Изумление, ужас, гнев смешались внутри него, он едва мог поверить своим ушам. Он обернулся в ту сторону, где сидели Демойт и Рейн. Демойт тоже явно был потрясен. Он повернулся вполоборота к Нэн, рукой заслоняя губы. Потом стремительно повернулся к Мору и взглянул на него с недоверием, испытующе и осуждающе. Но не это, а лицо Рейн заставило Мора чуть ли не закричать. Ей-то он ничего не рассказывал о своих политических планах. Она смотрела на него вопросительно. Мор изо всех сил покачал головой.

Нэн продолжала:

— Шекспир говорит, что мужчину иногда под-

хватывает поток, несущий его прямиком к удаче. Этот поток сейчас подхватил моего мужа, меня и наших детей. Мы полностью обсудили вопрос и выяснили, что нас ничто не может удержать. Для того чтобы сделать решающий шаг, нужна храбрость. Отсрочка грозит катастрофой. Такая возможность дается раз в жизни. Храбрости моему мужу всегда было не занимать, и, наверное, он не будет сомневаться теперь, когда все наиболее глубокие и наиболее ценные устремления вот-вот достигнут своего воплощения.

Мор с трудом дышал. Он задыхался. Неужели Нэн так наивна?.. или бесстрашна? Он чувствовал, что случилось нечто, способное коренным образом изменить его жизнь, но что это, он еще не мог понять. Он попытался поймать взгляд Рейн, но она с выражением досады отвернулась от него. Мор сказал себе — теперь надо встать и выйти вместе с Рейн из комнаты. Нэн пытается отрезать ему путь к бегству. Ей надо ответить тем же. Сейчас же встать и выйти на глазах у всех вместе с Рейн… Но Рейн не смотрела на него, и Мор, как ни приказывал себе, не мог встать. Годы соглашательства дали себя знать. Он остался на своем месте.

— К вам, друзьям и коллегам моего мужа, я

обращаюсь в эту минуту выбора и прошу вашего благословения для предприятия, достойного как лучших традиций Сен-Бридж, так и дарования моего мужа. Никакого иного вознаграждения он никогда не желал, только этого, и вот он уже в нескольких шагах от награды.

Нэн говорила медленно, отчетливо произнося каждое слово. И говорила уже без дрожи. Она овладела собой. Она остановилась, чтобы перевести дыхание.

Очень медленно Рейн встала. Она повернулась к Демойту, будто хотела ему что-то сказать. Но вместо этого взяла свою сумочку и тихо вышла из комнаты. Все с недоумением смотрели ей вслед, после чего все взгляды сосредоточились на Нэн. Свечи догорали.

Нэн, кажется, не спешила продолжать. Краем глаза Мор видел, что она довольна. Она положила свои листки на стол и произнесла: «Но, должно быть, я достаточно сказала о своих личных опасениях и надеждах. Позвольте мне завершить…» Мор перестал слышать ее голос. Он привстал и вновь сел. Он понял, что все в комнате смотрят на него. Сначала ему показалось, что это из-за Рейн, но потом догадался — это из-за речи Нэн. Он понимал, что надо пойти следом за Рейн — но

в очередной раз не смог. Все, что было вокруг, не пускало его, присутствие жены, ее слова пригвождали к стулу, вся предыдущая жизнь опутывала, как смирительная рубашка. Он посмотрел в сторону Демойта и отшатнулся, увидев выражение ярости в его глазах — старик взглядом повелевал ему подняться и выйти. Он не мог.

Нэн села, и ее проводили аплодисменты и тут же поднявшийся шум голосов. Каждый понимал — произошло нечто чрезвычайное, но что именно, не понимал никто. Все вопросительно смотрели на Мора. Сэр Леопольд наливал Нэн вина. Она сидела, прикрыв лицо рукой. Эвви спрашивал Демойта — что случилось с мисс Картер? не заболела ли она? может, надо… Но Демойт вдруг встал и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Мор закрыл глаза.

Прошло еще минут десять-пятнадцать. За это время гости успели выслушать начало очередного, тоже наверно очень длинного, монолога Эвви и попутно угоститься вином. Затем общество поднялось, чтобы переместиться в гостиную. Несколько человек подошли к Мору с пожеланиями успеха. Он прошел вместе с остальными. Но тут же, извинившись, быстро вышел в коридор.

Сбежал по лестнице и выскочил на игровую

площадку. Вокруг было темно, только в окнах наверху горел свет и чуть поодаль светился фонарь на столбе, выхватывая из тьмы пятно асфальта, рыжий гравий и клочок травы. Он огляделся. Куда Рейн могла пойти? Где ее искать? Он прошел немного и увидел «райли», стоящий на обочине. Но в машине было пусто. Он позвал, сначала тихо, потом все громче. Потом бегом вернулся к главному корпусу, надеясь найти там Рейн и Демойта. Но никого не нашел. Подбежал к воротам. Напрасно. Тогда он подошел к машине и рухнул возле колес лицом в траву.

Глава 19

Мор долго ждал около машины. То и дело слышались голоса и шаги, но это всего лишь расходились гости. К «райли» никто не подошел. Наконец Мор поднялся и куда-то побрел наугад. Потом бросился искать свой велосипед. В учительском сарайчике не оказалось. Должно быть, оставил дома. Почти бегом Мор поспешил домой. Сколько же все это длится? Он потерял счет времени. Почему он позволил ей уйти? Надо было удержать ее, открыто, при всех взять за руку, и тогда все усилия Нэн пошли бы прахом.

Приблизившись к дому, он заметил свет в комнате. Видимо, Нэн уже вернулась. Он пинком распахнул калитку и бросился искать велосипед. Нашел и потащил к дороге. И услышал шум раздвигаемых штор. Свет упал на дорожку. Нэн проводила его взглядом. Он не оглянулся и даже по сторонам не посмотрел. Вскочил на велосипед и, с силой оттолкнувшись от тротуара, ринулся в сторону Подворья.

Там горел свет, в холле и в гостиной. Велосипед, взбрыкивая, проехал по боковой дорожке, и Мор на скорости соскочил с него.

Уже около самого дома Мор увидел, что входная дверь приоткрыта. В холле стоял Демойт. Он неистово, больно вцепился Мору в плечо. На секунду Мору показалось, что старик собирается ударить его. Он вырвался. Та энергия, которой ему так недоставало, когда он сидел за обеденным столом, вскипела сейчас с такой силой, что он способен был проломить стену, лишь бы отыскать Рейн.

— Где она?

— Не знаю! — ответил Демойт. Он что-то начал говорить, но Мор уже развернулся и, хлопнув дверью, выбежал вон. Он снова схватил велосипед, но тот запутался в кусте роз. Мор дернул его, высвободил из колючего плена и вновь закрутились педали. Он задыхался и от усталости, и от муки неведения. Он все еще не знал, что же случилось.

«Райли» стоял на прежнем месте. Мор спрыгнул с велосипеда рядом с машиной. Что же делать? Где она? Где искать? Мука ее отсутствия становилась просто невыносимой. И тут он понял: впервые за много недель он не знает, где Рейн. Он бросил велосипед на траву и пошел к игровому полю. Она все же может быть где-то там, в школе. На углу здания по-прежнему горел фонарь.

Сколько же сейчас времени? Наверное, уже за полночь. Все давно разошлись по домам. Но она может быть еще здесь. Ведь автомобиль здесь. Конечно, она где-то здесь.

Он все время оглядывался. Тьма. Нет, свет есть. За окнами учительской столовой все еще горит свет. Наверное, там убирают. В такой час? Он не знал, что ему делать. Потом побежал к дверям, оглушенный топотом своих ног. Дверь не заперта. Он стремительно взлетел по ступенькам и ворвался в комнату. Там было темно. Он пробежал по комнате и распахнул вторую дверь.

Оголенная электрическая лампочка освещала комнату, которая выглядела теперь очень странно. Все, что напоминало о званом обеде, давно убрали. В первую секунду ему показалось, что в комнате никого нет. Потом он увидел Рейн. Высоко у себя над головой. Она стояла на стремянке около камина и что-то делала с холстом. В левой руке держала большую палитру. Цветные брызги виднелись не только на ее белом нарядном платье, но и вокруг, даже на ступеньках стремянки. На то, что кто-то вошел, она внимания не обратила. Работа над картиной захватила ее.

— Рейн! — позвал Мор. Он подошел к стремянке и дернул ее так сильно, будто хотел сбросить

девушку на пол.

И тут увидел, что она плачет.

— Рейн… Это все неправда. Это Нэн придумала. Ты не виновата.

— Нет, правда. Я спросила у Демойта.

— Ну что ж, у меня когда-то и в самом деле была такая мысль, но Нэн все переврала. Мы с ней никогда ничего не обсуждали, и никакого согласия между нами не было. Поверь мне.

— Это не имеет значения. — Она сквозь слезы смотрела на картину.

— Все не так! Клянусь, все не так. Я от всего отказался, навсегда.

— Да. Из-за меня. — Она отложила кисточку и повернулась к нему. Она стояла на верхней ступеньке лестницы, и крохотные каблучки едва виднелись из-под платья. Мор протянул руку.

— Нет, нет, — произнес он и, обняв ее ступни, прижался головой к стремянке. Как же убедить ее? — Ну хорошо, пусть так. Но разве это так уж важно? Я тебе давно бы сказал, только не хотел усложнять дело. Если бы я сам тебе сказал, все было бы по-другому? Тебя огорчило, что это сказала Нэн. Ну, какие пустяки. Я люблю тебя, и все остальное не важно. Все остальное — не имеет значения. Я люблю тебя… ты понимаешь? — Он

страстно хотел убедить ее, хотел, чтобы она поверила.

— Ты мне делаешь больно, — сказала она. — Я только теперь поняла. Я просто не осознавала, что разбиваю твою жизнь. Теперь я вижу то, чего раньше не замечала. Я вижу твоих детей. Я вижу твои устремления. Ты говоришь, что любишь меня. Но на самом деле ты никогда полностью не простишь мне, что я всего это не заметила. И я сама себя за это не прощу. — Она говорила бесцветным, слегка плачущим голосом, и слезы не переставая текли по лицу.

— Нет, нет, все не так! — выкрикнул Мор. Нэн победила, мелькнула мысль, теперь Рейн видит все именно так, как ей хотелось. — Нет, я не позволю тебе так думать!

— Не надо, Мор. Кто я в твоей жизни? Ты похож на дерево с длинными корнями. А я всего лишь птица. Ты не сможешь вырвать свои корни из земли, чтобы улететь со мной. Отовсюду, где бы мы ни оказались, тебя со временем все равно позовут твои дети, твоя работа, к которой ты призван, и ты сам это знаешь. Я представляю, как бы я чувствовала себя без моего творчества. Я бы умерла, если бы его у меня отняли. Я бы умерла…

— Я люблю тебя, Рейн, — сказал Мор, — и боль-

ше ничего сказать не могу. После встречи с тобой все остальное утратило для меня смысл. И меня больше не интересует парламент. Я больше этого не хочу. Я хочу тебя. Не уничтожай меня, Рейн. — И он схватился за нижнюю ступеньку.

— Какое-то время мы были бы счастливы, но что дальше? Это как сухой песок, текущий сквозь пальцы. Я путешествую по миру и везде, где могу, рисую. Если бы мы оказались вместе, я все равно продолжала бы свое дело. А что осталось бы тебе? Просто быть возле меня? Но понравилось бы это тебе? Смог бы ты продолжать сочинять? Если бы тебе нравилось сочинять, как мне нравится рисовать, ты бы не бросил и сейчас, ты бы продолжал, тебя ничего не могло бы остановить.

— Я буду писать. Или открою свою школу. Я же не тупица. Я и об этом думал тоже. Мы начнем новую жизнь вместе. Что за жизнь у меня сейчас, ты же не знаешь. И что бы изменилось, стань я депутатом парламента? С тобой я впервые почувствовал себя живым человеком. С любовью к тебе для меня открылся мир, впервые, прекрасный мир, полный новизны, никогда прежде мною невиданной. И что со мной будет, если ты оставишь меня! Не оставляй меня. Не будь жестокой. Прошу!

Он простер к ней руки. Она склонилась и крепко сжала их. И так они и стояли какую-то секунду. Но пожатие рук их не утешило. Они оба это почувствовали. Рейн забрала свою руку.

— Ты любишь меня? — Он снизу смотрел на нее. — Если нет, то скажи, не терзай.

— Я люблю тебя, люблю. Но какой в этом смысл? Может, это все и в самом деле произошло… из-за отца…

Она положила палитру на колени и потерла лицо обеими руками. Следы красной и голубой краски остались у нее на щеках и на лбу.

— Рейн, ради бога, не надо. Я тебя не отпущу, я не позволю. Ничего ведь не случилось сегодня вечером. Мы любим друг друга по-прежнему. Моя жена сказала глупость. Верь только мне.

— Мор, Мор, — чуть не плача, сказала Рейн. — Если бы ты только знал. Ты стал для меня всем. Целым миром. Но теперь я вижу, что ты просто увлек меня… вот я и увлеклась. Решила, что все так просто — ты уходишь от жены, которую больше не любишь и которая больше не любит тебя. Но все оказалось гораздо сложнее. Из-за меня может разрушиться слишком много вещей.

— Если ты любишь меня…

— Это слово нам больше не поможет.

— Давай забудем то, что сегодня случилось.

— Мой дорогой… мой дорогой, — и с глазами, полными слез, она вновь повернулась к картине.

— Забудем…

— Мой дорогой…

Вот и все. Мор отступил от стремянки. Он не мог произнести ни слова. Но потом сделал над собой усилие.

— Я не верю, что все кончено. Мы ведь еще поговорим?

Рейн не ответила. Она взяла палитру и начала смешивать краски, хотя слезы мешали ей. Мор пошел к двери. Он сказал:

— Тебе не надо сейчас этим заниматься. Тебе нужно отдохнуть. Хочешь, я тебя подвезу?

Но она покачала головой.

— Нет. Я должна закончить. Переписать голову. Я наконец поняла, что надо делать. Мне надо работать. А ты иди.

Но он не мог сделать ни шагу. Что-то ему подсказывало: если сейчас уйдет, то больше никогда ее не увидит. А это же невозможно. Они увидятся завтра. И поговорят. Он убедит ее в своей правоте. Иначе и быть не может.

— Мы оба сейчас слишком устали. Поговорим завтра.

— Да, да. Пожалуйста, иди, мне надо работать. Будь добр, иди.

Мор стоял, глядя на нее. Она вновь взялась за работу, смахивая слезы.

— Рейн…

Она не ответила.

— Завтра, — произнес он.

— Да… да…

Она продолжала писать. Мор еще постоял немного и вышел, прикрыв за собой дверь.

Глава 20

Мор проснулся. Было прохладно. Приподнявшись, глянул в окно. Тусклый, белесый свет. Еще очень рано. Можно еще поспать. Он лег, и тут, подобно удару, в его сознание ворвались события минувшего вечера. Он сел и закрыл лицо руками, словно удерживая рвущийся наружу отчаянный крик. Рейн. Он должен ее увидеть, как можно скорее, сразу после завтрака, даже раньше. Вчера она была в отчаянии. А он слишком много выпил и не понял, что ей лучше побыть одной. Он посмотрел на часы. Без десяти шесть. Снова откинулся на подушку. Придется подождать еще несколько часов. Затем понял, что не может лежать. Это мучительно… надо что-то делать. Он встал и, натыкаясь на предметы, стал искать свою одежду. Голова раскалывалась от боли.

Что же делать? Рейн могла работать всю ночь и, может быть, и сейчас еще там, в учительской столовой. Но это предположение тут же показалось ему нелепым. Он сидел на краю постели. Стрелки доползли до пяти минут седьмого. Время открывалось под ним, как зловещая, наполненная удушающим воздухом бездна. Что же он ждал

так долго? Он встал и начал ходить по комнате, старясь ступать как можно тише. Пришла мысль о жене.

И тут что-то вспомнилось ему, нечто из прошлой ночи, поглощенное наплывом событий. Держа туфли в руках, он спустился по лестнице и прошел в столовую к своему письменному столу. Там он на днях оставил два черновика писем, одно было для Нэн, другое — для Тима; в этих письмах он сообщал о своем решении. Конверты по-прежнему лежали в столе, но Мор сразу догадался, что их кто-то трогал. Он какое-то время смотрел на ящик. Нэн нашла их. И теперь понятно, почему она так поспешно рассталась со своими прежними убеждениями.

Мор задвинул ящик и присел на стул. В доме было прохладно и тихо, стояло похожее на смерть безмолвие раннего утра. Все тело его ныло, будто от многочисленных ран. Несколько минут он прислушивался, но вокруг царила тишина. Потом решил, что ему надо идти к шоссе. Он вышел в коридор. Перед входной дверью надел туфли, накинул плащ и вышел, осторожно прикрыв дверь.

Утро встретило его бесцветностью и неподвижностью. Он припомнил тот день, когда Нэн так

неожиданно вернулась, как он тогда шел, в такое же вот утро; и чувство катастрофы стало вдруг настолько сильным, что он до боли сжал свою руку. Сегодня дождя не было, но белесое небо, полностью затянутое облаками, казалось слепым. И вот он подошел к шоссе. Что же дальше делать? Мимо проехала машина. Надо идти на Подворье и ждать, пока там проснутся. Надо быть поближе к тому месту, где находится Рейн, иначе от боли разорвется сердце.

Тут он вспомнил, что нет велосипеда. Вчера ночью он в забытьи дошел до дома пешком. Он зашел в ворота школы, гравий захрустел у него под ногами. Велосипед лежал там, где он его вчера бросил. «Райли» уже не было. Он поехал к воротам. Можно было не торопиться. Там, на Подворье, наверняка еще спят. Он поднялся по холму, а потом свернул на одну из проселочных дорог, которая проходила мимо его дома и терялась среди полей. Он чувствовал, что ему нужно побыть на открытом пространстве, чтобы собраться с мыслями.

Выехав на дорогу, он увидел, что навстречу идет какой-то человек. Как будто знакомый. Ну да, это же цыган. Мору тут же стало не по себе. Цыган шел, неся на плече котомку. Наверное, к

шоссе. И не смотрел в его сторону, хотя наверняка заметил, не мог не заметить. А действительно ли он глухой? Цыган прошел мимо и через несколько мгновений растворился в тумане.

Мор прошел мимо своего дома. И вдруг понял — надо торопиться. Как он мог вообще оставить Рейн одну прошлой ночью? Вот уже и тропа, ведущая через поля. Он быстро сел на велосипед и поехал по полю, а утренний воздух мало-помалу нагревался, и за плотным слоем облаков постепенно копилось что-то сияющее, это солнце поднималось все выше на небосклон.

Подворье, кажется, еще спало. Он поехал вдоль стены и свернул на дорогу. Окно Демойтовой спальни было глухо занавешено шторами, словно навсегда закрывшийся мертвый глаз. Он толкнул дверь. Она оказалась заперта. Посмотрел на часы. Половина седьмого. Рейн наверняка спит. Ну конечно, она ведь так устала после вчерашних волнений. Если бы только его впустили в дом, он лег бы около ее дверей.

Он пошел вокруг дома. Его тянуло посмотреть на ее окно. На мокрой от росы траве ясно отпечатывались его следы. Он прошел через лужайку и посмотрел на угловые окна. И здесь занавешены. Дом спал. Значит, надо ждать. Сейчас,

оказавшись так близко от нее, он чувствовал себя счастливым. Все будет хорошо. Наконец-то он стал сильным, сильным и непобедимым. Он стоял, закинув голову, глядя в небо, где в облаках открылся клочок голубого неба. Дул ветер. Он поплотнее запахнул пальто. Лечь бы на траву, но не хотелось вымокнуть в росе.

Так прошло еще несколько минут. Чтобы согреться, он немного прошелся, сунув захолодевшие руки в карманы. И тут уловил какое-то движение в окнах. В одном из окон библиотеки стояла мисс Хандфорт и смотрела на него. Стояла очень прямо и неподвижно. Словно статуя. Он в ответ смотрел на нее. Ему казалось, что они глядят друг на друга из разных миров.

Потом Ханди подняла раму. И стоя все так же прямо, громким, отчетливым голосом произнесла: «Она уехала!»

Мор посмотрел на траву, на росу, на отпечатки своих ног. Наклонив голову, очень быстро пошел к дверям. Двери уже были открыты, и он вошел в холл. Ханди стояла на ступеньках.

— Демойт еще спит? — спросил он.

— Он в библиотеке, — ответила она и ушла на кухню.

Мор очень медленно пошел наверх. Он с уси-

лием волочил ноги. Отворил дверь библиотеки и увидел Демойта, сидящего за круглым столиком возле окна. Он был в халате. Шторы были открыты, и утренний свет, теплеющий, все более яркий, наполнял комнату.

Мор пододвинул стул и тоже сел возле стола. Он не смотрел на Демойта. Минуту длилось молчание.

— Глупец вы, глупец, глупец, — устало проговорил Демойт.

Мор ничего не сказал. Он тер лицо ладонью.

— Что случилось? — спросил он наконец.

— Ничего, — ответил Демойт. — Она рисовала еще два-три часа после того, как вы ушли. Потом вернулась, собрала вещи, села в машину и уехала.

Мор посмотрел на Демойта. Старик был пепельно-серым после бессонной ночи. За ним около стены Мор увидел какой-то яркий квадрат. Это был портрет, стоящий на полу возле книжного шкафа. Мор боялся смотреть в ту сторону.

— Она вернется?

— Нет, конечно нет. Сказала, поедет во Францию. Но не к себе домой. А потом, может быть, в Америку.

Мор медленно покачал головой. Он смотрел в

пол. Одна нога постукивала помимо его воли.

— Давно она уехала?

— Два часа назад… Зачем вы оставили ее? — схватившись за край стола, яростно проговорил Демойт. — Почему не остались рядом? А, просто вам хотелось с ней расстаться!

Мор не поднял головы. Стол между ними подрагивал.

— Это было неизбежно, — тускло произнес он.

— Трус и глупец! Что значит «неизбежно»! Вы своими руками эту неизбежность сотворили!

— Мы ее увидим… опять, — как-то полувопросительно произнес Мор.

— Не обманывайте себя. Я ее никогда не увижу. Вы, может, и встретите, лет через десять на каком-нибудь приеме, когда станете толстым и лысым, а она уже будет замужем. Кофе желаете? Я велю Ханди принести. — Он позвонил в колокольчик.

— Она не оставила для меня письма?

— Что-то оставила. — Он встал и подошел к окну. — Вот здесь.

Он взял с подоконника большой конверт и передал Мору. Конверт был не запечатан. Вне себя от волнения, Мор вытащил то, что там лежало. Это был набросок… тот самый. Она сказала, что по этому наброску можно догадаться о ее чувствах.

На листке был изображен молодой человек с насмешливым лицом, с курчавыми волосами, горделиво забросивший голову, судя по жесту руки, о чем-то энергично спорящий. Есть какое-то сходство с ним. Он положил набросок на стол. Подписи на рисунке не было.

— И все?

— Все.

Мисс Хандфорт, стукнув в дверь, вошла в комнату. Правильно догадавшись о смысле звонка, она принесла поднос с кофейником и бутылку бренди. Поставила все это на стол и молча ушла.

Мор смешал бренди с кофе и выпил. Теперь он повернулся, чтобы взглянуть на портрет. Встал и подошел, чтобы рассмотреть получше. Демойт пошел следом. Они смотрели молча. Рейн очень сильно изменила голову. Сначала показалось, что исправлениями она только испортила. Тонкие изящные линии, создававшие то самое тихое, задумчивое настроение, которое Мору так нравилось, были изничтожены, покрыты слой за слоем крохотными ударами мазков. Голова стала выглядеть тяжелее, угловатей, впечатление теперь создавали не до блеска доведенные детали, а нечто, выходящее из самой глубины лица. Мор не мог сказать, лучше ли это. Он отвернулся. Они

оба вновь сели возле стола.

— Ну вот, — произнес Демойт, — и вы, и я получили свои портреты. — Он налил себе кофе.

— Пожалуй, я пойду, — сказал Мор. — Нэн будет волноваться. — Он сказал это не подумав, автоматически.

Демойт пододвинул к нему бутылку бренди.

— Теперь вы займетесь выборами, я так полагаю?

— Да. Займусь. Нэн больше не возражает. После того, что вчера сказала…

— А вдруг она опять передумает? Ну, если вы и теперь поддадитесь, я вам больше не друг. И ноги вашей не будет в этом доме. Так и знайте.

— Не беспокойтесь. Теперь уж я не отступлю. Теперь не отступлю. — Он еще выпил бренди. Встал. И только сейчас понял, что просидел все это время в пальто с поднятым воротником.

Демойт встал следом за ним.

— Вы не возьмете это? — Он кивнул на набросок на столе.

— Нет. Пусть останется у вас. Я хотел бы оставить что-нибудь у вас на память о себе.

Он подошел к дверям.

— Кстати… можно вам задать один вопрос?

— Какой?

— Помните, вы предложили помочь Фелисити начать обучение в колледже? Вы не передумали?

— Нет.

— Благодарю вас. Я рад. Возможно, мы обсудим это позднее.

— Как вам будет угодно. Всего наилучшего.

— И вам так же. — Он чувствовал искушение добавить «простите», но не сказал.

— Приходите через несколько дней, — сказал ему вслед Демойт.

— Приду. — И он вышел из комнаты. Обернулся и увидел Демойта, сидящего за столом и глядящего в сторону портрета.

Мор вышел из дома и отыскал свой велосипед. Бледно-желтое солнце просвечивало сквозь белесую мглу. По дороге в обоих направлениях мчались машины. Мор решил вернуться домой по шоссе, а не по полю. Он сел на велосипед и медленно поехал по направлению к холму. Он чувствовал себя очень усталым. Болела голова. В ушах звенело, и от выпитого бренди руки и ноги казались ватными. Ветер дул в лицо.

Приблизившись к холму, он вдруг услышал сквозь гул автомобилей какой-то крик. Поднял отяжелевшую голову и увидел Фелисити — она

на большущей скорости ехала вниз с холма на велосипеде. Увидев его, она начала что-то выкрикивать, но он не мог разобрать, что именно. На секунду ему показалось, что она кричит: «Рейн вернулась!» И тут же понял: да нет же, она кричит: «Дон вернулся!» Он бросил велосипед и побежал ей навстречу. Она уже успела съехать с холма и бежала навстречу ему.

— Папа, как хорошо, что я тебя нашла!

— Что, Дон вернулся?

— Да, то есть еще нет, но он у Тима Берка, пришел к нему ночью, а Тим позвонил нам полчаса назад и сказал, что скоро привезет его на мотоцикле. Говорит, с Доном все хорошо. Они сейчас приедут.

— Слава богу, — сказал Мор. Он поднял свой велосипед и велосипед Фелисити, и они начали взбираться на холм. Фелисити держалась за его руку.

— А как ты меня нашла?

— Я видела, как ты уехал. И подумала, может, ты поехал к Демойту.

Мор ничего не сказал.

— Папа, а ты станешь депутатом парламента?

— Наверное… если изберут.

— И мы переедем в Лондон?

— Да. Мы переедем в Лондон.

— Здорово. Здесь так скучно. Папа…

— Что?

— А можно мне не идти на эти курсы секретарш? Я хочу остаться в школе.

— Ты останешься в школе, а потом, может быть, поступишь в университет.

— Не сердись на Дона.

— Я не сержусь.

— Может, Дон будет теперь работать с Тимом, как ты думаешь? Ему это нравится больше, чем химия, только он боится тебе сказать. Этот дурацкий экзамен все равно уже прошел.

— Посмотрим, дочка, время покажет.

Они добрались почти до самой вершины холма.

— А если будем жить в Лондоне, давай купим собаку?

Мор чувствовал, что плачет. Нет, не теми скрытными слезами, о которых говорила Рейн, а самыми обыкновенными, текущими по щекам.

— Да, купим собаку, если хочешь.

И вот они уже добрались до верхушки холма. Там они сели на свои велосипеды и начали спускаться по противоположному склону. Слезы текли и высыхали на ветру. Но когда они подъе-

хали к дому, он уже взял себя в руки.

Нэн стояла у дверей. Мор прислонил велосипед к изгороди и пошел по дорожке, Фелисити за ним. Он посмотрел на Нэн. И почувствовал, что горбится. Она смотрела на него. Немолодая, усталая женщина. И тут послышался знакомый звук. Мотоцикл Тима. Все втроем повернулись к дороге.

Мотоцикл очень медленно выехал из-за угла. Сзади сидел Дональд и держался за Тима. Мотоцикл остановился у калитки, и они сошли. На Дональде была та самая одежда, в которой он взбирался на башню. И поверх накинуто какое-то старое пальто. Лицо у него было бледное и какое-то пустое. Тим взял его за плечо и повернул к тем троим, стоящим у калитки.

— Блудный сын вернулся! — произнес он как-то слишком торжественно. Наверное, его волновало, как их примут, не только Дональда, но и его самого.

— Идемте в дом, — сказал Мор и вошел. Дональд за ним, подталкиваемый Тимом. Все столпились в коридоре. Мор оглянулся. Дональд смотрел на него, подняв брови, то ли насмешливо, то ли горестно. Мор обнял его и сказал:

— Тебе надо отдохнуть.

Фелисити обнимала его, и Нэн целовала в

щеку.

— Я устал, — произнес Дональд. — И доставил Тиму много хлопот. Мы всю ночь не спали.

— Сразу ложись в постель, — сказала Нэн. — Одежда на тебе какая грязная, ужас, снимай сейчас же, а я принесу кофе и яичницу.

Дональд отправился вверх по ступенькам.

Нэн пошла на кухню. Она кивнула Тиму, чтобы шел за ней. Поставила на плиту чайник и кастрюльку. Включила газ. Посмотрела на Тима. Тот сидел около стола с отрешенным видом. Он не ответил на ее взгляд.

Фелисити в одиночестве сидела на ступеньках. Снизу из кухни слышалось шипение газа и позвякивание посуды. Сверху, из комнаты Дональда, приглушенные голоса брата и отца. Значит, теперь все хорошо. Тогда почему же слезы наворачиваются на глаза? Она долго копалась в карманах и наконец отыскала платок. Слезы уже вовсю текли по щекам. Она прижала платок к глазам. Но ведь все хорошо. Все хорошо. Все хорошо.

1957

Колокол

Глава 1

Дора Гринфилд ушла от мужа потому, что боялась его. По той же причине полгода спустя решила к нему вернуться. Разлука с Полом, который преследовал ее письмами, телефонными звонками и звуками мерещившихся на лестнице шагов, обернулась еще большей мукой. Ее терзало чувство вины, и с чувством вины в душу закрался страх. Пусть уж, решила она наконец, докучает своим присутствием, чем отсутствием.

Хоть Дора почему-то считала, что лучшие ее денечки уже позади, она была еще очень молода. Выросла она в лондонской семье скромного достатка. Отец умер, когда ей было девять, и мать, с которой они никогда особо не ладили, вышла замуж во второй раз. Восемнадцати лет Дора поступила в школу Слейда [5], где платили стипендию, и проучилась там два года, пока не встретила Пола. Роль студентки художественной школы вполне устраивала Дору. Это и впрямь

---

[5] Примечания: 5

Школа Слейда — художественное училище при Лондонском университете; основано в 1871 г.; названо в честь Ф. Слейда (1788–1868), филантропа и коллекционера произведений искусства.

была единственная роль, которую она способна была играть с удовольствием. Из жалкого, неказистого подростка она в колледже превратилась в пухленькую, на персик похожую девушку; у нее водились небольшие деньги на карманные расходы, и она тратила их на широкие цветастые юбки, пластинки с джазом и сандалии. В ту пору, теперь казавшуюся невообразимо далекой, хотя минуло всего три года, она была счастлива. Дора, с запозданием понявшая, что значит быть счастливой, теперь тревожилась, что не может быть счастлива ни с мужем, ни без него.

Пол Гринфилд, тринадцатью годами старше жены, был искусствовед, сотрудник Галереи Куртолда [6]. Он происходил из семьи потомственных немецких банкиров и был человеком обеспеченным. Родился он в Англии, учился в английской школе и распространяться о происхождении своих предков не любил. О бирже и акциях помалкивал, но капитал всегда держал в обороте. Дору он увидел, когда пришел читать в училище лекцию о средневековой резьбе по дереву.

Предложение его Дора приняла без колебаний

---

[6] Примечания: 6

Галерея Куртолда (Courtauld Institute Galleries) основана в Лондоне в 1932 г., славится ценным собранием картин; названа в честь фабриканта С. Куртолда, принесшего галерее крупный дар.

по многим причинам. Она пошла за него потому, что у него был безупречный вкус и квартира на Найтсбридже. Потому, что видела в нем натуру цельную и благородную. Потому, что он был таким взрослым — в сравнении с ее тощенькими нервозными приятелями по училищу. Ну и немножечко из-за денег. Дора им восхищалась и была крайне польщена его вниманием. Она надеялась посредством «выгодного замужества» — как говаривала ее матушка (та буквально лопалась от зависти) — войти в общество, научиться хорошим манерам. Правда, тогда она слабо себе представляла, что это такое. Дора пошла за Пола еще и потому, что тот питал к ней прямо-таки демоническую страсть. Поклонником он был неистовым, романтичным; было в нем нечто экзотическое, что волновало ее воображение, изголодавшееся в бедной событиями жизни и не утоленное детскими провинциальными забавами студенческого быта. Дора не то чтобы страдала комплексом неполноценности — она просто весьма невысоко себя ставила. И ее изумило, что Пол вообще обратил на нее внимание, и изумление это быстро переросло в восторг: как легко может она увлечь этого утонченного, искушенного человека. Она и не сомневалась,

что сама влюблена в него.

Выйдя замуж и обосновавшись в квартире на Найтсбридже, в окружении уникальной коллекции резной слоновой кости, Дора поначалу вполне удачно справлялась с обязанностью быть счастливой. Но шло время, и она начала потихоньку понимать, что до идеала жены Пола не так-то просто дорасти. В воображении она рисовала себя просвещенной, самостоятельной дамой, но, побыв в качестве миссис Гринфилд около года, прежний свой идеал нашла недостижимым и невзлюбила его. Пол считал, что ей хочется оставить учебу, и она пошла на это с некоторым сожалением. Но так как была ленива и выказывала мало признаков таланта, то и вздохнула с некоторым облегчением. Пол, которого ухаживанье выбило из жизненного ритма, женившись, вновь с одержимостью, так нравившейся Доре, окунулся в работу. Пока Пол долгими часами просиживал в Куртолде или Британском музее, она изнывала от избытка свободного времени. Дора попыталась было держать квартиру в образцовой чистоте, да не посмела сдвинуть с места ни одной вещицы. Потом начала разводить долгие приготовления к званым обедам для друзей Пола — еду в таких случаях Пол обычно готовил сам. Все это

ее радовало, но ощущения, будто это именно то, чего бы ей хотелось, не появлялось. Горделивая уверенность, которую поначалу вскормила в ней любовь Пола, мало-помалу улетучивалась. И в душу закрадывалось подозрение: Пол, столь настоятельно требовавший, чтобы она развивалась духовно, в какой-то мере подавляет ее. Он хотел научить ее всему сам, но ни времени, ни терпения у него на это не хватало. Она, всегда обожавшая модные журналы и любившая опробовать новые «аксессуары», теперь не знала, как ей следует одеваться. Цветастые юбки и сандалии уже не годились. В конце концов, раздраженная замечаниями Пола, она купила пару безликих дорогих туалетов «на выход», которые казались ей невыразимо унылыми, и на этом вовсе прекратила покупать одежду. Непросто было тратить деньги и на что-то другое — она была не уверена в своем вкусе. Пол, как она втайне догадывалась, считал ее в чем-то вульгарной.

Друзья Пола были ей симпатичны, но и они внушали страх. Все они были очень умны, много ее старше, имели умных жен, внушавших ей еще больший страх. К ней они относились покровительственно, с шутливой снисходительностью. Кое-кто из них, как выяснилось, держал ее за

бывшую балерину, и это, по Дориному мнению, кое-что значило. Их с Полом часто приглашали в гости, но она ни с кем так и не подружилась. Один скрипач, правда, проявил к ней интерес и принялся расспрашивать о ее детстве, Дора было обрадовалась, но Пол приревновал, начал злиться, и потом среди гостей она скрипача уже никогда не видела. Перед свадьбой Пол предупреждал Дору о том, что они, по всей вероятности, будут ссориться, но добавил, что для искренне любящих такие перепалки — одна из забав супружеской жизни. Ссоры, а они начались довольно скоро, Доре никакого удовольствия не доставляли. После них она чувствовала себя униженной и опустошенной.

Дора начала чаще встречаться со старыми друзьями, особенно с Салли, та была помоложе Доры и продолжала учиться в Слейде. Она начала чувствовать — и чувство это было наполовину виноватое, наполовину вызывающее, — что она еще очень молода. Прежде ей льстило, когда студенты, обращаясь к Полу, говорили ему «сэр», теперь это ее огорчало. Салли позвала ее как-то раз на танцы в колледж. К танцам Пол испытывал стойкое отвращение. После безуспешных уговоров Дора уехала одна и вернулась часов в шесть

утра — пунктуальной она не была от природы. Пол устроил ей сцену, поразившую ее своим неистовством. С этого-то момента она и начала бояться Пола. Правда, она его ни в коей мере не осуждала. Тут в полном блеске проявилась ее неспособность ставить других на место. Пытаясь как-то себя выгородить, Дора выучилась льстить Полу или просто молча противостоять ему. И хотя самосознание в ней еще не заговорило, общение с этой устрашающей личностью все чаще напоминало ей, что она существует сама по себе.

Пол настаивал, чтобы у них были дети или по крайней мере один ребенок, и настаивал в твердой и собственнической манере — как всегда, стоял на своем, когда дело касалось чего-то, что он допускал в свою жизнь. Семейные чувства в нем были сильны, сказывалась тоска по прошлому, по чопорности и церемонности семейных отношений. Он мечтал о сыне, маленьком Поле, которого мог бы наставлять и с которым когда-нибудь смог бы разговаривать как с равным, а то и как с соперником. Дора же леденела при одной только мысли о детях. К их появлению она была не готова, но и мер предосторожности никаких не принимала, что было типичным образчиком того ступора, в который она впадала, когда дело каса-

лось Пола. Будь она способна к беспристрастной оценке своей ситуации, она бы поняла — ребенок даст ей независимое положение в окружении Пола, а этого ей так недоставало. В ее власти было превратиться в уважаемую и внушительную мать семейства, с мнением которой вынужден был бы считаться даже Пол. Жена-ребенок, она раздражала его своей жизнерадостностью, из-за которой он, впрочем, на ней и женился; материнство же, вне всяких сомнений, придало бы ей значительность, не зависящую от ее личности, значительность, корнями уходящую в века. Но эти достоинства были Доре не по душе, да и сознательно связывать себя было противно ее натуре. Хоть она и всецело находилась во власти Пола, ее никогда не оставляло ощущение, что она, как безответный, юркий зверек, всегда может улизнуть куда-нибудь. Перспективу же лишиться этой звериной юркости, разделившись на два существа, Дора не смогла бы вынести. Ей и не пришлось ее выносить. И хотя, к великому огорчению Пола и его друзей, она и щеголяла привязавшимся со студенческих лет выражением «для любви чего не вынесешь», на самом-то деле она бы с подобной ситуацией не справилась.

Доре с самого начала было ясно, Пол — мужчи-

на страстный, и это ее очень привлекало в нем. В нем ощущалась мужественность, до которой ее приятелям в жизни бы не дорасти. Красавцем назвать его было нельзя, но внешность он имел впечатляющую. Черные блестящие волосы и темные усы, спускавшиеся по уголкам рта, не раз наводили Дору на мысль о том, что в нем была южная кровь. Нос был крупноват, рот резко очерчен, а глаза, чересчур светлые, похожие на змеиные, заставляли в училище трепетать всех, кроме Доры. Ей нравилось видеть в нем нечто строгое, даже безжалостное — особенно когда он был у ее ног. Нравилась ей и роль любовницы, дразнящей, но уже уступающей, и Пол восхищал ее бесконечными открытиями изощренной сексуальности и силой страсти, по сравнению с которыми прошлые ее любовные увлечения казались просто пресными. Правда, теперь она начала видеть его властность в несколько ином свете. Вконец ее огорчили грубость и эгоистичность, с которыми он разрушил прежний строй ее жизни. Ушло из нее что-то приятное и веселое.

Немного погодя Дора перестала пересказывать Полу все, что делала в течение дня. Она встречалась с друзьями, которых, она это знала наверняка, он едва ли одобрит. Был среди них и Ноэль

Спенс, молодой репортер, шапочно знакомый с Полом. Когда он ловко передразнивал мужа, Дора поначалу бурно протестовала, думая, что это принесет ей облегчение. Поведения своего Дора не одобряла. Но искушение уйти из элегантной квартиры-недотроги Пола и пропустить по рюмочке с Ноэлем или Салли было слишком велико. Дора пристрастилась к выпивке, и это ей нравилось. Для ловкой обманщицы она была чересчур беззаботна, так что Пол вскоре почуял неладное. Он подстроил ей «ловушку», она в нее попалась, и начались свирепые объяснения. До предела расстроенного Пола кидало то в жестокость, то в сентиментальность, перепады эти вызывали в Доре страх и отвращение. Она стыдилась своего недостойного поведения, обещала исправиться. Но тяга к запретной компании, где она могла быть самой собой, была неодолимой. Не умевшая быть последовательной или расчетливой, Дора открыто переходила от одной тактики к другой и снова возвращалась к первой.

Дора стала чаще видеться с Ноэлем Спенсом и его беззаботными, любящими хорошенько выпить друзьями. В ней появилась, совершенно независимо от ее намерений, склонность к обманам. Дома Пол изводил ее расспросами

и попреками, справедливости которых она не отрицала. Дора силилась ему объяснить, отчего она несчастна, но делала это так бессвязно, да и возмущенный Пол не хотел ее понять. Пол твердо знал, чего он хочет. Он заявил: «Я хочу работать и быть твоим мужем. Я хочу быть для тебя всем — как ты для меня». Дора была подавлена твердостью его намерений и унижена отказом внять ее жалобам. И коль скоро она не умела ни трезво судить о других, ни мысленно разложить по полочкам их поступки, она не могла ни принять требований Пола, ни отстоять своих. Наконец, повинуясь чувству обреченности, которое заменяло ей нравственные принципы, она ушла от Пола.

Дора отправилась поначалу к матери, но они сразу же поссорились. Пол, удостоверившись, что она и впрямь оставила его, прислал ей мелочное, вполне в его духе, письмо. «Как ты понимаешь, у меня по отношению к тебе нет никаких законных обязательств. И все же я назначаю тебе сорок фунтов, они будут начисляться на твой счет до тех пор, пока ты не придешь в чувство и не вернешься. Я не желаю, чтобы ты жила в нищете. С другой стороны, едва ли ты вправе рассчитывать на то, что я буду щедро финансировать твой аморальный разгул, а в недалеком

будущем, уверен, и адюльтер. Твое счастье, что ты можешь не сомневаться в моей любви. Она остается неизменной». Дора решила отказаться от денег — и приняла их. Сняла комнату в Челси. Вскоре у нее завязался роман с Ноэлем Спенсом.

Как только Дора избавилась от Найтсбриджа и тоски вечерних пререканий с Полом, она почувствовала сильное облегчение. Но вскоре ощутила, что у нее нет больше рядом другой жизни, в которой можно было бы укрыться, как в нише. Она все сильнее привязывалась к Ноэлю Спенсу. Тот оказался нежным и деликатным, он сказал ей: «Дорогая, живи у меня, будь моей, но помни только, что я самый легкомысленный человек на свете». Дора понимала — говорил он это, чтобы успокоить ее, но все равно была ему благодарна и действительно успокоилась душой. Она жила в атмосфере наигранной, вымученной фривольности, мысленно рисуя себя бесшабашной богемной особой. Она старалась не вспоминать о том, какую рану нанесла Полу. Вспоминать Дора вообще не умела. Но она была слишком привержена традициям, чтобы не мучиться чувством вины и не переживать весьма болезненно свое положение. Она из сил выбивалась, лишь бы вернуть свою былую жизнерадостность. Потом

начала бояться — вдруг явится Пол и силком принудит ее вернуться или же устроит Ноэлю сцену. Честно говоря, Пол не преследовал ее, но каждую неделю писал полные упреков письма. В этих письмах она с чувством отчаяния угадывала демоническую силу его воли, непрестанно сосредоточенную на ней, Доре. Она знала — он ее в покое не оставит. Лето она провела за выпивкой и танцами, занимаясь любовью да транжиря деньги Пола на цветастые юбки и пластинки джазовой музыки. Затем, в начале сентября, Дора решила вернуться к мужу.

С июля Пол жил за городом. В одном из писем, на которые она никогда не отвечала, он обмолвился, что работает над чрезвычайно интересной рукописью XIV века, принадлежащей англиканскому монастырю в Глостершире. Его приютила светская религиозная община, живущая при монастыре. Место это очень красивое. Дору трогала верность Пола, но послания его она просматривала вполглаза, отыскивая в них угрозы, и тотчас рвала их, дабы не видеть его почерка. Так что почерпнула она из этих писем мало, разве что названия. Монастырь именовался Имбером, дом, в котором остановился Пол, — Имбер-Кортом. По этому-то адресу и отправила Дора вымученное

письмецо, полуизвиняющееся, полуобиженное, дабы известить мужа, что намеревается вернуться.

С обратной почтой она получила от Пола прохладную деловую записку, гласившую, что он будет ждать ее в пятницу: она должна сесть в 4.56 на пригородный поезд в Паддингтоне, а в Пенделкоте ее встретит машина. Он прилагал к записке ключ от квартиры — на случай, если она потеряла свой. Не могла бы она, кстати, захватить его итальянскую соломенную шляпу, темные очки, а также голубой блокнот из верхнего ящика письменного стола? Доре, которая очень расчувствовалась от того, что писала в письме, этого показалось маловато. Она-то думала, Пол примчится за ней в Лондон. И никак не предполагала, что ее так бесцеремонно вызовут в деревню. При мысли о встрече с Полом в столь странном окружении на нее накатил страх. Что это за религиозная община? Невежество Доры в вопросах религии, впрочем, как и во многом другом, поистине не знало границ. Она и веры от суеверия толком-то не отличала, а сама отошла от обрядов, когда обнаружила, что выучилась читать «Отче наш» не медленно, а скороговоркой. С такого рода верой она рассталась без всяких со-

жалений, а случая пересмотреть свои взгляды на этот вопрос не представлялось. Интересно, думала она, принимает ли Пол участие в религиозных обрядах? Они с ним торжественно венчались в церкви, правда, многие знакомые Пола отнеслись к этому с известной долей иронии. Но Пол следовал примеру отца и деда, желая предельно англизироваться во всем, что касается сословия и веры. Доре потребовалось определенное время, чтобы осознать это, и, когда она этой мыслью прониклась, ощущение призрачности их отношений еще сильнее в ней укрепилось. Более того, неприязнь к Полу-христианину перекрывала даже неприязнь к Полу-ученому, ибо с этой стороны для бедной Доры он был еще менее доступен. Верил ли Пол в Бога? Этого она не знала. Как только она поняла реальность существования Пола и в сознании ее уложилась мысль, что он существует, несмотря на эту странную разлуку, продолжает жить, думая о ней, осуждая ее, сердце у нее упало. Она решила не ехать.

К первоначальному решению она вернулась, переговорив с Салли, которая, как подозревала Дора, недолюбливала Ноэля и всегда благоволила к Полу, а также с Ноэлем, который был обеспокоен ее состоянием и не знал, что с ней делать.

Вещи с Найтсбриджа Дора забирала с замиранием сердца: едва она открыла дверь и увидела знакомую обстановку, безмолвно укоряющую, ничуть не изменившуюся, только пропахшую нежилым духом, внутри у нее все сжалось. Она собрала кое-что и из собственной одежды. Побег ее был не таким уж внезапным, но совершенно неподготовленным. Близилась пятница, страх вновь увидеться с Полом душил в Доре все прочие чувства. Она все время плакала, пока Ноэль вез ее к Паддингтону.

День был невыносимо жаркий. Они приехали задолго до 4.56, но поезд уже подали, и в нем было много народу. Ноэль отыскал место в уголке, поближе к проходу, забросил большой чемодан на верхнюю полку, на него — картонку с итальянской соломенной шляпой Пола. Дора оставила на сиденье парусиновую дорожную сумку, и они с Ноэлем вышли на платформу. Глянули друг на друга.

— Уходи, не жди, — сказала Дора.

— У тебя зубы стучат, — ответил Ноэль. — Как это, интересно, у тебя получается? Никогда не наблюдал подобного феномена.

— Ох, заткнись.

— Выше нос, дорогая, — подбадривал ее Но-

эль. — А то ты прямо олицетворение скорби. В конце-то концов, если тебе все опротивеет, ты всегда можешь смыться. Ты же вольная птица.

— Ты думаешь? — пробормотала Дора. — Ну хорошо, хорошо, носовой платок я взяла. А теперь уходи, пожалуйста.

Они стояли, взявшись за руки. Ноэль — крупный мужчина с бледным, без единой морщинки лицом и бесцветными волосами. С виду мягкий, неуклюжий, очень обходительный, он был похож на большого игрушечного медвежонка. Он улыбнулся Доре, стараясь с участием, без иронии отнестись к ее настроению.

— Черканешь дяде Ноэлю?

— Если смогу…

— Ну-ну, давай без трагедий. Главное, не позволяй там этой публике внушать себе чувство вины. Из этого никогда ничего хорошего не выходит.

Он поставил ладони ей под локотки и слегка приподнял. Они поцеловались.

— Пламенный привет Полу.

— А пошел ты… Прощай…

Дора вошла в поезд. Теперь народу в нем было действительно полно, на каждой лавке сидели вчетвером. Прежде чем сесть, она быстро окинула себя взглядом в зеркале. Выглядела она, несмотря

на все эти ужасные события, просто прекрасно. У нее было славное округлое лицо, крупный улыбчивый рот, большие серо-голубые глаза. Слегка подведенные, но невыщипанные, подвижные брови вразлет. Золотисто-каштановые волосы длинными прядями так прямо и решительно падали на плечи, что напоминали папоротник, свисающий со скалы. Все вместе выглядело весьма привлекательно. Ее внешность была совсем не такой, как когда-то.

Дора обернулась к своему месту. Полная дама слегка подвинулась. С омерзением чувствуя себя грузной, горячей, да еще в дорогой и безликой одежде, которую не надевала с весны, она втиснулась на сиденье. Как противно было сидеть впритык к чужому, жаркому телу. Юбка была тесна. Туфли на высоких каблуках жали. Да еще этот мерзкий запах — своего и чужого пота. День был чертовски жарким. И все же, отметила она про себя, ей повезло — хоть сидит, — и она стала с удовлетворением посматривать в забитый людьми проход.

Какая-то престарелая дама, продравшись через толпу, остановилась у двери Дориного купе и обратилась к ее соседке:

— А, ты здесь, дорогая, я думала, ты ближе к

головным вагонам.

Они довольно-таки мрачно переглянулись — леди перегнулась через притолоку, ноги ее были зажаты в куче вещей — и завели разговор о том, что никогда, мол, не видели в поезде столько народу.

Дора уже ничего не слышала — ужасная мысль ударила ей в голову. Ей придется уступить свое место. Мысль эту она от себя гнала, но та не отступала. Ну конечно. У пожилой дамы такой нездоровый вид, и будет правильно, если Дора, молодая и здоровая, уступит место, чтобы та села подле своей приятельницы. Кровь бросилась Доре в лицо. Куда спешить? Она затаилась и принялась обдумывать ситуацию. Вполне возможно, что, сознавая необходимость уступить место, она этого не сделает из чистого эгоизма. Да это в чем-то и лучше — чем если бы ей вообще не пришло в голову, что пожилым надо уступать место. По другую сторону от Дориной соседки сидел нестарый мужчина. Читал себе газету и, судя по виду, о долге своем не помышлял. Может, Доре подождать, пока до него дойдет, что надо уступать место дамам? Дождешься, пожалуй… Дора оглядела соседей по купе. Никто не обнаруживал ни малейшего чувства неловкости. Лица

соседей, не уткнувшихся в книжки, лучились самодовольством, которое, верно, было написано и на ее собственном, когда она поглядывала на сутолоку в проходе. Правда, было еще одно обстоятельство. Она-то побеспокоилась о том, чтобы приехать заранее, и должна быть за это вознаграждена. Впрочем, эти дамы, может, не могли приехать раньше? Кто знает. И все же элементарная справедливость требовала, чтобы у тех, кто первым пришел на вокзал, были сидячие места. Старая дама прекрасно устроится и в проходе. В конце концов, в проходе полно престарелых дам, и никого это, похоже, не волнует, и меньше всего их самих! Дора терпеть не могла бессмысленных жертв. К тому же она изнурена переживаниями и заслуживает покоя. Хорошо ли будет, если она приедет на место совсем измотанной? Дора всерьез считала, что нервы ее на пределе. Места она решила не уступать.

Дора поднялась и обратилась к стоявшей даме:

— Присаживайтесь, пожалуйста. Мне недалеко, могу и постоять где-нибудь.

— Как это мило с вашей стороны! — воскликнула старая дама. — Я теперь могу сесть рядом с приятельницей. Знаете, у меня есть место — там, дальше. Может, мы поменяемся? Давайте я помо-

гу вам перенести туда вещи.

У Доры на радостях вспыхнули щеки. Что может быть приятнее нежданного вознаграждения за благородный поступок?

Она начала протискиваться через проход со здоровенным чемоданом, а пожилая дама несла за ней дорожную сумку и шляпу Пола. Продвигаться было нелегко, так что шляпе Пола, наверно, досталось. Поезд тронулся.

Когда они добрались до нужного купе, оказалось, что у дамы место у окна. Доре положительно везло. Поскольку вещей у дамы было мало, обратно она отправилась одна, и Дора принялась устраиваться.

— Давайте помогу, — предложил высокий загорелый мужчина, сидевший напротив. Он легко забросил чемодан на полку, Дора кинула поверх него шляпу Пола. Мужчина приветливо улыбнулся. Они сели. В этом купе все были куда изящней.

Дора прикрыла глаза и вспомнила о своем страхе. Она возвращалась — и по собственной воле — во власть человека, который отрицал или порицал все ее душевные порывы, и к тому же теперь у него были все основания обвинить ее в безнравственности. Вот оно, замужество, думала Дора, — быть под чужим игом. Что Пол был в

ее власти, ей и в голову не приходило. Ничего не поделаешь, замужество ее — факт, и факт из числа немногих остающихся неизменными в ее беспорядочном существовании. Она едва не расплакалась и постаралась переключиться на что-нибудь другое.

Поезд громыхал по Мейденхэду. Дора пожалела, что не вынула перед отправлением поезда книжку из чемодана. Соседа просить было неудобно. Да к тому же книга была на дне чемодана, а бутылки с виски сверху, так что лучше уж в чемодан не лазить. Она принялась изучать своих попутчиков. Какие-то серенькие, не поддающиеся описанию женщины, пожилой мужчина да напротив двое мужчин помоложе. Точнее — мужчина и юноша. Юноше, который сидел подле окна, было лет восемнадцать, а мужчине, который помог ей с чемоданом, где-то под сорок. Они, похоже, ехали вместе и хорошо смотрелись рядом. Мужчина был крупный, широкоплечий, но лицом худой и слегка изнуренный, что замечалось только тогда, когда присмотришься к его загару. Лицо у него было открытое, приветливое, широкий лоб пересекал ряд ровных морщин. В густых вьющихся волосах поблескивала проседь. Он скрестил на колене тяжелые жилистые руки и без всякого

смущения рассматривал пассажиров напротив. Он был из тех людей, что сразу располагают к себе, и потому мог смело встречаться со взглядом незнакомца, не боясь при этом показаться назойливым, заискивающим или просто любопытным. Одет он был не по погоде — в тяжелый твидовый костюм. Пот со лба он отирал чистейшим носовым платком. Дора стянула с себя жакет и, незаметно сунув руку под блузку, нащупала проступивший между грудями пот. Она переключила внимание на юношу.

Тот сидел не без кокетливого изящества: протянув вперед ногу и едва касаясь Дориной ноги. На нем были темно-серые фланелевые брюки и белая рубашка с открытым воротом. Пиджак он забросил на верхнюю полку. Рукава у рубашки были закатаны, и на его обнаженной руке, лежавшей на пыльном подоконнике, нежилось солнышко. Он, по всей видимости, на воздухе бывал реже, чем его спутник, но щеки его были тронуты свежим, красноватым загаром. Голова у него была совершенно круглая, глаза темно-карие. Волосы блекло-каштанового цвета, чуть длинней обычного, падали на шею ровно подстриженной волной. Он был очень худенький, а такой беззастенчивый взгляд широко распахнутых

глаз мог быть только у безмятежно-счастливого человека.

Дора признала этот былой свой взгляд на мир, когда глядела на этого мальчика, доверчивого, неиспорченного, пышущего здоровьем, не растратившего сил. Юность — изумительная пора. И как неуместны здесь сочувствие и жалость. Ведь за юностью наступает куда более трудный возраст, когда и надежд остается меньше, и возможностей изменить что-то, когда жребий уже брошен и нужно идти по избранному пути, а навыков никаких нет и нет даже простой житейской мудрости, когда — как это случилось с ней самой — хочешь быть une *jeune fille un peu folle* [7], а становишься просто женщиной и, хуже того, женой. У молодых свои заботы, но у них хоть есть определенная роль в жизни — быть молодыми.

Пара напротив разговаривала, и Дора бездумно прислушивалась.

— Только не забрасывай учебники, — говорил мужчина, — а то как бы до октября вся математика у тебя из головы не выветрилась.

— Я буду стараться, — ответил юноша. Рядом со своим спутником он держался овцой. Не отец

---

[7] Примечания: 7
Молодой, слегка безрассудной девушкой *(фр.)*.

ли это с сыном, подумала Дора, но потом решила, что они больше походят на учителя с учеником. Было в старшем что-то от наставника.

— Везет вам, молодым, — продолжал мужчина, — очутиться в Оксфорде! Ты, поди, волнуешься?

— Да, — ответил юноша. Ответил тихо, его, похоже, нервировало, что разговор идет на публику. Голос у его спутника был громкий, раскатистый, а в купе больше никто не разговаривал.

— Прямо скажу, завидую я тебе, Тоби, я в свое время упустил такую возможность и всю жизнь жалею об этом. В твои годы моя голова была забита только парусниками.

Тоби, промелькнуло у Доры, Тоби Круглоголовый.

— Да, повезло, — промямлил юноша.

Тоби явно старается подладиться под учителя, подумала Дора. Она выудила последнюю сигарету из пачки и, убедившись, что та пуста, выбросила ее, после минутного колебания, в окно. Она поймала на себе осуждающий взгляд мужчины — неодобрение лишь на секунду отразилось на его лице и тут же исчезло. Она попыталась заправить блузку под корсаж юбки. День, похоже, становился все жарче.

— А какая прекрасная специальность, — говорил мужчина. — Быть инженером — это же благороднейшая профессия, с ней нигде не пропадешь. В том-то и беда современной жизни, что нет у людей больше настоящего дела в руках. В былые времена кем мы были? И швец, и жнец, и в дуду игрец, так ведь?

— Да, — ответил Тоби.

К этой поре он уже приметил пристальный взгляд Доры. Застенчивая улыбка то и дело пробегала по его пухлым и, как сформулировала про себя Дора, соблазнительно алым губам. Он нервно потянулся и задел ее ногой. Сразу же резко отпрянул и спрятал ноги под скамейку. Дору это позабавило.

— Это одна из наших главных задач, — продолжал мужчина, — вернуть жизни посредством труда ее былую значимость и утраченное достоинство. Слишком много людей в наше время ненавидят свою работу. Потому и обретают такое значение искусство и ремесла. Даже к хобби стали относиться серьезнее. А у тебя есть хобби?

Тоби от ответа уклонился.

Дора заметила стоявших у обочины детишек, они махали проходящему поезду, помахала в ответ и она и невольно улыбнулась. Она поймала

на себе взгляд Тоби, тот тоже улыбнулся, но сразу отвел глаза.

Под пристальным Дориным взглядом он начал заливаться краской. Дору это привело в умиление.

— Ведь это проблема всего нашего общества, — развивал свою мысль мужчина. — Но у нас есть и своя личная жизнь — и ею надо как-то распорядиться, так ведь? И что останется от свободы, если это чувство личного призвания будет утрачено. Не надо бояться прозвища «чудак». Пусть мы будем всем примером, каким-то напоминанием, хоть и символическим. Ты согласен?

Тоби был согласен.

Поезд начал медленно сбавлять ход.

— Вот мы и в Оксфорде, — заметил мужчина, — гляди, Тоби, это твой город.

Он кивнул в окошко, и все в купе повернулись, дабы глянуть на цепь башен, переливавшихся от зноя серебром на фоне ослепительно светлого неба. Доре вдруг вспомнилось путешествие с Полом по Италии. Она однажды поехала с ним, когда ему нужно было дать консультацию по какой-то рукописи. Пол ненавидел заграничные поездки. Соответственно, и Дора была настроена так же — видела лишь пустоши, еле различимые

под слепящим солнцем, да несчастных голодных кошек, которых официанты гоняли салфетками от дорогих ресторанов. Ей вспомнились башни городов, которые приходилось наблюдать лишь с вокзалов, и славные их имена — Перуджа, Парма, Пьяченца. Странное, вроде ностальгии, чувство защемило внутри. Оксфорд в летнем мареве казался не менее чужим, чем итальянские города. Она тут не бывала. Пол был выпускником Кембриджа.

Поезд остановился, но пара напротив с места не двинулась.

— Да, символы вообще много значат, — продолжал мужчина. — Ты знаешь, что всякий символ имеет сакраментальный смысл? Не хлебом единым жив человек. Помнишь, что` я рассказывал тебе о колоколе?

— Да, — оживился Тоби. — А его привезут до моего отъезда?

— Наверняка, — ответил мужчина. — Он прибудет недели через две. Мы замыслили небольшое торжество — нечто вроде крещения. Все будет очень красочно и в духе традиций. На церемонию весьма любезно согласился приехать епископ. Ты будешь одним из посетителей — одним из немногих, точнее, первым из многих. Мы ведь

надеемся, что к нам в Имбер станут часто приезжать молодые люди.

Дора так и подскочила на скамейке, ринулась к проходу, по дороге споткнулась. Лицо у нее горело, и она его прикрыла ладонью. Сигарета упала на пол, она не стала ее поднимать. Поезд тронулся.

Спутать названия она не могла. Эти двое тоже наверняка едут в Имбер, они, должно быть, члены той самой таинственной общины, о которой писал Пол. Дора облокотилась на перила. Пошарила в сумочке, сигарет не нашла. Она их, кажется, оставила в кармане жакета. Вернуться за сигаретами она была не в силах. Позади слышались голоса Тоби и его наставника, и ей вдруг почудилось, что они говорят о ней. Совсем недавно они были для нее развлечением, а теперь могут предстать перед ней в роли судей. Это знакомство в поезде — нечто случайное, легкое и ни к чему не обязывающее. Такие знакомства нравились Доре своей безобидностью. Теперь же оно выглядело прелюдией, открывавшей печальную перспективу куда более тягостного общения. Интересно, рассказывал ли о ней Пол в Имбере и что именно. Ее воображение, уже свыкшееся с тем, что все эти месяцы разлуки Пол действительно существовал

на свете, теперь было захвачено мыслью о том, что существовал-то он не в одиночестве. Вдруг было известно, что она сегодня приезжает? Вдруг этот загорелый мужчина, теперь уже определенно глядевшийся священником, выслан в дозор и наблюдает за всеми, кто с виду походит на жену Пола? Вдруг он заметил, как она пыталась заигрывать с Тоби? Но как, однако, описал ее Пол?

Воображение у Доры было могучее — во всяком случае, когда дело касалось ее самой. Она давно уже осознала, сколь чревато оно опасностью, и выучилась его, как и память, усыплять. Но сейчас воображение разыгралось и терзало ее всякими видениями. Реальность, в которую она вот-вот вступит, разворачивалась перед ней вереницей осуждающих лиц, и Доре казалось, что порицание, которое она готова была принять от Пола, теперь будет исходить от каждого члена этой уже ненавистной ей общины. От негодования ее передернуло, и она закрыла глаза. Как же она об этом не подумала? До чего же она все-таки глупа — дальше собственного носа ничего не видит. Пол вырастал в многоликое чудовище.

Она глянула на часы и в ужасе поняла, что до Пенделкота осталось минут двадцать езды. Скоро она увидит Пола — от этой мысли сердце у нее

заныло от боли и радости. Нужно возвращаться в купе. Она припудрила нос, заправила под корсаж выбившуюся блузку, застегнула воротничок и, низко опустив голову, вернулась на свое место. Тоби и его наставник по-прежнему разговаривали, но Дора бормотала про себя ругательства, дабы не слышать их речей. Она решительно уставилась в пол, сосредоточившись на грубых башмаках и на сандалиях Тоби. Боль в сердце все усиливалась.

Тут Дора заметила на пыльном полу, под лавкой напротив, бабочку, красного адмирала. Все мысли разом вылетели у нее из головы. Она обеспокоенно наблюдала за бабочкой. Та, взмахнув крылышками, начала подбираться к окну прямо у ног пассажиров. У Доры перехватило дыхание. Надо что-то делать. Но что? Она вся вспыхнула от замешательства. Не может же она взять и перед всей этой публикой нагнуться да поймать бабочку. Все подумают, она дурочка. Об этом не может быть и речи. Загорелый мужчина, удивленный, по-видимому, сосредоточенным Дориным взглядом, наклонился, ощупал шнурки на ботинках. Завязаны вроде крепко. Он приподнял ноги и едва не задел ими бабочку, она теперь выбралась в проход между лавками.

— Извините, — сказала Дора. Она стала на колени, посадила бабочку на ладонь и прикрыла сверху другой рукой, почувствовав, как та затрепыхалась внутри. Все уставились на Дору. Она залилась краской. Тоби и его спутник смотрели на нее в изумлении. Что же теперь делать? Если выпустить бабочку в окошко, ее разобьет о поезд встречным потоком. Держать в руках — уж очень по-идиотски. Она склонилась, притворяясь, будто рассматривает свою пленницу.

Поезд начал останавливаться. Дора в ужасе поняла, что это, должно быть, Пенделкот. Тоби с наставником начали собирать вещи. Вот и станция показалась. Когда поезд совсем уже остановился, ее попутчики были уже у выхода. Дора вскочила, все еще держа в руках бабочку. Она же должна сойти с поезда! Быстро продев одну руку под ручки маленькой сумочки и дорожной сумки и вновь прикрыв притихшую бабочку, она двинулась к дверям купе. Уже шла посадка, и Дора прокладывала себе путь, грубо толкаясь, зато бабочка у нее на груди была в полной безопасности. Ей удалось соскочить со ступенек на платформу, не рухнув при этом, а только покачнувшись на своих неловких каблуках. Дора выпрямилась и глянула по сторонам. Она стояла на открытой

стороне платформы, и яркий солнечный свет, отражаясь от блестящего бетонного покрытия, слепил ей глаза. Какое-то мгновение она вообще ничего не видела. Поезд медленно тронулся.

Затем, в состоянии глубокого шока, Дора увидела Пола — тот направлялся ей навстречу. От его уже столь реального присутствия ее кинуло в жар, сердце вновь бешено заколотилось, и страх вперемежку с радостью охватил ее. Он немного изменился — похудел, загорел — и в сверкающем свете дня предстал перед ней во всем блеске своей южной красоты и эдвардианской элегантности. На лице у него не было и тени улыбки. Подозрительно сощурив глаза, он пристально всматривался в Дору. Темные усы свисали по уголкам угрюмо скривившегося рта. На какой-то миг Дора порадовалась, что сделала наконец хоть что-то ему приятное. Она вернулась. Но уже в следующий миг, когда он подошел к ней, в душе остались лишь страх и чувство неловкости.

Следом за Полом шли Тоби и его спутник — они, видимо, повстречались чуть поодаль на платформе. Дора видела, как они улыбаются ей из-за плеча Пола. Она сделала шаг навстречу.

— Ну, Дора… — промолвил Пол.

— Привет, — сказала Дора.

— Вот так встреча! — воскликнул спутник Тоби. — Жаль, не знали, с кем мы едем. Мы же словечком не обмолвились в дороге. Ехали с вашей женой и знать не знали, что это она.

— Разрешите представить, — сказал Пол. — Джеймс Тейпер Пейс. А это Тоби Гэш. Надеюсь, я не спутал ваше имя? Моя жена.

Они стояли на ярком солнце, и тени их перекрещивались. На платформе больше никого не было, все уже ушли.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Джеймс Тейпер Пейс.

— Я тоже очень рада.

— А где твой багаж? — спросил Пол.

— О господи! — выдохнула Дора. У нее от ужаса даже рот раскрылся. Она же оставила чемодан в поезде!

— Ты оставила его в поезде? — спросил Пол. Дора безмолвно кивнула в ответ.

— Вполне в твоем духе, дорогая. Ну, пойдем к машине. — Пол вдруг остановился.

— Мой блокнот тоже был в чемодане?

— Да, — пробормотала Дора. — Мне очень жаль…

— Ничего, вам все вернут, — заверил Джеймс, — народ тут честный.

— Я этого что-то не замечал, — проронил Пол. Лицо его было непроницаемо. — Что ж, пошли. Ты что так сложила руки — молишься, что ли?

Дора совсем забыла про бабочку. Не разжимая кистей рук, она развела пальцы в сторону, ладони ее распустились, как цветок. Яркая бабочка вспорхнула, закружилась над ними, попорхала над залитой солнцем платформой и улетела прочь.

Все изумленно молчали.

— Никогда не знаешь, чего и ждать от тебя, — пробормотал Пол.

Все следом за ним двинулись к выходу.

Глава 2

«Лендровер», за рулем которого был Пол, быстро мчался по зеленой дороге. Увитые пыльной зеленью изгороди вплотную подступали к обочине, и листва шуршала, задевая машину.

— Надеюсь, вам впереди удобно, миссис Гринфилд? — спросил Джеймс Тейпер Пейс. — Боюсь, это у нас не самая комфортабельная машина.

— Все прекрасно, — ответила Дора. Она оглянулась и посмотрела на улыбающегося Джеймса, который сгорбился на заднем сиденье «лендровера». Дора еще не оправилась от потрясения: надо же было забыть блокнот Пола в поезде. И его итальянскую шляпу от солнца. На Пола она и глаз поднять не смела.

— Я хотел было поехать на «хилман-минксе», — сказал Пол, — да их высочество до сих пор не снизошли до починки.

Последовало молчание.

— Как точно пришел сегодня поезд, — сказал немного погодя Джеймс, — мы будем в Комплине как раз вовремя.

Дорога пролегала в тени. Заходящее солнце освещало лишь верхушки золотисто-желтых

крон вязов, оставляя все прочее в темно-зеленой тени. Дора взяла себя в руки и попыталась вникнуть в окружающий пейзаж. Она глядела на него с изумлением закоренелого городского жителя, для которого сельский ландшафт нечто нереальное, слишком уж он великолепен, слишком уж живописен и слишком уж зелен. Ей вспомнился оставшийся вдалеке Лондон, родная грязная и шумная Кингз-роуд, на которой в этот летний вечер приветливо распахнуты двери баров… Она вздрогнула и подобрала под себя ноги. Скоро она предстанет перед всеми этими незнакомцами, а после — перед Полом. Хоть бы они вовсе туда не добрались!

— Вот мы и приехали, — заметил Джеймс, — это ограда вокруг поместья, в которое мы едем. С милю еще проедем вдоль нее, а там и ворота покажутся.

Огромная каменная стена выросла справа от машины. Дора глядела в сторону, влево. Изгороди исчезли, и Дора всматривалась в даль, через золотистое жнивье, на раскидистую рощу. За ней угадывалась голубая кромка далеких холмов. У Доры было такое чувство, что это последний ее взгляд на внешний мир.

— Когда въедем, откроется прекрасный вид на

дом, — продолжал Джеймс. — Тоби, тебе отсюда хорошо видно?

— Очень хорошо, спасибо, — раздался голос Тоби прямо из-за Дориного плеча.

«Лендровер» притормозил.

— Ворота, похоже, закрыты, — сказал Пол. — Я их оставлял открытыми, но кто-то любезно их затворил.

Он остановил машину у стены, колесами в траву, и дважды посигналил. Дора сумела разглядеть громадные колонны с шарами наверху и чуть дальше — высокие железные ворота.

— Не надо сигналить, — сказал Джеймс. — Тоби откроет ворота.

— Конечно! — отозвался Тоби, поспешно выбираясь из машины.

Пока он возился с воротами, подымая массивную задвижку, с подъездной аллеи вылетели два газетных листка, один обернулся вокруг ноги Тоби, а другой, топорщась и перекручиваясь, зашелестел по дороге. Пол, по-прежнему глядя перед собой, как бы не замечая Доры, процедил:

— Надо бы убедить брата Николаса не захламлять все-таки округу…

Джеймс промолчал. Тоби вернулся и нырнул в машину. Пол вырулил на дорогу и, обогнув пра-

вый угол ворот, въехал на аллею. Слева от ворот Дора приметила небольшую каменную сторожку. Дверь в ней была нараспашку, и из нее вот-вот должен был выскользнуть еще один газетный листок. В сторожке залаяла собака.

В дверном проеме что-то мелькнуло, это привлекло внимание Доры, она обернулась и увидела коренастого мужчину с длинной шевелюрой темных волос — он вышел на порог и наблюдал за машиной. Джеймс тоже обернулся. Пол, глянув в смотровое зеркало, обронил:

— Ну-ну…

Дора снова села прямо, и тут у нее невольно вырвался возглас изумления. Перед ними предстал огромный дом — он высился вдали, за аллеей. Аллея была погружена во тьму, а паривший над аллеей дом освещали косые лучи солнца. Светло-серый дом на фоне потускневшего вечернего неба блистал умытостью литографии. Центр фасада украшал высокий фронтон, его поддерживали четыре колонны. Крышу венчал позеленевший медный купол. На уровне второго этажа колонны упирались в балюстраду, а от нее двумя полукружьями расходились два лестничных марша.

— Это и есть Имбер-Корт, — сказал Джеймс. — Хорош, верно? Тебе видно, Тоби?

— Палладианский стиль[8], — отозвался Пол.

— Да, — сказала Дора. Это были первые слова, которыми они обменялись, отъехав от станции.

— Тут мы и живем. Прямо наши владения, влево — монастырские. Дорога к дому не напрямик. Между ними озеро. Сейчас вы его увидите. За ним — монастырская стена. Монастырь скрывают деревья. Башню с нашей стороны озера увидеть можно, а отсюда — только зимой.

Дора и Тоби посмотрели влево и увидели вдалеке, в просвете деревьев, высокую стену, похожую на ту, что тянулась вдоль дороги. Пока они ее разглядывали, машина вильнула по аллее вправо, и показалась вода.

— Я и не думал, что монастырь так близко, — сказал Тоби. — Ой, смотрите, озеро! Здесь можно купаться?

— Можно, если не боишься тины, — ответил Джеймс. — Из-за водорослей здесь не везде безопасно купаться. Лучше посоветоваться с Майклом. Он у нас знаток в этом вопросе.

«Лендровер» теперь катил у кромки воды, она

---

[8] Примечания: 8

Палладианство — направление в европейском (прежде всего английском) зодчестве XVII–XVIII вв., развивавшее, в рамках классицизма, принципы, заложенные в творчестве итальянского архитектора А. Палладио (1508–1580).

за топкой камышовой зарослью лежала тихой гладью и отливала последние краски дня в тусклую эмаль. Озеро было огромно. Дора смутно различила вдали очертания монастырской стены на другом берегу. Имбер-Корт отсюда виден не был, его скрывали деревья. Озеро сузилось, и машина вновь свернула влево. Пол сбавил ход и с величайшей осторожностью проехал по деревянному мосту, ходившему ходуном под колесами.

— С этой стороны в озеро впадают три ручья, — пояснил Джеймс, — а с другой стороны — речка. Правда, ее и речкой-то не назовешь, теряется где-то в болотах.

«Лендровер» медленно затрясся по второму мосту. Дора глянула вниз и увидела через перекладины поток, переливавшийся зелеными водорослями.

— Дальнего берега озера отсюда не видно, — продолжал Джеймс, — оно огибает дом с той стороны. У озера форма буквы Г, и этот берег, естественно, вертикальная черточка буквы. Дом же стоит как бы в излучине буквы.

Миновали и третий мост. «Лендровер» опять вильнул влево, и Дора принялась разглядывать дом. Теперь хорошо была видна его боковая сто-

рона — прямоугольник серого камня с тремя рядами окон. За домом, чуть в сторону от дороги, раскинулся двор, окруженный кирпичными строениями, которые венчала изящная башенка с часами.

— А там наш сад, — показал Джеймс, кивая вправо. Дора окинула взглядом поле овощных грядок, теплицы. За ними простирался парк с вековыми деревьями. Воздух тут был душный, сумеречный. Деревья вдали застыли в последнем отблеске угасающего дня.

«Лендровер» прошуршал по гравию и остановился перед фасадом. Дору трясло от нервного перевозбуждения, она чувствовала, как кровь приливает ей к лицу. Руки и ноги не слушались, когда она попыталась выбраться из машины. Джеймс подошел к дверце и подал ей руку. Высокие каблуки скрипнули по гравию. Она отступила на шаг и глянула снизу на дом.

Отсюда он не казался таким огромным, как издали. Коринфские колонны поддерживали широкий портик над балконом, на который выходили комнаты второго этажа. Балкон обрамляли расходящиеся в стороны симметричные извивы лестниц, в верхней части они закрывали собой боковые крылья дома, а внизу почти смыкались

по центру фасада. Два каменных льва уютно, словно кошки, примостились внизу на перилах, а между ними виднелось несколько балконных дверей, прорубленных чьей-то нечестивой рукой в конце XIX века, они вели в просторный зал первого этажа. Над ними помещался каменный медальон, в искусную резьбу которого были вплетены слова «*Amor via mea*»[9]. Похожий медальон венчал и высокие двери на балконе второго этажа, а высеченные над ними каменные гирлянды уводили взгляд ввысь, к каменным цветам под крышей портика, оживленным прощальными отблесками вечерней зари. Гравийная дорожка, как теперь увидела Дора, была площадкой, окаймленной балюстрадой с урнами и широкими плоскими ступенями, которые растрескались от времени и поросли мхом и травой. Пологий откос спускался к озеру — оно раскинулось прямо перед домом, — к воде от ступеней вела извилистая тропка, по обе стороны которой опасно кренились к земле вязы.

— Потрясающе, — сказала Дора.

— Да, недурственный в своем роде экземпляр, — отозвался Пол.

---

[9] Примечания: 9
Путь мой — любовь (*лат.*).

Дора по опыту знала: ничто не приводит Пола так быстро в хорошее настроение, как возможность ей что-нибудь показать. Он глядел на дом с удовлетворением — будто сам его строил.

— Ученик Иниго Джонса [10], — начал было он объяснять.

— Надо не мешкать, если хотим успеть к вечерне, — прервал его Джеймс. — Простите великодушно.

Он начал подниматься по лестнице. Остальные поплелись следом. Джеймс приостановился и глянул на них сверху.

— Думаю, вновь прибывшие захотят присоединиться к нам? — спросил он.

— Да, конечно, — ответил Тоби. Похоже, это был единственно правильный ответ.

Вечерня, думала Дора, наверно, это какая-нибудь религиозная служба. Ну и пусть, хоть отодвинется час встречи со всеми обитателями дома и еще более страшный миг, когда она останется наедине с Полом. Она согласно кивнула.

Пол шел молча, погруженный в свои мысли.

Дора поднималась по лестнице, держась за широкие каменные перила, еще хранившие

---

[10] Примечания: 10

Иниго Джонс (1573–1652) — английский архитектор, крупнейший представитель палладианства.

солнечное тепло. Она чуть вздрогнула, когда прикоснулась к дому. Потом ступила на широкий мощеный балкон. Высокие двери вели в просторный холл. Там было довольно темно, света пока не зажигали. Дора вошла следом за Джеймсом и Тоби в холл, различила в полумраке лестницу, потом людей, которые торопливо пересекали холл и скрывались за дверью в дальнем углу. Дух в доме стоял затхлый, как от плесневелого хлеба, дух казенного помещения.

От снующих фигурок отделилась одна женская и направилась в их сторону.

— Хорошо, что приехали вовремя, — сказала она. — Добро пожаловать в Имбер, Тоби и Дора. Мы здесь обращаемся друг к другу по имени. Я так много о вас слышала, что кажется, будто я вас давным-давно знаю.

Женщина, которую Дора теперь могла рассмотреть в полумраке холла, была средних лет, приземистая, с круглым веснушчатым детским лицом, покрытым светлым пушком, что делало ее похожей на добродушного львенка. У нее были радостные голубые глаза и очень длинные светлые волосы, аккуратно убранные в косы вокруг головы.

— Это миссис Марк, — представил ее Джеймс.

— Не хотите передохнуть? — спросила Дору миссис Марк.

— Нет-нет, благодарю, — ответила Дора.

И тут через плечо миссис Марк Дора увидела красивую девушку, которая спешила вслед за остальными по направлению к двери. Стройная, с продолговатым печальным лицом, на котором выделялись тяжелые миндалевидные веки. Копна густых темных волос собрана в низкий узел. Выбившиеся непокорные кудри венчиком обрамляли высокий лоб. Прежде чем войти в дверь, она полуобернулась и улыбнулась Доре.

Дора ощутила мгновенный укол неудовольствия. Она-то полагала, что, оказавшись в столь чуждой ей обстановке, она хотя бы будет единственной красивой женщиной. Женщина с данными миссис Марк была здесь у места. Но та, которую она только что видела, вносила какую-то сумятицу, ее появление было как дурное предзнаменование, если не сказать — угроза. Дора опомнилась — она же забыла улыбнуться в ответ. Улыбка появилась на ее губах, но девушка уже скрылась за дверью.

— Так мы идем? — спросила миссис Марк.

Она пошла первой, за ней Дора с Полом. А следом Тоби и Джеймс. Джеймс обогнал их, отворил

перед ними дверь, и они ступили в широкий коридор. Пол взял Дору за руку, стиснул ее ладонь и больше уже не выпускал. Хотел он ее таким образом устрашить или приободрить — этого Дора не знала. Она не отвечала на его пожатия, обиженная этой мертвой хваткой, сломленная обуревавшей ее тоской.

В следующий миг они уже входили в большой длинный зал, в котором горел свет. Прямо напротив двери три высоких незанавешенных окна, сверху полукруглых, открывали вид на парк, погруженный в сумерки и резко контрастировавший с ярким, без абажуров и плафонов, светом в зале. Дора осмотрелась. Комната была со вкусом отделана панелями. Ее когда-то бело-розовые тона поблекли до цвета пыли, казавшегося и вовсе тусклым от резкого света. Это помещение, решила Дора, должно быть, служило в Имбер-Корте парадной гостиной или пиршественным залом, а теперь превращено было в молельню. Вся стена справа от Доры была забрана небесно-голубой занавесью, по центру высился простой крест светлого дуба. Под ним на возвышении стоял покрытый белым кружевом алтарь, на нем медное распятие. Подле него стоял старинный пюпитр, служивший аналоем. Мебели в комнате не было

— только несколько рядов деревянных скамей и подушечки для моления. Кое-кто стоял уже на коленях. В комнате царила полная тишина. От необычности всей этой картины, пронизанной каким-то пронзительным трагизмом, у Доры перехватило дыхание.

Джеймс Тейпер Пейс перекрестился и стал на колени. Тоби опустился рядом с ним.

— Мы вас пристроим сзади, — прошептала миссис Марк и указала Полу и Доре на последний ряд. Сама она скользнула к своему, видно постоянному, месту впереди. Они пошли на указанные места, осторожно ступая по голому полу. Снова воцарилась тишина.

После минутного колебания Дора опустилась на колени рядом с Полом. В безмолвии слышала она, как сильно стучит ее сердце. Она высвободила руку из железной хватки Пола, когда они входили в дверь, и теперь решительно сложила руки на груди. Не желая подчиниться благочестивой обстановке, она запрокинула голову и обвела глазами комнату. Теперь она видела, что потолок к центру возвышается, превращаясь в круглый свод, зеленый купол которого она наверняка и видела с дороги. Изнутри он казался вовсе не таким большим. Взор Доры поблуждал среди

фризов, чередовавших овалы со стрелами, среди розовых завитушек и лепных гирлянд, пока не вернулся к благочестивой картине внизу.

В первом ряду она увидела коленопреклоненного мужчину в черной сутане, должно быть священника, а около него, с неприятным для себя чувством, — бесформенную груду черных одежд, это, поди, монахиня. За ними, рядом с Джеймсом и Тоби, стояли трое или четверо мужчин. Видна была и миссис Марк, она стояла выпрямившись, на голову у нее был наброшен свернутый косынкой носовой платок, который она, вероятно, успела накинуть при входе в зал. Темноволосая девушка, которую Дора мельком видела в холле, стояла дальше всех, закрыв лицо руками и низко склонившись. Ее голова была покрыта черным кружевным шарфом, из-под которого, блестя на ярком свету, проглядывал черный узел волос. Других женщин не было.

Кто-то вдруг заговорил, и Дора виновато вздрогнула. Она прислушалась, но не поняла, о чем говорят. Говорил, похоже, стоявший впереди священник. Вслушавшись, Дора поняла, что это латынь. Дора была встревожена и возмущена. Утратив веру, она сохранила предрассудки. Приглушенные голоса вдруг окружили ее, начал-

ся диалог священника и общины. Дора искоса глянула на Пола. Тот стоял, распрямив плечи и сложив перед собой руки, и смотрел вверх — на крест. Вид у него был торжественный и какой-то величавый, как это часто бывало у него, когда он задумывался о работе, и редко, когда думал о жене. Доре было интересно: неужто мысли его, к счастью, обратились к чему-то высокому или просто религиозная обстановка отвлекла его на какое-то время. Не забыть бы спросить его, когда он будет в хорошем расположении духа, верит он в Бога или нет. Глупо до сих пор этого не знать.

Вдруг Дора заметила, что монахиня из первого ряда обернулась и смотрит на нее. Монахиня была довольно молодая, широколицая, румяная, с пронзительным взором. С бесстрастностью, обычной для тех, кто посвятил себя благочестию, она какое-то время без тени улыбки созерцала Дору. Потом отвернулась и что-то прошептала через плечо миссис Марк, которая стояла за ней. Миссис Марк тоже обернулась и посмотрела на Дору. От смятения Дора сделалась пунцовой. Со смирением человека, ни разу в жизни не спасавшегося бегством, Дора смотрела, как миссис Марк подымается и на цыпочках, обходя скамейки, крадется к ней, наклоняется к ее плечу. Дора вся

изогнулась, силясь расслышать, что шепчет ей на ухо миссис Марк.

— Что-что? — переспросила Дора куда громче, чем намеревалась.

— Сестра Урсула просит — не покроете ли вы чем-нибудь голову? Здесь так принято.

— У меня с собой ничего нет, — ответила Дора, готовая уже расплакаться от досады и неловкости.

— Можно и носовым платком, — прошептала миссис Марк и ободряюще улыбнулась.

Дора пошарила в кармане, обнаружила маленький, не первой свежести носовой платок и прикрыла им макушку. Миссис Марк удалилась на цыпочках, а монахиня еще раз обернулась и удовлетворенно посмотрела на Дору.

Вся красная, Дора уставилась прямо перед собой. Она заметила краешком глаза, что выражение лица у Пола переменилось, но не смела к нему повернуться. Она стиснула руками спинку стоявшей впереди скамьи. Латинское бормотание продолжалось. Дора вдруг почувствовала, что юбка невыносимо жмет, что на одном чулке медленно сползает петля. Ноги гудели, и ей вдруг пришло в голову, что в туфлях на высоких каблуках неудобно стоять на коленях. Она начала

рассеянно осматривать комнату и никак не могла принять ее за храм Божий. Это была жалкая, обшарпанная, запущенная гостиная, давшая приют чужому обряду — зловещему и одновременно нелепому. Дора глубоко вздохнула и поднялась с колен. Стащила с головы идиотский носовой платок, спокойно прошествовала к двери и вышла.

Она оказалась в незнакомом коридоре, но, заглянув поочередно в несколько дверей, обнаружила наконец выложенный каменными плитами холл, выходивший на балкон. Она прислушалась — не гонятся ли за ней, но все было тихо. Холл был просторный, без всяких украшений: ни цветов, ни картин. Открытый камин с резной каменной полкой был чисто выметен и засыпан горкой коричневых шишек. Зеленый листок расписания оповещал о времени трапез и служб, а также о том, что вскоре состоится прослушивание пластинок Баха. Дора заспешила прочь и через высокие двери прошла на балкон.

Она облокотилась на балюстраду между пилонами и стала глядеть вниз, через площадку, на озеро. Солнце зашло, но справа от нее, на западе, небо еще полыхало оранжевым заревом в редких перьях бледных облаков, и на фоне его черным контуром прорисовывались деревья. Вдали вид-

нелся силуэт башни, принадлежавшей, по всей видимости, монастырю. Озеро тоже светилось мягким светом; посинев до черноты, оно кое-где хранило еще слегка фосфоресцирующие отблески. Дора пошла вниз по ступеням.

Она миновала площадку, спустилась еще по одному маршу пологих ступеней. Там она задержалась на минутку — очень ныли ноги. Сняла одну туфлю, потерла ступню. Босой ноге стало настолько лучше, что Дора скинула и вторую туфлю. Та отлетела к лестнице и плюхнулась в густую траву. Дора швырнула ей вслед первую и побежала к озеру. Сухие ступени еще хранили дневную теплынь. Трава на тропинке меж вязами была примята, на ней уже проступила роса.

У поросшей камышом кромки воды оказались деревянные мостки, к ним была привязана лодочка. У нее был такой заманчивый, соблазнительный вид, какой, впрочем, бывает у всех маленьких уютных лодочек. Дора обожала лодки, но они внушали ей и безотчетный страх — она ведь не умела плавать. Дора подавила в себе соблазн прыгнуть в лодку и заскользить по черной глади озера. Вместо этого она побрела вдоль берега. Высокая трава цеплялась за подол. Земля под ногами становилась сырой и топкой. Озеро резко

забирало вправо, а Дора смутно догадывалась, что оно и с другой стороны окружает дом, отделяя его от монастыря. Дора стояла, вглядываясь поверх воды в темноту, и думала о том, что это первый миг покоя за весь день. Она постояла еще какое-то время, вслушиваясь в тишину.

Вдруг по другую сторону озера резко и отчетливо ударил колокол. С минуту он звонил настойчиво и гулко. Затем вновь воцарилась тишина. Звон слышно было так, будто звонарь стоял у кромки воды, за монастырской стеной, — так отчетлив был высокий, повелительный голос колокола. Дора повернула назад и быстро побежала к тропинке меж вязами. Колокол напугал ее. Она торопливо взбиралась по косогору и о туфлях вспомнила, лишь когда ступила одной ногой на ступеньки. Бросилась шарить в высокой траве по обе стороны от ступеней. Проклятых туфель нигде не было. Она глянула вверх, на мрачную громаду дома, нависшую над ней в ночном небе. Снова начала беспомощно рыться в траве. Но было слишком темно и ничего не видно. В доме, где-то у балкона, зажегся свет. Дора отчаялась и поплелась вверх по усыпанной гравием площадке. Идти по камням было больно.

В комнату, где горел свет, можно было попасть

прямо с балкона, с правой стороны, через двойные застекленные двери — их, похоже, также прорубили относительно недавно по инициативе все того же вандала, который похозяйничал внизу. В освещенной комнате Дора увидела много людей. Раздумывать времени не было, и она, прикрыв глаза ладонью, быстро переступила порог.

Кто-то схватил ее за руку и повел вглубь. Это была миссис Марк.

— Дора, бедняжка, жаль, что мы вас спугнули. Надеюсь, вы не заплутались в саду?

— Нет, но я потеряла туфли, — ответила Дора. Теперь она сразу почувствовала, какие у нее мокрые и ледяные ноги. Она инстинктивно подалась вперед и уселась на краешек стола. Вокруг столпились люди.

— Ты потеряла туфли? — неодобрительно спросил Пол. Он тоже подошел вместе со всеми и стоял теперь прямо против нее.

— Я сбросила их где-то около ступенек, там, у тропинки, а потом не смогла найти. — Дора была крайне довольна простотой такого объяснения.

Джеймс Тейпер Пейс выступил вперед и сказал:

— Надо организовать поиск! В группу войдут Тоби и я — мы ведь уже знакомы с миссис Грин-

филд. Прихватим с собой фонарики. А миссис Марк тем временем всех ей представит.

— Я тоже пойду, — заявил Пол.

Дора знала, он всегда был уверен, что найдет любую вещь, которую она потеряла. И надеялась, что именно он, а не кто-то из этих двоих, отыщет ее туфли. Это бы его ублажило.

Болтая холодными мокрыми ногами в рваных и грязных чулках, Дора сосредоточилась на единственном знакомом ей лице — миссис Марк. Все остальные стояли напротив и разглядывали ее. Она же не осмеливалась перевести взгляд — все было настолько ужасно, что ей стало наплевать, кто что видит и думает.

— Надо вас познакомить с нашей маленькой компанией, — сказала миссис Марк. — С Тоби мы уже всех познакомили.

Дора не сводила глаз с миссис Марк, отмечая теперь про себя, как румяно ее незнакомое с пудрой лицо, которое ухитряется быть и лоснящимся, и нежно-пушистым одновременно, и как длинны, должно быть, ее белокурые косы, если их распустить. Миссис Марк была одета в голубую блузку с открытым воротом и коричневую хлопчатобумажную юбку, из-под которой выглядывали голые волосатые ноги в парусиновых туфлях.

— Это мистер Топглас, — представила миссис Марк. Доре поклонился высокий лысоватый мужчина в очках.

— А это Майкл Мид, наш руководитель.

Устало и застенчиво улыбнулся Доре долгоносый мужчина со светло-каштановыми взлохмаченными волосами и слишком близко поставленными голубыми глазами.

— А с бородкой — это Марк Стрэффорд.

Вперед с кивком шагнул здоровяк с густыми волосами, красновато-медной бородой и легкой саркастической улыбкой.

— Я мистер миссис Марк, вы понимаете, что я имею в виду, — сказал он.

— А это Пэтчуэй, наша гордость и опора в огородных делах.

На Дору угрюмо уставился грязноватый мужичок в ветхой шляпе, всем своим видом показывавший, что к обществу этому он не принадлежит и ничуть из-за этого не переживает.

— А это отец Боб Джойс, наш духовник. — Священник в рясе, только что вошедший в комнату, заспешил вперед и пожал Доре руку. Лицо у него было одутловатое, в глазах светилась вера. Он улыбнулся, показав темный от пломб рот, а потом вперил в нее такой испытующий взор, что у нее

мурашки по спине забегали.

— А это сестра Урсула, имеющая право выходить за пределы монастыря, она наш добрый посредник в сношениях с монастырем.

Сестра Урсула приветливо улыбнулась Доре. У нее были темные брови дугой, и вид она имела начальственный. Дора почувствовала, что случая с носовым платком та ей ни за что не простит.

— Рады вас видеть здесь, — сказала сестра Урсула, — мы вспоминали о вас в своих молитвах.

Дора вспыхнула — не то от негодования, не то от смущения. Ей через силу удалось выдавить из себя улыбку.

— А это Кэтрин Фоли, наша маленькая святая, думаю, вы ее полюбите, как и все мы.

Дора повернулась и увидела ту самую интересную девушку с продолговатым лицом.

— Здравствуйте, — сказала Дора.

— Здравствуйте, — ответила Кэтрин Фоли.

Вовсе она и не такая красивая, с облегчением подумала Дора. В лице у Кэтрин было нечто робкое, отрешенное, и потому никак нельзя было сказать, что она блещет красотой. Мягкая, какая-то уклончивая улыбка. Большие холодные свинцово-серые глаза не выдержали Дориного взгляда. И все же Дора подспудно чувствовала

таящуюся в ней опасность.

— Хотите вареное яйцо или еще чего-нибудь? — спросила миссис Марк. — Ужин у нас обычно в шесть, а после вечерни только молоко с печеньем. — Она показала на боковой столик, где стояли кружки и поднос с печеньем, так уж распоряжался Питер Топглас.

Кольцо вокруг Доры разомкнулось. Майкл Мид разговаривал теперь с Марком Стрэффордом, нервно улыбаясь и показывая неровные зубы. Его длинные руки стремительно взмывали в прямо-таки египетских жестах.

— Хлеба с маслом не буду, — задумчиво говорил себе под нос Питер Топглас.

— Нет, не надо, спасибо, — сказала Дора, — я перекусила в поезде.

— Тогда молока?

— Нет-нет, спасибо, я ничего не буду, — ответила Дора. Она думала о бутылках с виски, они теперь, очевидно, уже в Южном Уэльсе.

В дверь ворвался Джеймс Тейпер Пейс и закричал:

— Победа! Тоби повезло!

Следом шествовал Тоби Гэш, держа в каждой руке по Дориной туфельке. Дойдя до Доры, он опустил глаза, его и без того пунцовые щеки

вспыхнули еще ярче. Вручая Доре туфли в смущенном поклоне, Тоби продемонстрировал ей свою округлую макушку.

— О, Тоби, большое спасибо, — поблагодарила Дора.

В комнату вошел Пол с перекошенным от злобы лицом.

— Вы потрудились на славу, дорогие Джеймс и Тоби, — заключил отец Боб Джойс. — Так уж повелось — сильнее радуешься тому, что потерял и нашел, чем тому, что всегда имел при себе.

— А теперь, — сказал Джеймс, — коли туфли миссис Гринфилд нашлись, можно и на покой.

Глава 3

Пол с Дорой остались наедине.

— Этому блокноту цены нет, в нем годы моей работы, — выговаривал Доре Пол. — Надо же быть таким дураком — просить тебя его привезти.

— Я очень виновата, — оправдывалась Дора. — Он наверняка найдется. Я завтра же пойду на станцию.

— Надо было мне сразу туда позвонить, — сказал Пол, — только из-за твоих выкрутасов это совершенно выпало у меня из головы. Зачем, скажи на милость, тебе понадобилось снимать туфли?

— У меня ноги заболели, — ответила Дора. — Я же говорила.

Они стояли и смотрели друг на друга при слепящем электрическом свете. Комната Пола была на втором этаже, обоими окнами она глядела на монастырь. В свое время она служила парадной спальней, от той поры осталась зеленая обшивка и огромное зеркало в стене. Обстановка была скудная: две железные кровати, два непарных стула, большой чертежный стол, который Пол завалил книгами и бумагами, да миленький столик

красного дерева, эдакий остаток былой роскоши. В углу стоял открытый полуразобранный чемодан Пола. На голом полу лежали два дешевеньких новеньких коврика. Слова в комнате отзывались гулким эхом.

Пол стоял подбоченясь и сверлил Дору взглядом. Он мог стоять так, насупившись, часами. Дору это всегда выводило из себя. Но в то же самое время она понимала: таково проявление его любви, неистощимой, безжалостной любви, которая держала ее в плену. Она и возмущалась этой любовью, и была ей бесконечно благодарна. Дора пересилила себя, подняла на Пола глаза и поняла, что по-прежнему преклоняется перед цельностью его натуры, отданной работе и любви, перед его уверенностью в жизни. И в сравнении с ним почувствовала себя ничтожной, ненастоящей, будто она была лишь порожденной им мыслью.

Чтобы вывести Пола из оцепенения, она подошла к нему и нежно тряхнула за плечи.

— Пол, ну не будь злюкой…

Пол отступил, не откликнувшись на ее прикосновение.

— Только тебе может хватить ума — так гнусно мне изменить, а потом повиснуть на шее и сказать: «Ну не будь злюкой!» — передразнил он ее и

двинулся к чемодану, откуда, порывшись, вытащил чистенький несессер в черно-белую клетку.

— Ну а что мне прикажешь говорить? Что бы там ни было, я же приехала…

— Не намерен разделять приведенное только что отцом Бобом суждение, будто заблудшей овце, мол, надо радоваться более, чем незаблудшим. И если ты ждешь от меня выражения радости, то будешь разочарована. После всех своих выходок ты навсегда пала в моих глазах.

Он вышел из комнаты.

Дора, приуныв, заглянула в парусиновую дорожную сумку. Пижама осталась в чемодане, хорошо хоть зубная щетка здесь. Сказанное Полом глубоко ее уязвило. Да как он смеет так обращаться с ней — мало ли что было в прошлом?! Для Доры прошлое всегда было чем-то призрачным. Ей как-то прежде в голову не приходило, что Пол может попрекать ее прошлым. Она отогнала от себя эту мысль, чтобы не расплакаться, и, подойдя к высокому окну, распахнула его настежь. Занавесок не было. Ночь стояла теплая, звездная. Озеро по эту сторону совсем близко подступало к дому. Видно его не было, но в рассеянном сиянии звезд и еще не поднявшейся луны угадывалась его темная гладь. Все прочие очертания лежали

за озером.

В комнату вернулся Пол.

— У меня нет пижамы, — сказала Дора, — все в чемодане.

— Можешь надеть какую-нибудь мою рубашку, — отозвался Пол, — вот хоть эту, ее все равно пора стирать.

— Ты что — все рассказал про меня этим монашкам? — спросила Дора.

— Монахиням я ничего о тебе не говорил, — ответил Пол. — Остальным членам общины я вынужден был кое-что рассказать, и, коли лестного для тебя в этом рассказе маловато, едва ли в том моя вина.

— Они еще подумают, что их проклятые молитвы привели меня сюда.

— Я это место уважаю и тебе советую, — сказал Пол. Дора подумала, не спросить ли сейчас Пола — верит он в Бога или нет, но решила не спрашивать. Наверняка верит. Вместо этого она сказала:

— Что поделать — прошлого не отменишь. — Пол снова вперил в нее свой тяжелый взгляд.

— Можешь оставить при себе свои легкомысленные заверения. Я бы на твоем месте помалкивал о раскаянии — вот уж на что, по-моему, ты совсем не способна.

Резкий колокольный звон пробежал над водой и ринулся в распахнутое окно. Дора так и подпрыгнула.

— Опять этот колокол! — воскликнула она. — Что это?

— Колокол в монастыре звонит к разным службам. Сейчас он звонит к *Laud*[11], а по утрам к *Prime*[12]. Скоро монастырь получит новый колокол, — добавил он.

Оба начали раздеваться.

— О монастырском колоколе есть легенда. Я ее обнаружил в одной из рукописей. Ты, я думаю, это оценишь, — обронил Пол.

— Что за легенда? — спросила Дора.

— Монастырь этот, знаешь ли, заложен очень-очень давно. Здесь с XII века обосновались монахини-бенедиктинки. Теперешний монастырь, ясное дело, англиканский, но он остается бенедиктинским. Где-то веке в XIV, как гласит предание, во всяком случае, до Реформации, у одной из монахинь завелся любовник. По тем временам, осмелюсь заметить, это был не такой

---

[11] Примечания: 11

Совместной молитве (здесь и далее упоминаются службы католической и англиканской церквей).

[12] Примечания: 12

Службе, совершаемой в 6 часов утра или с восходом солнца.

уж из ряда вон выходящий случай, но орден этот, видно, имел особенно строгий устав. Кто эта монахиня, было неизвестно, замечен был только раза два молодой человек, когда тот карабкался по стене, и в конце концов он свернул себе шею. Стена — она, кстати говоря, сохранилась — очень высокая.

Настоятельница не раз взывала к согрешившей монахине, дабы та покаялась, но никто не сознавался. Тогда призвали епископа. Епископ, исключительной святости и благодати человек, также потребовал, чтобы грешница на исповеди признала свой грех. Когда же вновь никто не открылся, епископ проклял монастырь. И тогда, как пишет летописец, огромный колокол «птицей вспорхнул с башни и рухнул в озеро».

— О господи! — вырвалось у Доры.

— Погоди, это еще не конец. Согрешившая монахиня была так потрясена этим зрелищем, что немедля выбежала из монастырских ворот и утопилась в озере.

— Бедняжка! — воскликнула Дора.

— Ты, конечно же, отождествляешь себя с этой безбожницей, — съязвил Пол.

— Ее, верно, силком отдали в монастырь, — сказала Дора. — В ту пору такое случалось.

— Она нарушила свой обет, — сказал Пол.

— Неужели это правда?

— В таких легендах всегда есть доля истины. Упоминания о здешнем знаменитом колоколе встречаются, только вот что с ним случилось — неизвестно. Отлит он был великим мастером из Глостера — Хью Белиэтром, его звали еще Большой Литейщик. Колокол славился своим замечательно чистым тоном и еще тем, что мог ограждать от напастей и злых духов. Был на нем, кстати, и орнамент — сцены из жизни Христовой, что само по себе редкость. Если колокол обнаружат, интерес к нему будет огромный. Может, его и впрямь сбросили в озеро во времена Реформации — либо те, кто громил монастырь, либо, что более вероятно, сами монахини, дабы спасти его. Металл для литья был очень дорог. Кажется, кто-то разок проходился драгой по дну, да ничего не обнаружил. И еще у колокола было имя — Габриель.

— У него было имя! — воскликнула Дора. — Вот здорово! Но как монахиню жалко. А ее привидение не появлялось в этих местах?

— Об этом упоминаний нет, — ответил Пол, — но есть предание, будто колокол порой звонит со дна озера и тому, кто его услышал, звон предве-

щает смерть.

Дора вздрогнула. Она все с себя сняла и натягивала через голову рубашку Пола.

— Ты кому-нибудь еще рассказывал эту историю? — спросила она.

— Нет, не рассказывал. Впрочем, постой, вроде бы я рассказывал ее Кэтрин.

Он забрался в постель.

На Дору накатило неприятное чувство. Она пошла к окну, высунулась из него и глянула по сторонам. Луна уже взошла, и озеро лежало как на ладони; не то его шевелил серебристой рябью бриз, не то ночная мошкара над ним мелькала. Тягучий, благоуханный воздух струился в комнату. Теперь Дора более отчетливо видела открывающуюся из окна картину: мрачная громада монастырской стены в изломах света и тьмы; склоненные перед тусклым сиянием округлые макушки деревьев; длинные необычные тени, которые отбрасывали растущие на траве под окнами деревья и кусты. Чуть левее она обнаружила нечто вроде невысокой дамбы, та несколькими арками перехватывала озеро в узкой его части, соединяя ближний берег с монастырской стеной. И тут, обмерев от ужаса, Дора заметила неподвижную темную фигуру у

кромки воды.

Сердце у Доры, пока она смотрела вниз, бешено колотилось, она едва не закричала. Но фигура вдруг тронулась с места, и через мгновение стало ясно, кто это. По берегу озера брел Тоби Гэш. Шел себе, с размаху пиная высокую траву. Даже слышно было, как та шелестит у него под ногами. Не упуская Тоби из виду, Дора слегка отпрянула от окна. Дабы Пол не заметил, что она за кем-то наблюдает, она спросила:

— А что, они должны получить новый колокол?

— Да, — ответил Пол, — для них сейчас отливают теноровый колокол, он предназначен для башни. Может, его привезут до нашего отъезда. Работы у меня тут еще недели на две.

Дора видела, что Тоби повернул назад. Вдруг он вскинул руки и потянулся всем телом. В этот миг он для Доры олицетворял свободу. Смотреть на это было невыносимо, и она отвернулась от окна.

Пол неотрывно смотрел на нее. Он сидел в постели с книгой в руках.

Дора с враждебностью глянула на него.

— Ужасное предание. Любишь ты рассказывать мне жуткие истории. Вроде тех гадостей Мопас-

сана про собак, которые как-то заставил меня читать тебе вслух.

Пол не спускал с Доры глаз. Чутье говорило Доре: рассказывая ей это предание, он давал волю дотоле дремавшей в нем страсти. Дикость истории передалась ему, и он жаждал ее любви. Она смотрела на Пола, ощущая и возбуждение, и омерзение.

— Поди сюда, Дора, — сказал Пол.

— Сейчас, — ответила Дора.

Отвернувшись от Пола, она взглянула на свое отражение в высоком зеркале. Босая, в одной лишь рубашке Пола с закатанными рукавами и широко распахнутым воротом. Рубашка доставала ей до бедер, оставляя открытыми длинные, стройные ноги. Дора удивленно рассматривала стоявшую перед ней особу. Она любовалась жизнью, которая так и билась в ее загорелой шее, любовалась буйством волос, прядями падавших на плечи. Она откинула назад голову и глянула в дерзкие глаза. В них был вызов. Дора стояла и смотрела на особу, которая была абсолютно незнакома Полу. Как явственно все-таки она существует. Она, Дора, и никому ее не сокрушить.

— Ну иди же, Дора, — вновь позвал Пол.

— Иду, — сказала Дора, выключила свет и про-

шествовала к его постели.

Глава 4

Всходила луна. Тоби Гэш, стоя почти что в воде, смотрел через озеро на стену монастыря. Позади, в большом доме, загорелись огни. Он ждал, пока его отведут туда, где он будет ночевать. С некоторым разочарованием он узнал, что жить будет не в самом Имбер-Корте, а в сторожке, с еще одним членом общины, которого пока не видел. Тоби предпочел бы остаться вместе со всеми в этом чудесном доме. Его смущала предстоящая встреча и пугала перспектива остаться один на один неизвестно с кем.

Тоби, чьи родители жили в северной части Лондона, закончил обычную, а не закрытую частную, школу, отчего страдал некоторым комплексом неполноценности и имел весьма романтичные представления о жизни в коллективе. Когда Джеймс Тейпер Пейс, знакомый с одним из его школьных преподавателей, зашел в школу для вручения адреса хоровой капелле и обмолвился про Имбер, Тоби загорелся желанием съездить туда. С первого, совсем еще недавнего, причастия он был ревностным христианином и жаждал посвятить себя Богу, хотя и не решил, как имен-

но. Его сильно впечатлила идея хотя бы недолго пожить и поработать рядом с праведниками, которые оставили этот мир. Община в Имбере собралась не так давно и пребывала пока в стадии становления, она обрабатывала землю, возделывая небольшой сад — для нужд монастыря и отчасти для продажи. Тоби до глубины души был тронут чистотой, простотой и беспорочностью самого замысла подобной жизни. Опытом общения со священнослужителями он был небогат и быстро зажегся новой на его жизненном горизонте и несколько театральной идеей монашеского существования. Пребывал он и под сильным впечатлением от личности Джеймса Тейпера Пейса, в котором удивительным образом сочетались мужская напористость и христианское смирение.

Тоби направил прошение о посещении Имбера. К величайшей своей радости, он получил ответ — можно приехать и поработать там в последний месяц летних каникул, перед началом учебы в Оксфорде, куда ему следовало явиться в октябре на инженерный факультет. Воображение заранее рисовало картины небывалой сплоченности братства, в которое он мигом вольется — смиренный, трудолюбивый, на всю грядущую

жизнь умудренный примером этих праведников. И потому он был несколько обескуражен, когда узнал, что жить будет все-таки отдельно, но разочарование быстро поглотила пылкая жизнерадостность. Это было нетрудно: в нем так и били через край веселый задор и радостное предвкушение событий.

Скоро он снова вернется в дом. Майкл Мид просил его немного подождать, пока кто-нибудь не освободится и не проводит его до сторожки. Чтобы как-то сориентироваться, он попытался при лунном свете оглядеть окрестности. Где-то за домом должен быть сад. Для Тоби, как для всякого горожанина, все связанное с деревней было исполнено глубочайшего, если не сказать — мистического, смысла. Солнца, ветра, тяжелой физической работы, тесного общения с людьми — вот чего ему, по-видимому, всегда недоставало. Дай ему сейчас в руки лопату и вели вскопать целое поле — он будет чувствовать себя на седьмом небе. Тоби вскинул руки над головой, потянулся всем телом, пробуя его на гибкость. Тоби вспомнилось, как кто-то ему говорил, будто никому не дано вовремя оценить чудо молодости. Что до него, так это неверно. Ему выпало счастье сознавать свою молодость, всякий миг наслаждаться

ею — вот как сейчас, когда он, как губка, впитывает в себя острые ощущения.

Он глянул на другую сторону озера. Пробежал глазами по монастырской стене, забиравшей вправо, где она, похоже, оканчивалась, а может, и скрывалась за деревьями. По левую руку виднелась старая кирпичная дамба через озеро, да темная дыра монастырских ворот зияла под огромной аркой. При лунном свете высокая стена имела призрачный и в то же время живой, настороженный вид — какой по ночам бывает у всякого уединенного жилища. Лондонцу Тоби лунный свет был непривычен, он дивился этому свету, который и не свет вовсе, он рождает картины, напоминающие о привидениях, и сила его чувствуется лишь в резкой игре светотени. Тоби изучающе ощупал взглядом стену. За ней было тихо, но он-то знал — монастырь всегда бодрствует. Интересно, какие у монастыря отношения с Кортом. Про себя он решил, что монахини принадлежат к предельно закрытому бенедиктинскому ордену, имеют крайне ограниченные связи с внешним миром, и, хотя был безмерно любопытен, расспрашивать ни о чем не стал из боязни обнаружить свое невежество.

Пора бы и вернуться — при этой мысли ему

снова стало не по себе. Он мысленно подытожил день. Поначалу он страшился остаться с глазу на глаз с Джеймсом Тейпером Пейсом, но вроде бы не ударил в грязь лицом. Ладить с Джеймсом оказалось легко и просто. Он все больше восхищался этим человеком. Тоби был в том возрасте, когда необходимо кем-то восхищаться, а в данном случае восхищение его Джеймсом не знало границ. В отношении Майкла Мида, которого он так жаждал увидеть, Тоби как-то не определился. Тоби был несколько разочарован внешностью Майкла. Была в том некая усталость, худосочность, ему явно недоставало мужественности Джеймса, и на роль наставника он явно не тянул. Отчасти разочаровало Тоби и то, что в общине оказались женщины. Что-то тут не так. Правда, все были на редкость славными. Кроме доктора Гринфилда — от того просто с души воротит. (Выражение это Тоби узнал недавно в школе и не мог тут не ввернуть его.) Чудно получилось — как это им довелось сидеть в поезде напротив его жены. Жена у него, конечно, не такая красавица, как Кэтрин Фоли, но ужасно хорошенькая и такая озорная. Тоби кольнуло чувство стыда — отчасти за нее, а отчасти и за себя. Муж, похоже, не больно-то рад ее видеть. Впрочем, поведение супругов вещь

непостижимая. И что бы там ни писал Толстой в первой фразе «Анны Карениной», счастливый брак понять так же трудно, как и несчастный. Последнее время Тоби стал смутно это ощущать, и эта новая открывшаяся ему истина наполнила его сознанием собственной искушенности. Он повернул к дому.

К озеру Тоби спустился по ступенькам, прошелся по берегу к тому месту, где озеро излучиной отделяло дом от монастыря. Став лицом к дому, он увидел в первом этаже большое освещенное окно. Окно было в каменном выступе, и, когда Тоби подошел ближе, он разглядел прямоугольный выступ из булыжника и боковую дверцу. В прежние времена это было помещение для слуг, решил он, а ярко освещенная комнатка, наверное, кухня. За Тоби водилась страстишка выслеживать и подглядывать, и тут его будто что-то толкнуло: он тихонько, крадучись по булыжнику и стараясь держаться в тени, вплотную подобрался к окошку. Он оказался прав, это была кухня, огромная старая кухня с грубо беленными стенами и гигантским очагом, место которого заняла теперь плита. Она, по всей видимости, горела — из окна накатывали горячие волны, ощутимые даже в ночной теплыни.

В поле зрения показался мужчина. Это был Майкл Мид, в фартуке в бело-голубую полосочку. Фартук этот совсем доконал Тоби. Но когда он увидел, что Майкл ставит чашки с блюдцами в высокий деревянный буфет, в нем заговорила совесть. Надо же, он забыл предложить вымыть посуду. В этот миг дверь в кухню отворилась, и вошел Джеймс Тейпер Пейс.

— А где сейчас Тоби? — спросил Майкл.

— На балконе, — ответил Джеймс. Тоби затаил дыхание.

— Вы его отведете? — спросил Майкл.

— Лучше бы это сделать вам, — ответил Джеймс. — Вы ведь знаете, как я отношусь ко всей этой затее.

— Простите, Джеймс, надо бы, конечно, посоветоваться с вами, — сказал Майкл, — но вся прошедшая неделя была такая суматошная — у меня это как-то выскочило из головы. Думаю, в любом случае попробовать стоит. Погоды это не делает. Не понравится там Тоби, неприятен будет ему Ник, мы его тут же переведем в дом. Но, уверен, все будет в порядке. И знай я, что рядом с Ником кто-то есть, у меня бы отлегло от сердца.

— А отчего кому-нибудь из нас не пожить там и не приглядеть за Ником? — спросил Джеймс.

— Именно по этой причине, — ответил Майкл, — он же тогда будет знать, что за ним присматривают. А пошли мы Тоби, Ник будет чувствовать, что на него возложена ответственность за мальчика.

— Уж больно хорошо вы, право слово, думаете о Нике, — сказал Джеймс. — Повидали бы с мое этих типов, были бы осторожнее.

— Не больно-то хорошо я о нем думаю, — заметил Майкл. — Даже отнюдь не хорошо, но я действительно знаю его лучше вас. Он, думаю, просто запутался. Меня пугает его меланхолия — вот и все.

— Меня его меланхолия не пугает, — сказал Джеймс. — Меня пугает его способность творить зло. Чем больше я об этом думаю, Майкл, тем сильнее крепнет во мне уверенность: зря мы его все-таки приняли. Знаю, как чувствуешь себя в подобной ситуации, потому и согласился тогда с вами, точнее, позволил себя уговорить. Допускаю — могу не понимать, что у него творится в душе. Но не так все просто — в той грязной истории. Сомневаюсь, что от нас ему будет какой-то прок, а уж он-то нам может ох как навредить…

— Как бы то ни было, мы его взяли, — сказал Майкл, — и в радости, и в горе он будет с нами,

и выставить его мы не можем, особенно теперь, из-за Кэтрин.

— Знаю, знаю, — согласился Джеймс. — В том-то вся и загвоздка. Право слово, хотелось бы мне иметь вашу веру. Знаю, вера в людях, вернее, вера в людей творит чудеса. А здесь только на чудо и можно надеяться. И все же, рассуждая с обыденной точки зрения, я бы Тоби оставил дома. Ведь и на нас тоже, знаете ли, возложена ответственность за него.

— Да ничего с ним не случится, — возразил Майкл. — У него своя голова на плечах. Мне он, кстати, очень понравился, вы были совершенно правы. Такая непорочность его от любой заразы оградит. К тому же он станет много работать и в сторожке-то бывать будет мало, зато поможет завязать контакт с Ником, чего мы никак не можем добиться вот уже столько времени.

Тоби начал потихоньку отступать. Ступив с булыжной отмостки на траву, он бегом припустился к дому. Трава была высокой, приходилось нестись вскачь. Он убеждал себя, что не производит слишком много шума. Домчавшись до площадки, он, переводя дух, перешел на шаг и медленно побрел по гравию, потом поднялся по ступенькам на балкон. В холле и гостиной все еще

горел свет и двери были распахнуты, хотя там, похоже, никого не было. Тоби замер на балконе. Его раздирали сомнения. Его выбило из колеи и то, что он подслушал, и то, что он подслушивал. Простоты и умильной чистоты былых представлений о жизни общины как не бывало. Житье в сторожке теперь сильно тревожило его. С другой стороны, он был польщен доверием, которое ему оказывали, и взволнован предчувствием приключений. Мысли его были в полном смятении.

Не успел он пуститься в разного рода предположения, как на балкон легла тень из гостиной и появился Майкл Мид. Тоби ступил в полосу света.

— А, вот ты где! — сказал Майкл. — Извини, что заставили тебя ждать. Сейчас же отправимся в сторожку, если не возражаешь. Чемодан при тебе?

— Он здесь, — ответил Тоби и вытащил его из-за двери.

— Справишься? А то давай возьму за другую ручку.

Они спустились по лестнице, пересекли площадку и двинулись по тропинке меж вязами. Майкл ступал легко, поглядывая искоса на своего спутника.

— Будем переправляться на лодке, — сказал он. — По дамбе мы только в монастырь ходим.

Они ступили на деревянные мостки, шаги их эхом отзывались меж досками и плещущейся водой. Майкл поставил чемодан в лодку. Луна сияла прямо над ними.

— А как вернуть лодку после переправы? — спросил Тоби и поймал себя на том, что говорит еле слышно.

— К носу и корме привязан канат, — ответил Майкл, — он крепится к обоим берегам, так что лодку можно перетягивать с одного берега на другой. Вот сейчас я закреплю канат, и можешь прыгать.

Тоби шагнул в качающуюся на воде лодку и сразу сел. Ему смертельно хотелось погрести, но он смолчал. Бездонное ночное небо, усыпанное звездами, лунные блики, громада высящегося позади дома, всплески воды — все это наполнило его душу невыразимым щемящим восторгом.

Майкл ступил в лодку и резко оттолкнул ее от берега, поднял единственное весло, лежавшее на сиденье, вставил его в уключину на корме и умело заработал им. Лодка тихо тронулась и заскользила с легким скрипом по недвижной озерной глади, которая лишь слегка морщилась,

пропуская их, — черная, лоснящаяся. Тоби опустил руку в воду. Теплая.

— Все в порядке, Тоби? — спросил Майкл.

— О да! — с неожиданным воодушевлением ответил Тоби на этот ничего не значащий вопрос. Он видел, как Майкл глянул на него сверху, и поймал на его лице тень улыбки. Затем Майкл высвободил весло и бросил его на дно. Лодка мягко ткнулась носом в мостки противоположного берега. Тоби выпрыгнул из лодки, вытащил чемодан. Потом выпрыгнул Майкл, и лодка закачалась на воде.

Поросшая травой дорожка вела прямо, и Тоби смутно различал впереди аллею. Прямо у озера запела какая-то птица. Не соловей.

— Надеюсь, ты не против пожить в сторожке, — заговорил Майкл. — Во время трапез и всех работ будешь с нами, ну и вообще… Джеймс, наверно, все объяснил тебе. Тут только ночевать придется.

— Я вовсе не против, — ответил Тоби. Его начали мучить сомнения: должен он признаться Майклу в том, что подслушал их разговор с Джеймсом, или нет. Может, утаивать это нечестно? Он толком не знал.

Тем временем Майкл продолжал:

— Уверен, ты поладишь с Ником Фоли. Может, он временами покажется букой. У него была тяжелая жизнь. Такое соседство и его приободрит, немного приведет в норму.

— Ник Фоли!

— Да, брат Кэтрин Фоли. Они вообще-то двойняшки. А Джеймс разве не говорил тебе? Ты уж прости нас, недотеп. Смотришь, поди, на нас и думаешь: что за скопище чудаков…

От сообщения о том, что соседом по сторожке у него будет брат Кэтрин, Тоби почему-то стало не по себе. Он украдкой искоса глянул на Майкла, но лица его не увидел. Майклу, похоже, тоже было не по себе. Он был в явном замешательстве. А может, он вообще такой скованный, и потому с ним не так легко, как с Джеймсом. Тоби чувствовал, что совершенно сбит с толку. Предвкушение приключений куда-то улетучилось, осталась только тревога. Он шагнул с травы на мощеную дорогу.

— Вот мы и вышли на дорогу, — сказал Майкл. — Ты, верно, все еще днем заприметил. От входа сюда тянется аллея, она загораживает с шоссе дом, а дорога ведет вкруг озера. До дома отсюда неблизко — больше мили.

К сторожке они добрались молча. В одном из окон Тоби увидел свет. Залаяла собака.

— Это собака Ника, Мерфи, — сказал Майкл Мид. — Мерфи — пес с характером.

Майкл явно нервничал.

— Я обожаю собак, — бездумно заметил Тоби, тоже занервничав.

— Ник занимался аэродинамикой, — продолжал Майкл. — Он прекрасно разбирается в моторах. Он у нас как бы инженер по транспорту… Будешь у него подмастерьем. Я очень надеюсь, Тоби, что тебе здесь понравится, — добавил он, оглянувшись на Тоби, когда они уже подходили к сторожке. — Мы все так рады, что ты смог сюда приехать.

Они поднялись на крыльцо. Дверного молотка не было, Майкл с силой стукнул кулаком по деревянной двери — повелительный, гулкий звук. Лай усилился, Майкл не спеша распахнул дверь и вошел. Тоби последовал за ним.

Он прикрыл глаза рукой. В Имбере такие яркие лампочки. Дверь вела прямо в комнату, предположительно гостиную. Прищурившись, Тоби увидел большую печь, два провисших плетеных кресла, необъятный сосновый стол, радиоприемник и множество разбросанных по полу газет. Неприятно пахло чем-то тухлым. Лаяла, прыгая вокруг них, собака. Из-за стола поднялся мужчи-

на и глянул на Майкла.

— Ба! Начальство собственной персоной, — протянул Ник Фоли. — Не ждал. Не часто нас удостаивают визитом. Благодарствуйте.

— Я привел Тоби, — сказал Майкл, силясь перекрыть заливистый лай.

— Мерфи, заткнись! — крикнул Ник. — Заткнись, говорю!

Мерфи был какой-то разновидностью терьера, ржаво-коричневой масти, с белой грудкой и умненькой обезьяньей мордочкой. Длинный, вислый, землистого цвета хвост казался не от него приставленным. Замолкнув, он стал подле Тоби — лапы напружинены, шерсть дыбом — и взирал на него с непостижимой враждебностью. К длинным клыкам стянулись темные брылы ощеренной нижней челюсти. Тоби глядел на него в замешательстве.

— Ах, вы привели сюда Тоби… Весьма любезно с вашей стороны, — сказал Ник.

Тоби украдкой поглядел на Ника. И сразу был ошарашен абсолютным сходством с Кэтрин. То же продолговатое, чуть тяжеловатое лицо; свинцовые осоловелые веки; путаное кружево черных вьющихся волос над высоким лбом и загадочное выражение лица. Только у Ника были морщинки

вокруг глаз, и те, в красных дужках, слезились, как от долгого смеха; это да еще опавшие щеки делали его похожим на ищейку. У Ника был крупный, испещренный тонкими красными прожилками нос. Весь он казался каким-то засаленным и чересчур обросшим. И все же была в нем настоящая красота и даже смутное напоминание о той утонченной одухотворенности, которой так безжизненно и дивно дышала красота его сестры.

Ник оказался куда моложе, чем ожидал Тоби, но вид имел страшно изнуренный. Тоби, чье воображение уже нацелилось на Ника, немедля решил про себя, что он пьяница. Это вполне вписывалось в тот многозначительный разговор, который подслушал Тоби. Новая жизненная умудренность подсказывала Тоби, что пьяницы бывают самые разные. Бывают же симпатичные пьяницы. Ник, похоже, из их числа, и Тоби решил, что Ник ему должен понравиться. В тот же миг он увидел на столе бутылку с виски, что как бы подтверждало его догадки.

Ник с Майклом всё смотрели друг на друга. Майкл, похоже, так и не оправился от смущения.

— Я все же надеюсь, — сказал он, — что вам наскучило есть тут в одиночку. Хотелось бы хоть

изредка видеть вас в доме, за трапезой.

Он изучающе пробежал глазами по столу. Объедки на дальнем краю выглядели отнюдь не аппетитно.

— Это ужин для Мерфи, — пояснил Ник, — я как раз собирался его покормить. Ну, песик, настал твой черед.

Он свалил еду с тарелки прямо на пол, на одну из газет. Прочие газеты явно служили той же цели. Мерфи отвлекся от сосредоточенного созерцания Тоби и с шумом навалился на еду.

— С миссис Марк случился бы припадок, доведись ей присутствовать при этой сцене, — проронил Майкл.

— Она критиканша, как и всякая женщина, — ответил Ник.

Смотреть друг другу в глаза им было явно тягостно.

— Кстати, она приготовила для Тоби комнату? — спросил Майкл.

— Чем-то она занималась наверху — наверно, как раз этим. Торчала здесь бессовестно долго, — ответил Ник. — Выпьем? — Он взялся за бутылку.

— Нет-нет, благодарю, пора идти. Я ведь пришел только устроить Тоби, — сказал Майкл.

— Тогда не надо, тогда идите…

Майкл медлил, глаза его блуждали по комнате. Чувствовалось, он понимает, что разговор не клеится.

— Ну как там моя сестрица, причислена к лику святых? — спросил Ник, которому, похоже, тоже хотелось оттянуть прощание.

— Она — прекрасно, очень счастлива, — ответил Майкл.

— Когда мне о ком-то говорят, что он, мол, счастлив, я знаю — это не так. Об истинно счастливых людях этого никогда не говорят. Как считаешь, а, Тоби?

Тоби нервно вздрогнул от неожиданного вопроса — он уже настроился на роль наблюдателя.

— Не знаю, — сказал он.

— Тоби не знает, — вздохнул Ник. — Возвратилась ли блудная жена?

— Миссис Гринфилд приехала, — ответил Майкл. — Ну, надеюсь чаще видеть вас в доме. Мне пора.

— Так верны слову…

— Приглядите тут за Тоби.

Ник рассмеялся, отчего вдруг сделался очень симпатичным, церемонно распахнул дверь перед Майклом. Неуклюже помахав рукой, тот скрылся

в темноте.

— Нестойкий, — пробормотал ему вслед Ник. — Нестойкий, о господи!

Он обернулся к Тоби.

— Думаю, вам самое время отправиться в постель, молодой человек. Они наверняка наказали встать в умопомрачительную рань. Да и за один день повидать столько полоумных в вашем возрасте, должно быть, крайне утомительно.

— Да, я устал, — сказал Тоби. — Пойду-ка наверх.

Он твердо смотрел Нику в глаза, решив во что бы то ни стало не показать, что нервничает.

— Да-да, наверх, — протянул Ник. Он развернулся к Мерфи, который прикончил ужин и теперь стоял в раздумье. — Наверх! Ап! — скомандовал он псу. Мерфи мгновенно подскочил и прыгнул. Ник подхватил его и прижал к груди. Из-за плеча выглянули улыбающаяся пасть и лапки. — Великое дело собака, — заметил Ник. — Ее можно научить себя любить.

Он перегнулся через стол, ухватился за горлышко бутылки и медленно двинулся прочь из комнаты. Тоби вслед за ним. Ник, все еще в обнимку с собакой, тяжело поднялся по лестнице на маленькую площадку, на которую выходили

три двери.

— Ванная, — кивнул Ник. — Тут моя комната, там ваша. — Он толкнул дверь ногой и локтем включил свет.

Тоби увидел аккуратную, чистенькую комнату, металлическую кровать с белым покрывалом, камышовые циновки на полу, белый крашеный комод, растворенное настежь окно. Едва они вошли, на них потянуло теплым, благоухающим цветами ночным воздухом.

— Хорошо тут, наверху, правда? — спросил Ник. Он зарылся лицом в собачью шерсть.

Смутившись, Тоби ответил:

— Спасибо большое. Мне тут будет прекрасно.

— Выпьем по маленькой? — предложил Ник. — Стаканчик виски пополам с водой на ночь, а?

— Я совсем не пью, спасибо большое, — отказался Тоби.

— Ну-ну… Надо бы научить… помогло бы от сквозняков церковных…

Он спустил Мерфи на пол. Пес начал скакать, дергать за штанину, просясь снова на руки.

— Вот что, оставлю-ка я Мерфи, — сказал Ник. — С одеялами тут туговато. Он хоть ноги согревает на рассвете. Что может быть лучше собаки в постели. Останешься здесь! — обратился

он к Мерфи.

— Спасибо, — сказал Тоби. Он прекрасно обошелся бы и без Мерфи, от него уже с души воротит. — Все очень хорошо. — Он сел на кровать. Сил больше не было, смертельно хотелось остаться наконец одному.

Ник остановился в дверях, глянул на него.

— Прежде чем уйти, скажу кое-что забавное. Вас сюда подсадили следить за мной. — Он улыбнулся, опять став симпатичнее и моложе.

Тоби тоже улыбнулся, не зная, что ответить.

— Ну-ну — разве не все мы сторожа ближних своих? — сказал Ник. — Дверь не закрывайте, вдруг Мерфи захочется ночью выйти. Доброй ночи.

Ник скрылся за дверью, оставив ее открытой.

Тоби так за день вымотался, что вдаваться в изумленные размышления был не в силах. Он быстро сходил в ванную, вернулся и застал у кровати Мерфи. Обезьянья умная мордочка напряженно застыла, это смахивало на прелюдию атаки. Надо бы наладить с ним отношения, подумал Тоби и, примирительно протягивая руку, сказал:

— Мерфи, хороший песик…

Мерфи внял, задумчиво лизнул руку, глянув

на Тоби из-под ресниц, чересчур длинных для пса. Тоби вспомнилось, что и у хозяина Мерфи ресницы чересчур длинные для мужчины.

Тоби посмотрел на полуоткрытую дверь. На площадке темно, в доме ни звука. Тоби хотелось бы помолиться. Он стал на колени, застенчиво кося глазом на дверь, но не мог собраться с мыслями. Он поднялся, пересек комнату. На притолоке был крючок. Тоби тихонько притворил дверь и накинул крючок. Тот вошел без звука. Вернувшись к кровати и став на колени, Тоби закрыл глаза. Вдруг что-то скрипнуло. Мерфи у двери начал скрестись в щелку тупыми когтями. Тоби вскочил и вновь отворил дверь, но пес и не думал выходить. Стоял, глядя на Тоби с раздражающей услужливостью, и, когда Тоби пошел и в третий раз стал на колени, подбежал, замер рядом с сосредоточенностью слабоумного и жарко задышал прямо в шею. Тоби сдался. Сил предпринять еще что-нибудь не было, он выключил свет и нырнул в постель, оставив дверь открытой. Он почувствовал шлепок, когда вспрыгнул Мерфи, и теплую тяжесть, навалившуюся ему на ноги. В полурастворенную дверь неторопливо струился через комнату густой, настоянный воздух. Спустя несколько минут мальчик и пес крепко спали.

Глава 5

Наступило утро. Вскоре после шести зазвонил колокол, но Дора знала, ее это не касается, это для тех, кто собирается к мессе. Пол встал рано не из набожности, а из желания поработать. Притворяясь спящей, Дора поглядывала, как он пишет за чертежным столом, который придвинул вплотную к окну. Комнату заливал бледный солнечный свет раннего летнего утра, и с постели ей видно было безоблачное, почти бесцветное небо, обещавшее еще один знойный день. Дора с огорчением вспомнила, что все летние платья остались в чемодане и придется ей снова облачаться в тяжеленный жакет и юбку.

Встала она, и то после неоднократных напоминаний Пола, только к завтраку — в половине восьмого. Трапезной общине служила большая комната на первом этаже меж двумя каменными лестницами, двери из нее выходили на площадку. Пищу в Имбере вкушали молча. За обедом и ужином кто-нибудь из общины читал вслух, за завтраком это было не принято. Дора была рада молчанию, оно избавляло от необходимости поддерживать разговор и давало возможность

изъясняться жестами и улыбками, когда к ней тем же способом обращались — особенно миссис Марк или Джеймс. Она основательно подкрепилась чаем с тостами, поглядывая при этом через площадку, где уже припекало, на неистово сверкавшее на солнце озеро.

После завтрака миссис Марк пообещала Доре, что улучит до обеда часок и покажет ей дом и поместье. После десяти она зайдет за Дорой к ней в комнату. Пол, говоривший тем временем по телефону, вернулся с доброй вестью: чемодан нашелся, его вернут на станцию. В купе заметили Дорину оплошность. Шляпе от солнца, правда, найтись было не суждено. Дора пообещала сходить до обеда на станцию за чемоданом. Эта договоренность вполне устраивала Пола, и он тут же пошел в монастырь, чтобы продолжить работу. Миссис Марк, сказал он перед уходом, наверняка приведет к нему Дору, когда они будут совершать свой обход. Пол с утра был шелковый, и теперь Дора окончательно убедилась, что возвращению ее он безмерно рад. Доставив ему радость, она и сама разом простодушно обрадовалась и от этого да от сиянья солнца и какой-то неукротимой жизненной силы прямо-таки развеселилась. Она нарвала в траве у озера полевых

цветов и вернулась к себе в комнату — дожидаться прихода миссис Марк.

Оглядев комнату, Дора подумала: хорошо снова поселиться в уголке, который можно устроить как твоей душе угодно. Эта пустая, безликая комната живо напомнила ей случайные комнатушки, в которых она жила в Лондоне, пока не встретила Пола, — однокомнатные квартирки в Бейсуотере, Пимлико, Ноттинг-Хилле, которые так приятно было украшать картинками, афишками и прочими довольно-таки идиотскими безделицами собственного изготовления, которые стоили буквально гроши.

Квартира Пола на Найтсбридже, которая поначалу ослепила Дору, потом казалась ей по сравнению с теми комнатушками безжизненной, как музей. Но на этой комнате в Имбере Пол еще не оставил своего отпечатка. Он сообщил Доре, что комнату следует каждый день подметать, и переложил эту обязанность на нее. Дора еще раньше приметила на площадке закуток с вениками и совками и старательно подмела комнату. Накрыла постели, сложила аккуратными стопками бумаги Пола. Собрала полевые цветы в ладный букетик, поставила его в стаканчик для зубной щетки, который взяла из ванной. Цветы

были просто чудо. Что бы еще такое сделать в комнате, подумала Дора.

Тут в дверь постучали, и вошла миссис Марк. Дора, забывшись, вздрогнула.

— Простите, заставила вас ждать. Готовы к нашему походу? — спросила она.

— О да, конечно, — ответила Дора, схватила жакет и накинула его на плечи.

— Надеюсь, вы на меня не обидитесь, — промолвила миссис Марк. — Мы в доме цветов никогда не ставим. — Она с неодобрением смотрела на Дорин букетик. — У нас все предельно просто. Есть, знаете ли, свои маленькие строгости.

— О господи! — воскликнула, вся вспыхнув, Дора. — Я их сейчас же выброшу, я просто не знала.

— Не надо, — великодушно разрешила миссис Марк. — Эти можете оставить. Я на будущее говорю. Уверена, будет лучше, если вы станете наравне со всеми и подчинитесь правилам дома, не так ли? Это ведь не отель, и гости наши, надеемся, будут держаться нашего распорядка, да и им, думаю, это придется по душе.

— Да, конечно, — пробормотала Дора, все еще ужасно конфузясь, — простите меня.

— Видите ли, мы обычно не дозволяем украшать комнату по своему вкусу, — продолжала

миссис Марк. — Стараемся во всем, где только можно, подражать монастырской жизни. Считаем вполне разумным такое ограничение — отказаться от столь явного самовыражения. В конце концов, не такая уж это и большая жертва, а?

— Да, действительно.

— Вы скоро освоитесь, — ободрила ее миссис Марк. — Надеюсь, вам тут понравится. Пол так у нас прижился — мы его все полюбили. Ну что, пойдем? А то у меня не так уж много времени.

Она первой вышла за дверь.

— Вы, верно, приблизительно представляете себе расположение дома, — начала объяснять миссис Марк. — Члены общины спят наверху, в этом крыле дома, там прежде были помещения для прислуги. Комнаты на вашем этаже в основном предназначены для гостей. Мы ведь, знаете ли, существуем как неофициальный гостевой дом при монастыре. В будущем надеемся расширить эту сферу деятельности. Сейчас же у нас полно комнат, которые мы и обставить толком не сумели. Другое крыло и вовсе пустует. Прямо под нами, на первом этаже, кухонные помещения — это с тыльной стороны дома, а с парадной — угловая комната, там наша главная

контора. По центру, под балконом, как вы уже знаете, трапезная, а в крыльях, за портиком, есть по комнатке — они служат конторами Майклу и Джеймсу. В задней части дома историческая достопримечательность: Длинный зал, слава этого дома. Зал в два этажа высотой. Мы его используем как молельню.

Миссис Марк, пока рассказывала все это, вела Дору вначале коридором, затем мимо темного пролета черной лестницы, через коридор пошире, к громадной двери. Они вошли в молельню, только с противоположной алтарю стороны. При ярком свете дня, подумала Дора, зал имел вид еще более затрапезный и походил на декорации к любительскому спектаклю. В нем не было ни соринки, а он казался пыльным, будто сами стены пропитались этой пылью. Мешковина напоминала Доре о школе.

— Это, конечно, не настоящий храм, — сказала миссис Марк, не понижая голоса. — Дело в том, что он не освящен. Но тут можно помолиться. К мессе же мы ходим в монастырский храм, а кто хочет, может ходить туда и в другое время. По воскресеньям мы проводим здесь утреннюю службу, и кто-нибудь из членов общины читает проповедь.

Они вышли через противоположную дверь в каменный холл. Миссис Марк отворила дверь в гостиную. Современной обивки стулья со светлыми полированными подлокотниками стояли точно в круг, нелепо выделяясь на фоне темных панелей, которыми были обшиты стены.

— Это единственная комната, которую мы как следует обставили, — сказала миссис Марк. — Мы сходимся сюда в часы досуга, тут так уютно. Дубовых панелей, конечно, здесь первоначально не было, они появились лишь в конце XIX века, в ту пору это была курительная.

Они прошли на балкон и начали спускаться по правому крылу лестницы.

— Вот и центральная контора. — Миссис Марк кивнула на окна большой угловой комнаты. — Увидите моего мужа, он там работает.

Дойдя до окна, они заглянули в светлую комнату. В ней стояли чертежные столы и стеллажи из сосновых досок, заполненные аккуратными стопками бумаг. Над одним из столов склонился Марк Стрэффорд.

— Он ведет счета, — пояснила миссис Марк. Какое-то время она наблюдала за ним с любопытством, в котором, как показалось Доре, не было и тени нежности. Миссис Марк не стала стучать в

окошко, а скользнула мимо.

— Ну, теперь в монастырь, — сказала она, — и заглянем к Полу.

Поглядев на миссис Марк, когда та смотрела на мужа, и глядя на нее теперь, когда она, довольнотаки полная, прела в своем линялом, по-детски простеньком летнем платьице, Дора почувствовала первый проблеск симпатии и интереса и спросила:

— А чем вы с мужем занимались до того, как приехали сюда?

Дора, коли ее что-то интересовало, вопросы задавала не задумываясь.

— Можете считать меня ужасной занудой, — вздохнула миссис Марк, — но я должна вас упредить: мы здесь никогда не обсуждаем нашу прошлую жизнь. Это еще одно религиозное правило, которому мы стараемся следовать. Без сплетен. Ведь если вдуматься, люди редко когда расспрашивают друг друга о жизни из чистых побуждений, верно? Я на себе в этом убедилась. От праздного любопытства до злословия один шаг. Надеюсь, вы меня поймете. Повнимательнее на этих ступеньках, они заросли немного…

С террасы они повернули в сторону монастыря, спустились по когда-то гладким, а теперь изре-

занным проросшей на них длинной жесткой травой каменным ступеням и двинулись по тропинке к дамбе. Дора, разозлившись, молчала.

Вода в озере была недвижима: посередине она искрилась бледной голубизной, а по краям окрасилась застывшими отражениями. Дора посмотрела вперед, на мощную каменную стену с завесой вязов изнутри. Над деревьями высилась монастырская башня. Теперь, при свете дня, Дора видела, что это прямоугольная нормандская башня, вдохновенное творение зодчего, без излишеств вроде башенок и амбразур. Башня была сложена из серовато-желтого камня, каждую сторону ее украшали два ряда парно расположенных сводчатых окон, окаймленных зигзагообразной, издали казавшейся жемчужным шитьем резьбой и разделенных каймой арочного плетения.

— Прекрасный образец нормандского зодчества, — заметила миссис Марк, проследив за Дориным взглядом.

Они спустились к дамбе. Та перехватывала озеро вереницей покатых арок из старого красного кирпича, побуревшего от времени. Каждая арка вместе со своим отражением образовывала темный эллипс. Дора заметила, что по центру дамба обвалилась и туда на сваях подставили

деревянную секцию.

— Тут были большие волнения во время упразднения — упразднения монастырей, я имею в виду, — и эту часть проломили по приказу самих монахинь. Им это, однако, не помогло. Монастырь был сожжен почти дотла. После Реформации он пришел в запустение. Когда был построен Имбер-Корт, монастырь лежал в руинах и был одним из самых романтичных уголков в этих местах. Потом, в XIX веке, после Оксфордского движения[13] — вы понимаете, о чем я говорю, — обитель заняли англиканские бенедиктинцы — прежде-то монастырь был бенедиктинским — и перестроили ее в начале девятисотых годов. В ту же примерно пору они приобрели и рукописи, которые интересуют вашего мужа. Из старых построек сохранилось немногое — только трапезная, ворота, ну и, конечно, башня.

Они ступили на дамбу. Дора затрепетала от восторга.

— А мы подымемся на башню? — спросила она.

---

[13] Примечания: 13

Оксфордское движение — движение за обновление жизни в церкви, начавшееся с выступления оксфордского богослова Дж. Кибла в 1833 г. против вмешательства государства в дела церкви. В дальнейшем приобрело большой размах и оставило след не только в церковной жизни Англии, но и в западном христианстве в целом.

— Что вы, мы внутрь вообще не пойдем, — ответила миссис Марк, несколько оторопев. — Это же закрытый женский монастырь. Никто туда не заходит, и никто оттуда не выходит.

Это сообщение ошеломило Дору. Она даже остановилась.

— Вы что же, хотите сказать, что они там заточены? — спросила она.

— Не заточены, моя милая, — рассмеялась миссис Марк. — Они там по доброй воле. Это же не тюрьма. Напротив, попасть туда очень трудно, только избранные удостаиваются этой чести. Они, как Мария в притче, избрали себе благую часть.

Дора с миссис Марк тронулись дальше.

— И что же — они никогда не выходят оттуда? — допытывалась Дора.

— Нет, — сказала миссис Марк. — Бенедиктинцы дают обет — всю жизнь провести в том монастыре, где дают первый обет послушания. Там они и умирают, там их и предают земле, на монастырском кладбище.

— Какой ужас! — воскликнула Дора.

— Тише теперь, пожалуйста, — понизила голос миссис Марк.

Они подходили к краю дамбы. Теперь Дора

увидела, что высокая стена, которая, казалось, подымается прямо из озера, на самом деле отстоит от воды ярдов на пятьдесят. От берега разбегались две извилистые тропки, присыпанные галькой: одна вверх, к центральному входу — огромным, наглухо запертым деревянным воротам, а другая влево, вдоль монастырской стены.

— Эти врата, — вполголоса поясняла миссис Марк, — всегда на запоре. Они распахиваются только перед той, что принимает постриг. Это весьма впечатляющая церемония. Она происходит ранним утром. Кстати, через недельку-другую они тоже распахнутся. Доставят новый колокол, и его повезут этой дорогой, будто он принимает постриг.

Они свернули влево, на дорожку, которая вилась меж стеной и озером. Дора увидела длинное кирпичное строение с плоской крышей, уродливым наростом выпиравшее с наружной стороны стены.

— Не шедевр, конечно, но это строилось не для красоты, — сказала миссис Марк. — Здесь приемные, куда приглашают монахинь для бесед с мирскими людьми. А в конце есть часовня для приходящих, где и мы можем принимать участие в монастырской службе. Монастырский храм —

это огромное здание, оно стоит прямо по другую сторону стены. Отсюда виден лишь краешек его черепичной крыши — вон там, за деревьями.

Через зеленую дверь с края здания они прошли внутрь. Перед ними открылся коридор со множеством дверей.

— Я вас проведу в одну из приемных, — сказала миссис Марк, переходя почти на шепот. — Не будем пока отвлекать вашего мужа. Он работает там, в самом конце.

Они отворили первую же дверь. Дора очутилась в маленькой квадратной комнатке, совершенно пустой — только два стула да блестящий линолеум на полу. Стулья были повернуты к противоположной от двери стене, вся ее верхняя часть была затянута большим марлевым экраном. Миссис Марк подалась вперед.

— Другая половина комнаты, — сказала она, — уже по ту сторону, в обители.

Она потянула марлевый экран за деревянную рамку, и тот отворился, словно дверца, оставляя за собой окошко, забранное металлическими прутьями с зазором дюймов в девять. С внутренней стороны к решетке вплотную прилегал второй марлевый экран, скрывавший другую половину комнаты.

— Вот видите, — сказала миссис Марк, — монахиня с той стороны отворяет экран, и можно через решетку разговаривать с ней.

Она вновь закрыла экран. Доре все это показалось невообразимо жутким.

— А вам не хотелось бы побеседовать с кем-нибудь из монахинь? — спросила миссис Марк. — Только настоятельница наверняка очень занята. Джеймс с Майклом и то видят ее лишь от случая к случаю. Но матушка Клер, уверена, будет рада повидать вас и поговорить.

От тревоги и негодования у Доры теснило грудь.

— Не думаю, что мне есть о чем говорить с монахинями, — сказала она, стараясь, чтобы в голосе не проскользнули агрессивные нотки.

— Ну, как знаете, — сказала миссис Марк. — Думаю, вам было бы полезно переговорить с ними. Монахини — народ мудрый, вы были бы поражены, как хорошо осведомлены они о мирских делах. Их не удивишь. Люди частенько приходят сюда — излить душу, избавиться от скверны.

— У меня нет проблем, которые мне хотелось бы обсуждать, — отрезала Дора.

Разговор на эту тему настроил ее враждебно: да уж лучше муки ада, чем дозволить монашке

копаться в твоей душе. Они вышли в коридор.

— И все-таки подумайте, — сказала миссис Марк. — Может, с этой мыслью просто надо свыкнуться. А теперь зайдем к Полу. Он работает в последней приемной.

Миссис Марк постучалась и отворила дверь в комнату, похожую на первую, только в ней стоял еще большой стол, за которым работал Пол. Марлевый экран был закрыт.

Пол с Дорой обрадовались встрече. Пол так и сиял, глядя на жену из-за стола. Когда она заставала его за работой, он просто не помнил себя от радости, и Дору эта ребячливость умиляла. Ей приятно было видеть его погруженным в работу, она вмиг ощутила прилив гордости за него, вновь подпадая под очарование этого блистательного человека, столь превосходящего во всем и Марка Стрэффорда, и всех прочих здешних мрачных личностей. Дорина способность забывать и жить сегодняшним днем, которая чаще всего приводила к печальным последствиям, делала ее склонной к безотчетным порывам душевной щедрости. Она была начисто лишена памяти и оттого великодушна. И уж тем более она не была ни злопамятной, ни мстительной. Как только она вошла в комнату, она начисто забыла обо всех

прошлых ссорах.

— Вот над этими рукописями я и работаю. — Пол говорил очень тихо. — Они очень ценные, и мне не разрешают выносить их отсюда. — Он перегнулся через стол и раскрыл несколько больших фолиантов в кожаных переплетах — так, чтобы Дора могла видеть густо и ярко изукрашенные страницы. — Это ранние хроники обители. Уникальные в своем роде. Вот так называемый картулярий — свод уставных правил и разного рода официальных документов. А вот знаменитая «Имберская псалтырь». Ты только глянь на эти замысловатые буквицы и бегущих по полям страниц животных! А так выглядел монастырь в 1400 году…

Дора увидела комплекс замковых зданий на фоне буйно зеленеющих деревьев и синего неба.

— Как-то не верится, что он был таким белоснежным. Это больше походит на Италию. Неужто все эти золотые штуки сохранились? Ой, а вот и старая башня.

— Шш! — зашептал Пол. — Да, это та самая башня. Изображение, конечно, весьма условное. Вот епископ, который основал обитель, он держит в руках макет монастыря. Отсюда можно почерпнуть более точные сведения о его устрой-

стве. Современный монастырь соответствует расположению старого, хотя, конечно, в точности воспроизводить средневековые постройки здесь не пытались. Эта часть, как и башня, уцелела. Вот в этой старой «Книге свидетельств» можно посмотреть…

— Мы не должны отвлекать вас, — вступила в разговор миссис Марк. — Я еще хочу показать Доре храм, огород и заняться потом своими делами.

Пол огорчился.

— Завтра я тебе еще кое-что покажу, — сказал он и стиснул на прощание Доре руку.

Дора предпочла бы остаться, она скорчила Полу унылую гримасу за спиной удаляющейся миссис Марк. Она уже примерялась, как будет передразнивать эту даму, оставшись с Полом наедине. Вообще-то передразнивать Дора не умела, так что надо было заранее это репетировать. Остроты на чужой счет всегда были у нее вымученными. Плетясь за миссис Марк, она улыбалась про себя, ободренная тем, что отношения с Полом идут на лад.

Миссис Марк дошла до конца коридора и вошла в маленький вестибюль с двумя дверями, одна вела в сад, другая — в часовню. Миссис Марк отворила дверь в храм, пропустила Дору вперед,

в кромешную тьму. Пока Дора силилась что-то увидеть, миссис Марк решительно плюхнулась рядом на колени. Постепенно Дора пригляделась и поняла, что находится в маленькой, словно коробочка, комнатке. Паркет тщательно натерт, на стенах какие-то литографии на религиозные сюжеты, скамейки, подушечки на полу. Удушливо пахло ладаном. В глубине комнаты виднелась решетка, прямо от пола и до потолка. В решетке была выпилена дверца, сейчас запертая. От решетки на несколько футов в глубь комнаты выдавалась низкая оградка; за прутьями на возвышении смутно угадывалась боковая сторона алтаря. С медной перекладины до полу свисали отдернутые в край белые занавеси. У алтаря теплился красный огонек. Могильной тишиной веяло из-за решетки.

— Это часовня для посетителей, — зашептала миссис Марк так тихо, что Дора еле слышала, что она говорит. — За решеткой центральный алтарь монастырского храма. Центрального нефа отсюда не видно. Потому мы и можем принимать участие в службах, что не видим монахинь, это ведь запрещено. Каждое утро, в семь, тут служат мессу, к которой допускаются и приходящие. Через дверцу сюда выходит священник причастить

пришедшего. А когда причащаются монахини, занавеси задергивают изнутри и отделяют часовню от монастырского храма. Именно тут непосвященные, вроде нас, могут соприкоснуться с духовной жизнью монастыря.

Из храма, откуда-то издалека, донесся слабый шелест, потом звуки шагов.

— Там что, кто-то есть? — прошептала Дора.

— В храме всегда кто-то есть, — ответила миссис Марк. — Это место непрестанных молитв.

Дора чувствовала, что задыхается, она вдруг поняла, что испугалась, и начала пятиться к двери. От стойкого дурманящего духа ладана ужас заговорил в ее вековой протестантской крови. Миссис Марк припала на колено, осенила себя крестом, поднялась и пошла следом за Дорой. Минуту спустя они вышли на яркий солнечный свет. Колыхались на ветру высокие травы, переплетаясь у кромки воды с камышом, безмятежно блистало на солнце озеро. Привольный простор раскинулся под безоблачным небом. На склоне проглядывал Имбер-Корт, дымкой обозначились купы вязов. В близости той темной конуры и этого покоя было нечто невероятное. Дора с силой тряхнула головой.

— Сильно впечатляет, правда? — заметила мис-

сис Марк. — Духовная жизнь тут удивительная. Невольно ощущаешь ее воздействие.

Они двинулись обратно через дамбу.

— Возьмем-ка по этой тропинке влево, — решила миссис Марк, — и срежем за домом путь к саду.

От дамбы тропинка побежала вдоль берега, затем вильнула вправо, в густой лес. Впереди засверкали теплицы. Когда Дора с миссис Марк свернули с берега в лес, их догнал по воде высокий звон ручного колокольчика.

Дору прорвало:

— Нет, подумать только, сидеть там взаперти! Ужас!

— Что верно, то верно, — сказала миссис Марк, — женщины эти держат себя в такой аскетической строгости, которая и вас, и меня повергла бы в ужас. Но как ошибаемся мы в отношении грешника — думая о нем лучше, чем он есть на самом деле, когда полагаем, будто страдания облагораживают его, так и заблуждаемся мы в отношении праведника — думая, что жертвы тяготят его так же, как тяготили бы нас. Тут, думаю, надо идти гуськом.

Миссис Марк первой ступила на узенькую тропку, еле видную в забившей ее высокой блек-

ло-желтой траве. По бокам клонились тяжелыми ветвями сливовые деревья, кладя им на плечи продолговатые, с матовым отливом плоды, которые едва держались на ножках. Дора никак не могла опомниться от увиденного и едва ковыляла на своих высоких каблуках, уставясь под ноги, и видела впереди лишь мелькавшие икры миссис Марк, хорошо развитые, блиставшие здоровьем, бронзовые от загара. Справа показался Имбер-Корт, тыльной своей стороной, отсюда вытянутой сплошным фасадом, в который тесно вжались колонны, обрамлявшие эффектные сводчатые окна Длинного зала. Дора с миссис Марк выбрались на открытое место, где трава была скошена и собрана в копны. Тропка кончилась, и Дорины каблуки проваливались теперь в колкую стерню.

— Отсюда и начинается огород, — сказала миссис Марк. — Он пока крохотный. Здесь, ближе к нам, прежде был цветник Имбер-Корта. Мы его разделали под грядки — салат, морковь, лук, лук-порей. Выше фруктовый сад Корта. Он обнесен оградой — вон она виднеется впереди. Там мы оставили все как было — яблони, груши, разная ягода. Было здесь несколько теплиц, мы еще подстроили, поновее конечно, — видите там, по левую руку. В них сейчас столько помидоров!

Рядом с теплицами, вон там, из сетки, — это курятник. Всего несколько птичек. Недавно мы подняли часть пастбища за рвом. Там у нас капуста, большой участок картофеля и брюссельская капуста. Мы беремся выращивать только те овощи, которые не требуют сложного ухода — приобретаем пока навыки. Осенью вспашем еще часть пастбища.

Они добрались до утоптанной дорожки меж застекленными теплицами, она вела к садовой ограде. В поле зрения показалось несколько человек. Чуть поодаль Джеймс Тейпер Пейс разъяснял Тоби, как нужно окучивать посадки. В одной из теплиц сновала какая-то фигура, похоже, это был Питер Топглас.

— Окучивать — занятие отнюдь не романтичное, — с видимым удовлетворением заметила миссис Марк. — Но для сада это нужно как воздух.

Навстречу по дорожке на них надвигался Пэтчуэй, он толкал перед собой тачку. Шляпа будто и не снималась у него с головы со вчерашнего вечера.

— Дождя, похоже, опять не будет, — сказала Пэтчуэю миссис Марк.

— Если не ливанет как следует, нам до осени и

стрелки лука не видать.

Дора с миссис Марк посторонились, уступая ему дорогу.

— Он отвозит салат, — пояснила миссис Марк. — Какой славный, простой человек! Видите, там, справа, — это задворки конюшен. Говорят, их проектировал Кент [14]. Лет пятьдесят назад они частью сгорели, но все еще очень хороши. На старинных гравюрах их частенько изображали. Несколько пустующих денников мы оборудовали под гараж и упаковочный сарай, там мы взвешиваем и фасуем овощи перед отправкой в Пенделкот и Сиренчестер. За этими работами поручено присматривать мне, а еще на меня возложены обязанности по дому и снабжению продуктами. Мы убеждены, что женщинам надо вернуться к своим исконным занятиям. Что толку в переменах ради перемен, правда? Будем очень рады, если и вы к нам присоединитесь. Надеюсь, вы умеете управляться с иголкой?

Дора не умела и сейчас маялась на солнцепеке. От сверкания стекол на прямой дорожке у нее разболелась голова. Она приложила руку ко лбу.

— Бедняжка! — воскликнула миссис Марк. — Я

---

[14] Примечания: 14

Уильям Кент (1685–1748) — английский художник и архитектор, представитель палладианства.

вас совсем замотала. Мы только заглянем во фруктовый сад, а потом вам, наверно, лучше вернуться домой и прилечь, я же займусь своими делами.

Она толкнула деревянную калитку в ограде, и они вошли в сад. Просторный участок, густо поросший кустарником, огораживали перевитые плющом и валерианой старые каменные подпорки, потрескавшиеся и раскрошившиеся за долгое знойное лето. В дальнем углу поблескивала стеклышками большая клеть. Над всей этой дивной картиной зависло марево, тут, казалось, было самое жаркое место в саду. Аккуратно обрезанные фруктовые деревья распластали по подпоркам ветви со скрюченными от зноя листьями. Дора с миссис Марк двинулись вперед по одной из дорожек, за одежду начала цепляться усохшими остренькими пальчиками малина.

— А вот и Кэтрин, — сказала миссис Марк. — Она собирает абрикосы.

Они подошли ближе. Через подпорки на дерево была накинута большая мелкочешуйчатая сеть, она закрывала плоды от птиц. За сетью видна была затерявшаяся в листве Кэтрин, она кидала золотые плоды в стоявшую у ног плоскую корзину. Голова у Кэтрин была покрыта мягкой

белой шляпой от солнца, под нее низким пучком подобраны темные волосы, но они выбились и кудрявыми прядями разметались по плечам. Кэтрин была так сосредоточена на том, что делала, что и не заметила Доры с миссис Марк, пока те не подошли совсем близко. В запрокинутой под жгучим абрикосовым заревом темноволосой головке было, как почудилось Доре, нечто испанское, и Кэтрин опять показалась ей красивой. Да и обращенное в сторону лицо, не скованное, как на людях, нервической защитной маской, было иным: волевое, величавое и очень печальное. Предчувствие беды вновь охватило Дору.

— Здравствуйте, Кэтрин! — громко сказала миссис Марк. — Я к вам Дору привела.

Кэтрин вздрогнула и испуганно обернулась. Вот дерганое создание, подумала Дора и улыбнулась. Кэтрин через сеть улыбнулась ей в ответ.

— Вам тут, наверно, страшно жарко, — сказала Дора. Кэтрин была одета в летнее, блеклых тонов платьице с открытым воротом. Шея у нее загорела дочерна, но лицо своей болезненной бледностью, похоже, отпугивало солнце, оттого и казалось — что отметила про себя накануне вечером Дора, — будто в лице у Кэтрин ни кровинки. Пока Кэтрин говорила с Дорой, она все откидыва-

ла назад шляпу, пока та не свалилась, повиснув тесемками на пышных локонах, теребила сбившуюся на лоб темную челку, отирала о платье вспотевшую загорелую руку. Они перебросились парой ничего не значащих слов о погоде, и Дора с миссис Марк повернули назад.

— Как Кэтрин волнуется из-за пострига, благослови Господь ее душу, — вздохнула миссис Марк. — Что и говорить, самая волнующая пора в ее жизни…

— Пострига? Какого пострига?

— А, вы пока не знаете, — сказала миссис Марк, ведя Дору обратно к калитке. — Кэтрин собирается постричься в монахини. Она в октябре уходит в монастырь.

Они вышли за калитку. Дора в последний раз оглянулась на фигурку под сетью. Услышанная весть удивила, ужаснула ее; вроде и от души отлегло, но и что-то заныло внутри, томило то ли жалостью, то ли страхом — будто чему-то в ней самой грозила гибель…

— Извините, пора закрывать, — сказал человек из-за стойки.

Дора виновато вскочила и вернула стакан. Она осталась последним посетителем в отливающем темным лаком логове «Белого льва». Она выбра-

лась на солнечный свет, услышала тоскливый писк затворившейся за ней двери. Было половина третьего.

Избавившись утром от миссис Марк, Дора передохнула минут двадцать и отправилась по тропинке, указанной ей миссис Марк, в деревню, чтобы справиться на станции о чемодане. Путь оказался куда длиннее, чем она предполагала, и когда она все-таки, вспотев и уморившись, туда добралась, выяснилось, что чемодан должны вернуть с поездом, до прибытия которого оставалось еще с полчаса. Дора послонялась по деревне, с удовольствием обнаружила в ней открытые бары. Она осчастливила своим посещением сначала «Белого льва», потом «Волонтера», подремала там в полумраке, наслаждаясь тихим забытьём кабачка, будившим в ней более приятные ассоциации с пребыванием в церкви, нежели сегодняшнее. Она вернулась на станцию, узнала, что поезд запаздывает. Наконец он прибыл, чемодан выгрузили и вручили Доре. Первым делом она скрылась в туалете, переоделась в летнее платье и переобулась в сандалии. Выплыла она оттуда, чувствуя себя куда лучше, и собралась уже, нагруженная чемоданом, двинуться в обратный путь — причем, насколько он будет

тяжел, не удосужились подумать ни Пол, ни она сама. Но глянула на часы — четверть второго. Ланч в Имбер-Корте, вспомнила Дора, в половине первого. Тут-то она и отправилась в «Белого льва» во второй раз.

Когда ее оттуда выдворили, она побрела по деревне, отыскала указатель и тропинку, которая вела через два поля пшеницы и лес. Рыжеспелая пшеница была сжата и стояла в скирдах под навесами. У обочины привидениями вырастали запоздалые, чахлые маки. Дора добралась до дороги, прошлась по ней немного вдоль ограды поместья, нашла в ограде калитку и нырнула внутрь. Отсюда тропинка диагонально тянулась через два ручейка, впадавших в озеро, и смыкалась с дорогой у третьего мостика. То была самая приятная часть пути, пролегавшая в основном в тени, и Дору, хоть она и проголодалась и волновалась из-за того, что так припозднилась, сразу очаровали ласковый воздух и зеленые арки, сомкнувшиеся над головой, как только она добралась до деревянного мостика через Первый ручей. Тень давала ощущение прохлады, а пустой желудок — прилив сил.

Имение по эту сторону густо поросло лесом, и ручей прокладывал свой путь, как по дну

лиственной пещеры, меж кустов бузины и молодых побегов ясеня, под высокой сенью старых деревьев. К ручью клонились травы, он волочил близ берегов их живые стебли, а посередке перекатывал своими прозрачными водами песок и камушки. Дора постояла с минуту, глядя вниз, на трепещущую бликами воду, и поймала себя на мыслях о Кэтрин. Она представила, как та, обряженная невестой, вступает в октябре в огромные монастырские ворота, дабы никогда более не выйти из них. Потом ей привиделось, будто она сама, Дора, идет по дамбе и неотрывно глядит в распахнутые настежь ворота. Ее охватил озноб, она отогнала видение прочь, быстро ступила сандалиями в воду и побрела вброд через ручей. Слава богу, она не Кэтрин!

Она вскарабкалась на противоположный берег и, оцарапанная, промокшая до нитки, двинулась дальше. И тут две ужасные мысли разом ударили ей в голову. Первая — она сбилась с пути. До второго ручья она, правда, добралась, тот был пошире и по берегам зарос ежевикой, но никакого мостика через него она не обнаружила и теперь шла вдоль ручья вверх по тропинке. Вторая — она оставила в «Белом льве» чемодан. От этой мысли Дора прямо-таки взвыла от отчаяния. Мало того

что она опоздала к ланчу, она и чемодан опять потеряла. Даже если чемодан найдется, Пол от ее безмозглости теперь надолго рассвирепеет. Она повернула было назад, в деревню, за чемоданом. Но она так запарилась, так устала и так хотела есть, а тащиться надо было в такую даль и кругом вдруг оказалось столько крапивы, да она еще к тому же и заблудилась… «Нет, я полная идиотка», — думала Дора.

В этот самый миг она услышала шорох листвы за спиной, и на тропинку из лесу, раздвигая перед собой сплетенные ветви, вышел мужчина. Это был Майкл Мид.

Он, похоже, удивился, увидев Дору, и шел к ней навстречу с вопрошающей улыбкой на лице.

— О, мистер Мид, я, кажется, заблудилась.

Она смутилась, оказавшись наедине с главой общины.

— А я видел, как среди деревьев мелькнуло что-то яркое, — сказал Майкл, — и никак не мог понять, что же это такое. Поначалу подумал даже, не из редких ли птичек Питера там кто-то разгуливает! Так если вам к дому, вы идете не туда. А я ходил поглядеть на грядки с кресс-салатом, мы его выращиваем подле того ручья. Сейчас, правда, не сезон, но прочищать его все равно

надо. Хорошо здесь, правда?

— Да, просто замечательно, — ответила она и к ужасу своему поняла, что вот-вот расплачется. От голода и жары, которая не отпускала и в лесной тени, у нее закружилась голова.

— Вы перегрелись на солнышке, — сказал Майкл, — присядьте на этот пенек. Держите голову прямо, вот так. Сейчас все пройдет. — Он с улыбкой коснулся рукой ее шеи.

— Да не в том вовсе дело, — всхлипнула Дора. Не найдя носового платка, она начала осушать слезы подпушкой платья, а потом размазывать их по лицу грязной, потной ладонью. — Я пошла за чемоданом, ну, тем, что забыла в поезде, забрала его и снова забыла в «Белом льве»! — Под конец фразы она вовсю разрыдалась.

Какое-то мгновение Майкл оторопело смотрел на нее, а потом расхохотался, да так заразительно, что Дора запнулась и после вынуждена была тоже рассмеяться, правда, довольно-таки невесело.

— Не сердитесь на меня, — проговорил наконец Майкл, — но вы так забавно это сказали. Не убивайтесь попусту. Вечером мне все равно нужно будет заглянуть в деревню, я поеду на «лендровере» и прихвачу ваш злополучный чемодан. В «Белом льве» он в полнейшей безопасности.

Кстати, а вы хоть пообедали? Мы о вас так беспокоились.

— Куда там, — ответила Дора, — я только пропустила рюмочку, у них и бутербродов-то не оказалось.

— Тогда пойдемте прямо домой, — сказал Майкл, — миссис Марк соберет для вас что-нибудь поесть. А потом надо бы вам прилечь. Бурное у вас выдалось утро. Мы пойдем через холм, там переправимся по валунам через ручей. Это самый короткий путь, да тут и попрохладнее. Ну, поднимайтесь — и за мной!

Майкл помог Доре подняться. Она ему улыбнулась и, почувствовав, что ей полегчало, откинула с брови влажную прядь, а потом двинулась за ним следом по тропинке. О чемодане она больше не вспоминала, от смеха Майкла все ее волнение как рукой сняло. И она была за это очень ему признательна. Накануне вечером Майкл показался ей каким-то бледным, немощным, и выглядел он переутомленным, рассеянным. Но сегодня он был решителен и нежен, и узкое лицо его, оказывается, так смугло, а волосы отливают золотом. Он вечно будет иметь застенчивый вид — и все из-за своих близко поставленных глаз, но зато какие голубые эти глаза!

Так и шла она по тропинке, вновь обретя спокойствие, шла и глядела своему провожатому в шею, загорелую, худенькую, по-детски торчавшую из воротничка довольно-таки заношенной белой рубашки. Вдруг, увидев что-то впереди, Майкл встал как вкопанный. Ни слова не говоря, Дора тихонько подошла сзади — что же это его остановило? Она выглянула у Майкла из-за плеча.

На небольшой полянке ручей устроил себе из мшистых валунов и жесткой осоки заводь. Посередине, похоже, было довольно глубоко, вода там неприветливо бурилась. Поначалу Дора ничего, кроме этого кружка воды да неровных бликов пробивавшегося через листву солнца, не увидела. А потом заметила застывшую у дальнего края заводи бледную фигурку. В следующее мгновение, оправясь от изумления, она поняла, кто это. Тоби Гэш в соломенной шляпе стоял и выуживал длинным прутиком со дна заводи тину. Дора мигом увидела — прежде, чем поняла, кто это, — на Тоби, кроме шляпы, ничего нет. На его белокожее, худенькое тельце падал то солнечный лучик, то тень от качавшейся на ветерке ивы, под которой он стоял. Он старательно гнул прутик, сосредоточенно взирая на воду и не подозревая, что за

ним наблюдают. Он держался так, будто нагота для него дело привычное — с такой застенчивой грацией передвигал он свое долговязое худенькое тело. Дора затрепетала от восторга: в памяти из итальянских впечатлений всплыл вдруг юный Давид Донателло [15] — беззаботный, полный сил, восхитительно нагой и обворожительно незрелый.

Будь Дора одна, она бы сразу окликнула Тоби, так мало она была смущена и так искренне очарована тем, что увидела. Но ее сдерживало присутствие Майкла. О нем она на какой-то миг забыла. Потом взглянула на него и поняла, что смущает ее не столько его присутствие, сколько он сам — ведь он-то наверняка воображает, будто она смущена. И она теперь видела, как горестно смотрит Майкл на Тоби. Майкл тихонько развернулся, взял Дору под руку и, стараясь не шуметь, повел ее обратно тропинкой, которой они только что поднимались. Покой Тоби не был потревожен. Все это Дора сочла глупой деликатностью, но и она шла, ступая как можно тише.

— Мы отпустили его до вечера, — сказал Майкл,

---

[15] Примечания: 15

«Давид» — бронзовая статуя работы итальянского скульптора эпохи раннего Возрождения Донателло (ок. 1386–1466). Находится в Национальном музее Флоренции.

отойдя чуть поодаль. — Я все беспокоился, куда он делся. Думаю, лучше не мешать ему, пусть себе поплавает. Мы и иным путем можем добраться.

— Да, конечно, — согласилась Дора.

Теперь Дора держалась с Майклом увереннее, они вместе упоенно созерцали эту чудную пастораль, и она чувствовала в Майкле сообщника. Своей застенчивостью, деликатностью Майкл растрогал Дору. Ей вспомнилось, как он прикоснулся к ее шее. После необычного этого приключения меж ними протянулась трепетная нить плотского желания, которой прежде не было. Тайное это влечение, робкое, нежное, умиляло Дору, и, когда они спускались вниз по тропинке, она улыбалась про себя, предугадывая в своем спутнике перемену к ней. Теперь она будет для него воплощением женщины — желанной, нагой и такой близкой ему в этом послеполуденном зное.

Глава 6

Майкл Мид был разбужен странным прерывистым гулом — похоже, он накатывал со стороны озера. С минуту Майкл лежал неподвижно, со страхом вслушиваясь в наступившую тишину, потом поднялся и пошел к отворенному окну. Оно выходило на монастырь. Стояла светлая, лунная ночь, и, опасливо выглянув из окна, он разом мог окинуть взором озерную ширь, монастырскую стену напротив, ясно очерченную сияющим светом луны, которая поднялась над садом. Все было вроде и привычно и в то же время как-то жутковато. Майкл скользнул взглядом по стене, туда, где она обрывалась и монастырская территория была у воды открыта спуском к широкому каменистому берегу. Здесь, немало изумясь, Майкл с удивительной ясностью увидел скопище фигур. Прямо у озера стояло несколько монахинь. Он видел их черные бесформенные одежды, колыхавшиеся при движении, а позади — четкие контуры сизых теней, которые отбрасывала луна; из-за причудливой игры света фигуры, казалось, были удивительно близко. Вот теперь они склонились над чем-то, вытаскивают

из воды… нечто тяжелое, большое, и монахини, неловко ухватившись, волоком тащили его из воды. Майкл подумал, не скрежет ли этого предмета о камни он слышал? Но затем, с дрожью ужаса, понял: продолговатое, мягко-податливое, что они выволакивают на берег, — это же человеческое тело… Они вытаскивают из озера труп. Леденея от страха, Майкл стоял и не знал, что ему делать. Какое тайное несчастье случилось, финал которого он невольно наблюдал, кто был утонувший человек, чьи бренные останки теперь недвижно лежали на дальнем берегу? Фантастическое предположение вдруг пришло ему в голову — это некто умерщвленный самими монахинями. Увиденное было столь невыразимо зловещим и жутким, что удушье страха перехватило ему горло, он отчаянно рванул ворот пижамы, тщетно силясь закричать от ужаса.

Он заворочался и понял, что лежит в постели. Комнату заливал ранний утренний свет. Майкл сел в кровати, все еще держась за горло, сердце бешено колотилось. Все это ему привиделось, но столь велико было впечатление от пережитого во сне, что он сидел еще какое-то время ошарашенно, не веря, что и впрямь проснулся, и не в силах освободиться от пригрезившегося

кошмара. Снова этот дурной сон. Уже в третий раз снилось ему примерно одно и то же: ночь, монахини, вытаскивающие из озера утопленника, и внутренняя убежденность, будто на берегу лежит их собственная жертва. Всякий раз сну сопутствовало неодолимое чувство зла, и всякий раз у Майкла оставалось странное ощущение, будто глухой гул, который предшествовал сну, был не во сне, а наяву и он действительно его слышал, тот его, собственно говоря, и будил.

Часы показывали без двадцати шесть. Он поднялся и не без опаски пошел к окну, ожидая увидеть нечто необычное. Но все имело привычный вид, с печатью предрассветной пустынности и неприкаянности. На постриженной травке около дома суетились дрозды, исполняя свой таинственный ритуал ранних птах. Все остальное замерло. Тихая, ровная гладь озера дышала бледным рассеянным светом солнца, встающего в густой дымке. Будет еще один знойный день. Майкл глянул туда, где оканчивалась монастырская стена и плескалась в прибрежных камышах озерная вода. Ни каменистого берега, ни фигур там не было. Майкл задумался: что означает этот сон, что в его подсознании заставляет приписывать такие ужасы безвинным, праведным

монахиням? Он был уверен: не темные силы воздействуют на него, а в нем самом есть активный источник зла. Он встряхнул головой и стал на колени перед растворенным окном, не спуская глаз с того места, где во сне разворачивались события, и начал без слов молиться. Расслабился телом. В молитве без боя отдался, со всей своей скверной, Основе всего сущего. И мало-помалу вернулась к нему безмятежность, а с ней и тихая радость, возрождающаяся вера в то, что истинно существует Господь и в нем исцеление всякого страдания и одоление всякого зла.

Ложиться снова не имело смысла, и Майкл немного посидел над Библией. Затем обратился к дневным заботам. Вспомнил с некоторой досадой, что наступила суббота и утром должно состояться еженедельное собрание общины. На сей раз повестка дня была напряженной. Собрания проходили совершенно неофициально, и Майкл обычно готовил к ним перечень вопросов, а присутствовавшие могли и сами по желанию поднимать какие-то проблемы. Он начал царапать на листке бумаги: «Механический культиватор, финансовые просьбы, белки и т. д., приготовления к встрече колокола». Карандаш замер, Майкл обдумывал написанное. Он глянул

на часы. До мессы еще минут двадцать.

Имберская община в теперешнем своем виде просуществовала немногим более года. Возникновение ее, в коем Майкл сыграл решающую роль, было случайным, а будущее — неопределенным. Имбер-Корт был родовым гнездом нескольких поколений предков Майкла. Сам он здесь никогда не жил, и дом, содержать который было слишком дорого, почти все время сдавали — и в войну, и какие-то годы после нее — учреждениям государственного департамента. Затем дом опустел, и встал вопрос о его продаже. Имбер всегда манил Майкла, поэтому-то он его и сторонился. Он почти не бывал там и имел весьма смутные представления о доме и поместье. В юности он намеревался стать священником, и, когда это ему не удалось, он в течение нескольких лет преподавал в школе. Религиозному призванию он не изменил, но никогда, вплоть до самого недавнего времени, не наведывался в Имберский монастырь: табу, наложенное им на Корт, распространялось и на монастырь. Теперь, оглядываясь назад, он приходил к выводу, что место это было для него заказано, неприкосновенно — до тех пор, пока ему не суждено было стать местом действия самых важных событий в его жизни. В Корт он

приехал по делу, когда в воздухе носилась идея его продажи, и, соблюдая приличия, нанес визит вежливости настоятельнице. Монастырю будущее Корта, естественно, было небезразлично. Майклу оно тоже было интересно, а теперь, когда это будущее и вовсе стало реальностью, весьма волнующе знакомство с бенедиктинской общиной, о святости которой он был наслышан.

Встреча с настоятельницей напрочь изменила планы и всю жизнь Майкла. С легкостью, поначалу его удивившей, а впоследствии казавшейся чем-то предопределенным свыше, настоятельница поделилась с Майклом идеей превращения Корта в обитель для светской общины при монастыре, которая была бы «буфером», как она выразилась, между миром и монастырем, полезным и желанным «нахлебником», некой промежуточной формой жизни. Много на свете людей, сказала она — и Майкл был совершенно убежден в ее правоте, ибо чувствовал себя одним из них, — которые не могут ни жить в миру, ни жить вне его. Эти люди как бы с изъяном: стремление к Богу не позволяет им довольствоваться обычной жизнью, но темперамент удерживает в мирской жизни; и в современном обществе, с его убыстренным темпом, засильем машин и тех-

ники, нет пристанища этим несчастным душам. Работа, какой она может быть по нынешним временам, развивала свою мысль настоятельница со здравомыслием, в ту пору изумлявшим Майкла, редко когда приносит удовлетворение этим полусозерцательным натурам. Ведь мало осталось занятий — разве что учительствовать или ухаживать за детьми и больными, — в которые можно вкладывать душу. Предположительно возможно — и воистину так бы и следовало — наделять всякое занятие духовным смыслом, но большинству людей это не под силу; и для некоторых, кто, как она выразилась, «одержим поисками Бога», кто не может обрести дела по душе в миру, жизнь полузатворническая, труд простой и исполненный, в силу святости обстановки, сокровенного смысла были бы настоящим спасением. Долг наш, сказала настоятельница, не стремиться к высшим степеням духовной отрешенности — как это часто бывает, — а искать место, занятие и людей, которые сделают нашу духовную жизнь полноценной. В поиске сем, сказала настоятельница, руководствоваться нужно божественной мудростью. «Мудры, как змии, и просты, как голу-

би» [16]. Майкл, всегда подчинявшийся духовному превосходству, где бы с ним ни соприкасался, жадно внимал настоятельнице; изо дня в день приходил он в приемную и, подавшись со стулом вперед, припав к прутьям решетки, неотрывно смотрел в это старое, бледное, казавшееся под белым апостольником пергаментно-желтым лицо, изнуренное давно забытыми жертвами и просветленное неведомыми Майклу радостями. Вера Майкла в Бога имела одну особенность, и, сознавая, что она чревата опасностью, он все же не в силах был от нее отречься — он ждал появления в своей жизни «образцов», ждал знамений. Он всегда считал себя человеком избранным, живущим в ожидании зова свыше. Неудача, постигшая его попытку стать священником, была сильнейшим разочарованием. И теперь в речах настоятельницы, которые, без каких бы то ни было откровений с его стороны, казались ему точным диагнозом его состояния, он увидел перст указующий. Майкл сознавал тщету последних лет, изглоданных *ennui*[17], внутренней опустошенностью, которую силился изображать перед самим собой неустан-

[16] Примечания: 16
Евангелие от Матфея, 10:16.

[17] Примечания: 17
Тоской (*фр.*).

ным поиском добра. Теперь же образец наконец появлялся, зов свыше пришел.

Майкл несколько сник, когда настоятельница, оговорив проект общины в целом и наладив все приготовления, перестала его принимать. Она никогда не расспрашивала его о прошлом, и, захваченный грядущими переменами, Майкл выжидал удобной минуты, дабы представить ей полный отчет, которого никогда еще не давал другому человеку, о своей никчемной и путаной жизни. Он, правда, имел основания предполагать, что о самых примечательных фактах его биографии она знала из иных источников. Но как бы отлегло у него от сердца, раскрой он перед ней душу. Тем не менее в силу какой-то недоступной его сознанию высшей мудрости настоятельница не предлагала ему исповедоваться, чего он столь пылко желал, и немного погодя Майкл скрепя сердце отступился, принял свое вынужденное молчание как некую данность, добровольную жертву, хотя то было лишь волеизъявлением этой исключительной женщины, которая явно знала о его желании поведать ей все, как знала и, без сомнения, все, что он должен был поведать, и даже более того. С той поры, как община начала свое существование, Майкл видел настоятельни-

цу лишь трижды, и всякий раз — по ее желанию, чтобы обсудить какие-то ключевые позиции. Все прочие детали, имевшие касательство к монастырю, следовало обсуждать с матушкой Клер либо при посредничестве сестры Урсулы.

Мысль об огороде возникла как-то сама собой. Земля вокруг Корта была плодородная, работать на ней было бы приличествующим началом деятельности общины. Сад на первое время можно было разбить небольшой и расширять его по мере роста общины. А позднее освоить и другие работы. Предугадать заранее, как все пойдет, было невозможно, так что и загадывать далеко вперед не стоило. Ядро общины составили Майкл и Питер Топглас. Питер, давний друг Майкла, еще со времен учебы в колледже, был натуралистом, человеком спокойной, непоказной набожности. Закончив одну работу, он, прежде чем приступить к следующей, заехал в Корт, чтобы поддержать Майкла в его новом начинании. И сразу как-то по-домашнему обосновался, взяв на себя львиную долю тяжелой работы и разместив в саду свои нехитрые снасти для наблюдения за жизнью птиц и животных. Немного погодя он, к величайшей радости Майкла, решил остаться, правда не насовсем. Следующими прибыли Стрэффорды,

чей брачный союз находился на грани разрыва. Они были направлены в Корт настоятельницей и решительно в нем осели. Следующей появилась Кэтрин, позднее — ее брат. Кэтрин длительное время была приверженцем монастыря и готовила себя в его послушницы. Настоятельница почла за благо — и для общины, и для самой девушки — пребывание ее в Корте перед уходом в монастырь. Появление Пэтчуэя, совершенно непредвиденное, пришлось как нельзя кстати. Он батрачил на местной ферме и в Корте объявился вскоре после того, как там обосновался Майкл, заявив, что будет «обихаживать сад». Майкл было усомнился поначалу — не заблуждается ли тот относительно его возвращения в Корт. Отец Пэтчуэя, как выяснилось, в былые и явно иные времена мальчишкой садовничал в Корте. Однако Пэтчуэй, ничуть не сбитый с толку и не удивленный разъяснениями, стоял на своем и теперь работал в Корте как ломовая лошадь и еще был на подхвате у деревенских женщин. Время от времени он даже ходил к мессе. Матушка Клер от души посмеялась рассказам Майкла о Пэтчуэе и высказала предположение, что тот, видимо, «дар Божий» в прямом смысле этого слова и надо позволить ему остаться. Последним и наиболее

значительным приобретением общины был Джеймс Тейпер Пейс.

Джеймс был младшим отпрыском старинного военного рода. Университеты свои он проходил на охоте, впоследствии прославился как бесподобный яхтсмен, во время войны успешно служил в гвардии. С детства он был воспитан в простой и сильной англиканской вере. Обычай, согласно которому вера в подобных семьях сохранялась как некий непременный атрибут помещичьего быта, тесно связанный с прочими ритуалами жизненного уклада, для Джеймса был не пустой формальностью. Он был исполнен глубокого, абсолютного смысла, и эта напряженная духовная жизнь в более зрелом возрасте без какого-то резкого перелома в судьбе или болезненного отречения от прежних занятий привела к тому, что он беззаветно отдался служению вере. Он занялся миссионерской деятельностью, но, многое повидав и набравшись опыта, решил все же, что призвание его дома, на родине. Он поселился в лондонском Ист-Энде [18], где возглавлял прекрасное благотворительное заведение и направлял деятельность нескольких юношеских

[18] Примечания: 18
Ист-Энд — рабочий, относительно бедный район Лондона.

клубов. Но вся эта великолепная затея рухнула, когда из-за переутомления здоровье его всерьез пошатнулось. Доктор рекомендовал, а епископ решительно настаивал, чтобы он перебрался в деревню, на свежий воздух; вскоре после этого налаженная служба информации оповестила настоятельницу о положении, в котором оказался Джеймс, и она пригласила его в Имбер.

Майклу Джеймс понравился сразу. Да и надо было сильно стараться, чтобы не полюбить его — такой это был светлый и добрый человек. Но Майкл уловил в себе, и не без смущения, некую родственную тягу к Джеймсу, нечто ностальгическое, рождающееся на духовном уровне, явно более низком, нежели тот, на котором он силился ныне жить, и подавляющее все остальное. Держался он с Джеймсом непринужденно, старался не льнуть, дабы его не заподозрили в угодливости. Джеймс был тронут расположением Майкла, но атавистической его подоплеки не разглядел, вел себя просто и открыто, так что все проблемы решились как-то сами собой. Появление Джеймса к тому же поставило перед Майклом, чего не было прежде, вопрос о лидере имберской общины. Едва только в Имбере объявился Джеймс, община разом обрела костяк. Прежде это было скопище

людей, над которыми он естественно возвышался в силу своего особого положения и, так сказать, номера появления на сцене. В Джеймсе Майкл немедля признал человека, который превосходит его самого почти во всех требуемых от пастыря качествах и был бы просто счастлив стать вторым — после такого первого. Джеймс же, сославшись на слабое здоровье, воспротивился тому, чтобы Майкл уступил ему пост негласного лидера общины, и его, как ни странно, поддержала настоятельница. Скрепя сердце Майкл смирился со своим назначением.

Того, кто надеется, оставив этот мир, восторжествовать над человеческими слабостями — и своими, и чужими, — обычно постигает разочарование. Майкл такими надеждами себя не тешил, но все же был огорчен тем, что так быстро оказался в положении человека, которому силой надо удерживать бразды правления весьма сложным коллективом. Майкл был убежден: хороший человек всегда не у власти. Этой точки зрения он держался твердо, хотя едва ли знал, что она подразумевает, и распространять ее на свои повседневные обязанности мог с большим трудом. Собственно говоря, в этом смысле он понимал свое призвание к священнослужению. Для

такого человека, как он, служение Богу должно предполагать утрату личности, как у безликого слуги, смирение и беспрекословное послушание. Идеалы эти прельщали, но все же были далеки и труднодоступны. Он мучился сознанием того, что один из лучших людей, которых он когда-либо встречал в жизни, был, как это ни парадоксально, и одним из самых могущественных — настоятельница. А чем отличаются проявления их власти, он понять не мог. Он чувствовал, что обречен на пребывание в том приделе, где власть — зло, где нельзя сбросить с себя ее путы. И удел его — бороться с самим собой, изо дня в день стараться быть безликим и справедливым, непрестанно ошибаться и подвергать сомнению каждый свой шаг. Впрочем, такова, быть может, его стезя — уж какая ни на есть… Правда, Майклу не давало покоя ощущение какой-то зыбкости, ущербности его положения. Все чаще и чаще возвращались к нему мысли о принятии сана.

Не то чтобы имберская община, пока что пребывавшая в зачаточном состоянии, доставляла одни только хлопоты. С виду все было мирно и спокойно. Но были некие болевые точки, которые Майкл ощущал постоянно и, как ему хотелось надеяться, без раздражения. Джеймс и Маргарет

Стрэффорд работали слишком много. Марк Стрэффорд — слишком мало.

Натянутость в отношениях Марка с женой, пусть и неафишируемая, сохранялась. Марк Стрэффорд, человек язвительный, нервный, всегда доставлял массу трудностей. Майкл, не согласный с Кантом в том, что человек не вправе требовать от другого благосклонности, словно причитающегося ему долга, чего только не делал, лишь бы проникнуться симпатией к Марку, но безуспешно. Досада вспыхивала в нем при одном только виде бородатого, подчеркнуто мужественного Марка. Джеймс Тейпер Пейс, сам того не ведая, сделался вторым полюсом власти, и Майкл подметил за обоими Стрэффордами склонность получать распоряжения от Джеймса, минуя его. Джеймс, уповая на то, что власть заменится узами братства — как и случилось бы в общине, собравшей людей, подобных ему, — на такие мелочи внимания не обращал. Но беспорядок при этом был неизбежен. Не улучшал положения дел и Питер Топглас своей слепой преданностью Майклу. Наметился раскол на две партии.

Майкл считал Джеймса довольно-таки бестолковым по части организационных тонкостей, но знал он и сколь различны они в духовном отно-

шении, что пока не бросалось в глаза. Джеймс был человеком более твердой веры и более ортодоксальных, суровых нравственных принципов. Майкл в себе таких качеств не находил и вообще-то сомневался в их необходимости, но Джеймс, человек неглупый, равно способный любить и судить окружающих, в лидере общины видел человека «с идеалами, но без принципов». Присутствие в общине Кэтрин, ее высокий духовный накал, скорый уход ее в монастырь были источником общего воодушевления и в то же время явным центром непонятной напряженности, и Майклу хотелось надеяться, что одним лишь благочестием объясняется его желание поскорее увидеть ее надежно укрытой «внутри». И наконец, оставалась еще одна тяжкая проблема, особенно для него, — это ее брат-близнец.

От размышлений Майкла оторвал звон к заутрене. После завтрака, он, как обычно, отправился в контору, чтобы проглядеть дневную корреспонденцию. Он любил эту утреннюю пору, когда мог наблюдать за тем, как крутятся колесики его маленького предприятия, и принимать разного рода решения для расширения огорода. И хотя по другим, быть может, высшим соображениям он был бы не прочь уступить свое место

Джеймсу, чисто деловую сторону своих обязанностей он вел исключительно толково и был тому несказанно рад. Проект расширения огорода он обдумывал любовно, детально, будто военную операцию, и был удивлен, обнаружив в себе после неудавшейся карьеры школьного учителя такие организаторские способности. Расписанное по минутам время, продуманное распределение труда, быстрые корректировки плана — все это было необходимо, чтобы от огорода, которым занималось малое число в большинстве своем неопытных людей, был прок; и Майкл обнаружил, что вновь испытывает такое же странное чувство удовлетворения, какое давали ему сходные занятия в армии, во время войны. Служил он — сначала командиром взвода, потом роты в батальоне полка местного округа — добросовестно и, к своему удивлению, с воодушевлением и некоторым успехом. Жаль только, не отправили его ни разу на континент. Военная служба с ее жесткими требованиями и идеалами точности и полной самоотдачи захватила его воображение, и на учениях он испытал почти мальчишескую радость, когда, устроив своим солдатам в ближайшей деревне хорошую ночевку, сам оставался в темноте у обочины, склонившись с карманным

фонариком над картой, а ночь проводил в спальном мешке, под шинелью, в кузове грузовика.

Когда Майкл прочел корреспонденцию, позвонил нескольким клиентам в Пенделкот и перекинулся парой слов с Марком Стрэффордом, который в конторе исполнял обязанности его секретаря и счетовода, было уже десять — время еженедельного собрания. Обдумывать повестку дня было уже некогда, и Майкл виновато начал искать в кармане клочок, на котором ее записал. Интересно, кто сегодня придет. Майкл всегда держался той точки зрения, что собрание — это прискорбная необходимость, оно должно быть кратким, деловым и приходить на него должны лишь члены общины. Джеймс же утверждал, что собрание должно быть открытым — для всех гостей, оказавшихся в Корте и пожелавших увидеть общину в действии. Майкл заметил, что не пристало — пусть и в благожелательном окружении — копаться на людях в грязном белье. Джеймс ответил, что у общины, похоже, не должно быть никакого «грязного белья», а коли уж заведется, то копаться в нем следует именно на людях. Майклу порой казалось, что Джеймс полагает, будто правдивость в том и состоит, чтобы говорить любому обо всем — независимо

от того, касается это их или нет и хотят они это знать или нет. В такой позиции была своя сила, и, обнаружив, что большинство против него, Майкл не стал обосновывать свои более сложные взгляды. В итоге пришли к компромиссному решению: гостям, которых в Корте бывало пока совсем мало, сообщать, что на собрание они могут прийти, но особо не зазывать.

Интересно, придет ли в голову Полу Гринфилду и его жене явиться на собрание, думал Майкл, выходя из конторы. Часть вопросов была весьма деликатного свойства, и он надеялся обсудить их в тесном кругу. Пол Гринфилд Майклу был вполне симпатичен. Он был года на два моложе. Майкл помнил его по Кембриджу, тогда, правда, он находил отвратительными его эстетство и снобизм; и когда прихоть случая привела Пола по следам рукописей в Имбер, Майкл этому не обрадовался и был бы не прочь, если бы для визита тот выбрал более подходящее время. Однако обнаружилось, что Пол изменился к лучшему, а может, и сам он стал не таким жестким пуританином, вернее всего, изменились они оба. Похоже, не менее приятно был удивлен и Пол, он явно порывался посвятить Майкла в свои семейные неурядицы. Но Майкл был слишком занят и с Полом оста-

вался наедине урывками, так что о состоянии его семейных дел у него были весьма смутные представления. Майкл был искренне рад, когда услышал неожиданную весть о скором приезде миссис Гринфилд, и поражен — ибо не придал значения описаниям Пола — ее внешностью. Он не мог взять в толк, а ему, признаться, хотелось это для себя уяснить, как Пола угораздило жениться на существе, столь мало походившем на светскую даму.

Майкл вошел в гостиную и с облегчением услышал, как Маргарет Стрэффорд извещает Питера о том, что Пол с Дорой отправились на прогулку. Она им предложила, как она выразилась, не слишком утомительный для миссис Гринфилд маршрут. Почему, любопытствовала она, эта молодая дама не привезла с собой ни одной пары крепкой обуви? Эти хорошенькие туфельки она тут сносит за считаные дни.

Майкл сел в кресло подле камина, которое по обычаю было председательским, и быстро окинул взглядом собравшихся. Ника нет. Каждую неделю надеялся Майкл, что Ник придет, но тот не появлялся. Все остальные в сборе. Майкл увидел Тоби, он топтался в дверях, не зная, куда притулиться. Майкл ему улыбнулся и указал на

стул. Лучше бы обойтись сегодня без Тоби; и в то же время, глядя в лицо этому мальчику, когда тот благоговейно, с улыбкой смотрел круглыми глазами на собеседника, он подумал: а может ли своим присутствием такой свидетель принести общине вред или создать напряженную атмосферу? Видно, есть все-таки что-то в теории Джеймса, утверждающего, что утаиванье неизбежно развращает. Он видел, как мальчик скользнул на стул, подобрал ноги. Отметил про себя его грацию.

— Все здесь, за обычным исключением, — оживленно сказал Джеймс.

Община расположилась перед Майклом полукругом, впереди — Джеймс, подле него — Стрэфорды. Питер и Пэтчуэй вместе с Тоби образовали второй ряд. Кэтрин вполоборота пристроилась на широком подоконнике и, скрестив руки на коленях, смотрела в окошко. Тонкая ситцевая юбка веером свесилась к полу. Сестра Урсула, которая всегда присутствовала на собраниях как официальный представитель монастыря, села у двери, выставив вперед тяжелые грубые башмаки, и с живейшим участием смотрела на Майкла. Он улыбнулся, неожиданно почувствовав себя среди своих легко и приятно.

— Я, как обычно, подготовил небольшой список, — начал он. Собрания обычно велись непринужденно. — Так, с чего бы нам начать?..

— С чего-нибудь приятного и легкого, — предложил Джеймс.

— Легкого у нас на этой неделе не предвидится, — сказал Майкл, — а вот парочка больных вопросов есть. Механический культиватор, к примеру…

Все, как один, вздохнули.

— Думаю, — сказал Питер, — едва ли нужно снова обсуждать эту проблему. Все же знают, кто что по этому поводу думает. Предлагаю просто поставить вопрос на голосование.

— Вообще-то я против голосования, — заметил Майкл, — но в данном случае без него не обойтись. Никто не хочет сказать что-нибудь перед голосованием?

Майкл давно уже вынашивал мысль о покупке механического культиватора — универсальной машины с небольшим мотором, которую можно приспособить и для того, чтобы копать, а меняя насадки, и для того, чтобы мотыжить, косить и опрыскивать. Приобретение такой машины, с которой легко мог сладить и человек без особых навыков, казалось ему очевидным для всех ша-

гом вперед. И он был изумлен, узнав, что Джеймс и Стрэффорды не приемлют этой идеи по довольно-таки странной, но небезосновательной причине. Они утверждали, что община, удалясь из мира, дабы следовать адамову ремеслу возделывания земли, должна пользоваться лишь простейшими орудиями, а потери от добровольного отказа от механизации возмещать истовым, праведным трудом. Подобные соображения казались Майклу романтическим вздором, о чем он так прямо и сказал. Ведь, если разобраться, они взяли на себя определенные обязательства и должны исполнять свою работу, во славу Господа, так, как то позволяют полезные открытия века. Ему возразили: все мы оставили мир, дабы жить жизнью, которую по обычным меркам едва лишь назовешь «естественной». И потому надо составить собственное представление о «естественности». Они же не концерн, извлекающий из общины прибыль, так почему же продуктивность должна быть первоочередной задачей? Важен сам характер труда, а не его результаты. И коли есть в уходе их из мира нечто символическое, поистине подвижническое, то под стать этому должен быть и труд. Лопата — в рамках допустимого. Плуг — куда ни шло. Но никаких этих

новомодных приспособлений для облегчения труда. «О господи! — воскликнул Майкл. — Да эдак мы скоро начнем одежду себе ткать!» — и этим смертельно обидел Маргарет Стрэффорд, чей заветный план создания в Имбере центра ручного труда включал и возрождение ткачества. Да, вопрос этот имел непростую подоплеку.

Майклу особенно неприятно было, что доводы эти исходят от Марка Стрэффорда, у которого всегда вдруг находились неотложные дела в конторе, едва только речь заходила о тяжелых земельных работах. И все же он признавал их вескими, основанными не на одних лишь романтических пристрастиях. От обычных норм жизни они отошли. К каким-либо четким традициям иной жизни не примкнули. Надо создавать свои собственные. Внутренний голос подсказывал Майклу, что прав он: разводить такой сумбур в методах труда — безмозглое эстетство. И все же ему трудно было ясно обосновать свою точку зрения, огорчало и то, как быстро он терял над собой контроль в разговоре на эту тему. Остальные, правда, тоже заводились с ходу, и к настоящему времени страсти накалились вовсю. Майкл понимал, что, не желая уступить и ставя вопрос на голосование, он пытается силой навязать свою

точку зрения на будущность общины. Ему казалось важным в самом корне пресечь подобного рода благоглупости, и все же роль свою в этом начинании он считал неприглядной.

После того как Майкл предложил высказываться, воцарилась тишина. По этому вопросу обе заинтересованные партии и так уже наговорили более чем достаточно. Джеймс отрицательно покачал головой и опустил глаза, всем своим видом показывая, что говорить больше ничего не будет.

Пэтчуэй полувопросительно-полуутвердительно процедил:

— Ну, к плугу-то это отношения не имеет.

Пэтчуэй был в числе тех, кто косо смотрел на культиватор, но по иной причине. Он считал культиватор забавой для дилетантов.

— Нет, конечно же, нет, — сказал Майкл. — Плуга культиватору не заменить. Он нам обязательно понадобится для тяжелой работы — к примеру, вспахать осенью еще кусок пастбища. — У общины была твердая договоренность с соседней фермой взять напрокат плуг.

Опять наступила тишина, и Майкл предложил голосовать. За культиватор были Майкл, Питер, Кэтрин, Пэтчуэй и сестра Урсула. Против

— Джеймс и Марк. Маргарет Стрэффорд воздержалась.

Стараясь не выдать голосом радости, Майкл сказал:

— Думаю, решение принято достаточным большинством, так что можно действовать. Надеюсь, мне дадут полномочия на покупку культиватора.

Эти полномочия подтвердил гул голосов. Майкл чувствовал, надо бы что-нибудь сказать, он ведь как-никак руководитель.

Тут высоким срывающимся голосом заговорила Маргарет Стрэффорд. Она всегда робела выступать, даже перед своими.

— Сейчас, может, и не время поднимать вопрос о гончарне. Просто хотелось бы не выпустить это из виду. А попозже я к этому вопросу вернусь.

Маргарет страстно хотелось, чтобы Простая Жизнь — раз уж механизация побеждает на сельскохозяйственном фронте — восторжествовала в других проявлениях.

— Благодарю вас, Маргарет, — сказал Майкл. — Вы же понимаете, со всеми этими проблемами ручного труда придется подождать, пока у нас не прибавится народу и не наладятся финансовые дела. Но мы непременно будем иметь это в виду.

Вот, само собой разговор пришел к следующему пункту повестки дня — вопросу о финансовой помощи. Марк, может, возьмете его на себя?

— Думается, и по этому вопросу все в курсе дела, — начал Марк. — Короче говоря, нам нужны средства. Мы еле сводили концы с концами и достаточно долго зависели от великодушия одного-двух человек. Так что теперь, когда община сложилась, вполне уместно обратиться с просьбой о денежной помощи к определенному кругу лиц, которые, как нам представляется, проявят заинтересованность. Единственное, что нужно обсудить, — это собственно текст обращения, список адресатов — или, лучше сказать, жертв — и дату отправки.

— Колокол! — подсказал Джеймс.

— Да-да, — подхватил Марк. — Ничего дурного в том не будет, если обращение мы увяжем с прибытием колокола и тем самым сделаем себе скромную рекламу.

— Надо бы создать комитет для разработки деталей, — предложил Майкл. В комитет вошли Марк, Джеймс и Майкл.

— А кстати, может, сейчас поговорить и о колоколе? — заметил Джеймс. — Его, похоже, скоро привезут. Как вы знаете, дорогие друзья,

монастырь со времени своего второго основания живет без колокола. И сейчас наконец, *Deo gratias*[19], должен его обрести. Колокол отлит и будет доставлен в этом месяце, где-то недельки через две. Настоятельница выразила пожелание — любезная наша сестра Урсула меня поправит, если я ошибусь, — чтобы событие это прошло тихо, без неуместной пышности. Но коли уж у нас особое, привилегированное положение мирских приверженцев монастыря, думаю, мы могли бы взять на себя устройство небольшого торжества по случаю прибытия в монастырь колокола. Да и скромная огласка, как я уже намекал, совсем бы не повредила, в том числе и по другим, более прозаическим соображениям.

— Тревожит меня эта огласка, — вздохнул Майкл. — Ведь общину в прессе запросто могут выставить в нелепом свете. Я бы следовал словам настоятельницы буквально. А что вы думаете по этому поводу, сестра Урсула?

— Думаю, скромное торжество не повредит, — сказала, улыбаясь Джеймсу, сестра Урсула. — Приедет епископ, едва ли ему понравится, если все будут стоять с великопостными минами.

---

[19] Примечания: 19
Слава богу (*лат.*).

— Гилберт Уайт [20] пишет, — заметил Питер, — что в Селборне, прежде чем ставить на звонницу новые колокола, перевернули вверх дном тройной колокол, залили доверху пуншем и вся округа несколько дней гудела.

— Селборн нам, похоже, не переплюнуть, — сказал Джеймс, — да и не нужно подражать — он все равно что тот в Фермопилах старикан, который был во всем профаном[21].

— Все ясно, — сказал Майкл. — Может, создать еще один комитет? А конкретный план действий обсудить через недельку. И, конечно, надо проконсультироваться у отца Боба относительно музыки.

— Кое-какие соображения у него уже есть, — сказал Джеймс, — вообще он согласен на что угодно, кроме «Выше колокол подъемли!».

В подкомитет по встрече колокола вошли Мар-

---

[20] Примечания: 20

Гилберт Уайт (1720–1793) — английский священник и натуралист, автор популярной книги «Естественная история и древности Селборна» (1789). В честь признания его вклада в историю изучения края в 1885 г. было основано Селборнское общество охраны птиц и животных.

[21] Примечания: 21

Строки из лимерика английского поэта Эдварда Лира (1812–1888):
Жил в Фермопилах старикан,
Во всех делах он был профан.
«Иль брось яйцо варить в туфле, — его предупредили, —
Иль навсегда забудь-прости про наши Фермопилы».

гарет Стрэффорд, Кэтрин и сестра Урсула. Отец Боб был кооптирован.

Майкл заглянул в свои записи. Белки и т. д. Сердце у него упало, и он уже совсем было поддался искушению оставить этот вопрос, как вдруг, помимо воли, заговорил:

— Следующий вопрос. Откладывать его, думаю, больше нельзя. Речь идет о стрельбе по белкам и голубям.

По лицам присутствующих пробежала тень, все опустили глаза. Проблема эта назрела давно и до сих пор была не решена. Сразу по приезде в Имбер Джеймс Тейпер Пейс извлек на свет свой дробовик и начал совершать регулярные обходы окрестностей, отстреливая голубей, ворон и белок. Он считал это нормальным деревенским занятием и более того — непременной частью фермерских обязанностей; действительно, трудно было отрицать, что голуби наносят ущерб урожаю. Вдохновленный примером, Пэтчуэй тоже принялся бродить с ружьецом по поместью, проявив исключительную склонность к истреблению зайцев, кои, как подозревалось, шли в основном на украшение деревенских столов. А когда появился Ник Фоли и привез с собой винтовку 22-го калибра, он разом присоединился к

этой забаве, ставшей, пожалуй, единственным делом в общине, которое вызывало в нем хоть какой-то проблеск воодушевления.

Майкл поразился, увидев ружье в руках Джеймса, а выйдя из шока, пришел к выводу, что надо положить этому конец, его лишь огорчало, что он снова не может найти убедительных доводов. Убивать животных — это же недостойно религиозной общины. Трое в общине — Кэтрин и Стрэфорды — были вегетарианцами из религиозных соображений, и разыгрывать перед ними изо дня в день сцены расправы с живыми существами, мягко говоря, дурной тон. Майкл знал, что особенно горюет по этому поводу Кэтрин — однажды он застал ее в слезах над мертвой белкой. Огнестрельное оружие вообще вызывало в ней какой-то особенный страх. Со временем терпение Майкла иссякло, и он, перестав либеральничать, запретил наконец в поместье стрельбу — до принятия общего решения. Он понимал, что его можно упрекнуть в непоследовательности. Он ратует за механический культиватор, ибо тот, естественно, увеличит продуктивность, и в то же время выступает против отстрела, хотя тот также способствует увеличению продуктивности. Но в данном случае он даже более уверен в собствен-

ной правоте, чем в споре о культиваторе.

— Я смотрю на это дело так, — сказал Джеймс. — Мы не можем позволить себе быть сентиментальными. Животных, которые наносят саду серьезный ущерб, надо отстреливать. Каких, когда и как — это надо обсудить. Но в конце концов, как недавно заметил сам Майкл, мы же всерьез занимаемся садоводством.

Никогда прежде Джеймс не позволял себе таких подковырок. Чтобы сгладить резкость тона, он, произнося эти слова, смотрел на Майкла с мягким укором.

— Лесной голубь за день сжирает свой собственный вес, — заметил Пэтчуэй.

— А я думаю, дело не в продуктивности, — вступил в разговор Питер Топглас. — С этим все ясно. Дело в ином — отстрел глубоко ранит чувства некоторых из нас.

Марк Стрэффорд тут же обернулся к Питеру и сказал:

— Коли уж брать в расчет чувства животных, кое-кто мог бы и заметить, что птица больше страдает, когда ее ловят и окольцовывают, чем когда в нее стреляют.

Спор был беспочвенным — Стрэффорд и сам был противником отстрела…

Майкл, уже не на шутку рассердившись, оборвал эти словопрения:

— Давайте-ка лучше думать о человеческих чувствах.

— Не могу взять в толк: что это одна сторона берет на себя все права на чувства, — съязвил Марк, — у нас с Джеймсом тоже были весьма сильные чувства по отношению к вашему культиватору.

Наступила неодобрительная тишина.

— Ну и ну, — сказал Джеймс, чтобы как-то отмежеваться от этой реплики.

Майкл уже вконец разозлился и сдерживаться больше не мог.

— Видимо, придется вновь отложить этот вопрос. Джеймс свою точку зрения высказал. Моя же такова: если кто-то из членов нашей общины в силу религиозных убеждений считает жизнь животных священной, мы должны — раз уж живем религиозной общиной — сделать эту точку зрения, хоть ее кое-кто и считает нелепой, обязательной для всех, пусть и в ущерб соображениям продуктивности. И еще скажу: я твердо уверен, что в общине вообще не должно быть огнестрельного оружия, и будь на то моя воля, я бы его конфисковал!

— Слушайте, слушайте! — звонким голосом воскликнула Кэтрин, впервые вступив в разговор.

После молчания, в течение которого у Майкла было время и оценить поддержку Кэтрин, и пожалеть о слове «конфисковать», Джеймс сказал:

— Не знаю, может, вы и правы. Надо бы еще разок обдумать это дело. Может, обсудить его через недельку-другую. А пока никакой стрельбы.

— Какие еще вопросы? — спросил Майкл. Он устал и был недоволен собой. Когда он позволил себе сорваться, он все глядел на Тоби. Интересно, что мальчик обо всем этом думает. Глупо все-таки со стороны Джеймса настаивать на том, чтобы приглашать на собрания посторонних.

— Мне бы хотелось напомнить всем, что в пятницу вечером состоится прослушивание пластинок Баха, — сказала Маргарет Стрэффорд. — Объявление я повесила, но, боюсь, не все обращают внимание на доску.

Поговорив еще о каких-то пустяках, собрание закончили. К Майклу подошел Джеймс и принялся его успокаивать. Он явно сожалел, что перечил Майклу. У Майкла не было сил продолжать разговор, он похлопал Джеймса по плечу и, как мог, убедил его, что не обижен. Краем глаза он видел Питера Топгласа, тот томился, поджи-

дая, когда освободится Майкл. Он, видно, сильно расстроился из-за нападок Марка Стрэффорда на кольцевание птиц. Он всегда болезненно реагировал на это. Майклу не терпелось остаться одному, он освободился от Джеймса, перебросился парой слов с Питером и вышел на балкон.

Погода была чудесная. Какая необъятная и безмятежная ширь… Майкл с облегчением устремил взгляд в этот простор. Небо ровно-голубое, слегка размытое по горизонту белым.

Пухленькие облачка рядком вытянулись над купами деревьев, скрывавшими от постороннего взгляда монастырь. Озеро искрилось мягким пока светом, о котором трудно было сказать определенно: светло-голубой он или жемчужно-серый. Легкий теплый бриз осторожно отгонял зной. Слева по дороге шли Пол и Дора Гринфилд — они возвращались с прогулки. Красное Дорино платье ярко пламенело на фоне травы. Они махнули кому-то рукой. Навстречу им двинулась стоявшая внизу с мужем на гравийной дорожке Маргарет Стрэффорд. Марк Стрэффорд, не поднимая головы, побрел в другую сторону — к конторе. Тут вдруг из-за спины у Майкла выскочил из гостиной Тоби, пролетел мимо него и в три прыжка одолел два лестничных марша. Он торопился

к переправе: сначала бежал, потом перешел на быстрый, неловкий шаг. Ему, наверно, неудобно было иметь праздный вид.

Майкл начал спускаться по лестнице. Ему не хотелось встречаться с Гринфилдами, они теперь стояли и разговаривали с миссис Марк. Он последовал за Тоби по тропинке к переправе. Мальчик бежал вприпрыжку, весело размахивая руками. На нем были темно-серые фланелевые брюки и рубашка с открытым воротом. Рукава рубашки, не стянутые узкими манжетами, задорно хлопали по запястьям. Майклу он казался грациозным бездумным животным, не ведающим ни самопознания, ни греха. Майкл прибавил шагу, надеясь до переправы нагнать Тоби, но, когда он был лишь на полпути к озеру, мальчик уже прыгнул в лодку и резко оттолкнулся от берега. Майкл замедлил шаг, ему не хотелось, чтобы Тоби думал, будто он горит желанием поговорить с ним, да в действительности такого желания и не было, он двинулся за мальчиком полуинстинктивно. Тоби тем временем развернулся лицом к дому и, энергично вращая веслом на корме, махал Майклу свободной рукой. Майкл помахал в ответ, спустился вниз и стал на деревянные мостки. Волочившийся за лодкой канат мягко покачивался

в воде прямо у ног Майкла, замирая у железного кольца. Сама же лодка резко ткнулась носом в противоположный берег, Тоби выскочил на землю, от резкого толчка лодка подалась назад и закачалась. Майкл выбрал канат из воды и без всякой цели начал тянуть его на себя.

Из гущи деревьев вынырнул человек и пошел по открытому лугу навстречу Тоби. Даже с такого расстояния ошибиться было нельзя — это был Ник Фоли. Он шел характерной размашистой походкой с видом бесцельной решимости, темную голову его при этом сильно заносило вперед. Майкл видел, что Ник с ружьем. За Ником из тени деревьев выбежал Мерфи и устремился к Тоби. Мальчик нагнулся, погладил прыгавшего вокруг него на задних лапках пса и пошел к его хозяину.

Ник уже поравнялся с Тоби, но вдруг посмотрел в сторону и увидел Майкла, который наблюдал за ними с противоположного берега. Заговорить было нельзя — слишком далеко, тут и крик-то не донесется. Издалека лицо Ника казалось размытым пятном. Какое-то время Майкл и Ник стояли и смотрели друг на друга через озеро. Потом Ник приподнял руку в неторопливом приветствии — почтительном и ироничном. Майкл выпустил

из рук канат и замахал в ответ. Но Ник уже отвернулся и уводил за собой Тоби. Лодка лениво застыла посреди озера.

Глава 7

Майкл знал Ника Фоли давно. Необычным было их знакомство, и обстоятельства его другим членам имберской общины известны не были. Майкл не разделял уверенности Джеймса в том, что *suppressio veri* равносильно *suggestio falsi*[22]. Впервые он встретил Ника лет четырнадцать назад, Ник тогда был четырнадцатилетним школьником, а Майкл — начинающим школьным учителем, в ту пору ему было двадцать пять лет и он надеялся получить сан священника. В свои двадцать пять Майкл уже понимал, что он, что называется, извращенец. Совратили его в школе, когда ему было четырнадцать, и за школьные годы он пережил два гомосексуальных романа, которые и по сию пору оставались в числе самых сильных потрясений в его жизни. По более зрелом размышлении он перешел к общепринятой точке зрения на такого рода отклонения. И когда поступил в университет, искал всяческой возможности сойтись с представительницами иного пола. Но обнаружил, что

---

[22] Примечания: 22
Сокрытие правды… утверждению лжи (*лат.*).

женщины его не волнуют, и на второй год студенческой жизни начал потихоньку скатываться в компанию тех, чьи наклонности не отличались от его собственных. То, что было привычным для этого круга, вскоре и ему вновь стало казаться дозволенным.

В течение всего этого времени Майкл — как и со времени первого причастия — не переставал быть страстным, хоть и не всегда последовательным, приверженцем англиканской церкви. Ему и в голову не приходило, что религиозные убеждения могут вступить в конфликт с его сексуальными наклонностями. Более того, каким-то непостижимым образом они питались одним, глубоко сокрытым источником, и, смутно догадываясь об этом, он намеренно закрывал на это глаза. Но к исходу студенческой жизни, когда помыслы о сане приняли более конкретные очертания, у Майкла будто пелена с глаз упала, и ему открылась вся зыбкость его положения. До этого он время от времени ходил к причастию. Теперь ему казалось невероятным, что он смел приблизиться к столу для причащающихся. Привязанностям своим он не изменил, но причащаться перестал и пребывал в смятении, отчаянно предаваясь пока тому, что теперь считал самым страшным своим

грехом. Даже укоренившаяся в нем тяга к религии, даже любовь к Богу казались ему в самой сути своей порочными. Немного погодя, правда, не без помощи священника, которому он открылся, здоровое начало в нем восторжествовало. Он распростился с тем, что ныне считал уже своим пороком, и вернулся к религиозным обрядам.

Переворот, на который он решился, проходил на удивленье безболезненно. Из Кембриджа он уезжал иным — обуздавшим свои страсти и, как ему представлялось, исцеленным. Далеко позади остались и дни безразличия, и дни покаяния. Прежние любовные истории теперь казались *etourderies*[23] юности. Майкл вступал в жизнь, сознавая, что наклонностей его уже не изменить, но он был твердо уверен, что потакать им ни за что не станет — не позволят те жесткие моральные принципы, которые он отныне исповедовал. Из духовного кризиса он вышел победителем. Теперь, преклоняя колени для молитвы, он не мучился чувством вины или страха, которые прежде душили его, лишали способности обратиться к Богу и превращали молитву в сумятицу душевных порывов. О себе он думал как-то отре-

[23] Примечания: 23
Безрассудствами (*фр.*).

шенно и без тревоги, уповая на то, что любовь к Богу пустила в нем корни более глубокие, нежели причуды его эгоистичного и непростительного греха, и потому грех этот непременно вытеснит. В будущее он смотрел с надеждой.

Окончив Кембридж, он год провел за границей, учительствовал в швейцарской школе, затем вернулся, получил в закрытой школе для мальчиков место преподавателя шестого класса. Работа пришлась ему по душе, спорилась, но минул год, и он твердо решил стать священником. Он переговорил кое с кем, в том числе и с епископом, и было решено, что год еще он проработает в школе, попутно изучая теологию, а потом поступит в духовную академию. Радости Майкла не было предела.

Присутствие в школе Ника Фоли было ощутимо для Майкла с самого приезда. Нику в ту пору было четырнадцать, и он был ребенком исключительной красоты. Умный, дерзкий мальчик, он был для сверстников средоточием любви и ненависти, заводилой и местной знаменитостью. Иссиня-черные вьющиеся волосы, будь они подлиннее, походили бы на шапочку гиацинта, но были всегда тщательно подстрижены и обрамляли его продолговатое лицо эффектно

небрежными завитками. Носик был слегка вздернут. Лицо у него было бледное, и поразительные глаза — темно-серые, с длинными ресницами, тяжелыми веками, которые всегда были прищурены, то ли для того, чтобы подчеркнуть длину ресниц, то ли для того, чтобы показать свою проницательность, хотя и в том и в другом сомневаться не приходилось. Красиво очерченный рот обычно был искривлен ироничной усмешкой или с угрожающим упрямством поджат. Он был мастером по части гримасничанья и из лица своего творил самые разные маски — тревожные, умильные, соблазнительные. В классе он обычно принимал сардоническое выражение лица да еще для пущей важности свешивал свои длинные руки через спинку парты. Учителя в нем души не чаяли. Майкл же, еще слепой к его достоинствам, считал его не очень далеким. Так было в первый год.

На второй год Майкл по прихоти расписания стал видеть Ника гораздо чаще. Он не мог не заметить, что мальчик проявляет к нему не просто интерес. Ник в классе теперь сидел, глядя на Майкла с откровенным, прямо-таки провокационным восхищением. Правда, если он его спрашивал, оказывалось, что за уроком

Ник всегда следит. Майкл сердился, он считал, что его разыгрывают. Потом мальчик изменил свое поведение: сидел на уроке, не поднимая глаз, со смущенным видом, путался в ответах. Лицо его стало более искренним и оттого более привлекательным. Майкл, к той поре уже заинтригованный, догадывался, что Ник, прежде притворявшийся на потеху одноклассникам, теперь, вероятно, по-настоящему страдает. Ему было жаль мальчика, он считал, что тот стал скромнее, вообще лучше, и пару раз виделся с ним наедине.

Майкл прекрасно отдавал себе отчет в том, что чары Ника толкают его на сомнительную дорожку. Он знал, что неравнодушен к этим чарам, но опасности не ощущал — столь крепка была его счастливая уверенность в будущем. К тому же прежде его увлекали только сверстники, и потому свою привязанность к Нику он считал хоть и специфической, но неопасной. В той радости, которую даровала ему близость этого юного создания, он не чувствовал ни греховности, ни предвестия беды, и даже когда обнаружил в себе прямо-таки физические проявления страсти, то не ужаснулся, а продолжал весело и беззаботно встречаться с Ником всюду, где их сводила

школьная текучка, поздравляя себя при этом с новым умением владеть собой и вести безмятежную духовную жизнь. В молитвах имя мальчика в числе других невольно слетало с его уст, и с щемящим чувством радости он открывал в себе неистощимые способности служить добру, которые требовали необычного воздаяния.

Случилось так, что спальня Майкла, служившая ему и кабинетом, располагалась в том крыле здания, где в основном помещались кабинеты администрации, и после пяти часов оно пустело. Дверь — Майкл обычно держал ее незапертой — выходила на пустырь, поросший невысокими деревцами и кустарником. В комнате он хранил и свои книги, так что мальчики порой забегали к нему — продолжить начатый в классе разговор или посоветоваться о реферате. Пару раз и Ник провожал его после урока, если не успевал довести до конца какую-то мысль или получить ответ на вопрос, и топтался в дверях, пока не надо было бежать на следующее занятие. Позднее он стал пользоваться менее ограниченными правами старшеклассника и в свободное от уроков время мог бродить, где ему вздумается. Как-то вечером, в самом начале осеннего семестра, около семи, когда Майкл работал у себя в комнате, в дверь

постучали, он отворил и увидел Ника. Это был первый случай, когда мальчик явился без приглашения. Он спросил какую-то книгу и тотчас исчез, но задним числом Майкл пришел к выводу, что им обоим трудно было тогда скрыть свои чувства, и уже в ту минуту им стало ясно, что неминуемо произойдет. Ник пришел снова, на сей раз после ужина. Он вернул книгу, они поговорили о ней минут десять. Он взял другую. Стало обычным, что он может заглянуть где-то после ужина. В крохотной комнатке Майкла мурлыкала газовая плитка, за окном сгущались октябрьские вечера. Сумерки были долгими, зажигали настольную лампу…

Майкл знал, что делает. Знал, что играет с огнем. Хоть ему и казалось, что он сумеет устоять. Внешне все выглядело так невинно, что опасности, казалось, никакой и нет. Ну, протянется это до середины семестра. Ну, до конца. А в следующем семестре расписание переменится, и Майкла могут перевести в другую комнату. Каждая встреча была чем-то вроде прощания, да и вообще ничего не происходило. Мальчик заглядывал ненадолго, они говорили о школьных делах, обсуждали его учебу. Он прилежно прочитывал книги, которые давал ему Майкл, и это явно шло ему на пользу.

Подолгу он никогда не засиживался.

Как-то вечером, когда к нему пришел Ник, Майкл не стал зажигать света, в комнате сгустились сумерки, стало темнеть. Они разговаривали, пока меркнул свет, и не заметили, как начали говорить в темноте. И так было хорошо, что Майкл не смел протянуть руки к лампе. Он сидел в низком кресле, мальчик разлегся на полу у его ног. Ник, задержавшись позже обычного, потянулся, зевнул и заметил, что пора бы ему и уходить. Он сел, высказал несколько соображений о споре, который велся у них в классе. И пока говорил все это, положил руку Майклу на колено. Майкл не шелохнулся. Он ответил на вопрос, Ник отвел руку, поднялся и вскоре ушел.

После ухода Ника Майкл еще долго сидел в темноте. В этот момент он уже точно знал, что пропал: прикосновение руки Ника доставило ему радость столь сильную и, как ему бы хотелось сказать, столь чистую, не будь это слово здесь так неуместно. Переживание это было таким острым, что, вспоминая о нем даже много лет спустя, он не мог сдержать дрожи и вновь, несмотря ни на что, ощущал то беспредельное наслаждение. А тогда, закрыв глаза и безвольно обмякнув, он лишь понимал, что не в силах устоять перед

столь сильным соблазном. Что ему делать, во что все это выльется — об этом он не задумывался. Пелена чувств, которую он и не тщился рассеять, заволакивала от его сознания рубеж, который он переходил — ибо для себя он уже решил, что перешел его, дозволив Нику эту вольность, не одернув его, не спихнув с колена его руки. Он знал, что пропал, и, делая это заключение, знал, что пропал-то уже давно. Из одной крайности он впадал в другую — как обычно делают те, кто уступают соблазну, — и мгновенно из стадии, когда бороться слишком рано, перешел в ту, когда бороться уже слишком поздно.

Ник пришел на следующий день. Оба они до той поры предавались мечтаниям. Они зашли слишком далеко. Майкл не поднялся с кресла. Ник стал перед ним на колени. Они твердо, без улыбки, смотрели друг другу в глаза. Затем Ник протянул к нему руки. Майкл порывисто схватил их, на мгновение притянув к себе мальчика. Дрожи он скрыть не мог.

Прикованные к Майклу глаза бледного, торжественно настроенного Ника лучились желанием умолять и властвовать. Майкл понял его и откинулся назад. Ощущение было такое, будто прошло много времени. Ник расслабленно лежал на полу,

на лице его блуждала бесконтрольная улыбка. Маска исчезла, сгорев в пламени сильного порыва. Майкл тоже улыбался, дивясь умиротворенности как некоему великому достижению. Они заговорили.

Разговор влюбленных, только что объяснившихся в любви, — один из сладостнейших восторгов жизни. Каждый стремится превзойти другого в покорности, в восхищении тем, что так дорог другому. Минувшее перебирается в памяти от самых первых знаков внимания, и каждый спешит доказать, что все его существо проникнуто благоговейным трепетом от первого же прикосновения. Так говорили и Майкл с Ником, и Майкл не уставал восхищаться и деликатностью мальчика, который умудрялся брать инициативу и в то же время извлекать из своего положения ученика Майкла всю прелесть, которой были проникнуты в этой изменившейся ситуации их отношения. Они говорили о своих стремлениях и разочарованиях, о семье и детстве. Ник рассказал о сестре-близнеце, которую, как он клялся, любил с байронической страстью. Майкл рассказывал о родителях, которых давно не было в живых, об угрюмом отце, умной элегантной матери, о жизни в Кембридже и — с откровенно-

стью и беспокойными угрызениями совести, что впоследствии удивляло его, — о своей заветной мечте стать — в отдаленном будущем, как теперь он выразился, — священником.

Спустя неделю казалось, что страсть их вечна; ничего еще не произошло, они лишь держались за руки и обменивались робкими ласками. Для Майкла это была пора полного и бездумного счастья. Его странным образом успокаивало сознание того, что семестр близится к концу. Такое очарование не может длиться долго, и он даже не помышлял о том, чтобы как-то прервать его, жил одним лишь мигом восторга. Он и хотел бы уложить Ника к себе в постель, но не мог — мешали отчасти угрызения совести, а отчасти понимание того, что сейчас отношения их предельно совершенны и предвкушение того, что ожидает их впереди, — часть этого совершенства. Майкл в ту пору неохотно и редко задумывался над тем, что делает. Он перестал ходить к причастию. Он испытывал, как это ни странно, не столько чувство вины, сколько твердую решимость быть рядом с любимым человеком и быть рядом с ним перед Богом, соглашаясь на любую цену, какой бы та ни была, лишь бы искупала его любовь. Об отречении, отказе от нее не могло быть и речи.

Мало-помалу он начал размышлять над тем, что прежде лишь чувствовал, — вера его и страсть имеют один источник, а стало быть, вера его замарана скверной порока. Но теперь ему казалось возможным поменять местами причину и следствие: почему бы страстям его не очиститься от скверны благодаря вере? Он не мог смириться с тем, что в той безграничной любви, которую он питал к Нику, есть некое изначальное зло — любовь эта была столь сильной, столь всеобъемлющей и исходила из таких сокровенных глубин, что казалась средоточием добра и света. В воображении Майкла мелькали смутные видения: он становится духовным наставником мальчика, страсть его постепенно перерастает в возвышенную, менее эгоистичную привязанность. Он будет наблюдать за возмужанием Ника, будет ему опорой во всяком начинании и проявит никогда дотоле не виданное самоотречение, которое станет высшим проявлением любви. Любовь его к Нику перерастет в отеческую, и уже сейчас с тактом и изобретательностью, исключавшими из их отношений малейший намек на грубость, мальчик справлялся с обеими ролями. Поразмыслив немного, Майкл почувствовал некоторое облегчение, будто эти дерзкие мысли каким-то

образом давали надежду на воскрешение невинности. Он потихоньку, очень осторожно, вернулся к помыслам о священстве. В конце концов, не так уж это невозможно. Все может обернуться к лучшему. Он непрестанно молился все это время и ощущал, что при всей противоречивости его состояния вера в нем крепнет. Он испытывал никогда дотоле не ведомое, полное счастье.

Чем окончилась бы эта идиллия, будь она вверена в руки Майкла, узнать ему было не дано. Бразды оказались неожиданно вырваны из его рук. За три недели любовь их с Ником выросла с удивительной быстротой, будто дерево в сказке, и ему казалось, что открытий, к которым в обычной любви идут целые годы, им хватает на несколько дней. Может, это-то их и сгубило. Кто скажет… Майкл чувствовал, будто знает Ника всю свою жизнь. Вероятно, и Ник испытывал то же самое и утомился, как за полувековое знакомство. Или, быть может, слишком неистовая любовь Майкла каким-то образом досаждала ему. Или была и какая-то иная, сокрытая причина, более похвальная для мальчика. Поговорить об этом им было не суждено.

К концу семестра в школу приехал проповедник. Это был нонконформист, принимавший

участие в кампании по воскрешению религии, которую вели все церкви; перед мальчиками уже выступали приверженцы других религиозных течений. Проповедник был эмоциональным, блестящим оратором. Майкл отсидел два его выступления, не вникая в их суть, и думал об объятиях Ника. У Ника же, по-видимому, настрой был иным. На следующий день в назначенный час он не появился у Майкла. Вместо этого он отправился к директору школы и все ему рассказал.

Не дождавшись Ника, Майкл забеспокоился. Ждал он долго, потом оставил записку и отправился на поиски. К той поре от ужаса, нараставшего в его душе, он впал в ярость. Он все еще искал мальчика, когда его срочно вызвали к директору. С Ником он *tete-a-tete*[24] больше не виделся. Откровенное предательство того, что для него было свято, так потрясло его, что лишь гораздо позднее Майкл удосужился подумать, каким крахом оно для него обернется. Потом, перебирая в памяти сказанное директором, он понял, что Ник в превратном свете представил все, что случилось. Мальчик ухитрился изложить

---

[24] Примечания: 24
С глазу на глаз *(фр.).*

все так, будто дело зашло куда дальше, нежели на самом деле, и якобы намекнул, что поневоле был втянут Майклом в действия, сути которых не понимал, но которым тем не менее всей душой противился. Со слов Ника у директора создалось впечатление, что речь идет о гнусном совращении, да и только.

Семестр был на исходе. Без всякого шума Майкл немедля покинул школу. Тщательно составленное директором письмо к епископу разом перечеркнуло его мечты о сане. Он отправился в Лондон, устроился пока репетитором при университете. Времени для размышлений у него теперь было более чем достаточно. И если удача и счастье не давали хода чувству вины, то в дни душевного ненастья и уныния оно вернулось: Майкл начал склоняться к мысли, что сложившееся у директора представление не столь уж далеко от истины. Он повинен в худшем из грехов — совращении малолетнего, грехе столь тяжком, что сам Христос сказал, лучше повесить мельничный жернов на шею этого человека и потопить его во глубине морской [25]. Майклу и в голову тогда не приходило, что Ник должен разделить

[25] Примечания: 25
Евангелие от Матфея, 18:6.

его вину, он жаждал взять всю вину на себя, и будь она большей — принял бы и ее.

Потом же, когда он смог наконец окинуть мысленным взором происшедшее с высоты прожитых лет, более отрешенно, он стал доискиваться до мотивов, которые побудили Ника исповедоваться, причем исповедоваться, исказив истину. Он пришел к заключению, что к исповеди мальчика толкнули искренние религиозные побуждения, в которые вкралась и некая затаенная обида на Майкла, и представил он все в таком искаженном виде из-за обиды, а отчасти — что более объяснимо, — чтобы сгустить краски до предела, коль уж все происшедшее так безнадежно дурно. Так невольно поступает всякий кающийся — Майкл знал это и ясно представлял себе, как Ник превращает их любовь в мрачную повесть о совращении, не держа при этом зла против Майкла. Впрочем, уверенности в этом у него не было.

Шли годы. Майкл получил работу в отделе образования Лондонского окружного совета. Затем вернулся к преподаванию в школе. Без видимых усилий он избегал любовных историй, хотя наклонности порой и давали о себе знать. После того как переживания и отчаяние, в которые

повергла его та история, ушли в прошлое — а на это потребовалось немало времени, — он вновь сосредоточился на поиске того, что ускользало от него, — своего места в жизни, цели, во имя которой создал его Господь. На горизонте вновь маячила надежда принять сан, но он старался не думать об этом. Порой ему казалось, что катастрофа, которой окончилась первая его попытка стать священником, была ниспослана свыше, дабы смирить его, истинный же жребий его впереди. Он учительствовал спокойно, но без всякого душевного удовлетворения. И тут его вызвали в Имбер, он встретился с настоятельницей — и восторженное чувство новой жизни, появления наконец-то достойной стези нахлынуло на него.

Вскоре после первого своего посещения Имбера, когда идея общины еще только витала в воздухе, Майкл, зайдя в Лондоне к друзьям настоятельницы, увидел вдруг голову Ника, приставленную к туловищу Кэтрин. Встреча была столь неожиданной, сходство столь разительным, что Майкл утратил дар речи, рухнул на стул и сказался больным. Он выпустил Ника из виду за те годы, что последовали за их разрывом, но слухи о нем стороной доходили: он преподавал на математическом факультете

в Оксфорде, подавал блестящие надежды, но получать ученую степень не захотел, работал в аэродинамической исследовательской группе, но вскоре, получив наследство, ушел и вступил в долю синдиката «Ллойд». Его частенько видели в Сити, как доводилось слышать Майклу от его немногочисленных знакомых в деловом мире, в компании биржевых маклеров самой сомнительной репутации. Имя его порой мелькало в газетных сплетнях рядом с женскими именами. Поговаривали, будто он пристрастился к спиртному. А однажды краем уха Майкл услышал, что Ник якобы гомосексуалист.

Майкл внимал этим сообщениям с интересом, но подробностей не расспрашивал. Он затаивал их в глубине души, где по-прежнему хранил и лелеял привычный образ, вверяя былую страсть, которая своей безмерностью заставила его считать ее высокой и чистой, Любви всеобъемлющей и преображающей. Но это было в самой глубине души, где мысли Майкла были труднообъяснимы. На более поверхностном уровне он тихонько подогревал в себе обиду на Ника за то, что тот так сильно навредил ему в жизни, — и по здравом рассуждении решил, что он, может, отчасти и виновен, но отнюдь не целиком, в том, что Ник

свернул с пути истинного. Мальчик был явно неуравновешенный, с неустойчивой психикой, это было ясно Майклу еще до того, как он в него влюбился. Вины своей преуменьшать он не хотел, но чувствовал, что дай он себе волю и пустись в дальнейшие рассуждения — недалеко и до самоотпущения грехов. Эту главу своей жизни он считал оконченной.

Встреча с Кэтрин потрясла его. Ему не нужно было объяснять, что эта молодая красивая женщина, сероглазая, темноволосая, чью узкую ладонь он безвольно держал в этот миг в своей руке, — мисс Фоли. Знает ли она о нем, думал он, и что именно, и смотрит ли на него враждебно, с эдаким презрением — еще бы, зловещая фигура учителя, изгнанного из школы за совращение ее брата. Презрение в этом кротком уклончивом взоре прочесть было трудно, и Майкл быстро решил, что, коль уж отношения Ника с сестрой и впрямь были такими, как он говорил, а его заверения походили на правду, может, хоть ей он рассказал, как все было на самом деле. А может, она не помнит его имени. Но неподдельное смущение и подчеркнутая доброжелательность, с которыми она держалась во время их первой встречи, убедили Майкла, что Кэтрин прекрасно

знает, кто он.

Можно было предположить, что Природа, простым сложением отнявшая у него Ника, теперь вычитанием как бы предлагала ему Кэтрин; но мысль эта мелькнула у Майкла вскользь, будто не имела к нему никакого отношения. В первую же встречу с Кэтрин он узнал, что она собирается уйти в монастырь. И все же удивительно было, что она совершенно не стремилась произвести на него впечатление. Она ему понравилась, его трогала ее манера держаться, в которой сквозила мольба оставить ее в покое; но в женской оболочке высокий бледный лоб и томные глаза ни на йоту не волновали его. Удивительно, право, как Господь умудрился создать из одной субстанции два существа, сделать их похожими как две капли воды и при этом абсолютно разными. Когда голова Кэтрин была неподвижна, она так походила на голову Ника — только чуть миниатюрней и изящней. Но выражение лица, улыбка давали той же плоти совершенно иную жизнь; и, когда она клонила подбородок к груди, а Кэтрин частенько опускала очи долу, Майкл ощущал себя жертвой какого-то чудовищного колдовского обмана. Она казалась ему, как и все прочие женщины, непривлекательной и бесстыжей — в данном

случае главным образом потому, что коварно напоминала ему о Нике.

Знакомившие их люди, явно не подозревавшие о подоплеке событий, принялись объяснять, не без помощи Кэтрин, что она вскоре уйдет в монастырь, а до пострига надеется пожить немного в имберской общине. Эту идею подала настоятельница, она обещала написать Майклу — он должен бы уже получить ее письмо. Майкл ответил, что был в отъезде, посему не видел корреспонденции и письмо от настоятельницы наверняка ждет его дома. Он не сомневается, что все так и будет — во всяком случае, желание настоятельницы для него закон. Мисс Фоли собралась уходить. Майкл смотрел на нее, пока она стояла в дверях и прощалась с хозяевами, на длинный элегантный зонтик-тросточку, на безупречно сшитый изысканный серый костюм, на густые, напоминающие шапочку гиацинта волосы, стянутые в строгий пучок под маленькой изящной шляпкой, и думал: что она за человек и какая странная прихоть судьбы сводит их вместе и рано или поздно — в этом он ни минуты не сомневался — вновь сведет его с Ником.

Случилось это даже раньше, чем он предполагал. Письмо настоятельницы действительно

ожидало его дома: она направляет ему Кэтрин, это «особо избранное дитя», человека незаурядной духовной одаренности. Она надеется, что он примет ее на время в новую общину. По тону письма Майкл почувствовал, что настоятельница все-таки знает о Нике. Кэтрин наверняка ей все рассказала. Да и трудно себе представить, что, столкнувшись с такой личностью, как настоятельница, это бледное кроткое создание способно было что-то утаить. К тому же тяга к исповеди в крови у этой семьи.

Кэтрин появилась в Имбере в положенное время — в первые же дни существования общины, когда в пустом громадном доме жили лишь Майкл, Питер да Стрэффорды. Тихо, почти не раскрывая рта на первых порах, она взяла на себя львиную долю дел в маленькой общине. Она работала, пока не валилась с ног, и Майкл вынужден был сдерживать ее. В деревне она явно изменилась. В ее одежде не было и намека на былую элегантность. Она носила старые мешковатые платья, иссиня-черные волосы небрежно завязывала в хвост или просто зачесывала назад. Похоже, она решила про себя, что надо обезличиться, сделаться маленькой и незаметной и в то же время предельно занятой и вездесущей. Май-

клу в ту пору она казалась довольно странной особой, неуравновешенной, склонной к эксцессам, но вскоре — как это было и с ее братом — он начал забывать, что думал о ней такое. Она все больше нравилась ему, он уважал ее целеустремленность и изредка позволял себе всматриваться в ее лицо, ища в нем черты лица иного, и время от времени ощущал на себе пристальный взгляд ее холодных глаз.

Объявился Пэтчуэй, приехал Джеймс. Община мало-помалу начала принимать какие-то очертания. Вскопали огород, торжественно посеяли первые семена. И тут Кэтрин заговорила с Майклом о брате. Ни тогда, ни потом она не напоминала о прошлом, просто само собой разумелось, что Майкл с Ником знакомы. Брат ее серьезно беспокоит, сказала она. Ник, похоже, живет беспутной жизнью — в подробности Кэтрин не вдавалась — и, хоть и понимает это, сделать с собой ничего не может. Он очень несчастен, грозится покончить с собой. Нужно на него повлиять, причем каким-нибудь решительным, нетрадиционным способом. Если пригласить его в Имбер, полагала Кэтрин, он не откажется. Ему наверняка найдется работа. Пусть он побудет здесь совсем недолго, и то это пойдет ему на пользу, хотя бы здоровье

поправит, а там кто знает — глядишь, молитвы и близость великого оплота духовной жизни по ту сторону озера подействуют… Кэтрин умоляла его, и вид у нее был такой, будто она смертельно боится отказа, от волнения она побледнела и очень напоминала брата.

Просьбой этой Майкл был крайне напуган. С первой же встречи с Кэтрин он в глубине души не без грустного умиления предчувствовал, что в один прекрасный день свидится с Ником — как-нибудь непринужденно, может, у знакомых в Лондоне. Они обменяются смущенными улыбками и вновь расстанутся на много лет. Но чтобы мальчик был здесь — он все еще думал о Нике как о мальчике, — здесь, в Имбере, святом для него месте, и в святой час его жизни — это никоим образом не входило ни в планы Майкла, ни в его желания. Он был поглощен становлением своего детища — общины. Временами он почти забывал, кто такая Кэтрин, что отчасти было и ее заслугой. Ее предложение выбило его из колеи, оно было не ко времени, и первую его реакцию можно, пожалуй, было назвать циничной. Ник пребывал в состоянии — каким оно виделось Майклу, — когда близость обители могла как спровоцировать новые бесчинства, так и даро-

вать исцеление. Духовная сила действительно походит на электричество, она так же опасна. Она может вершить чудеса добра, но и нести разрушение. Майкл опасался, что в Имбере Ник навредит остальным, но собственного печального положения не исправит. Наконец, он попросту не желал видеть Ника в Имбере.

Но ничего этого Кэтрин он говорить не стал, а лишь заметил, что обдумает это предложение, посоветуется с настоятельницей и другими членами общины. Кэтрин же сообщила, что она уже обговорила все с настоятельницей, и та полностью одобряет этот план. Майкл был изумлен, прямиком отправился в монастырь, но на сей раз высокочтимая леди по каким-то соображениям не удостоила его аудиенции. Пусть он ей напишет, было ему сказано, а она напишет в ответ. Совершенно сбитый с толку, Майкл набросал несколько писем, порвал их и наконец передал коротенькую записку, предполагавшую, что настоятельница в курсе дела, и испрашивавшую ее решения. Она ответила с типично женской неопределенностью, взбесившей Майкла, — план она в целом одобряет, но вообще-то он должен знать, что, каким бы ни виделось ей претворение этого плана в жизнь, окончательное решение она

оставляет за ним, ибо полагается на его мудрость. Майкл места себе не находил, потом призвал на совет Джеймса. Джеймсу, никогда не отличавшемуся любопытством или подозрительностью и, похоже, всегда принимавшему все за чистую монету, он, не вдаваясь в подробности, объяснил, что знавал Ника Фоли, когда тот еще учился в школе, потом выпустил его из виду. И, как мог, рассказал о его характере и его судьбе. Каково на сей счет мнение Джеймса?

С горячностью, от которой у Майкла сразу отлегло от сердца, Джеймс заявил, что считает эту затею на редкость глупой. У них сейчас нет места для такого рода «постояльцев». И нет времени его пестовать. Они, конечно, могли бы помочь бедняжке Кэтрин пристроить своего непутевого братца (за которым, как помнилось Джеймсу, тянется парочка грязных слушков) в каком-нибудь ином месте, где не стали бы потворствовать его дурным задаткам, но здесь — Боже сохрани! Джеймс поразился, услышав, что настоятельница пусть и с некоторыми оговорками, но все же одобряет этот план, и призвал Майкла твердо стоять на своем. В конце концов, он, а не она — и она сама это признает, — владеет ситуацией в общине. Джеймс не считал слово настоятельницы

последним, и это было еще одним доказательством его более основательной и отнюдь не слепой веры. Майкл обещал стоять на своем и отправился спать, чувствуя себя куда увереннее. Ему снился Ник.

На следующий день все выглядело в ином свете. Едва только Майкл открыл глаза, он уже знал абсолютно точно: не может он пойти к Кэтрин и сказать, что не примет ее брата. А ну как через месяц или год Ник и впрямь совершит что-нибудь противозаконное, а ну как попадет в настоящую беду (что не так уж маловероятно, если принять во внимание кое-какие обстоятельства, которые Майкл добавил от себя к рассказу Кэтрин) или покончит с собой — как тогда будет себя чувствовать Майкл? Не может он отвергнуть эту мольбу о помощи, особенно из-за прошлого. Долго, истово молился он, дабы исполнился его замысел. Он начал увереннее, с зарождающейся странной радостью переосмысливать минувшее, которое постепенно превращалось в образец добра. Ника возвращают ему наверняка не случайно. Предполагать, что он сам должен стать орудием спасения мальчика, он не смел, но уповал на то, что ему судьбой назначено быть смиренной служкой в свершении великого таинства, коли

таковое состоится. В этой истории с Ником он должен совершить вторую попытку. Нельзя допустить, чтобы он отказался от такой попытки. И как созвучно все это уходу Кэтрин из мира. Существо столь возвышенное, каким она ему виделась в теперешнем его экзальтированном состоянии, конечно же, может содействовать спасению брата — а в какой-то степени и его собственному — и каким-то чудом может искупить прошлое.

Сей душевный подъем длился недолго, но рожденный им порыв надежды Майкла не оставил, и теперь он был так же тверд в намерении позвать Ника в Имбер, как прежде — не звать его. Довольно искусно прикрываясь авторитетом настоятельницы, он вскоре склонил на свою сторону всех членов общины, один только Джеймс по-прежнему был настроен скептически. Кэтрин попросили написать брату. Сделать это самому Майклу оказалось не под силу. Она немедленно получила ответ, гласивший, что Ник выезжает.

И вот ранним августовским утром Майкл с дрожью в коленях отправился встречать Ника Фоли. Расставался он с мальчиком, а встречать придется мужчину. Но, как это бывает в подобных случаях, минувших лет будто и не было, и, пока Майкл ехал на станцию, перед глазами у него стоял

Ник в их последнюю встречу — словно это было вчера — белый как мел, избегающий его взгляда. Кэтрин, в прошедший уикенд навещавшая брата в Лондоне, встречать Ника не поехала, тактично сославшись на неотложные дела. Больше Ник никого особо не интересовал, все были захвачены огородом, где поспевал первый урожай. Так что Майкл, удивленный, что взволнованность его, видимо, осталась незамеченной, улизнул потихоньку и теперь стоял, задолго до прихода поезда, на платформе и нервно поправлял воротничок. Только усилием воли он заставил себя пройти мимо зеркала в зале ожидания. С удивлением он отметил про себя, что впервые за много лет его волнует, как он выглядит.

К той поре, когда подошел поезд, Майкл от волнения едва держался на ногах. С поезда сошли несколько женщин, а из хвостового вагона — мужчина с винтовкой и дробовиком, при нем была собака. Конечно же, это был Ник. Казалось, он был далеко и в то же время совсем близко — как во сне. Майкл двинулся к нему. О собаке он совсем забыл, хотя Кэтрин о ней предупреждала, и почувствовал раздражение от присутствия постороннего. Ник, не глядя на перрон, наклонился и гладил собаку. Он распрямился только

тогда, когда Майкл подошел к нему вплотную, нервная улыбка невольно заиграла на лицах обоих. Майкл подумал: удержится ли он, чтобы не обнять Ника? Но оказалось, все очень просто. Они пожали друг другу руки, обменялись ничего не значащими фразами, но чувств своих скрыть не могли. Собака послужила прекрасным поводом для разговора. Майкл взял у Ника большой чемодан, тот с каким-то рассеянным видом отдал его и остался с ружьями на плечах. Они направились к машине. Обратно в Имбер Майкл ехал в состоянии, близком к опьянению. Позднее он не в силах был сколько-нибудь отчетливо восстановить в памяти ту поездку. Разговор их был не столько тягостный, сколько бредовый. Они говорили без умолку, какие-то пустые слова, часто начинали говорить разом. Майкл нес что-то несусветное о собаках. Ник задавал банальные вопросы о деревне. Несколько раз он дважды спросил об одном и том же. Машина въехала на гравийную дорожку перед домом.

Кэтрин поджидала их. Брат с сестрой молча и нарочито равнодушно поздоровались. Засуетилась Маргарет Стрэффорд. Ника повели в дом. Майкл вернулся в контору. Оставшись один, он сел, положил голову на бюро и понял, что его

трясет. Он не знал, радоваться ему или огорчаться. На первый взгляд казалось, что Ник страшно изменился. Когда-то бледное его лицо побагровело и стало одутловатым, волосы, оставляя на лбу большие залысины, буйными кудрями ниспадали на плечи и вид имели не глянцевый, а сальный. Тяжелые веки набрякли, взгляд стал отсутствующим и не таким могущественным. Это был интересный мужчина, но грузный, кричаще красивый, если не сказать вульгарный.

Майкл быстро взял себя в руки и вернулся к работе. В целом встреча расстроила его не так сильно, как он предполагал, он почувствовал скорее облегчение, а не наоборот, оттого, что в Нике не осталось былого очарования недоступного бледного мальчика, которое дремало в чертах его сестры. Майкл уже решил для себя, что будет как можно меньше видеть Ника во время его пребывания в Имбере; он не думал, что теперь, когда первое потрясение позади, делать это будет так трудно. Ника, по его собственному твердому настоянию, поместили не в общем доме. Майклу не хотелось оставлять его в сторожке одного, но подыскать соседа оказалось не так-то просто. Кэтрин молчала, Пэтчуэй, когда ему предложили, отказался, Стрэффордов поселить там было

нельзя, поскольку вторая комната наверху была крохотной. Питера Майкл не просил из чисто эгоистических соображений (тот ничего не знал об этой истории), а Джеймс сразу же невзлюбил новенького. Так что в течение трех недель, до приезда Тоби Гэша, Ник был предоставлен в сторожке самому себе.

Особые надежды в Имбере Майкл возлагал не только на Кэтрин, но и на Джеймса, именно он сумел бы помочь Нику. Но отношение Джеймса к Нику не оставляло никаких надежд. Во всем, что касалось Ника, Джеймс был непрошибаем.

— Сдается мне, что он «голубой», — заявил он Майклу вскоре после приезда Ника. — Не хотелось прежде говорить об этом, но в Лондоне такое про него слыхал. Поверьте мне, с ними хлопот не оберешься. Нагляделся я на подобных типов. Есть в них что-то разрушительное, зуб, что ли, на общество. Конечно, от человека с таким именем чего и ждать-то...[26] И все же надо быть настороже. Кто бы мог поверить! Эдакое чудище — и брат-близнец нашей Кэтрин!

Майкл поспорил для виду, а про себя подумал: как бы заговорил Джеймс, знай он чуть больше

---

[26] Примечания: 26
Old Nick — дьявол, сатана (*англ.*).

о своем собеседнике, и еще раз подивился поразительной наивности человека, казалось бы повидавшего свет. Джеймс поистине ничего не смыслит в зле — возможно, это следствие исключительной душевной чистоты. Но можно ли постичь добро, не ведая проявлений зла? — задавался вопросом Майкл. И для себя пока решил, что в жизни от каждого требуется не умение разбираться в добре и зле, а просто быть добродетельным, и задача эта ставит перед каждым естественную, но достаточно крутую преграду. На том и успокоился, не располагая временем для философских изысканий.

Шли дни, и присутствие рядом Ника постепенно утратило свою значимость. Нику были для видимости поручены обязанности инженера, и он действительно иногда захаживал в гараж и следил за исправностью электрической подстанции и насоса. Похоже, он прекрасно разбирался во всякого рода двигателях. Но по большей части он слонялся по округе с Мерфи и, пока его не попросили прекратить, стрелял с замечательной меткостью по воронам, голубям и белкам — просто так, для забавы, даже не подбирая подстреленных. Майкл издали приглядывался к нему, но потребности видеться чаще не ощущал.

Он начал виновато посматривать на Ника глазами Джеймса и Марка Стрэффорда и однажды в разговоре поймал себя на том, что называет его «бедолагой». Ник, в свою очередь, не проявлял никакой инициативы, он будто впал в спячку. Пару раз, когда выдавался случай, он вроде бы порывался заговорить с Майклом, но Майкл его не ободрил, и дальше маловразумительных жестов дело не пошло. Майкла весьма занимали отношения Ника с сестрой, но любопытство его оставалось неудовлетворенным. Виделись они вроде бы редко, Кэтрин продолжала заниматься своими делами, похоже не замечая чудаковатого брата. Что до силовых линий, излучаемых могущественной обителью с другой стороны озера, на которые уповала Кэтрин, то им явно не удавалось пробить толстую броню ее брата-близнеца.

И все же Майкл не отказывался от надежды на то, что Имбер может совершить чудо. Но он не мог не признать — с чувством грусти и облегчения, — что в Нике нет ничего вдохновенного или вредоносного, одна только скука, и едва ли можно было рассчитывать, что он избавится от этой скуки в своей уединенной сторожке. Майкл, чрезвычайно занятый в ту пору другими делами, так и не придумал, как бы «вовлечь»

Ника в жизнь общины, оставаться наедине со своим бывшим другом он избегал и мысленно поздравлял себя с такой осмотрительностью. Ник подтянулся, выглядел намного лучше, загорел, похудел. Пил он, без сомнения, меньше, хотя из-за удаленности его жилища, может, и выбранного с таким прицелом, сказать наверняка было трудно. Майкл предполагал, что он, сочтя Имбер за недорогой курорт, послоняется здесь, пока Кэтрин не уйдет в монастырь. А затем вернется в Лондон и примется за старое. Все шло к тому, что у этой странной истории будет довольно-таки заурядный и пошлый конец.

Глава 8

Клонился к вечеру субботний день, тот самый, в который состоялось вышеупомянутое собрание; послеполуденная жара затянулась, становясь все более палящей и изнуряющей; казалось, ей не будет спаду. На небе не было ни облачка, от его яркой синевы просто в ушах звенело. Все едва волочили ноги, исходили по́том и сетовали, что нечем дышать.

Обычно работу заканчивали, как позволяли дела в огороде, по субботам — в пять часов; воскресенье же предполагалось оставлять для отдыха. Как правило, работы затягивались и позднее и велись в неурочное время, но все-таки с субботнего вечера намечалось *detente*[27], некие робкие потуги на развлечения, что весьма докучало Майклу. Он потихоньку удалялся в контору, разбирал бумаги, благо в течение недели руки до этого не доходили, но поддерживать видимость отдыха все же нужно было. Стрэффорды идее выходного дня придавали большое значение, и Майкл подозревал, что они полагают, будто это время следует

---

[27] Примечания: 27
Расслабление (*фр.*).

посвящать всякого рода хобби. У Майкла не было хобби. Он обнаружил свою полную неспособность отдыхать, даже книги теперь не влекли его, хоть он и продолжал чтение богословской литературы по прежней программе. Возобновления работ он всегда ждал с нетерпением.

Так было еще и потому, что выдававшееся свободное время заполняли тревожные думы. Его беспокоил Ник, он без конца перебирал в уме всяческие способы его устройства, терзался желанием, которое подавлял как соблазн, пойти и поговорить с ним с глазу на глаз. Ничего хорошего из такого разговора не выйдет. Майкл гордился, что утратил наконец-то иллюзии, и думал, что суровость эта укрепляет его дух. Он решил все же серьезно поговорить с Кэтрин о брате. Он правильно сделал, что не предпринимал никаких шагов, дав Нику время осмотреться. Ему вовсе не хотелось выглядеть в глазах бывшего друга эдаким надзирателем или благодетелем и уж тем более обнаруживать чисто формальную обеспокоенность его состоянием. Не хотелось ему и вступать в тесное общение с Кэтрин, от нее в это время исходили токи эмоционального напряжения и нетерпеливого ожидания. Но дело слишком затянулось.

Когда выдавалось свободное время, подступала и иная мысль — радостная и в то же время горькая: скоро и он должен вновь попытаться стать священником. Он остро чувствовал быстротечность времени. Преждевременная его попытка была по справедливости и для его же блага отвергнута, и его не покидала уверенность в том, что Богом назначена ему особая миссия, она лишь отсрочилась на какое-то время, чтобы покарать его, но теперь стала ясной и призывной. Он вновь и вновь переживал прошлый свой опыт и думал, что обрел наконец душевный покой, позволяющий давать себе беспристрастную оценку. Он не терзался более глухим щемящим чувством вины за свои наклонности — за многие годы он доказал, что может в полной мере и даже с легкостью их обуздывать. Он таков, каков есть, и все-таки он может стать священником.

В этот день, правда, в голове его теснились мысли не столь высокие, и, когда волнение, вызванное собранием, улеглось, а произошло это удивительно быстро, он даже обрадовался, что ничем не занят. Стало уже традицией, что по субботам после ужина небольшая компания стала сопровождать Питера Топгласа в его обходе ловушек. Питер расставил ловушки по всему

поместью: он изучал, кольцевал птиц. Что-то было волнующее в том, чтобы пойти к ловушке и посмотреть — кто там. Майкл охотно составлял своему другу компанию, ходили обычно с ними и женщины — Кэтрин и Маргарет. Однажды пошел и Ник, его привела Кэтрин, но он все время молчал, был пасмурный, скучный.

На сей раз Кэтрин и Стрэффорды обещались петь мадригалы с Джеймсом и отцом Бобом Джойсом. Отец Боб, обладатель прекрасного баса, был серьезным музыкантом и не раз клялся, что, когда у него будет побольше свободного времени, он всерьез займется в общине пением. Он возлагал надежды на хоровое пение. В монастыре пели хором без аккомпанемента и весьма в том преуспели. К великому облегчению Майкла, свободного времени у отца Боба совсем не было. Джеймс пел дребезжащим тенорком, который Майкл, поддразнивая Джеймса, именовал «неаполитанским». У Марка Стрэффорда был основательный баритон, у Кэтрин — небольшое, но очень чистое сопрано, и у Маргарет — сильное, вполне приличное контральто. Певцы расположились на балконе и обмахивались белыми нотными листками, когда Питер с Майклом собрались уходить. Тоби, наслышанному о

ловушках и обследовавшему их по собственной инициативе, захотелось составить им компанию. Вызвались пойти с ними и Пол с Дорой. Про Ника Фоли Тоби сказал, что тот ушел в деревню. Перебрасываясь с музыкантами шутками, они шумной толпой начали спускаться по лестнице и неспешно двинулись к переправе.

На Доре Гринфилд было броское платье из темной индийской материи, в руках она держала белый бумажный зонтик, купленный, должно быть, в деревне, и — непонятно почему — большую испанскую корзинку. На ногах у нее были осужденные Маргарет сандалии. По рекомендации Марка она, чтобы защитить себя от комаров, намазалась цитронеллой, и тяжелый пряный запах наделял ее вульгарной и в то же время экзотической притягательностью. Майкл смотрел на Дору, пока они спускались к переправе, с раздражением. Днем он наблюдал ее в огороде в таком же туалете, и ее присутствие превращало их труд в какой-то нелепый маскарад. Впрочем, в ее наивной жизнерадостности есть нечто трогательное. Руки, тронутые солнцем, отдавали золотом, жесткими прядями волос она потряхивала, как пони хвостиком, и Майкл вполне мог себе представить, что Пол сходит по ней с ума.

Сам Пол пребывал в возбужденном состоянии, порхал вокруг жены, не в силах оторвать от нее ни глаз, ни рук. Она поддразнивала его с покорностью, в которой сквозило легкое раздражение.

Они дошли до переправы и начали рассаживаться в лодке. В ней, хоть и с сильным перегрузом, уместились все разом. Дора с помощью Пола пробралась к носу, с легким вскриком села и, расправляя юбку, призналась, к всеобщему изумлению, что не умеет плавать. Майкл неторопливо вел лодку по воде, теплой, маслянисто-тягучей от летней бездумной лени, Дора опустила руку в воду. Когда они приблизились к противоположному берегу, Тоби вскрикнул и показал на воду. Рядом с лодкой кто-то плыл. Это был Мерфи. Опасно накренив лодку, все повернулись и глядели на него. Странное, волнующее было это зрелище — пес с задранной над водой сухонькой головкой, его крайняя сосредоточенность плывущего животного, настороженные блестящие глаза, лапы, неистово гребущие под водой.

— Как вы думаете, это ничего? — обеспокоенно спросила Дора.

— Да-да, все в порядке, — со знанием дела сказал Тоби. Майкл отметил, что Тоби считает себя как бы совладельцем Мерфи, а посему и знатоком

его причуд. — Он частенько плавает в озере, ему это нравится. Эй, Мерфи! Малыш!

Пес быстро скосил глаза в их сторону и вновь заработал лапами. До берега он доплыл первым, яростно отряхнулся и стремглав помчался к сторожке. От встречи с ним на душе у всех стало веселее.

Высадившись, они побрели вправо, через луг, к лесу, который пролегал между озером и дорогой, а в дальней стороне обрывался монастырской стеной, забиравшей от воды вправо. Дора, отчасти из желания поддразнить Пола, все внимание сосредоточила на Питере Топгласе и расспрашивала его о птицах. Она была поражена многообразием существ, попадавшихся в поместье буквально на каждом шагу. Она испытывала изумление коренной горожанки от того, что все эти тварюшки предоставлены самим себе, совершенно свободны и живут, не помышляя о человеческой опеке. Этим утром, гуляя с Полом, она очень расстроилась, когда увидела сороку, летевшую у озера с лягушкой в клюве.

— Как вы думаете, лягушка понимала, что происходит? Как вы думаете, животные страдают, как и мы?

— Кто знает, — ответил Питер, — что до меня, я

согласен с Шекспиром: «Ничтожный жук, раздавленный ногой, такое же страданье ощущает, как с жизнью расстающийся гигант»[28].

— Почему бы животным не быть добрыми и не жить в мире и согласии? — спросила Дора, размахивая зонтиком.

— А почему бы людям этого не делать? — спросил Майкл у Тоби, который шел подле него.

Остальные ушли вперед. Питер вышагивал бодро, солнце поблескивало на его очках, полевом бинокле и фотоаппарате, который болтался у него на боку; он уже разогнался и шел довольно быстро. Загоревшая до красноты лысина его сияла. Любовно поглядывая на него, Майкл в который раз подивился его самозабвенности, полной погруженности в любимое дело, отсутствию какого бы то ни было тщеславия. В нем не было масштабности духа, присущей Джеймсу, — равно отпугивающей и притягательной, — зато, как мягкий в обхожденье рыцарь Чосера [29], этот рыцарь не способен был никого обидеть. Они ступили в лес. Дора держалась подле Питера,

---

[28] Примечания: 28

Шекспир У. Мера за меру (III, 1). *Пер. Т. Щепкиной-Куперник.*

[29] Примечания: 29

Рыцарь Чосера — герой «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера (ок. 1340–1400). Появляется в «Общем прологе».

они на пару занимали узкую тропку, и Пол, не выпускавший Дориной руки из своей, вынужден был плестись по подлеску, путаясь в ежевике и траве.

Тоби чувствовал себя как рыба в воде: счастливый, беззаботный, он болтал без умолку, то и дело останавливался, чтобы разглядеть лесной цветок, прислушаться к какому-то мимолетному шороху или заглянуть в таинственную норку. Майкл шел неторопливо, испытывая тихую радость от того, что он старше, мудрее, и пребывал в хорошем расположении духа. Интересно, выйдет ли что-нибудь из его затеи подселить Тоби к Нику? Когда мысль эта только зародилась у Майкла, а это было до того, как он увидел Тоби, она показалась ему блестящей. Других вариантов, кроме Тоби, не было; к тому же Ник побыл в одиночестве более чем достаточно. Надеялся Майкл и на то, что соседство мальчика, может, как-то отвлечет Ника, пробудит в нем участие. На худой конец, Тоби мог бы просто присмотреть за «белой вороной» и отчасти сдержать пристрастие Ника к спиртному, которому он — Майкл в этом не сомневался — в Имбере не изменил. Надо признать, Джеймс оказался прав: при теперешнем положении дел в Имбере нет места такому больному человеку,

как Ник. Присматривать за ним некому. Про себя Майкл решил, что вступать в объяснения с Ником для него будет равносильно самоотпущению грехов, и он должен определенно этого избежать. Он вспомнил, как настоятельница уклонилась и не стала выслушивать историю его жизни. Нет, надо положиться на Тоби и Кэтрин. Майкл не думал, что Ник может как-то дурно повлиять на Тоби. Не видел он, как Джеймс, в Нике разрушительной силы. Определение «бедолага» гораздо ближе к истине. Рассеянно-удрученный вид Ника, его слезящиеся глаза, вялость — нет, это не тигр, готовящийся к прыжку. К тому же сам дух Имбера, хоть и не растопивший его души, все же требовал определенного уважения, и Ник его выказывал, так что Майкл и мысли не допускал, что Ник осмелится грубым словом или делом оскорбить мальчика. Ник был сейчас слишком подавлен, чтобы решиться на такое.

Познакомившись с Тоби, Майкл вынужден был прежние свои соображения на сей счет пересмотреть. Тоби оказался на редкость привлекательным. Вот сейчас Майкл глядит на него — он пробирается через подлесок, чуть поодаль от тропинки, то и дело подбегая к Майклу, будто преданный пес. В его долговязой фигурке была

еще неуклюжая мальчишеская застенчивость, а во всем его облике — нечто столь чистое, свежее, что напрочь отметало мысль о малейшей неопрятности. Майкл отметил про себя безупречный ворот его бледно-голубой рубашки и уныло подумал, что у него-то ворот грязный. В будущем мальчик, верно, будет денди. Искусная стрижка, подчеркивавшая замечательно круглую форму головы, на лбу и упругой загоревшей шее оставляла по пышной ровной волне. Пухлые губы и щеки румянились здоровьем. Глаза сохраняли застенчивое, искательное, детское выражение. Он еще не осознал, не ощутил себя юношей. От него исходили токи нерастраченных сил и надежд. Майкл подумал, насколько он, в сущности, проще в свои восемнадцать лет, чем Ник был в пятнадцать. И все равно, надо признать, он очарователен. В памяти Майкла с обжигающей ясностью ожило обнаженное бледное тело мальчика у заводи. Как поразительно и как восхитительно это было. В то же время Майкл огорчился, обнаружив, что его та неожиданная сцена, как выясняется, сильно потрясла. Он тотчас с большой неохотой прогнал видение прочь. Может, настоять на том, чтобы Тоби с Ником перебрались в дом — найти предлог для переселения одного Тоби сложно. Но мысль о

том, что Ник будет совсем рядом, была непереносима. На какое-то время он отвлекся от этих дум и снова отдался наслаждению восхитительным вечером.

Майкл вполуха следил за разговором шествовавшей впереди троицы, там продолжалось препирательство. Питер спросил Дору, не собирается ли та писать пейзажи в Имбере; вопрос этот, похоже, ее удивил. И она, и Пол, как отметил Майкл, и думать забыли, что она умеет рисовать. В ходе разговора о деревенской жизни и наблюдении за живой природой выяснилось, что Дора ни разу не слышала кукушки. Питеру это казалось невероятным. «Ну, а в деревне, в детстве?» Ему представлялось, что все дети, как водится, произрастают в деревне.

— А я в детстве не бывала в деревне, — смеясь, сказала Дора. — Мы всегда проводили каникулы в Богнор-Реджисе. Правда, я сейчас мало что помню о детстве, но кукушки я точно не слышала. Часы-кукушку — другое дело.

Тоби с Майклом присоединились к остальным, и так, за разговором, они вышли на поляну, где расставлены были ловушки. Питер дал знак умолкнуть. Они тихонько дошли до конца тропинки, а Питер направился вперед, чтобы

поглядеть на пленников. Он расставил в траве три старомодные ловушки куполообразной конструкции — около метра в длину и полуметра в высоту. В каждой ловушке было по два отсека. Одна стенка отлого клонилась внутрь, к небольшому входу, окаймленному выступами проволоки, вход этот вел в нижний отсек. Такой же вход, только пошире, в дальнем углу вел во второй, верхний отсек, и против него располагалась маленькая дверца для руки ловца. В каждом отсеке сидело по нескольку пташек. Когда Питер приблизился к ловушке, все они затрепыхались.

Майкл часто наблюдал за тем, как проделывается эта операция, и всякий раз не мог сдержать странного волнения. Под руководством Питера он даже как-то брал птичек в руки, но держать в руке такое лучезарное, податливое, хрупкое тельце, чувствовать ужасающе частое биение сердечка ему было тягостно: тревога, жалость и сострадание переполняли его. Единственный радостный миг наступал, когда выпускаешь птицу на волю. Майкл так боялся — вдруг птичка умрет у него в руках, а такое случается частенько, если держать ее слишком крепко, — что Питер, правда весьма неохотно, избавил его от дальнейших уроков.

Вернулся Питер и позвал всех за собой.

— Идите гляньте — только близко не подходите. Там есть одна редкая птица. Маленький королек — вон в той клетке. У него красно-желтый хохолок. Остальные ерунда — воробьи да синицы. Правда, в дальней есть еще поползень.

Пока разглядывали птиц, Питер фотографировал королька.

— А как они туда попадают? — заинтересовалась Дора.

— На корм слетаются, — ответил Питер, — я накрошил хлеба и орешков для приманки. Они пытаются вылететь через верхний отсек — это кажется легким, а на самом деле оттуда еще труднее выбраться. Некоторые птицы заходят в ловушку и без приманки — так, из любопытства.

— Опять же как люди, — заметил Майкл.

— Не буду сейчас возиться с воробьями и синицами. — Питер приподнял одну клетку, птицы мигом взлетели и унеслись. — Окольцую поползня и королька. Майкл, не сфотографируете его, пока я буду держать?

Майкл взял фотоаппарат. Питер опустился на колени, открыл заднюю дверцу клетки, просунул туда руку. Птицы безумно заметались. По сравнению с ними загорелая рука Питера казалась огромной. Пальцы раздвинулись, загнали

маленькую пташку в угол, осторожно сомкнулись, прижав трепещущие крылышки к тельцу, и извлекли ее наружу. Малюсенькая золотая полосатая головка выглянула меж большим и указательным пальцами Питера. От страха, волнения и жалости Дора вскрикнула. Майкл понимал, что творится у нее на душе. Он приготовил фотоаппарат. Питер вытащил из кармана легкую металлическую пластинку, такую тоненькую, что только через лупу можно было прочесть надпись на ней. Он осторожно переворачивал птичку в руке, пока не продел тонюсенькую крошечную лапку с коготками между безымянным пальцем и мизинцем. Левой рукой он обернул пластинку вокруг лапки и, поднеся ее ко рту, плотно зажал зубами. При виде крепких зубов Питера, приближающихся к этой крошечной лапке, Дора не выдержала и отвернулась. Майкл сделал два снимка. Питер быстро подбросил птицу в воздух, и она скрылась в лесу, отныне неся всем, кого это может касаться, весть о том, что именно в этот воскресный день она была в Имбере. Питер окольцевал поползня и выпустил остальных птиц на волю. Дора была потрясена, расстроена. Пол смеялся над ней. Майкл посмотрел на Тоби. Глаза у него были широко распахнуты, прику-

шенные от волнения влажные губы покраснели. Удивительно, как впечатляло всех это зрелище.

Пока они осматривали ловушки, переворачивая их на бок, Питер удалился в лес. Под деревьями свет угасал быстрее, и на поляну устремились полчища комаров. Дора обмахивалась зонтиком и причитала, что цитронелла ее не спасает и комары ее поедом едят. Вдруг совсем рядом раздался отчетливый голос кукушки. Все замерли, насторожились, потом глянули друг на друга и расхохотались. Питера позвали назад.

— О господи! — закричала Дора. — А я-то и впрямь подумала, что это кукушка. Вот позор!

— Настоящая кукушка, как я понимаю, сейчас в Африке, она птица мудрая, — сказал Питер. И показал Доре маленькую свистульку. Потом извлек из кармана и другие манки, деревянные, металлические, и начал поочередно воспроизводить пение жаворонка, кроншнепа, пеночки, дикого голубя и соловья. Дора была сражена. Ей хотелось посмотреть и попробовать самой, она брала у Питера манки и при этом чисто по-женски вскрикивала и щебетала. Майкл глядел на нее и думал: в ней сосредоточено все, что отвращает его от женщин, — но думал это беззлобно, все равно она ему нравилась, да и настроен он

был слишком благодушно, чтобы испытывать сейчас к кому-то неприязнь.

— Ну надо же — как настоящие! — воскликнула Дора.

— С настоящим ничто не может сравниться, — заметил Питер. — Даже самая совершенная имитация — а это она и есть — доставляет, как это ни странно, совсем не то удовольствие. Помнится, где-то у Канта сказано: как разочарованы бывают гости, узнав, что соловей, услаждавший их слух после ужина, — всего лишь мальчонка, укрывшийся в соседней роще.

— Пример естественной притягательности истины, — заметил Майкл.

— Вы сегодня так и сыплете благочестивыми изречениями, — сказал Питер. — К проповеди завтрашней готовитесь?

— Завтра, слава богу, очередь Джеймса. Моя — на следующей неделе.

— Мораль тут, думаю, такая: не попадайся! Правильно, Тоби? — засмеялся Питер.

Они двинулись обратно. Пол спросил Питера, не сфотографирует ли он Дору. Питер от этой идеи пришел в восторг и начал подыскивать полянку, потом усаживать Дору на мшистом валуне так, чтобы она тянулась к цветку.

— Пол не ведает, что творит, — сказал Майкл Тоби. — Когда Питер дорывается до съемок человека, это надолго. Видно, вымещает свое вечное недовольство птицами — их-то не усадишь!

Майкл с Тоби пошли рядом… Позади они слышали смех оставшейся троицы и протестующие возгласы Доры. К Полу, похоже, вернулось хорошее расположение духа. Майкл вдруг ощутил, что удивительно счастлив. Как будто по его милости собрались все эти люди, будто благодаря ему удался этот дивный вечер и эти невинные радости. Слово «невинные» само пришло ему на ум, и он даже не стал вдаваться в размышления по этому поводу. Как редко в компании других людей ему доводилось чувствовать себя вольготно, так отдыхать душой. Мысли его обратились к Нику, но навеянная ими грусть была светла и не омрачала сладостного покоя. Ему приятно было идти рядом с Тоби и бездумно говорить обо всем на свете и ни о чем именно. На душе был праздник.

— В этом лесу есть просека, — заметил Майкл, — неподалеку от той поляны, где мы сейчас были, там иногда можно увидеть козодоев. Видел когда-нибудь козодоя?

— Нет, но очень хотелось бы! — воскликнул

Тоби. — А вы мне покажете?

— Непременно, — сказал Майкл. — Как-нибудь вечерком на той неделе сходим. Престранные, скажу тебе, это птицы, на птиц-то совсем не похожи. Увидишь — поневоле поверишь в существование ведьм.

Совершенно неожиданно они выбрались из лесу на широкий луг у дороги. Великолепная панорама, хорошо им знакомая, вновь открылась взору в свете пылающе-желтого, почти закатившегося солнца и поблекшего до зеленоватой голубизны неба. Внизу, в озере, виднелось ярко подцвеченное недвижное отражение дальнего косогора и дома — чистого, жемчужно-серого, и так ясно проглядывались все его очертания, что казалось, будто он совсем близко. За ним, на пастбище, на бледной линии горизонта, деревья принимали клонившееся солнце, и один уже пожелтевший вяз полыхал, как громадный костер.

Они стояли, дыша полной грудью, и безмолвно глядели, наслаждаясь простором, воздушной ширью, мягкими красками. Из-за озера вдруг донеслось отчетливое нежное пение. Голоса лились, сплетались, подхватывая друг друга с завораживающей нелепой точностью мадригала. Отчетливее всех в общем-то слышно было то-

ненькое победное сопрано Кэтрин, которая вела мелодию. Певцы были далеко, слова разобрать было трудно, но Майкл и так знал их.

Всю жизнь молчавший, лебедь сереброкрылый
Пред самой смертью горло разомкнул —
Склонился к брегу и собрался с силой.
Пел раз и навсегда, потом – уснул [30].

Пение смолкло. Тоби и Майкл улыбнулись друг другу и медленно побрели к переправе. Час был волшебный, спешить не хотелось. Подойдя к озеру, они услышали совсем иные звуки. Майкл вначале не понял, что это, а потом узнал нарастающее крещендо реактивного двигателя. Из неясного бормотанья он вырос в оглушительный рокот, от которого, казалось, вот-вот разверзнутся небеса. Они посмотрели вверх. Прямо над Имбером, сверкая, будто ангелы, неслись четыре реактивных самолета. Летели они строем и вдруг с абсолютной синхронностью свернули вправо, взмыли вертикально ввысь, потом с эдакой

[30] Примечания: 30
Строфа из мадригала Орландо Гиббонса (1583–1625) из сборника «The First Set of Madrigals and Motets of Live Parts» (1612). *Пер. Т. Гущиной.*

ленцой перевернулись головой вниз — шум на мгновение стих — и вновь зарокотали, выполнив петлю с такой точностью, будто их связывали невидимые нити. И вновь они подались носом ввысь — прямо над головой у Майкла и Тоби. Достигли некой далекой вершины и развернулись, словно лепестки цветка, на четыре стороны света. В следующий миг они улетели, оставив четыре серебристые дорожки да стихающий вдали гул. Наступила полнейшая тишина. Все произошло очень быстро.

Майкл стоял, раскрыв рот и запрокинув голову, сердце у него бешено колотилось. От шума, скорости, красоты самолетов он на какой-то миг лишился сознания. Тоби взглянул на него тоже зачарованный и возбужденный. Майкл опустил глаза и обнаружил, что вцепился обеими руками в голую руку мальчика. Рассмеявшись, они разбрелись в разные стороны.

Глава 9

— Главное требование праведной жизни, — говорил Джеймс Тейпер Пейс, — это отказаться от личностного сознания. Говорю я это, милые братья и сестры, как человек, прекрасно отдающий себе отчет в том, что сам он далек еще от его выполнения.

Это было на следующий день, в воскресенье. Джеймс стоял на возвышении в Длинном зале, положив руку на пюпитр, и читал воскресную проповедь. Он нервно щурился и слегка покачивался, вместе с пюпитром.

— Постижение личности, вообще представление о личности как таковое мне кажется опасным для добродетели. В школе нам — мне, по крайней мере, — говорили: нужно иметь идеалы. Я думаю, это вздор. Идеалы — это мечты. Они становятся между нами и жизнью, тогда как более всего мы нуждаемся в том, чтобы видеть жизнь в истинном ее свете. Действительность — это нечто помимо нашего «я». Где есть совершенство, там и действительность. Где же искать нам совершенства? Не в выдумках, порожденных нашим сознанием и ограниченных им, а в том, что вне

нас, что лишь изредка дано нам угадать.

Вы вправе сказать мне: дорогой Джеймс, вот ты говоришь нам, что нужно искать совершенства, а потом говоришь, что оно так далеко, что мы можем лишь догадываться о нем, — так как же нам это осуществить? Дело в том, что Господь не оставил нас без путеводной нити. Иначе для чего тогда Господь дал нам высокое наставление: «Итак будьте совершенны»? Матфей, пять, сорок восемь. Мы прекрасно знаем те простые правила — настолько простые, что они кажутся скучными нашим изощренным психологам, — которые предписывают, что нам следует делать, а чего — избегать. Нам вполне достаточно, и даже более чем достаточно, жизненных заповедей, и признаюсь, мне не хотелось бы тратить время на того, кто считает свою жизнь слишком сложной и исключительной, а посему не укладывающейся в рамки этих заповедей. «Да кто ты есть, мил человек, что таить-то можешь?» — сказал бы я такому. Вера в первородный грех не должна побуждать нас копаться в скверне нашего сознания или считать себя какими-то особыми, не похожими на других грешниками. Грешники все на одно лицо, грех вообще скудоумен, его сторониться надо, а не размышлять о нем. И извне, а

не изнутри извлекать жизненные заповеди. О поступках своих надо думать с оглядкой на Завет Господень. Исходить не из того, что нас радует или отвращает — если говорить о нравственных принципах, — а из того, что Им предписывается и что Им карается. И эти Господни заветы мы знаем, знаем лучше, чем сами себе признаемся. И знаем мы их из Слова Господня и учения Святой церкви, и знание это так же крепко, как вера наша. Правдивость предписывается, облегчение страданий предписывается; прелюбодеяние карается, содомский грех карается. И мне кажется, надо понимать все очень просто: правдивость не похвальна, она просто предписана, содомский грех не отвратителен, он просто карается. С этой меркой мы и должны подходить к своим поступкам и поступкам других людей. Остальное все суета, самообман и потакание страстям. Не берущийся судить других, сам обычно боится осуждения. Вспомним слова Святого Павла — Майкл поправит мою латынь — «Justus ex fide vivit». «Праведный верою жив будет». Послание к Галатам, три, одиннадцать. Думаю, понимать эти слова надо буквально. Праведник делает то, что кажется ему праведным, что предписывается заповедями, и не раздумывает о последствиях,

не выгадывает и не лукавит, зная, что Господь обратит все во благо. Он не подгоняет заповеди под мирские мерки. Даже не ведая, к чему это приведет, он действует, положась на Господа своего. И пренебрегая сложностями, творит добро, уповая на то, что Господь обратит его во благо. Неверующий же живет расчетом, считая мир слишком сложным для благого, а потому творит лишь приемлемое для него добро, полагая, что со временем оно само собой обернется во благо. Ох, сколь немногие из нас имеют веру, о которой говорил Святой Павел!

Дора начала скучать. Все это слишком абстрактно. На службу она пришла из любопытства и пристроилась сзади, откуда видна была вся паства. Пол весьма некстати сел рядом. Ей хотелось понаблюдать и за ним. Он не спускал с нее глаз и, улучив момент, придвинул к ней ноги, и она через сандалии чувствовала, как его начищенный ботинок прижимается к ее стопе. Краем глаза она видела плавные линии его усов и по-птичьи резкие движения головы. Дора решительно уставилась вперед.

На душе у Доры было неспокойно и муторно. Чудная погода, местные красоты заставили ее на время забыться, но она понимала, что при-

житься в Имбере ей не удается. Она нервничала, не находила себе места и чувствовала себя так, будто играет чужую роль. И не то чтобы люди ей не нравились, хотя Майкла и Джеймса, особенно Джеймса, она побаивалась. Все к ней были добры, жила она вольготно, ей даже не нужно было вставать на «зорьке», как говаривал Джеймс, то есть с первыми проблесками зари. Она вскакивала за минуту до завтрака. Иногда пропускала и завтрак, тогда перехватывала что-нибудь в кладовке. Целыми днями бездельничала, спросу с нее никакого не было. Даже миссис Марк, похоже, забыла о ней и искренне изумлялась, когда Дора предлагала ей свои услуги. Единственной ее обязанностью, кроме уборки комнаты, было мытье посуды, и она преспокойно занималась этим, витая где-то мыслями. И все же ее снедало какое-то по-новому ощущаемое чувство неполноценности, к которому добавлялась пугающая перспектива возврата домой с Полом, когда здешняя жизнь, какой бы напряженной она ни была, кончится. К чувству неполноценности Доре было не привыкать. Конечно, она недотепа, нет в ней *savoir-faire*[31]. Но то, что она переживала в Имбе-

[31] Примечания: 31
Ловкости, сноровистости (*фр.*).

ре, было глубже и как-то оскорбительней. Порой ей казалось, будто община легко, как бы походя, осуждает ее, ставит ее на место. То, что с нее так мало требовали, говорило само за себя. Это было мучительно. А то, что осуждали ее непроизвольно, автоматически, противопоставляя себя ей, было еще мучительней.

С другой стороны, не улыбалась ей и перспектива бегства. Доре не хватало Лондона. К удивлению, она обнаружила, что не сгорает в Имбере от желания закурить или выпить. На первых порах она выбиралась раз-другой в «Белого льва», но ходить туда было далековато, а жара стояла невыносимая. Она попробовала пить понемногу привезенный виски из стаканчика для зубных щеток у себя в комнате. Но эти тайные забавы были тоскливы, удовольствие от них было маленькое. Пить в одиночку она не любила. Дора с удовольствием отмечала — и это было единственным ее утешением, — что в результате воздержания и скудости питания она слегка похудела. Вся беда в том, что возвращение в Лондон будет не из веселых. Работа у Пола вроде бы подходила к концу. Он поговаривал о возвращении домой и явно был исполнен решимости забрать жену и содержать ее как произведение искусства:

освободив помещение и заперев дверь на замок. Его воля пеленала ее по рукам и ногам. Нет, она и в мыслях не держала, чтобы улизнуть от Пола. В конце концов, она к нему вернулась, и, хоть их примирение не назовешь прочным, соображения, приведшие к нему, оставались прежними. Просто она не могла представить себе, как будет жить с Полом в Лондоне. У нее перед глазами стояла квартира на Найтсбридже — продуманная до мелочей, изысканная, сверкающая обоями в полосочку, *toile de Jouy*[32], старинной мебелью красного дерева и *objects d'art*[33] — невероятно чужая и невероятно унылая. Себя она в этой квартире не видела. Не к этому она стремилась. В такое будущее верить не хотелось.

Однако не эти мысли занимали на сей раз Дору. Она изучала мужчин паствы, выявляя самого привлекательного. Конечно, Джеймс — вылитая кинозвезда, крупный, кудрявый, с открытым волевым лицом. Тоби самый миловидный и самый изящный. Марк Стрэффорд в общем-то тоже впечатляет, но бородатым мужчинам всегда заведомо отдают предпочтение. У Майкла

---

[32] Примечания: 32
Гобеленами из Жюйи (*фр.*).

[33] Примечания: 33
Произведениями искусства (*фр.*).

очень славное лицо — как у грустного пса, — но недостаточно внушительное, чтобы счесть его красивым… Пол все-таки, пришла она к заключению, глядится лучше всех: видный, величавый, благородный. Безмятежности только недостает его лицу, просветленности. Слишком часто написано на нем дурное расположение духа. Но ведь муж ее, подумала она с грустью, не слишком-то счастлив.

Дора переключила внимание на женщин, и взор ее сразу остановился на Кэтрин. Кэтрин сидела по центру, на виду. Одета она была в изящное выходное серое платье, как отметила Дора, премиленькое. В таком платье и дорогой шляпке вполне можно пойти куда-нибудь на ланч. Это здесь оно выглядит простеньким. Кэтрин подобрала волосы и совершенно преобразилась. Тугой низкий пучок, блестящие, волнистые, непокорные волосы прикрывают уши. Кэтрин смотрела вниз, опустив веки, с обычным своим выражением, не то смиренным, не то загадочным. Доре виден был выпуклый лоб, крутая дуга щеки и мягкая, но волевая линия носа. Природная белизна лица сегодня выглядела не болезненной, а благородной, с оттенком слоновой кости. Дора смотрела на нее с упоением, которое явно

подогревалось сознанием того, что вскоре это совершенное творение из открытого обращения в миру будет изъято.

Дора продолжала бездумно следить за проповедью Джеймса, и ей показалось, что она снова становится интересной. Она стала вникать.

— Не могу согласиться с Мильтоном, когда тот отказывается ценить добродетель затворническую. Добродетель и невинность должно ценить вне зависимости от ситуации. Это свет, который просветляет и очищает, и его не затмит пустая болтовня о ценности опыта. Как это опрометчиво — внушать юным, что нужно накапливать жизненный опыт! Лучше внушать им, что надо ценить и хранить невинность — это ли не достойная цель, это ли не увлекательная задача! Храни невинность — и прибудет знание глубокое и ценное, несравнимое с мишурным блеском «опыта». Невинность в себе и других должно ценить, и «горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит». Матфей, восемнадцать, шесть [34].

Каковы же приметы невинности? Прямодушие — что за прекрасное слово; правдивость, простота — вот ее невольные проявления. Образ, только

---

[34] Примечания: 34
Стих указан неточно: нужно 18:7.

что пришедший мне на ум, будет к месту. Это колокол. Колокол отливают, дабы глас его был громок. Грош цена колоколу, никогда не звонившему! Звон его чист и звучит голосом свыше. Большой колокол не должен молчать. Подумайте и о простоте его устройства. Никаких потайных хитростей. Все в нем просто и открыто. Качни его, и он зазвонит.

А коль скоро мы думаем сейчас о нашем колоколе, большом колоколе Имбера, который вскоре торжественно водворится в монастыре, мысли наши обращаются к той из нас, что вскоре тоже окажется по ту сторону озера, ступит во врата; той, в ком — хоть она и краснеет, надеюсь, она меня все же простит — столь прекрасно явлены достоинства, о которых я говорил, — невинность, которая потом перейдет в знание и мудрость. Она, без сомнения, упрекнет меня: я, мол, говорю о начале ее пути так, словно он подошел к концу. Действительно, жизнь созерцательная — путь бесконечных преображений, не постороннему о ней судить, да и просящий о созерцательной жизни не знает, о чем просит. Но нам, если можно так выразиться, попутчикам святости, можно и простить такие минуты воодушевления. В такие минуты, как эта, открывается промысел Госпо-

день в этом мире. Не минул еще век чудес! Ведь общину нашу вдохновлять будет знание того, что одна из нас, безраздельно нам принадлежавшая, обрела иную стезю, и хоть мы, может, редко будем видеться, мы будем знать: она рядом, молитвами она с нами. Не собирался я делать никаких отступлений личного характера, но, думаю, милая Кэтрин простит меня. Да не вредно и высказать то, что у всех на душе. А теперь, друзья мои, я заканчиваю свои размышления, боюсь, они были слишком длинными и бессвязными.

Когда поток красноречия иссяк, Джеймс неловко спустился с возвышения, вид у него был довольно потерянный и смущенный. Отец Боб Джойс призвал паству к молитве, и, с шумом отодвигая стулья, все стали на колени. Джеймс закрыл сразу лицо руками и низко склонил голову. Кэтрин опустилась на колени, закрыв глаза и сложив молитвенно руки, лицо ее было охвачено чувствами, которых Доре было не понять. Майкл прикрыл висок пальцами, прищурил глаза и, склонив голову, нахмурился. Тут Дора почувствовала, что за ней наблюдает Пол, и тоже смежила веки. Молитва закончилась, служба тоже, и маленькая паства потянулась к выходу.

Они вышли в залитый солнцем холл, и миссис

Марк задержала Пола каким-то вопросом. Перед Дорой шла Кэтрин и улыбалась Джеймсу, тот неуклюже шутил, явно оправдываясь перед ней. Дора чувствовала, что прошелся по ее поводу он весьма некстати, но справедливо надеялся, что будет прощен. Искренность его подкупала, и в свете недавнего выступления Дора готова была видеть в его gaucherie [35] замечательное прямодушие. Она даже готова была — так он ее растрогал — вообразить, будто верит в существование братской любви. Она тоже улыбнулась Джеймсу и вышла с Кэтрин на балкон, Джеймс же скрылся в гостиной. «Он, видно, решил, что беседа с ней мне явно не повредит!» — такова была мгновенная реакция Доры, но она поглядела на Кэтрин с интересом, граничащим с обожанием.

— А мне понравилась ваша служба, — сказала Дора, лишь бы как-то начать. Она решила выбраться на солнышко и медленно спускалась по ступеням. Кэтрин шла рядом.

— Да, — отозвалась Кэтрин, — она совсем незатейливая, нам подходит. Знаете, светской общине трудно, никто из нас не посвящен в сан. Все приходится изобретать самим.

---

[35] Примечания: 35
Неловкости (*фр.*).

Они двинулись по тропинке к дамбе.

— А у вас были другие варианты? — осторожно осведомилась Дора.

— О да, — ответила Кэтрин. — Вначале каждый должен был всю службу проговорить про себя. Но это требовало слишком много сил.

Дора, смутно представлявшая себе, что это значит, охотно поддакнула. Звучало это ужасно.

Они поднялись на дамбу. Солнечные блики играли на воде. Поросшие мхом и зеленью кирпичи нагрелись, и Дора через тонкие подошвы ощущала их тепло. Чувствуя, что спутница ее стесняется и нервничает, сама она приободрилась. Она уже не боялась Кэтрин, ей с ней было хорошо.

— Жара какая, — сказала она, — искупаться хочется. Я плавать не умею, а жаль, так хотелось бы научиться. Вы наверняка умеете, все, кроме меня, умеют.

— Я боюсь воды. Плавать я умею не очень хорошо, да и не люблю. Наверное, я боюсь воды. Мне часто снится, будто я тону. — Кэтрин мрачно смотрела на озеро — в тени дамбы оно было темное, зеленое, в плотной, тягучей воде колыхались водоросли и сор.

— Да что вы! Как интересно! Мне такое никогда не снилось. — Дора обернулась и посмотрела на

Кэтрин. Только теперь она увидела, сколько в ней печали; воображение Доры мгновенно заработало, и она вдруг подумала: неужто Кэтрин и впрямь хочет стать монахиней? — Нет, не можете вы своей волей туда идти! Заточить себя — ведь вы так молоды, так прекрасны! Простите меня, я знаю, это бестактно, грубо. Но я как подумаю, что вы там окажетесь, места себе не нахожу.

Кэтрин изумленно подняла на Дору глаза и улыбнулась, очень добро, впервые глядя ей прямо в глаза.

— Есть нечто, в чем ты не властен, — сказала она. — Нет, я не хочу сказать, что кто-то принуждает тебя. Просто ты в этом не властен. И часто то, что не выбираешь, — твой лучший выбор.

«Я права», — победно думала Дора. Не хочет она в монастырь. Тут против нее что-то вроде сговора. Все они талдычат, что она уйдет в монастырь, называют ее своей святой и все такое прочее — ей просто некуда деваться. Да еще эта околесица, которую нес сейчас Джеймс.

Она решила было уже ответить Кэтрин, но в этот миг с досадой увидела направлявшегося по тропинке к дамбе Пола. Пяти минут не дает ей побыть одной. Кэтрин тоже его заметила, пробормотала что-то Доре, махнула рукой Полу и пошла

дальше по дамбе, оставив Дору одну.

Пол подошел и сказал:

— А я ума не приложу — куда ты делась…

— Ты бы хоть на какое-то время оставлял меня в покое. Только мы с Кэтрин начали такой интересный разговор…

— Ну уж не знаю, о чем это вы с Кэтрин могли разговаривать. У тебя-то, похоже, совсем другие интересы!

— А почему бы мне не поговорить с Кэтрин? Я что, этого не достойна?

— Этого я не говорил. Но ты сама это чувствуешь. И если хочешь знать, в Кэтрин, по-моему, есть все, что должно отличать женщину: очарование, кротость, скромность и целомудренность.

— Ты меня не уважаешь. — Голос у Доры дрогнул.

— Конечно, не уважаю. А за что мне тебя уважать? Я просто влюблен в тебя, на свое несчастье, — вот и все.

— И на мое тоже. — Дора расплакалась.

— Ну перестань, перестань же…

Кэтрин добралась до противоположного берега и шла теперь вдоль монастырской стены. Она миновала дверь в приемные и отворила дверь, которая вела в часовню для посетителей. Доре

почему-то показалось, что закрыла она ее за собой с грохотом.

Глава 10

Тоби толкнул дверь сторожки. Между службой и ланчем выдалось свободное время, и он решил искупаться. Он отворил дверь и, как всегда, приостановился на пороге, выясняя, где Ник Фоли. Навстречу выбежал, виляя хвостом, Мерфи, довольно лениво подпрыгнул, протянув мальчику передние лапки. Тоби подхватил его, на мгновение прижался к его мягкой теплой голове и снова выпрямился. Ника не видать. Наверно, ушел. С чувством облегчения Тоби с шумом понесся вверх по лестнице, взял плавки. По указанию Джеймса он купил их по дешевке в деревне. Прихватил и полотенце — от частых купаний оно поистерлось, от него уже с души воротило, но потерпеть еще можно было.

Выйдя на площадку, он услышал, как Ник окликает его из соседней комнаты. Он подошел к его двери и заглянул. Ник лежал в постели. Это было в порядке вещей, и ему надо было бы догадаться, что Ник еще не вставал.

— Кто вещал? — спросил Ник. Подоткнув под спину подушки, он лежал и читал детектив.

— Джеймс. — Тоби не терпелось уйти.

— Что-нибудь поучительное?

— Да, весьма. — Тоби всегда терялся, разговаривая на эти темы с Ником.

— О чем же?

— О невинности, еще кое о чем.

Ник, не снимавший еще ночной пижамы, с отекшим лицом, расплывшимся по подушке, длинными сальными космами, свисавшими по обе стороны, напомнил вдруг Тоби Волка из сказки, переодевшегося Бабушкой. Тоби при этой мысли невольно улыбнулся и почувствовал, что стесняется Ника уже меньше.

— Когда-нибудь и я прочту тебе проповедь, — сказал Ник. — Меня они проповедовать не приглашают, так я прочту тебе одному.

Тоби не знал, что ответить, и спросил:

— Я возьму с собой Мерфи купаться, ладно?

— Коли Мерфи захочет, он пойдет, даже если ты не захочешь брать его, а коли уж не захочет — не пойдет, даже если ты захочешь.

Что верно, то верно.

— А, ну ладно. — Тоби неуклюже взмахнул рукой в каком-то непонятном приветствии. Ник провожал его взглядом, пока он не вышел из комнаты. Нечего сказать, удачный был разговор.

Облегченно вздохнув, Тоби слетел с лестницы,

выскочил наружу и понесся по лугу, зовя за собой Мерфи, который и без того горел желанием его сопровождать. Тоби прихватил с собой подводное снаряжение — маску и дыхательную трубку — и надеялся использовать его где-нибудь на озере. Речные заводи, в которых он уже вдоволь наплавался, были хоть и на редкость чистыми, но слишком уж мелкими. Сегодня Тоби задумал обследовать дальний конец озера, за монастырем, где он еще не бывал. Издали, со стороны Корта, берег гляделся песчаным пляжем. Там и вода, должно быть, почище. Он решил до ланча посмотреть, что и как, а потом уж заняться теми местами основательно. Ему не хотелось слишком быстро исчерпать все тайны Имбера.

Переправлялся он в лодке. Мерфи на сей раз захотелось прыгнуть в лодку, и он бесстрашно расхаживал по дну, становясь передними лапами на борт и креня лодку набок. Доплыв до противоположного берега, Тоби пошел лугом, пересек дамбу и двинулся по тропинке, бегущей вдоль озера в лес. Ему не терпелось окунуться, не хотелось, чтобы ему помешала встреча с кем-нибудь. Уже на подходе к лесу он увидел доктора и миссис Гринфилд, они о чем-то горячо спорили; завидев его, они свернули на тропку к кухне. В лесу Тоби

побежал еще быстрее, теперь, к вящему его удовольствию, надо было еще и перескакивать через высокие кустики ежевики и колкую траву, буйно разросшуюся там, где когда-то пролегала тропка. Этим путем явно давно не ходили.

Тропинка повторяла изгибы озера, от берега ее отделяла неровная зеленая изгородь, и она вилась вперед змейкой из солнечных лучей и бликов отражений на воде. Чуть глубже в лес параллельно мальчику мчался пес, слышно было, как он продирается через молодняк, шуршит опавшими листьями. Наконец Тоби перешел на шаг и, прерывисто дыша, стал озираться, выясняя, где он оказался. Через кустарник виден был противоположный берег озера, монастырь там не был обнесен стеной. Тоби помедлил и взглянул туда. Там был лес, точно такой же, как здесь. И все же, подумал он, как там все, должно быть, необычно. Интересно, есть в том лесу ухоженные дорожки, по которым, предаваясь размышленьям, расхаживают монахини и шелестят длинными юбками по траве у обочины? Пока он представлял себе это, на другой стороне неожиданно появились две монахини. Тоби похолодел, не уверенный, что надежно спрятан. Монахини шли тропинкой у воды. Их отчасти

загораживал кустарник и высокий камыш, но время от времени они оказывались на ярком свету, и тогда было видно, что юбки у них в подоле подобраны, а из-под них выглядывают грубые черные башмаки. Монахини склонили друг к другу головы и, похоже, разговаривали. В следующий миг он четко, будто звон колокола, услышал, как одна из них засмеялась. Они развернулись и снова углубились в лес.

Смех этот странным образом подействовал на Тоби. Конечно, отчего бы монахиням и не смеяться, но он просто никогда не представлял их себе смеющимися. А как прекрасен этот смех, думал он, нет на свете ничего прекраснее этого смеха. Быть добродетельным и веселым — вот величайшие достоинства. Эти мысли вернули его к утренней проповеди Джеймса. То, что Джеймс говорил о невинности, безусловно, касается и его. Естественно, он не может, как Кэтрин, дать обет и хранить невинность. Как здорово старина Джеймс выразил то, что все испытывают по отношению к Кэтрин, ее исключительному положению. Действительно, глядя на нее, чувствуешь нечто неприкосновенное, незыблемое. Ему-то самому еще не доводилось оберегать себя. Верно сказал Джеймс: хранить невинность

— это ли не цель! Хотя, отметил про себя Тоби, так ли уж она непосильна, если осознать ее? Беда многих нынешних молодых людей в том, что они не осознают этого. Проводят свою молодость в ослеплении, как во сне. Тоби был уверен, что сам он от этого сна уже пробудился. Он удивлялся людям, говорившим, что молодость, мол, прекрасна, жаль только, не понимаешь этого в свое время. Тоби понял это вовремя, понимал это и сию минуту, когда шагал вот так к воде в рубашке, взмокшей от пота, и всем своим существом ощущал, как тянет от озера прохладой. Он был рад, что приехал в Имбер, рад, что окружен такими славными людьми. Он возблагодарил Господа, чувствуя новый прилив веры. Он ощущал в себе некую безликую, будто поселившуюся в нем силу благих намерений. Может, это и есть благодать Божья… Не я, но Христос во мне. Вспоминая неожиданно веселый смех монахини, пронесшийся над водой, он испытывал такую физическую и духовную радость, что казалось, за спиной у него вырастают крылья. Избранному не так уж трудно быть праведным.

Размышляя, он медленно брел, глядя вперед, пока не увидел, что добрался до цели. Интересно, оказывается, то, что он издали принимал за пес-

чаный пляж, — это широкий пологий волнорез из камней, уходящих прямо под воду. Возвышенные мысли мигом улетучились, он начал обследовать местность. Несколько прогнивших свай в озере за волнорезом наводили на мысль о том, что здесь некогда была деревянная пристань; да и поляна вокруг была расчищена, хоть и поросла теперь бурьяном. Кое-где через него проглядывали камни и гравий, а от центра поляны широкая тропа тянулась в лес. Тоби бросил маску с трубкой и двинулся по тропе. Спустя несколько минут он увидел впереди какое-то строение. Перед ним было нечто вроде старого заброшенного амбара. Крытая когда-то черепицей крыша провалилась, и с одной стороны виднелись длинные еловые стропила с еще заметными следами коры и топора. Стены из грубо обтесанного камня сложены были на века. Это средневековый амбар, решил Тоби. Он осторожно подошел к разверстому входу и заглянул внутрь. Напротив был еще один огромный проем, выходящий к пастбищу, но в амбаре все равно царил полумрак. Внутри было совершенно пусто, если не считать старых гнилых мешков и ящиков. Слабо откликалось эхо. Земляной пол был тверд, как цемент, хоть и порос под прорехами в крыше травой и чертополохом.

Глянув наверх, Тоби увидел балки невероятной толщины — каждая из ствола огромного дуба. Балки затянула густая паутина — казалось, под крышей натянута сеть. В вышине, в густой темноте, кто-то суетился, может, летучая мышь. Тоби проскочил амбар насквозь и вышел с другой стороны.

В просвете деревьев виднелось пастбище. Он двинулся туда. За лесом, по кромке пастбища, в Корт вела утрамбованная дорога, по ней, верно, и возили бревна. Когда-то амбар стоял на лугу, потом вокруг него поднялись деревья, и он остался заброшенным и никому не нужным. Взволнованный своим открытием, Тоби помчался обратно к озеру, веселому сиянию солнца, которое искрилось на дальнем конце тропинки. Мерфи сидел на волнорезе и стерег его вещи, высунув от жары язык с чисто собачьим улыбчиво-безропотным видом.

В амбаре было довольно-таки промозгло. И теперь солнце усердно отогревало Тоби. Он посмотрел на воду, и ему страстно захотелось окунуться. Глянув за озеро, он увидел, что противоположный берег огорожен стеной. А его предупреждали, что напротив стены купаться нельзя. Он решил, что, хоть его из-за стены и не

будет видно, нарушать правило он не станет и поплавает немного у волнореза. Здесь так хорошо, дальше идти не хотелось. Да и берега дальше затянуты были тиной и водорослями, и озеро, похоже, кончалось топью, от которой с души воротило. Тоби быстро скинул одежду и улегся на камни. Солнышко прогревало его насквозь.

Вначале он попытался лечь на живот, лицом вниз, свесив ноги. Но так уж устроено человеческое тело, что от такого положения шея и подбородок быстро затекают. Не лежать нашему неуклюжему телу в расслабленной позе отдыхающей собаки. Убедившись в этой истине, Тоби перевернулся и облокотился на руку. Мерфи воспринял это как приглашение и тут же подошел, положил голову ему на плечо. Какой-то экстаз охватил Тоби, он сел, взял на руки пушистого зверя и прижал к себе, как это частенько делал Ник. Близость горячей, мягкой, живой шерсти странно будоражила. Он сидел не шевелясь, обхватив собаку и глядя на воду. У пристани было глубоко, и вдруг он увидел большущую, совершенно неподвижную рыбу — она, видно, нежилась на солнышке, там, где оно прогревало зеленоватую воду. По вытянутым очертаниям и хищным челюстям он узнал щуку. Раскачивая

тихонько головой за спиной Мерфи, он неотрывно смотрел на эту замершую щуку. Затем глаза начали слипаться, и только жгучее сверкание озера проникало сквозь завесу его век. Он был так счастлив, что едва не умер, впадая в тот сон юности, когда физическое здоровье, радость и полнейшая беззаботность повергают сознание в сладкое забытье, которое тем пленительно, что пробуждение от него не менее сладостно, и душа изнемогает, пресытившись восторгом.

Тоби очнулся и сбросил с колен Мерфи. Он вздремнул немного, теперь можно и искупаться, тело накалилось так, что, похоже, зашипит, едва он зайдет в воду. Щука скрылась. У волнореза вода лениво загустела, белесые камни через нее не просвечивали. Особого толка из подводного плавания тут не выйдет, уж больно мутная вода, едва ли в ней что-то разглядишь. Он в нерешительности стоял на краю и смотрел на воду. По центру озеро искрилось бесцветным блеском, а по краям в нем отражались зеленые берега и голубое небо; краски отражений были чисты, но все равно это были краски более тусклого и сумрачного мира. Что за чудо купаться в недвижной воде — будто ступаешь в Зазеркалье, разбиваешь при этом зеркало и переходишь в мир иной, прорастающий из

мира этого! Тоби разбежался и бросился в воду.

Он плыл очень тихо, ожидая, пока уляжется рябь и поверхность натянется у подбородка тугой мягкой простыней, и наслаждался тем, что тело в прохладной воде не остывает. Оно словно подернулось серебряной нежной пленкой. Он повернул назад и лег на волнорез, будто выброшенная на мель рыба, — вытащив лишь голову и плечи; горячее солнце быстро высушило кожу. Маску с трубкой можно было достать рукой, и, лежа на том же месте, он натянул их и сполз вниз, держась за край волнореза, пока не ушел с головой под воду. Держаться под водой было нелегко, маска выталкивала наверх, на скользких и гладких камнях уцепиться было не за что. Он едва видел под водой, но по очертаниям понял, что волнорез книзу расширяется метра на три. Он выбросил маску с трубкой на берег и снова ушел под воду. На сей раз он попытался на ощупь пробраться к основанию волнореза, но это оказалось ему не под силу. К нему спрыгнул Мерфи и начал плавать вокруг, соблюдая благородный обычай, предписывающий пышные усы и большую часть бурой бородки держать над водой сухими.

Тоби огорчало то, что под водой слишком темно и ничего не видно. Он решил, что все равно

нырнет и узнает, где основание волнореза, совпадает ли оно с дном озера. Глубины озера в этом месте он не знал. В подводном плавании Тоби был силен. Перевернувшись вниз головой, он вертикально ушел под воду и, распрямившись, нащупал край волнореза. Раскрыл глаза и увидел мутную, пронизанную солнечным светом зеленую воду и белесые камни волнореза, на которых играли блики от ряби наверху. Наконец волнорез уперся в трясину озерного дна. Рука Тоби погрузилась в ил. Он быстро выдернул ее и всплыл на поверхность. Не такое уж озеро и глубокое.

Он отплыл чуть вперед, снова нырнул и оказался прямо у того места, где обрывался волнорез, поплавал вдоль рыхлого дна. Открыл глаза, но, кроме темно-зеленого света, ничего не увидел. Скользя вперед, он загреб руками мягкий ил. Тот был податливый, как вода, и все же какой-то зловещий. А ну как он наткнется на утопленника? Могла же его давно засосать трясина? Тут рука Тоби наткнулась на что-то твердое и шершавое. Напугавшись, он всплыл наверх и, переводя дух, сделал круг по воде. Довольно долго он пробыл внизу. Дыхание восстановилось. Наверняка он наткнулся на консервную банку, он осмотрел руку — не порезался ли. По опыту Тоби знал, что

под водой можно серьезно пораниться и даже не заметить этого. Руки он вроде не повредил. Наверно, пора возвращаться к ланчу.

Он решил нырнуть напоследок и посмотреть, на что он наткнулся. Гирей плюхнулся вниз и, раскрыв глаза, распластал по дну руки. Слегка разгреб ил и нащупал твердую выпуклую поверхность. Он подсунул под нее пальцы и дернул. Предмет, чем бы он ни оказался, был, видно, крупный, и тина его засосала глубоко. Вода от поднявшегося со дна ила совсем замутилась. Чтобы удержаться под водой, Тоби ухватился одной рукой за предмет, а другой принялся ощупывать его. Из тины выдавался толстый дугообразный край. Это вполне может быть большая ваза. Только вот край широковат для вазы. Предмет, видно, громадный — может, это старый паровой котел? Тоби осторожно повел пальцами от края по внешней стороне. Какие-то рытвины, зазубрины — может, ржавчиной изъело, а может, моллюсками. Дыхание было на исходе, и он вынужден был подняться наверх.

Совершенно задыхаясь, он всплыл и услышал со стороны монастыря звон ручного колоколь-

чика, призывающего к *Anngelus*[36], это означало, что уходить надо немедля, если он не хочет бежать как угорелый всю дорогу. Он решил все же нырнуть последний раз и попытаться откопать предмет. Нырнул, нашел его на сей раз сразу и, держась одной рукой за широкий край, начал отгребать от него тину. Верхняя часть без труда очистилась от ила. Край, за который он держался, был самой широкой частью предмета, и теперь по очищенной от ила окружности он мог прикинуть, что в ней побольше метра. Похоже, это круг, нижней своей частью ушедший в ил. Внутри, за ободом, была постепенно сужающаяся полость. Это вполне мог быть огромный колокол. Тут дыхание у него опять кончилось, и он вынужден был подняться.

Он подплыл к волнорезу, отдохнул с минутку. Погружение оказалось довольно изнурительным. Он дотянулся мокрой рукой до одежды и извлек из кармана брюк часы. Господи, да он опаздывает! Он быстро выскочил из воды, кое-как обтерся и начал одеваться. Поход был чудо! Он обязательно сюда вернется. Занятно будет обследовать эту штуковину прямо под водой, хотя в ней, может, и

---

[36] Примечания: 36
Молитве к Пресвятой Богородице.

нет ничего интересного. Тем не менее он решил ничего не рассказывать остальным про это славное местечко и держать язык за зубами.

Глава 11

Идею подал Джеймс Тейпер Пейс — взять Тоби в поездку на «лендровере». Майкл собирался в Суиндон за механическим культиватором. Хотя со дня собрания минуло уже несколько дней и Майклу не терпелось заполучить свою игрушку, он никак не мог выкроить времени для этого путешествия. Наступила среда, и он решил во что бы то ни стало ехать сегодня, ближе к вечеру. Пока он доберется, магазин уже закроют, но он все уладил по телефону, управляющий, с которым он не раз имел дело, сказал, что культиватор можно забрать и позже, до семи вечера.

— Почему бы вам не взять с собой Тоби? — предложил Джеймс. Они вместе выходили из конторы. — Освободить его часом раньше, пусть хоть немного полюбуется на природу. А то работает как негр.

Майклу эта мысль в голову не пришла, он за нее ухватился и, перед тем как выезжать, зашел за Тоби в огород. Тоби с Пэтчуэем мотыжили брюссельскую капусту.

— Да не цацкайся ты с ней, — наставлял мальчика Пэтчуэй. — Рубай кругом, ей это только на

пользу!

Тоби разогнулся и поздоровался с Майклом. Мальчик уже хорошо загорел, лицо его лоснилось от пота. У оголенного по пояс Пэтчуэя на голове по-прежнему возвышалась его устрашающего вида шляпа.

— Вот, пришел спросить, не хочет ли Тоби прокатиться со мной до Суиндона — так просто, для развлечения. Если, конечно, вы не возражаете.

Пэтчуэй хмыкнул, скосил глаза на Тоби.

— Я бы с радостью, если меня отпустят, — сказал Тоби.

— Голуби нам пока не очень досаждают, верно? — спросил Майкл Пэтчуэя.

— А чего им?! Этим заразам и так есть что есть. Зато смотри в оба, когда холода придут.

Тоби побежал переодеваться, а Майкл постоял немного с Пэтчуэем. У Пэтчуэя была завидная деревенская способность, отличающая еще великих актеров, — стоять, ничего не говоря, и давать знать о своем присутствии с чувством собственного достоинства, не испытывая при этом ни малейшей неловкости.

Это молчаливое общение кончилось, Майкл отправился за «лендровером» в конюшню, вывел его и поставил перед домом. Грузовик

пришелся бы как нельзя кстати — культиватору в «лендровере» будет тесновато, — но грузовик по-прежнему был неисправен, а Ник Фоли так и не удосуживался посмотреть его, хотя его просили об этом дважды. Это был непорядок, и вызван он был нехваткой времени, нехваткой людей. Майкл понимал: надо либо проследить за тем, чтобы Ник справлялся со своими обязанностями, либо нанять рабочего из деревенского гаража. Но он медлил с решением этого вопроса, и перегруженный «лендровер» вынужден был пока возить овощи в Пенделкот.

Майкл пребывал в хорошем расположении духа. Он возлагал большие надежды на культиватор — он избавит от львиной доли тяжелой физической работы, и в управлении он так прост, что сладить с ним могут и женщины, та же Маргарет, Кэтрин-то скоро уйдет, или какая-нибудь еще женщина, которая приедет в общину. При мысли о возможном появлении женщин сердце у Майкла дрогнуло, но он тут же взял себя в руки — смог же он приноровиться к этим двум. Увеличение общины было желательно с любой точки зрения, а стеснение, которое испытываешь, когда разрывается тесный круг общения, в конце концов скоро проходит. С бо`льшим числом людей и

с большей механизацией труда община крепко встанет на ноги, и теперешние хлопоты во имя хлеба насущного, весьма докучные, хоть и не лишенные определенного очарования жизни Робинзона Крузо, наконец-то кончатся. Радовался Майкл и поездке в Суиндон. Уже много недель он никуда дальше Сиренчестера не выбирался и сейчас по-детски предвкушал удовольствие от поездки в большой город. Приятно и то, что рядом будет Тоби, и приятно вдвойне оттого, что предложил это не он сам.

Путешествие, во время которого Майкл отвечал на расспросы Тоби о сельской жизни, заняло чуть больше часа. Один раз они остановились ненадолго у деревенской церкви. Приехав в Суиндон, они направились прямиком в магазин, запакованный культиватор ждал их во дворе. С помощью рабочего из магазина Тоби с Майклом взвалили это замечательное приобретение на багажник, закрепили веревками, чтобы он не выпал по дороге. Майкл смотрел на культиватор с любовью. Большие, будто игрушечные колеса в желтых покрышках и квадратный сверкающе-красный корпус прорвали по углам упаковку. Рукоятки руля антилопьими рожками упирались над передним сиденьем в крышу. Культиватор

устроили вполне надежно, и Майкл не мог на него налюбоваться. Ему было обидно, что Тоби, мечтавший сесть на трактор, похоже, разделяет мнение Пэтчуэя и считает, что культиватор — забава для неженок.

— Теперь надо бы и перекусить, как считаешь? — спросил Майкл. Ужин из-за раннего отъезда они пропустили, и пара бутербродов в кабачке их вполне бы устроила. Майклу на память пришел симпатичный деревенский кабачок неподалеку от Суиндона, как раз по дороге домой.

Когда они туда приехали, было половина седьмого. Кабачок оказался куда больше, чем помнилось Майклу, и они прошли в бар, сохранивший старую почерневшую дубовую обшивку, высокие деревянные сиденья, обитые, правда, современной красной кожей, блеклые викторианские гравюры с охотничьими сценками и занавески с рисунком из пивных кружек и стаканов для коктейлей. Весело поблескивали бутылки за стойкой бара, у которой, облокотясь, стояли разгоряченные краснолицые мужчины в твидовых костюмах — не то фермеры, не то торговцы, сказать наверняка было трудно.

Майкл усадил Тоби, к великому его удоволь-

ствию, на уютную просторную скамью у окошка, откуда виден был внутренний двор, так что они могли приглядывать за «лендровером» и его бесценным грузом.

— В общем-то это незаконно — то, что я тебя сюда привел. Тебе восемнадцать-то хоть есть? А, только исполнилось. Тогда ладно. Так что будешь пить? Что-нибудь не очень крепкое?

— Что вы! — Тоби был шокирован. — Я бы отведал какого-нибудь традиционного местного напитка. Есть тут такой?

— Хорошо. Тогда, раз мы в западных графствах, пить будем сидр. В меню он у них, вижу, есть. Он довольно крепкий. Хочешь попробовать? Ладно, сиди здесь. Я принесу — и сидр, и сэндвичи.

Сэндвичи были отменные — свежайший белый хлеб и постный, крошащийся ростбиф. К ним подали пикули, горчицу и хрустящий картофель. Сидр был золотистый, шипучий, не кислый на вкус и очень крепкий. Майкл сразу отпил большой глоток — сидр был привычен ему с детства. Он грел душу, будил воспоминания, причем одни лишь приятные.

— А разве это западные графства? — спросил Тоби. — Я-то всегда считал, что Суиндон довольно близко от Лондона. Хотя, может, я путаю его со

Слоу!

— Именно отсюда они и начинаются — так мне, по крайней мере, думается. Сидр — верный признак. Я сам из этих мест… А ты где рос, Тоби?

— В Лондоне. А жаль. Мне всегда хотелось учиться в закрытой школе.

Они поговорили немного о детстве Тоби. Майкл был так счастлив, что готов был кричать об этом во весь голос. Давно не сидел он в баре, и сидеть здесь, беседовать с мальчиком и потягивать сидр было так чудесно, что лучшего и желать было нечего. Майкл смутно догадывался, что душевный подъем этот необычен; знал он и то, что не тоскует по его утрате и не мечтает о его возврате, и все же, предаваясь наслаждению, он подспудно чувствовал: что-то в его жизни безвозвратно утрачено, принесено в жертву. И вмиг перед ним ожило видение, которое одно время часто преследовало его, а теперь уже редко ему являлось: Длинный зал в Имбере, полный людей, ковры, золоченые рамы зеркал, глянец старинных полотен, рояль на прежнем своем месте в углу, сверкающий поднос с напитками на приставном столике. Но и видение это не умалило его радости: знать точно, от чего отрекаешься и что обретаешь, — и не ведать сожаленья;

вновь посетить места отринутых радостей — и не ведать боли зависти; вновь ощутить сиюминутность этих радостей — и испытать восторг, не омрачаемый знанием, что они преходящи, — вот оно счастье и, по всей видимости, свобода…

— Чем тебе хотелось бы заниматься после окончания колледжа?

— Не знаю, наверно, инженером буду. Я пока не знаю точно, чем бы мне хотелось заниматься. За границу мне точно не хочется. Знаете, мне хотелось бы заняться чем-то вроде того, чем занимаетесь вы.

Майкл засмеялся.

— Но, мальчик мой, я же ничем особым не занимаюсь. Я самый что ни на есть дилетант.

— О нет, вы не правы! То, что вы совершили в Имбере, — это же чудо! Хотелось бы мне суметь такое. Нет, я не имею в виду, что смог бы когда-нибудь совершить подобное, нет, я хотел бы просто быть причастным к чему-то чистому и отрешенному от современного мира.

Майкл еще раз посмеялся над Тоби, и они поспорили о том, как следует понимать отрешенность. Майкл не подавал виду, что его глубоко трогает и слегка огорчает явное преклонение мальчика. Тоби видел в нем духовного наставника. Майкл

знал, сколь искаженно представление о нем Тоби, но от рисуемого воображением мальчика образа ему все же передалось чувство уверенности в том, что такое возможно. С ним еще не все кончено, нет, не все. Он искоса глянул на Тоби. Для поездки в город Тоби надел чистую рубашку и пиджак, но галстука не повязал. Пиджак он оставил в машине. Рубашка, еще не обмявшаяся после прачечной, была расстегнута, воротничок жестко топорщился под подбородком, и в узкий просвет этой белизны проглядывала смуглая грудь. Майкл вновь отметил прямизну его носа, шелковистость длинных ресниц, застенчиво-пугливое выражение лица — пытливого, нежного, неиспорченного. В нем не было и следа той смазливости, беспокойной подвижности, которые обычны для мальчиков его возраста. Майкл глядел на Тоби, и в нем росла надежда на него, а с ней и радость, которая приходит с лишенной корыстных помыслов надеждой на ближнего.

— Боюсь, мне целой кружки не одолеть, — сказал Тоби. — Это очень вкусно, но для меня крепковато. Нет, спасибо, я больше ничего не буду. Может, вы хотите? — Он вылил остатки сидра в опустевшую кружку Майкла.

Майкл допил, взял еще одну кружку. На стойке

он заметил шоколадные конфеты, прихватил их для Тоби. Вернувшись на место, он с удивлением заметил, что за окном совсем стемнело.

— Надо собираться, — сказал он, залпом осушив кружку. Тоби съел конфеты. Быстро пролетело время! Спустя несколько минут они поднялись и двинулись к выходу.

Выйдя во двор, Майкл ощутил страшную тяжесть в ногах. Глупо было пить вторую кружку. Он уже так отвык от спиртного, что захмелел от самой малости. Но он знал, что, едва только сядет за руль, сразу протрезвеет. Они уселись, Майкл включил фары и вырулил на дорогу к дому; за спиной уютно подрагивал культиватор, одна из резиновых рукояток доставала почти до головы.

Ночью дорога выглядела иной: яркой зеленью отливала трава, золотисто-серые фасады домов с высокими окнами вырастали из тьмы и вновь исчезали, таинственные деревья жались друг к другу над длинными пучками света от фар. То и дело попадались кошки: либо перебегали перед машиной дорогу, либо сидели у обочины, и когда на них падал свет, глаза у них ярко вспыхивали.

— Вот ты, Тоби, у нас будущий ученый. Скажи, отчего у людей глаза не горят зеленым пламенем?

— А вы уверены, что не горят?

— А разве горят? Не видел, чтобы у кого-нибудь вот так светились глаза.

— Может, это оттого, что люди всегда отводят глаза? Помнится, в школе нам говорили, будто герцога Монмутского [37] после восстания поймали, когда тот скрывался во рву у Крэнборна, именно потому, что глаза у него при лунном свете ярко сверкали.

— Да, но не так ведь, — возразил Майкл. Тут впереди на дорогу выскочил какой-то зверек, два зеленых огонька полыхнули и скрылись.

— Я так думаю что за зрачками есть какие-нибудь особые клетки, — сказал Тоби, — и все же я абсолютно уверен, что и у нас глаза могут светиться, если направить на них луч света. Давайте попробуем! Я выйду, пойду навстречу, на свет, а вы смотрите — будут у меня светиться глаза или нет!

— Да ты и впрямь естествоиспытатель! — засмеялся Майкл. — Давай попробуем, только не теперь. Подъедем ближе к дому, ладно? Тогда и

---

[37] Примечания: 37

Джеймс, герцог Монмутский (1649–1685) — побочный сын английского короля Карла II, претендовавший после смерти отца на престол. В июне 1685 г. поднял восстание против Иакова II, был разбит при Седжмуре и спустя несколько дней — во время бегства — взят в плен и казнен в Лондоне.

проведешь свой опыт.

Тоби умолк, и дальше они ехали молча. Немного погодя Майкл услышал, что Тоби зевает.

— От этого сидра меня что-то в сон клонит, — виновато сказал он.

— А ты поспи.

— Нет, что вы, я не засну.

Спустя несколько минут он спал. Краем глаза Майкл видел, что голова у мальчика упала на грудь. Тяжелая физическая работа и изрядная порция крепкого сидра взяли свое. Майкл улыбнулся.

«Лендровер» катился медленнее, чем по дороге в город. Майкл был еще немного пьян, но в пределах допустимого. Из состояния душевного подъема и восторга, пережитого в кабачке, он впал в мурлыкающее довольство, тело его налилось томной тяжестью. Лежа на руле и поворачивая его лишь слабым движением плеча, он тихонько напевал под нос. Тоби склонился вперед и спал как убитый. На повороте его качнуло, и он привалился к Майклу, мягко уткнувшись головой в плечо.

Майкл вел машину как во сне. Коленкой Тоби прижался к его бедру, худенькое тело было теплым, податливым, мягкие волосы щекотали

щеку. Внезапное наслаждение от этой близости было столь острым, что на какой-то миг он закрыл глаза и лишь потом опомнился — он же ведет машину. Майкл попытался дышать тише, чтобы не потревожить сон мальчика, но обнаружил, что дышит глубоко и прерывисто. Он слегка замедлил ход «лендровера» и перевел дух. У него было такое чувство, что телесная его оболочка потеряла свои прежние пределы и он ощущает, как опускаются и подымаются ребра не только у него, но и у Тоби. Он боялся громким стуком сердца разбудить спящего.

Медленно ехал он, едва ли не шагом. Если не останавливаться, Тоби вполне может поспать до Имбера. На поворотах Майкл выписывал «лендровером» плавные дуги. К счастью, дорога была пуста. Пусть Тоби просто спит — больше ему ничего не нужно. Майкл с упоением чувствовал себя заступником, и ему вдруг припомнился старый крестьянин, которого он однажды видел высоко в Альпах, — тот сидел на зеленом склоне и стерег пасущуюся корову. Нелепость этого сравнения заставила его невольно улыбнуться. Улыбка так и застыла у него на лице.

На прямом отрезке дороги он рискнул взглянуть на Тоби. Мальчик свернулся около него

калачиком — ноги поджаты, руки трогательно сложены, голова свесилась меж плечом Майкла и спинкой сиденья. Белая накрахмаленная рубашка расстегнулась почти до пояса. Майкл перевел взгляд на дорогу, и у него вдруг возникло отчетливое желание просунуть руку к Тоби за пазуху. Мысль эта полыхнула, будто искра, и в следующий миг он уже представлял себе, как съезжает на обочину и крепко сжимает Тоби в объятиях.

Майкл встряхнул головой, словно отгоняя наваждение. Только теперь он понял, что голова у него разламывается от боли. Нет, нужно держать свое воображение в узде. Какие оно, однако, с ним играет злые шутки! Он был наделен, на счастье или на беду, могучей силой воображения, но видения, которые оно порождало, обычно не были столь ужасающими. Майкла охватил торжественный трепет — он в ответе за Тоби, он его заступник, — и на него снова нахлынула радость, которая от того, что он сознательно сдержал свой порыв, казалась еще более глубокой и чистой. В его власти оградить Тоби от всего дурного. Он представил себе Тоби выпускником колледжа, молодым мужчиной. Можно не упускать его из виду, приглядывать за ним, помогать. Да, нужно во что бы то ни стало упрочить, сберечь друж-

бу с Тоби; почему бы, собственно говоря, такой дружбе не быть полезной для них обоих? В собственной щепетильности в отношении Тоби он ни минуты не сомневался. Миг этого упоения сгинет как нечто из ряда вон выходящее, случайное, но останутся длительные и серьезные обязательства перед мальчиком. Миг этот никогда больше не повторится. Но отблеск его ляжет на скромные деяния, которые незаметно будут вершиться в будущем, и Тоби о том никогда не узнает. Майкл ощущал в себе неистощимые запасы любви и благоволения к этому юному созданию. Нет, Господь не может отвергнуть этот источник любви. Должен, должен быть путь, который обратит такую любовь во благо. В эти минуты Майкл не думал, что сделать это будет ох как трудно.

Майкл с огорчением понял, что близится Имбер. Стало быть, он ехал, не замечая дороги. Интересно, сильно ли он еще пьян. Слава богу, все обошлось. Он плавно вырулил на главную дорогу, и вскоре справа показалась высокая каменная стена. Тоби по-прежнему крепко спал. Грех будить его. «Лендровер» притормозил. Майкл инстинктивно не поехал к воротам сторожки, остановился в нескольких сотнях ярдов от нее и потушил фары. Затем выключил зажигание.

Наступила страшная тишина.

Тоби вздрогнул. Затем отпрянул к своему сиденью и открыл глаза. Он сразу проснулся.

— О господи, я что, заснул? Простите меня!

— Нечего извиняться. Ты немножко вздремнул. И мы снова дома.

Тоби удивленно вскрикнул. Зевая, он потянулся. Затем с нетерпением в голосе сказал:

— А ведь мы можем сейчас проделать этот опыт с фарами. Хотите? Включайте, а я пойду навстречу и буду смотреть прямо на свет.

Майкл послушно включил фары на всю мощь. Тоби тем временем выскочил из «лендровера». Мальчик бежал вперед, пока его доставал луч света. Затем развернулся и медленно пошел назад, устремив взор туда, где за снопом света скрывался Майкл. Его ярко освещенная фигурка медленно приближалась. Широко раскрытые темные глаза не мигали и странно походили на глаза лунатика. Они не светились и не горели. Он шел медленной изящной поступью, худенький, стройный, закатанные рукава рубашки скатились к запястьям. Шел он долго.

Подойдя к машине, он просунул голову в окошко к Майклу. Майкл положил руку ему на плечо и поцеловал.

Все случилось так быстро, что мгновение спустя Майкл вовсе не был уверен: было это на самом деле или ему снова что-то привиделось. Но Тоби, отпрянув от Майкла, стоял как вкопанный, и на лице его было написано крайнее изумление.

— Извини, это недоразумение. — Голос у Майкла неожиданно сел. И слова идиотские, совсем не те, что хотел сказать. Наступило молчание. — Извини, Тоби, зайди с той стороны, сядь в машину, я подвезу тебя к сторожке. Мы немного не доехали.

Тоби обогнул спереди машину, отворотив от него лицо. И только он взялся за дверцу — на дороге кто-то появился. На сноп света медленно надвигалась еще одна фигура. Это был Ник. Едва завидев его, Майкл инстинктивно потушил фары и замер. Ник прорезался из темноты и стал у машины. Тоби по-прежнему стоял на дороге.

— Привет обоим, — сказал Ник. — Я уж думал, вы никогда не вернетесь. Что это за штучки — останавливаться так далеко от ворот?

— Я спутал, — ответил Майкл. — Вы не проводите Тоби? Я поехал. Всего доброго, Тоби.

Он включил фары, резко рванул машину с места и помчал по дороге, въехал в ворота сторожки, которые, по счастью, были распахнуты. Их с Тоби

скрывал слепящий свет фар, и все же Ник мог что-то увидеть. Именно эта мысль мучила его больше всего, когда он ехал к погруженному во тьму дому.

Глава 12

Было обеденное время следующего дня. За трапезой, как и полагалось, молчали, а кто-то один читал вслух. Обычно чтец сидел за боковым столиком, все остальные — за длинным узким трапезным столом, по концам которого сидели Майкл и миссис Марк. Сегодня чтицей была Кэтрин, а книга, отрывок из которой она читала, — «Откровения» Святой Юлианы Норвичской[38]. Читала Кэтрин хорошо, с едва заметной дрожью в голосе, с глубоким чувством и сопереживанием.

«Великим деянием, предопределенным с самого начала Господом нашим, схороненным в благословенной груди его, известным одному лишь ему, является то, что обернет он все к лучшему. Как Святая Троица сотворила все из ничего, так та же Святая Троица повернет к лучшему и то, что не было хорошим.

И сильно подивилась я тому, и стала созерцать

---

[38] Примечания: 38

Юлиана Норвичская (1343–ок. 1416) — отшельница, монахиня бенедиктинского монастыря в Кэрроу (близ Норича), автор сочинения «XVI откровений Божественной любви».

веру нашу, и дивилась вот чему: вера наша основывается на слове Божьем. И присуще вере нашей то, во что верим мы: слово Божье претворится во всем сущем; и в вере нашей есть убеждение, что многие будут осуждены: как ангелы, поверженные с небес за гордыню, стали демонами, как человек на земле, умирающий без веры в Святую Церковь, есть язычник, так и человек, принявший христианство, но живущий не христианской жизнью, умирает без любви, и все они осуждены будут на нескончаемое пребывание в аду. Так учит меня Святая Церковь. И все столь незыблемо, что подумалось мне: невозможно, чтобы было все к лучшему, как, однако, указывает Господь наш.

И не могла я найти на это ответа иного, нежели указание Бога нашего: что невозможно для вас, не невозможно для меня: слово мое спасу я во всем сущем и обращу все к лучшему. Так была я научена милостию Божьей — непоколебимо должно держаться Веры своей, и впредь должно твердо верить, что все к лучшему, как и указывает Господь наш».

Тоби, быстро покончив с едой, сидел и крошил хлеб, заталкивая хлебные шарики в трещины старого дубового стола. Он не смел поднять голо-

вы, боясь встретиться глазами с Майклом. После дурно проведенной ночи он чувствовал себя усталым и рассеянным. Работа с утра была в тягость. Того, что читают, он не слушал.

Тоби получил, хотя еще и не усвоил, один из первейших уроков взрослой жизни: ни от чего не зарекайся. В любой миг из состояния безмятежного благополучия можешь быть ввергнут в состояние диаметрально противоположное, причем без всякого промежуточного этапа — так захлестывает нас стихия нашего собственного и чужого несовершенства. Тоби перешел — и, как ему казалось, в мгновение ока — от умиротворенности, прежде казавшейся незыблемой, к треволнениям, суть которых понять мог едва ли. Долгой ночью и утром, когда очнулся от беспокойного короткого забытья, он мучился одним: произошло что-нибудь чрезвычайное или нет? Впрочем, рассуждал он об этом лишь умозрительно. В глубине души он знал: случилось нечто из ряда вон выходящее, только что именно — он пока не знал.

Возвращаясь с Ником в сторожку — после того как Майкл поспешно уехал, — он был невероятно растерян, но все же сумел говорить спокойно и отвечать на расспросы Ника о поездке с безраз-

личной готовностью. Интересно, видел ли Ник, что произошло? Наверняка не видел. Тоби с Майклом скрывал свет фар, и Ника, даже если он как раз в тот момент вышел из ворот, слепил этот сильный луч. По странному поведению Майкла можно было угадать, что тут дело нечисто, но отчего появлению Ника следовало придавать такое же значение, как этому? Может, Ник попросту любопытен — по дороге он, как приметил Тоби, проявлял к нему живейший интерес и всячески старался его разговорить. Но Тоби держался невозмутимо и, хоть и не резко, разговор оборвал, отправившись спать. Ему не терпелось побыть одному.

Оставшись в одиночестве, он сел на кровать, закрыв лицо руками. Первой его реакцией было крайнее изумление. Трудно было вообразить что-нибудь более неожиданное. Представления Тоби о гомосексуализме были весьма поверхностными. В закрытой школе он никогда не учился и подобного рода опыта не получил и даже не сталкивался с ним. Проблема эта была объектом определенных незатейливых шуточек среди его школьных приятелей, чье неведение было столь же велико, как и его собственное, так что из этого источника он мог почерпнуть самые ни-

чтожные сведения. Поскольку курс его обучения предполагал изучение латыни, но не древнегреческого, знакомство его с подобными эксцессами у древних было весьма отрывочным, да и в любом другом случае у них все было по-другому. Познания свои он извлек из газет для обывателей да оброненных вскользь замечаний отца о «голубых». Так что до сих пор он совсем не думал об этом отклонении и считал его некой странной болезнью, извращением с налетом таинственности и омерзительного изыска, которым страдает незначительная горстка несчастных. Он был также уверен — и в этом мнение его расходилось с отцовским, — что справедливость требует считать этих несчастных пациентами врачей, а не объектами полицейского надзора. На сем познания его и оканчивались.

Как всякий неопытный человек, Тоби был склонен к категоричности суждений. И как прежде он держал Майкла за образец добродетели, не допуская даже и в мыслях, что в жизни его могли быть и бесчестье, и поражения, так ныне он обвинял Майкла *tout court*[39] в содомском грехе со всей его противоестественностью и мерзостью,

[39] Примечания: 39
Просто-напросто (*фр.*).

во всяком случае, такой была его первая реакция. Он обнаружил, что мысли его по этому поводу бегут быстро и принимают более сложный оборот. Вначале было удивление. Потом его сменили брезгливость и ужасный страх. Он испытывал почти физическое отвращение от того, что с ним так обошлись. Он чувствовал, что ему угрожает опасность. Может, нужно рассказать кому-то? Знают ли об этом другие? Ясное дело — нет. А нужно ли говорить? Явно, это не его ума дело. Кроме того, надо и о себе подумать. Тоби был страшно напуган, обнаружив, что относится к тому типу лиц, который привлекает такого рода внимание. Уж не показывает ли это, что с ним самим что-то неладно, что в нем самом есть неосознанные склонности, которые другой такой несчастный может в нем распознать?

Но тут он стал упрекать себя в склонности к преувеличениям. Наверняка случившееся не так уж значительно на самом-то деле; и потом — не выказывает ли он, так по-идиотски убиваясь, наивность и неискушенность? Более всего Тоби ужасала мысль, что его могут счесть наивным. Он начал раздеваться и решил не думать больше об этом до завтрашнего утра. Выключил свет. Но сон не шел. Лежа в темноте, Тоби начал

приходить к выводу, что в происшедшем есть и захватывающая сторона. Вот это приключение так приключение — от него, конечно, с души воротит, но… И он почувствовал, в чем не сразу себе признался, удовольствие от неожиданной власти над тем, кого беспрекословно почитал своим духовным наставником.

Мысли его повернули в более гуманное русло, и тут он совсем растерялся. Он всерьез задумался о Майкле. Что же он такое, Майкл? О чем Майкл сейчас думает? Лежит ли без сна, несчастный, изнывая от неутоленного желания? Как он будет себя вести завтра? Заговорит ли с Тоби о случившемся? Или промолчит и будет вести себя как ни в чем не бывало? Вот этого, чувствовал Тоби, он просто не вынесет. В нем крепло стремление к определенности в их отношениях.

Впервые в нем заговорил жгучий интерес к Майклу. Когда же он воскрешал в памяти образ этого непонятного ему человека, он ощущал прилив новых чувств по отношению к нему. Как ни странно, ему хотелось заступиться за Майкла. На том он и уснул.

На следующее утро ему было попросту тошно. Отвращение вернулось, но теперь по каким-то неясным причинам оно обратилось на него само-

го. Чувство было такое, будто минувшей ночью он участвовал в изнурительной оргии. Правда, перебрав с неубывающим омерзением в памяти детали вчерашнего происшествия, он счел, что в разряд оргии можно отнести разве что его собственные мысли. И все же ни о чем другом думать не хотелось. Насколько прежде он всем сердцем радовался работе в саду, настолько сегодня она казалась нудным, пустым времяпрепровождением, отвлекающим его от дум о Майкле. Он с удовольствием провел бы это утро в лесу. Вместо этого он вынужден был терпеть разговор с Джеймсом, затем с Пэтчуэем, а затем и с миссис Марк, когда их отрядили на все оставшееся утро фасовать овощи в сетки и ящики. Майкл его сторонился.

Майкл вполне мог бы улучить момент во время ланча и отозвать его в сторону. Но ланч кончился, а они так ни разу и не глянули друг на друга. Тоби не хотел показывать, что жаждет разговора tete-a-tete, и потому в короткий перерыв после ланча скрылся в уединенном уголке сада, где надо было крепить проволоку к стене — его просили заняться этим на досуге. Но заставить себя работать он не мог. Сел на дорожку, начал перебирать в руках мелкие камешки — и так и сидел, пока не настало время вновь приступить к работе в огороде.

Его снова отправили окапывать какие-то нескончаемые грядки. По крайней мере, он был один. Погода стояла по-прежнему жаркая, и от тяжелой работы он вскоре вспотел. Он упорно работал, не поднимая головы. Вдалеке слышался рокот культиватора, который сразу пустили в дело под началом Пэтчуэя, мигом переменившего к нему отношение. День клонился к концу, Тоби совершенно отчаялся, мысли его были в смятении и сводились к одной неодолимой потребности: поговорить с Майклом.

За ужином он был в полном оцепенении и, посидев немного на виду в гостиной, силой заставил себя вернуться в сад и заняться проволокой. Здесь-то, часов около восьми, и сыскала его миссис Марк, сообщив, что Майкл хотел бы немедленно его увидеть.

Как только Майкл добрался до своей комнаты, он кинулся на пол и на какое-то время забылся в мучительном желании сгинуть куда-нибудь. Потрясение от случившегося и сила раскаяния совершенно ошеломили его. Помыслить об этом, вообразить — пусть, но сделать? И когда Майкл силился осознать то ничтожное расстояние, которое разделяет мысль и действие, оно под его взором превращалось в узкое ущелье, ведущее

в бездонную пропасть. Закрыв лицо руками, он попытался молиться, но скоро понял, что еще не протрезвел. Что теперь убиваться, это бесполезно и низко. Он даже не в состоянии в полной мере осмыслить свое падение. Все же он выдавил из себя несколько слов молитвы — привычных, знакомых слов, сложенных для таких случаев другими людьми. Своих слов, своих мыслей он отыскать не мог. Он поднялся с пола.

Пошел в душ, промокнул лицо влажной салфеткой. Кожа горела. Нужно взять себя в руки и спокойно все обдумать, но пока он стоял так — держа в руке салфетку, с которой капала вода, — к нему лишь неотступной, ноющей болью вернулись желание, чтобы Ник ничего не увидел, и ужас — а вдруг он видел… Задаваясь вопросом, отчего это теперь так отчаянно его мучит, он отыскивал ответ на него довольно-таки странный. Он не хотел, чтобы Ник считал, будто Майкл предал его, бросил ради мальчика помоложе. Но это ведь какое-то безумное чувство — оно как бы предполагает, будто время ничего не изменило. Что ему не хотелось выглядеть в глазах Ника испорченным или безнравственным — это вполне понятно, ибо это важно как для блага Ника, так и для его собственного. Но, оказывается, более-

то всего его печалит, что Ник может счесть его неверным.

И мысль эта так поразила Майкла, что он просто не знал, как от нее избавиться. Он выронил салфетку. Холодная вода стекала по шее на спину. Снова почувствовал, как раскалывается у него голова, как отвратительно сводит живот. Он сел на кровать, отчаянно силясь спокойно все взвесить. Когда это в какой-то мере ему удалось, он с ужасом осознал, что первейшей его заботой был не Тоби. Изначальные его побуждения диктовались чем-то вроде инстинкта самосохранения: страхом за себя — в чем он еще не осмеливался себе в полной мере признаться — да этой безрассудной боязнью быть превратно понятым Ником. А ведь ему прежде всего нужно было подумать о том, какой вред причинил он мальчику.

Мысли о Тоби поначалу были не такими мучительными, ибо здесь хоть можно было ухватиться за проблему и попытаться очертить ее пределы. Майкл начал хладнокровно представлять себе, что творится на душе у Тоби. Судя по тому, что он знал о мальчике и его прошлом, Тоби в гомосексуализме наверняка несведущ и вполне возможно, что он считает «голубых» презренными, загадочными, омерзительными. И поцелуй

Майкла мог произвести на него сильнейшее впечатление; а посему, даже если сам он сочтет за лучшее промолчать о случившемся, Тоби едва ли сможет удержаться и смолчать. Он захочет объяснений. Потребует продолжения. Не поговорить с ним — значит оставить мальчика в состоянии безысходной тревоги и взвинченности. Что-то надо делать.

И теперь, всерьез задумавшись о Тоби, Майкл впервые отчетливо осознал — и с горечью отметил, с каким запозданием он это делает, — что он навредил не только себе самому. Ощущения Тоби он рисовал себе так: шок, отвращение, крушение идеалов, чувство чего-то безнадежно осквернённого. Тоби приехал в Имбер, как в оплот религии, как в убежище. Он искал вдохновения и примера для подражания. Что, собственно, его, Майкла, ореол мгновенно улетучился, значение имело меньшее, но ведь теперь-то и весь опыт Имбера потерян для Тоби. Горестно и безжалостно осмыслял Майкл результаты содеянного. Чтобы такое мимолетное и мелкое происшествие оказалось таким значительным, повлекло за собой такой крах! С одной стороны, Майкл знал, что произошло: он выпил лишнего и поддался случайному безобидному влечению. С другой стороны, он

пока не знал, что произошло. Поступки наши что корабли: мы видим, как они уходят в открытое море, но не знаем, ни когда, ни с каким грузом они возвратятся в гавань.

С трудом Майкл принудил себя лечь спать. Он помолился, силясь сосредоточить все свои помыслы на Тоби. Для самоанализа времени потом будет предостаточно. Он понимал, что в нем дремали бесы — он будто видел их краешком глаза — и своим поступком он выпустил их на волю. Сумасшедшие, мучительные мысли о Нике не отступали. Когда он нырнул в постель и задремал, последней пронеслась в голове мысль о том, что он, хоть и причинил Тоби вред, себе все же навредил куда больше. В чем именно — покажет будущее.

На следующий день он спрашивал себя: что же делать? Только теперь ему открылась и другая сторона создавшейся ситуации. Он жаждал вновь увидеть Тоби и поговорить с ним о случившемся. За завтраком оба они сидели не поднимая головы, а после Майкл сразу ушел к себе в контору. Ему отчаянно хотелось поговорить с Тоби. Он вспоминал, как накануне, когда они возвращались домой, сердце у него разрывалось от нежности к нему, как он был уверен, что не может такой

источник чувства быть только лишь пагубным. Сегодня он с большим цинизмом подумал: а не лучше ли разыграть безучастность к страданиям Тоби и положиться на волю судьбы — так, по крайней мере, будет для него гораздо безопасней. Эмоциональный разговор, когда придется вроде как приносить извинения, лишь затянет этот инцидент. Обнаружил в себе Майкл и желание прояснить вопрос относительно Ника, но в то же время сама мысль о том, чтобы расспросить Тоби о Нике, повергала его в трепет. Нет, коли уж решаться на разговор с Тоби, держаться надо в рамках, невозмутимо, только сможет ли он?

Утром он выкроил время и зашел в часовню для посетителей, посидел там в тиши и сумраке. В этом месте нетрудно было уверовать в близость Бога. Более чистыми помыслами многих других был проторен этот путь, преодолена эта бездна. Тут наконец унялся жар его воспаленного мозга, и всем своим существом ощутил он желание делать лишь то, что угодно Богу, и уверенность, что в его силах познать это и сделать. В то же время во вновь обретенном душевном покое он смог беспристрастно осудить себя за низость мыслей, одолевавших его минувшей ночью и утром. Быстро же поддался он страху и как далек

был от истинного раскаяния, как не готов был найти в своем сердце настоящее благоволение к Тоби, которое было бы ему порукой. Теперь он молился, чтобы осознать свой грех и превозмочь малодушие; и, глядя через решетку на алтарь, он чувствовал, как нисходят на него успокоение, ободрение и исцеление. Он еще нужен в этом мире, и Господь не дозволит его погибели. С Тоби, решил он, надо поговорить.

Желание повидаться с мальчиком было неотступным. Выйдя из часовни, он решил отложить беседу до следующего дня. Это немного охладит его, и он надеялся к завтрашнему дню успокоиться. За ланчем, по-прежнему стараясь не встречаться глазами с Тоби, он внимательно слушал то, что читала Кэтрин, и был тронут явным преклонением Кэтрин перед автором. Он вспомнил, как однажды она призналась ему, что Святая Юлиана повлияла на ее решение принять монашество. Воистину, многим душам ведом этот кроткий мистицизм, утешительный и вдохновляющий, незамутненное, как у Кэтрин, понимание реальности Божьей любви! Майкл сопоставил прочитанное со своими переживаниями и решил, что все его бесконечные сомнения, неспособность действовать простосердечно исхо-

дят от маловерия.

После ланча он отправился в дальний конец сада и занялся тяжелой физической работой. Восторги от механического копания он предоставил Пэтчуэю. Его собственное удовольствие от этой весело раскрашенной игрушки было напрочь испорчено. Он склонился над землей, и разные мысли терзали его. За ужином он нервничал, не находил себе места, аппетит у него пропал. После ужина он попытался было заняться в конторе проектом обращения за финансовой помощью. Но сознание его притупилось, от прежней устремленности в мыслях ничего не осталось. Ему стало казаться, что откладывать разговор нелепо, это лишь понапрасну вводит Тоби в заблуждение. Со смешанным чувством боли и удовольствия, что само по себе не лишено было приятности, он томился желанием покончить с этим делом. Оно же не дает ему ничего делать, посему так или иначе надо от него избавиться.

Майкл решил поговорить с Тоби не в конторе и не у себя в комнате. Поразмыслив еще — когда он уже решил, что ждать больше нет смысла, — определил для себя, что разговор будет деловым, а не задушевным. Едва ли не с удовлетворением поймал он себя на мыслях о том, что и как он бу-

дет говорить Тоби. Он припомнил свое обещание показать Тоби, где живут козодои, и подумал, что, доведись им поговорить, когда он как бы будет исполнять свое обещание, разговор их не выйдет за рамки обычного. Тем самым он даст понять Тоби, что ничего, собственно, не изменилось и не было того ужасающего разрыва меж былым временем и теперешним, наступившим за тем злосчастным мгновением минувшей ночи. От Маргарет Стрэффорд он узнал, что Тоби в саду, и, поскольку она как раз туда и направлялась, он попросил передать ему, что будет ждать его у озера.

Майкл поджидал его на другой стороне переправы, он хотел сократить ту часть пути, которую им пришлось бы проделать вместе. Заодно хотел он и убедиться, что поблизости нет Ника. К счастью, его не было видно ни в поле, ни в лесу. Возвращаясь к озеру, Майкл заметил Тоби — тот мчался от дома по заросшему травой косогору. Он прыгнул в лодку, едва не перевернув ее, и припустил на ней по озеру со скоростью, на какую только было способно это неповоротливое суденышко. Совсем запыхавшись, Тоби выскочил на мостки, где уже стоял Майкл.

— Привет, Тоби, — невозмутимо сказал Майкл

и, сразу развернувшись, первым пошел по тропинке к лесу. — Я хочу показать тебе козодоев. Помнишь, я обещал. Это неподалеку отсюда. Ты что-нибудь знаешь о козодоях?

Тоби, упрямо глядя себе под ноги, покачал головой.

— Козодой — птица перелетная. Он вот-вот улетит, и всякий раз перед тем, как улетать, он поет особенно. Знаешь, это одна из самых необыкновенных птиц. Латинское ее название *captrimulgus*, то бишь козодой. Одно время думали, что птица эта питается козьим молоком. Пение его — надеюсь, ты его услышишь — это тукающий звук всего из двух нот. Козодой летает только в сумерках, полет его странен, необычайно стремителен и в то же время хаотичен — как у летучей мыши. Есть у него еще одна странность — сидя на ветке, он часто расправляет крылья и хлопает ими за спиной.

Тоби молчал. Они уже зашли в глубь леса, и, хотя повсюду было светло, здесь уже совсем стемнело. Угасающий свет заходящего солнца не мог пробиться сквозь толщу деревьев, да они и сами, казалось, нагнетали тьму. Майкл с Тоби свернули на широкую, поросшую травой просеку, где среди дубов и вязов было высажено

много елей. Здесь было посветлее, но все равно сумрачно, смеркалось просто на глазах. Просека вела к монастырской ограде с прорубленной в ней калиткой; стена проглядывала вдали, на ней лежали последние солнечные блики.

Где-то посреди просеки Майкл отступил под дерево. Они стояли молча, вслушиваясь в безмолвную, но волнующую и живую тишь темнеющего леса. Стояли долго, друг на друга не глядели, будто оцепенели. Вдруг откуда-то поблизости, из-под деревьев, донеслись, словно сигнал, глухие хлопки. И сразу вслед за ними — дребезжащее уханье, потом вновь хлопанье — и в сгущающихся сумерках просеки неожиданно показались птицы. Они заметались меж деревьями, кружа в упорном, как у летучих мышей, танце. Понять, сколько их, было невозможно, но от того, как они взмывали и зависали в этом плотном мраке, как мягко шуршали своими длинными острыми крыльями, казалось, что их видимо-невидимо. А в глубине леса не смолкало глухое хлопанье.

Вскоре совсем стемнело, и почти ничего не стало видно. Только где-то над головой, в вышине, смутно угадывались птицы, они, словно огромные листья, кружились, не падая, пока наконец не скрылись во тьме надвигающейся

ночи. Майкл медленно побрел на середину просеки. Он не оборачивался к Тоби, тот шел рядом, мягко ступая по стелющейся траве. Необычный покой снизошел на Майкла, и он чувствовал, что и Тоби пребывает в таком же состоянии. Они будто вместе побывали на свершении некоего таинства, раскрепощающего обряда. Жаль было нарушать этот благословенный покой пошлыми объяснениями. И все же он заговорил, произнося слова, как заученные наизусть:

— Тоби, о том, что произошло вчерашней ночью. Я поступил глупо и дурно. Уверяю тебя, это вовсе мне не свойственно. Я сам был удивлен почти так же, как ты. Не хочу это драматизировать. Я не говорю тебе «забудь» — это не в нашей власти, но, прошу тебя, давай не будем тревожить себе душу, не будем придавать этому особого значения. Поступок этот дурной, но касается он меня и никоим образом тебя. Я просто хотел извиниться перед тобой и попросить не думать об этом. Знаю, ты не станешь об этом рассказывать. Я боялся только, что тебя это будет мучить. И очень сожалею, что огорчил и взволновал тебя. Надеюсь, ты постараешься и не допустишь, чтобы случай этот испортил тебе пребывание в Имбере.

Они остановились и повернулись лицом друг к другу. Было уже совсем темно, даже на открытой просеке, и деревья, почти невидимые, выделялись по краям просеки более плотными сгустками мрака. Тоби глядел под ноги, потом с явным усилием поднял голову и посмотрел на Майкла.

— Конечно, все в порядке, — тихо сказал он. — Простите меня. Все в порядке. Хорошо, что вы так со мной поговорили. Я все понимаю. Что касается меня, то я вычеркнул из своей памяти этот случай.

Майкл глядел в его потемневшее лицо и испытывал странное *deja vu*[40]. Где прежде разыгрывалась эта сцена с ее неизбежным финалом? Он и говорил, и двигался — и все время держал в памяти тот меркнущий свет в его школьной комнатке, когда они с мальчиком подолгу сидели неподвижно друг против друга.

— Спасибо, — сказал Майкл, тоже едва слышно.

Никакая сила на земле не могла его удержать в тот момент, чтобы не коснуться Тоби. Он наугад протянул руку — и, словно притянутая магнитом,

---

[40] Примечания: 40
Чувство уже виденного (*фр.*).

рука Тоби встретила ее крепким пожатием. Молча стояли они в темноте.

Глава 13

Было утро следующего дня. За завтраком солнце по-прежнему ярко сияло, но какая-то пронзительность и холодок в воздухе уже выдавали время года, и глазу быстрее открывались знаки осеннего увядания. Раннее утро Тоби провел с Пэтчуэем — тот горел желанием научить его пользоваться культиватором. Тоби обнаружил, что культиватор, как ни странно, его не интересует, и обращался с ним крайне неумело. После одиннадцати его, как обычно, отрядили в сарай на фасовку, но там, как выяснилось, делать ему было нечего. Миссис Марк торопилась в дом, где затеяла стирку, а его отправила снова в сад. Тоби же потихоньку улизнул. Ему хотелось подумать.

Он решил посидеть немного в часовне для посетителей и прошел по дамбе, не опасаясь, что его могут заметить. В часовне он бывал только во время мессы, и сейчас, пустая и безмолвная, она внушала ему благоговейный трепет. Занавески были отдернуты, сквозь решетку виднелся алтарь и пробивалось тусклое освещение храма. Свет проникал в часовню для посетителей через два маленьких оконца с зеленоватыми стеклами,

так что было довольно темно. В монашеской часовне казалось еще темнее, там окна наверняка застеклены поздневикторианскими витражами. Внутри ужасно тихо и как-то сосредоточенно.

Тоби постоял в дверях, напрягая слух. Ему говорили, что денно и нощно в часовне молится кто-нибудь из монахинь. Он ничего не услышал. На цыпочках подобрался он к решетке и стал у алтарной оградки, выдававшейся вперед фута на три. Странно было стоять сбоку от алтаря и не видеть самой часовни. На оградку Тоби ступить не осмелился; нервно оглянувшись, он прижался к левой стене часовни и просунулся через прутья решетки. Ему удалось увидеть совсем немного из того, что было скрыто от посторонних глаз, — алтарные ступени, несколько инкрустированных плит на полу да кусок противоположной стены. Основная же часть храма была по-прежнему недоступна.

Вглядываясь в густой сумрак, Тоби вдруг вспомнил тень озера, в которой мир отражался иными красками, и его охватило неодолимое желание пройти за решетку. Едва только мысль эта пришла ему в голову, он вздрогнул и испугался. В общем-то ничто его не сдерживает: он может отворить дверцу в решетке, пройти в часовню

и постоять там с минутку, глядя на храм. Интересно, что бы он там увидел? Множество пустых скамей и где-нибудь в дальнем углу — одинокую монахиню, стоящую на коленях и мрачно взирающую на него; или — при этой мысли он содрогнулся, — может, всего в нескольких ярдах от него в этот момент сидит в полном молчании вся община. В общем-то ничто его не удерживает от того, чтобы войти. В то же время это нечто совершенно невозможное. Он даже не мог себя заставить ступить в проем.

Он быстро отошел в глубь часовни для посетителей, устыдившись, что его могут застать за подглядыванием, и сел на скамью. Он был раздражен, раздосадован и расстроен. Вчера он пережил сначала шок, потом страх, а затем это лихорадочное, нетерпеливое желание поговорить с Майклом. Но вчера он хоть был сам по себе, вчера он был зрителем. А сегодня он чувствовал себя вовлеченным. Он стал жертвой насилия, а затем каким-то образом оказался к нему причастным, и он уже не жертва, а соучастник. Он понимал, что в общем-то несправедлив к Майклу. То, что вчера говорил Майкл, было в высшей степени разумно и сдержанно; после того короткого разговора на просеке они отправились домой и по дороге с на-

пускной небрежностью обсуждали посторонние дела. Но в памяти Тоби осталось иное — то, как Майкл стиснул его руку, и то долгое мгновение, когда они стояли, крепко держась за руки. Если бы только этого не было! Ведь Тоби знал, что и сам — так же как Майкл — страстно жаждал этого прикосновения. И не мог сдержать своих чувств. Что ни говори — это походило на встречу возлюбленных; и задним числом слова Майкла казались попросту соломенной трухой, летящей на бушующий костер любовного свидания. Тоби чувствовал, что втягивается во что-то сомнительное и чувственное, и это было ему не по душе.

Тем не менее неприязни к Майклу он не ощущал. Даже чувство физической брезгливости, которое внушала ему вся эта история, по-прежнему обращено было на него самого. То, что совершил Майкл, было для Тоби потрясающим открытием. Представления его о человеческом существовании в целом усложнялись просто на глазах и даже за короткий промежуток времени продвинулись вперед. Тоби был уже менее склонен лепить Майклу ярлыки или вписывать его в какие-то рамки. Его скорее снедало любопытство. Это кем же надо быть, чтобы считаться чуть ли не священником и запросто целовать мальчиков? А

ну как Майкл, несмотря на свои слова, частенько это делает? А может, у него был просто внезапный неодолимый порыв? Мучают ли его угрызения совести? Не оставляло Тоби и приятное сознание того, что ему известна низменная сторона столь почитаемого человека. При всем отвращении к создавшемуся положению он ощущал своего рода удовольствие от того, что обрел над Майклом власть, которую едва ли сам мог отличить от побуждения заступиться за него. Он обнаружил, что на мыслях о слабине Майкла он останавливается с нежностью.

Не в привычках Тоби было сидеть и раздумывать. Он был практического склада ума, энергичен и обычно совершенно беззаботен. С бесхитростностью, идущей от действительно прекрасного воспитания, он считал себя еще не совсем взрослым. Мужчины никогда его не волновали, да и женщины тоже. «Влюбленность» он считал чем-то оставленным на будущее, на то, как ему все еще казалось, весьма отдаленное будущее, когда он познакомится с другим полом. И он был сражен теперь тем, как быстро переменились его представления о мире. Работать совершенно не хотелось. Сидеть бы только и думать, вот как сейчас, без конца вспоминая,

что они говорили и делали, и вызывая в памяти тускло-золотистые волосы и узкое, озабоченное, ястребиное лицо своего друга. А ну как это и есть та самая влюбленность, в ужасе спрашивал он себя.

Тоби был далек от того, чтобы искушенно считать, что все мы небезучастны к воздействию обоих полов. Он полагал, что любить можно либо мужчин, либо женщин и, коли уж у кого обнаружились, на его несчастье, гомосексуальные пристрастия, нормальная жизнь ему навсегда заказана. Мысль эта наполнила его потаенным страхом. Майкл просил его не преувеличивать значения того, что произошло, но ведь то, что произошло, произошло с ним и продолжает происходить, и управлять этим он может в той же малой степени, что и процессом пищеварения. Он задался вопросом — а после минувшей ночи к тому было больше оснований, — уж не гомосексуалист ли он по природе?

Влекли ли его женщины? То, что не влекли, до этого самого момента ничуть не волновало Тоби. Теперь это беспокоило его, и он начал желать немедленных подтверждений на сей счет. У Тоби был брат намного младше его, а сестер не было. Он почти не сталкивался с девочками своего воз-

раста. Не было никаких образов, чтобы вызвать их в памяти и проверить свои наклонности. Он немного поразмыслил, довольно общо, над своими представлениями о Женщине. Стройное и все же материнского облика существо предстало перед ним. С робостью начал он раздевать его. Вглядываясь в это видение и тайком наблюдая за своей реакцией, он постепенно убеждался, что это замечательное воплощение женственности обретает черты Доры Гринфилд.

Тоби удивило и порадовало это открытие. Прежде он как-то не отдавал себе отчета в том, что находит Дору привлекательной, но теперь, когда он решительно исследовал свое умонастроение, подогревая объяснения, которые раньше счел бы непристойными, ему показалось, что неравнодушен он к ее чарам довольно давно. Действительно, у нее такая чудная головка в обрамлении прямых прядей золотисто-каштановых волос — словно с итальянской картины; к тому же Дора такая кругленькая, можно сказать, пышка. На время воображение Тоби смутил более откровенный образ Доры. Но более всего видел он ее лицо: полный рот, мягкие черты, материнское, ободряющее выражение глаз. И если от более холодного образа Кэтрин, при всей его прелести,

мысли Тоби отлетали, как от статуи Артемиды, то в своих воспоминаниях о выражении лица и жестах Доры он находил теплое поощрение и приглашение.

Эти фантазии прервал звук движения из монашеской часовни. Послышались мягкие шаги и шелест тяжелых юбок. Тоби в страхе вскочил. Должно быть, настало время для *Sext*[41]. Он стоял, вслушиваясь в шаги и наводящее на сомнительные мысли шуршание юбок. Какое-то время они продолжались, затем раздался оседающий звук — будто громадная птица усаживалась в гнездо. Наступила тишина, и наконец ее прорезало одинокое сопрано, вознесшее бесхитростное песнопение. Тоби был потрясен. Было что-то чудовищное, почти вызывающее в невидимой и неприступной близости стольких женщин. Утверждение о полной непричастности мирян к монастырской жизни нельзя полностью принимать на веру; это соприкосновение показалось Тоби раздражающим, бередящим, возбуждающим. У певшей монахини был очень тонкий, поставленный голос, немного похожий на голос Кэтрин. Песнопение длилось, пока ужасающая

[41] Примечания: 41
Церковная служба в 12 часов дня.

чистота и суровость его не стали непереносимыми. Он развернулся и, спотыкаясь, пошел из часовни наружу.

На слепящем солнечном свету он ощутил невыразимую тоску и безутешность. Он чувствовал смутное желание совершить что-нибудь дерзкое, насильственное. Сознание того, что он прогуливает работу в саду, беспокоило и в то же время доставляло удовольствие. Неторопливо свернул он в сторону от дамбы и двинулся вдоль монастырской стены по направлению к главной дороге, которая была еще далеко. Он шел вплотную к стене, ведя по ней рукой. Высоченная стена была сложена из небольших квадратных камней, гранита и бурого железняка и вид имела крапчато-золотистый. Пыль от сухой поверхности стены цветочной пыльцой оставалась у него на ладони. Опустив голову, брел он, до крайности злой на себя и весь мир.

Вскоре по обе стороны стены, забиравшей в сторону от озера, появилась кайма деревьев, и Тоби очутился в лесу. Чуть позже он понял, что место ему знакомо. Слева открывалась широкая хвойная просека, ведущая к озеру, и в дальнем ее конце он видел, как солнце играет на поляне совсем неподалеку от сторожки. Воспоминания

о минувшем вечере ожили в нем, и у него возникло странное чувство, будто он неверующий, а за ним — ощущение крайней испорченности. Насилие рождается из желания убежать от себя. Тоби взглянул вверх, на стену.

Еще пару дней назад он и вообразить себе не мог, что можно перелезть через монастырскую стену. Теперь ему вдруг показалось, что раз уж все так запутанно, так все и дозволено. Чувство это тем не менее было неприятным. Сильное возбуждение охватило Тоби, и тут он понял, как сильно за минувшие полчаса он был выведен из физического равновесия. Он отступил под прикрытие деревьев и огляделся. Сердце бешено колотилось в груди. Он вспомнил маленькую калитку в стене, выходившую, как он видел, на просеку; но ведь она наверняка заперта. Он изучающе осмотрел стену. Она была очень старой, камни лежали не впритык, виднелось много шероховатостей и выступов. Он выбрал местечко, где камни кое-где выдавались вперед или отступали вглубь, и начал карабкаться вверх, нащупывая, за что бы руками уцепиться в расщелинах.

Это было труднее, чем казалось. Податливые камни сыпались по краям, и Тоби с оцарапанными запястьями рухнул на землю. Тут он

разъярился. Буйное желание увидеть монастырь изнутри завладело им. Волнующее чувство опять охватило его, и в небывалой степени, — будто он вот-вот пройдет в Зазеркалье. Стена представляла собой как раз подходящую степень сложности. Она была препятствием, но преодолимым. Тоби вновь пошел на приступ.

На сей раз он выискал прочную опору под ноги и, распластавшись посреди стены, начал нащупывать наверху надежное место для пальцев. Нашел, подобрал одну ногу повыше. Он вслепую тянулся вверх, надеясь ухватиться за край. Рука нащупала свободную кромку, и, запустив пальцы в мякоть из мха и каменного крошева, он сумел зацепиться. Затем взялся другой рукой, нижняя опора начала уходить из-под ног. Он закинул один локоть через край стены, ноги заскреблись по осыпающейся поверхности, ища подпоры. В следующий миг, сопя и распрямляя руки, он подтянулся, оперся на грудь и перебросил ногу через край. Сидя верхом на стене, он отдыхал.

Обессиленный, с победным видом, обозревал Тоби открывшуюся картину. К своему удивлению, он увидел, что хвойная просека продолжается и по другую сторону. Отсюда он не видел, куда она уходит. На территории монастыря лес был

такой же густой, и никаких строений видно не было — только далеко справа проглядывала нормандская башня. Тоби почувствовал мгновенное разочарование. В общем-то изнутри все выглядит в точности так же, как снаружи. Он перебросил ноги на внутреннюю сторону стены и стал озираться. Может, случится что-нибудь, может, монахиня мимо пройдет. Но он сидел, а лес оставался непроницаемым и безмолвным.

Когда Тоби взбирался на стену, он ни о чем, кроме как взглянуть на монастырские земли, не помышлял. Теперь же, когда он был на стене, в нем заговорило настойчивое, как физическая потребность, желание: его так и подмывало спрыгнуть вниз, на территорию монастыря. Мгновение-другое он подождал и понял, что не стерпит. Потянет еще, но рано или поздно он должен спрыгнуть. Осознав это, он так возбудился, что разом спрыгнул, приземлившись довольно-таки шумно и порвав одежду о куманику. Он поднялся и замер, тяжело дыша и вслушиваясь. Все было по-прежнему тихо, он осторожно отошел от стены и потихоньку двинулся к просеке, надеясь посмотреть оттуда на монастырские строения.

Вздрагивая и чувствуя, что в любой миг суро-

вый голос может призвать его к ответу, Тоби вышел на поляну в конце просеки. Просека была ровная и ухоженная. Но вела она не к какому-нибудь строению, а к еще одной стене, поменьше, и в ней была калитка. Больше ничего видно не было. Тоби постоял немного, осмотрелся. Интересно, что будет, если его заметят? Воображение Тоби разыгралось: понесутся ли к нему монахини с пронзительными воплями или вакханками набросятся на него? Он не знал, какая картина страшнее или на самом-то деле — он поразился, что раздумывает над этим, — восхитительнее. Он стоял в расслабляющей тиши этого места, и страх за то, что он сделал, нарастал. Надо бы подобру-поздорову лезть обратно, решил он, однако вторая стена поодаль на просеке и дверца в ней были слишком заманчивы. Он глаз не мог оторвать от дверцы и минуту спустя обнаружил, что крадется к ней меж деревьями.

Добравшись до нее, он оглянулся. Высокая монастырская стена казалась далекой. Можно бы бегом еще успеть вернуться, подумал он. Но обернулся к маленькой дверце. Стена здесь была пониже, но все равно высокая — сверху не заглянешь. По обе стороны она уходила в гущу деревьев, но за стеной деревьев не было. Просека

обрывалась на этом самом месте. Тоби положил руку на засов, и щеколда подалась вверх с громким щелчком. Он толкнул дверцу, та легонько заскрипела и стала медленно отворяться. Шум напугал его, но он продолжал толкать дверцу, за которой открывался ковер коротко подстриженной травки. Он шагнул в проход и очутился на кладбище.

От неожиданности Тоби застыл в дверном проеме, все еще держась за дверцу. Он был в окруженном прямоугольником стены зеленом пространстве, и в нем аккуратными рядками тянулись могилы, над каждой высился маленький белый крест. Гряда довольно-таки мрачных, темных кипарисов на солнечном припеке у дальней стены придавала этому месту до странности южный вид. Ужас от увиденного был так велик, что почти не усугубился тем, что совсем рядом он увидел двух монахинь — они, наверно, ухаживали за могилами. У одной в руках были ножницы. Неподалеку стояла газонокосилка, но ею явно не пользовались — иначе Тоби услышал бы ее шум. Тоби смотрел на монахинь, монахини, разогнувшись и оторвавшись от своей работы при скрипе отворяющейся калитки, смотрели на Тоби.

Монахиня с ножницами положила свой ин-

струмент, что-то тихо сказала второй монахине. Затем она пошла к Тоби, обметая травку длинным подолом. Не помня себя от страха и стыда, смотрел он, как она приближается.

Когда она приблизилась настолько, что он мог сосредоточить свой обезумевший взор на ее лице, он увидел, что она улыбается. Рука его сползла с калитки, и он непроизвольно отступил назад, за черту кладбища. Она вышла следом, затворила за собой калитку, и они остались один на один на просеке.

— Доброе утро, — сказала монахиня. — Ты, должно быть, Тоби. Угадала?

— Да, — ответил Тоби, понурив голову.

Они медленно пошли вместе между деревьями.

— Я так и думала. Мы хоть никогда с вами не видимся, знаем каждого из вас, как если бы вы были нашими лучшими друзьями.

Монахиня, похоже, ничуть не тушевалась. Тоби терзался замешательством и тревогой.

— Наше маленькое кладбище, видно, сильно удивило тебя?

— О да!

— Чудное место, правда? Такое уютное, укромное, больше похожее, думается порой, на спаль-

ню. Приятно знать, что когда-нибудь будешь спать там.

— Да, место чудное, — в отчаянии сказал Тоби.

Они проходили под большим кедром, с его разлапистых низких ветвей, заметил Тоби, что-то свисало. Это были качели. Когда они приблизились, он невольно протянул руку и коснулся веревки.

— Славные качели, — сказала монахиня. Теперь уже по ее выговору было ясно, что она ирландка. — Отчего бы тебе не покачаться? Это немного развеселит старые качели. Мы и сами частенько это делаем.

Тоби поколебался, потом, сильно вспыхнув, сел на качели и принудил себя несколько раз качнуться. Монахиня стояла рядом и улыбалась.

Промямлив что-то, Тоби слез с качелей. Он готов был испариться, сквозь землю провалиться. Отвернувшись, он шел подле монахини, которая все говорила, пока они не добрались до калитки в монастырской стене.

Монахиня приотворила калитку.

— Она была не заперта! — изумленно сказал Тоби.

— А мы никогда не беспокоимся — закрыты калитки или нет! Думаю, ты получил удовольствие

от лазанья. Мальчишки вечно куда-то лазят.

Лучезарно улыбаясь, она распахнула калитку настежь. Тоби попятился в проем, и какое-то мгновение они смотрели друг на друга через порог. Тоби чувствовал, что следует извиниться, и мучительно подбирал слова.

— Простите меня. Я знаю, что не должен был заходить сюда.

— Пусть это тебя не тревожит. Говорят, любопытной Варваре на базаре нос оторвали, но я в твоем возрасте никогда в это не верила. К тому же по нашему уставу дети иногда могут заходить на территорию обители.

Она затворила за собой калитку, и Тоби казалось, что еще несколько мгновений после того, как та защелкнулась, улыбка монахини не сходила с наружной стороны калитки. Он обернулся к просеке.

Все было тихо. Никто не видел ни его вторжения, ни его позорного выдворения. Он помчался по просеке, горя желанием как можно дальше убраться от этой опасной и, как ему теперь казалось, еще более неприступной обители. Он чувствовал, что его осмеяли, унизили и пристыдили. Он бежал, опустив голову, и бормотал про себя: «К черту, к черту, к черту…»

Задыхаясь, он выскочил на открытый луг у дороги и, когда пересекал его, увидел «лендровер», лихо въезжающий в ворота. Сердце у него чуть не выскочило, но в следующий миг он увидел, что за рулем сидит Марк Стрэффорд, а не Майкл.

Заметив Тоби, Марк притормозил и крикнул:

— Подвезти? Мы опаздываем к ланчу.

Тоби взобрался на сиденье рядом с Марком и, пока они катили вкруговую к дому, старался к месту поддакивать его замечаниям о занудстве людей на рынке в Сиренчестере. Они остановились на гравийной площадке перед ступенями, и навстречу им сразу же заспешила миссис Марк, расспрашивая мужа, не забыл ли тот чего купить. Тоби обратился к ней:

— Вы случаем не знаете, где сейчас Дора, а?

Миссис Марк с важным видом повернула к нему свое круглое сияющее лицо.

— Ты разве не знаешь? Миссис Гринфилд уехала от нас. Она вернулась в Лондон.

Глава 14

Дора Гринфилд лежала в постели. Это было утро того же дня. Пол занимался с ней любовью. Теперь он ушел работать. Дора без воодушевления покорилась его любви и после чувствовала себя усталой и какой-то ненастоящей. Время завтрака прошло, так что торопиться вставать было не к чему. Она лежала, глядя в раскрытое окно, где опять было выставлено чистое небо. Она созерцала это бездонное пространство и думала: голубым его назвать или серым? Солнце, должно быть, светит, и небо наверняка голубое, просто комната выходит на север, из кровати ей ничего освещенного солнцем не видно, вот цвет ей и не дается. Она подоткнула под себя со всех сторон одеяло и зажгла сигарету. Утро все же было прохладное, с осенней сыростью в воздухе.

С Полом все пошло наперекосяк с тех пор, как он произнес свою маленькую речь о Кэтрин. И не потому, что Дора приревновала или Пол всерьез увлекся Кэтрин. А потому, что тогда Дора просто смогла с беспощадной точностью, обычно ей несвойственной, оценить, сколько глубочайшего презрения было в любви к ней Пола и будет, как

она полагала, всегда — ведь у нее нет иллюзий относительно своей способности измениться. Что Пол может измениться, она и в мыслях не держала, да и вообще от него ничего не ждала. Она чувствовала, что презрение его мало-помалу губит и ее, и его любовь — как нежелательную. Ведь она все же робко и уклончиво любила его, довольно безнадежно и печально — как можно любить кого-то, с кем ни разу словом не перемолвился.

Они снова начали ссориться. Дора еще несколько раз заходила в приемную поглядеть на книги Пола, но, за исключением нескольких картинок, они ей казались скучными. Пол горько посетовал, что докучает ей, отчего изображать интерес стало еще трудней. Она теперь оставляла его на целый день одного и слонялась сама по себе, иногда выполняла мелкие домашние поручения под руководством миссис Марк. У нее было такое чувство, что она под надзором. Все, чудилось ей, исподтишка наблюдают за ней: весела ли она, ладит ли снова с мужем. У нее было такое чувство, что ее прибрали к рукам и посадили под замок. Миссис Марк теперь уже трижды намекала, что недурно бы ей побеседовать с матушкой Клер, и на третий раз от полной обессиленности Дора

сказала, что, может, как-нибудь и потолкует. Сегодня-то уж миссис Марк наверняка постарается связать ее определенным часом. Дора тщательно погасила окурок о тыльную сторонку спичечного коробка и начала вставать.

По пути к окну она глянула на себя в высокое зеркало. На ней была голубая нейлоновая пижама, которая терялась вместе с чемоданом. Она серьезно смотрела на себя, выясняя, действительно ли она похудела и действительно ли улучшился цвет лица от того, что она отказалась от спиртного. Но не смогла себя заинтересовать тем, что видела, или даже просто поверить в то, что видела. Она даже не смогла сосредоточить взгляд на отупелом лице своего отражения в зеркале. Она двинулась дальше, высунулась из окна. Солнце сияло, остывшее озеро полнилось отражениями, нормандская башня показывала ей одну сторону, золотившуюся на солнце, и другую, отступившую в тень. У Доры было необычное чувство: все это как бы у нее в голове. Прорваться в эту картину никак нельзя — она же вымышленная.

Довольно встревоженная этим чувством, она начала одеваться и попыталась думать о чем-нибудь будничном. Но ошеломляющее чувство

нереальности не уходило. Сознание ее как бы поглотило все окружающее. Все теперь стало субъективным. Даже Пол, вспомнилось ей, этим утром был частью ее самой. Он занимался с ней любовью, а ей казалось, что это нечто отдаленное, словно видение перед пробуждением ото сна, но никак не соединение с другим, реальным человеческим существом. Уж не больна ли она? Может, взять термометр у Марка Стрэффорда и попросить что-нибудь из аптечки? Она снова двинулась к окну, и в голову ей пришла мысль: а что, если попытаться как-нибудь прорваться в эту бездумную недвижную картину. Если кинуть из окна что-нибудь увесистое, оно с плеском упадет в озеро и разобьет отражения. Она раскрыла окно пошире и поискала глазами, что бы ей бросить. Спичечный коробок легковат. Она взяла губную помаду и, хорошенько замахнувшись, метнула ее. Губная помада исчезла где-то в высокой траве, явно не долетев до озера. Дора едва не расплакалась.

Вот тут-то ей и захотелось в Лондон. Со дня своего приезда в Имбер она ни на минуту всерьез не задумывалась о том, чтобы уехать. Но теперь, доведенная приступом этой солипсической меланхолии едва не до отчаяния, она испытывала

потребность действовать; и ей казалось, что единственный поступок, который она может совершить, — это сесть в поезд до Лондона. При этой мысли кровь бросилась Доре в голову. Она почувствовала, как пылают у нее щеки, как бешено стучит сердце, ставшие сразу куда более реальными. Она надела жакет и осмотрела содержимое сумочки. Денег у нее предостаточно. Ничто ее не держит, она свободна и может ехать. Она села на постель.

Только вот следует ли ей ехать? Пол очень расстроится. Но в общем-то их отношения с Полом за последнее время и так стали хуже некуда, и такая встряска, мелькнула у нее мысль, пойдет ему на пользу. В глубине души она желала наказать его. В последние два дня он был с ней весьма неласков. Доре необходимо было показать ему, что она еще способна на самостоятельные поступки. Она ему не рабыня. Да, она поедет, и мысль эта, теперь вполне оформившаяся, была восхитительна. Она, конечно, надолго не задержится, может, даже и не заночует. Не будет устраивать из этого драмы. Вернется эдак небрежно, беспечно, едва ли не сразу. Сейчас загадывать не нужно, как это будет. Зато как это ее взбодрит и какой пощечиной будет Имберу! Она собрала небольшую сумку

и тихонько отправилась пешком на станцию, оставив записку: «Уехала в Лондон».

Дора, конечно же, не позаботилась о том, чтобы справиться о поездах. Но ей повезло — едва она, довольно-таки запыхавшись, пришла на станцию, подошел скорый поезд на Лондон. Она удивилась, когда, выйдя на платформу в Паддингтоне, обнаружила, что добралась до полудня. Она постояла немного — толпа обтекала ее, — упиваясь в спешке и сутолоке гамом голосов и шумом поездов, запахами смазки, дыма и гари, прокоптелой толчеей и милой сердцу, живительной анонимностью Лондона. Она сразу почувствовала себя как рыба в воде. Затем она отправилась к телефонной будке и набрала номер Салли. Салли, которая теперь преподавала в начальной школе, дома бывала в самое разное время, и ее вполне можно было застать. Но телефон не отвечал. Дора была и рада, и не рада — теперь-то она могла с более чистой совестью звонить Ноэлю.

Ноэль был дома. Судя по голосу в телефонной трубке, он был страшно доволен, прямо-таки в восторге. Она должна прийти к обеду, немедленно, дома полно всякой всячины, работы у него во второй половине дня нет — чего же лучше? Не помня себя от радости, Дора вскочила в

такси. Вскоре она подъезжала к дому, где жил Ноэль, — большому особняку кремового цвета ранневикторианской постройки с огромным портиком в тенистом глухом тупике у Бромтон-роуд. Квартира у Ноэля была на последнем этаже.

Встреча была восторженная. Дора и на порог-то ступить не успела. Упала прямо в объятия Ноэля. Он подхватил ее, поднял на руки, швырнул на софу и принялся скакать вокруг, словно большой пес. Они смеялись и говорили разом, стараясь перекричать друг друга. Дора была просто поражена — как же ей хорошо!

— Черт подери! — воскликнула она. — Сколько шума! Как здорово!

— Чего ж тут удивляться, — сказал Ноэль. — Ты же прямиком из этого ужасного монастыря. Дайка я посмотрю на тебя. Побледнела, похудела. Ах ты, моя дорогуша, как же я рад тебя снова видеть.

Он поставил ее на ноги и неистово поцеловал.

Дора наглядеться на него не могла. Гладила его по лицу, некрасивому, с неправильными чертами, теребила растрепанные бесцветные волосы, тискала за руки, крупные, отзывчивые. Какой он все-таки здоровый! И — о господи! — с нервами у него все в порядке.

— Дай-ка мне выпить, — скомандовала Дора. Квартира у Ноэля была современная. На полу везде серое, хорошо подогнанное ковровое покрытие. На белых крашеных полках стояли книги по экономике, описания путешествий. Три стены были желтыми, а четвертая покрыта черно-белыми обоями, которые смахивали на бамбуковую рощу. Все сверкало чистотой. Один угол занимал проигрыватель на изящной ореховой подставке, заваленный глянцевым ворохом долгоиграющих пластинок. На огромный диван было наброшено уэльское покрывало с геометрическим орнаментом, и его украшали бесчисленные подушки всех цветов зелени. Стулья, сделанные из гнутой стали, были на редкость удобными. Когда до Доры донесся звон кубиков льда и аромат лимона, который Ноэль нарезал острым ножичком, она раскинула руки в стороны. Ноэль заставлял ее чувствовать, что ничего скандального в том, что она еще молода, нет.

— А приму-ка я ванну, — заявила она.

— Сделай милость, дорогая, — сказал Ноэль. — Я принесу тебе выпить в ванную. Думаю, сибаритская привычка плескаться в ванне в монастыре была под запретом.

В Имбере нагреватель для воды включали два-

жды в неделю, и банный список, прикалываемый миссис Марк к доске объявлений, извещал об очередности купания. Дора, которую купание интересовало лишь в порядке удовольствия, а не необходимости, там своей очередью ни разу не воспользовалась. И теперь в бело-розовой ванной Ноэля она пустила с паром полившуюся воду на ароматические соли. Нашла в подвесном шкафчике теплое махровое полотенце. Она уже сидела в ванне, когда пришел с коктейлем Ноэль.

— Ну, теперь расскажи мне все по порядку, — сказал Ноэль, присаживаясь на краешек ванны. — Это был ад?

— На самом деле все не так уж плохо. Знаешь, я сюда только на денек. Я просто чувствовала, что мне надо отвлечься. Люди все очень приятные. Я еще не видела ни одной монашки — за исключением той, что живет не в монастыре. Но такое, знаешь, ужасное чувство — будто за тобой следят, будто тебя прибрали к рукам.

— Как старина Пол?

— Прекрасно. Правда, последние два дня он вел себя по-скотски по отношению ко мне, но, думаю, я сама виновата.

— Опять за старое! Отчего это ты всегда должна быть виновата? В некоторых случаях, может, и

так, но, черт возьми, не всякий же раз! Беда в том, что Пол завидует твоим творческим способностям. Коли сам ничего создать не может, решил он, то и ты не должна.

— Брось ты. Нет у меня никаких творческих способностей. А Пол страшно талантлив. Подержи-ка мой стакан и дай мне мыло…

— Ладно, оставим Пола в покое. Поговорим лучше об этом религиозном племени. Ты не поддавайся им — что у тебя, мол, совесть нечиста. Такие люди страсть как любят лелеять чувство греха и жить в атмосфере душевных волнений и самоуничижения. Ты для них должна быть лакомым куском. Кающаяся жена и все такое. Но ты им не поддавайся. Никогда не забывай, моя дорогая: то, во что они верят, — просто неправда.

— Ты пьешь из моего стакана! Да нет, я допускаю, что все это неправда. И все же есть в них что-то очень славное.

— Они вполне могут быть милыми. Но они заблуждаются в самой сути. И ни к чему хорошему в конечном счете ложные убеждения не приводят. Нет Бога, и нет суда, кроме того, что каждый из нас творит над собой; и каков он — личное дело каждого. Иногда, конечно, приходится кому-то соваться в чужие дела, чтобы не делалось то, что

ему не нравится. Но не лезьте при этом, Христа ради, кому-то в душу. Терпеть не могу самодовольных свиней, которые запросто судят других людей и заставляют их терять чувство собственного достоинства. Хотят они сами погрязнуть в чувстве недостойности — пускай себе, но, если они вмешиваются в дела окружающих, нужно с ними решительно бороться.

— Эк ты распалился! Дай-ка мне полотенце.

— Да, я немного разошелся. Смотри не простудись, малышка. Я приготовлю тебе еще коктейль и поставлю свой новый диск. Просто меня трясет при мысли об этих людях, которые внушают тебе, что ты жалкая грешница, тогда как вины твоей очень мало. А меня тошнит, когда я представляю, как старина Пол разыгрывает из себя оскорбленного добродетельного супруга. Интересно, давали об этом месте толковую информацию? Чокнутая община — это вполне потянет на сенсацию… Поехать, что ли, глянуть, а?

— О нет, что ты! Ни в коем случае! Они скоро получат новый колокол — монастырь, я имею в виду, — большой колокол на башню, и думаю, в газеты будет передано сообщение об этом. Но больше там ничего не происходит, и они ужасно расстроятся, если кто-то приедет и распишет

их в прессе. Они, Ноэль, действительно очень славные.

— Ну, раз ты так говоришь… Послушай-ка это, ангел мой…

Дора накидывала на себя одежду, когда услышала ровный выжидательный бой барабана. Затем в этот сильный ритмичный звук ворвались неожиданные протестующие крики кларнета и трубы. Барабанная дробь, еще более настойчивая, чем прежде, переходила во все усложнявшийся золотой ностальгический шум. Музыка, неистовая, неодолимая, заполняла все. Дора с нетерпением выскочила из ванной и присоединилась к Ноэлю, который уже пантерой вышагивал по комнате. Они начали танцевать, вначале очень медленно, торжественно, не сводя друг с друга глаз. В легких движениях голов, рук, бедер жило их единство с ритмом. Затем ноги их задвигались быстрее, начав выписывать на ковре сложный узор, тут Ноэль, продолжая двигаться в такт, убрал с середины комнаты стулья и столики. Затем он протянул Доре руку, притянул ее к себе, вновь отбросил, повернул и кружил до тех пор, пока она не превратилась в калейдоскоп из вихрящихся юбок, мелькающих бедер и мятущихся по лицу золотисто-каштановых волос.

Когда пластинка кончилась, они изнеможенно рухнули на пол и разразились победным смехом после ритуальной торжественности танца. Потом, перестав смеяться, они, обнявшись на полу и по-прежнему не разнимая рук, внимательно посмотрели друг другу в глаза.

— Бороться, — сказал Ноэль. — Не забудь — бороться! А теперь, радость моя, я должен тебя оставить — пойти и добыть единственное, чего нам недостает, — бутылочку винца. Я мигом вернусь. Ты ведь знаешь — вино тут продают прямо за углом. Дай-ка я налью тебе еще. Можешь заняться пока осмотром холодильника.

Он поцеловал Дору и, напевая, двинулся вниз по лестнице. Когда он ушел, она еще посидела немного на полу, потягивая коктейль из своего вновь наполненного стакана и наслаждаясь чувством полноты физического бытия, которое дал ей танец. Потом поднялась, пошла на кухню и открыла холодильник. Предстоит, похоже, изысканный стол. Она извлекла несколько сортов копченой колбасы, фаршированные оливки, *pate*[42], помидоры, маринованные огурцы, разные сыры, связку бананов и большой тонкий

[42] Примечания: 42
Паштет (*фр.*).

кусок сырого мяса. Дора, любившая растянуть еду в череду мелких закусок, оглядывала эту картину с удовлетворением. Она выложила все на стол и расставила вокруг чеснок, перец, оливковое масло, уксус, французскую горчицу, морскую соль и все приборы, которыми, как она знала, Ноэль любил пользоваться, когда готовил. В этих всегда незатейливых и вкусных пиршествах он был шеф-поваром, а Дора — восхищенным ассистентом. Она была до чрезвычайности весела.

В гостиной зазвонил телефон. Дора не задумываясь вернулась и подняла трубку. Рот у нее был забит горсткой печеньиц, ответить сразу она не могла, и поэтому первым заговорил звонивший.

— Алло, это Бромтон-8379? — сказал голос Пола.

Дора похолодела. Она проглотила печенье и отодвинула трубку подальше от себя, глядя на нее так, будто та была маленьким диким зверьком. Наступило молчание.

Затем Пол сказал:

— Алло, я могу поговорить с мистером Спенсом?

Дора едва слышала, что он говорит. Она осторожно поднесла трубку к уху.

— Это Пол Гринфилд. Моя жена там?

Дора знала этот голос у Пола — напряженный, дрожащий от возбуждения и ярости. Она едва смела дышать — как бы ее не было слышно. Казалось, что Полу все равно известно, что она на другом конце провода. Она не могла заставить себя положить трубку. Если она сохранит спокойствие, Пол может подумать, что номер не соединился.

И тут Пол сказал:

— Дора…

Услыхав свое имя, Дора зажмурилась, и лицо ее исказилось от боли. Она так и застыла на месте, едва дыша.

— Дора, — снова сказал Пол, — Дора, это ты?

Вдруг в наступившей тишине из трубки донесся совсем другой звук. Сперва Дора не могла понять, что это. Затем узнала пение дрозда. Птица издала несколько нот и смолкла. Телефон в Имбере был на первом этаже, в коридоре у трапезной. Дрозд, должно быть, был близко от входа, на площадке. Он снова запел, и песня его звучала так чисто, так непереносимо далеко и так странно в наступившей после голоса Пола тишине, что Дора с грохотом швырнула трубку на стол. Вышла на кухню. С каким-то изумлением посмотрела на груду еды, на приоткрытую дверцу холодильни-

ка, на свой недопитый стакан. Она вернулась, положила трубку на рычаг.

Возвратилась на кухню. Кусок мяса, подтаяв, разбряк и лежал, сочащийся, сырой, бумага, в которую он был завернут, пропиталась красным и пристала к нему. Чеснок, маслины, масло показались вдруг Доре частью некоего мрачного орудия соблазна. И здесь, чувствовала она, ее прибрали к рукам. Чувство нереальности вернулось; в конце концов, нет ни встреч, ни поступков. Она постояла немного — несчастная, колеблющаяся. Ей больше не хотелось оставаться и обедать с Ноэлем. Ей хотелось убраться подальше от телефона. Она взяла сумку и жакет, нацарапала Ноэлю записку и пошла вниз по лестнице. Она знала, что Ноэль не обидится. У Ноэля была прекрасная черта, и она делала его таким непохожим на Пола: его никогда не задевали такие мелочи — если кто-нибудь придет к нему на ланч, а потом вдруг решит уйти.

Дора дошла до угла дороги и поймала такси. Когда такси разворачивалось, чтобы забрать ее с тротуара, она увидела Ноэля, который бежал к ней с бутылкой в руке. Он подбежал к ней как раз тогда, когда такси останавливалось.

— Чего это ты вдруг?

— Пол звонил.

— О господи! И что ты ему сказала?

— Ничего — положила трубку.

— Он едет сюда?

— Нет, он звонил из-за города. Я слышала, как пела птица. И я не отвечала, так что он ничего не знает.

— А как же наш обед?

— Мне он, думаю, теперь поперек горла встанет. Пожалуйста, прости меня.

— Я думал, ты боец…

— Не умею я бороться. Никогда я толком не могла отличить правильное от неправильного… Хотя не в этом дело. Извини, что вот так убегаю. Танец наш мне понравился.

— Мне тоже. Ладно, поезжай. Но не забудь: то, во что верят эти люди, — неправда.

— О'кей.

Дора повернулась к таксисту и сказала первое, что пришло ей на ум:

— Национальная галерея.

Ноэль кричал вслед уходящему такси:

— Не забудь! Бога нет!

В Национальную галерею Дора особенно не собиралась, но, раз уж там оказалась, зашла. Место не хуже других, чтобы решить, что ей теперь

делать. Есть уже расхотелось. Может, попытаться еще разок позвонить Салли? Но видеть Салли ей тоже расхотелось. Она поднялась по лестнице и окунулась в вечную весну, которая царила в залах с кондиционированным воздухом.

В Национальной галерее Дора бывала тысячу раз, и картины были ей знакомы почти как ее собственное лицо. Идя меж них, как по любимой аллее, она чувствовала, как нисходит на нее покой. Она побродила немного, с состраданием глядя на вооруженных каталогами несчастных посетителей, которые беспокойно всматривались в шедевры. Доре не надо было всматриваться, она могла глядеть так, как можно глядеть наконец, когда знаешь великое творение досконально: став перед ним с достоинством, которое оно же само и даровало. Она чувствовала, что картины эти принадлежат ей, и уныло подумала, что, пожалуй, это единственное, что ей принадлежит. Дору утешало наличие чего-то похожего на радушный прием и ответный отклик, и ноги сами понесли ее к разным святыням, которым прежде она так часто поклонялась: великим световым пространствам итальянских полотен — более просторным и южным, нежели любой настоящий Юг; к ангелам Боттичелли — сверкающим, как

птицы, счастливым, как боги, изгибающимся, как стебли лозы; к восхитительной чувственной близости Сусанны Фоурмент[43], к трагической близости Маргариты Трип[44], к торжественному миру Пьеро делла Франчески [45] в ранних утренних тонах; к замкнутому и позлащенному мирку Кривелли [46]. Наконец Дора остановилась перед портретом двух дочек Гейнсборо [47]. Детишки, держась за руки, шли по лесу, платьица на них мерцали, глаза были серьезные, темные, белокурые их головки, как круглые тугие почки, были похожи и все же не похожи.

Дору всегда волновали картины. Взволновали и сейчас, но как-то иначе. Она подивилась, не без чувства признательности, что все они здесь по-прежнему, и сердце ее исполнилось любви к

---

[43] Примечания: 43

Сусанна Фоурмент (ок. 1599–1643) — свояченица Питера Пауля Рубенса (1577–1640), которая изображена на многих его полотнах. В Национальной галерее хранится ее портрет, именуемый «Соломенная шляпка» (1622–1625).

[44] Примечания: 44

Маргарита Трип (1640–1714) — жена фламандского купца, изображенная на двух картинах Рембрандта ван Рейна (1606–1669), хранящихся в Национальной галерее.

[45] Примечания: 45

Пьеро делла Франческа (ок. 1420–1492) — итальянский живописец эпохи Раннего Возрождения.

[46] Примечания: 46

Карло Кривелли (ок. 1430–1495) — итальянский живописец второй

половины XV века, писавший в традициях венецианской школы.

[47] Примечания: 47

Томас Гейнсборо (1727–1788) — английский живописец. Имеется в виду картина «Дочки художника, бегущие за бабочкой».

этим картинам, их могуществу, дивной щедрости и совершенству. Вот где, наконец, подумала она, нечто реальное, действительное — и прекрасное… Кто это говорил, что прекрасное и действительное неотделимы? Вот где нечто такое, что не может гнусно заглотнуть ее сознание и, сделав придатком воображения, обесценить. Ведь даже Пол, думала она, существует сейчас лишь как некто, кто ей грезится, либо как смутная внешняя угроза, с которой она никогда на самом деле не сталкивалась и которой не понимала. Но картины — нечто реальное, существующее помимо ее сознания, они говорят ей благосклонно, хоть и свысока, о чем-то лучшем и добром, и наличие их рушит мрачный, близкий к трансу солипсизм ее прежнего настроя. Когда мир казался субъективным, он был лишен интереса и ценности. Но теперь в нем, в конце концов, есть что-то и помимо ее «я».

Такие мысли, смутные, неоформившиеся, витали у Доры в голове. Прежде она никогда не задумывалась о картинах таким образом, да и теперь не извлекала для себя какой-то явной морали. И все же она чувствовала: ей было откровение. Она глядела на лучистое, темное, нежное, могущественное полотно Гейнсборо и чувство-

вала неожиданное желание пасть перед ним на колени, обнимая и проливая слезы.

Дора беспокойно огляделась: не видел ли кто ее порыва. Хоть она и не распростерлась в самом деле перед картиной, на лице ее, должно быть, отразился этот необычный экстаз, да и на глаза ее действительно набежали слезы. Она обнаружила, что в зале она одна, и улыбнулась, возвратясь к более спокойному упоению собственной умудренностью. Она бросила последний взгляд на картину, все еще улыбаясь, как можно улыбаться в храме — дорогом именно тебе, ободряющем, любимом. Затем она повернулась и пошла к выходу.

Теперь Дора торопилась и хотела есть. Она посмотрела на часики и обнаружила, что время к чаю. Она вспомнила, как не знала, что ей делать; теперь ей и думать было нечего, все и так стало ясно. Она немедленно должна возвращаться в Имбер. Настоящая ее жизнь, настоящие ее проблемы в Имбере, и, коль уж где-то существует нечто хорошее, все ее проблемы могут в конце концов уладиться. Тут есть связь, есть; она смутно чувствовала, еще не осознавая этого, что должна ухватиться за эту мысль: тут есть связь. Она купила бутерброд и поехала в такси обратно

к Паддингтону.

Глава 15

К той поре, когда Дора добралась до Имбера, она уже заметно сникла. На поезд она снова попала сразу, но он шел со всеми остановками. Дора опять крайне проголодалась. Она боялась гнева Пола и старалась поддержать в себе веру в то, что с ней случилось нечто хорошее; но теперь ей начинало казаться, что хорошее это никакого отношения к ее нынешним горестям не имеет. Погуляла на свободе — и хватит. Во всяком случае, Дора устала, думать больше не могла, была подавлена, испугана и озлоблена. Такси из деревни довезло ее почти до конца дороги — прямо к дому подъехать она не позволила, так как факт своего возвращения хотела довести до сознания общины потихоньку. К тому же она боялась, как бы Пол, если она не повидается с ним сначала, не закатил публичный скандал. Издалека увидела Дора огни Корта, они казались враждебными и осуждающими. Было уже далеко за десять. Когда Дора выбралась на последний отрезок дороги, стараясь ступать по гравию как можно тише, она увидела, что в холле и гостиной горит свет. Окна ее с Полом комнаты видно не было: оно

выходило на другую сторону излучины. Корт мрачно высился над ней, заслоняя звезды; и тут раздались звуки музыки. Она остановилась. В ночном воздухе, мягком, тихом, теплом, совершенно отчетливо слышались пронзительные звуки рояля. Дора слушала, недоумевая. Рояля в Имбере не было точно. Потом подумала о пластинке — ну конечно, это концерт Баха. Как раз сегодня вечером он должен был состояться, и община, должно быть, собралась вся в гостиной и слушает. Интересно, Пол там или нет. Осторожно опираясь на перила, чтобы ступать полегче, она скользнула по ступенькам на балкон.

Свет из холла и балконных дверей гостиной наверху лестницы оставлял ярко освещенную площадку. Доре видны были ясно проступившие плиты. Музыка сейчас очень громкая, так что никто явно не услышит ее приближения. Какое-то мгновение Дора стояла в отдалении от света, вслушиваясь в музыку. Ну да, это Бах. Дора недолюбливала музыку, в которой не могла поучаствовать сама — попеть или потанцевать. Пол перестал брать ее с собой на концерты, поскольку она не могла там удержать ноги на месте. И сейчас она с неприязнью слушала трудные образчики звуков, которые бередили ее чувства,

не насыщая их, да еще надменно требовали, чтобы в них вдумывались. Вдумываться в них Дора отказывалась.

Держась по-прежнему в темноте, она скользнула к тому месту, откуда могла заглянуть в гостиную. Она полагалась на то, что резкий контраст света и тьмы будет ей завесой и изнутри ее не заметят. Не без содрогания она обнаружила, что запросто может заглянуть внутрь, а обойдя кругом, и оглядеть всю гостиную. Музыка словно воздвигала перед ней какую-то невероятную преграду, все равно что водопад, и теперь так странно было обнаружить совсем рядом с собой стольких людей. Но люди эти были зачарованы, и она чувствовала, что может осматривать их, как колдун осматривает свои жертвы.

Община уселась полукругом на удобных стульях с деревянными подлокотниками, одна только миссис Марк сидела на полу, скрестив ноги и подобрав юбку за лодыжки. Она прислонилась к ножке стула, на котором сидел ее муж. Марк Стрэффорд, у которого одна рука как прикованная теребила бороду, лицом был обращен в тот угол, где стоял проигрыватель, и был похож на человека, изображающего Моисея Микеланджело в какой-нибудь шараде. Рядом с ним сидела

Кэтрин. Руки у нее были сложены, и она легонько потирала ладони. Голова наклонена вперед, глаза грустно-задумчивы. Темные впадины огромных глазниц меж ресницами и высокими дугами бровей отчетливо видны, как во сне. Ее цыганские волосы небрежно выбивались из-за ушей. Интересно, она действительно слушает музыку или нет. Тоби сидел в центре, прямо напротив окна, изящно изогнувшись на стуле: одну ногу он подложил под себя, а другую, согнув, перевесил через подлокотник и покачивал ею. Вид у него был отсутствующий и довольно-таки озабоченный. Около него сидел Майкл, упершись локтями в колени и спрятав лицо в ладонях; его выгоревшие, желтые волосы упали на пальцы. Рядом сидел Джеймс, запрокинув голову, и неприлично, чуть ли не расплывшись в улыбке, упивался музыкой. В углу оцепенело сидел Пол с тем несколько воинственным видом, который ему придавали усы, так не вязавшиеся с его внешностью. Лицо у него было напряженным и сосредоточенным — вот-вот рявкнет какую-нибудь команду.

Дора огорчилась, обнаружив Пола на концерте. Повези ей самую малость, сидел бы он наверху и хандрил — к нему и подступиться было бы легче, — это он и должен бы делать, подумала она с

обидой, ведь тайна исчезновения его жены еще не раскрыта. Дора, нервничая, понаблюдала за ним еще немного, а затем стала снова пристально смотреть на всех разом. Смотрела, как собрались они тут кучкой, и чувствовала себя отщепенкой; в ней заговорила агрессивность, и ей вспомнилось напутствие Ноэля. Какой у них уверенный, самодовольный вид — вот они, духовный правящий класс. Ей вдруг захотелось стать большой и сильной, как горилла, сорвать с петель хлипкие двери и потопить эту мерзкую музыку в диком плотоядном вопле.

Дора теперь наблюдала за всеми уже так долго, что чувствовала себя невидимой. Она тронулась было с места, собираясь уйти, и тут заметила, что Тоби глядит через окно прямо на нее. Она поначалу не была уверена, что он ее увидел, и притаилась. Но затем, по тому, как переменился он в лице, как шире раскрыл глаза, сосредоточил взгляд и напрягся телом, она поняла, что ее заметили. Дора помедлила, выжидая, что предпримет Тоби. К ее удивлению, он ничего не предпринял. Сидел, какую-то минуту вылупив на нее глаза, потом снова их опустил. Дора тихонько скользнула обратно в темноту. Больше никто в комнате ее не заметил.

Подавленная, стояла она в дальнем углу балкона, предчувствуя недоброе и не зная, как поступить. Может, ей следует подняться в спальню и там дожидаться Пола; но перспектива этого тоскливого бдения была столь пугающа, что она не могла себя заставить двинуться вверх по лестнице. Она снова побрела на площадку и медленно пошла по тропинке к дамбе. Луна только еще поднималась, но было уже довольно светло. Силуэты монастырских деревьев и башни видны были, как и в первую ее ночь в Имбере. Она дошла до озера, которое мрачно поблескивало, еще не полностью высвеченное лунным светом.

Она оглянулась на дом и со страхом увидела, что за ней по дорожке следует какая-то темная фигура. Наверняка это Пол. И от старой, закоренелой боязни перед ним вся эта ночная сцена сделалась вдруг жуткой. Она и хотела бы убежать, но стояла на месте, выставив руку перед грудью, словно готовясь принять удар. Фигура приближалась, бесшумно поспешая по травяному следу. Когда она совсем приблизилась, Дора увидела, что это Тоби.

— А, это ты, Тоби, — с облегчением сказала Дора. — Привет. Ты ушел с концерта?

— Да, — сказал Тоби. Похоже, он запыхался. — Я

ушел, когда переворачивали пластинку…

— Тебе нравится такая музыка?

— В общем-то не очень. Я все равно собирался уходить. А тут вас увидел через окно.

— Ты сказал, что я вернулась?

— Нет, я подумал, что лучше не разговаривать между частями. Я просто взял и улизнул. Они там еще добрых три четверти часа просидят.

— Ну и ладно. Ночь сегодня чудесная.

— Может, пройдемся немного?

Похоже, он ей рад. Хоть кто-нибудь — и то слава богу… Они пошли тропинкой вдоль озера, против монастырской стены. Луна, поднявшаяся выше, раскрывала по водной глади золотой веер. Дора взглянула на Тоби и обнаружила, что он смотрит на нее. С ним она чувствовала себя непринужденно и естественно, и это убеждало ее, что молодость ее цела и держится прочно. Вот кому дела нет до того, чтобы сажать ее под замок или судить. Остальные же, тоскливо думала она, Пол на свой лад, община — на другой, заставят-таки ее плясать под свою дудку. Всего несколько часов назад она чувствовала себя свободной — и по собственной воле вернулась в Имбер, совершив настоящий поступок. Но они-то сделают из него санкционированный возврат виновной

беглянки… Полагая, что превосходство их над ней неизбежно, а отчего это так, понять могла едва ли, чувствуя, что стать с ними когда-нибудь вровень для нее невозможно, Дора начала сожалеть, что вернулась.

Перебросившись парой слов о лунном свете, они шли, пока тропинка не нырнула в лес. Пещера из потемневшей листвы, кое-где подсвеченная бликами от позлащенной воды, поглотила их. Тоби решительно устремился вперед, а Дора шла следом, отмечая про себя, как легко с ним молчать. Она решила выждать те «добрых», как выразился Тоби, три четверти часа, а потом еще немного, чтобы дать всем время разойтись по комнатам, тогда она наверняка застанет Пола одного.

— Вот мы и пришли! — сказал Тоби.

— Куда? — спросила Дора.

Она встала рядом с ним. Деревья от воды отступили, и лунный свет ясно высвечивал поросшую травой поляну и каменный волнорез, уходивший в озеро.

— Так, в одно знакомое местечко. Я тут плавал пару раз. Сюда, кроме меня, никто не ходит.

— Здесь славно.

Дора села на верхушку волнореза. Озеро ка-

залось совершенно неподвижным и все же в наступившей тишине издавало странные плавные всплески. На другой стороне, чуть левее, виднелась монастырская ограда с зубчатой стеной деревьев. Напротив же был только темный лес — продолжение через озеро того леса, что лежал у нее за спиной. Доре казалось, что широкий залитый лунным светом круг, у кромки которого она сидит, может воспринимать, что он обитаем. Заухала сова. Дора посмотрела на Тоби. Хорошо, что она здесь не одна.

Тоби стоял совсем рядом на верхушке волнореза и смотрел на нее. Дора забыла, что собиралась сказать. От темноты, тишины и их близости она вдруг физически ощутила присутствие Тоби. Между его телом и ее натянулась некая нить. Интересно, он это тоже чувствует? Она вспомнила, как однажды увидела его голым, и улыбнулась. Луна выдала ее улыбку, и Тоби улыбнулся в ответ.

— Скажи мне что-нибудь, — сказала Дора.

Тоби, похоже слегка вздрогнув, приспустился вниз и сел рядом с ней на корточки. Запах тинистой воды холодил им ноздри.

— А что?

— Да что-нибудь, просто скажи — так, что

угодно…

Тоби откинулся на камни. Помолчав, он сказал:

— Я вам скажу что-то очень странное.

— Давай.

— Здесь, в воде, лежит огромный колокол.

— Что! — Дора в изумлении привстала, едва понимая, что он сказал.

— Да, — сказал Тоби, довольный произведенным эффектом. — Правда, странно? Я его нашел, когда плавал под водой. Я поначалу не разобрался, потом пришел сюда еще раз. Уверен, это колокол.

— Ты его видел, трогал?

— Трогал, весь ощупал. Его лишь наполовину засосало в ил. А разглядеть там ничего нельзя, слишком темно.

— На нем орнамент был?

— Орнамент? Ну, снаружи какие-то переплетения и выдолбы. Впрочем, это могло быть чем угодно. А почему вы спрашиваете?

— Боже праведный! — Дора встала. Зажала рот рукой. Тоби тоже поднялся, он был, несомненно, напуган.

— А что такое?

— Ты кому-нибудь еще говорил?

— Нет. Не знаю отчего, но я думал держать это в тайне, пока не схожу сюда еще раз.

— Так вот, никому не говори. Пусть это теперь будет наша с тобой тайна, ладно?

Дора, которая не усомнилась ни в рассказе Тоби, ни в том, что это и есть тот самый колокол, чувствовала себя как человек, которому привалила великая сила, а он пока не знает, на что ее употребить. Она вцепилась в эту находку, как арабский мальчуган в папирус. Что это — она не знала, но была полна решимости продать задорого.

— Хорошо, — сказал Тоби, явно обрадовавшись. — Никому ни слова. Очень все странно, правда? Не знаю даже, что это раньше меня не так забрало… Поначалу я не был уверен, а потом всякое другое сбило с толку… В любом случае я мог и ошибиться. А вас, я смотрю, это сильно взволновало.

— Не ошибаешься ты, я уверена.

И Дора рассказала ему предание, которое слышала от Пола и которое так сильно захватило ее воображение, — о грешной монахине и епископском проклятии.

К концу рассказа Тоби пришел в такое же возбуждение, как и она сама.

— Но такого не могло быть на самом деле, —

сказал он.

— Конечно. Но Пол говорил, что в этих старых преданиях всегда есть доля правды. Может, колокол каким-то образом очутился в озере и теперь так там и лежит. — Дора показала на гладкую поверхность воды. — Если это средневековый колокол, он имеет огромное значение для искусства, истории, ну и вообще. Не могли бы мы его вытащить?

— Мы — вы имеете в виду вы и я? — изумился Тоби. — Ну, нет… Это такая громадина — невесть какая тяжесть! И потом, его засосало в тину.

— Ты же говорил, что засосало лишь наполовину. Ты же инженер! А если бы мы соорудили блок или что-нибудь в этом роде?

— Блок-то мы могли бы соорудить, только у нас нет двигателя. Впрочем, можно было бы использовать трактор. Но что вы хотите делать?

— Пока не знаю. — Дора обхватила щеки ладонями, глаза ее сияли. — Удивить всех. Сотворить чудо. Говорил же Джеймс, что не минул еще век чудес.

Тоби, похоже, колебался.

— Если это так важно, может, надо сказать остальным…

— Они и так скоро узнают. Ничего дурного мы

не сделаем. Но это будет такой потрясающий сюрприз. Думаю — ой, не знаю… мы могли бы как-нибудь подменить новый колокол старым, знаешь, когда на следующей неделе новый колокол привезут, они собираются держать его под покрывалом, а потом снять его в воротах монастыря. Ты только подумай, какая будет сенсация, когда под покрывалом обнаружится средневековый колокол! Вот было бы дивно! Это же истинное чудо — после такого люди паломничество совершают.

— Но это же будет просто фокус. И потом, колокол можно разбить или повредить. И в любом случае это потребует столько труда.

— Без труда не выудишь и рыбку из пруда — думаю, это про нас с тобой сказано. Мне бы хотелось всех немного растормошить. Они бы получили колоссальный сюрприз, и затем они были бы так рады колоколу, он был бы все равно что нежданный подарок. Представляешь?

— А это не будет, как бы это сказать, бестактным?

— Если что-то в достаточной мерс фантастично и в достаточной мере чудесно — бестактным оно быть не может. В конце концов, это подняло бы всем настроение. Мне-то точно бы подняло! Ну

что, рискнешь?

Тоби рассмеялся.

— Идея, конечно, потрясающая. Но уверен, нам ее не осилить.

— Да с инженером в придачу я что угодно сделаю.

И действительно, у нее было такое чувство, когда она стояла тут в лунном свете и глядела на тихую воду, будто одним только усилием воли она может поднять громадный колокол. В конце концов, пусть на свой манер, по-своему, но она будет бороться. В этой святой общине она будет играть роль ведьмы.

Глава 16

— Главное требование праведной жизни, — говорил Майкл, — это иметь некоторое представление о мере своих способностей. Нужно достаточно знать себя, дабы знать, что тебя ждет. Нужно тщательно обдумывать, на что лучше обратить свои силы.

Было воскресенье, и настал черед Майкла читать проповедь. Хотя мысль о проповеди в такое-то время была ему отвратительна, он сурово принудил себя к исполнению обязанности, сочтя за лучшее твердо, насколько это возможно, держаться нормального хода жизни. Говорил он свободно, заранее продумав все, что хотел сказать, и произнося это теперь без заминок, не заглядывая в записи. Теперешнюю свою роль он находил крайне нелепой, но в словах недостатка не испытывал. Он стоял на возвышении, посматривая на свою крохотную паству. Картина была привычная. Отец Боб сидел, как обычно, в первом ряду, скрестив на груди руки, и пожирал Майкла своими глазами навыкате. Марк Стрэффорд, двусмысленно прищурившись, сидел во втором ряду с женой и Кэтрин. Питер Топглас сидел в третьем

ряду, усердно протирая очки шелковым носовым платком. Время от времени он поднимал их на свет и, не удовлетворенный результатом, снова начинал тереть. Он всегда нервничал, когда говорил Майкл. Рядом с ним сидел Пэтчуэй, обычно являвшийся послушать Майкла, он снял шляпу, обнажив лысину, которая, хоть и редко бывала непокрытой, все же умудрилась загореть. Пола с Дорой не было, они отправились на прогулку, распаленные, явно в разгаре ссоры. Тоби сидел сзади, так низко опустив голову, что Майклу виден был пушок у него на шее.

Теперь-то Майкл знал — когда знание это слишком запоздало, чтобы от него был прок, — что, повидавшись с Тоби, он совершил великую ошибку. Встреча, пожатие рук имели такую силу и очарование, которых он не предвидел, вернее, не смел предвидеть и которые теперь, вкупе с предшествующим случаем, обретали значение и наступательный темп целой истории. Тут уже было развитие, а теперь — и ожидание. Майкл знал, что должен был иначе побеседовать с Тоби, и в то же время, оставаясь самим собой, не смог бы этого сделать; тем более он должен был написать Тоби письмо, а еще лучше — вообще ничего не предпринимать, и пусть бы мальчик думал

о нем все, что ему заблагорассудится. Теперь-то он готов был оценить, сколь нуждался он сам в этом разговоре, чтобы попробовать как-то восстановить у Тоби представление о нем, так грубо поколебленное тем, что случилось.

Беда в том, как видел теперь Майкл, что он замахнулся на поступок, который по праву принадлежит лучшему, чем он, человеку, хотя — по жесткости парадокса — человек лучше его не мог бы оказаться в ситуации, которая требует такого поступка. Можно было бы провести встречу с Тоби совершенно бесстрастно и тем напрочь покончить с этим делом — только для Майкла это было невозможно. Он вспомнил свои молитвы и то, как он воспринял все это как испытание своей веры. И правда, человек большой веры мог не страшиться поступать смело — только Майкл был не тем человеком. Что ему не удалось сделать — так это точно рассчитать свои силы, свой собственный духовный уровень, и из последующих-то размышлений на сей счет он и почерпнул, с явной горечью, тему для проповеди. Поступок должно совершать пусть не такой высокий, зато соответствующий твоим силам и возможностям, а не превышающий их и потому невыполнимый.

Майкл понимал, что переоценивать значимость происходящего само по себе опасно. Он тосковал по чьему-нибудь ясному, здравому уму, что признал бы действия его прискорбными, но хотя бы не приведшими к сокрушительным последствиям. Он довольно-таки малодушно ощущал, что, будь у него некий приземленный, пусть даже циничный, наперсник, он бы помог ему ослабить ту власть, которую имела над ним ситуация, представив ее в более ординарных и менее драматических пропорциях. Но наперсника не предвиделось, и он оставался при своих неотступных и печальных мыслях об одном последствии, которое повлек за собой его поступок. Он окончательно нарушил душевный покой Тоби. Он отвратил мальчика от открытой, жизнерадостной, сосредоточенной на труде молодости и поверг его в нечто тревожное, тайное, непонятное. Перемена в Тоби казалась Майклу столь разительной, что он только диву давался, что никто ее, похоже, не заметил.

Нарушил он и собственный душевный покой. Он пребывал в нездоровом возбуждении. Он работал не покладая рук, но что это была за работа… Он теперь просыпался каждое утро с чувством любопытства и ожидания. Он не мог оградить

себя от того, чтобы не наблюдать постоянно за Тоби. Тоби, со своей стороны, избегал Майкла, хотя явно был занят им. Майкл догадывался об общих мотивах его поведения, а потом и понял, что у Тоби началась реакция. Поговорив с Тоби в аллее козодоев, он знал, что чувство, которое он сам испытал, нашло отклик, и, вспоминая об этом, обмирал. От сознания, что чувства у Тоби теперь идут на убыль, что он, быть может, намеренно ожесточает свое сердце и внушает себе омерзение к тому порыву нежности, Майкл впадал чуть ли не в бешенство. Он жаждал переговорить с Тоби, расспросить его еще раз, объясниться и не мог прогнать надежду на то, что Тоби рано или поздно вынудит его к такому *tete-a-tete*. Ему страшно хотелось извлечь из этой путаницы ту крупицу добра, что в ней была, в которой выкристаллизовалась его бескорыстная привязанность к Тоби и Тоби к нему. Но он знал, прекрасно знал: это невозможно. В этом мире — почти наверняка — им с Тоби никогда теперь не быть друзьями, и, может, ожесточение сердца и впрямь лучшее решение… Он постоянно молился за Тоби, но замечал, что молитвы его сбиваются на фантазии. Он терзался смутными физическими желаниями и воспоминанием о теле Тоби,

теплом, прильнувшем к нему в кабине; во сне его часто посещал двусмысленный и уклончивый образ: то это был Тоби, а то — Ник.

Мысль — когда он дозволял своему уму на ней остановиться, — что Ник с Тоби вместе в сторожке, добавляла беспокойству Майкла и другое измерение. Он вновь и вновь тщетно возвращался к вопросу: возможно ли, что Ник видел, как он обнимал Тоби. И всякий раз решал, что невозможно, но потом замечал, что сызнова задает себе этот вопрос. Такой тучей страданий окутана была эта тема, что он уже и не знал: сожалеет он о том, что нанес урон своей репутации, что нанес, возможно, урон Нику, или же о чем-то куда более примитивном — об утрате привязанности Ника, хотя в конечном счете у него не было ни оснований считать, что Ник еще ее хранит, ни права желать, чтобы он оставался ей верен.

Единственное, к чему привели эти волнения, — стало еще более невозможно, чем прежде, «делать что-то» с самим Ником. Правда, Майкл еще был исполнен решимости поговорить с Кэтрин. Когда воображение, с его проклятой зримой живостью, подбрасывало ему вероятные сцены в сторожке, он терзался двойной ревностью, из-за которой он также не пересматривал прежний, столь

желанный со многих точек зрения, план перемещения Ника или Тоби, а то и обоих разом, в Корт. Но мотивы его, как он чувствовал, были бы столь очевидны для тех, во всяком случае, кем он сейчас более всего дорожил, да и не мог он заставить себя руководствоваться такими мотивами, даже если они и были продиктованы благими намерениями. Единственным его утешением было то, что Тоби в любом случае покинет Имбер через пару недель, да и Ник, вероятно, тоже, когда Кэтрин уйдет в монастырь. На это и надо уповать. А потом, с Божьей помощью, он бы успокоил свою душу, вернулся к своим задачам и планам, которых, решил он, не спутать этому кошмарному эпизоду.

Майкл продолжал проповедь.

— Это спасительная нить. Можем ли мы усомниться в том, что Господь требует, чтобы мы познали самих себя? Вспомните притчу о талантах. В каждом из нас различные способности, различные наклонности, и многие могут быть использованы как во благо, так и во зло. Мы должны стремиться познать свои возможности и обратить энергию, которой действительно обладаем, на исполнение Божьей воли. Как существа духовные, в несовершенстве своем, а

также и в возможностях достичь совершенства мы глубоко отличны друг от друга. Сколь отличны мы друг от друга — на то, чтобы узнать это, требуется много времени, а некоторые отличия могут и вовсе никогда не проявиться. У каждого из нас свой путь к постижению Бога. Уверен, вы поймете, что я имею в виду, когда скажу, что каждый обретает Бога в каком-то определенном месте. Где Бог — там появляется чувство, что тебя направляют, чувство, что здесь есть самое что ни на есть реальное, самое доброе, самое истинное. Это чувство реальности, значительности скрепляется определенным жизненным опытом, и у разных людей опыт этот может быть разным. Господь говорит с нами на разных языках. Посему мы должны быть внимательны.

Припомните, что говорил на прошлой неделе Джеймс о невинности. Я бы добавил кое-что к тому, что он так блестяще выразил. Нам сказали, что мы не только должны быть просты, как голуби, но еще и мудры, как змии. Чтобы жить в невинности или вернуться после грехопадения на путь истинный, требуются все силы, что только можно собрать, а для того, чтобы использовать свою силу, надо познать, в чем она заключается. Мы не должны, например, совершать поступок

оттого лишь, что отвлеченно он кажется нам хорошим, если в действительности он настолько противоречит нашим инстинктивным представлениям о духовной реальности, что мы не можем довести его до конца, то есть реально совершить его. Каждый из нас постигает определенный вид, или ступень, реальности, а отсюда проистекает возможность как таковая жить нам как существам духовным. И используя то, что мы уже познали, радуясь этому, мы можем надеяться на то, чтобы познать еще больше. Самопознание позволит нам избежать случайных искушений, и это лучше, нежели, полагаясь на одну только силу, одолевать их. Мы не должны присваивать себе поступки, принадлежащие тем, чьи духовные представления выше наших. От таких поползновений одни только беды, к тому же потом выясняется, что поступок, нами совершенный, вовсе не так уж высок, как нам представлялось, и получилось из него нечто совсем иное.

Я бы обратился здесь, опять же следуя примеру Джеймса, к образу колокола. Колокол обладает силой тяжести. Мах, что качнет его вниз, должен потом и вынести его наверх. Вот и мы должны научиться понимать механизм нашей духовной энергии и выяснить для себя, где тайники нашей

силы. Вот что я имел в виду, когда говорил, что в этом наше спасение. Мы должны, уяснив и точно используя присущую нам энергию, стремиться к большему. Вот в чем смысл слов «мудры, как змии». Вот борьба, угодная Божьему взору: становиться глубже и совершеннее, чем ты есть, и, стремясь исследовать и освятить каждый уголок души, явить ту неповторимую и прекрасную личность, которую Господь, сотворяя нас, вверяет нашим заботам.

Майкл вернулся на свое место, глаза его подернулись пеленой, он чувствовал себя как лунатик в наступившей за его словами тревожной тишине. Он вместе со всеми упал на колени и вознес молитву о мире душевном, который был единственным, чего он мог желать в такие минуты. Послушно вторил он мольбам к Всевышнему отца Боба Джойса, а когда служба кончилась, потихоньку выскользнул из Длинного зала и на время скрылся в своей конторе. Интересно, сколь очевидно было то, что сказанное им прямо противоположно сказанному Джеймсом на прошлой неделе. Это навело его на мысль о том, как мало в ходе разыгравшейся в последние дни драмы задумывался он над тем простым фактом, что он нарушил заповедь. Ему вспомнились слова

Джеймса: содомский грех недостоин сожаления, он запрещен. Майкл знал, что внимание его занимает лишь то, как и отчего он достоин сожаления. В то же, что он попросту запрещен, Майкл в действительности не верил. Бог сотворил мужчин и женщин с такими склонностями и дозволил этим склонностям укорениться так глубоко, что во многих случаях они становились самой что ни на есть сутью человеческой натуры. То, что в другом и, вероятно, лучше устроенном обществе могли быть разрешены моралью гомосексуальные отношения, — это, чувствовал Майкл, его не касается. Он был абсолютно уверен: в каком бы мире он ни жил, он всегда будет, по некоторым причинам, считать их греховными. Но из этого не следует, думал он, что можно, как Джеймс, просто отмахнуться от этой проблемы. Сложно все это. Что касается его самого — таким сотворил его Господь, и он не думал, что Господь сотворил его монстром.

Сложно все это и интересно — вот в чем загвоздка. Он сознавал, что в этом вопросе, как и во многих других, он всегда занят свершением того, что Джеймс называл вторым после самого лучшего поступком, тем, что диктуется скорее знанием себя и прикидкой последствий, нежели

строгим соблюдением уставов. Ведь, собственно говоря, и сама его сегодняшняя проповедь не что иное, как похвала этому второму после самого лучшего поступку. Но тут таилась опасность, истинная опасность, которую и вскрыл Джеймс: отходя от простого понимания определенных заповедей, человек может полностью предаться духовной драме ради драмы как таковой.

Майкл взглянул на часы. Теперь он вспомнил, что условился до обеда встретиться с Кэтрин, заставив себя наконец пойти на эту встречу. Теперь пора уже поискать ее. Надо покончить с этим делом — сказать что-нибудь про Ника, спросить четкого ответа: как заставить ее брата более активно участвовать в жизни общины. Он не горел желанием затрагивать эту тему, как и вообще видеть Кэтрин, но это же обычное и явно разумное дело. Он обнаружил в себе надежду: ну, как Кэтрин настоятельно посоветует переселить Ника из сторожки? Он спустился по лестнице, обвел глазами холл и заглянул в гостиную.

Кэтрин нигде не было, ни на балконе, ни на площадке. Марк Стрэффорд грелся на ступеньках на солнышке. Майкл спросил его:

— Кэтрин не видели?

— Она на дворе у конюшен со своим восхи-

тительным братцем-близнецом, — ответил Марк. — Брат Ник снизошли наконец до починки грузовика. Deo gratias.

Майклу это сообщение не понравилось. Он немного поборолся с соблазном отложить беседу, но потом быстро решил, что не должен делать этого. Как бы то ни было, Кэтрин может ждать, когда он придет и избавит ее от Ника; и раз уж он наконец — к тому же с таким трудом — решился поговорить с ней о брате, лучше не давать остыть этой решимости. Во всяком случае, после этого разговора он вздохнет посвободнее — и не в последнюю очередь потому, что тогда будет чувствовать, что хоть в ничтожно малой степени «сделал что-то» для Ника. Он отправился к конюшням.

Большие ворота, выходившие на дорогу, были заперты. Майкл уныло заметил, и уже не в первый раз, что их бы надо покрасить, а столб один у ворот подгнивает. Он вошел через калиточку в стене. Двор — один из маленьких шедевров Уильяма Кента — замыкали три стороны из денников, увенчанных вторым этажом, который оживляли под зубчиками карниза чередующиеся круглые и прямоугольные оконца. Он отчасти создавал впечатление маленькой площади. Кры-

тую черепицей крышу венчала изящная башенка с часами прямо напротив ворот. Часы больше не ходили. Правая часть строения полностью выгорела, и рифленое железо, пожертвованное еще дедом Майкла, по-прежнему заполняло зияющие бреши в нижнем этаже. Двор, с заметным уклоном к озеру, отделялся от дороги высокой стеной. Сейчас, на жаре, замкнутый со всех сторон, пыльный, душный, слепящий солнцем, он напоминал Майклу арену.

Посреди двора, прямо за тенью от стены, стоял грузовик, повернутый носом к озеру. Капот был открыт, и из-под машины торчала пара ног. Рядом, не считаясь с пылью, сидела на земле Кэтрин Фоли. Юбка на ней была подтянута до бедер, и ее длинные, скрещенные в лодыжках ноги почти полностью были выставлены на солнце. Майкл удивился, увидев ее в такой позе, удивился и тому, что она, увидев его, не поднялась и даже не одернула юбку. Вместо этого она без улыбки смотрела на него. Майклу впервые за пору их знакомства пришла в голову догадка, что она может недолюбливать его.

Ник начал выбираться из-под грузовика: по одну сторону ноги исчезли, по другую выглянула голова. Выбравшись наполовину, он лежал

навзничь головой в пыли. Он закатил глаза на Майкла, которому оттуда, где он стоял, лицо его виделось перевернутым. Похоже, он улыбался, но опрокинутое лицо его было так странно, что сказать наверняка было трудно.

— А, великий вождь… — сказал Ник.

— Привет, — сказал Майкл, — как хорошо, что вы занялись грузовиком. С ним все будет в порядке?

— Что за чушь, — сказал Ник, — и вовсе не очень хорошо, что я занялся грузовиком. Ужасно, что я не занялся им раньше. Почему вы не говорите того, что думаете? Там просто карбюратор засорился. Теперь все должно быть в порядке.

Он не двигался с места, и его странное лицо бородатого демона глядело снизу на Майкла.

Майкл, по-прежнему чувствуя на себе упорный взгляд Кэтрин, подыскивал слова.

— А я как раз искал вашу сестру, — сказал он.

— А я как раз разговаривал со своей сестрой, — сказал Ник. — Мы обсуждали наше детство. Знаете, мы ведь провели детство вместе.

— А… — по-идиотски протянул Майкл.

Так или иначе, он не мог иметь дело с ними обоими, и в голову ему пришло, что это один из тех редчайших случаев, когда он видит их вместе.

— Знаю, болтаться и предаваться воспоминаниям грешно, — сказал Ник, — но вы уж нас простите, это наш последний шанс. Ведь так, Кэти?

Кэтрин молчала.

— Хорошо, я уйду. Я могу встретиться с Кэтрин и в другой раз, — пробормотал Майкл.

— Все к лучшему, все к лучшему, и все самое проклятущее тоже к лучшему, — сказал Ник. — Ведь так, Кэти?

Майкл понял, что тот слегка пьян, и повернулся, чтобы уйти.

— Да погодите вы минутку, — сказал Ник. — Вечно вы убегаете, черт вас подери, словно это чертово молоко у меня в сторожке. Хотите, чтобы и все проклятущее было к лучшему? Окажите мне тогда одну услугу — не в службу, а в дружбу.

— Ну конечно, — сказал Майкл. — Что нужно сделать?

— Всего-то навсего сесть в грузовик, перевести рычаг переключения скоростей в нейтральное положение да отпустить ручной тормоз.

Майкл, двинувшийся было к машине, остановился.

— Ник, — сказал он, — перестаньте дурить. Это не смешно. И давайте-ка выбирайтесь из-под

этой штуковины. Вы же знаете, под горку ставить машину в любом случае опасно. Надо было развернуть грузовик боком.

Ник медленно вылез, стряхивая пыль и усмехаясь. Увидев его теперь в комбинезоне, явно занятого делом, Майкл заметил, как сильно он похудел и подтянулся — по сравнению с тем, как приехал, — да и похорошел тоже. Понял Майкл и то, что слова эти были первыми настоящими словами, с которыми он обратился к Нику со дня его приезда. Ник, явно на них напросившийся, был доволен.

Майкл хотел было как-то извиниться и уйти, но тут вновь скрипнула деревянная калитка с дороги. Они все обернулись. Это был Тоби. Он стоял и хлопал глазами, глядя на эту замкнутую сцену: Кэтрин, по-прежнему сидящая с обнаженными ногами, и Майкл с Ником, стоящие вблизи друг от друга у грузовика. Он поколебался с видом человека, вмешивающегося в интимный разговор, а потом, раз уж отступать было явно невозможно, вошел во двор и прикрыл калитку. Первой мыслью Майкла было, что Тоби ищет его. У него было такое чувство, будто он заливается краской.

— А, вот и мой дублер, — сказал Ник. — Ты мог бы получить урок. Но все уже кончилось. — Затем,

повернувшись спиной к Тоби, он сказал: — Кэти, ты не заведешь его?

К удивлению Майкла, у которого она никогда ни с какими машинами не ассоциировалась, Кэтрин медленно поднялась, встряхнула подол и взобралась в грузовик. Он наблюдал за ней с чувством, которого у него никогда прежде не было: она играет роль. Кэтрин завела мотор. Ник, уткнувшись в капот, проверял результаты. Они казались удовлетворительными. Он закрыл капот и с ухмылкой смотрел на Майкла. Потом, повысив голос из-за несмолкающего шума мотора, сказал:

— Надо бы сделать на нем кружочек — убедиться, что все в порядке. Поведет Кэтрин. Тоби, давай сюда.

Тоби, до этого неприкаянно стоявший у калитки, смущенно вышел вперед.

— Иди-иди, быстренько, — сказал Ник, распахивая дверцу кабины. — Ты тоже поедешь.

Тоби сел в кабину.

— А вы как, Майкл? — сказал Ник. — Будет тесновато, но я так думаю, кто-нибудь мог бы и посидеть у кого-нибудь на коленях.

Майкл покачал головой.

— Тогда не откроете ли нам ворота? — сказал

Ник, сидя посреди Тоби и Кэтрин и раскинув на спинке сиденья руки так, что обнимал разом и мальчика, и сестру.

Как во сне пошел Майкл к большим деревянным воротам, развел створки. Кэтрин плавно включила сцепление, грузовик проехал мимо него в облаке пыли и исчез на дороге. Спустя несколько минут, когда Майкл, озлобленный, жалкий, стоял по-прежнему на пустом дворе, грузовик вновь показался на другой стороне озера, прогрохотал к сторожке и скрылся на большой дороге.

Глава 17

Тоби встал с постели и поднял с пола туфли. Он не раздевался и так и не осмелился заснуть из страха проспать. Свидание с Дорой назначено на половину третьего ночи. Сейчас начало третьего. Он приоткрыл дверь своей комнаты и прислушался. Дверь в комнату Ника была отворена, но изнутри доносился храп. Тоби прокрался вниз по лестнице и подошел к входной двери. От какого-то движения позади он мгновенно вздрогнул, но это был всего лишь Мерфи, который, очевидно, следовал за ним по лестнице. Пес с сопением тыкался ему в штанину, глядя на него вопрошающе. Тоби виновато погладил его и выскользнул один, плотно закрыв за собой дверь. В этой исключительной экспедиции доверять нельзя даже Мерфи.

Это была ночь, когда Тоби с Дорой должны были попытаться поднять колокол. Со времени своего явно безумного начала план этот вырос и по существу, и по сложности; Тоби, считавший его сперва выдумкой, теперь стал его деловитым и увлеченным исполнителем. Только вот почему Дору живо интересуют эдакие бредни, ему снача-

ла было непонятно. Непонятно это было и сейчас, но теперь его волновало только, как бы угодить Доре да еще преодолеть известные технические проблемы, занимательность которых стала очевидной его техническому уму.

На следующий день после их первого разговора с Дорой о колоколе он совершил еще одну вылазку в одиночку. Он множество раз нырял, обследуя очертания и положение предмета. Теперь, когда он загорелся уверенностью Доры и нашел подтверждения собственным заключениям, он уже не сомневался, что это действительно тот самый колокол. Две колоссальные проблемы теперь стояли перед ним. Первая — как поднять колокол из воды, и вторая — как произвести подмену нового колокола старым, что и составляло чудо Доры; обе эти задачи нужно было выполнить тайно и с одним лишь помощником, Дорой. Приказ был смелый.

Дора, которая явно не имела понятия о том, как огромен и тяжел колокол, похоже, думала, что все это прекрасно исполнимо, и полагалась на умение Тоби с insouciance [48], злившей и приводившей его в умиление. Хоть он и знал, что

[48] Примечания: 48
Беспечностью (*фр.*).

это идет от неведения, уверенность ее заражала; заражала и ее странная мечта, ее нелепая причуда — вернуть к жизни средневековый колокол. Будто для нее это было магическое действо сокрушительной важности, нечто вроде утверждающего в силе и раскрепощающего ритуала; и, хотя действа этого он понять не мог и при иных обстоятельствах никогда бы им не соблазнился, Тоби готов был заболеть ее энтузиазмом и стать по такому случаю учеником чародея.

Однако именно ученику нужно было придумывать детали чародейства. Он обсудил несколько планов с Дорой, чье неведение в области динамики оказалось поразительным. Дело обстояло так: после того как было отклонено несколько предложений о привлечении упряжных лошадей, единственной движущей силой, им доступной, остался трактор. Но и в этом случае, пытался убедить Дору Тоби, вполне может случиться, что они просто не смогут поднять колокол. Забившаяся внутрь илистая тина удвоит его вес; а нижняя часть его, может, вообще основательно застряла в более плотном слое ила на дне озера. Тоби попытался в последнюю свою водолазную экспедицию откопать колокол, но удалось это ему лишь с частичным успехом. Вот еще докука, что Дора

не умеет ни плавать, ни управлять трактором, значит, нельзя будет дополнительно подправить колокол снизу, когда его потянут сверху.

— Толку от меня, боюсь, никакого, — сказала Дора, сложив руки на коленях и устремив на него большие, горевшие смиренным восхищением глаза, когда они сели в лесу на свое последнее совещание.

Тоби находил ее совершенно очаровательной.

Официальный план торжеств по поводу нового колокола был таков. В Корт он прибудет в четверг утром. Его поместят на одну из железных тележек, на которых иногда возят бревна из лесу, потом его уберут покрывалом, цветами. В таком облачении его освятит и «окрестит» епископ в ходе небольшой службы, которая по плану должна состояться сразу же по приезде последнего в четверг вечером; присутствовать на ней будет только община. Ночь с четверга на пятницу колокол проведет на дворе у конюшен. В пятницу утром, около семи, в час, когда по обычаю монастырь впускает послушниц, колокол станет центром небольшого деревенского праздника, в деталях любовно разрабатываемого миссис Марк; тут перед ним будут плясать местные ис-

полнители Моррисовых танцев [49], исполнять серенаду ансамбль флейтисток и петь во время торжественной процессии к воротам хор из местной церкви, который уже некоторое время разучивал вычурные пьесы в его честь, одну по такому случаю сочинил даже регент. Процессия, вид и порядок которой еще обсуждались, состоять будет из исполнителей, членов общины и всех жителей деревни, которые пожелают присутствовать; а так как интерес к этому событию в деревне стал неожиданно нарастать, то народу, несмотря на ранний час, могло собраться много. Большие монастырские ворота раскроются, когда процессия приблизится, а когда присутствующие веером расположатся по обе стороны от нее на противоположном берегу и грянет торжественный финал гимна, с колокола снимут покрывало. После того как он постоит соответствующее время открытым для всеобщего восхищения, его вкатят в монастырь специально отобранные рабочие, у которых имелось выдаваемое в исключительных случаях разрешение зайти на территорию

[49] Примечания: 49

Моррисовые танцы — народные танцы, завезенные в Англию в XV веке предположительно из Франции или Испании; исполнялись на деревенских празднествах, причем плясуны часто выступали в костюмах героев легенд о Робин Гуде.

монастыря, чтобы установить колокол. Ворота за колоколом закроются — и, что касается внешнего мира, церемония окончена.

План же Тоби с Дорой был таков. В среду ночью они постараются поднять старый колокол. Для этой цели они используют трактор, на котором, по счастливо подвернувшемуся случаю, Тоби теперь иногда разрешали ездить. Началась вспашка пастбища, и с начала недели Тоби работал на пастбище с Пэтчуэем. Последний по вечерам уходил с бессовестной пунктуальностью, и Тоби, о чьих занятиях в эту пору никто бы и не вспомнил, мог преспокойно не ставить трактор на место, а отогнать его в лес, к старому амбару. Тоби уже очистил от кустов и самых крупных заграждений дорожку, которая вела через сарай к берегу озера, так что трактор можно было подвести прямиком почти к самой кромке воды. Там он и останется, пока они не соберутся где-то за полночь у волнореза.

На тракторе была лебедка и толстый стальной трос с крюком на конце, который использовали, чтобы трелевать бревна. Прицепив трос к большому кольцу, которое было частью колокольной макушки, Тоби надеялся поднять его лебедкой, а потом буксировкой и волоком оттащить в амбар.

Он предусмотрительно опустил к подножию волнореза немного камней и гравия — на случай, если колокол зацепится за край волнореза там, где он скрывался под слоем ила. Опасность на этом этапе, помимо непредсказуемости поведения колокола, таилась в том, что мог быть слышен шум трактора, но Тоби счел, что при юго-западном ветре, если тот будет дуть, как в последние дни, шум едва ли донесется до Корта, а если и донесется, его вряд ли узнают. Его могли бы принять за шум машины или далекого самолета.

Следующая стадия операции была не менее сложной. Большая железная тележка, на которой должен был стоять новый колокол, по счастью, имела брата-близнеца. Существование этого близнеца и делало план вообще выполнимым. Как только колокол будет в амбаре, надо пропустить стальной трос через одну из больших балок и лебедкой поднять колокол с земли. Из этого положения его можно бы опустить на вторую тележку и закрепить. Тележку можно будет без особого труда провезти в четверг ночью по бетонной дороге у леса, которая шла чуть под уклон в сторону Корта. Дорога вела по прямой, через огород, к конюшням и к навесу, где уже стоял бы новый колокол, облаченный для свое-

го завтрашнего путешествия. Тут и состоялось бы «переодевание» колоколов. Цветы и прочее убранство тележки скрыли бы от острого глаза какие-нибудь незначительные различия между близнецами. Вот если бы колокола оказались совершенно разных размеров, это действительно была бы загвоздка, но Тоби, который исподволь вызнал размеры нового колокола и, как мог, обмерил старый, был уверен, что они приблизительно совпадают. Новый колокол, уже разоблаченный, был бы затем водворен в один из пустых денников, в который никто никогда не заглядывает, — и на том операция завершилась бы. Самой рискованной представлялась последняя ее часть, в противовес трудноисполнимым предыдущим, но, поскольку конюшня была в некотором удалении от дома и никто из общины в ближайшей к нему стороне не спал, надежда, что никто ничего не услышит, все-таки оставалась.

Под конец оставалась еще одна докука. Вторая железная тележка, на которой бы надо перевезти старый колокол, всякий день была в употреблении в упаковочном сарае. Миссис Марк использовала ее как стол, на ней она раскладывала все свои товары, прежде чем подогнать ее для погрузки к багажнику машины. Увези ее Тоби в

среду ночью, ее хватятся в четверг. Так что увезти ее надо ночью в четверг. На четверг останется минимум дел в амбаре. В среду колокол будет поднят на протянутом через балку тросе до точки, которая, по расчетам Тоби, будет чуть выше уровня тележки. Тут будет пущен в ход второй трос, который Тоби обнаружил в кладовке, они проденут его в ухо колокола, намотают на балку и закрепят в разлучине ближайшего дерева ломом, вставленным в кольцо, которым оканчивался трос. Первый трос, прицепленный к трактору, затем можно снять и оставить колокол на весу. Трактор вернули бы на пашню в четверг рано утром. Четверг колокол повисел бы в амбаре. Дора собрала множество зеленых сучьев и вьюнов, которыми его можно было бы замаскировать; действительно, обнаружение его в этот день было крайне нежелательным. В четверг ночью они привезут тележку и подставят ее под колокол. Если расчеты Тоби, включающие и прикидку на то, что трос может провиснуть, будут достаточно точными, обе поверхности сойдутся без зазора; если же его расчеты будут не совсем точными, тележку можно будет и приподнять немного, вкопав в пол камней и еще чего-нибудь, чтобы достать до обода колокола. Трос тогда можно бы-

ло бы снять, и колокол оказался бы на тележке. Это хитроумное приспособление делало трактор во вторую ночь ненужным.

Технические детали этого плана вызывали в Тоби нечто вроде экстаза. Все в нем было так трудно и в то же время так изысканно осуществимо — Тоби вынашивал его как произведение искусства. Был этот план еще и его данью Доре, и доказательством самому себе, что он любит. С того самого момента, как в часовне Дора услужливо заполнила тот безликий образ женственности, к которому Тоби вопрошающе обратил свои склонности, он стал чувствовать себя под ее господством или, как он это довольно точно выразил, под ее командованием. То, что Дора была замужем, волновало его очень мало. В его намерения не входило делать Доре какие-либо признания, обнаруживать, словом или жестом, состояние своей души. Он находил гордое удовлетворение в этом умолчании и чувствовал себя скорее как средневековый рыцарь, что вздыхает и страдает по даме, которую едва-то видел и которой никогда не будет обладать. Это понимание ее удаленности делало живое ее присутствие и легкое дружелюбие, с которым она относилась к нему в ходе их странного предприятия, еще

более восхитительными. Для него она была само величие и авторитет, а свежесть чувств, которые она вызывала в нем, давала ощущение едва ли не возвращенной невинности.

Странно уживалась с открытиями в себе самом, которые что ни день невольно вызывала Дора, неясная, непрекращающаяся, непонятная тревога за Майкла. Тоби избегал Майкла, но был занят им, не мог отвлечь от него свои мысли; чувства его метались от негодования к виноватости. У него было ощущение, будто его окунули во что-то нечистое, и в то же время не оставляло несчастное сознание того, что он ранит чувства Майкла. Но как мог он их не ранить? В воображении туманно рисовалась важная беседа, которая состоится у него с Майклом перед отъездом из Имбера; и много было моментов, когда его одолевало сильное искушение пойти и постучаться к Майклу в дверь конторы. Он слабо представлял себе, что бы после этого сделал или сказал, но лелеял, отчасти со смущением, а отчасти и с удовлетворением, — лелеял мысль, что Майкл нуждается в его прощении да и попросту в добром слове. Относительно всего этого дела в целом у Тоби было стойкое ощущение, что оно еще не кончено.

Он с осторожностью продвигался по тропинке вдоль озера. Луна их не подвела — стояла на небе высоко, почти полная, и широкое мерцающее пространство из деревьев и воды было настороженным, осмысленным, будто знало о великом подвиге, что должен свершиться. Озеро, которому скоро предстояло отдать свое сокровище, казалось безмятежным и почти манящим; воздух был тепл. Теперь Тоби шел быстрее, высматривая впереди Дору; от предчувствий и возбужденности у него перехватывало дух. Они уговорились встретиться у амбара. Он прекрасно знал, что всё сто раз может пойти наперекосяк, но был в пылу уверенности, надежды порадовать Дору и острого, лихорадочного желания добраться до колокола.

Он дошел до поляны у волнореза и остановился. После мягкого, шелестящего звука его шагов наступила жуткая тишина. Затем на тропинке к амбару показалась, проступив из лунного света, Дора. Он окликнул ее.

— Слава богу, — сказала тихо Дора. — Я тут перепугалась до смерти. Такие были подозрительные звуки — я думала, за мной гонится утонувшая монахиня.

Неожиданно совсем рядом, из камышей, до-

несся четкий звук, у обоих сердце так и екнуло. Раздалось несколько резких, но в то же время мелодичных трелей, и голос, захлебнувшись, стих.

— Что это? — спросила Дора.

— Камышевка, — ответил Тоби. — Соловей бедняков, как называет ее Питер Топглас. Он нам не помешает. Теперь, Дора, за работу.

— Нет, мы все-таки рехнулись. Зачем только эта безумная идея появилась? Зачем только ты меня подстрекал? — Дора говорила наполовину всерьез.

— Все будет в порядке, — сказал Тоби.

От того, что Дора начала трепыхаться, он стал спокойным и решительным. Он помедлил, глубоко дыша. Снова запела камышевка, только чуть в стороне. Озеро было призрачное и неподвижное, камыши и трава тихо-тихо покачивались от теплого бриза, луна светила вовсю. И Тоби вдруг показалось нереальным, что спустя какую-то минуту взревет трактор и покой озера нарушится. Он испытывал то, что, верно, испытывает перед началом внезапного наступления командующий.

Тоби сделал несколько шагов в глубь леса. Трактор стоял там, где он его оставил, — прямо у амбара, со стороны озера. Повезло еще, что у ам-

бара по обе стороны огромные проемы — он смог прогнать трактор насквозь. Поставить его ближе к воде он не осмелился из страха, что блестящий красный радиатор могут увидеть днем с дамбы. Тоби быстро разделся и в одних плавках пошел к трактору, осветил его фонариком, проверил трос и лебедку. Лебедка давно не была в употреблении, но Тоби ее хорошенько смазал, и она казалась совершенно исправной. Он размотал трос на изрядную длину и набросил свободной петлей на барабан. Все это время Дора мельтешила рядом. В такой момент он позавидовал своему средневековому прототипу — тому хоть не приходилось одновременно и иметь дело со своей дамой, и совершать подвиги. В большей части операции от Доры проку не было.

— Стойте пока у воды, ладно? И делайте то, что я скажу. — Тоби сделал глубокий вздох. Он чувствовал себя всемогущим. Он завел двигатель.

Сокрушительный рев нарушил выжидающее и проникнутое лунным светом молчание леса. Тоби расслышал испуганное аханье Доры. Не теряя времени даром, он вспрыгнул на сиденье трактора, отпустил тормоз и дал этой громадине медленно съехать задним ходом к воде. К трактору он чувствовал любовь, восхищался им, верил в

его силу. Он оставил его на площадке у верхушки волнореза и спрыгнул. Выжал до упора ручной тормоз и начал втаскивать под колеса, поперек, большую деревянную лагу. Дора кинулась помогать. Мотор он не выключал, рассудив, что звук, постоянно доносящийся издали, вероятно, должен привлекать меньше внимания, нежели прерывающийся. Затем, взяв конец троса за массивный крюк, он начал спускаться по волнорезу.

Вода была холодной, от ее зябкого прикосновения Тоби вздрогнул и на минуту понял, в каком полном трансе он пребывает. Хватая ртом воздух, он бросился в воду, камни ушли у него из-под ног — и вот он уже плывет, держа в одной руке крюк. Теперь он уже назубок знал географию озерного дна за волнорезом. Он почти что видел колокол. С равномерным шумом трактора в ушах он нырнул. Трос был тяжелый, с ним он быстро опустился на дно, и рука сразу встретила зев колокола. Волоча крюк по дну, свободно продевая трос между пальцами, он стал нашаривать другой конец колокола, чтобы найти его огромное ухо. И тут вдруг до него дошло: что же он делает!.. Он едва не раскрыл рот и в мгновенной панике выскочил на поверхность, позволив тросу ухнуть вниз, в тину. Хватая ртом воздух и возвращаясь к

теперь уже пугающей сцене из залитого лунным светом озера и рева мотора, он поплыл обратно к волнорезу.

Дора стояла ногами в воде. Она что-то неистово говорила, но он ее не слышал. Не обращая на нее внимания, он начал вытаскивать со дна трос. Тот шел медленно, путаясь в иле. Наконец крюк снова был у него в руке, и, ровно дыша, он еще раз отплыл и нырнул. Ухватился за обод колокола, подтянулся к нему. Следующий захват — и рука его на ухе, пальцы скользнули в широкую дыру. Цепляясь за колокол одной рукой, он придвинул другой крюк. С отчаянной, безумной радостью он почувствовал, как крюк проделся в дыру. Затем Тоби всплыл, ориентируясь на волнорез и изо всех сил стискивая в руке трос. Выкарабкался. Натяжение было несильным — необходимую длину он посчитал очень хорошо. Он оттолкнул Дору с дороги и влез на трактор. Переключил мотор на лебедку и запустил ее на тихий шаг, поначалу приглядываясь к натяжению и готовясь в любой миг поспешно ее выключить, если покажется, что колокол начинает тянуть трактор в озеро. Трос натянулся, и Тоби почувствовал, как между трактором и колоколом началась прямая тяжба.

Лебедка остановилась. Мотор ревел, но дви-

гатель не справлялся. Тоби быстро сообразил: отключил двигатель от лебедки, отогнал трактор чуть подальше от воды, позволив тросу размотаться, и вернул его к стволу дерева, поставив в новой позиции. Снова переключил мотор на лебедку, трос натянулся. И борьба за подъем началась. Хотя лебедка еще не начала двигаться, он чувствовал колоссальное волнение на другом конце нити. В этот-то момент и мог, скорее всего, лопнуть трос. Тоби вознес молитву. Затем с недоверием и диким восторгом увидел, как очень медленно барабан начинает поворачиваться. Можно было услышать или скорее почувствовать — точно сказать трудно было в этом кромешном аду, — как по дну волочится ужасная борона. Огромные илистые пузыри забулькали на поверхности. Движение теперь было непрерывным. Сильная лебедка поворачивалась, и трактор несколько судорожно, но твердо тянул на себя колокол. Трактор тащил, как живой. Затем раздался скрежет — колокол, должно быть, добрался до груды камней у подножия волнореза. Тоби, затаив дыхание, не отрывал глаз от точки, в которой тонкая нить троса, серебрившаяся на лунном свету, уходила под вздымающуюся поверхность воды. Он почувствовал удар — может,

обод колокола прошелся по основанию волнореза, — и почти в тот же миг, быстрее, чем он ожидал, показался крюк. За ним из озера медленно поднимался громадный груз.

Не смея верить глазам, не отойдя еще от оцепенелой сосредоточенности, Тоби подождал, пока колокол лег на сушь волнореза, словно выброшенная на берег жуткая рыбина. Тоби отключил двигатель от лебедки, дал тросу ослабить натяжение, убеждаясь, что колокол надежно держится на покатом склоне. Затем спрыгнул и принялся вытаскивать из-под колес лагу. Краем глаза увидел, как что-то тусклое замельтешило рядом — это Дора все еще силилась ему помогать. Он снова взобрался на ревущий трактор, перевел двигатель на нормальную скорость, включил сцепление и очень медленно отпустил тормоз. Трактор на миг вздыбился, затем огромные колеса начали вращаться, и Тоби увидел, как над головой у него поплыла листва. Он повернулся, чтобы посмотреть на колокол. Обод тяжело скрежетал о камни, а верхняя часть только оторвалась от земли. Он перевалил через верхушку волнореза и ткнулся ободом в землю помягче. Собирая перед собой груду земли и камней, он следовал за трактором в темноту леса. Вот уже и

черноту амбарного крова чувствовал над головой Тоби, тут он трактор выровнял и выгнал его наружу через широкий проем с противоположной стороны. Когда он счел, что колокол добрался до середины, он остановил трактор и выключил зажигание.

Наступила ужасающая, почти оглушающая тишина. Тоби совершенно неподвижно сидел на тракторе. Затем он медленно выдохнул и потер ладонями лицо. Отползти бы сейчас куда-нибудь и поспать. В последние несколько минут было слишком много переживаний. Он начал спускаться с сиденья и был слегка удивлен — оказывается, от крайнего напряжения мышц он весь одеревенел. Он сполз и наклонился растереть ногу. И опять изумился — оказывается, он почти голый, на нем одни только плавки.

— Тоби, ты был великолепен! — сказал рядом голос Доры. — Ты просто герой. С тобой все в порядке? Тоби, мы победили!

Тоби было не до излияний. Он чихнул и сказал:

— Да-да, со мной все о'кей. Давайте-ка глянем теперь на эту штуковину. А то, может, это старая кровать или еще что-нибудь.

Он проковылял мимо темной громадины посре-

ди сарая, нашел свой фонарик. Затем направил на нее луч света.

Колокол лежал на боку, черный зев его все еще лохматился тиной. Внешняя его поверхность была сплошь покрыта коркой из водной растительности и ракушкообразных наростов и была ярко-зеленого цвета. Так он и лежал — зияющая пастью громадина, — и они молча глядели на него. Это было существо из иного мира.

— О господи боже мой! — наконец сказала Дора. Она говорила тихо, будто в присутствии колокола испытывала благоговейный страх. Она осторожно подошла и потрогала его. Металл был толстый, шершавый и удивительно теплый. Колокол лежал тут, как чудовище, выброшенное на сушу. — Я и представить себе не могла, что он такой огромный…

— А тот ли он самый? — спросил Тоби. Он глядел на колокол и удивлялся — как это можно было подчинить своей воле такой большой и неповоротливый предмет. Непонятно и то, как из такого темного места могло выйти столь ярко окрашенное существо. Он тоже притронулся к нему, почти робея.

— Поднеси-ка фонарь поближе, — сказала Дора. — Пол говорил, на нем были сцены из жизни

Христовой.

Они вместе склонились над колоколом, направив свет прямо на яркую шероховатую поверхность. Чуть поодаль от края колокол, похоже, разделялся на части. Тоби поскреб пальцами в кружке света, отдирая корку из тины и водорослей. Что-то начало проступать. «О господи», — сказал Тоби. Глаза уставились на них с рельефного квадрата, и открылась сценка с коленопреклоненными фигурками.

— Должно быть, тот! — сказала Дора. — Только я не узнаю, что это. Скреби дальше. Какие они причудливые! Ага, есть и другая сценка. Да это же Рождество Христово! Видишь, вол, осел? А вот люди ловят рыбу. А вот и люди за столом — наверно, это Тайная вечеря. А вот и распятие.

— И воскресение, — сказал Тоби.

— Здесь что-то написано, — сказала Дора.

Тоби направил свет на обод колокола. Украшенные крестами странных очертаний слова явственно проступили на зеленом металле. Минуту спустя он сказал:

— Да, это латынь.

— Читай.

– *Vox ego sum Amoris. Gabriel vocor*. Я — голос Любви. Имя мне Габриэль.

— Габриэль! — закричала Дора. — Ну да, так его звали. Пол говорил мне. Это тот самый колокол!

Она смотрела на Тоби снизу, стоя на коленях у зева колокола. Тоби направил на нее фонарик. Волосы у нее были мокрыми от озерной воды, щеки перепачканы тиной. Темная струйка стекала за пазуху наспех застегнутого платья. Держа руки на колоколе, она, щурясь от света, улыбалась Тоби.

— Дора! — сказал Тоби. Он бросил фонарь на землю, где и продолжало светиться его полукружье. Голый, как рыба, Тоби чувствовал, как поднимается в нем чудесная сила. Он, и только он, вытащил колокол из озера. Он герой, он король. Он упал на Дору, обхватив ее за плечи и навалившись на нее всем телом. Он слышал, как под его тяжестью она судорожно вздохнула, потом расслабилась и обхватила его шею рукой. Неумело и страстно стиснутые губы Тоби искали в темноте ее рот. Борясь друг с другом, они закатились в зев колокола.

И тут язык колокола, шевельнувшись в темной металлической пасти, неистово ударил о бок — и приглушенный гул поднялся и эхом прокатился по озеру, воды которого теперь снова улеглись на покой.

Глава 18

Майкл Мид был разбужен странным прерывистым гулом — похоже, он накатывал со стороны озера. С минуту Майкл лежал неподвижно, со страхом вслушиваясь в наступившую тишину, потом поднялся и пошел к отворенному окну. Была яркая лунная ночь, и луна, полная, стоявшая высоко, отбрасывала свой почти золотой блеск на спокойную гладь воды. Майкл протер глаза, удивляясь быстроте своей реакции и все еще гадая — во сне он или наяву. Он постоял немного, вглядываясь в эту тихую картину. Затем включил свет и посмотрел на часы. Десять минут четвертого. Теперь он окончательно проснулся и встревожился. Сел на краешек постели, напряженный, весь ушедший в слух. Опять у него это странное чувство надвигающегося неотвратимого рока. Он принюхался: действительно ли в комнате стоит какой-то тошнотворный запах. Он вспомнил, что прямо перед тем, как проснуться, он видел во сне Ника.

Заснуть снова было слишком нелегко. Звук, который он слышал, — а на сей раз он был уверен, что действительно его слышал, — лишил его

покоя. У него остались смутные воспоминания о слышанных в детстве историях про звуки, которые исходят со дна морского, предвещая беды. Он оделся, намереваясь обойти дом и проверить, все ли в порядке. Странные видения — он обнаруживает Корт в огне — напали на него. Он включил в коридоре свет и прошелся немного. Все как обычно, все вроде спят. Он вышел на балкон и огляделся в чудной ночи. Сразу же увидел одинокий далекий огонек в сторожке. По крайней мере, Ник не спит. Или Тоби. Он внимательно осмотрел, насколько достало глаз, берега в обе стороны. Все вроде спокойно.

Затем он приметил что-то движущееся: на тропинке от дамбы к переправе кто-то шел. Теперь уже ясно вырисовывались длинная тень и фигура быстро идущего мужчины. Мгновенный приступ ужаса и дурного предчувствия сковал Майкла. С минуту он понаблюдал, а потом заспешил вниз по ступенькам, через площадку, чтобы преградить путь этому ночному пришельцу, кем бы тот ни был. Человек, увидев приближавшегося Майкла, резко остановился и стал поджидать. Майкл, теперь уже почти бежавший и напрягавший при лунном свете зрение, приблизился и со смешанным чувством разочарования и облегче-

ния признал Пола Гринфилда.

— А, это вы, — сказал Пол.

— Привет, — сказал Майкл. — Что-нибудь случилось?

— Дора пропала. Я проснулся, а ее нет. Подождал, она не вернулась, вот я и решил пойти поискать ее.

— Вы не слышали только что необычного звука?

— Слышал. Я как раз в это время угодил в куст утесника. Что это было?

— Не знаю. Похоже на колокол.

— Колокол!

— Я смотрю, в сторожке свет…

— Я как раз туда и собираюсь. Я подумал, может, Дора там. А ежели ее там нет, интересно будет узнать, почивает ли мистер Гэш. Вы не заметили случаем, как эти двое в последние дни шушукаются по углам, словно парочка заговорщиков?

Майкл, и сам это заметивший, в силу своих причин, сказал:

— Нет, я ничего не заметил. Они пошли к переправе.

— Вы не будете против, если я пойду с вами? — спросил Майкл. Ему тоже не терпелось узнать, что происходит в сторожке.

Пол, похоже, не возражал. Они переправились в лодке и заспешили по тропинке к аллее. Огонь теперь уже не маячил ясно впереди. Из лунного света они перешли в темноту деревьев, и под ногами чувствовался жесткий гравий дороги.

Подойдя к сторожке, они увидели, что дверь раскрыта. Свет из гостиной через дверь и незанавешенные окошки освещал гравийную дорожку, высокую траву, железные прутья ворот. Пол, уже бегом, добрался до входа вперед Майкла. Он ввалился без стука. Майкл быстро вошел следом и глянул внутрь через его плечо.

Картина в гостиной была мирной и очень знакомой. Обычный ворох газет застилал пол и стол. Плита горела, около нее растянулся Мерфи. Позади стола на обычном своем месте сидел Ник. На столе стояла бутылка виски и стакан. Больше никого в комнате не было.

Пол, похоже, смешался.

— А, Фоли, добрый вечер, — сказал он Нику. Пол был единственным, кто обращался таким образом к Нику. — Я просто хотел поинтересоваться, не здесь ли моя жена.

Ник, выказавший, как подумалось Майклу, некоторое удивление по поводу прихода Майкла, теперь уже расплылся в улыбке, начав свое

характерное гримасничанье. С этими сальными цыганскими волосами, в грязной белой рубахе нараспашку, с выставленными из-под стола длинными ногами он походил на какого-нибудь диккенсовского повесу. Он потянулся к бутылке и, подняв брови, вероятно, изображал слегка снисходительное изумление — Майкл и сам частенько его испытывал — откровенностью, с которой Пол обнажал свои семейные неурядицы.

— Доброе утро, Гринфилд, — сказал Ник. — Нет, ее здесь нет. А с чего бы ей быть тут? Выпьете?

— Нет, спасибо, я вообще не пью виски, — раздраженно сказал Пол.

— Майкл? — сказал Ник.

Майкл вздрогнул, услышав свое имя, и только потом понял, что имел в виду Ник. Он отрицательно покачал головой.

— Тоби наверху? — спросил Пол.

Ник продолжал улыбаться и тянул с ответом. Затем сказал:

— Нет, его здесь тоже нет.

— Я загляну наверх, не возражаете? — сказал Пол и ринулся через комнату.

Майкл, который только сейчас начал понимать, что Пол, по сути дела, в неуправляемом

состоянии, остался наедине с Ником. Он без улыбки взглянул на него. Он и сам был близок к неуправляемому состоянию.

Ник улыбался.

— Один из смертных грехов, — сказал он.

— Что?

— Ревность.

На лестнице раздались шаги Пола. В гостиную он возвратился, едва держась на ногах.

— Удовлетворены? — сказал Ник.

Пол не ответил, стоял посреди комнаты с искаженным тревогой лицом.

— А вы знаете, где они? — спросил он Ника.

— Гэш? — сказал Ник. — Разве я сторож Гэшу своему?

Пол постоял с минуту в нерешительности, потом повернулся, собираясь уходить. Проходя мимо Майкла, он приостановился.

— Как странно, что вы сказали про колокол, — сказал он.

— Почему? — спросил Майкл.

— Потому, что есть предание об этих местах. Я все хотел рассказать вам. Звон колокола предвещает смерть.

— Вы не слышали совсем недавно такой странный звук? — спросил Майкл у Ника.

— Я ничего не слышал, — ответил Ник.

Тяжело ступая, Пол вышел за дверь и медленно пошел обратно по дороге.

Майкл остался. Он чувствовал сильную усталость и смущение. Если бы только Ник не ёрничал, он бы немного посидел с ним в тишине. Но все это были безумные мысли.

— Выпьете? — спросил Ник.

— Нет, Ник, спасибо.

Смотреть теперь на Ника, оказывается, тяжко. Лицо его, когда серьезно, кажется враждебным, когда улыбается — кажется вызывающим. Он выдавил из себя вымученную улыбку и затем отвел глаза в сторону.

Ник поднялся и пошел к Майклу. Майкл весь напрягся. Какое-то мгновение ему казалось, что Ник подойдет вплотную и коснется его. Но буквально в двух шагах Ник остановился, не переставая улыбаться. Теперь Майкл смотрел на него открыто. Как хочется убрать эту улыбку с его лица. У него было сильное побуждение протянуть вперед руки и положить Нику на плечи. Звук, который его разбудил, лунный свет, сумасшествие этой ночи внушили ему неожиданное чувство, будто разговор между ними теперь дозволен. Все его тело до дрожи угадывало близость своего

друга. Может, в конце концов, это и есть тот миг, когда он каким-нибудь образом опрокинул бы барьер, который поставил меж ними. Ничего хорошего ведь из этого не вышло. И факт остается фактом — и сейчас он это осознал до глубины души, — что бы это ни значило и чего бы это ни стоило, он Ника любит. Может, что-нибудь хорошее все же и выйдет из этого…

— Ник, — начал Майкл.

Заговорив почти что одновременно, Ник спросил:

— Хотите знать, где Тоби, а?

От такого вопроса Майкла передернуло. Он надеялся, что на лице его ничего не отразилось.

— Ну так где?

— В лесу — занимается любовью с Дорой.

— Откуда вы знаете?

— Я их видел.

— Я вам не верю, — сказал Майкл. Но он-то верил. — В любом случае это не мое дело, — добавил он. Это было глупо — в любом случае, как ни крути, это его дело.

Ник отступил назад, уселся на стол и, глядя в упор на Майкла, по-прежнему улыбался.

Майкл отвернулся и вышел, хлопнув дверью.

Глава 19

— Ну и что потом? — сказал Джеймс Тейпер Пейс.

Это было на следующее утро, и Джеймс с Майклом снимали в теплице помидоры. Хорошая погода портилась, и, хотя солнце сияло по-прежнему, сильный ветер, поднявшийся перед рассветом, мел по огороду. Высокие ряды бобовых плетей опасно раскачивались. Пэтчуэй занимался своими делами, придерживая одной рукой шляпу. В теплице же было тихо, и теплый, пропитанный запахами почвы воздух и тугие красные связки плодов создавали почти тропический покой. Сегодня привычный распорядок дня нарушился из-за приезда колокола, который должны были доставить где-то поутру. Епископ собирался появиться во второй половине дня и после крещения принять участие в чаепитии, устраиваемом общиной; стол «а-ля фуршет» готовился под руководством Маргарет Стрэффорд на широкую ногу. Епископ останется на ночь и на следующее утро будет совершать более сложные обряды.

— Ничего особенного, — сказал Майкл. — Я

встретил Пола, и мы пошли в сторожку. Тоби там не было. Мы пошли обратно — я спать, а Пол искать дальше. Когда я увидел его сегодня утром, он сказал, что, вернувшись в комнату где-то минут через сорок пять, он обнаружил там Дору. Та сказала, что ночь, мол, такая душная, вот она и выходила прогуляться немного у озера.

Джеймс рассмеялся своим хриплым раскатистым смехом и принялся выстилать следующий ящик газетами.

— Боюсь, — сказал он, — эта миссис Гринфилд, что называется, сука. Прошу прощения за такое слово, но нужно называть вещи своими именами. Если этого не делать, неприятностей не оберешься.

— Так вы говорите, никакого шума ночью не слышали.

— Ни звука. Но я так смертельно устаю в последние дни и сплю как бревно. Меня и трубный глас не поднял бы. Пришлось бы отряжать специального гонца.

Майкл молчал. Он проворно обирал рдеющие помидоры, нагретые солнцем и налитые спелостью. Ящики наполнялись быстро.

— Конечно, тут не до смеха, — продолжал Джеймс. — Я не верю, что минувшей ночью слу-

чилось что-нибудь серьезное. Пол ведь дикий паникер и к тому же страдает хронической ревностью. Тем не менее нужен глаз да глаз, ведь это весьма прискорбно, что они зашли так далеко.

— Да.

— Уверен, Тоби с Дорой ничего особенного не делали, резвились просто, как парочка из молодняка. Дора-то по уму недалеко от него ушла. Но в подобных женщинах никогда нельзя быть уверенным — каким-нибудь жестом или словом она могла травмировать его. В конце концов, он ведь неровня моим юнцам из Ист-Энда. Ребенок он был тепличный. И первые знаки полового влечения в мальчике ведь так важны, правда? И разные там вольности с подростками — дело нешуточное…

— Конечно.

— Плохо, что мы не произвели, похоже, сильного впечатления на эту миссис. Надо было бы ей поговорить с матушкой Клер. Уверен, это прочистило бы ей мозги. У этой девчонки сейчас такая мешанина в голове. Чувствую, что и Пола мы упустили.

— Возможно.

— И потом, мы же полностью в ответе за мальчика. В конце концов, он сюда приехал как на

отдых, готовиться к Оксфорду. Конечно, ничего особенно дурного в том, что он по-приятельски побуйствует с Дорой, нет, но сказать ей обиняком как-то надо.

— Кому?

— Доре, по-моему. Взывать к ее лучшим чувствам будет непросто. Боюсь, что и в лучшие времена ее не прошибешь, она напоминает того *jeune homme de Dijon, qui n'avait aucune religion*[50]. Если уж она не печется о давлении у собственного мужа, пусть хоть проявит какое-то уважение к чувствам мальчика. Это она должна понять. Может, вы бы ее мягко так предостерегли, а, Майкл?

— Только не я.

— Ну а если Маргарет? У Маргарет такая материнская душа, и Доре она, похоже, нравится, да и такие советы, может, лучше давать женщинам. А вот, кстати, и Маргарет!

Майкл резко вскинул глаза. По бетонной дорожке к ним бежала Маргарет, широкая юбка надувалась и развевалась на ветру. Майкл немедленно понял смысл ее необычайной спешки, и сердце у него екнуло.

---

[50] Примечания: 50

Букв.: малого из Дижона, который не исповедует никакой религии (*фр.*).

Маргарет рывком открыла дверь, впустив сильную струю холодного воздуха.

— Майкл! — закричала она, счастливая своим поручением. — Настоятельница немедленно хочет вас видеть!

— Ну и везет же некоторым, — сказал Джеймс.

Их милые светлые лица смотрели на него с завистью. Майкл вымыл руки под краном в углу теплицы, вытер их носовым платком.

— Прошу простить, что оставляю на вас работу, — сказал он Джеймсу, — извините, я помчался.

Он побежал по тропинке за домом, ведущей к озеру. Это было обычным — бежать, когда тебя вызывает настоятельница. Когда он свернул влево, к дамбе, на него обрушился сильный порыв ветра. Надвигалась чуть ли не буря. Глянув в другой конец озера, он увидел громадный грузовик, только что вынырнувший из-за деревьев аллеи и на малом ходу продолжавший путь по открытой части дороги. Должно быть, это колокол. Ему бы заинтересоваться, почувствовать волнение, радость. А он холодно отметил его прибытие и тут же о нем забыл. Майкл свернул на дамбу. Он был уверен: настоятельница все знает о Тоби. Конечно, думать так просто безрассудно. Ну откуда

она могла узнать? Впрочем, от того, что она знает, всегда оторопь берет. Добравшись до деревянной секции в середине дамбы, он выдохся и сбавил скорость. Шагам его из-под досок вторило гулкое эхо. Вызова этого он не ожидал и чувствовал себя так, словно его вот-вот подвергнут какому-то духовному насилию. Он замкнулся, погрузился в себя, был невосприимчив и почти раздражен.

На углу строения, где располагались приемные, его поджидала сестра Урсула. Она всегда исполняла роль сторожевого пса при аудиенциях настоятельницы. Ее крупное волевое лицо еще издали начало источать на него лучи одобрения. Вызов она почитала знаком особой милости. В конце концов, разговора с настоятельницей жаждали все, а удостаивались лишь избранные.

— В первую приемную, — сказала она Майклу, когда он проходил мимо, бормоча какое-то приветствие.

Майкл ворвался в узкий коридор и помедлил с минуту, переводя дух, прежде чем отворить первую дверь. Марлевый экран по его сторону решетки был закрыт, за ним было тихо. По обычаю тот, кого вызывали, приходил первым. Майкл отвел со своей стороны экран, открылась решетка, а за ней — второй марлевый экран, заслонявший

приемную напротив, уже монастырскую. Затем он расправил воротничок — галстука он не носил, — застегнул рубашку, пригладил волосы и усиленно постарался успокоиться. Он стоял — сесть он себя заставить не мог — и смотрел в пустоту внутреннего экрана.

Спустя минуту-другую, за которые он мог ощутить, как неистово бьется его сердце, он уловил какое-то движение, и на марлевый экран легла смутная тень. Экран открылся, и он увидел напротив высокую фигуру настоятельницы, а за ее спиной — маленькую комнатку, в точности похожую на его. Он привычно преклонил колени и ждал, пока она сядет. С легкой улыбкой настоятельница села и жестом пригласила его тоже сесть. Майкл придвинул стул почти вплотную к решетке и сел боком на краешек, так что головы их сблизились.

— Ну, сын мой, рада вас видеть, — сказала она оживленным тоном, каким всегда начинала аудиенцию. — Надеюсь, я выбрала не самое неудобное время? Вы ведь, должно быть, так заняты сегодня?

— Нет-нет, все в порядке, — сказал Майкл. — Время как раз удобное для меня.

Майкл улыбнулся ей через прутья решетки.

Раздраженность его, во всяком случае, прошла, сломленная глубокой привязанностью, которую вместе с уважением и благоговением он питал к настоятельнице. Ее живое, кроткое, властное и чрезвычайно умное лицо, длинные, сухие, словно отметины тонкого резца, морщины, осеняющий это лицо мягкий, чуть желтоватый свет апостольника, оживлявший в памяти какую-то голландскую картину, напоминали ему о матери, так давно уже умершей.

— У меня у самой голова кругом идет от дел. Просто я почувствовала, что хочу вас видеть. Ведь целая вечность прошла, правда? Есть еще парочка деловых моментов. Я вас надолго не задержу.

Такое вступление Майкла утешило. Он-то боялся нагоняя, а сейчас был не тот момент, когда ему хотелось бы по душам поговорить с настоятельницей. Он знал, что в теперешнем его состоянии достаточно любого нажима с ее стороны, и он рухнет в трясину бесполезных самообличений. Ободренный ее деловым тоном, он сказал:

— Думаю, все, что нужно к сегодняшнему вечеру и завтрашнему утру, уже наготове. Маргарет Стрэффорд творит чудеса.

— Храни ее Господь! Мы все так волнуемся, не можем дождаться завтрашнего утра. Епископ

приезжает сегодня днем? Надеюсь повидать его, прежде чем он уедет. Он такой занятой человек. Он очень добр, уделяя нам свое время.

— Надо думать, мы не покажемся ему недотепами-любителями, — сказал Майкл. — Боюсь, процессия завтра может пойти слегка неслаженно и самотеком. Благих намерений много, идеального порядка мало!

— Тем лучше! Девочкой я часто видела религиозные процессии в Италии, и обычно они были хаотичны, даже самые крупные. Но от этого они становились только еще более искренними и живыми. Уверена, епископ в муштре не нуждается. Нет, я нисколько не сомневаюсь, что завтра все будет прекрасно. О чем, право, я хотела спросить вас, так это о проблеме финансов.

— Мы подготовили проект обращения и составили список вероятных «Друзей Имбера». Я был бы очень вам признателен, если бы вы проглядели оба эти документа. В зависимости от вашего усмотрения мы могли бы разослать обращение недели через две. Мы могли бы сами размножить его в Корте — сделать оттиски по трафарету.

— Это очень хорошо. По такому случаю отпечатанное на машинке обращение не годится. В конце концов, это ведь что-то семейное, верно?

Бывают случаи, когда деньги просятся к деньгам, но это не наш случай. Мы просто пишем к своим друзьям. Если перешлете сегодня бумаги с сестрой Урсулой, я с удовольствием посмотрю, что вы подготовили. Может, мы и дополнили бы список кое-какими именами. Интересно, какую огласку получит наш колокол? Она сыграла бы свою роль в определенных кругах, правда? Не вижу вреда, если изредка мир будет получать напоминание о том, что мы существуем!

Майкл улыбнулся.

— Я тоже об этом думал, — сказал он. — Поэтому и не хочу затягивать с обращением. Присутствия журналистов нам, конечно, не нужно. Да никто и не выказывал желания приехать. Но я подготовил текст заявления в местную печать и еще один, покороче, в центральную. Формулировку обговорил с матушкой Клер. И я попросил Питера сделать несколько фотографий, которые мы могли бы присовокупить.

— Прекрасно. Представить себе не могу, как только вас на все хватает. Надеюсь, вы не переутомляетесь. Вид у вас довольно бледный.

— Я совершенно здоров, — сказал Майкл. — Во всяком случае, через недельку-другую будет передышка. Уверен, остальные работают куда больше

моего. Джеймс с Маргарет просто не знают ни минуты покоя.

— Тревожит меня ваш юный друг из сторожки…

Майкл глубоко вздохнул. Значит, все-таки это. Он почувствовал, как горячая волна стыда хлынула к его лицу. Он старался не смотреть на настоятельницу и уставился на один прут решетки подальше от ее головы.

— Да? — сказал он.

— Я знаю, это очень сложно. И, конечно, я знаю очень мало об этом, только чувствую, получает он не совсем то, за чем, собственно, приехал в Имбер.

— Может, вы и правы, — уклончиво сказал Майкл, ожидая прямой атаки.

— Я полагаю, в том больше его собственной вины. Он совсем откололся, так ведь? А когда Кэтрин будет с нами, станет и того хуже…

С внезапным облегчением Майкл понял, что настоятельница говорит о Нике, а не о Тоби. Он снова стал смотреть на нее. Глаза у нее были проницательными.

— Я знаю, — сказал он. — И меня это очень тяготит. Я должен был бы больше этим заниматься. Я подумаю, что-нибудь непременно сделаем,

приставим к нему кого-нибудь, может, Джеймса. Переселим его в дом и попросту заставим как-то включиться в нашу жизнь. Но, как вы сказали, это нелегко. Работать он не хочет. Боюсь, он здесь просто как на постое. Он скоро уедет в Лондон.

— Он mauvais sujet [51], это без сомнений. Тем более мы должны взять его на свои плечи. Ведь такие люди, как он, не приходят в такое место, как это, забавы ради. Конечно, он приехал, чтобы быть поближе к Кэтрин, но то, что он хочет быть поближе к ней сейчас, и то, что он хочет оставаться в общине, а не в деревне, наводит по меньшей мере на размышления. Разве можем мы быть уверенными в том, что не замешана в этом некая искренняя крупица надежды на лучшее… И человек, которого следует, как вы выразились, к нему приставить, не Джеймс, а вы.

Майкл выдержал ее взгляд, который был скорее насмешливым, чем обвиняющим.

— Мне трудно иметь с ним дело, — сказал он. — Но я тщательно все обдумаю. — Он чувствовал, что в нем крепнет решимость не быть откровенным с настоятельницей.

Настоятельница всматривалась в его лицо.

---

[51] Примечания: 51
Не подарок (*фр.*).

— Признаюсь вам, тревожусь я — и не знаю точно отчего. Тревожусь за него, тревожусь за вас. Я хотела спросить: нет ли чего-нибудь, что вы хотели бы рассказать мне…

Майкл вцепился в стул. Духовная сила Имбера за ее плечами надвигалась на него, словно буря. Что за ирония, думал он, когда он хотел рассказать все об этом настоятельнице, она ему не позволила, а теперь, когда она хочет узнать, он ей не расскажет. Он желал ее совета, а не отпущения грехов, и не мог просить о первом без того, чтобы не казалось, что он испрашивает о втором. Нет, настоятельница проявила бы терпимость. Но он почти с омерзением отворачивался от самой идеи обнаружить перед ней свое жалкое, запутанное состояние души. Историю с Ником она почти наверняка в общих чертах знала и что хотела понять, так это теперешний его настрой, а тут без истории с Тоби никак не обойтись. Начни он рассказывать всю эту историю, и он не сможет, это он знал, рассказать ее сейчас, не предавшись тому особому самобичеванию жалостью, которое он уже привык принимать за покаяние. Молчание в таком случае чище, лучше. Глянув вниз, он увидел положенную на бортик решетки, совсем близко к нему, словно его искушавшую, бледную,

бесконечно морщинистую руку, которая была омыта слезами лучших, чем он, людей. Дотянись он до этой руки — и он пропал. Майкл отвел глаза и сказал:

— Нет, не думаю.

Настоятельница поглядела на него еще немного, пока он, чувствуя себя съежившимся, маленьким, усохшим, глядел в дальний угол комнаты за ее спиной.

— Вы непрестанно присутствуете в наших молитвах. Вы и ваш друг. Я знаю, как сильно печалитесь вы о тех, кто вверен вашим заботам, и о тех, кому вы пытаетесь помочь и терпите неудачу, и о тех, кому помочь вы не в силах. Положитесь на Господа и помните: Он по-своему и в свой час исполнит то, на что мы так жалко посягаем. Часто мы не добиваемся желаемого другим добра, но мы добиваемся иного, что рождается из наших усилий. Добро — это избыток. Куда мы щедро и от всей души направляем его, там и вступаем в созидание, которое может быть непостижимым для нас самих, и от того, что оно непостижимо, мы можем его бояться. Но из-за этого отступать мы не должны. Господь всегда может направить нас, коли мы того пожелаем, на высший и лучший путь, а научиться любить мы

можем, только любя. Помните: все наши неудачи в конечном счете неудачи в любви. Несовершенную любовь не порицать и отвергать должно, но совершенной делать [52]. Путь этот всегда вперед и никогда назад.

Майкл, теперь уже сидя к ней лицом, слегка кивнул. После такой речи он бы уже не доверил себе произнести хоть слово. Она повернула руку и подала ему ладонью вверх. Он взял ее, ощутив прохладное, сухое пожатие.

— Ну, я задержала вас слишком долго, сын мой. Я бы хотела повидать вас снова, немного погодя, когда уляжется вся эта суматоха. Постарайтесь не перетруждаться, хорошо?

Майкл склонился над ее рукой. Закрыв глаза, он поцеловал ее и прижал к своей щеке. Затем поднял на настоятельницу спокойное лицо. Он смутно чувствовал, что молчанием одержал духовную победу. Он чувствовал, что заслужил ее одобрение. Они оба поднялись, и, когда Майкл снова поклонился ей, она затворила марлевый экран и ушла.

---

[52] Примечания: 52

Слова эти перекликаются с изречением Иоанна Богослова: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся несовершенен в любви» (Первое послание Иоанна, 4:18).

Он постоял немного в тихой комнате, глядя на прутья решетки и белую закрытую дверцу экрана за ними. Затем затворил экран на своей стороне. Как хорошо знает она его сердце. Но наставления ее казались ему скорее чудом, нежели полезным внушением. Для деяния, которое надо совершить, он был орудием слишком запятнанным. Любовь. Он покачал головой. Быть может, только те, кто оставил этот мир, имеют право на это слово.

Глава 20

Нагромождения золотистых пузырившихся облаков быстро бежали по небу, то заслоняя, то открывая солнце. День был из тех, что в марте радуют, а в сентябре утомляют. Дора сражалась с белой лентой.

Бессонная ночь вместе с тревогой за то, как ей теперь казалось, колоссальное предприятие, в которое она так очертя голову ринулась, довели ее чуть ли не до безумия. То, как Тоби, по ее определению, накинулся на нее в амбаре, в любое иное время привело бы ее в восторг. При воспоминании о его страстных ребячьих поцелуях, еще не остывшем в ее душе, на нее накатывала нежность, и она понимала, что не осталась тогда равнодушной к чарам этого упругого юношеского тела и свежего неуверенного личика. Но возбуждение от краткого объятия Тоби поглощалось большей заботой о колоколе. Она чувствовала себя жрицей, посвященной отныне обряду, который вообще личные отношения делали неважными.

Схватка в амбаре внезапно оборвалась вмешательством колокола. Никто из них не мог уяснить, насколько силен был звук, — так каждый был за-

нят в предыдущий миг своими действиями. Они решили, что звук был не очень сильный — просто ударило что-то, и с полным голосом колокола это никак не сравнишь. Но все равно, даже если слабо ударить об этакую махину, шуму должно быть предостаточно, и они тревожно ждали в наступившей тишине каких-нибудь звуков со стороны Корта. Их не было, и они немедленно приступили к следующей части операции, которая была выполнена с быстротой и сноровкой, делавшими Тоби честь. Единственно, о чем он сожалел — так он Доре и сказал, — что она представить себе не может, сколь трудно было то, что они только что успешно совершили. Колокол теперь, подвешенный на втором тросе, висел в нескольких футах от земли. Трос был перекинут через балку и протянут в дверь амбара, а его конец, в кольцо которого был продет лом, был надежно закреплен в развилине бука. Два заговорщика замаскировали, как только могли, место действия сучьями и вьюнами и собрались расходиться по домам. Когда они шли, на сей раз вместе, по бетонной дороге в Корт, Дора держала Тоби за руку. Расставаясь у кромки леса, они встали друг против друга в лунном свете. Дрожа от нервического ликования, Тоби взял Дору за пле-

чи и стал поворачивать лицом к лунному свету. Он глядел на нее, изумленный и обрадованный ее уступчивостью, потом обнял ее и, насильно заставляя принять свой поцелуй, скрутил ее так, что едва не упал с нею наземь.

После этих романтических приключений следующий день для Доры занялся так, что это ее слегка отрезвило. Пол, тщетно проискав ее и по ходу дела насажав в руку колючек от куста дрока, был расстроен, когда, вернувшись, нашел ее в постели; расстроен он был и когда они очнулись утром от короткого сна. Вкусы своей жены он знал достаточно хорошо, чтобы подозревать, что обычно она не предается уединенному общению с природой, да к тому же ночью, и не скрывал, что рассказ ее о прогулке при луне находит неубедительным. Без колебаний называл он и имена, когда выстраивал альтернативную версию. Запуганная перед завтраком, Дора была в слезах, она искренне сочувствовала страданиям Пола и считала себя на сей раз несправедливо обвиняемой и лишенной возможности все объяснить. Пол, все сильнее расстраивающийся, настоял тогда, что утро они проведут вместе; он вывел ее на прогулку, которая была пыткой для них обоих, и вообще вел себя так, будто она его пленница. Это исклю-

чало для Доры всякую возможность связаться с Тоби, с которым во время их милого прощания минувшей ночью она забыла условиться о свидании на следующую ночь. Исключало это для нее и возможность навестить колокол, она же собиралась посвятить часть дня тому, чтобы очистить, подготовить его к предстоящему театральному появлению. Одна Дора оставалась утром только на те десять минут, когда Марк Стрэффорд вынимал Полу шип из пальца. Но Дора не осмелилась искать Тоби в такой короткий промежуток и удрученно просидела в гостиной, пока не вернулся Пол, по-прежнему черный от злости и сильно пропахший деттоловой мазью.

Ланч прошел мрачно. Все, похоже, были взбудоражены. Тоби, который явно уловил волны подавляемой ярости, исходившие от мужа Доры, выглядел подавленно и старался никому не смотреть в глаза. Миссис Марк волновалась из-за приезда епископа. Майкл выглядел больным. Марк Стрэффорд был повержен в уныние извещением о прибытии на следующей неделе ревизора. Кэтрин казалась более нервозной, чем обычно, а Пэтчуэй был зол оттого, что ветер оборвал все бобовые плети. Один только Джеймс обращал на всех безмятежное, радостное лицо, создавая

вокруг себя атмосферу здоровой, энергичной уверенности, слушал себе самозабвенно чтение миссис Марк из Франсуа де Сале [53] и вроде бы совершенно не замечал, что все остальные отнюдь не так безмятежны, как он сам.

После обеда Пол продолжал с маниакальной бдительностью надзирать за своей женой. Дора теперь уже всерьез тревожилась о ночных приготовлениях. Укрывшись в уборной, она умудрилась написать Тоби короткую записочку, которую вложила в простой конверт и сунула в карман. Записка гласила: «Прости, что не договорилась с тобой о встрече. Жди у сторожки в два часа ночи». Передать это мальчику она надеялась, только полагаясь на хорошо известную неспособность Пола пробыть больше определенного числа часов вдали от своей работы. Ближе к трем она с радостью заметила, что он начинает томиться, а еще через полчаса он отбыл в направлении приемных, сдав свою пленницу на руки миссис Марк, которой потребовалась ее помощь в украшении нового колокола.

Этим они сейчас и занимались. Новый колокол, водруженный на тележку, стоял на гравийной

[53] Примечания: 53

Франсуа де Сале (1567–1622) — епископ, канонизирован в 1665 г.; автор многочисленных богословских сочинений.

площадке у трапезной. Двери в трапезную были распахнуты настежь, за ними открывались столы, покрытые по такому случаю скатертями и сервированные «а-ля фуршет», чаепитие из-за ненадежной погоды было невозможно провести, как первоначально рисовала себе миссис Марк, на открытом воздухе. Благодаря помощи тех, кого Джеймс именовал деревенским гаремом Пэтчуэя, угощение предстояло отменное. К этому времени все уже разглядели колокол и все выразили свое восхищение. Стоя посреди площадки, сверкая на мигающем солнце гладкой полированной бронзой, как золотом, он выглядел донельзя странно и все же был исполнен могущества и значительности. Поверхность у него была ровная, за исключением каймы с орнаментом, обхватывавшей его чуть повыше обода, и надписи, составленной епископом, ревностным почитателем старины: «*Defunctos ploro, vivos voco, fulmina frango*»[54]. На плече у колокола было также написано — видеть это Доре было странно — «*Gabriel vocor*».

---

[54] Примечания: 54

«Мертвых оплакиваю, живых призываю, молнии ломаю» (*лат.*). Слова эти почти точно воспроизводят надпись на колоколе в Шаффгаузене, отлитом в 1486 г.: «Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango». Ф. Шиллер поставил эту надпись эпиграфом к «Песне о колоколе» (1799).

На колокол был накинут облегающий со всех сторон покров из белого шелка. Покров был собран из нескольких оставшихся с войны лоскутков парашютной материи, которые нашлись у миссис Марк в том, что она именовала «хламовник», — огромной залежи всяческого тряпья. Материя была тяжелой и слегка блестящей. Хлопчатобумажная кайма, теперь оборкой разложенная на тележке, была присборена на нитку по более узкому краю. На верхушке колокола белый купол, сойдясь у одной точки, снова раскрывался и спускался по бокам колокола каскадом бесчисленных белых лент, которые надо было прихватить понизу рядами крупных петель и под конец привязать одну к другой у основания в виде каймы из фестончиков. Таким образом изображалось платье для свадьбы или для первого причастия. Если действительно думать о колоколе как о послушнике, готовящемся вступить в орден, то, по современным понятиям, он был слишком уж разодет, но, по крайней мере, для послушников обычно носить белое. Дора, которой в изделии миссис Марк виделась скромная застенчивость миленькой ночной сорочки, с облегчением отметила, что покров сшит одним куском, так что можно легко его снять, не

повредив оборок и воланчиков. Возле колокола стоял стол, покрытый камчатной скатертью, это был импровизированный алтарь. Тяжелые камни удерживали скатерть на месте. Множество собранных деревенскими детьми полевых цветов, из которых ни у кого не было времени сделать гирлянды, охапкой лежали неподалеку, готовые к тому, чтобы в последний момент ими усыпали тележку, а пока ветер быстро уносил с них лепестки.

Ленты хлопот доставляли больше, чем предвидела миссис Марк. Отчасти виновата была и погода. Из-за весело развевавшихся и хлопавших по себе и друг другу с щелканьем, почти как у кнута, полосок сатина, которые до сих пор прикреплены были только к верхушке, колокол походил скорее на майское дерево, чем на невесту. Постепенно непослушные ленты были прикреплены к шелку по рисунку из крошечных крестиков, нанесенному карандашом миссис Марк накануне вечером, но и когда их прикрепили, трепетавшие петли давали ветру такую опору, что торопливая наметка, особенно если это была работа Доры, часто снова обрывалась. Джеймс предложил откатить тележку на конный двор, где она была бы больше укрыта, но миссис

Марк, пребывавшая в совершенной панике и ожидавшая, что с минуты на минуту приедет епископ, предпочла, чтобы та осталась, где была, на виду, на площадке.

Дора, у которой от беспокойства еще больше, чем обычно, все валилось из рук, мучилась с лентой. Она уже вынуждена была один раз ее расправлять вплоть до верхушки, так как дала ей нечаянно скрутиться. Лента в ее потных руках становилась сероватой. Письмо к Тоби по-прежнему было у нее в кармане; она бы отпросилась на минутку у миссис Марк, чтобы его отдать, если бы только выяснила, где Тоби, но этого в суматохе, похоже, никто не знал. Мальчик как сквозь землю провалился. Дора надеялась, что тот наверняка появится на крещении, равно надеялась она и на то, что Пол, углубившись в свои занятия, забыв о времени, не появится или, по крайней мере, припоздает. Поскольку Дора без конца отрывалась, высматривая Тоби, а миссис Марк без конца отрывалась, высматривая епископа, дела у них продвигались довольно медленно.

За работой миссис Марк беседовала с Дорой. Соображать Доре пришлось недолго — она мигом смекнула, слушая, что ей говорится, к чему та клонит. Миссис Марк, сама ли или по чьему-то

наущению, изготовилась метать в нее серию нравоучений и после довольно-таки отвлеченного начала становилась теперь совершенно откровенной. В другое бы время Дора рассвирепела. Сейчас, однако, тяжкие обязанности роли жрицы заметно ее отвлекали, да и сознание собственной невиновности придавало ей независимости. Это правда, что она позволила Тоби обнять себя, но относилось-то это объятие к более крупному предприятию, и предполагаемое обвинение в том, что она фактически преследовала молодого человека, не по справедливости оценивало причастность Доры к проблемам более высокого порядка. Благородно негодуя, Дора вполуха выслушивала грубые и довольно-таки игривые попытки миссис Марк прочесть мораль.

— Я надеюсь, вы не будете возражать против того, что я говорю о таких вещах, — говорила миссис Марк. — В конце концов, мы здесь все ведь не на каникулах. Я знаю, вы не привыкли к такого рода обстановке. Но нужно помнить, что кое-какие маленькие шалости, которые были совершенно безвредными в другом месте, здесь смотрятся иначе — ну, вы ведь знаете, мы стараемся жить определенной, совершенно особой жизнью, по определенным, особым нормам. Если

мы сами будем жить по этим правилам, а гости наши — нет, что же тогда получится, хаос, да и только, ведь так? Само собой разумеется, что так. Я знаю, звучит это ужасно занудно и рассудочно, и вашим лондонским друзьям, уверена, мы бы показались чересчур старомодной компанией. Но когда пытаешься жить в соответствии с идеалами, часто выглядишь смешным. К чему я это говорю — человеку неопытному при такой манере по-приятельски обращаться с другим полом недолго и до греха, если он к такому обращению непривычен. Поэтому мы должны быть очень осмотрительны, верно? О господи, я слишком важничаю, да?

— А вот и епископ! — сказала Дора, радуясь, что может оборвать эти несвязные наставления известием, от которого миссис Марк вконец ополоумеет.

Машина уже вывернула с аллеи и мчалась по другой стороне озера.

— О господи, о господи! — сказала миссис Марк, не зная, то ли приметывать дальше ленты, то ли кинуться в трапезную — глянуть напоследок, все ли там в порядке. Она пометалась в дверях, сорвала с себя халат, швырнула его под стул и ринулась наверх, за Джеймсом, которого там явно не было.

Дора стояла у колокола подбоченясь и наблюдала, как машина замедляет ход на переправе через три моста в конце озера. Машина с виду была какая-то знакомая. Модель, видно, распространенная. В глубине дома сзывала всех миссис Марк, потом она начала причитать, что в самый ответственный момент все куда-то запропастились. Дора безмятежно наблюдала за машиной. Ответственности за успех последующих церемоний она не несла и поистине испытывала к ним чувства, схожие с теми, что, должно быть, испытывал Илия, когда наблюдал за стараниями жрецов Ваала[55].

Машина уже ехала по последнему отрезку дороги, ведущей к дому. Миссис Марк, по-прежнему кудахча, снова появилась на площадке. Машина въехала на пологий откос и остановилась ярдах в тридцати. Из нее выбрался мужчина. Это был Ноэль Спенс. Руки у Доры упали.

— О боже милостивый! — сказала она.

— И вовсе это не епископ! — сказала миссис Марк.

— Да это мой знакомый, журналист. О господи! — Дора бегом кинулась к Ноэлю.

---

[55] Примечания: 55

См.: Ветхий Завет, 3-я и 4-я Книги царств.

Ноэль стоял у машины, положив одну руку на крышу, и улыбался ей так, словно он просто заехал за ней, чтобы отвезти ее пообедать. Дора добралась до него, скатившись по гравию, и встала — резкая, свирепая, как бычок.

— Уезжай! Уезжай немедленно. Садись в машину, ради бога, пока никто тебя не видел, и уезжай. Понять не могу, что тебя дернуло сюда приехать. Я же тебе говорила не приезжать. Ты все испортишь.

— Нечего сказать, очаровательный прием, — сказал Ноэль. — Не кипятись, дорогая. Уезжать я не намерен. Я приехал работать. Собираюсь сделать материалец про это дело с колоколом. Забавная мысль, как ты считаешь?

— Я так не считаю. Ноэль, ну имей совесть. Здесь ведь Пол. Если он тебя увидит, то подумает, будто я тебя приглашала, и закатит жутчайшую сцену. Дорогой, ну, пожалуйста, уезжай. Ты только доставишь мне страшные неприятности, если не уедешь.

— Послушай-ка, радость моя, — сказал Ноэль. — Как ты знаешь, я обычно проявляю ангельское терпение во всем, что тебя касается. Ты, может, даже воображаешь, что старого дядю Ноэля не волнует, что ты делаешь. Ты можешь просто

закатиться к нему, если хочешь утешиться, и снова укатить, когда твоей душе угодно. И он всегда будет ждать тебя с джином и мартини. Ну ладно, в какой-то степени так оно и есть. Только вот с недавних пор меня эта роль перестала устраивать. У меня всегда были признанные обязанности в отношении тебя, так, может, я получил и кое-какие права? Как ты знаешь, позавчера я был чертовски рад тебя видеть и был — не скажу, что слегка, — раздражен, когда ты смылась. Я обычно не томлюсь по тому, чего нет, не тот я человек. Но я почувствовал, что хочу поскорее снова тебя увидеть, и потом я был немножко обеспокоен твоим странным состоянием. Эти монашки, подумал я, так и лезут к тебе в душу. Затем, как ни странно, мой редактор, знакомый со стариком епископом, который снизойдет и освятит ваш колокол, пронюхал про это дело совсем из другого источника и попросил меня поехать. Вот я и подумал, что при подобных обстоятельствах не ехать — чистое легкомыслие.

— Ах, черт бы все это побрал! Но дело-то в том, что здесь Пол. Можешь ты вбить это себе в башку? Христа ради, уезжай, пока он тебя не увидел.

— Я сыт по горло разговорами про Пола, — сказал Ноэль. — Пол обращается с тобой отвра-

тительно, и ты его, если разобраться, никогда по-настоящему не любила. Думаю, если мы с ним потолкуем с глазу на глаз, нам это не повредит. Не уверен, что не скажу Полу все, что я думаю!

— Не может быть, чтобы ты говорил всерьез, — простонала уже обезумевшая Дора. — Ты же не знаешь, что он такое. Ты же видел его только на вечеринках. Вот-вот приедет епископ, тогда все соберутся, и Пол устроит сцену — я этого не вынесу.

— Противная ты девчонка, — сказал Ноэль. — Ублажаешь Пола, пока хватает сил терпеть, потом сбегаешь, потом начинаешь бояться — и снова принимаешься ублажать. Ты должна или окончательно ему подчиниться, или бороться с ним. Безотносительно ко всему остальному, ты по отношению к Полу ведешь себя нечестно. Ты так никогда на самом деле и не узнаешь, хочешь ты с ним остаться или нет, если не дашь ему отпор — открыто, на равных, а не попросту сбегая. И догадка моя такова: едва ты начнешь бороться, ты поймешь, что оставаться с Полом не можешь. Вот в этом-то я и заинтересован. На тебя нельзя положиться, ты грязнуля, невежда, и вообще ты совершенно несносна — но так или иначе мне хотелось бы видеть тебя снова у себя.

— Да ты что — влюбился, что ли, в меня? — в ужасе завопила Дора.

— Я такой терминологией не пользуюсь, — сказал Ноэль. — Давай скажем, что я просто скучаю по тебе. Так что теперь, девочка моя, с глаз долой, из сердца вон — это уже не про меня.

— О боже мой! Слушай, Ноэль, у меня на это прямо сейчас нет времени. Прости меня, я ценю это и все такое, и я знаю, что ты говоришь всерьез, и я тебе все обязательно объясню, но понимаешь, прямо на сейчас у меня запланировано одно дело, никакого отношения к Полу не имеющее. И если мне еще будет нагоняй за тебя, все жутко осложнится. Так что, будь ангелом, уезжай, пока ничего не случилось.

— Извини, Дора, — сказал Ноэль. — Но на сей раз дядя Ноэль намерен делать то, что хочет он, а не ты. Куда мне поставить машину? Думаю, лучше освободить дорогу для «роллс-ройса» епископа.

— Теперь ты меня изводишь! — чуть не в слезах сказала Дора.

— Вот уж и впрямь! — сказал Ноэль. — Когда я собираюсь действовать по своему усмотрению, а не по твоему, у тебя это называется «изводишь». Я почти сочувствую Полу. Загоню-ка я ее в этот

двор, место вроде подходящее.

Он сел в машину, включил двигатель и потащился по кругу, потом вполз в открытые ворота.

Дора наблюдала за ним, впадая в отчаяние. По тому, как он держался, она знала, что он решил во что бы то ни стало остаться. Умолять его дальше бесполезно. Раз так, она сама должна предпринять какие-то другие шаги, чтобы избежать взрыва. Если он произойдет, Пол наверняка затеет с ней ссору на всю ночь. Но ближайшая ее забота — предотвратить сцену открытого насилия. Собственные ее обряды должны быть все же кульминационной точкой церемонии, и хотя некоторая толика беспорядка и неудач на первых порах ее бы не огорчила, ей вовсе не хотелось, чтобы вся затея с треском провалилась; и в любом случае она попросту опасалась прилюдного безобразного гнева Пола. Она повернула назад и пошла по гравийной площадке. Там был колокол, и там была миссис Марк, по-прежнему приметывавшая ленты, из них только две или три развевались по-прежнему, словно флаги. Ум Доры, приноровившись за недолгую практику к генеральским замашкам, работал. Тратить время на дальнейшие пререкания с Ноэлем смысла нет. Оставшееся время надо использовать иначе.

Но как?

Первым побуждением Доры было помчаться прямо к Полу и самой все ему рассказать, прежде чем он узнает каким-то другим способом. Но как сообщить ему это мягко, успокоить его, объяснить? Она побежала по площадке, минуя миссис Марк, которая смотрела на нее вопросительно и порывалась что-то сказать. Но еще прежде, чем добраться до ступеней, она живо представила себе эту сцену и изменила решение. Едва только Пол узнает о том, что здесь Ноэль, он будет глух к любым ее дальнейшим разъяснениям. От гнева и ревности он перестанет соображать, что к чему, и ринется в атаку, сметая все с пути. Удержать его она никогда не могла. Да и кто мог бы? Она снова побежала назад, минуя миссис Марк, которая опять посмотрела на нее вопросительно и порывалась что-то сказать, и начала подниматься по ступеням на балкон. Ноэль, появившись с конного двора, пересек площадку и принялся догонять ее на лестнице со словами: «Дора, может, мы договоримся встретиться где-нибудь попозже?» Дора, не обращая внимания, бросилась через холл в коридор. Она решила пойти и обратиться к Майклу. Вполне возможно, что Майклу удалось бы убедить Пола в том, что ради общины не надо

устраивать публичной сцены в этот исключительный день.

В конторе у Майкла Дора никогда не бывала, но приблизительно знала, где она. Отыскав дверь, она постучала и без дальнейших церемоний ввалилась. Она ворвалась так быстро, что застала кусочек из предыдущей сцены — до того, как ее участники поняли, что она оборвалась. Майкл сидел на стуле, сильно подавшись вперед, и, упираясь локтями в колени, протягивал руки. Тоби сидел на полу прямо перед ним, подвернув одну ногу под себя, а другую согнув в колене. Одной рукой он обнимал поднятую ногу, а другой подался в каком-то жесте к Майклу. Когда Дора вошла, они поспешно поднялись.

— А, привет, Тоби, — сказала Дора, — вот ты, оказывается, где. Простите, бога ради, Майкл, что беспокою вас, но произошло нечто ужасное.

На лице у Майкла был написан испуг.

— Что?

— Совсем неожиданно приехал мой давний знакомый, журналист; он будет писать про колокол. Но когда Пол узнает, что он здесь, он тут камня на камне не оставит. Вы должны пойти и уговорить его не делать этого.

Она вроде ясно изложила суть дела.

На лице у Майкла было написано облегчение. Тут он взглянул на Тоби. Тот промямлил что-то вроде «я, наверно, лучше пойду». Дора начала было что-то говорить ему, но он вышел, даже не глянув на нее. Майкл потянулся было за ним, дошел до двери, но потом вернулся со смущенным и расстроенным лицом. Дора была непоколебима. Генеральские замашки давали о себе знать.

— Вы понимаете? — сказала она Майклу.

— Да, то есть нет… Этот человек, этот репортер, сейчас здесь, и вы думаете, что Пол устроит сцену ревности, так? А вы не можете убедить его уехать?

— Он не уедет. И вам нет смысла его уговаривать. Чего я хочу, так это чтобы вы не позволили Полу разойтись. Я собираюсь выложить все прямиком Полу.

Она повернулась и снова припустилась бежать. Она слышала за собой шаги Майкла. Протопав по не застланной ковром лестнице и холлу, они выскочили на улицу.

На площадке Ноэль разговаривал с миссис Марк. Они изумленно примолкли при виде зрелища, которое являли собой Дора и Майкл.

— Все сегодня, похоже, в страшной спешке, — сказал Ноэль.

— Ах, Майкл, не уходите, ведь вот-вот епископ приедет! — сказала миссис Марк.

Майкл, который спустился уже на траву, побежал обратно успокоить миссис Марк. Дора не сворачивала с дороги к дамбе. Когда она добралась до середины дамбы и почти выдохлась, она увидела Пола — он показался из дальней двери. Дора начала неистово махать ему. Приблизившись к краю дамбы, она заметила темный «роллс-ройс», медленно выезжавший на аллею из ворот у сторожки.

Дора спешила навстречу Полу, который, увидев, что она ему машет, прибавил шагу. Ей издали был виден его хмурый взгляд.

— Ноэль здесь! — крикнула она.

— Кто?

— Ноэль Спенс. Ну, ты знаешь. — Пол был напряжен и холоден.

— Ты говоришь, здесь Ноэль Спенс. Орешь об этом так, будто собираешься сообщить мне приятную новость. Он приехал к тебе?

— Он приехал делать репортаж о колоколе. Пол, миленький, не заводись!

— Он приехал к тебе. Ты его приглашала?

— Конечно же, не приглашала. Ты что, думаешь, я сумасшедшая? Он просто приехал взять

интервью для своей газеты.

— Хорошо, вот я и дам ему интервью. Я ему такое интервью дам, он у меня в жизни его не забудет!

Пол быстро зашагал по дамбе.

Дора бежала рядом, все еще что-то говоря и пытаясь удержать его за руку. Дамба была не слишком-то широкой, чтобы по ней могли идти рядом двое, да еще и спорить. Вдалеке теперь виднелась машина епископа, она пересекала мосты в дальнем конце озера. Пол побежал.

На краю дамбы поотставшая Дора сделала рывок и, догнав, схватилась за него. Когда она это делала, она увидела Майкла, который сбегал к ним по травяному косогору от дома. Дора отчаянно вцепилась в руку Пола и пыталась его оттащить, крича при этом:

— Пол, я не виновата, я не хотела, чтобы он приезжал. Не порть все своей яростью!

Пол обернулся к ней. Оторвал ее руку от своей и спокойно, но оскалив зубы, сказал:

— Бывают мгновения, когда я тебя ненавижу!

Затем он толкнул ее, и она отлетела назад, в высокую траву.

Пол побежал дальше. Майкл кинулся ему наперерез, раскинув руки, как человек, который не

дает животному вырваться с поля. Дора поднялась из травы, куда упала, нашла туфлю, которая с нее слетела, и тоже побежала к площадке. Машина епископа как раз приближалась к дому. Дора миновала Майкла с Полом, которые уже встретились, остановились и, похоже, говорили оба разом, Дора не думала, что они нуждаются в ее помощи.

«Роллс-ройс» появился на площадке с величавой снисходительностью очень большой машины, едущей медленно. Он остановился у подножия ступеней, совсем рядом с колоколом. Миссис Марк, которая в конечном итоге осталась держать форт одна, поспешила вперед. Мгновением позже на балконе появился Джеймс и заспешил вниз, кубарем скатываясь по ступеням. Из трапезной с праздным видом выплыл Ноэль, жующий булочку. Дора подошла, тяжело дыша, и тут же скорчилась от нестерпимых колик в боку.

Епископ, который, по-видимому, сам вел машину, медленно выбирался из нее с приветливой неторопливостью важной персоны, которая знает, что, когда бы и куда бы она ни приезжала, она сразу становится центральной фигурой на сцене. Это был крупный, дородный мужчина с курчавыми волосами, в очках без оправы,

одетый в простую черную сутану с лиловой реверенткой. Его большое, мясистое лицо медленно повернулось, пылая дружелюбием. Он вытащил из машины трость и слегка на нее опирался, когда здоровался за руку с миссис Марк, Джеймсом, Ноэлем, а потом и с Дорой, которую никак не пожелал обойти вниманием, хотя она нерешительно топталась на заднем плане. Дора подумала, что он принял ее за прислугу.

— А вот и я! — сказал епископ. — Надеюсь, не опоздал? Мой очаровательный шофер покинул меня — женщина, спешу заметить, она же и мой секретарь. Заботы материнства призвали ее к исполнению более высоких обязанностей. Ей нужно присматривать за тремя детьми — и это не считая меня! Так что, сильно попортив нервы себе и другим автомобилистам на дороге, я сам довез себя до Имбера!

— Мы так рады, что вы смогли приехать, сэр, — сказал Джеймс, сияя. — Мы знаем, как вы заняты. Для нас это так много значит, что вы будете присутствовать на нашей маленькой церемонии.

— Да, думается, все это весьма волнующе, — сказал епископ. — А это и есть экспонат номер один? — Он тростью показал на белый холмик колокола в лентах.

— Да, — сказала миссис Марк, покраснев от волнения. — Мы подумали, надо как-то его принарядить.

— Что ж, очень мило, — сказал епископ. — Вы миссис Стрэффорд, как я понимаю? А вы мистер Мид? — сказал он Джеймсу. — Наслышан о вас от настоятельницы, храни ее Господь.

— О нет, — сказал Джеймс. — Я Джеймс Тейпер Пейс.

— А! — сказал епископ. — Так вы тот самый человек, которого так недостает в Степни! Я там был всего несколько недель назад на открытии нового молодежного центра, и имя ваше часто упоминалось всуе. Или, скорее, не всуе. Что за нелепое, право, выражение. Имя ваше, несомненно, упоминалось за дела ваши, и, безусловно, с искренним воодушевлением.

Настал черед Джеймсу краснеть.

— Мы должны были представиться, — сказал он. — Боюсь, сэр, мы можем предложить вам очень жалкий комитет по приему. Это действительно миссис Стрэффорд. Это миссис Гринфилд. Майкл Мид как раз идет сюда по траве с доктором Гринфилдом. А этого джентльмена я, боюсь, не знаю.

— Ноэль Спенс, из редакции «Дейли рекорд», —

сказал Ноэль. — Я то, что называют репортером.

— Вот и прекрасно! — сказал епископ. — Я надеялся, что тут будут джентльмены из прессы. Как вы сказали — «Дейли рекорд»? Вы уж простите меня, я теперь стал таким старым глухим чудаком — совсем ничего не слышу на это ухо. Уж не закадычный ли друг мой Холройд пустил вас по моему следу? Ведь он сейчас редактор вашего известного листка?

— Совершенно верно, — сказал Ноэль. — Мистер Холройд пронюхал про эту живописную церемонию и отрядил меня сюда. Он шлет вам поклон, сэр.

— Чудный малый, — сказал епископ, — в лучших традициях британской журналистики. Я всегда считал, что церкви глупо чураться огласки. Мы как раз нуждаемся в огласке, если она, конечно, верного толка. Возможно, как раз такого толка. Что это там? Нет, увольте, я сейчас ничего есть не буду. Одну только добрую старую английскую чашку чаю, если можно. После своей поездки в Америку я ценю ее больше, чем когда бы то ни было. Затем, может, приступим к нашей маленькой службе, если братия в сборе? А пировать будем после. Я вижу, там столы уставлены яствами.

Майкл с Полом снова остановились, прямо у ступеней на площадку, и всё разговаривали. Они двинулись обратно к дамбе. Миссис Марк наблюдала за ними с отчаявшимся видом. Дора — прибито, с дурным предчувствием. Епископу подали чашку чаю. Ноэль что-то любезно ему щебетал о членах «Атенеума» [56], хорошо знакомых им обоим. Джеймс стоял рядом, улыбаясь и заметно робея. Отец Боб Джойс, с несвойственной ему поспешностью неся нечто, потом оказавшееся чашей со святой водой, поставил ее на стол и засуетился вокруг колокола, помахав важной особе со сдержанной фамильярностью одного из избранных, решившего не отнимать у малых сих счастливого случая побыть с ней рядом. Пришел Питер Топглас с фотоаппаратом и присоединился к разговору с епископом, с которым он, оказывается, был знаком. Дора стояла, угрюмо теребя одну из белых лент на колоколе. От ее нервозного дерганья наметка оборвалась, и лента развернулась на ветру, который так и не стих. С конного двора появился с мрачным видом Тоби, его подхватила миссис Марк и представила. Джеймс попросил

[56] Примечания: 56

«Атенеум» — название многих английских литературных и научных обществ и клубов. Наиболее известен клуб, существующий в Лондоне с 1824 г.; в числе его основателей были Вальтер Скотт и Томас Мур.

у миссис Марк чашку чаю, но та шепотом ему сказала, что лучше сейчас чашек не трогать — их ровно столько, чтобы разом обнести всех, а времени вымыть их после службы нет. Появился Пэтчуэй и принялся жаловаться Джеймсу на опустошительные налеты голубей, но миссис Марк тут же его одернула и велела снять шляпу. Из дома по ступеням спустилась Кэтрин. Она была одета в одно из лондонских платьев и проявила вроде бы некоторое внимание к своей внешности. Искусный тугой пучок был высоко поднят на затылке, вьющиеся локоны, обычно спадавшие на лоб, были коротко подстрижены. Лицо ее теперь казалось ненормально вытянутым и бледным, а улыбка, когда ее представляли епископу, была хоть и милой, но мимолетной. Она быстро отступила назад и облокотилась о балюстраду, задумавшись и, похоже, забыв, где она.

— Ну, дорогие друзья, — сказал епископ, — может, приступим к нашей маленькой церемонии крещения. Думаю, вы одобрите мои предложения о порядке службы. Я рад, что вы не думали, будто я эдакий замшелый папист. Полагаю, мы могли бы и кончить на сто пятидесятом псалме.

И collect [57] я предлагаю опустить. Должен сказать, я не уверен, что это небо не посыплет нас в любую минуту градом, так что давайте приступим сейчас же. Поскольку моей несчастной пастве придется вставать на колени, предлагаю перебраться с гравийной площадки на траву. Лекарь мой, к сожалению, запретил мне коленопреклонение, «впредь до получения особого разрешения», как мы говаривали в армии. Могу я спросить, кто из вас будет восприемниками, то есть крестными родителями колокола?

— Майкл и Кэтрин, — сказала миссис Марк. — Извините, я на минуточку — схожу за Майклом.

Она побежала по ступеням с площадки.

Майкл с Полом, по-прежнему поглощенные разговором, теперь вновь повернули от дамбы. Дора наблюдала за ними с тревогой. Она старалась не глядеть на Ноэля, который пытался поймать ее взгляд. Все сошли по ступеням на косогор, который спускался к переправе.

Миссис Марк возвращалась с Майклом и Полом. Дора расположилась так, чтобы быть с противоположной от Ноэля стороны. Майкла вывели вперед, и слышно было, как он извиняется

---

[57] Примечания: 57
Краткая молитва.

перед епископом. Кэтрин тоже проводили на передний план. Миссис Марк спешно привязывала к колоколу две очень длинные дополнительные ленты. Затем она поспешно отступила и стала подле Доры. Пол подошел к Доре, свирепо глянул ей в глаза, лицо его исказилось от до предела сдерживаемой ярости, потом он встал рядом и уставился прямо перед собой. Общество расположилось двумя нестройными рядами, впереди, как новобрачные, стояли Майкл с Кэтрин. Епископ поднялся на площадку. В одной руке он держал две длинные ленты от колокола. В другой — неизвестный Доре предмет, который окунал в чашу со святой водой. По сигналу отца Боба голоса Джеймса, Кэтрин и Стрэффордов слились в песнопении. «*Asperges me, Domine, hyssopo et mundabor. Lavabis me et super nivem dealbabor*»[58].

Епископ начал кропить колокол святой водой, оставляя на его белом одеянии длинные темные полосы.

Дора в страхе заметила, что Ноэль переместился по горизонтали и каким-то образом очутился рядом, по другую сторону. На Пола посмотреть она не смела. Глядела безжизненно вперед, по-

[58] Примечания: 58

«Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега» (*лат.*) (Псалтирь, псалом 50).

нимая, что стоит на площадке высоко над ними колокол, что полощется на ветру его похожий на шатер балдахин. Выглянуло солнце и прошлось по траве сигнальной вспышкой, ветер рванул сутану епископа, открыв элегантные черные брюки. Пение кончилось, епископ наклонился вперед и обратился к Майклу и Кэтрин:

— Какое имя хотите вы дать этому колоколу?

После паузы высоким нервическим голосом Кэтрин ответила:

— Габриэль.

Епископ опустился на пару ступеней и подал за кончики белые ленты Майклу и Кэтрин. Затем, обращаясь по-прежнему к ним, сказал:

— Да будем помнить, что глас Христа порой зовет нас оставить мирские заботы, припасть к его стопам и внять более высокому. Да святится знак сей во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Епископ вновь поднялся по ступеням и повернулся к своей маленькой пастве.

— Имя сему колоколу Габриэль. Помолимся же.

Все опустились на колени в траву.

Пол потянулся и взял Дору за руку. Держал сурово, властно, сжимая руку без всякой нежности. Какое-то время Дора терпела это. Потом

ей стало невмоготу. Она попыталась спокойно высвободить руку. Пол не отпускал. Она стала выдергивать. Пол сжал еще сильней и вывернул ей кисть. Дора начала трястись. На нее напал fou rire [59]. Она стиснула губы, чтобы не рассмеяться вслух. Голос епископа продолжал мерно гудеть. От сдерживаемого полуистерического хохота на глазах у нее выступили слезы. Свободной рукой она дотянулась до кармана и вытащила носовой платок.

Вместе с платком, кружась, на траву упал простой конверт с запиской к Тоби. Дора увидела его, остолбенела от страха, но перестать смеяться не могла. Она выронила платок, который немедленно унес ветер. Пол, зловеще глядя вперед и по-прежнему выворачивая ей кисть, конверта не увидел. Свободной рукой Дора растянула подол юбки и нижней юбки и накрыла конверт. Затем, шаря под юбками, она попыталась подобрать конверт, чтобы отправить его обратно в карман. Рука ее, путаясь в развевавшихся складках нижней юбки, натолкнулась на другую руку. Ноэля. Рука Ноэля первой дотянулась до конверта и преспокойно вытащила его. С минуту, безмятежно

---

[59] Примечания: 59
Глупый смех (*фр.*).

подняв лицо на епископа, он держал его сбоку. Потом переложил в карман.

Пол по-прежнему таращил глаза вперед. У всех остальных в общине глаза, похоже, были закрыты. Епископ, не дрогнув голосом, милостиво глядел вниз, наблюдая немую сцену с письмом. Он видывал и не такое. Дора расправила юбку и прикрыла рот рукой. Начался дождь.

Глава 21

Тоби был на пределе. Мысли и чувства его бросало из стороны в сторону таким непостижимым образом, что десять дней назад он и вообразить себе этого не мог. Он глубоко раскаивался в том, что ввязался в безумную затею Доры. Теперь она казалась ему предательской, глупой, совершенно бестактной и, похоже, грозящей обернуться какой-нибудь умопомрачительной катастрофой. Он был бы и рад выпутаться из нее, только не знал как. Не оставили его равнодушными и явный гнев Пола, да и то легкое возмущение, которое исходило, как он чувствовал, от остальных членов общины. Он и не думал, когда добивался, для собственной надобности, от Доры такого рода помощи, что кого-то еще это будет задевать или вообще касаться; теперь же он начинал понимать, что поступки его в этой сфере обретают смысл, подтверждать который ему вовсе не хотелось. С другой стороны, его крайне огорчала мысль сделать что-нибудь, что могло бы оборвать сладостную, тонкую, двусмысленную нить, которая связывала его сейчас с Дорой; ненавистна была ему и мысль подвести ее. Он очень хотел

повидаться с Дорой и все же, из-за того, что не мог разобраться в своих мыслях, избегал ее.

В то же время чувства его к Майклу качнулись в обратном направлении. Предательский страх за собственное положение, который и вдохновил Тоби на мысли о Доре, не исчез, но как-то затаился. Тоби даже слегка успокоило то, что произошло между ним и Дорой. Действительно, бурная радость от того, что он так успешно ее поцеловал, была ему надежным утешением в беде. И это давало ему бо`льшую волю думать о Майкле снова как о личности и чувствовать, что отношения их, при всей их специфичности, — нечто настоящее, интересное и даже ценное. Он начал жалеть Майкла, размышлять о состоянии его души. Его беспокоило мнение Майкла о нем, то, насколько может навредить ему в глазах Майкла история с Дорой, которая так разворачивалась вширь и по столь разным направлениям, что он этого не ожидал. Ситуация, в которой он очутился, показалась ему вдруг невыносимой.

Тоби по природе был правдивым мальчиком, его воспитали в уверенности, что, в какую беду ни попади, лучше всего выпутываться из нее, сказав правду. Но в данном случае сказать правду, похоже, окажется трудно. Какую правду должен он

сказать и кому? Он начал подумывать о возможности пойти к Майклу и рассказать ему все о затее со старым колоколом. Выполнение первой части этого плана было захватывающим, выполнение второй его половины представляется слишком уж тягостным. Тоби просто не мог представить себя помогающим Доре подменять колокола, и, коли так, он довольно-таки трусливо ощущал, что освобождается от попытки сделать это. Но и оставить план без разрешения Доры, предать ее, которая так просто и полностью положилась на него, тоже невообразимо. И нет никого, кому бы он мог открыться и, делая это, не совершать измены. Он думал открыться Нику, но не доверял ему, а больше никого не было. Что ему делать — яснее ясного, говорил он себе. Надо идти к Доре и говорить, что он выходит из игры. Обмана его это не оправдает, но, по крайней мере, это будет искренно и честно по отношению к Доре. И хотя в течение дня он несколько раз порывался сделать это, он так к Доре и не пошел. Вместо этого он отправился к Майклу.

На пути к комнате Майкла он чувствовал себя так, будто вступил в поле магнитного притяжения. Он с трудом удерживал себя, чтобы не бежать. Он добрался до двери, по-прежнему не

зная, что собирается сказать. Постучал, Майкл был один. Майкл сразу поднялся, пробормотав: «О, Тоби!», что оставляло мало сомнений в том, что он рад видеть мальчика. Но, поглощенный, вероятно, своими делами и заботами, он не спросил, зачем тот пришел, да и Тоби уже не испытывал никакой необходимости немедленно начать разговор — так очевидно было, что находиться рядом с Майклом сама по себе цель. Он обнаружил, что вздыхает и улыбается с облегчением. Майкл сел и какое-то время серьезно смотрел на него, будто запоминал его лицо. Затем, движимый какой-то силой, которая, похоже, управляла всем его телом, Тоби сел у ног Майкла и взял его за руку. В это мгновение ворвалась Дора.

После этого вторжения Тоби улизнул в сад и пробыл там, пока не пришло время службы, на ней он стоял понуро, страдая и не зная, что делать. Когда служба кончилась, он снова потихоньку ушел, уклонившись от собрания в трапезной, и побежал в лес. Моросил дождь и скоро вымочил его до нитки, но Тоби не замечал этого. Он собирался поначалу навестить старый колокол, но передумал — он всем сердцем желал вообще никогда не находить эту штуковину, от которой с души воротило. Он побродил где-то с час, перио-

дически поглядывая на озеро, серую поверхность которого рябил дождик. Затем повернул обратно, направившись к сторожке. Он думал переодеться, потом пойти поискать Дору и сказать, что он ей больше не помощник.

Промокший насквозь, жалкий, несчастный, доплелся он до сторожки. Уже смерклось, и в неосвещенной комнате было сумрачно и уныло. Он проковылял внутрь, разгребая газеты. Споткнулся о лежавшего Мерфи и был уже на полпути к противоположной двери, когда увидел Ника, сидевшего позади стола в обычной его позе. Тоби еле слышно поздоровался и уже начал открывать дверь, как Ник звонким голосом сказал:

— Минутку, Тоби, я хочу поговорить с тобой.

Тоби остановился и повернулся лицом к Нику, испуганный настойчивостью его тона. Он увидел, что компанию Ника составляет традиционная бутылка с виски. Запах спиртного, пропитавший комнату, смешивался с промозглой сыростью, которой тянуло снаружи. Плитка была выключена.

— Я хочу долго и серьезно говорить с тобой, Тоби, — сказал Ник. Прозвучало это пьяно, но решительно.

— У меня сейчас нет времени, — сказал Тоби.

— Можешь потратить на меня полчасика, ми-

лый мальчик. И ты это сделаешь, хочется тебе этого или нет. — Ник встал из-за стола.

— Извините, Ник, — сказал Тоби. — Я должен повидать кое-кого.

Он понял, что на пререкания с Ником может уйти много времени, и начал заблаговременно отступать к входной двери. Переодеться можно и потом.

Со скоростью, захватившей Тоби врасплох, Ник пересек комнату и загородил собой дверь. В тот же миг он включил свет. И со своей широкой застывшей улыбочкой начал рассматривать Тоби. Они стояли друг против друга.

Тоби щурился, ослепленный лампочкой без абажура.

— Послушайте, Ник, не глупите. Я должен сейчас уйти в дом. Поговорим позже.

— Позже будет слишком поздно, мое бедное обманутое дитя. Помнишь, я говорил тебе, что прочту тебе проповедь, ту самую, которую остальные слушать не желают? Так вот, час настал — я полон воодушевления! Займи свою скамью!

— Прочь с дороги!

— Ну-ну, давай без глупостей и без обмена любезностями. Ищите Господа, когда можно найти

Его [60]. Только по этой причине время и дорого. Сядь.

Ник неожиданно толкнул Тоби, отчего тот качнулся назад и плюхнулся в кресло у плиты. Затем, приподняв бутылку виски, Ник потянул одной рукой стол на себя и с шумом придвинул его к двери. Уселся на него, поставил на него ноги и перекрестился.

— Ник, это не смешно. Не хочу с вами бороться, но я собираюсь выйти.

— Лучше тебе со мной не бороться, если не хочешь, чтобы тебе было больно. Раз уж ты спешишь, опустим псалмы и молитвы и приступим прямо к проповеди. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Возлюбленные! Мы с вами происходим из падшего рода, мы грешники — все до единого. Минули дни в Раю, дни невинности, когда мы любили друг друга и были счастливы. Ныне же всякий человек идет против собрата своего, и Каинова печать лежит на каждом, и с грехом нашим приходят печаль, ненависть, стыд. Есть ли хоть что-нибудь, что осветит нам тьму? Есть ли хоть что-нибудь, что облегчит нам боль? Жди — есть утешение, есть лекарство. Это Само Слово

---

[60] Примечания: 60
Книга Пророка Исайи, 55:6.

Господне, озарение свыше. Ждут нас удел и радости более высокие, нежели те, что ведомы были первозданному папеньке нашему, лежавшему себе без греха под яблоней. Грядут, грядут они и превратят нас всех в богов. Я говорю, возлюбленные, о радостях покаяния, о восторгах исповеди, об изысканном удовольствии корчиться и ползать в пыли. O Felix culpa [61]. Ибо будь мы без греха, мы были бы лишены этого величайшего из наслаждений. И смотрите, чудодействуя, как могут измениться и наша боль, и наш стыд! Как сладостна тогда наша вина, как желанен наш грех — коли могут они вызывать муки радости столь жгучей. Так отдадимся же греху, возлюбленные, падем с ним в соитии наземь. Превозможем же стыд и печаль обратим в радость, объявив во всеуслышание о своих дурных поступках, пав на колени и простершись в пыли, взывая к каре Божьей, — обесчещенные, кающиеся и вновь возрожденные.

— Ник, вы бредите! — закричал Тоби, повышая голос, чтобы остановить все более громкую и возбужденную речь Ника. — Дайте мне выйти!

— Ты останешься до конца. Самое интересное

---

[61] Примечания: 61
Счастливая вина! (*лат.*)

только начинается. Ты что, воображаешь, что я тут попусту разоряюсь? Отнюдь. То, что я должен сказать, самым непосредственным образом касается каждого собрата моей паствы, а поскольку ты тут один-единственный, не считая Мерфи, а он безгрешен, то касается это самым непосредственным образом тебя.

Ник быстро отхлебнул из бутылки. Тоби поднялся с кресла.

— Так слушай же. — Ник заговорил еще быстрее и указующе поднял палец. — Ты что, воображаешь, я не знаю всех штучек, которые ты проделываешь, всех твоих маленьких игр? Держишь меня за предмет обстановки и думаешь, будто я не замечаю, что творится у меня под носом, — так нет, ты был для меня предметом любовного изучения. И мое внимание было вознаграждено, милый мальчик, — уж поверь мне! Такой чистый, такой хорошенький, когда приехал, ты чувствовал себя таким добродетельным, тоже принадлежащим к этой общности святых. Это было удовольствие, да и только, у меня, конечно, сердце радовалось, когда я видел, как ты во всем этом купаешься. Но что происходит потом, что мы видим? Наш невинный-то — как быстро он учится! Головка вскружена, тщеславие польщено. Он уже нашел

себе кое-что поприятнее религиозных чувств. Флирт под стенами женского монастыря — что может быть более захватывающим? Вот он и играет, сначала женщину, а потом, чтобы убедиться, что способен и на то и на другое, он играет мужчину!

— Прекратите, Ник, прекратите! — крикнул Тоби. Он застыл перед Ником со сжатыми кулаками и пылающим лицом.

— О, я видел тебя в этом, — сказал Ник. — Видел-видел твои любовные игры в лесу, когда ты склонял своего добродетельного наставника к содомскому греху, а нашу очаровательную кающуюся грешницу — к прелюбодеянию. Что за успехи! Так юн и так чрезвычайно разносторонен!

Ник отпил еще немного из бутылки.

— Прочь с дороги! — сказал Тоби. Он был почти вне себя от боли, ярости, страха. — К вам это никакого отношения не имеет!

— Разве? — сказал Ник. — В конце концов, предполагалось, что мы будем присматривать друг за другом, не так ли? Ведь мы члены друг другу [62]. Ты себя никогда не утруждал и не был мне сторо-

---

[62] Примечания: 62

«Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему; потому что мы члены друг другу» (Послание к Ефесянам, 4:25).

жем, но я отношусь к своим обязанностям более серьезно. И я могу совершенно точно описать тебе каждый твой шаг, как если бы я стоял рядом. Но что ты теперь собираешься делать? Вот что хотел бы я знать. А как насчет этой милой шалости с колоколом? О да, я знаю все, и про колокол тоже, и про это мошенническое чудо, которое ты затеваешь со своей пассией женского пола.

— Да заткнетесь вы!.. — крикнул Тоби. Он двинулся на Ника и стал выдергивать из-под него стол. Ник выпрямил ноги, но по-прежнему сидел и смеялся. Сдвинуть стол Тоби не мог.

— Жалкое дитя, — сказал Ник. — Я же сказал, ты останешься до конца. Интересно, ты хоть понятие-то имеешь о том вреде, который причиняешь, а? К примеру, бедному Майклу. Ну, что до Майкла, то чаша его полнится и скоро перельется через край, правда, не в том смысле, какой имел в виду псалмопевец. Ты что же, думаешь, можешь играть чувствами религиозного человека? Ты, может, думаешь, что он душит тебя поцелуями, а потом с легким сердцем идет к причастию? Ты занимаешься тем, что подрываешь в человеке веру, разрушаешь его жизнь, готовишь его погибель — и даже тогда не можешь посвятить этому все свое внимание, а начинаешь разыгрывать

шарады с этой чертовой сукой!

— Ох, замолчите, замолчите, замолчите же! — орал Тоби.

Он рванулся вперед, схватил Ника за плечо, намереваясь стянуть его с насеста. Ник немедля обхватил мальчика за шею, они упали и начали бороться на полу. Заскулил Мерфи, потом залаял. Ник был сильнее.

— Заткнись, Мерфи, ты же в церкви! — сказал Ник. Теперь Ник, вывернув Тоби одну руку назад, уперся коленом ему в спину. Голова Тоби клонилась все ниже и ниже.

— На колени, на колени, вот так, — говорил Ник ему на ухо. — Это же исповедальня, только тебе не надо утруждать себя исповедью — я и так все знаю. Это кому-то еще тебе надо шепнуть ее на ушко, кому-то, кто еще ее не слыхал. Радости покаяния ждут тебя, Тоби. А пока — хлебни-ка вот этого, на память обо мне.

Он постарался перевернуть Тоби и, дотянувшись до бутылки, плеснул ему на губы виски.

Как отпущенная пружина, мальчик вскинулся и начал сопротивляться. Бутылка упала между ними и разбилась. Они покатились по полу, опрокидывая миску с водой для Мерфи, вляпались в остатки его ужина. Забрызганные водой,

виски, подливкой, они дрались посреди хаоса из старых газет и битого стекла. Ник по-прежнему был сильнее.

Тоби лежал тихо. Теперь он был на спине, а лицо Ника нависало над ним. В таком положении они и отдыхали, оба тяжело дыша. Ник глянул на него сверху и улыбнулся.

— Бедное дитя, — сказал он, — мне больно делать это, уж поверь мне, больно. Но я создан быть бичом для некоторых людей. Тебе не понять. Но я надеюсь, что ты хотя бы уловил суть моей проповеди. Сейчас ты встаешь, приводишь свою одежду в порядок и идешь как пай-мальчик со своей исповедью к единственному доступному святому, к единственному доступному человеку — Джеймсу Тейперу Пейсу. Ну-ка, встал…

Ник поднялся, и Тоби, пошатываясь, встал на ноги, отряхнул одежду. Ошеломленный, испуганный, глядел он на Ника.

— Хотел бы поздравить тебя с прямодушием нрава, — сказал Ник. — Только дело-то в том, что выбора у тебя маловато. Если до завтра ты не переговоришь с Джеймсом и все ему не расскажешь, я сочту своим долгом сделать заявление. А по счастливому закону природы никто, как бы ни желал он себя унизить, рассказывая о себе, ни-

когда не обрисует себя в таком черном свете, как это сделает беспристрастный и не расположенный к тебе наблюдатель. Еще одна из прелестей исповеди. Felix culpa! Felix, Тоби! Теперь иди. И не позволяй, чтобы гнев на меня помешал тебе понять: то, что я говорю, — справедливо. Иди же, иди…

Ник отодвинул стол от двери и отворил ее. Какое-то мгновение Тоби стоял, заслонив лицо рукой. Ник подтолкнул его в спину. Тоби наклонился вперед, словно собираясь упасть, и кинулся в ночь.

Глава 22

Дождь шел по-прежнему, но ветер стих. Тихий шелест мелкого дождика делал ночь еще темнее и заглушал все прочие звуки. Было начало четвертого.

Дора стояла в амбаре одна, близко от колокола. Она то и знай протягивала руку и касалась его — для компании да и убедиться, что он по-прежнему здесь. До этого при свете электрического фонарика Тоби она постаралась мылом, водой и острым ножом отчистить колокол. Ей удалось отвоевать у него гору тины и песка, но множество странных наростов, по-прежнему цепко державшихся за его поверхность, были твердыми, как металл. Последние полчаса Доре ничего не оставалось, как ждать. Она пришла задолго до двух, так как из страха, что Пол ее задержит, вообще не ложилась. Пол и так вскоре узнает, что был к ней несправедлив. Она нашла в доме укромный уголок, поклевала носом, сидя на стуле, и потом прошла под дождем к амбару.

Сначала она была совершенно уверена, что Тоби придет. Пусть она и не сумела связаться с ним в течение дня, он-то должен знать, когда и

куда приходить; и, по крайней мере, у них была договоренность, что он захватит с собой в амбар вторую железную тележку. Когда к половине третьего он не пришел, Дора вообразила, что, может, у него возникли какие-нибудь трудности при вывозе тележки со двора, и отправилась посмотреть, в чем дело. Конный двор был пуст, тележка стояла на своем месте, но Дора с тревогой заметила, что в доме горят два окна: одно — в ее с Полом комнате, а другое — в комнате, которую угадать она не могла, не то у Джеймса, а может, и у Майкла. Не тронув тележки, Дора поспешила обратно к амбару, уверенная, что теперь-то застанет там Тоби, но его там не было.

На Доре был плащ с шарфом, но все равно она промокла насквозь. Ноги в туфельках были холодные, грязные; с подола платья, которое, сковывая движения, противно липло к коленям, стекала вода. Дрожа, стояла она в амбаре, напуганная темнотой, плотной завесой дождя, трепещущая от близости колокола, и все яснее чувствовала, что Тоби не придет. Может, сходить за ним в сторожку?

Дора не исключала, что Ноэль Спенс мог вполне вообразить, что письмо, которое она обронила, предназначается ему, да и содержанием своим

оно прекрасно поддерживало эту иллюзию. Поэтому весьма вероятно, что Ноэль около двух объявится у сторожки, и мысль эта удерживала Дору от того, чтобы пойти туда раньше и поискать Тоби. Но теперь-то Ноэль уж наверняка притомился от ожидания и отправился спать. Так что можно преспокойно идти к сторожке, в любом случае это лучше, чем, продрогнув до мозга костей, слоняться по амбару, пугаясь собственной тени. Дора двинулась по тропинке.

Луну скрывали тучи, а тропинка была запущенная, заросшая, но Дора теперь знала ее как свои пять пальцев, да ей и безразлично было, что вереск и куманика царапают ноги. Чувствовала только теплую кровь на лодыжках. Выйдя из лесу, она не пошла вокруг дома, к переправе, а повернула к дамбе.

Два окна по-прежнему горели, и, глянув вперед, через озеро, она увидела, что и в сторожке горит огонь. Это ее чрезвычайно встревожило.

Дора побежала — сначала вдоль монастырской стены, потом наискосок от нее, по траве, к сторожке. Приблизившись к ней, Дора перешла на шаг и, сторонясь хрусткого гравия на дороге, начала осторожно подходить, тихо ступая промокшими ногами по сырой траве. Она увидела,

что свет горит в гостиной. А у Тоби в комнате света нет. Она осторожно подкралась к окну. Это было современное створчатое окно, застекленное небольшими освинцованными квадратиками стекла, оно было приоткрыто. Дора слышала приглушенный шум голосов. Она встала на четвереньки и поползла к окну, пока не очутилась почти под ним. Голоса теперь слышались более отчетливо — вместе со звоном стаканов.

— Трудно сказать, в шутку они это задумали или как, — говорил Ник. На слух он был пьян. — Разве таких людей угадаешь…

— Извините, мистер Фоли, но я все-таки не понимаю, — сказал другой голос.

Уж на что Дора продрогла и все равно похолодела от ужаса. Голос был Ноэля. Забыв про осторожность, Дора подняла голову на уровень подоконника. Ноэль с Ником сидели за столом с бутылкой виски посередине. Больше в комнате никого не было. Ошарашенная и испуганная, Дора плюхнулась вниз, на подушку из мокрой травы.

— Понимаете, — продолжал Ноэль, — в техническом отношении история так замечательна, что было бы жаль хоть что-то в ней исказить. Да и вообще я всегда предпочитаю понять, что

к чему. Даже у нас, газетчиков, есть свои нравственные нормы, мистер Фоли. Благодарю вас, совсем капельку.

— Все, что мог, я рассказал, — сказал Ник. — А понять, что к чему, — да неужто кто-нибудь понимает, что к чему? Все, что вы можете, — это изложить некоторые факты, большего я вам и не предлагаю. Что произойдет завтра — никому не известно. Все, что могу обещать вам, так это представление. Надеюсь, фотоаппарат с вами?

— Извините, что продолжаю надоедать вам, — говорил Ноэль ровным, терпеливым голосом человека трезвого, разговаривающего с пьяным, — и я знаю, что вы, должно быть, страшно устали, но не пробежимся ли мы еще разок от начала до конца? Я хотел бы проверить свои записи. Так вы говорите, что два члена общины, кто именно — вы не открываете, обнаружили старый колокол, когда-то давно принадлежавший монастырю. И эти двое затевают то, что вы называете чудом, — подмену нового колокола старым. Но чего они хотят этим добиться? В конце концов, это ведь Англия, а не Южная Италия. Это больше походит на розыгрыш.

— Кто знает, чего они хотят добиться? — сказал Ник. — Уверен, они и сами не знают. Может,

огласки. Я же говорил вам, община обращалась за финансовой помощью. А если нам кажется, что это похоже на безумие, не более это безумно, чем верить, будто Иисус Христос был Богом и что он умер во искупление наших грехов.

— Не могу согласиться, — сказал Ноэль. — Вера — дело в высшей степени избирательное. И люди будут верить, те самые люди, которые во всем остальном будут сообразовываться со здравым смыслом. Но оставим это, продолжим нашу историю. Так вы говорите, план этот теперь не осуществится?

— К несчастью, нет, — сказал Ник. — План был красивый, но у одного из участников сдали нервы.

— Как вы могли догадаться, у меня нет симпатии к такого рода компаниям. Не думаю, что эти люди сознательные лицемеры, они просто рождены быть шарлатанами *malgré eux*[63]. Уверен, в этой чокнутой общине есть и свои распри, и свои мании, и я ничего не имею против того, чтобы сделать о ней репортаж без комментариев. Коли уж люди хотят перестать быть обыкновенными полезными членами общества и тащат свои

---

[63] Примечания: 63
Против своей воли (*фр.*).

неврозы в какую-то глухомань, чтобы поиметь то, что они воображают духовным опытом, к ним, уверен, надо проявлять терпимость, только, убей меня, не пойму, почему надо выказывать им почтение. Но, как я сказал, я хочу сделать репортаж, а не злословить. Что меня интересует, если вы позволите спросить об этом — не для печати, — что вас побуждает рассказывать мне все это? Да, спасибо. И себе тоже подлейте.

— Бывают минуты, — сказал Ник, — когда хочется говорить правду, когда хочется кричать ее на каждом углу, какой бы вред она ни принесла. Одна из таких минут для меня сейчас и настала. А теперь я пошел спать. И вам советую сделать то же. У нас завтра будет напряженный и очень занятный день.

Ноэль начал отвечать. Дора вскочила и побежала обратно, тем же путем, которым пришла. Дождь к этой поре приналег посильнее и теперь заглушал шум ее шагов, когда она шлепала по траве. Уже у самой дамбы она оглянулась. Из сторожки вроде бы никто не выходил, но, поскольку, кроме дождя, услышать или увидеть что-нибудь было трудно, уверенной она быть не могла. Она перебежала дамбу, хватая ртом воздух, и повернула на тропинку вдоль озера к

амбару. Перейдя на шаг, она начала думать. В том, как Ноэль попал в сторожку и в лапы к Нику Фоли, ничего таинственного нет. Ее же письмо его туда и привело. В том, каким образом Ник прознал про колокол, ничего таинственного и подавно нет — они с Тоби наделали столько шума прошлой ночью, что любой мог услышать, хоть они в своем возбужденном оптимизме и считали это маловероятным. Во всяком случае, Ник, как ей припоминалось, спал неважно и любил ночью пройтись. Он вполне мог набрести на амбар и подслушать, как они с Тоби повторяли детали плана как раз перед тем, как уходить. Или просто увидеть, как Тоби крадется из дому, и из чистого любопытства пойти за ним. Это все понятно, да и не было для нее теперь такой уж новостью, что план провалится, поскольку у одного из заговорщиков сдали нервы. Ужасало иное — и мысль эта сейчас впервые открывалась ей во всей полноте, — ведь эту незавершенную фантазию опишут или распишут, все исказив, газеты, и это причинит общине огромный вред.

Дора понимала, что, подумай она хорошенько о своем плане, она бы догадалась, что он непременно получит огласку, что он непременно будет казаться посторонним нелепым и низким. Его

триумфальный, ведьмаческий смысл существовал лишь для нее одной. Даже Тоби, это ясно, присоединился к ней скорее потому, что хотел ей угодить, а не потому, что план ему нравился. Ну как может посторонний мир понять такое? Дора свыклась с мыслью, что Имбер нечто предельно глухое, предельно отрезанное и замкнутое в самом себе. Имбер ушел от мира, но мир-то еще мог прийти в Имбер — полюбопытствовать, надсмеяться, осудить.

Дора добралась до амбара. Поглядела, послушала. Все было тихо, все было так, как до ее ухода. Она зажгла фонарик и навела его на колокол. Он так и висел, огромный, зловещий, неподвижный от собственной тяжести. Она выключила фонарик. Что же ей делать? Она подошла поближе к колоколу, в котором все больше и больше ощущала живое присутствие. Положила руку ему на обод и вновь почувствовала его шероховатую бугристую поверхность и странное тепло. Она повела рукой вверх, к чекану, силясь на ощупь определить, что за картинка у нее под рукой. Тоби не придет. Должна ли она сама осуществить план? Одна она этого сделать не может, да и в любом случае желание делать это у нее пропало. Теперь вся затея казалась ей такой же низкой,

какой она вскоре покажется читателям сенсационной прессы: в лучшем случае забавной, хотя и в дурном вкусе, в худшем — совершенно омерзительной. Сердце у Доры разрывалось от угрызений совести и гнева. Ну почему сюда должен был приехать Ноэль? История «всплыла» бы в любом случае, но из-за присутствия на месте Ноэля можно было не сомневаться, что расписана она будет во всей красе. Дора знала, как может Ноэль подать материал. Знала она и уклончивые насмешки, с которыми встретит он любую мольбу о молчании. В глубине души она огорчилась из-за того, что Ноэлю достало глупости преследовать ее и навязываться таким образом, который, похоже, исключал для нее возможность считать его своим убежищем. В Лондоне его суд над Имбером облегчил ей душу. Здесь же под судом был Ноэль.

Но самые безотлагательные ее мысли касались колокола. Надеяться все утаить слишком поздно. Есть ли какой-нибудь способ сделать раскрытие этой тайны менее абсурдным и вредоносным для Имбера? Ник представил все так, будто предполагавшееся чудо — дело рук кого-то из общины, и вот как, вероятно, это будет выглядеть в прессе: слабоумные уловки, к которым прибегала общи-

на в результате раскола среди душевнобольных. А ведь это она, и только она одна, в ответе. Ну как сделать, чтобы это стало ясно? Может, сделать заявление в печати? А как делают заявление в печати? Она обернулась за помощью к колоколу.

Она нежно прижала к нему ладонь, словно моля о чем-то. Колокол чуть тронулся с места. Она придержала его и стояла, положив на него обе руки. Внимая ему, она вновь поражалась чуду его воскресения и испытывала к нему благоговение, почти любовь. Думая о том, как она извлекла его из озера и вернула в родную воздушную стихию, она изумлялась и вдруг ощутила свою ничтожность. Ну как мог великий колокол стерпеть, что она притащила его сюда без всяких почестей и заставила начать свою новую жизнь на каких-то задворках? Да она тронуть его не смела. По правде говоря, она должна бы его бояться. Она и боится. Она отдернула руки.

Шелест дождя вокруг нее продолжался, очень слабый, он создавал искусственную тишину, более глубокую, чем может быть настоящая. Пол в амбаре под ее ногами был липким от воды, которая по-прежнему мерно капала с ее одежды. Дора стояла, напряженно вслушиваясь. Она поднесла одно ухо к колоколу, почти ожидая услышать

его ропот — как в раковине, что хранит отголоски моря. Но от всех звуков, усыпленных в этом громадном конусе, не доносилось ни малейшего вздоха. Колокол безмолвствовал. Зачарованная, Дора опустилась на колени и просунула руку внутрь. Внутри было черно и страшно, как в обитаемой пещере. Она легонько коснулась громадного языка, висевшего в недрах в глубоком безмолвии. Чувство страха не покинуло ее, она поспешно вылезла и зажгла фонарик. С наклонной поверхности бронзы глянули на нее коленопреклоненные фигурки — крепкие, простые, прекрасные, нелепые, исполненные того, что не было для художника предметом праздных размышлений или фантазий. Сцены эти были для него более реальными и знакомыми, чем собственное детство. И он передал их правдиво. Знакомы они были и Доре, когда она стала глядеть на них снова при свете электрического фонарика.

Медленно обойдя колокол вокруг, Дора выключила свет. Продрогнув и закоченев от дождя, она едва не падала от усталости. Все слишком трудно, нужно возвращаться и ложиться спать. Но это невозможно. Не могла она оставить все в таком плачевном состоянии, ничего не решив и

не поправив; не могла оставить колокол в двусмысленном положении на потребу лживых и злобных измышлений. Дора никак не могла его оставить, хотя слезы изнеможения и беспомощности жгли ей замерзшие щеки, — он будто один таил в себе какое-то решение. Слишком долго она с ним общалась и вот подпала теперь под его чары. Думала им распоряжаться и сделать из него свою игрушку, теперь же он ею распоряжается и поступать будет по-своему.

Дора стояла рядом с ним в темноте и тяжело дышала. Дрожь ужаса и возбуждения пробрала ее в предчувствии поступка — еще до того, как она осознала, что это будет за поступок. В памяти смутно всплывало сказанное: голос, говорящий правду, нельзя заставить молчать. Если уж нужно себя обвинить, то средство вот, под рукой. Но порыв ее был глубже этого. Она вновь протянула руку к колоколу.

Слегка подтолкнула его, и он тронулся. Стронуть его было нетрудно. Она скорее чувствовала, чем слышала, как шевелится внутри его язык, еще не касаясь боков. Колокол слабо вибрировал, по-прежнему почти неподвижный. Дора сняла плащ. Постояла еще с минуту в темноте, ощущая рукой, как тихо подрагивает перед ней эта гро-

мадина. Затем вдруг со всей силой навалилась на колокол.

Колокол подался вперед так, что Дора чуть не упала, и язык ударился о бок с ревом, от которого она закричала — так он был близок и ужасен. Потом отскочила назад, дав колоколу вернуться. Язык тронул второй бок уже послабее. Уловив ритм, Дора кинулась на удалявшуюся поверхность, затем посторонилась. Страшный гул поднялся, когда колокол, раскачиваясь теперь свободно, дал языку полную волю. Он возвращался, громадные очертания его были едва видны — чудовищный, движущийся кусок тьмы. Дора снова подтолкнула его. Теперь надо было только не давать ему остановиться. Грозный шум ширился, молчавший века голос ревел, что нечто великое вновь возвращается в мир. Поднялся звон — особенный, пронзительный, удивительный, слышный и в Корте, и в монастыре, и в деревне, и, как рассказывали потом, на много миль в обе стороны дороги.

Дора была так поражена, едва ли не уничтожена этим чудом, этим гулким звоном, что забыла обо всем, кроме своей обязанности — не дать колоколу умолкнуть. Она не слышала приближавшихся голосов, стояла ошеломленная,

безучастная, когда минут через двадцать множество людей вбежало в амбар и столпилось вокруг нее.

Глава 23

К той поре, когда пришла Дора, первая часть церемонии закончилась и должна была начаться процессия. Было минут двадцать восьмого. Дождь перестал, и солнце сияло сквозь тонкую кисею белых облаков, рассеивая холодный бледно-золотистый свет. Белый туман клубился над озером, скрывая воду и оставляя видной лишь верхушку дамбы.

Дора поспала. В Корт ее загнала миссис Марк, она рухнула в постель и вмиг потеряла сознание. Пришла в себя она снова около семи и сразу вспомнила о процессии. До нее доносились отдаленные звуки музыки. Все, должно быть, уже началось. Пола видно не было. Она поспешно оделась, едва ли понимая, отчего она чувствует, что присутствовать там чрезвычайно важно. Воспоминания о прошлой ночи были путаные и омерзительные, как с перепоя. Она припоминала, как слепил ее свет фонариков, как видела в их лучах колокол, по-прежнему раскачивавшийся. Множество людей окружило ее, они тормошили, расспрашивали ее. Кто-то накинул ей на плечи пальто. Был там и Пол, но он ничего не сказал ей

— увидев колокол, он забыл обо всем на свете. В спальню он не вернулся, и она предполагала, что он до сих пор в амбаре. Они разделили между собой ночное бдение.

Дора чувствовала себя одеревенелой, неописуемо голодной и такой несчастной, будто из нее душу вытянули. В воздухе пахло бедой. Дора надела все самое теплое и вышла на лестничную площадку, из окна которой открывался вид на происходящее. Удивительная сцена ожидала ее. Несколько сот человек в полнейшем молчании стояло перед домом. Они сгрудились на площадке, столпились на ступеньках и балконе, выстроились вниз по тропинке к дамбе. Царило выжидающее молчание, которое наступает во время церемонии, когда на мгновение прерывается пение или речь. Стояли в молчании, ранним утром и наделяли сцену тем драматическим духом, который всегда присутствует, когда множество людей торжественно собираются на открытом воздухе. Все взгляды были обращены на колокол.

Епископ в полном облачении, с митрой и посохом, стоял лицом к колоколу, который по-прежнему был на площадке. Позади епископа несколько маленьких девочек, вцепившись ру-

чонками в английские флейты, пытались дать проход одетым в стихари мальчикам, которых выталкивал вперед отец Боб Джойс. Епископ стоял с видом явного терпения, как добродушный человек, которого перебили, и не оборачивался, пока продолжалась молчаливая потасовка. Епископ, как выяснилось позднее, ничего о событиях ночи не знал. Уткнувшись здоровым ухом поглубже в подушку, он звона не слышал, и никто в такую рань не решился рассказать ему историю столь невероятную.

Маленькие мальчики теперь с успехом вытеснили девочек, которые рассыпались по кромке толпы и кидали беспокойные взгляды на своего учителя. Положение танцоров было еще менее завидным. Они наступали на пятки хору, полагая, что настал их черед. Укомплектованные лошадкой, шутом в цилиндре и скрипачом, вооруженные тросточками и носовыми платками, с ногами, украшенными колокольчиками и ленточками, они заметно смущались, так как их не горячили музыка и танцы. Им было велено начать танцевать прямо перед тем, как процессия тронется, и с танцами сопровождать ее до дамбы. Но такого стечения народа никто не предполагал, и теперь было ясно, что на площадке танцевать

просто негде, а очистить место для танцев можно было, разве что попросив всех этих престарелых дам, которые приникли к балюстраде, перелезть через нее и спрыгнуть на траву. Шут продирался через хор мальчиков, чтобы посоветоваться с отцом Бобом. Отец Боб улыбнулся, кивнул, и скрипач, стоявший позади и доведенный до безумия тем, что все его ждут, вмиг заиграл «Монашеский марш». Кое-кто из танцоров начал было приплясывать, остальные на них зашикали. Отец Боб нахмурился, покачал головой, и скрипка стихла. Шут протискивался обратно, давая своим людям какие-то указания, явно их обескуражившие. Отец Боб похлопал легонько епископа по плечу, терпения у того в лице было больше, чем когда-либо. Епископ заговорил.

Что он говорил, Дора не слышала. Боясь, как бы чего не упустить, она сбежала вниз по лестнице и вышла на балкон, где было черно от зрителей. Она протолкалась вперед, к ступенькам, и умудрилась найти местечко, откуда все было видно. Епископ уже кончил говорить, и, очень медленно, колокол тронулся с места. Тележку спереди тащили и сзади подправляли две пары рабочих и человек, который прибыл с колоколом и имел разрешение войти в монастырь и устано-

вить его. Они торжественно тянули тележку за веревки, которые миссис Марк напоследок вымазала побелкой. Колокол двинулся по площадке к косогору, который спускался к дамбе. Сразу за колоколом шли Майкл и Кэтрин, за ними епископ, а потом хор. Следом, проступая из толпы, потянулись члены братства, все, как отметила Дора, крайне осунувшиеся. За ними — сердитые танцоры, они шли, а не плясали, колокольчики их позвякивали, платочки обвисли. За ними шел ансамбль флейтисток со своим учителем. А за ними гёрлз-гайдз [64] и бойскауты. В хвост процессии подтянулось несколько мелких прелатов сельской церкви, считавших себя обязанными принять участие в шествии, а также кое-кто из толпы, предпочитавший привилегию шествия в процессии волнению наблюдать за ней со стороны. Когда они отошли, люди начали карабкаться на балюстраду, продираться на верхние ступени, чтобы фотографировать, налетая при этом на тех, кто катился вниз по ступеням и спрыгивал с площадки, чтобы занять хорошее местечко на косогоре или у кромки озера и наблюдать за следующим этапом происходящего. Дора осталась

[64] Примечания: 64

Гёрлз-гайдз — организация, объединяющая девочек от 11 до 16 лет, близкая, по сути, к бойскаутам.

где была. Ей и отсюда достаточно хорошо видно, особенно теперь, когда балкон опустел. Она глянула вниз, на площадку, где по-прежнему было столпотворение, и в толпе увидела Ноэля — тот, оседлав одного из каменных львов у подножия лестницы, делал снимок. Отсняв кадр, он спрыгнул и побежал сбоку процессии. Гёрлз-гайдз, построившись у ворот конюшен, пробивались вперед с решительностью, делавшей честь их псевдовоенизированной организации, и в данный момент трудно было отличить процессию от окружавшей ее толпы. Ноэль, глянув наверх, увидел Дору. Он просиял. Потом мерно покачал из стороны в сторону футляром фотоаппарата и похлопал в ладоши. Дора уставилась на эту пантомиму. Затем до нее дошло, что Ноэль, конечно же, намекает на минувшую ночь. Он, должно быть, был там, и вот, мол, что он по этому поводу чувствует. Дора через силу улыбнулась и слабо махнула рукой. Ноэль кивал в сторону озера. Он не собирался упускать случая сделать еще один снимок. Дора покачала головой, и он рванул вперед через толпу. Она видела, как он, на голову выше других, обогнал гёрлз-гайдз и пробрался в начало процессии, которая уже приближалась к дамбе. Солнце начало прорываться сквозь белую

пелену, и длинные тени забегали по траве. Запел хор. Дора видела, как в дальнем конце дамбы медленно открываются большие ворота.

Она осталась на балконе одна. Толпа по большей части скопилась на берегу, по обе стороны дамбы. Колокол медленно и плавно въезжал на совсем пологую горку от берега к дамбе и теперь был у всех на виду. Солнце сверкало, золотя его белый купол и белое облачение епископа. Ветер, уже не такой свирепый, теребил белые атласные ленты и ворошил белые цветы, которыми была усыпана тележка. Епископ шел, с трудом переставляя ноги, слегка склонив голову и опираясь на посох. Белые стихари на мальчиках из хора заколыхались, когда они важно подняли перед собой нотные листки. Колокол был уже на дамбе, двигаясь более медленно по слегка неровным камням. За ним следовали все остальные. Туман тихо лежал на воде, по-прежнему закрывая дамбу доверху, поэтому, когда процессия вереницей растянулась по озеру, стало казаться, что она шествует по воздуху. Дора сильно подалась вперед, чтобы лучше все видеть.

Запел хор. Самую замысловатую музыку придерживали для кульминации у монастырских ворот. А пока что пожелания отца Боба попира-

лись местным сентиментальным гимном.

Выше колокол подъемли!
Между небом и землей.
Будет нам служить и Богу,
Будет голос нам благой.
Ранним утром, когда птица
Славит радостно Творца,
Воспоет он милость Божью,
Воззовет к Нему сердца.
И когда под вечер тени
Набегают чередой,
Будет петь он гимн вечерний
Вместе с первою звездой[65].

Пение продолжалось. Танцоры, робко идя парами, сошли уже с берега, и за ними следовали маленькие девочки, которые, похоже, очень мерзли в своих белых атласных платьицах. Колокол и впрямь двигался очень медленно и достиг едва ли середины дамбы, куда была вставлена деревянная секция — память об отважных монахинях XVI века. Дора отвлеклась на толпу. Ноэля теперь

---

[65] Примечания: 65
Пер. Т. Гущиной.

видно не было. На глаза ей попался Пэтчуэй — присоединиться к процессии он не пожелал и флегматично стоял позади толпы, откуда явно не мог ничего видеть. И тут что-то начало происходить. Дора быстро перевела взгляд в центр. У всех вырвался внезапный вздох. Пение хора сбилось. Колокол застопорился на деревянных досках посередине дамбы, и рабочие, похоже, сцепились вокруг него. Епископ дал знак хору податься назад. Процессия замерла. Музыка оборвалась, и поднявшийся потом глухой ропот прорезал громкий скрежет. Колокол, похоже, начал легонько клониться на один бок. Толпа возбужденно загудела. И очень медленно деревянные опоры просели, деревянный настил пошел под уклон, тележка накренилась — и колокол, на какой-то миг зависнув под почти немыслимым углом, рухнул боком в озеро, увлекая за собой тележку.

Все произошло настолько быстро, что Дора насилу глазам своим поверила. Вот процессия — все еще вереницей растянутая по дамбе на солнце. Вот пробоина в центре — на дальней ее стороне одиноко стоят двое рабочих. Слышно, как бурлит и булькает невидимая вода. Только колокол напрочь исчез. Толпа издала вопль — наполовину недовольный, наполовину одобрительный. Явив-

шиеся на спектакль свое получали сполна.

Дора побежала по ступеням вниз и дальше, к озеру. Отец Боб Джойс теснил процессию назад, с дамбы, в то время как с обратного конца, с берега, дюжины людей напирали вперед. Кто-то — Дора не видела кто — провалился. Поднялся гам, один мальчик из хора плакал. Епископ, бросавшийся на солнце в глаза, все еще стоял там, где прежде был колокол, глядел в воду и разговаривал с рабочим. Туман потихоньку рассеивался, и видно было, как под деревянными сваями все еще пенится озеро в венчике из белых цветов. Ни колокола, ни тележки на поверхности видно не было. Несколько человек протиснулись-таки до епископа, перепрыгнули пролом и наблюдали за происходящим с той стороны. Монастырские ворота потихоньку закрыли.

Дора была теперь прямо у озера, по правую сторону от дамбы. От того, что случилось, она испытывала сильный ужас, смешанный с возбуждением. Отчасти она чувствовала, будто она в ответе за это новое несчастье, а отчасти — будто размеры его делают собственную ее выходку, — по сравнению с ним, простительной. Добравшись до края толпы, она искала случая глянуть на все вблизи. И тут кто-то ее очень грубо отпихнул.

Позднее Дора говорила, что, если бы не тот отчаянный толчок, она бы и внимания не обратила, не заинтересовалась бы. Она развернулась поглядеть, что это за нахал ее пихнул, и увидела, что это Кэтрин. Оттолкнув ее и выбравшись из толпы, Кэтрин пошла по тропинке, которая вела вдоль озера к лесу. Дора снова обратилась к событиям на дамбе. Потом задумчиво повернулась вслед Кэтрин, которая уже отошла на некоторое расстояние и быстро удалялась. На уход ее никто не обратил ни малейшего внимания.

Мягко говоря, это было очень необычно: чтобы Кэтрин и отпихнула кого-то со своего пути; да и то, что Дора увидела в ее лице, тоже было довольно необычно. Понятно, она должна была расстроиться, но выглядела она странной и огорченной сверх всякой меры. Дора заколебалась. Вокруг было полно людей, но никто знакомый на глаза не попадался. Спустя минуту она начала продираться обратно через траву и двинулась по тропинке, которой пошла Кэтрин, стараясь не выпускать ее из виду. Кэтрин ускорила шаг и нырнула в лес. Дора побежала. Кэтрин и впрямь выглядит совсем странно. Конечно, не ее это, Доры, дело. Однако она встревожилась и хотела удостовериться, что все в порядке.

В лесу-то она начала ее нагонять. Тропинка была завалена прутьями и ветками, сломанными бурей. Кэтрин впереди спотыкалась. Потом она тяжело упала, а когда поднялась, подоспела Дора.

— Кэтрин, подождите меня! У вас все в порядке?

Кэтрин была одета в старомодное платье для тенниса, теперь оно было в грязных пометинах от ее падения. Она пригладила платье и пошла помедленнее, не обращая внимания на Дору. Похоже, она плакала. Дора, которая не могла идти с ней рядом по узенькой тропинке, шла следом, теребила за плечо и спрашивала, все ли у нее в порядке.

Спустя несколько минут Кэтрин, отмахнувшись от Доры, приостановилась и, повернувшись вполоборота, сказала:

— У меня все в порядке, когда я одна.

Лицо у нее было странное, глаза широко распахнуты.

— Мне так жаль, — сказала Дора, не зная, оставить ее в покое или нет.

— Вот видите, — сказала Кэтрин, — это все из-за меня. А вы и не знали, да? Это был знак.

Она пошла дальше.

Дора, глядя ей в лицо, думала: Кэтрин сошла с ума. Мысль эта сразу стукнула ей в голову, когда ее грубо отпихнули в сторону, но тогда она показалась слишком фантастической, чтобы брать ее в расчет. Накануне-то Кэтрин казалась совершенно нормальной. Ни с того ни с сего люди с ума не сходят. Дора, никогда с сумасшедшими не сталкивавшаяся, стояла, похолодев от страха и ужаса, а белая фигурка Кэтрин тем временем исчезала на тропинке.

Когда она скрылась между деревьями, инстинкт стал подсказывать Доре: надо мчаться что есть мочи обратно в Корт, за помощью. Но она решила, что важнее бежать за Кэтрин и уговорить ее вернуться. В таком состоянии она может заблудиться в лесу, и ее не найдут. Не хотелось Доре и оказаться в дураках или наделать снова шума. Она, в конце концов, может и ошибаться относительно Кэтрин, а поднимать ложную тревогу, когда голова у всех и так кругом идет, будет более чем некстати. Она кинулась дальше и вскоре увидела впереди белое платьице Кэтрин.

Тут Доре пришло в голову, что они вот-вот окажутся поблизости от амбара, а там, может быть, все еще Пол. Это придало ей сил, и она припустила вперед, не переставая звать Кэтрин. Кэтрин

внимания не обращала и, когда она во второй раз догнала ее, разговаривала, похоже, сама с собой. Глядя в это пылающее, обезумевшее лицо, Дора поняла, что инстинкт подсказывал ей правильное решение. Она схватилась за платье Кэтрин и принялась кричать Полу. Так они и вышли на поляну у амбара: Кэтрин, рвущаяся вперед, и Дора, с криками цепляющаяся за нее. Из амбара никто не откликался. Пол, должно быть, ушел — как впоследствии выяснилось, он вернулся в Корт по бетонной дороге звонить лондонскому коллеге. Дора с Кэтрин были в лесу одни.

Дора перестала кричать и сказала Кэтрин:

— Ну, пойдемте же домой, ну, пожалуйста.

Не оборачиваясь, Кэтрин оттолкнула Дору и ясным голосом сказала:

— Оставьте меня, Христа ради.

Дора, в которой наравне с тревогой начала потихоньку просыпаться злость, сказала:

— Знаете что, Кэтрин, кончайте эти глупости. Пойдете сейчас же со мной.

Кэтрин обернулась к ней, оскалясь вдруг в улыбке, которая напоминала ядовитые неувядающие улыбочки ее брата, и сказала Доре:

— Господь простер свою десницу. Белыми одеждами не скрыть порочного сердца, не войти во

врата. Прощайте.

Они уже миновали волнорез и добрались до того места, где тропинка была совсем близко к краю и со стороны озера ее подпирал высокий камыш. Полоса из тины и зеленых водорослей пролегала меж берегом и чистой водой. Кэтрин отвернулась от Доры и вошла в воду.

Она рванулась так быстро, устремившись прямо через камышовую изгородь, что Дора осталась стоять, разинув рот и глядя на то место, откуда та только что скрылась из виду. Из-за камышей доносилось шумное хлюпанье. Дора вскрикнула и тронулась следом. Без колебаний ринулась она через зелень, снова вскрикнула, почувствовав, как уходит из-под ног земля. Она почти по колено увязла в тине. Кэтрин сумела сделать еще пару шагов и была чуть поодаль. Почти неторопливо, как трусиха купальщица, приседала она в вязком месиве из водорослей и илистой воды, изо всех сил стараясь забраться подальше от берега. Она легла на бок, и плечико ее платья, все еще странно чистое и белое, виднелось над водой.

Дора окликнула Кэтрин, потом вновь закричала. Только кто услышит? Все так заняты и так далеко. Она потянулась вперед, пытаясь дотянуться до Кэтрин, потеряла равновесие и

шлепнулась туда, где было глубже. Вода захлестнула ей лицо. Яростно стараясь удержать голову наверху, она чувствовала, как скользкие водоросли тащат ее за конечности. Отчаянным усилием она все-таки подтянула под себя ноги и села в тину; вода доходила ей почти до горла. Впереди бултыхалась Кэтрин. Она теперь основательно погрузилась в воду — в нее, похоже, вцепились водоросли, и видно было, как их плети скачут вокруг одной из ее бьющих по воде рук. Дора потянулась вперед и ухватила-таки Кэтрин за руку, вновь и вновь повторяя ее имя, а потом завопила громко, пронзительно, что было мочи. Она попыталась потянуть Кэтрин на себя.

В следующий миг Дора обнаружила, что ее тащит вперед. Кэтрин, выдергивая свою руку, тянула ее за собой на глубину. Дора отпустила руку, но было уже поздно. Она была довольно далеко от берега. Ноги тщетно месили бездонную топь из водянистого ила и водорослей. Она колотила ладонями по воде, вопила и хлебала воду — голова запрокинута назад, руки наполовину запутаны в тине. Что-то темное распускалось перед ней на воде. Это были волосы Кэтрин. Как во сне видела Дора исчезающее в темной трясине плечико Кэтрин, широко раскрытые, закаченные

вверх глаза, распахнутый рот. Страх смерти обуял ее. Она отчаянно боролась, хватая ртом воздух, но водоросли держали ее, похоже затягивая вниз, и вода подступала к подбородку.

И тут она услышала далекий крик. Как в тумане увидела через гладь озера черную фигуру, стоявшую у стены на углу монастырской территории, которая оканчивалась чуть дальше влево на противоположном берегу. Дора в последних муках смертельного ужаса вновь крикнула. Она видела, что фигура эта начинает сбрасывать с себя одежду. В следующий миг раздался всплеск. Больше Дора ничего не видела, собственная ее борьба была на исходе. Вода хлынула в ее хвативший воздух рот, водоросли держали связанной внизу одну руку. Ноги все глубже месили липкий ил. Она издала стонущий крик отчаяния. Черный туннель, казалось, разверзается под ней и она медленно в него погружается.

— Перестаньте сопротивляться, — сказал хладнокровный голос. — Держитесь спокойно, и вас не будет затягивать глубже. Попытайтесь дышать медленно и ровно.

На уровне своего лица и странно близко Дора увидела покачивающуюся на воде голову — помальчишечьи коротко остриженную голову, со

свежим веснушчатым лицом и голубыми глазами. Дора уставилась на нее, видя ее с какой-то сумасшедшей ясностью, и в первый момент она действительно подумала, что это мальчик.

Дора перестала сопротивляться и, к своему удивлению, обнаружила, что ее не затягивает. Вода плескалась у края подбородка. Она попыталась дышать носом, но рот все равно раскрывался, испуганно хватая воздух. Замерев на мгновение, она с изумлением видела перед собой две головы на воде: круглую голову монахини, которая плыла в более чистой воде прямо за водорослями, осторожно пробираясь к Кэтрин, и поникшую голову Кэтрин — рот и одна щека уже покрылись водой, глаза остекленели. С такой же странной ясностью Дора заметила, что лицо у монахини почти сухое.

Монахиня что-то говорила Кэтрин и пыталась поддержать ее сзади и оттянуть из водорослей. Кэтрин не сопротивлялась. Она обмякла, словно была без сознания. Дора наблюдала. Кэтрин перевернули на спину, над водой поднялся ее подбородок, позади расплылись волосы, и монахиня запускала в них белую руку, чтобы покрепче ухватиться. Рябь докатилась до рта Доры, и она опять начала кричать. Борьба ее возобновилась

— дыхание пошло прерывистыми вздохами. И ее снова затягивало. Вода, похоже, лилась ей прямо внутрь, Дора начала задыхаться.

Теплая илистая вода поднималась по ее щеке. И тут она услышала голоса, две сильные руки подхватили ее сзади, приподняли под мышки. Чуть высунувшись из воды и оглянувшись, она, все еще барахтаясь и хватая ртом воздух, увидела прямо над собой лицо Марка Стрэффорда. Он тащил ее к берегу, сам глубоко по пояс в тине. Там ее подхватили другие руки. Она без сил валялась на земле, вода бежала у нее изо рта. Крики продолжались, и, присев через минуту, она увидела Джеймса и Марка — они отчаянно старались выбраться и, умудряясь каким-то образом шагать по этой трясине, держали между собой на весу Кэтрин. С берега цепочкой заходила подмога — вытаскивать их всех на сушу. Где-то с полдюжины людей хлюпало теперь по илистому краю берега. Вдалеке покачивалась на воде голова монахини. Она сдала Кэтрин с рук на руки и подалась обратно, в чистую воду. Она что-то прокричала и поплыла вкруговую к волнорезу.

Дора снова рухнула лицом в траву. Она кашляла, отплевывалась и тихо, облегченно стонала. Кто-то спрашивал, все ли у нее в порядке, но она

была еще в ином мире. Она слушала и не понимала, что может ответить — так она была изумлена, обнаружив, что жива. Кто-то вдруг склонился над ней и начал ритмично надавливать на спину. В горле у Доры заклокотало, и она села прямо. Голова закружилась, она закрыла глаза, но сидеть осталась, опираясь на одну руку.

— С ней все о'кей, — сказал Марк Стрэффорд.

Он переключил свое внимание на Кэтрин, но кто-то уже делал ей искусственное дыхание. Когда Дора стала смотреть, Кэтрин со стоном перекатывалась, отталкивая своего спасителя, потом тоже села. Глаза у нее были пустые, белое платье прозрачно облегало тело, длинные мокрые волосы стекали по груди. Она озиралась.

Вперед устремилась донельзя чудная фигура. Дора ошалело уставилась на нее: коротковолосая женщина, явно до пояса голая, а книзу от пояса — в черном. Потом только Дора поняла: это же монахиня в исподнем. Монахиня склонилась над Кэтрин, спрашивая, как та, а затем с улыбкой повернулась к Доре. Она ничуть не смущалась и с вежливым кивком приняла пальто, которое протягивала ей миссис Марк. По виду молодая женщина. Ее веснушчатое лицо было по-прежнему почти сухим.

— Это матушка Клер, — сказал Марк. — Похоже, вам все-таки на роду было написано встретиться.

Кэтрин поднялась на колени и глядела по сторонам, словно искала кого-то. Тут из лесу донеслись еще голоса, и появилось еще несколько человек — с вопросами и криками изумления. Был среди них и Майкл.

То была поистине странная сцена: большинство мужчин по пояс в грязи, две полуутопленницы, матушка Клер, накидывающая пальто на плечи. Майкл глядел на эту сцену с лицом человека, уже поимевшего достаточно сюрпризов и чувствующего, что этот должен быть последним. Но он был не последним.

Когда он прошел в середину этой группы и начал что-то говорить, Кэтрин, шатаясь, встала на ноги. И пошла на него, чудная донельзя — в длинных космах черных волос, рот приоткрыт. Все смолкли. И тут она со стоном кинулась к Майклу. Какое-то мгновение казалось, будто она собирается напасть на него. Но вместо этого она обвила руками его шею и прильнула к нему всем телом. Головой она уткнулась ему в куртку и с безумной нежностью все повторяла и повторяла его имя. Руки Майкла невольно заключили ее в объятия.

Над ее склоненной, припавшей к нему головой видно было его лицо, вытянувшееся от изумления и ужаса.

Глава 24

Пол платил таксисту. Несколько мгновений он высчитывал причитавшиеся чаевые. Они прошли на станцию. Пол купил утренние газеты. Как всегда, они приехали задолго до прихода поезда. Сели рядом на платформе, Пол читал газеты, Дора смотрела вдаль, за железную дорогу. Солнце озаряло желтовато-горчичное поле, а над низким горизонтом в зеленой кайме деревьев стояла дымка. Было снова солнечно, но прохладно; пыльные миражи позднего лета уступали место золотым красотам осени, в которых больше резкости и мучительной эфемерности.

Остаток предыдущего дня Дора провела в постели. Все были очень добры к ней, все, кроме Пола, естественно. Но главной заботой была Кэтрин. Возвращенная в Корт, она целый день оставалась в совершенном беспамятстве. Вызвали доктора. Прописав успокоительное, он покачал головой, упомянул о шизофрении и обмолвился про клинику в Лондоне. Поздно вечером, после всяческих споров и колебаний, были сделаны все приготовления для того, чтобы отправить Кэтрин как можно раньше.

Пол, который и сам пребывал в состоянии, недалеком от шизофренического, разрывался между колоколом, изучая его, и женой — попрекая ее. По счастью, колокол отнял большую часть его времени; и рано поутру, после длительного телефонного разговора с кем-то из Британского музея, он решил ехать в Лондон десятичасовым поездом. Из-за этой спешки времени на сборы не оставалось, и было решено, что Дора поедет на следующий день, прихватив багаж. Чемодан побольше, забитый блокнотами Пола, отправлялся вместе с ним. Дора же должна была довольствоваться оберточной бумагой и веревкой да взять такси от Паддингтона, если понадобится. Сам колокол, старый колокол, тоже ехал в Лондон, контейнером, для обследования экспертами.

Краешком глаза Дора увидела, что в газете есть что-то про Имбер. Видеть этого ей не хотелось. Она пристально смотрела вперед, на горчичное поле. Пол же читал с жадностью.

Немного погодя, протянув ей газету, он сказал:

— Прочти это.

Дора с минуту невидящим взглядом смотрела в нее, потом сказала:

— Да, вижу.

— Нет, ты прочти как следует. Каждое слово

прочти. — Пол продолжал держать перед ней газету.

Дора начала читать. В статье, озаглавленной «ВДАЛИ ОТ ШУМНОЙ ТОЛПЫ», было написано следующее:

«Немного найдется дней в истории каких-либо религиозных общин, которые были бы так богаты событиями, как последние сутки в Имбер-Корте, пристанище англиканской светской общины, запрятанной в дебрях Глостершира. Событием номер один стало обнаружение двумя гостями общины старинного резного колокола, который много веков пролежал на дне живописного озера, окружающего дом. Колокол этот якобы собственность близлежащего Имберского монастыря, англиканско-бенедиктинской обители, которая, по странному стечению обстоятельств, должна была вот-вот установить современный колокол. По слухам, старинный колокол должен был «чудом» подменить современный на затейливой церемонии его крещения вне стен монастыря. Чуда, однако, не произошло, и вот вместо этого не посвященным в тайну поднесен был другой сюрприз (событие номер два) — трезвон колокола в глубокой ночи, призывающий их на сборище в лесу, которое напоминало скорее шабаш ведьм,

чем строгий обряд англиканской церкви.

Сюрпризы поджидали и дальше. Следующий день, пятница, начался торжественно — без всяких ведьм. Благословленный епископом в митре, новый колокол медленно шествовал себе по живописной дамбе, которая пролегала через Имберское озеро, к воротам женского монастыря. Событие номер три произошло с театральной внезапностью, на полпути через дамбу. Колокол вдруг опрокинулся в озеро и бесследно исчез под водой. В ходе последующего расследования было сделано предположение, что беда случилась не из-за несчастного случая, а из-за диверсии, и подозрение пало на одного из братьев.

Однако, едва только заварилась кутерьма вокруг этой тайны, как последовало событие — или катастрофа — номер четыре. Один из братьев общины, на сей раз сестра — братство-то принимает оба пола — та, что вскоре и сама должна была податься через имберскую дамбу в монашество, повредилась умом и бросилась в озеро. К счастью, она осталась цела и невредима — ее спасла мисс Дора Гринфилд, гостья общины, при помощи монашенки, любительницы водного спорта, которая, скинув с себя рясу и нырнув в исподнем в воду, дала возможность полюбоваться

совершенно уникальным зрелищем. Неудачливой претендентке в самоубийцы оказывается медицинская помощь.

Имберское братство, замыслившее предоставить мирянам блага религиозной жизни, оставаясь при этом в миру, существует менее года. Когда оно не занято религиозными обрядами, оно возделывает свой сад. С чего бы вдруг разыграться этой драме? Представитель, тесно связанный с общиной, упоминал о расколе и личных неладах, но члены братии отнюдь не горели желанием объясняться и заверяли нас, что жизнь в Имбере обычно мирная.

Братство — самоуправляемое общество, не подчиненное никаким определенным церковным властям. Обетов безбрачия и бедности они не дают. Кто же их поддерживает? Добровольные пожертвователи. Обращение за пожертвованиями вскоре должно распространяться, а за ним последует и приток братьев и сестер. Занимает община очаровательный дом XVIII века в обширном парке».

— Ну, все прочла?

— Да.

— Радует тебя то, чего ты добилась?

— Не очень.

— Не очень? Ты хочешь сказать, что тебя это все же сколько-то радует?

— Меня это вовсе не радует.

— Надеюсь, ты хоть понимаешь, что причинила непоправимый вред этим прекрасным людям?

— Да.

— Чья это была идея? Гэша? Или Спенса?

— Моя.

— И ты продолжаешь утверждать, будто не имеешь никакого отношения к тому, что случилось с новым колоколом?

— Никакого.

— Интересно — и что я задаю тебе вопросы! Ведь я все равно ни одному твоему слову не верю.

— Ох, Пол, ну прекрати же… — Глаза у Доры наполнились невыплаканными слезами.

— Понять тебя не могу. Я уж начинаю сомневаться: а здорова ли ты психически? Может, тебе показаться психиатру в Лондоне?

— Не буду я показываться психиатру.

— Будешь как миленькая, если я так решу.

Отдаленный шум поезда прокатился по неподвижному воздуху. Они разом повернулись и посмотрели на путь. Показался поезд, он был еще далеко. Пол встал, поднял чемодан и подошел к краю платформы.

На дворе станции началась суматоха. Дора обернулась и увидела только что подъехавший «лендровер». Из него высыпали Марк Стрэффорд, миссис Марк, сестра Урсула, Кэтрин и Тоби. По станции загромыхал поезд.

Пол был занят тем, что выискивал в первом классе пустое купе поближе к выходу с угловым местечком по ходу движения. Миссис Марк поторапливала Кэтрин, выходя прямо на платформу, за ними следовала сестра Урсула. Марк с Тоби пошли в билетную кассу. Миссис Марк увидела Дору и направила Кэтрин в противоположную сторону. Марк пошел за женой, дал ей билеты. Появился Тоби, увидел Дору, отвел глаза, оглянулся и как-то нерешительно помахал ей рукой, затем сел один в ближайший вагон. Марк и миссис Марк потратили некоторое время на поиски подходящего вагона для Кэтрин. Нашли такой, миссис Марк втолкнула Кэтрин и взобралась сама. Они захлопнули дверь, и сестра Урсула, стоя на платформе, с улыбкой разговаривала с ними через окошко. Марк вернулся поглядеть, где Тоби, нашел его, приоткрыл дверь и, стоя одной ногой на наружной площадке, разговаривал с ним.

Пол убрал свои вещи, открыл окно и, высунувшись, неодобрительно глядел на Дору.

— Завтра около трех ты должна быть на Найтсбридже. Я буду ждать тебя дома.

— Хорошо.

— Ты поняла все мои указания относительно упаковки?

— Да.

— Ладно, до свидания. Не буду разыгрывать фарс, целуя тебя.

— Ох, Пол, не будь таким противным. — Слезы потекли у Доры по щекам. — Ну скажи мне что-нибудь хорошее, пока не уехал.

Пол смотрел на нее холодными глазами.

— Да, теперь ты хочешь, чтобы я утешал тебя — когда тебе плохо. А тогда, в марте, когда я пришел домой и обнаружил, что ты от меня ушла, — кто меня утешал, а? Вот и подумай об этом. И нечего меня лапать. Я в данный момент не испытываю к тебе сексуального влечения. Я уж сомневаюсь: появится ли оно теперь вообще.

— Закройте все двери, пожалуйста, — прокричал носильщик, как бы возникший из далекого мира Паддингтонского вокзала.

Марк отступил назад, захлопнул дверь и стоял, громко смеясь тому, что только что сказал Тоби.

— Пол, ну прости меня…

— Вот уж этого совсем недостаточно. Советую

тебе хорошенько подумать — если ты, конечно, способна на это. — Пол порылся в бумажнике. — Вот здесь кое-что, над чем ты могла бы задуматься. На — и верни мне это в Лондоне, я всегда ношу это при себе.

Пол протянул ей конверт. Дали свисток. Поезд тронулся.

Пол сразу поднял окно и скрылся. Дора стояла и смотрела на поезд. Увидела Тоби — он сидел, зажавшись в угол, лицо скривившееся, тревожное. Когда вагон проходил мимо, она ему помахала, но он притворился, будто не видит. Кэтрин и миссис Марк были в одном из последних вагонов, и поезд уже набрал скорость, когда они подъехали к Доре. Миссис Марк глядела на Кэтрин. Кэтрин глянула на Дору — торопливый, всматривающийся, неулыбчивый взгляд почти смеженных глаз. Потом она исчезла.

Дора повернула к выходу. Марк с сестрой Урсулой как раз подходили обратно к залу с кассой. Перед тем как скрыться, они обернулись и уклончиво улыбнулись ей, явно не зная, звать ее с собой или нет. Они вышли, и Дора услышала, как завелся мотор «лендровера». Он тихо урчал на холостом ходу. Они, вероятно, ждали, пока она выйдет.

Дора снова села на скамью и бессмысленно уставилась на желтовато-горчичное поле, бледное жнивье и темные деревья вдали. Дымка уже редела. Мотор продолжал работать вхолостую. Затем тон стал выше, и Дора услышала, как скрипнули колеса «лендровера» по гравию — это Марк Стрэффорд резко вывернул машину. Она погромыхала вдаль — за ворота и вниз по дороге.

Дора поднялась и пошла с перрона.

Станция была прямо за деревней, на стороне Корта. По полю вилась дорожка, обнесенная высокой, переросшей зеленой изгородью, и через четверть мили от нее отходила тропинка в Корт. Дора подумала, не перебраться ли ей через полотно и не отправиться ли в деревню. Но смысла в этом не было — кабачки-то пока закрыты. Она свернула в темный туннель дорожки. Шум поезда и машины замер вдали. Она шагала под тихое журчание — должно быть, от скрытого в канаве крохотного ручейка. Шла вперед, сунув руки в карманы.

Рука ее наткнулась на конверт, который дал ей Пол. Она опасливо вытащила его. Наверняка что-нибудь неприятное. Она открыла его.

В конверте было два коротеньких письмеца, оба писала она сама. Одно, помеченное, как она

видела, первыми днями их помолвки, гласило:

«Милый-милый Пол, как чудесно было прошлой ночью — и как невыносимо больно уходить от тебя. Я лежу, не сплю и схожу по тебе с ума. Не могу дождаться вечера, так что заброшу тебе это в библиотеку. Уходить от тебя — мука, зато как чудесно думать, что скоро-скоро мы будем совсем вместе. Мечтающая всегда быть с тобой, милый мой Пол, вечно-вечно любящая тебя Дора».

Дора внимательно прочла это послание, затем посмотрела на другое, которое гласило:

«Пол, я больше не могу. Все было так ужасно в последнее время — и для тебя ужасно, я же знаю. Так что я ухожу — ухожу от тебя. Остаться не могу, и ты прекрасно знаешь почему. Знаю, я тварь и сама во всем виновата, но терпеть больше нет сил, и остаться не могу. Прости за бессвязную записку. Когда ты возьмешь ее в руки, меня уже не будет. Не пытайся меня вернуть и не беспокойся о вещах, которые я оставила, — все необходимое я взяла. Дора.

P. S. Потом я еще напишу, только сказать мне больше нечего».

Это была записка, которую Дора оставила на Найтс-бридже в тот день, когда уходила. Потрясенная, она перечитала оба письма, сложила и

пошла дальше. Так Пол всегда носит их в своем бумажнике и хочет получить обратно, чтобы носить и дальше. Тем хуже для него. Дора разорвала письма на мелкие клочки и разбросала их по обочине живой изгороди.

Глава 25

После событий предыдущего утра Майкл был занят. Он вызвал доктора к Кэтрин, беседовал с ним и до и после осмотра, и когда тот заглянул вторично. Провел вместе с Маргарет Стрэффорд некоторое время у постели Кэтрин. Поговорил с епископом и проводил его с достоинством, какое только возможно было при таких обстоятельствах. Обследовал вместе с Питером деревянную секцию дамбы и обнаружил, что две из свай были подпилены чуть ниже уровня воды. Связался по телефону с фирмой подрядчиков, которая согласилась немедленно приехать, восстановить дамбу и вытащить колокол из озера. Побеседовал с мастером, приехавшим с докучливой расторопностью. Ответил не меньше чем на двадцать телефонных звонков от представителей прессы, поговорил с полудюжиной журналистов и фоторепортеров, которые прибыли на место. Навестил Дору. Принимал решения относительно Кэтрин.

И о чем бы в течение этого дня Майкл ни думал, он думал о Кэтрин. Откровение, явленное ему у озера, удивило его так сильно, что до сих пор у него в голове все не укладывалось. До сих пор,

вспоминая ту сцену, он в ужасе содрогался, изумление и жалость переполняли его. Было, помимо его воли, в этой реакции и отвращение. Его всего передергивало, когда он вспоминал объятия Кэтрин. В то же время он корил себя, переживая, что не догадывался или не пытался догадаться о том, что на самом деле происходит у Кэтрин на душе, и что теперь, когда это несколько прояснилось, сделать он почти ничего не может. Свою мысль о ней он старался обратить в непрестанную молитву.

В том, что Кэтрин любила и любит его, в любом случае было нечто противное природе. Майкл не знал, как это для себя определить, обычные слова тут, казалось, совсем не подходят. Он говорил себе — только почувствовать не мог, — отчего бы, собственно говоря, Кэтрин не привязаться к нему так же, как к любому другому, говорил и что привязанность эта, хоть и неуместная, означает честь быть избранным. Он не был уверен: хуже будет или лучше, если предположить, что, раз уж Кэтрин оказалась душевнобольной, любовь ее становится как бы недействительной.

Теперешнее ее состояние и впрямь внушало глубокие опасения. Днем она частью спала. Остальное время лежала в постели, плакала, об-

ращалась — вне зависимости от его присутствия — к Майклу, кляла себя за разные преступления, которых, возможно, и не было, бредила о колоколе. Ник, которого известили Стрэффорды, пришел к ней вскоре после того, как ее принесли. Там был доктор, и ему пришлось подождать. Когда его впустили, он безмолвно сел рядом с сестрой и сидел, держа ее за руку с ошеломленным, убитым лицом, не находя, что сказать. Она же почти автоматически цеплялась то за его руку, то за рукав, но прямым вниманием не выделяла, обращаясь к нему только с немногими своими здравыми замечаниями, когда просила открыть или закрыть окно или принести подушку. Наверно, он был настолько частью ее самой, что не мог быть ей в то же время опорой или угрозой. Он провел с ней почти весь день, отлучаясь, лишь когда она спала или когда ее навещал кто-нибудь еще — тогда бродил в одиночестве по саду. Выглядел он сильно удрученным, но ни с кем не разговаривал, да ни у кого и времени-то не было в сутолоке этого безумного дня поговорить с ним. Майкл несколько раз проходил мимо и в первый раз выдавил из себя какие-то слова соболезнования. Говорить с Ником было страшно — Кэтрин, казалось, лежала между ними, как труп. Ник в ответ на слова

Майкла кивнул и пошел своей дорогой.

Только поздно ночью были наконец закончены все приготовления к отправке Кэтрин в Лондон. Миссис Марк должна была ехать вместе с ней и погостить у живших поблизости друзей, чтобы ежедневно, если это сочтут желательным, навещать ее в клинике. Она обещала звонить в Имбер, как только появятся какие-то новости. Когда выяснилось, что Кэтрин действительно лучше уехать, у Майкла малодушно отлегло от сердца. Он сейчас больше чего бы то ни было хотел, чтобы Кэтрин могла уехать и чтобы за ней ухаживали где-нибудь в другом месте. Ее присутствие рядом вселяло в него страх и чувство вины, смутное, угрожающее — точно не оглашенный еще обвинительный акт.

Изнеможенно рухнув в постель, Майкл скоро обнаружил и другие причины, гнавшие сон. На следующее утро Имбер будут склонять газетные заголовки. Как бы ни была подана эта история, Майкл не обольщался иллюзиями относительно того, чем обернется она для общины. После такого катастрофического поворота событий обращаться за денежной помощью в ближайшем будущем просто невозможно. Не рухнуло ли все предприятие в целом — этим вопросом Май-

кл старался не задаваться. Время покажет, что можно спасти, и Майкл не терял надежды. Что более всего занимало его теперь — настолько, что он даже умудрился отодвинуть несколько в сторону неотступную мысль о Кэтрин, — так это неотступная мысль о Нике.

Питер Топглас первым заподозрил, что падение колокола в озеро было не случайным. Он все сам осмотрел, затем обратил внимание Майкла на то, каким образом повреждены деревянные опоры. Майкл с Питером ни с кем своим открытием не делились, но репортеры, похоже, каким-то образом пронюхали про это. Майкл был изумлен тем, что показал ему Питер, и, едва убедившись, что все действительно произошло не случайно, уже знал наверняка, кто за это в ответе. Он даже смутно, благодаря интуиции, сопутствовавшей его теперешнему шоковому состоянию, догадывался о мотивах Ника. Если Ник хотел воспрепятствовать призванию сестры, он преуспел в этом, вероятно, куда больше, чем предполагал.

Мысль о Нике, раз уж она завладела им, начала поглощать его сознание; и часов около трех ночи он едва не встал, чтобы отправиться в сторожку. Он решил увидеться с Ником в самом начале следующего дня. С некоторым облегчением, которое

на подсознательном уровне было скорее удовольствием, он чувствовал, что несчастья последних дней как бы проложили меж ним и Ником тропу. Временами ему едва ли не чудилось, что несчастья эти для того и задуманы были. Дарованная ему теперь возможность считать Ника разом и преступником, и страдальцем делала просто необходимым разрушение барьера между ними. Молясь теперь за него, Майкл вновь испытывал то трудноуловимое чувство, будто их обоих не отпускает Господь, будто каким-то непостижимым образом Он переплетает нити их участия друг к другу. Теперь Майкл знал: он должен поговорить с Ником. В такой отчаянной ситуации он должен сполна сыграть роль того, кем и был на самом деле, — единственного друга Ника в Имбере. Вреда от этого — после всего столь ужасного — не будет, простая обязанность откровенно и напрямик поговорить с Ником наконец-то вменяется ему. Майкл с беспокойством спрашивал себя: а не вменялась ли и раньше ему эта обязанность, не закрывал ли он на нее глаза, но оставлял этот вопрос без ответа, и, внезапно обретя покой, с чувством облегчения и явной радости при мысли о том, что будет говорить завтра с Ником, он сладко уснул.

Следующее утро открылось по полной программе забот и треволнений. Майкл оставил отправку Кэтрин на Стрэффордов, при помощи Джеймса, а сам тем временем расправлялся с продолжавшимися телефонными звонками, один был и от епископа — тот читал в это время утренние газеты и горел желанием, чтобы Майкл составил письмо для «Таймс» для опровержения столь явно извращенных фактов. Было уже около одиннадцати, когда Майкл смог на минутку оторваться от дел. Почувствовав, что наконец-то можно уйти, он вышел из конторы, спустился по ступенькам на площадку. Ник вместе с Кэтрин ехать отказался. Но Маргарет Стрэффорд особо и не настаивала, поскольку держалась мнения, что Кэтрин в эту пору лучше будет без брата; да он и сам довольно-таки туманно объявил, что вскоре последует за ней. Майкл предполагал застать его в сторожке — по всей вероятности, в компании с бутылкой виски. Он не представлял себе, чтобы у Ника достало решимости, да и попросту сил, для того, чтобы организовать скорый отъезд из Имбера.

Выйдя на площадку и увидев, каким голубым еще раз стало небо, как приветлив и ярок солнечный свет, он почувствовал, как затеплилась

в нем надежда: ужасы, через которые все они прошли, растают, померкнут. Может, все еще и будет к лучшему. И когда нашло на него это чувство надежды, целительного провидения, он без огорчения или дурного предчувствия узнал его — оно всегда труднообъяснимым образом примешивалось к его старой-престарой любви к Нику, к острой радости вновь очутиться на пути, который ведет к нему.

— Эй, Майкл, погодите минутку, — раздался позади голос Марка Стрэффорда.

Майкл остановился, оглянулся и увидел Марка, который свешивался к нему с балкона.

— Джеймс хочет вас видеть, — сказал Марк, — он у себя в конторе.

Майкл повернул обратно. Особого желания видеться с Джеймсом у него сейчас не было, но он почти автоматически первоочередным делом признал зов Джеймса. Все прочее уже казалось ему потаканием собственным желаньям и в конечном счете частью его личных забот. Он пошел обратно, вверх по ступеням. Взбираясь по лестнице к конторе Джеймса, Майкл думал о том, как не похоже это на Джеймса — вызывать его таким вот образом. Когда Джеймс хотел его видеть, он обычно сам разыскивал его и, где бы ни находил,

при всех излагал свое дело. Майкл подошел к двери, постучал и вошел.

Комната была небольшая и почти совсем пустая. Конторкой Джеймсу служил расшатанный дубовый стол во многих зазубринах, по обе стороны которого стояло по парусиновому садовому стульчику. Письма и бумаги горой лежали в ящиках на полу. Позади стола на стене висело распятие. Пол был некрашеный и ничем не покрытый, потолок — в паутине трещин. Звонкий осенний солнечный свет подчеркивал обилие пыли.

Когда Майкл вошел, Джеймс стоял позади стола и ерошил темные всклокоченные волосы. Майкл сел напротив него, Джеймс плюхнулся в свой парусиновый стульчик, тот охнул и провис.

— Кэтрин отправили нормально? — спросил Майкл.

— Да.

Джеймс старался не смотреть Майклу в глаза и перекладывал что-то с места на место на столе.

— Вы хотели меня видеть, Джеймс? — спросил Майкл. Он был поглощен своими мыслями и спешил.

— Да. — Джеймс помолчал, переложил все на прежнее место. — Простите меня, Майкл, это

очень трудно.

— В чем дело? У вас такой расстроенный вид. Что-нибудь еще случилось?

— И да и нет. Послушайте, Майкл, я говорить обиняками не умею, да вы бы и сами этого не захотели. Тоби все рассказал мне.

Майкл глянул в окно. Опять у него это странное ощущение *deja vu*. Где прежде все это уже случалось? В наступившем молчании мир, похоже, давал вокруг него слабую трещину — с виду он еще не менялся, но готов был вот-вот разлететься на куски. Беда постигается не сразу.

— И что же он рассказал?

— Ну, вы же знаете, что произошло между вами. Прошу простить меня.

Майкл глянул на распятие. Он еще не мог заставить себя смотреть на Джеймса. Глухое раздражение, странно сопутствовавшее ощущению полного краха, удерживало его в состоянии спокойствия и здравого смысла. Он сказал:

— Почти ничего не произошло.

— Это с какой стороны посмотреть, — сказал Джеймс.

В осенней дали прогремел ружейный выстрел. Мысли Майкла изумленно вернулись к Пэтчуэю и голубям. Тот, реальный мир был теперь так

далек. Он подумал: есть ли смысл давать Джеймсу свою версию этой истории? Решил, что нет. Оправдания и объяснения будут тут неуместными, к тому же у него и нет оправданий. Он сказал:

— Ладно. Теперь вы узнали обо мне кое-что, не так ли, Джеймс?

— Мне очень жаль, — сказал Джеймс и снова начал перекладывать все на столе, разглядывая то и дело свою руку.

Теперь Майкл глянул на Джеймса. Несмотря на свою комнату-келью, славный Джеймс на роль Главного Инквизитора явно не годился. Любой на его месте извлек бы для себя из этой сцены некую толику удовлетворения или интереса. Но не Джеймс. Наблюдая за проявлениями его боли, его страдания, за нервозными его движениями, Майкл на миг представил себе, каким он должен видеться Джеймсу: чудовищность преступления и отвратительные противоестественные наклонности, которые оно обнажает. Джеймс, конечно, прав. Многое произошло.

— И когда же Тоби вам исповедовался? — сказал Майкл. Он старался успокоиться, думать о Тоби, а не о себе. Думать о своей жертве.

— Позапрошлой ночью. Он пришел ко мне в

комнату после одиннадцати. Он бродил под дождем, был ужасно расстроен. Мы проговорили с ним много часов кряду. Он рассказал мне все и о затее с колоколом — я имею в виду тот, другой колокол, — и о том, как они все спланировали с Дорой, и о том, как вытаскивали колокол из озера. Но до этого мы добрались только к самому утру. Столько времени проговорили мы о вас.

— Как это мило с вашей стороны, — сказал Майкл. Раздражение его мало-помалу обретало почву. — И что же вы сказали Тоби?

— Я был с ним достаточно серьезен, — сказал Джеймс. Он искоса глянул на Майкла. Короткая вспышка враждебности мелькнула меж ними в воздухе и погасла. — Я думал, что он вел себя глупо, даже в каком-то смысле дурно, — и по отношению к вам, и по отношению к Доре, так я ему прямо и сказал. В конце концов он и сам чувствовал, что это дурно — раз уж решился на такой довольно-таки крутой шаг, как исповедь, и должен сказать, это было самое разумное и замечательное, что он мог сделать. Потому и отнестись к этому следовало со всей серьезностью, подобающей случаю. Иначе не было бы толку.

— И где же сейчас Тоби?

— Я отправил его домой.

Майкл вскочил со стула. Ему хотелось крикнуть, стукнуть кулаком по столу. Он спокойно сказал Джеймсу:

— Ну и глупец же вы.

Он подошел к окну и стал смотреть наружу.

— Когда он уехал?

— Он уехал сегодня утром. Я отправил его с первым поездом. Машина с Кэтрин подобрала его у сторожки. Извините, что не смог обговорить с вами все вчера, но тут столько всего навалилось. Я должен был принять решение. И я решил, что лучше ему с вами не видеться больше. Он явно чувствовал, дело это — ну, вы знаете — грязное и нечистое. Он попытался очиститься — хотя бы перед самим собой — тем, что рассказал обо всем. И я подумал, что лучше ему уехать, пока он чувствует, так сказать, что в какой-то мере он вернул себе невинность. Останься он и поговори с вами, он бы снова упал в эту грязь — если вы понимаете, что я имею в виду.

Майкл барабанил пальцами по окну. По-своему Джеймс прав. Но сердце у него страшно болело за Тоби — ведь его отправили отсюда, взвалив ему на плечи его несовершенства, обременив виной, втянув — благодаря напущенной Джеймсом суровости — в механизм греха и покаяния,

с которым ему, может, и обращаться-то не дано. Как это типично для Джеймса — делать что-то простое и достойное и в то же время чертовски безмозглое. Отправив Тоби домой, он запечатлел в его душе все случившееся как нечто ужасающее. Да любой иной выход из положения был бы предпочтительнее. В то же время, думая о том, что он бы дорого дал за возможность на свой лад окончить эту драму, он вовсе не был уверен, что его способ оказался бы лучшим.

— Отчего же я глупец? — спросил Джеймс.

— Не было никакой нужды напускать эту чертову суровость, — сказал Майкл. — Настоящая-то вина на мне. Отправив Тоби домой, вы заставили его чувствовать себя преступником и обратили все происшедшее в страшную катастрофу.

— Не понимаю, отчего бы ему не нести полную меру ответственности, — сказал Джеймс. — Он ведь уже не маленький.

Майкл глянул в окно на великолепную аллею, ведущую к сторожке. И сказал:

— Интересно, почему это ему взбрело в голову идти к вам с исповедью?

— А почему бы и нет? Он был очень обеспокоен. Думаю, натолкнуло его на эту мысль кое-что, сказанное Ником Фоли. Видимо, Ник знал об этом, он

пристыдил Тоби и сказал, что тот должен пойти и во всем сознаться. На мой взгляд, это первое разумное дело, которое сделал Ник со дня своего приезда в Имбер.

Майкл продолжал барабанить по стеклу. От слепящего блеска озера у него защипало в глазах. Он повел головой вперед, потом назад, словно помогая своему сознанию вобрать в себя то, что он только что услышал. Он был сражен и говорить не мог. «Так Ник знал об этом». Месть его не могла быть более совершенной. Соблазнить Тоби — это было бы грубо. Вместо этого Ник заставил Тоби сыграть ту же роль, которую сыграл сам тринадцать лет назад. Тоби действительно был его дублером. Майкл надеялся спасти Ника. А Ник просто погубил его во второй раз — и в точности тем же способом.

Майкл повернулся к конторке и посмотрел сверху на Джеймса, который опять принялся ерошить волосы.

— Да, похоже на то, — сказал он Джеймсу. — Прошу меня простить, если сказал что со зла. Уверяю вас, я считаю себя во всем виноватым. И нет смысла сейчас вдаваться в это. Конечно, я сложу с себя все полномочия — или как там это делается — и уеду из Имбера.

Джеймс начал было возражать.

Тут раздался сильный стук в дверь, и вошел Марк Стрэффорд. Бледный, расстроенный, он испуганно выглядывал из своей бородки.

— Простите, что вламываюсь так. Я был у переправы и слышал в сторожке какой-то непонятный шум. Думаю, это Мерфи, только он как-то очень странно воет. Уж не случилось ли там чего?

Майкл отпихнул его и, перемахивая через три ступеньки разом, слетел с лестницы. Едва касаясь земли, миновал площадку и побежал по тропинке к переправе, в полнейшей панике шумно хватая ртом воздух. Позади слышался дробный топот Марка с Джеймсом. Он добрался до переправы намного раньше их, прыгнул в лодку и отчалил один. Переправа, похоже, займет уйму времени — лодка катилась лениво, тычась носом то вправо, то влево, поскольку вперед ее толкало всего лишь одно весло, и, когда Майкл яростно вонзал его в воду, его подернутым пеленой глазам виделись мерцающие, словно в зеркале, фигуры Джеймса и Марка, которые остались позади на пристани. Он добрался до противоположного берега, выпрыгнул, и лодка тут же умчалась, с силой утянутая обратно к дому.

Майкл, спотыкаясь, побежал по траве, по-преж-

нему хватая ртом воздух. До чего же далеко еще сторожка… Теперь он уже совершенно отчетливо слышал непрерывный вой Мерфи. Вой был жуткий. Он побежал быстрее, но у деревьев вынужден был перейти на шаг. Дыхание не налаживалось. Скрючившись от мучительного страха, он едва не падал. Последние сто ярдов он еле плелся.

И вот он почти у сторожки. Дверь открыта. Майкл окликнул Ника. Ответа не было. Прямо перед дверью он остановился. В проеме что-то лежало. Глянул пристальнее и увидел, что это протянутая рука. Майкл переступил порог.

Ник застрелился. Разрядил дробовик себе в голову. Чтобы бить наверняка — вложил дуло в рот. Дело он, несомненно, довел до конца. Майкл отвернул лицо и отступил назад. Стоявший над телом Мерфи, скуля, последовал за ним.

Джеймс с Марком бегом приближались по аллее. Майкл крикнул им:

— Ник покончил с собой.

Марк сразу остановился и рухнул в траву у обочины. Джеймс пошел дальше. Он заглянул в сторожку и вышел.

— Вы ступайте, звоните в полицию, — сказал Майкл. — Я останусь здесь.

Джеймс повернулся и пошел обратно к озеру. Марк поднялся и последовал за ним.

Майкл порывался пройти в дверь — и не мог. Он постоял немного, глядя на руку Ника. Руку эту он знал хорошо. Он отступил назад и сел в траву, прислонившись спиной к теплым камням стены. Он-то думал, что месть Ника не могла быть более совершенной. Он был не прав. Вот теперь она совершенна. Горячие слезы подступили к глазам, рот, дрожа, раскрылся.

Мерфи, тоже дрожа и поскуливая, стоял рядом и не спускал с него глаз. Он подошел к Майклу, и Майкл нежно погладил его. Перед глазами у него все померкло.

Глава 26

Минуло больше четырех недель, и в Имбере никого, кроме Доры и Майкла, не осталось. Стоял поздний октябрь. Тучи всевозможных тонов огромными полосами тянулись без конца по небу, и солнце временами пламенело на сплошной толще желтых или медно-красных деревьев. Дни стали холоднее, занимались обычно туманом, и вечная дымка лежала на поверхности озера.

Джеймс с настоятельницей распорядились всем очень быстро. Общину решено было распустить. Джеймс уехал обратно в Ист-Энд Лондона. Стрэффорды решили разделить судьбу общины ремесленников при монастыре в Камберленде. Питер Топглас, по настоятельной просьбе Майкла, присоединился к экспедиции натуралистов, которая как раз отправлялась на Фарерские острова. Пэтчуэй без лишних слов снова стал батрачить в близлежащем поместье. Майкл остался завершать дела с огородом, и Дора осталась с ним.

Маргарет Стрэффорд по-прежнему находилась в Лондоне с Кэтрин. Кэтрин получала курс лечения инсулином и все время была под воздей-

ствием наркотиков. Ей пока не говорили о смерти брата. Маргарет писала, что смысла приезжать к ней сейчас нет. Она даст знать Майклу, когда наступит улучшение и визит его будет желательным. А пока дела у Кэтрин идут неплохо. Врачи не теряют надежд на полное выздоровление. От инсулина она полнеет.

Дора, которая собиралась было уезжать, вдруг объявила с несвойственными ей достоинством и решительностью, что она останется, пока от нее будет хоть какая-то польза. Она невозмутимо относилась к частым, а теперь уже реже повторяющимся телефонным звонкам. Поначалу все были слишком расстроены и заняты и никто не предложил ей уехать, а потом она сделалась незаменимой. Она за чем-то бегала, что-то приносила, ездила на велосипеде в деревню с разными поручениями, безропотно мыла полы, вытирала пыль, прибирала в доме. Настало время, когда с постепенным отъездом остальных она начала делать и больше того. К той поре, когда они с Майклом остались одни, она уже и готовила, и занималась закупкой провизии, и исполняла секретарские обязанности. Выяснилось, что она сносно печатает на машинке, и под конец она взяла на себя всю текущую переписку, составляя

письма по формам, заготовленным Майклом.

Одни они оставались уже около двух недель. Питер уехал последним, и даже его отъезд был облегчением для Майкла. Что до остальных, то отношения с ними были безвозвратно испорчены и тягостны. Марк относился к нему с неуклюжей добротой, но не мог удержаться и не проявлять любопытства и снисходительности, Джеймс же тенью ходил за ним с видом такого отчаянного сострадания, что Майкл был просто рад за него, когда тот уехал. Хотя ни Джеймс, ни Марк не знали подробностей истории Майкла, воображение их сработало, да он и не в силах был скрыть от них бурных проявлений своего горя в дни, последовавшие за смертью Ника. Их странные взгляды показывали, что они сделали для себя кое-какие выводы, и ко времени их отъезда присутствие их стало для Майкла сущей пыткой. Дора же никоим образом не досаждала ему. Она была полезна, она ничего не знала, ни о чем не догадывалась и не осуждала.

Дора, раз уж она решила остаться, роль свою играла энергично, хотя и тогда позволила себе все же кое-какие выходки. Начало октября принесло на короткое время жаркую погоду, и Дора объявила, что намеревается научиться плавать. Пока

додумались остановить ее — присматривать за ней некогда, а одной забираться в воду нельзя, — она уже практически научилась сама. Она оказалась, когда занялась этим, прирожденной пловчихой и на воде держалась преспокойно. Питер, а позднее Майкл порой приходили поглядеть на ее старания и давали кое-какие советы, и она еще до того, как испортилась погода, освоила это искусство в совершенстве.

После отъезда Маргарет Марк Стрэффорд взялся за стряпню. Вскоре Дора, однако, вытеснила его с кухни и усердием возмещала нехватку дарования. Ее старания были оценены, и она явно наслаждалась тем, что делала. Но дни полного блаженства наступили для Доры, когда все остальные уехали и она беспрекословно воцарилась в Имбере. Особое удовольствие доставляла ей полная беспомощность Майкла в домашних делах, и она как-то сказала ему, что ей нравится готовить для мужчины, который не считает, что умеет готовить лучше, чем она. Она держала дом в отменной чистоте, в конторе был порядок. Обойдя весь сад, она нашла в заброшенных уголках одичавшие осенние цветы и уставила холл и гостиную большими букетами росистых осенних маргариток и душистых хризантем, которые

бередили в Майкле воспоминания о детских каникулах, проведенных в Имбере.

Мало-помалу поместье приходило в разор. Огород продали на корню соседнему фермеру, и добрая доля урожая была сразу снята и увезена. Из дому потихоньку исчезала мебель — какая возвращалась в грузовиках людям, одолжившим ее, какая решительно увозилась сестрой Урсулой в ручной тележке в монастырь. Дамбу восстановили. Новый колокол краном извлекли из озера и без всяких церемоний ввезли на территорию монастыря. Теперь он был установлен на старой башне и чистым голосом возвещал о своем вознесении, что и услышали однажды поутру Майкл с Дорой, когда сидели за завтраком.

Странный, похожий на сон покой опустился на Имбер. Дни мало чем отличались друг от друга. За стол садились когда придется и часто засиживались подолгу. Когда светило солнце, двери распахивали и выносили на площадку тяжелый стол. Утра стояли туманные, днем воздух был влажный, мягкий, и в саду, испещренном темными полосами вскопанной земли, было тягостно-тихо. По ночам было холодно, небо было ясное, стылое, предчувствующее заморозки. Совы ухали рядом с домом. Камышевки улетели. И,

возвращаясь вечерами из часовни, Майкл видел мерцающий свет на балконе, и через озеро доносилась до него музыка Моцарта — это ставила пластинку Дора, проявившая неожиданный вкус к классической музыке.

Странные отношения установились в это время между Дорой и Майклом — какие-то неопределенные, томительные, они даровали Майклу покой и *douceur*[66]. Может, так было оттого, что оба они знали, что время на исходе. Среди прочих размышлений Майкл умудрился подумать и о будущем Доры, и немного погодя он спросил, не стоит ли ей возвратиться в Лондон.

Дора, едва только он затронул эту тему, сразу же проявила страстное желание поговорить с ним обо всем, и они поговорили. Она сказала ему, что не видит смысла в возвращении к Полу, во всяком случае сейчас. Она ведь опять сбежит от него. Да и Пол непременно будет изводить ее — так она и будет мыкаться, не зная, то ли ей покориться из страха, то ли дать отпор из чувства обиды. Она не скрывает, что сама во всем виновата, что ей вообще не надо было выходить за Пола. Она чувствует — по тому, как обстоят дела, — что не сможет

---

[66] Примечания: 66
Нежность *(фр.)*.

жить с Полом, пока не сможет быть в каком-то смысле равной ему, а желание укрепить свои позиции, став опрометчиво, да еще в теперешнем расположении духа, матерью его детей, у нее нет. Она испытывает потребность, а теперь и способность, жить и работать самостоятельно, стать наконец тем, кем никогда не была, — независимым взрослым человеком. Такие соображения, заметно волнуясь и оправдываясь, она изложила Майклу, явно ожидая, что он скажет, будто она должна вернуться к мужу.

Задумавшись, насколько было для него возможно, над проблемами Доры, Майкл не почувствовал в себе склонности сурово призвать ее к исполнению супружеского долга. Он понимал, что теперешние его взгляды еретичны, представления искажены, а право судить других подорвано. Но он подумал еще раз и пришел к тому же. Когда Дора с дрожью в голосе сказала, что возвращение к Полу смерти подобно, Майкл с печальной ясностью представил себе, что будет, если она и впрямь к нему вернется. Пола, конечно, было за что пожалеть, но человек он неистовый и грубый, и, коли верно, что Дора не должна была за него выходить, верно и то, что он не должен был жениться на Доре. Майкл

ограничился тем, что указал Доре на то, что она все-таки в какой-то мере действительно любит Пола и замужество ее — вещь очень серьезная. Важно и то, что Пол любит ее и нуждается в ней. Какие бы планы на ближайшее будущее она ни строила, она должна лелеять надежду на то, что может вернуться к Полу, если он по-прежнему будет желать этого. Все эти побеги ничего не дадут, пока она не обретет для себя достойной и независимой жизни, которая вдохнет в нее силу, необходимую для того, чтобы держаться с Полом на равных и перестать его бояться.

Какой может быть эта жизнь, они обсудили досконально. Дора в полуизвинительном тоне рассказала Майклу о своем мистическом опыте в Национальной галерее. Майкл предложил ей вернуться к занятиям живописью, и Дора согласилась, твердя, правда, при этом, как и ожидал Майкл, что способностей у нее ни на грош. Может, ей найти преподавательскую работу, которая оставляла бы и время для посещения художественного училища? Может, ей вернуться к учебе, которую она оставила, выйдя замуж за Пола? Проблема, где и на что ей жить, тоже затрагивалась. Майкл советовал ей оставить Лондон. Дора поначалу заявила, что не мыслит жизни

без Лондона, но потом ухватилась за эту идею и даже нашла ее увлекательной. Когда обсуждение вступило в эту стадию, пришло, ниспосланное провидением, письмо от Салли, подруги Доры, сообщавшее, что та получила хорошее место — вести уроки рисования в одной из школ в Бате, напала на очень приличную квартирку на двоих и теперь спрашивает: нет ли у Доры знакомых в Бате, которые помогли бы ей подыскать соседку по квартире? Тут и стало ясно, что Дора должна ехать в Бат, и Майкл отправил несколько писем, чтобы помочь ей получить стипендию для завершения учебы в этом городе. Очень маленькая стипендия была обещана, а вместе с ней Доре предложили преподавать в начальной школе. Это как нельзя лучше ее устраивало, и между ней и Салли шли восторженные телефонные переговоры.

По более позднем размышлении Майкл диву давался, как ловко помог он Доре устроить свою далекую от общепринятой будущность, ведь он почти не задумывался над сутью этого дела. Может, полнейшая его отчужденность от Доры да вызванная собственным его душевным состоянием странная, сломленная свобода и позволили ему действовать в ситуации, в которой обычно

он бы колебался или действовал иначе. Мудро ли он распорядился? Впрочем, может, и время этого не покажет. Но он верил, что теперь чуточку знает Дору. Она много говорила о себе, и по ее рассказам, без капли горечи, о неприкаянном детстве Майкл догадался о некоторых причинах теперешней ее сути. Никто не внушал ей, что нужно хоть сколько-нибудь ценить себя, поэтому она до сих пор и чувствовала себя непригодным для общества беспризорным существом, и то, что делало ее непритязательной, делало ее и безответственной, необязательной. Пол с его абсолютными требованиями, с его уничтожающими вспышками презрения и гнева был наихудшей парой, которую она могла для себя выбрать. Тем не менее Дора не оставляла надежды вернуться к Полу, надеялся на это и Майкл, хотя и прекрасно знал, что Джеймс, называя ее сукой, был прав и не похоже, чтобы ее кривая дорожка была близка к концу.

Дора по собственной воле вызвалась поговорить с матушкой Клер. Она виделась с матушкой Клер трижды и, кажется, осталась довольна, хотя и умалчивала, о чем они говорили. Говорили они, ясное дело, о происшествии на озере, после которого Дора стала безмерно восхищаться от-

важной монахиней-амфибией. Говорили они, как догадывался Майкл, и о будущем Доры. Он был рад, что монастырь вроде бы не ставил палки в колеса его планам относительно Доры и что ей явно не приказали немедленно возвращаться без всяких разговоров к мужу. Он и в случае с Дорой не видел смысла в том, чтобы силком втягивать ее в механизм греха и покаяния, который был чужд ее природе. Может, потом Дора и покается по-своему; может, по-своему и будет спасена.

Когда они побыли немного вдвоем, Майкл начал догадываться, что Дора чуточку влюблена в него. Было в ее взглядах, расспросах, манере обхаживать его нечто наводившее на эту мысль. Майкла это трогало, слегка раздражало, но никаким образом не пугало и не отталкивало. Он был благодарен Доре, потому что чувствовал, что она тот человек, которому он не может принести вреда. В ее любви было нечто смиренное и безнадежное, и это наверняка ей было внове. Майкл наблюдал за этой любовью почти что с нежностью и не делал ничего, чтобы сократить дистанцию между ними. Он делал так, чтобы она говорила о себе, и спокойно уклонялся от ее неуклюжих попыток перевести разговор на него. Ее неподозрительный и неискушенный ум,

конечно, не таил мысли о его наклонностях, и хотя Майкл догадывался, что Дора из тех женщин, которые относятся к гомосексуалистам с заинтересованной симпатией, открываться ей не намеревался. Чуть позже он начал понимать, что она воображает, будто он любит Кэтрин. Это было более удручающим. Майкла раздражали и мучили ее постоянные наводящие вопросы о Кэтрин, ее предположения, будто он ждет не дождется, когда его призовут ухаживать за ней. Но опять-таки лучше оставить при ней эти иллюзии.

Так и существовали они в полном согласии. Майкл знал, что Дора немного страдает из-за него, но чувствовал, что для нее это еще не изведанное и явно безвредное разнообразие.

Несмотря на все, а может, и именно поэтому, Дора за последние дни удивительно изменилась и расцвела. Майкл особенно почувствовал это ближе к концу, когда в конторе делать было уже нечего и он часто заставал Дору на озере, где та, сидя за старым пюпитром из Длинного зала, служившим ей мольбертом, делала акварельные наброски Корта — до отъезда она написала дюжины три-четыре акварелей. Теперь уже становилось холодно, и небо, хотя и по-прежнему облачное, часто прояснялось. На картинах Доры

небо за серебристым фронтоном Корта было сизо-серым и крапчатым, лимонно-желтым в полоску, тревожно-багряным и прозрачно-зеленым. Как чудесно перенесла все Дора, думал Майкл. Она, как обжора, поглотила все несчастья Имбера, и они только добавили ей плотности. Из-за того, что случились все эти ужасные события, ее, Доры, стало больше. Майкл со слегка презрительной завистью смотрел на это простое и здоровое создание, но тут вспомнил, как и сам в то последнее утро, когда собирался идти к Нику, цвел на чужом несчастье, пока не был сражен насмерть.

Однажды пришло письмо от Тоби. Он теперь совсем обосновался в Оксфорде. Майкл читал его письмо с облегчением. В неуклюжих фразах Тоби извинялся за свой поспешный отъезд, за неблагоразумные поступки, которые, как он надеялся, не причинили много бед. Он благодарил Майкла за его доброту, писал, как много значило для него пребывание в Имбере, писал, что очень огорчился, узнав из газет, что все они разъезжаются, но надеялся, что все устроится так же хорошо где-нибудь в другом месте. Но главное, что явствовало из письма, и это успокаивало Майклу душу, — для Тоби действительно вся эта история была закончена. Никаких намеков на муки вины,

ни тревожных дум, ни размышлений о душевном состоянии Майкла. Полный смысл случившегося в Имбере, по счастью, не дошел до Тоби, не мучило его сейчас и любопытство к тому, что минуло. Он был в новом чудесном мире, а Имбер стал для него уже историей. У него в Корпусе-Кристи[67] замечательная старинная комната, отделанная панелями, сообщал он Майклу. Он ее украсил изображениями средневекового колокола, которые вырезал из «Иллюстрейтед Ландон ньюс». Тьютор его был просто поражен, когда он рассказал ему, как он обнаружил колокол. Мерфи, между прочим, живется очень хорошо, он прекрасно освоился у его родителей. Здорово, не правда ли, придумал Питер — забрать Мерфи? А как ужасно печально и поразительно то, что случилось с Ником, — он до сих пор с трудом верит, что это правда. Майкл должен навестить его в колледже, если окажется как-нибудь в Оксфорде, и выпить с ним стаканчик шерри. Майкл улыбался, читая письмо, он был рад ему. Может, он и впрямь заедет когда-нибудь к Тоби, доставит тому удовольствие покрасоваться покровительственным отношением и сказать потом своим

[67] Примечания: 67

От англ. Corpus Christi; дословно с латинского — «Тело Христово». Один из колледжей Оксфордского университета.

друзьям, что это, мол, и есть тот самый старый хрыч, про которого он им рассказывал, тот самый, что приставал к нему — ну, там, где он нашел колокол.

Все эти мысли о Доре и Тоби лишь попеременно мелькали на поверхности сознания Майкла. В глубине души он был постоянно сосредоточен на другом. Боль, которую он ощутил, когда узнал, что Ник мертв, была такой невыносимой, что он поначалу думал, что не перенесет ее. В первые дни его утешало только сознание того, что он еще может покончить с собой. Такая боль не должна длиться. Он мог заниматься только тем, что касалось Ника, говорить только о Нике — когда вообще говорил. Он несколько раз перевернул все вверх дном в сторожке, искал хоть что-нибудь — письмо, дневник, — что мог бы истолковать как послание к себе. Он не мог поверить, что Ник ушел, не оставив ему ни слова. Он ничего не нашел. В печке лежали обугленные бумаги — останки, вероятно, последней корреспонденции, которую сжег Ник, — но они прогорели, и собрать их было нельзя. Дом ничего не открыл Майклу, пока он в отчаянье, слепой от слез, которые теперь то и дело сами собой набегали на глаза, рыскал по шкафу, чемоданам и карманам

пиджаков Ника.

За это время любовь его к Нику выросла каким-то дьявольским образом до невероятных размеров. Временами эта любовь казалась Майклу огромным деревом, которое прорастает из него, и его мучили страшные сны о раковых опухолях. Теперь образ Ника постоянно стоял у него перед глазами, часто он видел его мальчиком: вот он летает по теннисному корту, ловкий, сильный, скорый, и ощущает на себе взгляд Майкла. Временами Майклу казалось, будто Ник умер в детстве. Вместе с этими видениями приходило и нестерпимое физическое желание, а за ним и страстное стремление — столь всеобъемлющее, что казалось, оно исходит из всего его существа, — вновь обнять Ника.

Майкл несколько раз ходил к настоятельнице. Теперь, когда было уже слишком поздно, он рассказал ей все. Но сделать для него она уже ничего не могла, и они оба знали это. Майкл чувствовал себя настолько виновным в смерти Ника, как если бы нарочно переехал его грузовиком. Настоятельница не пыталась снять с него это чувство вины, но не могла и помочь ему жить с этим чувством. Он уходил, корчась от угрызений совести, раскаяния и снедавшей его изнутри любви,

выразить которую теперь уже не было способа. Теперь, когда было уже бесполезно, он вспомнил, как настоятельница говорила ему, что путь этот всегда вперед.

Ник нуждался в любви, и он должен был дать ему ту, которую мог предложить, не страшась ее несовершенства. Будь в нем больше веры, он бы так и поступил, а не высчитывал бы изъяны Ника да свои собственные. Припомнил Майкл и то, что с Тоби он был куда смелее, а поступал, видимо, все же неверно. Правда, никакого серьезного вреда Тоби он не причинил; к тому же и не любил он Тоби, как любил Ника, и не был за него в ответе, как за Ника. В такой великой любви должна быть крупинка добра, нечто, что, на худой конец, могло хотя бы привязать Ника к этому миру, дать ему какой-то проблеск надежды. Майкл с горечью принуждал себя вспоминать, как Ник, приехав в Имбер, обращался к нему и как всякий раз он отворачивался от него. Майкл боялся замарать руки, пекся о себе и своем будущем, тогда как вместо этого должен был открыть свое сердце, должен был пылко, самозабвенно, невзирая ни на что, разбить алавастровый сосуд мира драгоцен-

ного [68]. С течением времени Майкл попытался думать и о Кэтрин, бедняжке Кэтрин, которая лежала где-то в Лондоне, напичканная лекарствами, и не ведала об ожидающем ее ужасном пробуждении. Он думал о ней с огромной жалостью, но все же не мог избавиться от отвращения, которое вызывала мысль о ней. Он страшился письма, которое должно было призвать его к ней. Видимо, он с самого начала считал ее существование чем-то оскорбительным. Может, когда Ник впервые заговорил о ней, он почувствовал ревность? Он пытался припомнить. Он неожиданно обнаружил в себе самые дикие мысли: то желал, мечтал, чтобы Кэтрин умерла вместо Ника, то странным образом воображал, будто это она в каком-то смысле погубила брата. И все же жалел ее, сознавая с холодной печалью, что до конца своих дней будет заботиться о ней и чувствовать себя в ответе за ее благополучие. Ника больше нет, и, чтобы довершить его страдания, остается Кэтрин.

Прошла первая боль, и Майкл обнаружил, что он еще существует и мыслит. Боясь поначалу страдать слишком сильно, он потом боялся

---

[68] Примечания: 68
Евангелие от Матфея, 26:6–13.

страдать слишком мало или как-то не так. Как магнитом тянется человеческое сердце к утешению, и даже сама печаль под конец становится утешением. Майкл говорил себе, что не хочет жить дальше, не хочет пресытиться смертью Ника. Он тоже хочет умереть. Но смерть нелегка, и жизнь, подделываясь под нее, может победить. Он прикидывал: как бы думать о том, что произошло, так, чтобы не оставалось ему под конец ни спасения, ни облегчения. Ни на минуту не хотел он забывать того, что случилось. Этому хотел отдать свой ум. Он вспоминал о душах у Данте, которые нарочно остаются в очистительном огне. Вот оно, покаяние — думать о грехе, не превращая сами думы в утешение.

После смерти Ника он долгое время был совершенно не способен молиться. Действительно, у него было такое чувство, будто вера его одним-единственным ударом разбита или будто он и не верил никогда. Он так самозабвенно и отчаянно отдался мыслям о Нике, что мысль о Боге казалась ему насильственной и нелепой. Постепенно он немного отошел, но возрождать веру смысла не было. Он думал о религии как о чем-то далеком, во что он никогда особо не вникал. Смутно припоминал, что были некогда у него чувства,

переживания, надежды, только истинная вера в Бога ничего общего с этим не имеет. Он это понял наконец и бесстрастно ощущал это различие. Образец, к которому он стремился в своей жизни, существовал лишь в его романтическом воображении. На человеческом уровне образца нет вообще. «Как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» [69]. И когда он с горечью проникся беспощадностью этих слов, он сказал себе: Бог есть, но я в него не верю.

В конце концов на него снизошел некий покой. Так затравленный зверь, затаиваясь надолго в укрытии, впадает потом в некую спячку. Тихие дни проходили как сон. Закончив с делами, он усаживался с Дорой в трапезной, они без счета пили, чашку за чашкой, чай — на стол падали, источая сладкий томительный аромат сухих духов, лепестки вянущих роз — и говорили о планах Доры. Он наблюдал за Дорой, повернувшейся к жизни и счастью, словно сильное растение к солнцу, впитывающей все, что встречается ей на пути. И все время думал о Нике, пока не стал в мыслях как бы обращаться к нему с непрерыв-

[69] Примечания: 69
Книга пророка Исаии, 55:8–9.

ной, умоляющей, бессловесной речью, похожей на молитву.

Очень медленно возвращалось к нему чувство собственной индивидуальности. Уничтожающее чувство полной вины влекло за собой более вдумчивые и придирчивые воспоминания. Действительно, от него теперь мало что осталось. И уже не надо бояться, что он поднимется, зацветет на этом несчастье. Его подкосили под корень. Рефлексия, что находит оправдания и сочиняет надежды, теперь уже не могла прийти на помощь. Он вяло размышлял о себе самом: что он такое, со своей общей обидой на природу и исключительно неверным выбором? Когда-нибудь это, без сомнения, вновь станет иметь огромное значение и он еще раз попытается найти истину. Когда-нибудь он снова испытает, откликнувшись сердцем, ту безграничную потребность, которую одно человеческое существо испытывает в другом. Отвлеченно сознавая это, он спрашивал себя: удастся тогда ему это лучше или нет? Только, похоже, это совершенно ни к чему. Прошлого ничем не поправишь.

Никакой острой внутренней необходимости в молитве он не ощущал. Думал о себе со спокойствием конченого человека. Но что еще

оставалось ему от прежней жизни, так это месса. По прошествии первых недель он вернулся к ней и по зову колокола ранним утром ходил через дамбу сквозь белый туман, осторожно ступая по кирпичам, которые, казалось, горели у него под ногами в свете неразличимого солнца. Месса оставалась — не утешала, не поднимала духа, но была хоть чем-то реально существующим. Она более не была для него гарантией того, что все обернется к лучшему. Она просто существовала как некая чистая реальность, отдельно от его собственных мыслей. Он присутствовал на ней почти как зритель и с удивлением вспоминал: ведь было время, когда он думал, что настанет день и он сам отслужит мессу, и в день этот, казалось ему тогда, он умрет от счастья. День этот никогда не наступит, и чувства те ветхие, мертвые. Но кто бы ее ни служил, месса существовала, и Майкл существовал рядом с ней. Он теперь ничего не предпринимал, не тянулся ни к чьей руке. Пусть его найдут и извлекут — иначе ему не помочь. А может, ему вообще не помочь. Он думал о тех, перед кем провинился, и без конца, а может, и без смысла окружал их своим вниманием. И на грани, так сказать, полного неверия в нем вновь рождался самовлюбленный и беспо-

мощный вопль из «*Dies Irae*»[70]:

Quarens me, sedisti lassus;
Redemisti, Crucem passus;
Tantus labor non sit cassus[71].

Они вышли из такси, Майкл оплатил водителю дорогу туда и обратно, попросив его подождать и отвезти Дору обратно в Корт. Они прошли на станцию.

Накануне утром пришло то самое письмо, которого ждал Майкл. Миссис Марк сообщала ему, что Кэтрин намного лучше. В общем-то она кажется более или менее нормальной, хотя на этой стадии судить пока трудно. Конечно, он должен быть готов к тому, что она сильно изменилась. О брате она еще не спрашивала, и сочли, что лучше будет Майклу первым сообщить ей о смерти Ника. Посему присутствие его в Лондоне срочно необходимо.

Майклу сразу захотелось уехать. Дел у него

---

[70] Примечания: 70

«Тот день, день гнева» — начало средневекового церковного гимна, которым открывается вторая часть заупокойной мессы.

[71] Примечания: 71

Взыскуя меня, ты сидел изнуренный.
Искупил, претерпев крест.
Пусть же этот труд не будет тщетным (лат.).

в Корте больше не было. Ничто его не удерживало. День он провел за сборами и телефонными разговорами и приготовился к отъезду ранним поездом на следующее утро. Дора должна была уехать попозже, поездом, на котором она могла с одной лишь пересадкой добраться до Бата. Она позвонила Салли, чтобы та ждала ее поздно вечером.

Дора, с тревогой наблюдавшая за приходом каждого письма от миссис Марк, поняла по возбужденному состоянию Майкла — еще до того, как он что-либо сказал, — что письмо это то самое. Она печально, но с чувством неизбежности ожидала, когда кончится ее житье с Майклом. Она любила его с тихой, безропотной безнадежностью. После стольких страданий и жестокостей сама недосягаемость его утешала. И она не могла заставить себя испытывать ревность к такому странному и несчастному существу, как Кэтрин.

Она не сожалела, что решила не возвращаться к Полу. И оттого, что Майкл ее в этом поддержал, испытывала огромное облегчение — у нее будто камень с души упал. Полу она писала длинные объяснительные письма. Пол отвечал сердитыми разглагольствованиями, ультиматумами в телеграммах и телефонными звонками, которые

оканчивались всегда тем, что кто-то из них швырял трубку. По каким-то причинам, может быть, связанным с Майклом, он избавил ее от приезда собственной персоной. Он изложил ей — гораздо откровеннее, чем когда-либо прежде, — свою философию. Толковать ее двояко не приходилось. Дора относится к тому типу женщин, которым суждено то дразнить, то покоряться. Подразнила она его предостаточно, пора и покориться. Именно этого она и хочет, и она должна понять, что в этом ее истинное счастье. Независимость — это химера. Все, что произойдет, — она лишь заведет новую любовную интрижку. И стоит ли — раз она знает, что он без конца будет ждать ее, — обрекать его, а в общем-то и их обоих, на эти непрестанные и бессмысленные страдания? Он прекрасно понимает, что, когда она забьет себе голову какой-нибудь очередной фантазией, она холодна и безжалостна, но все-таки он взывает к ее здравому смыслу и к тем остаткам воспоминаний о том, как сильно она его любила. И кстати — может он теперь получить обратно те два письма, которые он ей давал?

Дору трогали, но не пронимали эти сообщения. Она обдумывала их и отвечала неуклюжими опровержениями. Она также пространно отве-

тила на письмо Ноэля. Ноэль извинялся за то, что побеспокоил ее своим появлением в Имбере. Теперь он понимает, что это было глупо. Жаль — если и ей жаль, — что газеты выставили Имбер на посмешище. Но ничего — правда свое возьмет. Его-то статья была подобающе сдержанной. Жаль ему — с той же оговоркой, — что Имбер закрывается. Однако это и хорошая весть — ведь, значит, Дора вскоре вернется в Лондон, и когда, ох, когда же они встретятся? За ней должок — ланч. Это он и имел в виду, когда говорил, что скучает по ней. Скучает он по ней и сейчас.

Дора ответила, что в Лондон не приедет. Когда-нибудь после она заглянет к Ноэлю. Теперь же она хочет побыть одна. Ей не хватает легкости его компании, но лихорадочного желания укрыться в его мирке она больше не испытывает. Она пыталась отвратить свои мысли и от Пола, и от Ноэля, и от Майкла. Это было нелегко. Она упаковала вещи, собрала все акварели, которые написала за последние несколько недель. Легла в постель, совершенно обессилев. Представила себе — как представляла каждую ночь — Пола, сидящего в одиночестве в своей роскошной квартире на Найтсбридже у белого телефона и ожидающего ее возвращения. Но последним ее воспоминани-

ем было то, что утром Майкл уедет и, когда они встретятся вновь, он, по-видимому, будет женат на Кэтрин. Она уснула в слезах, но то были тихие, утешающие слезы.

Утро, как всегда, было туманное. Они прошли по платформе и сели на лавку. Туман медленными высокими бурунами клубился по полотну, и полей напротив видно не было. Воздух был сырой и холодный.

— А пальто зимнее у вас с собой? — спросил Майкл.

— Нет. Осталось на Найтсбридже. Ничего страшного — я не мерзлячка.

— Надо бы все-таки купить. Не можете же вы проходить всю зиму в этом плаще. Дора, ну позвольте мне одолжить вам немного денег. У меня ведь есть.

— Ну что вы, не надо! Я прекрасно проживу на стипендию, к тому же теперь у меня будет еще и временная работа в школе. Как не хочется, чтобы вы уезжали. Во всяком случае, поезд из-за тумана опоздает.

— Надеюсь, он опоздает ненамного. Маргарет встречает меня в Паддингтоне. — Майкл глубоко вздохнул.

Дора тоже вздохнула.

— А мои акварели уместились?

Она отдала ему три своих наброска Имбера.

— Я их положил развернутыми на дно чемодана. Они мне очень нравятся. В Лондоне отдам их вставить в рамки.

— Они того не стоят. Но я рада, что вам они нравятся. Рисовать-то я, по правде, не умею.

Майкл не стал ее разуверять. Они посидели немного молча, вглядываясь в туман и прислушиваясь, не идет ли поезд. День был как ватой обложенный.

— Не забудьте отдать ключ сестре Урсуле перед отъездом, — сказал Майкл.

— А что, кстати, будет с Имбером? — спросила Дора. — Кому он принадлежит? Забавно, раньше меня это как-то не интересовало. Мне казалось, он просто принадлежит нам, и все.

— Вообще-то принадлежит он на самом деле мне.

— Вам?

Дора обернулась к Майклу. Она была изумлена. И в мгновение ока ее быстрое воображение представило Корт преображенным: пестрящий цветами сад, украшенный и устланный коврами Длинный зал, полный, согретый, людный дом, превратившийся в очаг для Майкла, Кэтрин и их

детей. Видение было мучительным.

— Это наше старое родовое поместье. Правда, многие годы мы не могли жить в нем. А что будет с ним? Оно будет в бессрочной аренде у монастыря.

— У монастыря? — У Доры вырвался вздох облегчения. — И что же они с ним будут делать?

— Жить в нем. Им давно не хватает места.

— Так что — Имбер-Корт окажется на территории монастыря? Дом, озеро — все-все?

— Да, полагаю, что так.

— Но это же совершенно ужасно!

Майкл засмеялся:

— Они просто поменялись ролями. В былые времена монастырь был диковиной на землях Корта. Теперь Корт будет диковиной на землях монастыря.

Дора встряхнула головой. Она представить себе не могла — как это Майкл может вытерпеть, чтобы не жить там, пусть даже место рушится у него на глазах. Туман прорезал далекий шум поезда.

— О господи, вот и ваш поезд.

Они поднялись. Поезд подъехал к платформе.

Народу в нем было мало, и Майкл сразу нашел пустое купе. Он поставил чемоданы, открыл окно и, выглянув из него, смотрел на Дору. Она, каза-

лось, вот-вот расплачется.

— Ну-ну, — сказал Майкл, — выше голову!

— Я знаю, я глупая, но я буду так скучать о вас. Ведь вы мне напишете и сообщите свой адрес?

— Ну конечно. До января я буду в Лондоне, а потом, до лета, в Нориче. Как бы там ни было, я сообщу, где буду.

Майкл нашел временную работу в общеобразовательной средней школе на весенний и летний семестры.

— Я напишу, — сказала Дора. — Можно я буду писать вам?

— Конечно.

— Передайте от меня привет Кэтрин. Я так надеюсь, что у нее все будет в порядке.

— Конечно передам.

Они стояли, глядя друг на друга и силясь придумать, что сказать. Дора видела, что на оконной рамке лежит его рука. Ей так хотелось накрыть ее своей, но она этого не сделала. Интересно, осмелится ли она его поцеловать, когда поезд тронется.

— Я ведь толком не поблагодарила вас за Бат. Если бы не вы, мне бы никогда это не удалось.

— Ну что вы. Я очень рад, что так вышло. Передайте от меня поклон Салли!

— Конечно! Вы знаете, мне просто не терпится попасть туда. Я никогда не бывала в западных графствах. Интересно, как я там приживусь… А что там пьют?

Лицо у Майкла вытянулось.

— Сидр западных графств.

— А он вкусный?

— Вкусный, только очень крепкий. Я бы на вашем месте не увлекался им излишне.

— Позвоню Салли — пусть заготовит большущий кувшин, и сегодня вечером мы будем пить за ваше здоровье сидр западных графств!

Дали свисток, поезд дернулся. Отчаянно вспыхнув, Дора привстала на цыпочки, нежно наклонила голову Майкла и поцеловала его в щеку. Похоже, он удивился. Потом поцеловал ее в ответ в лоб. Поезд тронулся, и через мгновение все еще машущий ей рукой Майкл скрылся в тумане.

Дора вытащила носовой платок и медленно пошла к такси. Она всплакнула, и сладкая печаль пронзила ей сердце. Как бы то ни было, с поцелуем все обошлось. Она села в такси и попросила шофера отвезти ее к входным воротам.

Пока она шла по аллее, туман начал рассеиваться, и впереди стал проглядывать Корт: колонны и купол его на солнечном свету были

четко очерченными, величественными, а серый свет на фоне бегущих по небу более темных облаков лучился, поднимаясь из затуманенной еще глади озера. Только окна казались Доре какими-то темными и пустыми, как глаза у того, кто вскоре умрет.

Она подошла к переправе — лодка по-прежнему оставалась на другом берегу, и в тумане ее видно не было. Дора потянула за веревку, чувствуя, как лодка тяжело, лениво движется к ней. Она выскользнула из тумана и ударилась о мостки. Дора села в нее и собралась было переправляться — Майкл научил ее управлять одним веслом, — но тут в голову пришла новая идея. Второе весло всегда лежало на всякий случай на пристани. Дора подняла его. Вставила оба весла в уключины, затем развязала фалинь, которым лодка крепилась к обеим сторонам переправы. Больше никто так переправляться не будет.

Она села в лодку, осторожно взялась за весла. Когда-то она умела грести. Ударив несколько раз с всплесками по воде, она обнаружила, что умеет и сейчас. Весла погрузились в воду, и лодка медленно заскользила по воде. Довольная, Дора дышала полной грудью, наслаждаясь гладким скольжением лодки, тишиной затуманенного

озера, которую нарушали лишь струйки воды, стекавшей с лопастей. Туман становился золотистым. Он начал рассеиваться, и Доре были видны и Корт, и высокие стены монастыря, к которым она плыла. Над Кортом непрерывно тянулись облака, но в зените небо было ясное, и солнышко стало согревать Дору. Она сбросила сандалии и свесила одну ногу в воду. Глубина больше не страшила ее.

Она смотрела на Корт. И не могла не радоваться, что Майкл с Кэтрин не будут жить здесь, и дети их тоже, и дети их детей. Скоро все это станет территорией монастыря, и больше никто этого не увидит. Этот зеленый камыш, эти зеркальные воды, эти недвижные отражения колонн и купола — все уйдет навсегда. Будто и впрямь — и мысль эта утешала, — когда она уедет отсюда, Имбер перестанет существовать. Но в этот миг — и он был последним — Имбер принадлежал ей. Она выстояла.

Она вынула ногу из воды и начала медленно грести вдоль озера. Колокол на башне зазвонил к *Nones* [72]. Дора едва слышала его. Для нее он уже звонил из иного мира. Сегодня вечером она

---

[72] Примечания: 72
Церковная служба в 3 часа пополудни.

будет рассказывать всю эту историю Салли.

1958